

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВОДИДАКТИКЕ**

**Сборник материалов
Всероссийской научно-методической конференции
с международным участием,
посвященной 65-летнему юбилею
Виктора Юрьевича Копрова**

21–22 октября 2016

**НАУКА-ЮНИПРЕСС
Воронеж • 2016**

УДК 811
ББК 81.2-2
С30

Редакционная коллегия:
Лебедева А.Л., Орехова Е.Е., Саввина С.Л., Филатова В.Б.

С30 Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике: сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященной 65-летнему юбилею Виктора Юрьевича Копрова (Воронежский государственный университет, 21–22 октября 2016 г.). – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. – 522 с.

ISBN 978-5-4292-0128-3

Сборник содержит материалы, в которых рассматриваются проблемы создания моделей функциональной грамматики и вопросы их использования в практике преподавания языков. В центре внимания находится практически ориентированная семантико-функциональная грамматика. Адресуется лингвистам, специалистам по межкультурной коммуникации, преподавателям русского и других языков как иностранных, переводчикам.

ISBN 978-5-4292-0128-3

9 785429 201283

© Коллектив авторов, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

9 сентября 2016 года исполнилось 65 лет доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета Виктору Юрьевичу Копрову.

К этому юбилею коллеги и ученики Виктора Юрьевича приурочили научно-методическую конференцию по грамматике, которой юбиляр занимается всю свою творческую жизнь.

В конференции изъявили желание участвовать 86 специалистов, занимающихся теорией и преподаванием грамматики русского и других языков как иностранных, проблемами межкультурной коммуникации и перевода, 40 из них – доктора филологических наук.

Свои доклады представили коллеги из Института русского языка РАН, Института языкоznания РАН, ВИНТИ РАН, из четырех московских вузов (МГУ, МГИМО, МГОУ, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), из Санкт-Петербургского государственного университета, РГПУ им. А.И. Герцена, из Казанского (Приволжского) и Северного (Арктического) федеральных университетов, из вузов Астрахани, Белгорода, Брянска, Волгограда, Ельца, Казани, Калуги, Краснодара, Липецка, Таганрога, Тамбова, Чебоксар, Ярославля, из шести университетов Воронежа (ВГУ, ВГПУ, ВГТУ, ВГАСУ, ВГМУ, Военно-воздушной академии), а также из Белоруссии, Венгрии и Испании.

Многие работы выполнены в рамках или с учетом разрабатываемой В.Ю. Копровым практически ориентированной модели семантико-функциональной грамматики разноструктурных языков. Основные ее положения изложены самим автором в статье, открывающей сборник.

Большинство докладов посвящено изучению и преподаванию грамматики разноструктурных языков как иностранных (русского, английского, французского, немецкого, испанского, китайского). В ряде публикаций в тесной связи с грамматикой рассматриваются вопросы изучения единиц других уровней языка.

В соответствии с основным содержанием статьи распределены по трем разделам: 1. Семантико-функциональная грамматика в контексте современной грамматической теории. 2. Семантико-функциональная грамматика и преподавание языков как иностранных. 3. Единицы семантико-функционального описания языков.

Редакционная коллегия

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Виктор Юрьевич Копров – известный ученый-лингвист и преподаватель русского языка как иностранного, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Воронежского государственного университета – отмечает свое 65-летие.

Вся трудовая деятельность Виктора Юрьевича связана с Воронежским государственным университетом.

Поступив в 1968 году на английское отделение факультета романо-германской филологии ВГУ, Виктор Юрьевич в 1977 году стал преподавателем кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ, на которой прошел все ступени научно-педагогической лестницы – от преподавателя до заведующего.

На протяжении последних пятнадцати лет Виктор Юрьевич отдает много времени и сил организации работы нашей кафедры, на которой обучаются русскому языку иностранные бакалавры, магистранты и аспиранты 15 факультетов университета. В условиях постоянно меняющихся ФГОС и учебных планов факультетов очень востребован почти сорокалетний педагогический опыт работы Виктора Юрьевича, накопленный в стенах родной кафедры, его организаторские навыки, приобретенные на должностях заместителя декана по работе с иностранными учащимися ВГУ, а также в Филиале Института русского языка им. А.С. Пушкина в Будапеште. Весь этот многогранный опыт заведующего способствует организации успешного обучения на нашей кафедре весьма сложного и неоднородного контингента – стажеров из многих стран Европы, Азии и Америки.

Виктор Юрьевич не только организует и координирует учебный процесс с сотнями иностранных учащихся университета на нашей кафедре, но и сам активно участвует в нем как высококвалифицированный преподаватель различных аспектов русского языка как иностранного. Среди разработанных им курсов особым успехом у стажеров пользуются новаторские спецкурсы: «Русский язык в зеркале родного языка иностранных учащихся», «Русский синтаксис в семантико-функциональном освещении», «Вариантные формы в русском языке», «Практический курс перевода», «Русский язык для делового общения» и другие. По материалам этих курсов в воронежских и московских издательствах регулярно издаются и переиздаются его учебные пособия.

Наш юбиляр удачно совмещает большую организаторскую и учебную работу с научно-методической деятельностью. Работая в составе Воронежской теоретико-лингвистической школы, основанной профессором З.Д. Поповой, он сформировал свое научное направление: «Семантико-функциональная грамматика разноструктурных языков», в

рамках которого уже изданы 5 монографий и защищены 6 кандидатских диссертаций, готовятся к защите седьмая кандидатская и первая докторская диссертации.

Основные положения развивающейся В.Ю. Копровым концепции изложены в 248 публикациях (из них 230 включены в РИНЦ), количество ссылок на них приближается к девятым сотням, а индекс цитирования составляет 11. Виктор Юрьевич прочитал около двухсот пятидесяти докладов на международных конгрессах, симпозиумах и конференциях разного уровня, что сделало его научные и методические идеи хорошо известными специалистам не только нашей страны, но и за ее рубежами.

В этом году в издательстве «ФЛИНТА. Наука» вышла его очередная монография: «Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков», в которой обобщаются итоги 45-летних научных и методических изысканий автора в этой области. Но русским и английским языками сфера интересов Виктора Юрьевича не ограничивается: в нее входит также грамматика венгерского, французского, испанского и немецкого языков.

В.Ю. Копров работает в двух докторских диссертационных советах при ВГУ: Д 212.038.07 (русский язык, теория языка) и Д 212.038.16 (романские языки, германские языки). Он является членом Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), входит в редколлегию ежегодного сборника статей по проблемам обучения иностранных учащихся «Поиск. Опыт. Мастерство».

Для нас Вы, дорогой Виктор Юрьевич, – авторитетный руководитель, талантливый ученый, уважаемый и любимый Учитель, образец работоспособности, честности, бескорыстности, принципиальности, высокой требовательности к себе, твердой жизненной позиции и творческого отношения к профессии преподавателя.

В лингвистике, методике и организации преподавания русского и других языков как иностранных есть еще много спорных и нерешенных вопросов, требующих приложения Вашего огромного жизненного, организаторского и педагогического опыта, напряженного научного поиска и плодотворного применения его результатов на практике.

Желаем Вам, уважаемый Виктор Юрьевич, неиссякаемой энергии, оптимизма, крепкого здоровья, семейного благополучия, новых научных достижений, способных учеников!

Ваши коллеги и ученики

К этим поздравлениям и пожеланиям присоединяются участники юбилейной конференции из 35 российских и зарубежных университетов.

**Копров В.Ю.
Koprov V.Yu.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ПРАКТИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННЫХ**
**SEMANTIC-FUNCTIONAL GRAMMAR IN MODERN LINGUISTICS
AND TEACHING FOREIGN LANGUAGES**

Аннотация. В статье дается краткий обзор основных функциональных подходов к описанию грамматики и указываются отличительные особенности разрабатываемой автором модели семантико-функциональной грамматики русского и других языков, ориентированной на их преподавание как иностранных.

Abstract. The article gives a brief survey of the main functional approaches to grammar and presents the differentiating points of the author's model of semantic-functional grammar of Russian and other languages, that can be applied to teaching them as foreign languages.

Ключевые слова: функциональный подход, семантико-функциональная грамматика, преподавание языков, русский язык, английский язык.

Key words: functional approach, semantic-functional grammar, teaching languages, Russian, English.

В последние десятилетия произошло смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы на коммуникативно-прагматическую. В этой формирующейся парадигме центральное место занимают функциональные описания языка. Функциональная лингвистика имеет уже несколько разветвлений, каждое из которых располагает сложившейся теоретической базой, понятийным аппаратом, отработанной методикой анализа и многочисленными реализациями, охватывающими большой языковой материал. Несмотря на актуальность, несомненные достоинства и довольно длительный период развития функциональной грамматики, как отечественные, так и зарубежные ее разновидности неоднократно подвергались критическому анализу (Гак 1985; Копров 2016; Мустайоки 2006; Foley 1984; Givón 1984; 1990).

Наша модель семантико-функциональной грамматики, ориентированная прежде всего на использование в практике преподавания языков как иностранных, разрабатывается уже на протяжении 45 лет.

Еще будучи студентом факультета романо-германской филологии, я заинтересовался популярной тогда трансформационной грамматикой английского языка и свою первую курсовую работу написал в этом ключе. В дипломной работе я опирался на новаторский труд по русскому синтаксису И.П. Распопова (Распопов 1970). Особенно меня за-

интересовали проблемы синтаксической синонимии и факторы, влияющие на **выбор** говорящим той или иной **синонимической конструкции** в процессе коммуникации.

По результатам студенческих исследований в соавторстве с научным руководителем Ю.В. Ушаковой была издана моя первая статья «Синонимия синтаксических средств выражения причинно-следственных отношений в современном английском языке» (Копров 1974) и позже созданы методические разработки для студентов, изучающих английский язык (Копров 1977; 1978).

Во второй половине 70-х годов прошлого века на передний план лингвистической теории выдвинулся **семантический синтаксис**. Поступив в аспирантуру к З.Д. Поповой и став преподавателем русского языка как иностранного, я продолжил исследования по сопоставительной семантике русского и английского синтаксиса. Защитив кандидатскую диссертацию на тему «**Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия**» (Копров 1980), использовал ее результаты в методических пособиях и в спецкурсах по грамматике русского языка как иностранного для англоговорящих стажеров (Копров 1982; 1983).

Работа в избранном направлении продолжилась. Ее результаты излагались на многочисленных конференциях, уточнялись в статьях, наиболее важные и спорные положения обсуждались с А.В. Бондарко, М.В. Всеволодовой, В.Г. Гаком, А.М. Ломовым, З.Д. Поповой, И.П. Распоповым и другими ведущими учеными, апробировались в учебном процессе с иностранными и российскими студентами.

Так, в основу нашей модели была положена высказанная В.Г. Гаком мысль о том, что **референтом высказывания является ситуация**, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент «сказывания» и обусловливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания. В объективной реальности человеческое сознание выделяет устойчивые элементы – материальные объекты (субстанции), но взятый в отдельности материальный объект еще не образует ситуации: о нем нельзя сказать, что он существует. Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Проанализированный автором обширный материал русского и французского языков позволил ему глубоко проникнуть в такие проблемы языкоznания, как соотношение между формами языка и мышления, соотношение между языком и действительностью, взаимодействие между различными уровнями языковой системы, причины изменений и вариативности в языке (Гак 1973, с. 358–364; 1998).

Наиболее полная, по нашему мнению, теория функциональной грамматики была представлена в многочисленных трудах А.В. Бондарко и его учеников и коллег. Разработав на материале категории аспектуальности общую теорию **функционально-семантических полей**, А.В. Бондарко распространил свой подход на описание всей грамматической системы языка. Анализируя высказывания, в которых заключен тот или иной комплекс категориальных ситуаций, исследователь стремился отразить существенные признаки семантических категорий в многообразии вариантов, представленных в речи. Тем самым данный тип анализа оказывается тесно связанным с моделированием речевой деятельности говорящего, с теорией перевода и с практикой изучения языков (Бондарко 1985; 2002).

Параллельно с указанной выше теорией успешно развивалась синтаксически ориентированная коммуникативная модель Г.А. Золотовой (Золотова 1973; 1982). За единицу описания синтаксиса здесь принимается синтаксема. Синтаксемы с предметным и с признаковым значением, вступая в предикативную связь, образуют **модель предложения с определенным типовым значением**. В коллективной монографии, продолжающей разработку русского функционального синтаксиса, выходящего в текст, рассматриваются, в частности, условия, в которых находится говорящий, его отношение к ситуации общения, интенции относительно сообщаемого, описываются речевые регистры (Золотова 2004). Работы Г.А. Золотовой и ее учеников – М.Ю. Сидоровой, Н.К. Онищенко и других – оказали большое влияние на становление и развитие наших взглядов на проблемы синтаксиса русского языка.

М.В. Всеволодовой, ее коллегами и учениками разрабатывается практическая **функционально-коммуникативная грамматика** русского языка. Эта модель грамматики представляет несомненный интерес для практики преподавания русского языка как иностранного, поскольку характеризуется тонкими наблюдениями над синтаксическим устройством предложения, а также над языковыми и коммуникативными «механизмами», обеспечивающими правильность речи и решение коммуникативных задач. В работах данного направления подчеркивается, что в основе формирования языковой и коммуникативной компетенции носителей русского языка лежит **освоение синтаксической парадигмы и вариативности** конструкций (Всеволодова 2000; Амиантова 2001).

Создавая свою модель функционального синтаксиса, А. Мустайоки выделяет коммуникативно-семантические сферы, объединяющие ядерные семантические структуры. Как отмечает автор, поле определенных языковых единиц образуется на основе их близости друг к другу с точки зрения **коммуникативных потребностей говорящего**. Говоря о возможностях использования функционального синтаксиса в приклад-

ных целях, ученый особо отмечает сопоставительные исследования и преподавание языков как иностранных (Мустайоки 2006).

На эффективность применения семантико-функционального подхода в преподавании синтаксиса русского языка как иностранного неоднократно указывала в своих работах К.А. Рогова (Рогова 1979; 2011).

З.Д. Попова моделирует синтаксис русского языка в терминах теории **синтаксических концептов**. Типовые синтаксические структуры, которые отражают в концептосфере человека связи и отношения явлений и объектов реальной действительности, – это, по мнению ученых, и есть синтаксические концепты. Используя полевой подход к описанию системных отношений в грамматике, З.Д. Попова разграничивает в поле русских синтаксических структур ядро и периферию (ближнюю, дальнюю, крайнюю) (Попова 2009).

В рамках **когнитивного подхода** описывают грамматику русского языка В.И. Казарина (Казарина 2002), О.А. Селеменева (Селеменева 2011) и другие, английского – Н.Н. Болдырев (Болдырев 2009; 2014) и многие другие ученые.

Ситуативный подход используют при разработке **композиционного синтаксиса** английского языка Д.Г. Богушевич и его ученики. В сферу композиционного синтаксиса входят семантический, формально-синтаксический и информативно-коммуникативный уровни предложения (Богушевич 2010; Иванова-Мицевич 2010).

Наиболее полный на данное время практический ориентированный вариант грамматики, адресованной **преподавателям русского языка как иностранного**, представлен в коллективном труде под редакцией А.В. Величко, в котором содержится не только описание традиционно выделяемых структурных типов предложения, но и раскрываются их семантические особенности и правила функционирования (Книга о грамматике 2004).

Таким образом, наша модель семантико-функциональной грамматики является составной частью современной функциональной лингвистики.

Итоги наших многолетних размышлений и изысканий в этой области нашли свое отражение в докторской диссертации и в ряде монографий (Копров 1999а; 1999б; 2000; 2010а), а также в сборнике статей «Грамматика разноструктурных языков» (Грамматика 2011).

В русле создаваемой модели защищена серия кандидатских диссертаций (Дедова 2002; Дурова 2012; Козюра 2007; Лебедева 2009; Сушкива 2007; Филатова 2015), готовятся к защите еще одна кандидатская и докторская диссертации. Выпущен первый том коллективной монографии (Семантико-функциональный синтаксис 2011), заканчивается работа над вторым томом.

Результаты научных исследований и опыт преподавания русского и английского языков как иностранных обобщены в недавно вышедшей монографии «Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков» (Копров 2016а).

Кратко перечислим ее основные **лингвометодические положения**.

1. Практические потребности (обучение иностранным языкам и перевodu) выдвинули на передний план необходимость выявления механизмов, обеспечивающих адекватное оформление языковыми средствами вычлененных языковым сознанием **предметных ситуаций**.

2. Поскольку одно и то же номинативное содержание может быть реализовано несколькими формами, в процессе коммуникации говорящий часто стоит перед проблемой выбора той вариантовой единицы, которая более всего соответствует как его речевой интенции, так и ситуации общения. То, что носитель языка получает в ходе своей социализации, неноситель языка должен получить в виде схемы выбора той или иной вариантовой формы. Поэтому одной из задач семантико-функциональной грамматики является **моделирование условий выбора** наиболее адекватной единицы из того вариантового ряда, который имеется в данном языке.

3. Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль **синтаксиса** в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка, поэтому в данной модели востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики.

4. Создание практически ориентированной семантико-функциональной грамматики требует, прежде всего, разработки типологии устройства и функционирования **предложения**, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в системе данного языка.

5. Предлагаемый нами семантико-функциональный подход к описанию синтаксиса разноструктурных языков имеет прямой выход в практику **преподавания языков как иностранных**, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов на иностранном языке путем усвоения семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных форм, категорий и конструкций.

6. Грамматика, ориентированная на применение в процессе преподавания языка как иностранного, должна использовать результаты **со-поставительных исследований** языков. Выявленные межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают в процессе овладения грамматикой изучаемого языка у учащихся той

или иной национальности. Часто подобные трудности обусловлены не отсутствием в языке-цели категорий, представленных в родном языке (языке-посреднике) учащегося, а различиями в семантике и функционировании форм, имеющихся в обоих языках.

Чем же **отличается** предлагаемая в нашей монографии модель от других, изложенных в монографиях и учебных пособиях по сопоставительной грамматике русского и английского языков?

Во-первых, грамматика в нашем понимании представляет собой не простую сумму морфологии и синтаксиса, противопоставленную лексике, а систему, в которой эти уровни взаимодействуют, выражая информацию о внеязыковой действительности. Центральной единицей такой грамматики является предложение-высказывание, поэтому в центре внимания находится описание его семантико-структурного устройства и функционирования.

Во-вторых, сопоставление ведется в направлении от русского языка к английскому, а не от английского к русскому, как во многих других работах.

В-третьих, по-новому решается ряд дискуссионных проблем, к которым относятся:

- разработка методики многоаспектного (поаспектного) анализа устройства и функционирования предложения-высказывания;
- применение критерия информативного минимума в семантико-структурной типологии простого предложения;
- замена традиционного деления предложений на односоставные / двусоставные на классификацию по количеству информативно обязательных актантов в структуре предложения;
- уточнение состава номинативных частей речи и входящих в них лексико-грамматических разрядов слов в сопоставляемых языках;
- проблема оптимального порога категоризации и субкатегоризации семантических актантов (субъекта, объекта, адресата, локализатора);
- соотношение категории личности / безличности с подлежащностью / бесподлежащностью русского и английского предложения;
- описание семантики и функций категории залога и возвратности в семантико-функциональном поле залоговости;
- взаимосвязь лексической и грамматической составляющих категорий определенности / неопределенности (обобщенности) семантических актантов;
- сопоставление устройства и функционирования простого предложения в русском и английском языках;
- поаспектное описание средств выражения важнейших типовых значений: субъектно-объектных, локативных, посессивных, определятельных и причинно-следственных отношений в двух языках;

— выявление особенностей русского официально-делового стиля на фоне английского.

Поскольку наша модель изначально предназначалась для использования в практике преподавания языков как иностранных, в ходе ее разработки происходила реализация основных идей и результатов в **учебных курсах и пособиях**, предназначенных для занятий с иностранными студентами по русскому языку и с российскими — по английскому (Копров 2001; 2006; 2010б; 2011; 2016б; 2016в; Программы учебных курсов 2010).

Таким образом, предлагаемая модель семантико-функциональной грамматики относится к актуальному в наше время **теоретико-прикладному (университетскому)** направлению. В отличие от чисто теоретических грамматик такая ее ориентация позволяет охватить больший объем фактического материала, дать практические рекомендации для преподавателей и привести примеры межъязыковых параллелей для переводчиков.

Литература

Амиантова И.Э. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы / И.Э. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всееволодова, Л.П. Клобукова // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. 2001. № 6. – С. 215–244.

Богушевич Д.Г. Первый этап развития композиционного синтаксиса / Д.Г. Богушевич // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 43–55.

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты / Н.Н. Болдырев. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Изд. 4-е, пер. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации системы и среды / А.В. Бондарко // Вопр. языкоznания. 1985, № 1. – С. 27–28.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 738 с.

Всееволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М.В. Всееволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349–372.

Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1985. – С. 5–15.

Грамматика разноструктурных языков: сб. научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 471 с. [Электронный ресурс] URL: http://koprav.ru/resources/monographs/Grammar_Studies_2011.pdf.

Дедова О.М. Предложения обладания в медико-биологических текстах / О.М. Дедова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 22 с.

Дурова Е.Н. Выражение процессуального состояния субъекта (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Дурова. – Воронеж, 2012. – 22 с.

Золотова Г.А. Очерток функционального синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 542 с.

Иванова-Мицевич И.В. Семантика английского предложения сквозь призму композиционного синтаксиса / И.В. Иванова-Мицевич // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол.: Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 128–141.

Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ им. А.И. Бунина, 2002. – 227 с.

Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособие / под ред. А.В. Величко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 816 с.

Козюра Т.Н. Возвратность в семантико-функциональном поле залоговости (на материале предложений с глаголами зрительного восприятия в русском и французском языках) / Т.Н. Козюра: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 151 с.

Копров В.Ю. Синонимия синтаксических средств выражения причинно-следственных отношений в современном английском языке / В.Ю. Копров, Ю.В. Ушакова // Теория и практика обучения иностранным языкам в высшей школе (неязыковые факультеты). – Воронеж: ВГУ, 1974. – С. 55–64.

Копров В.Ю. Синонимия синтаксических конструкций, выражающих причинно-следственные отношения в современном английском языке: Учебно-методическая разработка для студентов / В.Ю. Копров, Ю.В. Ушакова. – Воронеж: ВГУ, 1977. – 24 с.

Копров В.Ю. Синонимия синтаксических конструкций, выражающих временные отношения в современном английском языке: Учебно-методическая разработка для студентов / В.Ю. Копров, Ю.В. Ушакова. – Воронеж: ВГУ, 1978. – 28 с.

Копров В.Ю. Функционально-семантическое описание русских простых предложений с переходными глаголами физического действия: дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Копров. – Воронеж, 1980. – 192 с.

Копров В.Ю. Выражение субъектно-объектных отношений в современном русском языке: Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1982. – 32 с.

Копров В.Ю. Выражение отношений обладания и принадлежности в современном русском языке: Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1983. – 24 с.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1999а. – 160 с.

Копров В.Ю. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1999б. – 347 с.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для занятий с иностранными учащимися / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 120 с.

Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: Учебное пособие для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения / В.Ю. Копров. – 2-е изд., испр. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 136 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010а. – 328 с. [Электронный ресурс] http://koprav.ru/resources/monographs/Koprav_V_Semantic-Functional_Syntax_2010.pdf

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: учебное пособие / В.Ю. Копров. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010б. – 226 с. [Электронный ресурс] http://koprav.ru/resources/textbooks/Koprav_V_Russian_and_English_Syntax_2010_full.pdf

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: учебное пособие / В.Ю. Копров. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 168 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016а. – 348 с.

Копров В.Ю. Материалы для самостоятельной работы по русской грамматике иностранных учащихся медико-биологического направления / В.Ю. Копров, И.М. Сушкова, Е.Н. Фарха. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016б. – 104 с.

Копров В.Ю. Синтаксис русского языка для иностранных учащихся медико-биологического профиля: объектное и обстоятельственные отношения: Учебное пособие / В.Ю. Копров, И.М. Сушкова, Е.Н. Дурова. – М.: Русский язык. Курсы, 2016в (в печати).

Лебедева А.Л. Семантика и функционирование предложений с глаголами касания / А.Л. Лебедева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 24 с.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

Программы учебных курсов по дисциплине «Русский язык» для иностранных студентов, аспирантов и стажеров / под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010. – 121 с.

Распопов И.П. Строение простого предложения в русском языке / И.П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.

Рогова К.А. Семантический аспект в описании односоставных предложений / К.А. Рогова // Русский язык для студентов-иностраницев. Сб. метод. статей. – № 18. – М., 1979. – С. 31–38.

Рогова К.А. Фактор времени как классификационный признак односоставных предложений / К.А. Рогова // Грамматика разноструктурных языков: сборник статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 336–343.

Селеменева О.А. Простые предложения со значением «состояние природы» в русском языке: структура, семантика и специфика реализации в речи: монография / О.А. Селеменева. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – 182 с.

Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис: Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, А.Л. Лебедева, О.М. Дедова, И.М. Сушкова / [под ред. В.Ю. Копрова]. – Воронеж: Издательство НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – 263 с. [Электронный ресурс] http://koprov.ru/resources/monographs/Subject-Object_Relations_2011.pdf

Сушкова И.М. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности (на материале русского и английского языков) / И.М. Сушкова: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 185 с.

Филатова В.Б. Семантика и функционирование локативно-посессивных предложений с местоименно-инфinitивным оборотом: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Б. Филатова. – Воронеж, 2015. – 20 с.

Foley W.A., Functional Syntax and Universal Grammar / W.A. Foley, R.D. Van Valin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 416 p.

Givón T. Syntax: a functional-typological introduction / T. Givón. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Co. 1984. Vol. 1. – 464 p.; 1990, vol. 2. – P. 465–1017.

ЧАСТЬ I. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

**Алексеева Е.А.
Alexeeva E.A.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

ЗАВИСИМОСТЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ОТ УСЛОВИЙ ИХ СИНТАКСИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

DEPENDENCE OF LEXICAL-SEMANTIC PROPERTIES OF THE LANGUAGE UNITS FROM CONDITIONS OF THEIR SYNTACTIC USAGE

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации лексико-семантических параметров элементов простого двусоставного французского предложения, содержащего второе признаковое сказуемое. Определяются лексико-семантические ограничения, присущие репрезентантам таких конструктивных элементов предложения, как первое сказуемое, подлежащее, второе признаковое сказуемое, которые обусловлены введением в состав предложения второго признакового сказуемого.

Abstract. The article discusses the features of the implementation of the lexical-semantic parameters of elements of a simple two-part French sentence containing the second attributive predicate. It describes the lexical-semantic constrictions inherent to the presentants of such structural elements of the sentence, as the first predicate, the subject, the second attributive predicate, which are caused by the introduction into the sentence of the second attributive predicate.

Ключевые слова: признаковое предложение, второе признаковое сказуемое, семантико-функциональная классификация предложения, семантико-функциональная классификация сказуемого, признаковая квалификация.

Key words: attributive sentence, second attributive predicate, semantic functional sentence classification, semantic functional predicate classification, attribute classification.

Современный этап лингвистической науки характеризуется поиском интегрированного подхода к объяснению устройства языка, что способствует развитию различных моделей грамматики. Одним из продуктивных направлений является разработка семантико-функциональной модели грамматики. В.Ю. Копров отмечает, что синтаксис играет ведущую роль в семантико-функциональной модели грамматики, которая предстает в виде «системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка, поэтому в данной модели востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики» (Копров 2016, с.11).

Целью нашего исследования является выявление особенностей взаимодействия лексики, семантики и синтаксиса в предложениях, содер-

жащих прилагательное, употребленное в определенной синтаксической конструкции, а именно в позиции второго признакового сказуемого во французских предложениях типа *Ils reviennent très contents* (*Они вернулись очень довольные*). Материалом для исследования послужили примеры, извлеченные из произведений французских писателей 19-20 веков и периодических изданий.

Для уточнения сущности функции и свойств прилагательного в изучаемой позиции обратимся, прежде всего, к описанию его функционирования в позиции автономного признакового сказуемого в составе двусоставного признакового предложения *Ils sont très contents* (*Они очень довольные*). В данном типе предложения, выделенного в рамках семантико-функциональной классификации предложений, предмет-подлежащее определяется посредством указания на его значимые признаки, заключенные в сказуемом (Ломов 1994). В основе выделения двусоставных признаковых предложений лежит понятие признака, под которым понимают категориальное значение языковых единиц, содержащее в себе указание на свойства и качества предметов. В исследуемых предложениях признак, заключенный в сказуемом, выступает как атрибут, входит в феноменологический фонд предметов, указывает на различные аспекты предмета, заключенного в подлежащем: *цвет: Cette autre pièce était également obscure et muette, quelqu'un y dormait paisiblement* (Queneau); *эмоциональное состояние: Il est très secoué, mais les médecins disent qu'il va récupérer assez vite* (Jonquet); *размер: La nuit était jeune, elle était immense et glacée, les prunelles des dieux luisaient* (Le Clézio); *признаки предметов: La fanfare éclata plus stridente* (Zévaco); *L'air de la chambre me parut vicié, irréel* (Vian); *Il rentrait trempé, traversé* (Céline); *Il est toujours pataud, comique et vague* (Mirbeau).

Однако признаковое сказуемое, как и другие типы сказуемых, может выступать не только в автономной позиции, но и в позиции второго признакового сказуемого (*Ils reviennent très contents*), где оно, входя в состав базисной пропозиции, относится одновременно и к подлежащему, и к сказуемому матричного предложения, то есть первому сказуемому (Алексеева 2010; Щербакова 2015). Как и в случае употребления автономного признакового сказуемого, конструкции, содержащие второе признаковое сказуемое, строятся на основе механизма признаковой квалификации предмета, который реализуется феноменологическим способом, указывающим на параметры, выделяющие предмет-подлежащее из ряда ему подобных. Второе признаковое сказуемое обозначает квалифицирующий признак, приписываемый предмету-подлежащему и реализуемый на фоне какого-либо совершающего им действия.

Взаимодействие синтаксиса, лексики и семантики в рамках предложений, содержащих второе признаковое сказуемое, проявляется в том,

что наличие второго признакового сказуемого накладывает определенные ограничения на функционирование содержащих его конструкций. Эти ограничения будут проанализированы нами в плане обнаружения особенностей 1) презентации второго признакового сказуемого, 2) лексико-семантических свойств репрезентантов подлежащего, 3) лексико-семантических свойств первого сказуемого, 4) типов семантических отношений, устанавливаемых между первым и вторым сказуемыми.

При описании **характера презентации второго признакового сказуемого** учитывается специфика набора его репрезентантов и их лексико-семантического наполнения.

Основным средством презентации второго признакового сказуемого является качественное прилагательное и причастие прошедшего и, реже, настоящего времени с ослабленным глагольным значением, морфологически наиболее приспособленные для обозначения признака в общем виде. Набор возможных репрезентантов здесь сокращен по сравнению со способами выражения автономного второго признакового сказуемого. Так, здесь представлены в основном качественные прилагательные (и причастия с квалифицирующим значением), в том числе так называемые прилагательные-«операторы» (т.е. прилагательные, которые могут иметь в качестве дополнения инфинитив или придаточное предложение), тогда как относительным прилагательным эта позиция не свойственна. Также здесь могут употребляться некоторые порядковые числительные. Ограничения в способах выражения второго признакового сказуемого объясняются выполняемой им функцией.

Как уже отмечалось, квалифицирующий признак характеризует предмет в тот момент, когда совершается действие, признак сопутствует действию. А поскольку этот сопутствующий действию признак есть некоторое состояние предмета, мы говорим о значении сопутствующего состояния, выражаемом вторым признаковым сказуемым и составляющим его особую семантическую разновидность. Выражение значения сопутствующего состояния и накладывает определенные ограничения и проявляется в том, что здесь могут использоваться репрезентанты, обозначающие такой признак, который обладает способностью быть временным, преходящим. И с этой точки зрения здесь оказывается исключенной возможность употребления таких слов, как, например, *pareil, ancien, matinal, commun, vertical* и др.

Лексико-семантические свойства репрезентантов второго признакового сказуемого проявляются в двух планах: внутреннем и внешнем.

Внутренняя семантика репрезентантов изучаемого типа сказуемого зависит от особенностей представления ими признака предмета подлежащего и, как показывают наши наблюдения, распределяется по

двум основным группам: 1) представление внешних признаков предмета-подлежащего; 2) представление внутренних признаков предмета-подлежащего. Каждая из указанных групп структурируется определенным лексическим наполнением репрезентантов.

Так, внешние признаки предмета определяются на основе следующих параметров, представленных с помощью второго признакового склоняемого: размер: *La pluie tombait petite et fine* (Merle). *La lune se levait large et rouge* (Mérimée); *Le même homme lui apparut moins gros, plus jeune* (Maupassant); внешнее покрытие: *Daniel est venu enfin vivant, poussiéreux, sale* (Triplet); *Marc surgit de l'auto tout trempé* (Cardinal); физическое состояние: *Il est rentré vivant* (Télérama); *Il a travaillé toute la journée malade* (LF); *Matéo fit feu, et Fortunato tomba mort* (Mérimée); возраст: *Il s'est marié très jeune* (Paris-Match); *Le mamifère qui a vécu le plus vieux* (78 ans) *est un éléphant d'Asie* (Espaces II); цвет: как собственно цвет: *La lune se leva large et rouge* (Maupassant), и как отражение внутреннего состояния человека: *Elle monta au second étage pâle comme si elle fût allée à la mort* (Stendhal); *Elle se redressa toute rouge et le regarda en lui tendant la main* (Flaubert); *Cécile apparut toute rose sur le seuil de la chambre* (Triplet); очередность действия: *Elle rentre la première à la maison* (Cardinal); *La physionomie vieillit la première chez la plupart des jolies femmes* (Stendhal); количественная характеристика предмета или лица, выступающего в качестве субъекта действия: *Les voitures roulent très nombreux* (Le Monde); *Venez nombreux!* (pub.); *Nous partîmes cinq cents* (Corneille); *Elles sont parties toutes les trois* (Sartre); *Nous irons tous* (Métro); *Michel est venu seul à cette fête, il venait partout seul* (Triplet).

Внутренняя характеристика лица, заключенного в подлежащем, неоднородна. Во-первых, она отражает эмоциональное, душевное состояние, настроение лица, не имеющие внешнего обнаружения. Это, прежде всего, такие ощущения и настроения, как свобода, счастье: *Julien conduisait les deux amies libre, heureux et jouissait de leur admiration pour ces aspects sublimes* (Stendhal); *Ses camarades rentraient victorieux* (Aragon); восхищение, любовь: *Les Parisiens retournent admiratifs* (Triplet); *Le village entier a ri amoureux de cette Martine-perdue-dans le bois* (Triplet); грусть, неуверенность, стыд: *Georges Duroy se réveilla triste le lendemain* (Maupassant); *Les noirs qui l'entouraient reculèrent intimidés* (Mérimée); *Madeleine lui sourit gênée* (Troyat); *Il ne bougea pas honteux de safaiblesse, car il la détestait en ce moment* (Troyat); усталость, опустошенность, болезнь: *Il est revenu malade* (LF); *Elle est rentrée fatiguée* (Vercors); *Il est parti complètement éperdu* (Verne); *La foule glissait autour de lui exténuée et lente* (Maupassant); удивление, мышление, заинтересованность: *Il alla se promener pensif dans le jardin* (Stendhal); *Je rentrai dans ma chambre très intrigué* (Verne); *Il nous mène sérieux* (Sagan); *L'Allemand*

lui fit face à la fois étonné et amusé (Sanitas); готовность к восприятию чего-либо или к совершению действий: *Je me tiens prêt à toute éventualité* (Robbe-Grillet).

Во-вторых, внутренняя характеристика предмета-подлежащего может представлять такие эмоции, которые предполагают их проявление в поведении или внешнем виде (выражение лица, жесты, движения и т. д.): *Qu'est-ce que tu dis? Balbutia Françoise suffoquée* (Troyat); *Brigitte arriva essoufflée* (Sanitas); *Où plutôt de quoi mourrai-je? s'écria Simon de plus en plus exaspéré* (Robbe-Grillet); *Elle partit radieuse* (Troyat).

Границы между этими двумя подгруппами поддерживаются семантикой глагола, употребленного в первом сказуемом. Так, например, при глаголах говорения и эмоционально маркированных глаголах движения внутреннее состояние лица обычно находит свое внешнее обнаружение. Но иногда эти границы оказываются размытыми, и без специальной контекстной поддержки трудно определить, имеют ли в данной ситуации внешнее проявление такие эмоции, как радость, возмущение, удивление: *Le vigneron entra joyeux* (Balzac); *Je raccroche fureuse contre Sophie, contre les enfants, contre tout le monde* (Cardinal); *Elle le regarda étonnée* (Troyat).

Внешний план лексико-семантических свойств репрезентантов определяется ролью выражаемого ими признака в логико-смысловой структуре высказывания. Внешняя семантика репрезентанта исследуемого типа сказуемого связана с понятием информационного объема высказывания, содержащего признаковую пропозицию, и распределением этого объема между первым и вторым сказуемым. Как и другие типы второго сказуемого, второе признаковое сказуемое участвует в ранжировании, иерархичном представлении информации об окружающей действительности.

Достаточно распространено мнение, что в конструкциях с включенным вторым сказуемым значение глагола-выразителя матричного сказуемого ослабевает. Мы считаем, однако, что здесь идет речь не об ослаблении значения, а о соответствующем способе распределения информации. Для информационных блоков, репрезентированных первым и вторым сказуемым, характерна различная информационная насыщенность, значимость. В нашем случае значение глагола первого сказуемого сохраняется, но отходит на второй план, уступая место признаковой пропозиции. То есть, в сказуемостном комплексе признаковая пропозиция оказывается более значимой с содержательной точки зрения, чем действие, которое служит фоном для проявления признака. Большая информативная насыщенность признака способствует тому, что он выступает здесь в качестве собственно ремы.

Рематический характер признаковой пропозиции подтверждается результатом теста на отрицание. Отрицательная форма глагола во фразе *Il n'est pas parti content* (досл. *Он не уехал довольный*), которая является производной от *Il est parti content* (*Он уехал довольный*), демонстрирует, что характеристика, заключенная в признаковой предикации, является ремой высказывания, определяя его дальнейшее развитие. Здесь отрицание, которое в соответствии с общим правилом выражения отрицания во французском языке должно относиться к глаголу-репрезентанту первого сказуемого, содержательно относится к признаку субъекта – оно отрицает наличие этого признака у субъекта в момент совершения им действия: *Il est parti mais il n'était pas content* (досл. *Он уехал, но он не был довольным*). Поскольку признак здесь является объектом отрицания, предмет-подлежащее характеризуется отрицанием качества, содержащегося во втором признаковом сказуемом, в рамках реализуемого в первом сказуемом действия. Пресуппозиция *Il est parti* (*Он уехал*) представляет собой пространственно-временную рамку для утверждения довольства / недовольства субъекта.

В сфере репрезентации подлежащего предложения исследуемого типа взаимовлияние лексики и синтаксиса проявляется в следующих закономерностях. Так, из двух существующих вариантов способов репрезентации именных членов предложения – собственно-предметном и ситуативно-предметном – здесь подлежащее реализуется в собственно-предметном варианте, и основным средством его выражения является непропозитивное имя существительное. Чаще всего в этой позиции употребляются имена существительные собственные, одушевленные: *Duroy le regardait surpris* (Maupassant); *Matéo fit feu et Fortunato tomba mort* (Mérimée); *Daniel surgit tout trempé* (Troyat); нарицательные конкретно-предметные (одушевленные и неодушевленные): “*Nous protestons!*” dit *le conférencier furieux* (Tournier); *Tamango releva fièrement la tête et les noirs qui l'entouraient reculèrent intimidés* (Mérimée); Seuls émergent de la pénombre *la robe de gaz blanche*, les cheveux blonds, la pâleur du visage (Robbe-Grillet); *La lune se leva large et rouge* (Mérimée); собирательные: *Le village entier a riamoureux de cette Martine perdue-dans-le bois* (Triolet); *Le public écoute silencieux* (Boule); *La foule glissait autour de lui exténuée et lente* (Maupassant).

Сituативно-предметное подлежащее, встречающееся гораздо реже, представлено пропозитивными существительными, обозначающими явления, действия, состояния: *L'angoisse montait en moi inexorable* (Robbe-Grillet). ...*l'ombre nous guide impalpable et stérile* (Freelance Crédation); *Le son de ma propre voix sonne étrangement faux pour moi-même* (Robbe-Grillet); *La pluie tombe petite et fine* (Merle).

В сфере лексического выражения **репрезентантов первого сказуемого** в предложениях, содержащих второе признаковое сказуемое, также обнаруживаются определенные ограничения. Второе признаковое сказуемое может употребляться в сочетании с первым сказуемым, на выражение которого ориентированы три семантические группы глаголов: 1) глаголы с общим значением движения; 2) глаголы с общим значением действия; 3) глаголы с общим значением состояния.

Среди глаголов первой группы можно выделить следующие подгруппы:

- глаголы с общим значением движения (или его прекращения): *Michel est venu seul à cette fête* (Triolet); *Ils en reviennent très contents* (Boulle); *Brigitte arriva essoufflée* (Sanitas); *Elle est partie éperdue* (Verne); *Elle rentre la première à la maison* (Cardinal); *Martine descendit l'escalier et s'arrêta à la dernière marche curieuse et gênée* (Triolet); *Le vigneron entra joyeux* (Balzac); *Il alla se promener pensif dans le jardin* (Stendhal);

- глаголы, передающие характер движения: *Elle se traînait la dernière* (Clavel); *Elle surgit indignée de sa chambre* (Merle); *La foule glissait autour de lui exténuée et lente* (Maupassant); *Le colonnel gravit le parapet le premier* (Mérimée); *Les autos, les camions roulaient très nombreux* (Le Monde);

- глаголы, передающие направление действия, движения: *Les noirs qui l'entouraient reculèrent intimidés* (Mérimée); *Elle se redressa toute rouge* (Flaubert); *Les Parisiens retournent admiratifs* (Triolet); *Je refusai son aide, puis je gagnai seul la salle à manger* (Merle); *Tamango fit feu, et l'esclave tomba mort à terre* (Mérimée); *Elle monta au second étage pâle comme si elle fut allée à la mort* (Stendhal); *Il se retourna étonné vers Gilbert* (Renard); *Le grand tyran meurtrier de l'Afrique, le soleil, se leva superbe sur un horizon clair* (Maupassant);

- глаголы со значением направленного, ориентированного действия: *Il nous mène impassible et sérieux* (Freelance Création); *Julien conduisait les deux amies libre, heureux* (Stendhal); *Veut-il me rendre jaloux!* (Renard).

Глаголы второй группы (не очень многочисленные) передают действия конкретно-физического характера: *Je raccroche furieuse contre Sophie, contre les enfants, contre tout le monde* (Cardinal); *C'est Nicole qui, la première a fait signe au jeune homme* (Sanitas); *Il jouera seul et ce qu'il voudra* (Rolland); среди которых можно выделить говорение: *Moi, les gronder? dit Julien étonné, et pourquoi?* (Stendhal); *Qu'est-ce que tu dis?*; *balbutia Françoise suffoquée* (Troyat); *Ouplutôt, de quoi mourrai-je?*; *s'écria Simon de plus en plus exaspéré* (Robbe-Grillet); *L'enfant répéta tout confus: «Simon»* (Robbe-Grillet); восприятие (видение, слышание): *Elle le regarda étonnée* (Troyat); *Le public écoutait silencieux* (Boil.-Narc.); и

действия абстрактно-ментального и эмоционального характера: *Duroy hésitait perplexe* (Maupassant); *Madeleine lui sourit gênée* (Troyat); *Le village entier a ri amoureux de cette Martine-perdue-dans le bois* (Triplet).

Глаголы третьей группы характеризуют состояние предмета-подлежащего: *Le contenu de ces ordres est gardé secret* (Le Monde); *L'endive se déguste crue ou cuite... et se conserve fraîche longtemps* (Modes&travaux); *Son père était assis seul, dans un fauteuil et tenait un journal ouvert* (Troyat); его бытие, возникновение бытия: *Tout le monde vivait heureux et uni, dans l'appartement de la rue Bonaparte* (Troyat); *Marie vit heureuse à Paris* (Cardinal); *Cécile apparut toute rose sur le seuil de sa chambre* (Triplet); изменение его состояния: *La physionomie vieillit la première chez la plupart des jolies femmes* (Stendhal); *Georges Duroy se réveilla triste le lendemain* (Maupassant); его местоположение: *Subitement Françoise se trouva seule avec Nicolas au milieu du silence et du désordre* (Triplet); *A table, il se trouva assis en face de Carole* (Triplet).

Взаимовлияние семантики и синтаксиса проявляется также и при анализе **семантических типов отношений**, возникающих между первым и вторым признаковым сказуемыми в изучаемом типе предложений.

Второе признаковое сказуемое обозначает признак, квалифицирующий предмет-подлежащее в момент совершения им каких-либо действий, указывающий на неотделимое качество предмета-подлежащего в данной ситуации. Данный признак носит в основном временный, преходящий характер. Он возникает и развивается самостоятельно, вне зависимости от логики высказывания, от действия, представленного первым сказуемым, не является его следствием и связан с ним только по времени протекания.

Квалифицирующий признак проявляется во время совершения действия глагола и сопутствует ему во время этого временного периода. В связи с этим у данного типа второго сказуемого складываются с матричным сказуемым хронологические отношения, которые вернее будет охарактеризовать как таксисные, ввиду того, что они определяют временное положение действия матричного сказуемого и квалифицирующего признака относительно друг друга. Обычно хронологические отношения реализуются в двух разновидностях – одновременность и неодновременность. Однако в конструкциях с включенным вторым признаковым сказуемым, ввиду их свойства отражать квалифицирующий признак, сопутствующий действию, фиксируются только таксисные отношения одновременности. Отношения одновременности предполагают обычно два варианта – полную одновременность и неполную одновременность, которые находят свою реализацию в изучаемом типе сказуемого.

В первом случае наблюдается полное совпадение протекания действия матричной пропозиции и признака признаковой пропозиции, ко-

торое предполагает употребление в первом сказуемом, служащим фоном для развертывания признака, либо глаголов с непредельным значением, обозначающих длительное незавершенное действие: *Duroy le regardait surpris* (Maupassant); *La foule glissait autour de lui exténuée et lente* (Maupassant); либо глаголов с предельным значением, обозначающих завершившееся действие: *La lune se leva large et rouge* (Mérimée); *Daniel surgit tout trempé* (Troyat).

В случае неполной одновременности реализации матричной и признакомой пропозиций признак возникает либо раньше действия и существует какое-то время до его наступления: *Daniel est venu vivant, poussiéreux, sale* (Triolet); *Brigitte arriva essoufflée* (Pagnol); либо одновременно с действием и длится после его окончания: *Il se réveille triste* (Maupassant). Эти различия, существующие в объективной действительности, не получают в исследуемых конструкциях специального выражения, так как информация, по замыслу говорящего, касается лишь того периода существования признака, который совпадает по времени с действием.

Проведенное исследование демонстрирует, что языковая единица, взятая в изолированном виде, обладает широким набором лексико-семантических свойств, однако их конкретное проявление всегда зависит от того, в какой синтаксической позиции она используется. Таким образом, если на предыдущих этапах изучения свойств языковых единиц были проведены глубокие, детальные исследования, направленные на исчисление всего инвентаря морфологических, лексических, семантических свойств частей речи, то на нынешнем этапе интерес лингвистов все больше фокусируется на изучении манифестации этих свойств применительно к определенной синтаксической функции анализируемой единицы.

Литература

Алексеева Е.А. К вопросу о выделении второго и второстепенного сказуемых (на материале французского языка). Древняя и новая Романия / Е.А. Алексеева // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке (под ред. М.А. Марусенко – СПб., 2010. – С. 109–121.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 277 с.

Щербакова А.В. Синтаксическая и семантическая квалификация абсолютной конструкции во французском языке / А.В. Щербакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2015. – № 10–2 (52). – С. 205–208.

**Богушевич Д.Г., Иванова-Мицевич И.В.
Bogushevich D.G., Ivanova-Mitsevich I.V.**

*Минский государственный лингвистический университет
Minsk State Linguistic University*

**Зеленков В.В.
Zelenkov V.V.**

*Белорусский государственный педагогический университет
Belorussian State Pedagogical University*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ОТРАЖАЮЩИХ
ПСИХИЧЕСКОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА
HISTORICAL PECULIARITIES OF ENGLISH SENTENCE
DEVELOPMENT EXPRESSING MENTAL AND PHYSICAL STATE
OF A HUMAN**

Аннотация: В большинстве европейских языков, в том числе и в древнеанглийском, предложения, отражающие физическое и психическое состояние человека, строятся так, что носитель состояния находится в зависимой позиции. В современном английском языке носитель состояния занимает позицию подлежащего. Это изменение произошло в конце XV – начале XVI веков и явилось последним этапом в переходе к антропоцентрической системе отражения мира в английском языке.

Abstract: The majority of European languages, including Old English, form the sentences reflecting physical and mental state of a human, placing the bearer of the state in the dependent position. Modern English places the bearer of the state in the subject position. This alteration happened at the end of XV and at the beginning of XVI cc., and was the last stage of transforming into anthropocentric system of reflecting the picture of the world in English.

Ключевые слова: английский язык, денотативная область, композиционный синтаксис, центр эмпатии, антропоцентризм

Keywords: English language, denotational field, compositional syntax, centre of empathy, anthropocentric

Почти во всех индоевропейских языках Европы часть предикатов, отражающих психическое и физическое состояние человека, образуют нетипичную для языков номинативного строя структуру. Предложения с этими предикатами напоминают эргативные конструкции (рус. *Это мне нравится*, нем. *Es gefällt mir*, ит. *Mi piace*, рус. *Мне холодно*, нем. *Es ist mir kalt*, ит. *Mi freddo*). Иногда можно обнаружить пары предложений, напоминающие оппозицию активных и пассивных структур, но аналог пассива оформлен как безличное предложение: рус. *Я хочу яблок – Мне хочется яблок*. Предикаты с прилагательными, отражающими психическое состояние, создают предложения по номинативной модели: рус. *Я рад вас видеть*.

Но в английском языке такие структуры не наблюдаются. Все предикаты, глагольные и именные, образуют предложения согласно нормам номинативного строя: англ. *I like it*, нем. *Es gefällt mir*, англ. *I am cold*, нем. *Es ist mir kalt*. Аналогом русской структуры *мне хочется* являются предложения с модальным глаголом *I'd like*.

Эта особенность в английском языке относительно недавнего происхождения. Она появилась в ранне-новоанглийском, в начале XVI века. До этого времени в системе английского языка предикаты, отражающие психическое и физическое состояние человека, имели общие со всеми индоевропейскими языками свойства.

Большинство предикатов, предикаторы которых имеют глагольную форму, образовывали предложения, структурно совпадающие с предложениями, имеющими предикаты действия и воздействия.

Se cyning luwode his cwēne.

Однако два глагола (*thynca* и *lycian*) образовывали предложения квазиэргативного типа.

Bring me þær þynceþ þe þær me lyciet

Отражения психического и физического состояния человека именными структурами в этот период формально различаются. Для психического состояния используется предикаты, характеризующее свойство подлежащего: *He is glaed*. Физическое же состояние отражали предложениями с безличным *hit* в позиции подлежащего иносителем состояния в дательном падеже, при этом *hit* часто опускалось: *(hit) is him ceald*. Пар типа русских «хочу – хочется» в текстах не обнаружено.

Такое положение наблюдается до конца XI века. В XII веке происходят изменения в системе склонения, которые в первую очередь отразились на структуре с глаголами *lycian* и *thynca* и несколько позже и косвенно – на предложениях, в которых физическое состояние отражено именными сказуемыми. Совпадение всех падежей, кроме родительного, в одной форме привело к тому, что подлежащее и дополнение формально не различались. Иначе обстояло дело, если в качестве подлежащего использовалось безличное *hit*. Однако во многих случаях это подлежащее опускалось, но косвенное дополнение получало предлог *to*. Тем не менее, уже к началу XIV века предложения, отражающие физическое состояние, приняли современную форму с носителем состояния в функции подлежащего. Например: *I am cold*. Таким образом, различия между отражением физического и психического состояния были ликвидированы. Предложения с глаголами *thinken* (др. англ. *thynca* в значении *казаться*) и *liken* (др. англ. *lycian*) сохраняли древние формы дольше, до второй половины XV в.

В описанном выше процессе преобразования предложений, отражающих физическое и психическое состояние человека, непроясненными остаются, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, почему эти изменения произошли так быстро? Обследованные тексты показывают, что все произошло во второй половине XV века, а в начале XVI века предложения имели уже современный вид.

Во-вторых, изменения заполнения позиций подлежащего и дополнения в предложениях нельзя объяснить необходимостью избежать двусмыслинности, поскольку ее практически не возникало. Дательный падеж древнеанглийских косвенных дополнений либо заменялся в среднеанглийском предложными конструкциями, либо отражался в порядке следования членов предложения. Кроме того, косвенное дополнение в древнеанглийских и затем в среднеанглийских предложениях этого типа всегда заполняется названиями людей. К тому же, именно эти изменения в заполнении позиции подлежащего привели к неоднозначности структур со сложным именным сказуемым. Кроме того, изменения в системе склонения, аналогичные тем, что произошли в английском языке (даже более радикальные) произошли и в романских языках, но способы отражения физического и психического состояния человека в этих языках сохранились. Поэтому можно предположить, что изменения, произошедшие в способах отражения рассматриваемых состояний в XV-XVI вв., свидетельствуют о преобразованиях в самих способах отражения ситуаций в английском языке.

Ответ на этот вопрос может дать использование теоретической модели, известной как композиционный синтаксис. Основное теоретическое положение этой теории состоит в том, что вслед за Фреге (Г. Фреге) предполагается наличие у предложения как у знака двух семантических аспектов: денотативного и сигнификативного. Наиболее существенным положением является признание принципиального неизоморфизма этих аспектов предложения (Bogushevich et al, 1997).

Предложение, вернее его форма, в композиционном синтаксисе представляется как результат формализации множества семантических структур, основными из которых являются сигнификативная и денотативная. Кроме сигнификативно-денотативной семантики, которая в рамках данного подхода считается номинативной, в семантике предложения выделяется информационная перспектива, предикативность, модальная рамка. Однако в исследованиях, выполненных в русле этой теоретической концепции, эти аспекты семантики тщательно не рассматривались, поскольку основное внимание сосредоточено на выделении и описании сигнификативной и денота-

тивной сторон и их взаимоналожения (отсюда следует и название «композиционный»: лат. *com-rōpo* – сополагаю). Сигнификативная сторона семантики рассматривается как логическая структура и именуется пропозицией. Пропозиции различаются по трем параметрам. Во-первых, предикат может связывать аргументы как одного, так и различных уровней. Во-вторых, предикат может представить отношения между именными элементами как зависящие от времени (это развитие, процесс, динамика) или не зависящие от времени (статика). Наконец, в-третьих, предикат предполагает различное количество аргументов.

Пересечение первых двух характеристик предиката дает нам четыре основных класса пропозиций, а изменение количества присоединяемых аргументов разбивает, в свою очередь, каждый из четырех классов на подклассы.

Поскольку концептуальная база теории предусматривает возможность (и даже обязательность) гетероморфизма пропозиции (сигнификация предложения) и ситуации (его денотата), оказывается важным независимое определение реализуемых предложением сигнификативной и денотативной структур. Композиционный синтаксис требует, чтобы каждый элемент предложения получал как сигнификативную, так и денотативную квалификацию, поскольку отсутствие изоморфизма и совместное отражение этих сторон семантики предложения в его форме предполагает, что каждый элемент имеет как сигнификативную функцию, так и денотативную роль, между которыми нет необходимой связи. Поэтому в композиционном синтаксисе разработана система формализованных приемов идентификации сигнификативных функций элементов предложения и в первую очередь именных компонентов. Так как было обнаружено, что морфологические (формальные) падежи имени по-разному соотносятся с сигнификативной и денотативной стороной семантики предложения (Черенда 1998), формализованные системы идентификации сигнификативных функций именных компонентов должны разрабатываться отдельно для каждого языка. В настоящее время такая система разработана для английского языка (Макуца 2003; Коренько 2004; Иванова-Мицевич 2009).

Поскольку композиционный синтаксис предполагает раздельное моделирование предложений и ситуаций, то для выявления факта изменения способа отражения ситуации необходимо создать ее модель и выяснить, каким образом она отражается в пропозиции предложения.

Для выбора структур, обозначающих психическое и физическое состояние человека в английском языке, использование семного

анализа представляется наиболее целесообразным (Иванова-Мицевич 2009). В первую очередь надлежит установить значение «состояния», как оно понимается в современном английском языке. Наиболее распространенным термином для обозначения этого понятия является *state*, которому даются следующие определения (в интересующей нас области): *State: a particular mental, or emotional condition; condition as regards physical structure, constitution, internal form, stage or phase of existence, etc.* (Webster, s. 1399).

Существуют различные методы определения элементов денотативной области, однако наиболее целесообразными можно признать дефиниционный метод (Иванова-Мицевич 2009), и ассоциативный метод (Клименко 2010). В данном случае наиболее подходящим является дефиниционный метод, поэтому рассмотрим его детальнее.

Для определения числа элементов возможно воспользоваться толковым словарем английского языка, поскольку нам необходим тот взгляд на мир, который присущ широким слоям населения, или так называемому «наивному взгляду на мир». Энциклопедические же словари предоставляют обширную информацию, однако в данном случае воспользоваться ими нецелесообразно. Проблема состоит в том, что в словарях такого типа, как правило, дается научная информация, которая редко используется в живой речи (хотя, разумеется, возможны редкие исключения). А, как известно, пониманием языка управляет модель, складывающаяся из коллективного не-научного опыта. Поэтому в данном случае куда более полезен именно толковый словарь, который представляет обилие значений; большая часть из них применима в ежедневном общении. И потому они в значительно большей степени подходят для моделирования ситуации.

В первую очередь из толковых словарей извлекаются дефиниции глаголов, называющих отношения в данной денотативной области. Речь идет о глаголах, чьи дефиниции включают лексические элементы, напрямую указывающие на конкретную денотативную область (в данном случае – психического и физического состояния человека). Использование на первом этапе именно глаголов обусловлено тем, что они, как правило, называют именно ту связь, которая существует между компонентами ситуации. Извлеченные дефиниции подвергаются синтаксическому анализу с целью выделения данных компонентов в наиболее обобщенном виде. Кроме того, нам необходимо выяснить не только состав ситуации, но и характеристики связей, объединяющих элементы в единую ситуацию. Для этого нужно сопоставить дефиниции синонимов всех указанных глаголов. В дефинициях этих глаголов указывается, чем отличается

связь, названная синонимом, от связи, названной гиперонимом в данной области.

Это позволяет определить потенциальные характеристики связей – данные характеристики называются в композиционном синтаксисе «характеризаторами» (Иванова-Мицевич 2009). Характеризаторы могут быть представлены в предложениях, отражающих ситуации в виде сирконстантов или обстоятельств.

После определения состава ситуации и связей между ее компонентами можно определять функции, выполняемые элементами в данной денотативной области. Функции подсказываются синтаксическими свойствами именных компонентов в дефинициях. Имена функций даются в зависимости от связи между ними.

Ситуация в этом плане напоминает падежные рамки в том варианте падежного синтаксиса, который не предусматривает ограниченного числа фреймов. Поскольку пропозиция и ситуация принципиально неизоморфны, необходимо предусмотреть некоторый механизм их соотнесения. В композиционном синтаксисе предполагается наличие двусоставного механизма соотнесения. В качестве первой части этого механизма предлагается использовать лексическую семантику состава предложения. Считается, что лексический состав предложения указывает на описываемую ситуацию. При таком подходе семантика предиката оказывается двусоставной, поскольку, с одной стороны, предикат есть имя отношений к пропозиции, а с другой стороны, он же указывает на отношения, связывающие элементы ситуаций. Так как структуры ситуации и пропозиции неизоморфны, связь между этими двумя аспектами семантики предиката не может быть детерминистической (причинно-следственной), а представляет собой свободное соединение. Эта особенность предиката позволяет согласно композиционному синтаксису варьировать значения как самого глагола, так и всего предложения в довольно широких пределах (Макуца 2003).

Второй частью системы соотнесения является определение способов заполнения пропозициональных мест именами компонентов ситуации. Здесь важнейшим является определение заполнения места первого актанта (аргумента) пропозиции, которое определяется механизмом эмпатии. Теперь можно сопоставить представления информации. В древнеанглийском предложении находится «источник» (*hit*) в позиции элемента модели (экспериенцера) – личное местоимение, или название человека (*me, cyning*).

В новоанглийском распределение функций иное. В центре эмпатии – экспериенцер (*I*), в позиции пациента – источник (*it*). Сопо-

ставление способов отражения ситуаций физического и психического состояния человека дало следующие результаты.

В древнеанглийском в позицию центра эмпатии поставлено имя источника, причины состояния. Моделирование ситуации начинается именно с этого компонента. В новоанглийском в центр эмпатии помещен человек. Именно он становится тем элементом, с которого начинается моделирование ситуации.

Рассмотрение развития семантической структуры предложений, отражающих физическое и психическое состояние человека, позволяет заключить, что, во-первых, к началу XVI века в этом языке завершился переход к полностью антропоцентрическому способу языкового отражения мира, и что, во-вторых, по крайней мере в английском языке существительные полностью приобрели (наряду с глаголом) способность управлять семантической структурой предложения.

Литература

Иванова-Мицевич И.В. Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / И.В. Иванова-Мицевич. – Воронеж, 2009.

Клименко А.П. Ассоциативные поля как основа моделирования денотативных областей / А.П. Клименко // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи. – Минск, 2010.

Коренько Е.А. Формальные характеристики предложений с парой глаголов-конверсивов give-take / Е.А. Коренько // Грамматические исследования: материалы докладов II Международной науч. конф. – Минск, 2004.

Макуца Е.В. Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Макуца. – Минск, 2003.

Черенда А.Э. Английская инактивная структура в диахронии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Э. Черенда. – Минск, 1998.

Bogushevich D. Outline of Compositional Syntax / D. Bogushevich, A. Il'yukovich, L. Kozlova, E. Makutsa, A. Petrusevich // Paper presented at the XVI International Congress of Linguists. – Paris, 1997.

Frege G. On sense and reference / G. Frege // Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. – Oxford, 1952.

Webster's New World College Dictionary (fourth edition). – Wile Publishing, Inc., 2002.

Болдырев Н.Н.

Boldyrev N.N.

Тамбовский государственный университет

Tambov State University

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ РОЛЬ ГРАММАТИКИ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О МИРЕ¹**
**INTERPRETIVE ROLE OF GRAMMAR
IN WORLD-KNOWLEDGE REPRESENTATION**

Аннотация. В центре внимания статьи – интерпретационный аспект грамматики как одно из перспективных направлений ее изучения в рамках функционального подхода. Грамматические формы и категории рассматриваются с точки зрения их роли в конструировании концептуального содержания и в качестве средств реализации интерпретирующей функции языка.

Abstract. The article focuses on the interpretative function of grammar as one of aspects of its analysis within the framework of the functional approach to language. The author analyses grammatical forms and categories as means of mental construal of the world and its interpretation from the perspective of an interpreting function of language.

Ключевые слова: грамматика, функциональный подход, интерпретирующая функция, репрезентация знаний.

Key words: grammar, functional approach, interpreting function, knowledge representation.

Современная лингвистическая наука характеризуется большим количеством направлений, подходов и методов исследования. Как справедливо подчеркивает В.Ю. Копров, важное место среди них занимает функциональная лингвистика, которая, в свою очередь, объединяет несколько направлений, различающихся своими теоретическими установками и методологической базой (Копров 2010, с. 3).

В этом видится естественная закономерность научного описания языка, обусловленная самой его природой, структурой и содержанием его единиц и категорий. Уместно вспомнить классическое определение системности языка, сформулированное еще в прошлом столетии Э. Ко-сериу, которое не утратило своей актуальности и по сей день. Он, в частности, писал, что язык относится к явлениям целевого характера, к фактам, которые определяются своей функцией. Следовательно, язык необходимо понимать функционально, «сначала как функцию, а потом как систему, ... поскольку язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» (Косериу 1963, с. 156). Анало-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

гично высказывается и С.Д. Кацнельсон: «Вне функционирования языка не существует и языковой материал» (Кацнельсон 1972, с. 102).

Двуплановый модус существования языка: как комплекс категорий, существующих *in potentia*, и как беспрерывно повторяющийся процесс (Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 77), в настоящее время ни у кого не вызывает сомнений. Тем не менее, в практике лингвистических исследований идея «двойного означивания» языка (Бенвенист 1974, с. 87) часто приводит к искусственному разделению единого объекта – языка-речи, и поэтому требует постоянного уточнения. Проблема заключается в том, что приемы и методы анализа языка иногда приобретают онтологический статус, т. е. рассматриваются как свойство самого языка. В результате «совершенно оправданная и необходимая в исследовательских целях процедура «поуровневого» анализа объекта, которая требует различения уровней, оборачивается их **разделением** в теоретическом отображении объекта, претендующем на онтологическую адекватность, вместо того, чтобы завершаться попыткой синтеза его разноуровневых определений» (Павлов 1984, с. 45). «Там, где рассудок ничего раньше не связал, ему нечего и разлагать», – подчеркивал И. Кант (Кант 1994, с. 99). Расчленяя целое на составные части, мы часто упускаем из виду и специфику целого, тем более что выделение именно этих частей, а не других, во многих случаях определяется целью исследования или исходными представлениями о природе изучаемого объекта.

Действительно, данные для определения значений языковых форм, рассматриваемых как особым образом организованная система, извлекаются из речевого материала. Исследовательская процедура здесь отражает направление реальной зависимости в самом объекте. Забвение этого, как подчеркивает В.М. Павлов (1984, с. 45–52), влечет за собой представление реальных зависимостей в упрощенном, одностороннем виде: значение языковой формы предстает как абсолютно исходная языковая реальность, которая задается всем речевым реализациям этой формы и определяет семантическую общность и единство всех ее конкретных употреблений. В результате такого искусственного деления получается, что исходная языковая семантическая величина определяется в своем содержании исключительно отражательной функцией знака, ориентированной на внеязыковую действительность. Соответственно цепочка зависимостей в этом случае приобретает одностороннюю направленность: от «кусочка» действительности – через его концептуальный образ, закрепленный в значении языкового знака, – к значениям того же знака в его конкретных речевых проявлениях.

Правомерность такого исследовательского подхода к языку и языковым значениям вызывает определенные сомнения. Несмотря на то, что данный подход не исключает полностью обратного воздействия «речевых

значений» на языковые, а лишь считает возможным отвлекаться от подобного рода модификаций и не учитывать их в процессе анализа, такое отвлечение представляется не совсем оправданным. Оно приводит на практике к забвению самих механизмов использования языка, а именно в них и раскрываются его сущностные свойства¹. Сама возможность воздействия «речевых значений» на языковые значения знака свидетельствует о том, что в основе этого взаимодействия лежит зависимость не случайного, а регулярного, сущностного характера. Даже в своем статическом аспекте эта зависимость предстает как обобщение речевых значений в значении языковом, как «единство в многообразии». Следовательно, в центре лингвистических исследований должно находиться изучение взаимосвязей всех компонентов языкового знака, которые принадлежат ему в языке и в речи, а значение языкового знака должно рассматриваться с учетом «двух направлений связей, «питающих» содержание его обобщающей функции» – с фрагментом действительности (через посредство мыслительного отображения) и «с его актуальными семантическими наполнениями во всем многообразии его речевых реализаций» (Павлов 1984, с. 53); см. также (Арутюнова 1976; Чахоян 1979; Кобриня 1981; Тарасова 1992; Шарандин 2013а; 2013б; 2015; 2016; Копрова 2010; 2016 и др.).

Обсуждая далее проблемы функциональной грамматики, поставленные и решаемые, в том числе в работах В.Ю. Копрова (Копров 1999; 2000; 2010; 2016), хотелось бы обратить особое внимание на интерпретирующий аспект грамматических категорий и форм языка, который наиболее ярко проявляется в его функционировании.

Вся логика современных исследований подсказывает, что язык помимо когнитивной и коммуникативной функций выполняет еще одну основную функцию – интерпретирующую. Об этом свидетельствуют многие факты, а именно:

- 1) выделение в рамках различных научных направлений множества дополнительных языковых функций, которые, по существу, связаны с интерпретацией мира и знаний о мире;
- 2) признание интерпретирующего характера процессов познания, осуществляемых посредством языка, а также самих знаний;
- 3) понимание того, что формирование и интерпретация смыслов языковых единиц осуществляется в рамках всей концептуальной системы человека;
- 4) осознание причинной связи познавательных процессов, прежде всего, концептуализации и категоризации, и процессов смыслопорож-

¹ Ср. известное утверждение Э. Бенвениста о том, что именно в речи формируется и оформляется язык, что «нет ничего в языке, чего не было бы раньше в речи» (Бенвенист 1974, с. 140).

дения с индивидуальной концептуальной системой каждого конкретного человека;

5) выделение оценочных слов и модусных категорий как отдельной системы языковой концептуализации и категоризации (см. подробнее (Болдырев 2005; 2008; 2011; 2014; 2016б)).

Интерпретирующая функция языка в целом проявляется в двух типах языковой интерпретации: интерпретация мира и интерпретация знаний о мире, в когнитивных схемах и моделях структурирования мира и форматах его репрезентации в языке (Болдырев 2016а; Болдырев 2016в). Интерпретация мира передает разнообразие его объектов, событий и их характеристик множеством лексических категорий, в то время как интерпретация знаний о мире, уже представленных в языковой картине мира, является задачей грамматических и модусных категорий. Если лексические категории отражают знания о мире так, как они первично представлены в нашем сознании, то грамматические и модусные категории служат средством интерпретации этих знаний в индивидуальной концептуальной системе человека с учетом целей и условий конкретной коммуникации.

Интерпретирующий характер грамматического конструирования мира в языке может проявляться в фокусировании внимания на определенных объектах, событиях (Талми 1999), в профилировании их характеристик и взаимосвязей (Langacker 1991), в перспективизации, или фокусировании внимания на конкретных элементах концептуальной структуры (Филлмор 1988), в определении точки зрения, или когнитивной точки референции (Rosch 1978), в выборе конкретных языковых средств для оформления высказывания. Другими словами, грамматика может по-разному структурировать концептуальное содержание с помощью различных грамматических и лексико-грамматических категорий, структурных и коммуникативных моделей предложения: словообразовательных моделей, морфологических, лексико-грамматических, синтаксических, текстовых категорий, артиклей.

Например, грамматические средства отрицания интерпретируют знания о мире в плане: 1) наличия или отсутствия объектов, событий, признаков (*нет времени, не поехал, не домашний, не умеет ждать*), 2) их соответствия или несоответствия имеющимся представлениям (*некрасивый, не подходит, не соответствует*), 3) отсутствия у них того или иного признака или умения как их отрицательной характеристики, или оценки (*неумный, необразованный*), 4) интерпретации речевых действий с точки зрения соответствия или несоответствия коммуникативных целей и установок участников общения (отказ, несогласие, опровержение, запрет: *не стой; не скажу, не согласен* и т. д.). При этом данные средства

ориентированы на коллективные знания об устройстве мира, что обусловливает их специфику как схем языковой интерпретации.

Важно подчеркнуть, что структурирование, или схематизация, концептуального содержания является жизненно необходимым условием для нормальной работы любой когнитивной системы и ее адаптации в мире. С одной стороны, **чтобы когнитивная система работала, она должна быть определенным образом структурирована** в отношении окружающей среды, поскольку наше сознание постоянно сопровождается и контролирует взаимодействие человека с окружающей средой (ФС 1981, с. 335; КФЭ 1994, с. 267, 423). Это требует наличия у человека некоторой перцептивной модели мира: понимания его физической структуры, структуры общества и общественных норм, роли человека, структуры его личности и видов деятельности. С другой стороны, **информация, поступающая извне, в том числе, в языковой форме, должна быть тоже структурирована, чтобы стать частью сознания, его структуры**. Другими словами, когнитивная система человека должна быть способна определенным образом (сообразно своей собственной структуре и структуре коллективных знаний о мире) формировать поступающую информацию. Эту функцию в значительной мере и выполняет явная и скрытая грамматика.

Особую роль в структурировании и интерпретации знаний играют собственно **грамматические концепты**, которые выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они раскрывают принципы структурной организации того или иного языка: части речи, словосочетание, предложение, порядок слов, согласование, текст, дискурс, морфологические категории. С другой стороны, они интерпретируют знания об объектах и событиях мира, их характеристиках и взаимосвязях в соответствии с законами и принципами языковой коммуникации, представляя их в качестве конкретных и абстрактных, физических и ментальных, реальных и гипотетических субъектов, объектов, действий, процессов, состояний, отношений, статических и динамических признаков. С этой целью используются различные способы синтагматики и синтаксической связи, разные структурные и коммуникативные типы предложений:

Преподаватель обучает – студент обучается; Солнце греет – кошка греется – асфальт нагревается – море прогревается; Если б не было дождя; Какой это дождь, так – мелкая изморось; Зима, как всегда, пришла неожиданно; Чтобы я еще им хоть раз позвонил...; Как же, дождутся.

Пропозициональные схемы и модели предложения в функции интерпретации знаний о мире обеспечивают разные способы конфигурирования концептуального содержания за счет использования различных когнитивных механизмов: профилирования, перспективизации, генерализации, конкретизации, тема-рематического членения, сужения,

расширения, импликации, инференции, объединения нескольких пропозиций. На языковом уровне это выражается в типах синтаксических конструкций и их модификаций за счет:

1) типов структурных схем (переходная, непереходная, простая, распространенная, односоставная, двусоставная, сложносочиненная, сложноподчиненная, инверсионная, номинативная);

2) коммуникативных типов (повествовательное, вопросительное, восклицательное предложения);

3) типов обязательных: субъект, объект, предикат, – и факультативных элементов пропозиции: локативные, темпоральные компоненты, типов их языковой реализации (подлежащее, прямое или косвенное дополнение, обстоятельство времени, места, образа действия, пропозитивное и постпозитивное определение), характеристики самого предиката и соответствующего сказуемого (конкретные, абстрактные, глагольные, именные, модальные, связочные);

4) конкретного лексико-грамматического наполнения предложения.

Иллюстративным в этом плане является **сложное предложение**, в основе формирования которого лежит иерархизация смыслов за счет объединения нескольких пропозиций. Основной целью при этом является выдвижение одной из пропозиций в качестве главного смысла и других – в качестве необходимого контекста его осмыслиения. Например: *Если вы приедете пораньше, когда еще будет светло, можно будет сходить погулять.* Сравните другой вариант структурирования того же содержания как последовательности событий: *Приезжайте пораньше. Будет еще светло. Сходим погулять.* Аналогичную функцию выполняют и простые предложения с вторичной предикацией: *Ранний приезд и светлое время суток позволили нам пойти погулять.* Объединение пропозиций, лежащее в основе формирования сложных предложений и вторично-предикативных структур, может рассматриваться как **грамматический формат знания**, т. е. как особый способ его конфигурирования.

Тема-рематическое оформление простого или сложного предложения определенным образом конфигурирует концептуальное содержание, устанавливая некую иерархию передаваемых смыслов и подчеркивая разную информативную значимость тех или иных элементов событий, с точки зрения говорящего субъекта: *Я и учил; Важно не только прочитать, но и запомнить; Расскажу при встрече.*

Пропозициональные схемы используются в образных сравнениях, фразеологии и идиомах, которые передают коллективный опыт взаимодействия с миром и его осмыслиения и оценки в виде готовых суждений: *Кому-то щи пустоваты, а кому-то жемчуг мелковат; Куда конь с копытом, туда и рак с клешней; Учился бы себе и учился; На «нет» и суда нет; Как спросили, так и ответил; Вода – она и есть вода;*

мчаться как ненормальный; торопиться как на пожар; блестеть как самовар; держать нос по ветру.

Таким образом, изучение функциональных аспектов грамматических форм и категорий предполагает также анализ их интерпретирующей роли в конструировании и репрезентации окружающего мира в сознании человека в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним. В процессе этого конструирования используются различные грамматические категории, структурные схемы и коммуникативные типы предложений различного уровня сложности. Это открывает новые перспективы для функционально-грамматического исследования языка.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т.1. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР. – 1963. – 384 с.

Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке / Н.Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею проф. Н.А.Кобриной. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 31–46.

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н.Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. – С. 11–29.

Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н.Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Вып. I (93). – Тамбов, 2011. – С. 9–16.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. – С. 20–28.

Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2016а. Вып. XXIV. – С. 35–48.

Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика / Н.Н. Болдырев. – М.–Берлин: Директ-Медиа, 2016б. – 252 с.

Болдырев Н.Н. Сложное предложение и его метакогнитивное моделирование / Н.Н. Болдырев, С.Г. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016в. № 3. – С. 69–76.

Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 592 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Кобрин Н.А. Функциональная модель языка / Н.А. Кобрин // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1981. – С. 30–45.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2000. – 192 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейникова, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М.: Прогресс, 1963. – С. 143–343.

КФЭ – Краткая философская энциклопедия. – М.: Издательская группа "Прогресс" – "Энциклопедия", 1994. – 576 с.

Павлов В.М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике "временных форм" немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения / В.М. Павлов // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. – Л.: Наука, 1984. – С. 42–70.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. №№ 1, 4, 6. – С. 91–115, 76–105, 88–121.

Тарасова И.П. Смысл предложения-высказывания и коммуникация: автореф. дис. ... докт. филол. наук / И.П. Тарасова. – М., 1992. – 44 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.

ФС – Философский словарь. – М.: Издательство политической литературы, 1981. – 445 с.

Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.

Шарандин А.Л. Лексическая грамматика и функционально-коммуникативная грамматика в аспекте их соотношения / А.Л. Шарандин // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.47. – М.: МГУ, 2013. – С. 558–571.

Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека / А.Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013а. № 1. – С. 75–81.

Шарандин А.Л. Дискурсивные формы лексемы в аспекте когнитивно-дискурсивного подхода / А.Л. Шарандин // Когнитивные исследования языка. Вып. 22. 2015. – С. 613–615.

Шарандин А.Л. Интерпретирующий фактор познания и семантическая структура слова / А.Л. Шарандин // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. 2016. – С. 714–729.

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. – N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Rosch E.H. Principles of Categorization / E.H. Rosch // Cognition and Categorization. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27–48.

Борискина О.О., Шиляхина К.М.

Boriskina O.O., Shilikhina K.M.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ МАРКЕРОВ

ПРОТИВИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

CORPUS-BASED RESEARCH OF ENGLISH MARKERS

OF CONTRAST FROM THE PERSPECTIVE

OF SEMANTIC-FUNCTIONAL GRAMMAR

Аннотация. В работе с позиций семантико-функциональной грамматики исследуются английские маркеры противительных отношений. Цель исследования – описание вариативности в использовании данных маркеров в зависимости от типа текста. Материалом для исследования послужили данные корпусов английского языка. Кроме того, для описания вариативности в переводе привлекались данные параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Abstract. The paper deals with the usage of markers of contrast in English from the perspective of semantic-functional grammar. The aim of the research is to describe variability of these markers depending on the text type. The research is corpus-based. Along with corpora of the English language the data from the parallel subcorpus of the Russian National Corpus was used to describe variation in translation.

Ключевые слова: семантико-функциональная грамматика, противительные отношения, корпус, тип текста, маркер противительности

Key words: semantic-functional grammar, contrast, corpus, text type, marker of contrast

Основу семантико-функционального грамматического подхода составляет описание системных отношений языковых единиц в тесной связи с их функционированием. Такой взгляд на грамматику позволяет моделировать условия выбора «наиболее адекватной единицы из того вариантного ряда, который имеется в языке» (Копров 2016, с. 10). Семантико-функциональный подход не противопоставляет семантику и грамматику; наоборот, семантические и грамматические явления трактуются как взаимно обусловленные. Разработка функционального и семантико-функционального подхода к изучению синтаксических явлений позволила уточнить природу грамматического значения и прояснить свет на природу вариативности в использовании языковых средств (Бондарко 2001; Плунгян 2011).

В данной работе с позиций семантико-функциональной грамматики анализируются средства выражения противительных отношений в английском языке и проводится их сопоставление с русскоязычными маркерами противительности.

Средства выражения значения противопоставления информационных блоков внутри высказывания в различных языках неоднократно становились объектом лингвистического анализа (Данилевская 2008; Урысон 2011) и подробно описаны в традиционной грамматике и словарях-справочниках (см., например, (Валгина 2000; Ломов 2004)). Тем не менее, актуальность проблематики продиктована необходимостью углубления наших знаний о выражении противительных отношений в типологически различных языках, равно как и потребностью корпусного изучения связочных элементов и их поведения в текстах в различных дискурсивных сферах.

Материалом для данного исследования послужили данные корпусных ресурсов, создаваемых на базе университета Б. Янга в США под руководством проф. М. Дэвиса. Эти корпуса стали источниками данных о том, как функционируют маркеры противительных отношений в американском и британском вариантах английского языка. Для решения сопоставительных задач исследования привлекались данные параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Использование корпусных данных позволяет выявить и описать вариативность в употреблении языковых средств, в нашем случае – маркеров *conversely, on (the) one hand ... on the other (hand), on the contrary* – и высказать предположения о причинах этой вариативности.

Сделаем еще одну терминологическую оговорку. В данной работе мы называем средства выражения противительных отношений *маркерами противительности*. Данный термин позволяет, во-первых, указать на семантическую природу анализируемых языковых средств. Во-вторых, термин *маркер* показывает их функциональное предназначение и отражает взаимосвязанность семантического, синтаксического и прагматического аспектов употребления этих средств.

Итак, языковая система предлагает говорящему целый ряд средств, позволяющих устанавливать логико-семантические отношения противопоставления между несколькими (как правило, двумя) блоками информации. В связи с этим возникает целый ряд вопросов: является ли вариативность употребления маркеров противительности произвольной или обусловленной? Имеет ли место взаимозаменяемость маркеров? В чем состоит специфика употребления анализируемых нами маркеров противительных отношений? С целью ответа на эти вопросы нами предпринята попытка описать языковую вариативность в оформлении противительных отношений в английском языке.

В основе ситуации противопоставления лежит потребность в сравнении двух фрагментов физического или психологического мира. С точки зрения синтаксического оформления результаты такого сравне-

ния могут быть переданы либо в виде сложноподчиненных предложений, либо в виде сложных синтаксических целых (ССЦ).

Выбор говорящим адекватной формы в процессе создания высказывания происходит быстрее и эффективнее с опорой на **семантико-функциональные комплексы** (Копров 2016). Семантико-функциональный комплекс для выражения противительных отношений включает в себя следующие варианты противительных отношений:

отношения **противоречия**, выражаемые, в частности, и маркером *on the contrary*, где истинность второго компонента предписывает ложность первого;

отношения **противопоставления-1**, выражаемые маркером *on the one hand ... on the other hand*;

отношения **противопоставления-2**, или **альтернации**, выражаемые маркером *conversely*, при этом обе части сложного синтаксического целого равнозначны для говорящего.

Анализ корпусных данных позволяет говорить о том, что маркеры противительных отношений (*on the one hand*) ... *on the other hand*, *conversely*, *on the contrary* обнаруживают следующие стилистические предпочтения. Чаще всего они употребляются в **научной и научно-популярной литературе**. Важно также отметить, что эти маркеры не являются прототипическими средствами выражения противительных отношений в устной речи и художественном тексте. На это указывает низкая частота встречаемости данных маркеров. Данные о стилистическом распределении маркеров приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Частота встречаемости маркеров противительных отношений в разных типах текстов (по данным COCA)

Маркер	Художественный	Публицистика	Научный	Устный
(<i>on (the) one hand</i>) ... <i>on the other hand</i>	2639	8525	11152	5836
<i>conversely</i>	70	828	2009	105
<i>on the contrary</i>	393	700	1285	182

On (the) one hand ... on the other (hand)

Рассмотрим специфику маркера противительных отношений *on (the) one hand ... on the other (hand)*.

Стремление выглядеть объективным вынуждает говорящего использовать в речи два аргумента, которые с точки зрения говорящего в некотором смысле противопоставлены друг другу. Маркер *on (the) one hand ... on the other (hand)* позволяет говорящему представлять ситуацию

«пошагово», акцентироваться на противоречии между двумя блоками информации и организационно предъявлять более сильный, важный или весомый аргумент вторым (пример 1). Таким образом, данный маркер играет важную роль в тема-рематическом членении высказывания, помещая в фокус внимания адресата второй информационный блок.

(1) *She is not afraid of, or ashamed of being successful, but on the other hand is prepared to sacrifice ambition for other rewards, if she so chooses.*

Семантически стремление девушки к успеху противопоставляется ее готовности отказаться от успеха, в расчете на другие дивиденды. Организационно информационный блок, содержащий детали, показывающие, что она сосредоточена на собственной успешности, предшествует блоку, обеспечивающему фокус и пафос высказывания: готовность пожертвовать своими амбициями.

У данного маркера есть обязательная для употребления часть (*on the other hand*) и факультативная (*on the one hand*), которая в 82% случаев опускается (примеры 2, 3) или замещается другим языковым средством (*first*, пример 4), выполняющим ту же функцию – а именно функцию введения дополнительного к основному, находящемуся в фокусе высказывания, аргумента. При этом, согласно корпусным данным, и обязательная, и факультативные части маркера подвержены редукции в современном употреблении, что позволяет говорить о формальных вариантах данного маркера. Так, например, употребление обязательной части маркера редуцируется до *on the other* особенно в случаях, когда информационный блок предшествует самому маркеру (пример 5). В факультативной части наблюдается опущение артикля (пример 6). Употребление безартикльевой формы маркера противительных отношений *on one hand* согласно данным COCA характерно в первую очередь для публицистического и научного текста (72,5% контекстов).

(2) *The polls have indicated that inflation is the biggest problem facing the nation. On the other hand, one could argue that the energy crisis is more detrimental to the economy.*

(3) *Our experience and that of many of our colleagues suggest that defining logical connectors semantically is less than satisfying and often leads to a great deal of frustration and confusion for both students and teachers. On the other hand, giving students a portion of discourse, which illustrates how these logical connectors function in context or what they signal in discourse seems to work remarkably well.*

(4) *In the book the author has aimed first to present in readable form the main facts about the geographical environment of American history. Many important facts have been omitted or have been touched upon only lightly because they are generally familiar. On the other hand, special*

stress has been laid on certain broad phases of geography which are comparatively unfamiliar.

(5) *With many imams involved within the Bosnian army and a number of Catholic and Orthodox priests blessing soldiers and weapons, it would not be an exaggeration to say that interfaith work during the war was reduced to the lowest level possible. It seems that sacred texts are flexible enough, depending on geographical or historical contexts, to provide both sources for justifications of peace initiatives and reconciliation processes **on one hand**, and reasons for conflict, disagreements, and violence **on the other**.*

(6) *The doubling in the median size of chambers also has altered the structure of governance. **On one hand**, larger sets may shield their members from external influence, both formal and informal. **On the other hand**, the sets themselves may have become more important loci of control.*

Сопоставительный анализ перевода маркера противительных отношений *on the (one) hand ... on the other (hand)* показал, что логико-семантические отношения, которые передаются в английском языке при помощи данного маркера, в русском языке маркируются такими средствами связи, как *с одной стороны ... с другой (же) стороны*, но, однако (пример 7), *напротив*, между тем, *со своей стороны*, зато.

(7) *Reflection is very individual **on the one hand**, but is built collectively by nature **on the other**.*

С одной стороны восприятие – чисто индивидуальная особенность, однако, по своей природе оно формируется коллективным путем.

Conversely

Специфика маркера противительных отношений *conversely* состоит в следующем: маркер используется в качестве основного (пример 8), но чаще (76%) – дополнительного показателя отношений противопоставления (пример 9, 10, 12) в совокупности с другими средствами для выражения отношений оппозиции, альтернации или уступки; при этом обе части двухкомпонентного сложного предложения или сложного синтаксического целого равнозначны для говорящего.

(8) *In some high-altitude environments, such as the Rocky Mountain ranges of Colorado and interior Canada, where wind sweeps the snow from broad ridges and offers food in larger patches, goats may socialize in groups of ten or more animals. **Conversely** in Alaska and British Columbia's coastal ranges – where snow piles higher than a house – goats descend far down the mountains and strip lichens from ancient trees in the dark depths of winter.*

Маркер *conversely* не опровергает правдоподобность ранее сказанного, а отражает взгляд на описываемое событие или явление с другой стороны. Так, утверждение «Президент Путин испытывает носталь-

гию по советскому прошлому» и утверждение «Президент Путин испытывает неприязнь хаоса 90-х» (пример 9) являются взаимозаменяемыми, а порядок их предъявления в большой степени произволен и зависит целиком и полностью от авторской интенции.

(9) *For the Russian president, it seems that the political form is less important than the consequences – if democracy strengthens the state and enhances social harmony then Putin is for it, but if it challenges those fundamental objectives then other political forms may be preferable. Central to this notion is his nostalgia for some of the order of the Soviet period and, conversely, dislike of the chaos of the 1990s.*

Сопоставительный анализ перевода маркера **conversely** показал, что логико-семантические отношения, которые передаются в английском языке при помощи данного маркера, в русском языке маркируются такими средствами связи, как (*и / или*) **наоборот** (примеры 10, 11, 12), **напротив**, **в свою очередь** (пример 13), **в то же время** (пример 14).

(10) *Another name for an eruption is a “burst” (but this is sometimes used to mean the process generating an eruption rather than the eruption itself; conversely, it has been used to mean a sequence of an eruption plus an inrush). Другое определение понятию извержение – это «взрыв» (но оно означает процесс зарождения извержения, а не само извержение; и **наоборот** может употребляться, говоря о внезапном извержении).*

(11) *We found substantial overlap between cyberbullying and school bullying: nearly two thirds of all cyberbullying victims reported they were also bullied at school, and conversely, more than one third of school bullying victims also reported cyberbullying.*

(12) *Social conversations about the attractiveness of white skin or, conversely, the unattractiveness of dark skin are widespread in marital and sexual relationships.*

(13) *So wealthy parents should "bet" on sons rather than daughters. Conversely, poor sons can expect to be completely excluded from the reproductive game, because no women would marry them. But their equally poor sisters can still have some children if they are young and beautiful. So poor parents should "bet" on daughters rather than sons. Natural selection thus designed parents to have biased sex ratios at birth depending upon their economic circumstances: more boys if they are wealthy, more girls if they are poor.*

(14) *Even though Chinese children may complain about arduous practice, their parents generally overrule their children's preferences. They may even incorporate occasional verbal insults in an attempt to motivate their children. Conversely, Western parents carefully avoid verbal assaults and often ask only that their children do as well as possible in their studies.*

On the contrary

Выбор маркера *on the contrary* обусловлен необходимостью противопоставить суждение говорящего существующему, ожидаемому или кажущемуся порядку вещей. Данный показатель противительности отличается от рассмотренных выше в первую очередь своей эмфатической функцией, что находит отражение в позиционном предпочтении: в 85% маркер употребляется в начальной позиции (примеры 15, 16). По данным параллельного подкорпуса НКРЯ, эмфаза при выражении противительных отношений в русском языке маркируется при помощи таких лексических средств, как *напротив*, *наоборот* (пример 16), *как бы не так!* (пример 17). Появление маркера в позиции после *but*, *although*, *or*, *whereas* также свидетельствует об эмфатическом эффекте, которого стремится достичь говорящий (см. примеры 18, 19).

(15) *It is not the idea around which the community can unite. On the contrary, I see it as one that will divide us.*

(16) *The strategies suited to gain deeper insight into the characteristics of a foreign culture mentioned so far do not aim at any kind of ‘completeness’. **On the contrary:** it is reminiscent of doing puzzle: there are always some parts missing, only gradually is the whole picture put together, parts of the whole are completed earlier, some, as it were, will never be completed at all.*

Стратегии, о которых шла речь, выработанные для развития глубинного понимания иноязычной культуры, не предполагают какой-либо стадии полного владения. **Наоборот**, они напоминают собирание пазла. Всегда имеются недостающие кусочки, только постепенно образуется полная картинка, и уже собранные кусочки могут остаться так и незаконченными.

(17) *She didn't leave the Pavilion in great embarrassment. On the contrary! She gave me a little more room for my cue stick but was still practically on top of me.*

И она не вылетела из Павильона, сконфуженная до слез. **Как бы не так!** Она немного посторонилась, чтобы я не задел ее кием, но по-прежнему чуть не висела у меня на плечах.

(18) *This approach is mainly characterized by the peculiarities of a particular national context, whereas our project, **on the contrary**, strives to transcend such peculiarities.*

(19) *Conservatives do not think that war is caused by military strength, but **on the contrary** by military weakness, of a kind that tempts adventurers and tyrants. And a properly ordered society must be prepared to fight wars—even wars in foreign parts—if it is to enjoy a lasting peace in its homeland.*

*Консерваторы не считают, что война является показателем военной силы, **наоборот**, это сторона ее слабости, искушающей тиранов и авантюристов. И если мы хотим наслаждаться прочным миром на своей родине, мы должны быть готовы воевать, даже если это война на чужой земле.*

Описав специфику употребления маркеров противительных отношений, можно ответить на поставленные выше вопросы так: эти маркеры не взаимозаменяемы. *On the contrary* VS *conversely* – несмотря на то, что в русском языке эти маркеры имеют очень похожие соответствия, в английском за первым закреплена функция антитезы, в то время как последний выполняет функцию альтернации. Двухчастный маркер *on (the) one hand ... on the other (hand)*, будучи семантико-функциональным аналогом *conversely*, тем не менее, не может служить ему адекватной заменой в силу особенностей тема-рематической организации высказывания. *Conversely* отличается от других средств выражения противительных отношений своей эмфатической значимостью.

Литература

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М.: УРСС, 2001. – 208 с.

Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Агар, 2000. – 415 с.

Данилевская Т.А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Данилевская. – Воронеж, 2008. – 20 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 399 с.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.

Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 336 с.

**Васильев Л.Г.
Vasilyev L.G.**

*Калужский государственный университет
Kaluga State University*

**ПАДЕЖНЫЕ ГРАММАТИКИ
В АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
CASE GRAMMARS IN AMERICAN LINGUISTICS**

Аннотация. Разбираются два падежно-ролевых подхода в американской синтаксической семантике с целью восполнить картину этого направления в мировой лингвистике.

Abstract. Two case-functional theories in American syntactic semantics are analyzed to add to the world linguistic paradigm.

Ключевые слова: семантический падеж, семантическая структура, пропозиция, модальность.

Key-words: semantic case, semantic structure, proposition, modality.

Функционально-семантические пропозициональные теории (падежные грамматики), столь интенсивно разрабатывавшиеся в 1970-х гг., в настоящее время изучаются далеко не столь интенсивно; тем не менее, с точки зрения состояния изученности проблемы семантических падежей систематизация этих теорий еще не осуществлена с должной полнотой. В настоящей статье предлагается критический анализ двух американских подходов в названной области; эти подходы в целом малоизвестны, и именно этим диктуется целесообразность (если не необходимость) их теоретического освещения.

Падежно-реляционная концепция Д. Нильсена

Теория Д. Нильсена (Nilsen 1972; Nilsen, Nilsen 1975) является не полной теорией языка, а лишь описанием семантической структуры предложения. В концепции различаются экстенсиональное (отношение знака к реальной действительности) и интенсиональное (семантические свойства слова) значение. Считается, что значение не равнозначно истинности, функция которой – денотативное содержание предложения. Предложения с одинаковыми условиями истинности именуются парадигмами (Nilsen 1975, с. 141). Следовательно, если предложения являются парадигмами, это еще не доказывает, что их значение одинаково, поскольку семантическая структура парадигм (если предложение считать знаком, одна из сторон которого – значение) различна.

В семантической структуре предложения в традиционном для падежных теорий ключе различаются пропозициональный и модальный узлы. Модальность трактуется как совокупность элементов, определяющих предложение в целом; отдельных модальных элементов для глагола не выделяется. Различаются модальные определители текста (Место, Время, Стиль, Способ (Manner), Степень, Возможный мир) и

предложения (Перформация (performance), Топикализация (нейтральная, пассивная, утвердительная, контрастивная), Модус (Mode), Вид). Спецификаторы предложения не извлекаются из предыдущего контекста (Nilsen 1972, с. 30).

Семантический падеж представлен как отношение между предикатом и семантической ролью. Тем самым падеж получает реляционную характеристику (Указ. соч., с. 33–40). Для определения падежей релевантными признаются только реляционные критерии, описывающие отношения между двумя единицами; поэтому описание падежей производится попарно. «Лексические» признаки (типа *одушевленность*, *исчисляемость*, *действительность*, *переходность*, *локативность*) считаются нерелевантными для характеристики падежей. Для определения падежей используются падежные признаки: Контролер (объединяющий признаки Инициатор, Исполнитель, Намеренность, Контроль), Контролируемое (включающий признак Аффектив), Причина, Эффект, Источник и Цель. Иерархия падежных признаков по степени обобщенности представлена автором в следующем виде:

Контролируемое – Контролер

Причина – Результат (Effect)

Источник – Цель

Признаки Контролер и Контролируемое в этой авторской иерархии следовало бы поменять местами – тут явная ошибка. Чтобы падежный признак был релевантен для определения падежей, он должен представлять обе стороны отношения и быть подмножеством пары Источник–Цель, которая тем самым считается исходной. Однако это требование не всегда выполняется. Автор выделяет следующие падежи: Агент, Инструмент, Каузатив, Пациент, Источник и Цель. Агент содержит признаки Контроль, Причина, Источник; Каузатив – признаки Причина и Источник; Пациент – признаки Результат и Цель; падежи Источник и Цель – одноименные признаки.

Инструмент имеет особый статус: он содержит все падежные признаки, кроме Контролера, поскольку является контролируемым Агентом. Д. Нильсен считает, что Инструмент имеет признаки Причина и Источник потому, что является причиной вторичного отношения Причина – Результат и, следовательно, отношения третьего порядка Источник–Цель (Указ. соч., с. 35–36). Неясно, однако, почему Инструмент должен иметь также признаки Результат и Цель. Если потому, что он является причиной вторичного и третичного отношения, то эти признаки следует приписать и Агенту, а Инструменту – признак Контролер, так как Инструмент имеет признак Контролируемое, подразумевающий наличие признаков Результат и Цель. Следовательно, дихотомия Контролер:Контролируемое не параллельна дихотомии Источ-

ник: Цель – потому, что один из членов первой дихотомии (Контролируемое) может быть и Источником, и Целью, т. е. может разрушать вторую дихотомию, что и имеет место в случае с Инструментом.

Пациент включает на основе признака аффективности Экспериенцер, Объектив, Фактитив, Датив, выделяемые другими авторами. Падежи Источник и Цель содержат то, что другие лингвисты именуют Местоположением, Временем, Материалом. Название Источник и Цель представляется терминологически неудачным, поскольку этими терминами обозначаются и падежные признаки.

Представляется неверным замечание Д. Нильсена, что Пациент и Фактитив равнозначны по реляционным и лексическим признакам (Указ. соч. 1972, с. 41). При совпадении реляционных признаков (Цель и Результат) лексические признаки в этих падежах разные. Так, если Пациент является неодушевленным, то Фактитив может быть как неодушевленным, так и одушевленным (ср.: *Он построил дом; Она родила мальчика*). Кроме того, Фактитив может быть и предметным, и непредметным именем, если вообще правомерно причислять признак [предметность] к лексическим. О возможности функционирования пропозициональных имен как семантических ролей Д. Нильсен не упоминает вовсе, и это серьезный недостаток его теории.

Ошибка и утверждение автора о том, что лексические признаки нерелевантны для определения падежей, поскольку Агент очевидно отличается от Каузатива признаком [одушевленность]. По мнению Д. Нильсена, в абсолютном употреблении используется падеж Объектив, который не применяется в многоместных предикатах (Указ. соч. 1972, с. 38). Этот падеж определяется, в отличие от других, на реляционно-структурной основе (одноместности), а семантика здесь игнорируется – ведь очевидно, что одноместными могут быть предикаты действия, состояния, свойства и экспериенциальные, соответственно должна определяться и семантика аргумента.

Автор утверждает, что при падежном отношении Причина – Результат всегда присутствуют Агент и Инструмент (44). Однако неясно, каково место Инструмента в глаголах передачи и движения (типа *accept, lead, arrive*).

Автор приводит иерархию падежных признаков по степени активности, которая используется при выборе субъекта (первичной топикализации): 1) Контролер; 2) Причина; 3) Контролируемое; 4) Результат; 5) Источник; 6) Цель. Иерархия этого вида дает нулевую топикализацию – выбор объекта. Выделяется также нейтральная топикализация, эквивалентная присоединению предлогов в некоторых языках; она дает аргументам свободу передвижения в пределах предложения и возможность устранения из поверхностной структуры. Неразработанной у Д.

Нильсена остается собственно семантика предикатов, за исключением предикатов действия.

Позднее Д. Нильсен и А. Нильсен развивают теорию падежных признаков (Nilsen 1975). Они считают, что глубинные падежи представляют лишь промежуточную ступень между поверхностной структурой и уровнем семантически элементарных падежных признаков. Тем самым первичный уровень порождения предложения является не онтологическим, а концептуально-логическим. К семантическим признакам причисляются как пропозициональные, так и модальные («грамматические»). К пропозициональным признакам относятся предикатные, к модальным – адвербальные и перцептуальные.

Семантические падежи определяются пучками реляционных и лексических признаков. Выделяются следующие падежи: Агент, Инструмент, Экспериенцер, Объект, Источник, Путь, Цель, Неодушевленная сила. Глубинные падежи репрезентируют отношение между ингерентными (лексическими) и реляционными признаками. Так, Агент, Экспериенцер, Инструмент и Объект описываются на основе дихотомии признаков [одушевленность] и Причина / Результат.

Особенность рассматриваемой работы – разработка семантических категорий глаголов (предикат в ней понимается как глагол). Выделяются следующие категории.

1. Одноместные предикаты (описание, действие, звук). Аргументами здесь являются падежи Объектив, Агент и Неодушевленная сила, а также – при характеристике звука – Инструмент.

2. Глаголы движения (перемещение, передвижение, обмен, коммуникация).

3. Глаголы местоположения (вмещаемость, присоединение, вложение, покрытие).

4. Глаголы контакта (контакт, приближение).

5. Экспериенциальные глаголы (ощущение, восприятие, психологическое событие, обладание).

6. Глаголы изменения (переделка, создание, разрушение).

7. Симметричные предикаты.

8. Падежная рамка множества (Указ. соч., с. 99, 102–108).

Трудно выделить какое-либо единое семантическое основание для составления данной классификации. Для 2, 3 и 4 классов общий признак – это [пространственная характеристика], для 5 класса – [психологическая характеристика], для 6 класса – [динамичность]. 1 класс выделен на чисто структурной основе, поскольку его семантика включает и действие (звучание), и состояние или свойство (описание). В трактовке классов есть неточности. Непонятно, почему в пределах 1 класса к действию причисляется выражение *to be careful* – это, скорее, эмоци-

ональное состояние. В класс глаголов движения ошибочно введен подкласс «коммуникация» (например, *to explain*) с явно иной семантикой, а в класс экспериенциальных глаголов – подкласс «обладание».

Общее семантическое основание классификации – одинаковость падежной рамки для всех глаголов одного семантического класса – не всегда выдерживается. Так, в 1 классе употребляются Агент, Объект и Неодушевленная сила. 2 класс содержит двухместные предикаты с падежами Агент и Объектив. Однако в подклассе перемещения Агент может быть заменен на Неодушевленную силу, а в подкласс передвижения могут включаться как двухместные, так и одноместные предикаты, о чем свидетельствует приводимый в качестве примера глагол *to walk* –ср.: (6) *He is walking now*. Возможно, авторы подразумевают, что здесь имеется скрытая кореферентная роль Объектива, однако о существовании скрытых ролей нигде не упоминается и этот пример не комментируется. Подклассы 4 класса также имеют различную структуру и различные падежные рамки. Так, для глаголов контакта типа *to hit* – это Агент, Объектив и Инструмент, а для глаголов приближения типа *to pass* – Агент, Источник, Путь, Цель.

Таким образом, классификация предикатов не основана на четких семантических критериях, а **единий** структурный принцип оказывается недейственным. Такая классификация не может быть признана адекватной.

Матричная падежная модель У. Кука

Глубинно-падежная семантика У. Кука (Cook 1979) возникла под влиянием идей Ч. Филлмора, У. Чейфа и Дж. Андерсона. Модель падежной грамматики понимается автором как универсальная чисто семантическая теория, которая может использоваться и используется в тагмемике, генеративной семантике и интерпретативной семантике. Падежная грамматика У. Кука соотносит одну поверхностную структуру с несколькими исходными семантическими и одну семантическую с несколькими поверхностными.

В теории У. Кука основное место удалено описанию семантики предикатов, поскольку они считаются центральными и основополагающими при выборе аргументов. Семантическая классификация предикатов основана на типологии предикатов У. Чейфа и проводится по двум параметрам: 1) характеристика признака вообще: Состояние, Процесс, Действие (а в ранних статьях и Действие-Процесс); 2) спецификация семантической функции, выполняемой падежными ролями – бенефактивной, экспериенциальной и локативной.

Остановимся на первом разбиении. Оно находится в общем русле англо-американской лингвистической традиции и работ З. Вендлера, Дж. Лакоффа, Б. Комри, Дж. Лайонза и др. На основе признака [дина-

мичность] выделяются *состояния и несостояния*. Тем самым, категория Состояния представляет весьма пеструю картину и включает временные и эпизодические признаки, а именно: свойства (качества), статические явления (ситуации), события (терминология Т.В. Булыгиной (Булыгина 1982, с. 84–85)). На основе признака [транзитивность] выделяются: Процессы (нетранзитивные). Действия (транзитивные) и Действия-Процессы (транзитивные). При помощи деривационных схем У. Чейфа (Чейф 1975) описываются исходные и производные семантические типы предикатов. Эти типы следующие.

Процесс может образовываться при помощи инхоатива (из Состояния) и деактиватива (из Действия-Процесса).

Действия создаются только посредством депроцессива (из Действия-Процесса). Действие-Процесс образуется при помощи каузатива (из Процесса), инхоатива+каузатива (из Состояния) и дополнителя (complementizer) – из Действия.

Состояние производится посредством результатива (из Процесса) и деактиватива + результатива (из Действия-Процесса).

Таким образом, наибольшим деривирующими и деривируемыми потенциалом обладает Действие-Процесс, наименьшим – Действие; Состояние и Процесс в этом отношении эквипотенциальны. Деривационная схема считается бивекториальной, т. е. круговой. Однако эта цепь в одном месте дает разрыв. Речь идет о взаимной деривации Действия и Действия-Процесса. Для ее существования необходимо условие транзитивности. Это условие не выполняется полностью в системе У. Чейфа при деривации Действие ↔ Действие-Процесс: блокирование происходит, если в результате деривации возникает Пациент, и не имеет места при формировании Дополнения. По У. Чейфу, деривация в обоих случаях дает Действие (а не Действие-Процесс). У. Кук объединяет Пациент и Дополнение в Объект, и деривация Действие → Действие-Процесс считается осуществляемой при помощи дополнителя. Однако образовавшийся Объект неоднозначен, т. к. взаимная деривация верна не для Объекта-Дополнения, но для Объекта-Пациента. В схематическом изображении различие в векториальности очевидно: Действие-Процесс → Действие (для Объекта-Дополнения); Действие-Процесс ↔ Действие (для Объекта-Пациента).

В категорию Действие У. Кук включает одно- и двухместные предикаты (типа *to laugh*, *to work* и *to dance*, *to build*). При двухместных предикатах имеются два аргумента с семантикой, родственной семантике самого предиката (ср. Дополнение у У. Чейфа). По-видимому, предикаты Действия следовало бы охарактеризовать как непереходные (одноместные) и псевдопереходные (двухместные).

Однако трактовка Действия проводится автором непоследовательно. Так, непонятно, на каком основании глаголы *sneeze*, *yawn* отнесены к

Процессу, а *laugh, smile* – к Действию – на основании признака \pm *намеренность*? Действие и Процесс смешиваются и при деривации. Например, при деактивации Действия-Процесса *to kick* получается, согласно У. Куку, Процесс *to kick*, а при депроцессивности – Действие *to kick* (Cook 1979, с. 77). В чем же тогда различие между этими двумя непереходными глаголами? Не объясняется также, почему предложение *It interests me* следует считать выражением Действия в противоположность Состоянию *It is interesting to me* (Указ. соч., с. 100). Устранием Экспериенцера во втором предложении не может свидетельствовать в пользу его стативности, так как, по определению, семантика предиката, его селекционные признаки задают количество и качество аргументов, а не наоборот.

Таким образом, классификация предикатов у У. Кука является недостаточно разработанной. Совершенно отсутствует трактовка случаев с предметными предикатами. Определение падежных ролей проводится на основе анализа поверхностной и глубинной структур. Первая дает открытые, вторая – скрытые падежи (здесь на помощь приходит интроспекция). Первая стадия – анализ поверхностной структуры – состоит из трех этапов: а) подбор данных (примеров с разными ролями для одного глагола); б) приписывание падежей (каждому функциональному сегменту, кроме предиката, приписывается падеж: субъекту и объектам – пропозициональные, адъюнктам – модальные); в) составление обобщенной (conflated) падежной рамки, т. е. набора падежей, характерных в принципе для данного предиката, включая обязательные и факультативные (Указ. соч., с. 83–85). Тем самым первая стадия анализа является эмпирической и синтаксически ориентированной (ср. выделение синтаксических функциональных сегментов). Совокупная падежная рамка является репрезентацией многих семантических структур для одного предикатного класса и представляет собой типовое образование.

Разделение падежей на пропозициональные и модальные имеет истоком раннюю концепцию Ч. Филлмора. К пропозициональным падежам У. Кука относит Агент, Экспериенцер, Бенефактив, Локатив и Объект. Их выделение происходит на основе семантики предикатов – Действия, Экспериенциального, Бенефактивного и Локативного. Объект представляет собой наиболее широкую по семантике категорию (ср. Объектив у Ч. Филлмора) и считается обязательным для всех типов предикатов. Агент и Объект признаются основными категориями. При одноместных предикатах Состояния и Процесса имеются только Объект состояния и Объект. Различие Объекта состояния и Экспериенцера не всегда убедительно. Так, по У. Куку, в предложениях типа *Он хандрит – У него хандра* имеется Объект состояния. Однако это Состояние психологического характера, следовательно, тут присутствует и экспериенциальная семантика. Автор пишет, что здесь налицо сово-

купная рамка [Экспериенцер+Объект состояния]. Но тогда предикаты таких предложений должны быть исключены из категории одноместных, чего не делает У. Кука.

Определение скрытых ролей (к которым относятся «устраниемые», ср.: *Mother is cooking (the dinner)*) проводится на уровне глубинной семантической структуры. В трактовке полностью скрытых ролей У. Кука опирается на концепцию Ч. Филлмора, который говорит о лексикализованных, «запрятанных» в глаголе ролях (ср.: *John bottled the beer*, где лексикализованным является Локатив) и о кореферентных ролях (ср.: *John moved*, где кореферентны Агент и Объект) (см.: Fillmore 1971a). К кореферентным парам У. Кука причисляет Агент – Экспериенцер, Агент – Бенефактив и Агент – Объект. Лексикализованные роли – это Локатив и Объект (Cook 1979, с. 105–106).

К модальным падежам причисляются Время, Место, Способ (в том числе Инструмент), Причина, Цель, Результат, внешние Локатив и Бенефактив. Источник и Цель, в отличие от локалистических падежей (см.: Anderson 1971; Gruber 1976), считаются не самостоятельными ролями, а селекционными признаками глаголов. Модальные падежи относятся не к предикату, а ко всей пропозиции как модальность, выражая глагольно-адвербиальные отношения. В редких случаях модальные падежи могут являться частью падежной рамки (Cook 1979, с. 45–46). Модальные падежи специально автором не рассматриваются, хотя здесь можно было бы сделать интересные наблюдения, поскольку модальные падежи будут, видимо, различаться в зависимости от семантического класса предиката.

Таким образом, наличие ряда теоретических просчетов резко снижает объяснительную силу теории У. Кука. Его концепция менее оригинальна, чем другие падежно-ролевые теории.

Литература

- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М., 1982.
- Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
- Anderson, J. The Grammar of Case: Towards a Localistic Theory / J.M. Anderson. – London: Cambridge University Press, 1971. – 244 p.
- Cook, W. Case Grammar: Development of the Matrix Model (1970–1978) / W.A. Cook. – Washington: Georgetown University Press, 1979. – 223 p.
- Fillmore, Ch. Some Problems for Case Grammar / Ch.J. Fillmore // Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics. Washington: Georgetown University Press, 1971. Vol.24. – P. 35–56.
- Gruber, J. Lexical Structures in Syntax and Semantics / J.S. Gruber. – Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1976. – 375 p.
- Nilsen, D. Toward a Semantic Specification of Deep Case / D.L.F. Nilsen. –The Hague; Paris: Mouton, 1972. – 53 p.

Ni1sen D., Ni1sen A. Semantic Theory: A Linguistic Perspective / D.L.F. Nil-sen, A.P. Nilsen. – Rowley, Mass.: Newbury, 1975. – 191 p.

**Величко А.В.
Velichko A.V.**

*Московский государственный университет
Moscow State University*

**КОНВЕРСНЫЕ СТРУКТУРЫ
И СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ
CONVERSE STRUCTURES AND SYNTACTIC SYNONYMY**

Аннотация. Статья посвящена вопросам синтаксической синонимии и их использованию в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Основное внимание уделяется конверсным структурам русского языка как особому типу синтаксических синонимов. Они анализируются с точки зрения их формальной организации и семантики.

Abstract. The article is devoted to syntactic synonymy and their use in the theory and practice of teaching Russian as a foreign language. It focuses on the converse structures of Russian language as a special type of syntactic synonyms. They are analyzed from the point of view of their formal organization and semantics.

Ключевые слова: синтаксическая синонимия, русский язык как иностранный, конверсные структуры.

Key words: syntactic synonymy, Russian as a foreign language, converse structures.

Синонимичность – универсальное свойство любого языка, поэтому вопросы синонимии всегда вызывали у исследователей интерес. Однако, как отмечает В.Ю. Копров, «особенно он возрос в связи с разработкой функциональной грамматики и актуализацией вопросов теории и практики перевода, а также с расширением обучения иностранным языкам» (Копров 2016, с. 58).

Полноценное владение иностранным языком, в том числе и русским языком как иностранным, предполагает умение передавать одно и то же содержание разными способами. Поэтому при обучении иностранных учащихся русскому языку, как правило, большое внимание уделяется перефразированию предложений, синтаксической синонимии. Под синтаксическими синонимами подразумеваются структуры, которые различаются построением, но передают одно и то же, или очень близкое содержание. В учебные программы для иностранных учащихся входят и обязательно используются в аудиторной практике следующие типы синонимических замен.

– Замена придаточной части сложноподчиненного определительно-го предложения с союзным словом *который* причастным оборотом:

*Мы поздравили студентов, которые успешно выступили на конкурсе –
Мы поздравили студентов, успешно выступивших на конкурсе.*

– Соотношение придаточной части сложноподчиненного предложения и деепричастного оборота: *Открыв журнал, он сразу нашел в нем интересную статью – Когда он открыл журнал, он сразу нашел в нем интересную статью.*

– Замена сложного предложения простым, при которой придаточная часть заменяется предложно-именной конструкцией, например: *Михаил не пришел на тренировку, так как получил травму – Михаил не пришел на тренировку из-за травмы*; и т.п.

Не менее частотными для грамматической системы русского языка в плане синтаксической синонимии являются также соотносительные, так называемые конверсные предложения, в основе которых лежит явление конверсии.

В свое время в отечественной русистике явление конверсности и конверсные структуры как регулярный механизм образования соотносительных структур детально исследовал Т.П. Ломтев (Ломтев 1968; 1969; 1972). Понятие конверсных структур в его теории опирается на представление структуры предложения как системы с отношениями. Предложение является языковым выражением (означающим) какой-то объективной ситуации реальной действительности (означаемого). Любая ситуация может быть мысленно представлена в виде структуры, имеющей свои предметы и отношение, которое устанавливается между этими предметами (актантами). В предложении как языковом представлении ситуации актантам соответствуют их имена, а отношению соответствует глагол или другое словесное обозначение. Одна и та же объективная ситуация может быть выражена разными структурами, в том числе и конверсными. Для определения конверсной структуры используется понятие направления отношения и точки отсчета в направлении отношения.

Конверсными называют два предложения, в одном из которых выражается отношение между актантами с одним направлением отношения, а в другом – с обратным, конверсным.

Классическим примером конверсных предложений являются активные и пассивные структуры. Например: *Комиссия рассматривает проект – Проект рассматривается комиссией*. В первом предложении исходную позицию занимает субъект (*комиссия*), а последующую – актант со значением объекта (*проект*), т. е. представлено направление. Во втором предложении исходную позицию занимает актант, называющий объект, а субъект занимает последующую позицию, т. е. представлено направление.

В приведенном предложении активной структуры исходную позицию, т. е. позицию именительного падежа, занимает актант со значени-

ем субъекта (*комиссия*); он является точкой отсчета в направлении отношения, и отношение, выраженное глаголом *рассматривает*, направлено к актанту, называющему объект (*проект*): $x \rightarrow y$. В предложении пассивной структуры точка отсчета изменилась. Изменилось и направление отношения (от предмета, обозначенного словом *проект*, к предмету, обозначенному словом *комиссия*): $y \rightarrow x$. Если направление отношения в первом предложении считать прямым, то во втором предложении оно является обратным, или конверсным, а сами структуры – конверсными. При этом сами предложения ситуативно равнозначны друг другу и актанты сохранили свои валентности.

Активные и пассивные конструкции всегда привлекали и привлекают внимание как теоретиков лингвистики, так и преподавателей. Этой теме посвящено значительное количество работ. В.Ю. Копров интересно исследует этот вопрос в сопоставительном плане, для разноструктурных языков (Копров 2016, с. 161–181). Регулярно эта тема представляется и в учебниках и пособиях по русскому языку для иностранных учащихся.

В русской грамматике явление конверсии представлено гораздо богаче и разнообразнее и не исчерпывается соотношением предложений, основанным на категории залоговости. Ср. другие примеры синонимичных конверсных предложений: *Коля разозлил Петя – Петя разозлился на Колю; Поезд № 1 пришел на станцию – Станция приняла поезд № 1; Оля любит поэзию – Поэзия нравится Оле; Дерево выше дома – Дом ниже дерева; Катя старше Сережи – Сережа моложе Кати; Санаторий имеет пляж – Пляж принадлежит санаторию*.

Как видно из примеров, конверсные отношения связывают разные по содержанию актанты, они могут выражаться разными формами, не только винительным без предлога. Отношение может выражаться разными глаголами или разными лексическими единицами.

Вообще явление конверсии сначала рассматривалось как лексическое, так как сначала исследователи обратили внимание на семантическую близость слов типа *давать – получать, любить – нравиться, выиграть – проиграть; выше – ниже, моложе – старше*, которые описывают одну и ту же ситуацию, но по-разному, как бы с разных сторон. Лексические конверсины глубоко исследовал Ю.Д. Апресян, этому вопросу посвящена отдельная глава его книги (Апресян 1967). В начале главы он дает краткое, но содержательное изложение истории вопроса. Однако поскольку при рассмотрении конверсных слов приходилось учитывать и их синтаксические свойства, стали исследовать структуры с этими словами – конверсные структуры. Исследование явления конверсии в синтаксическом плане важно с теоретической точки зрения для развития функционально-коммуникативной грамматики, с ее

направленностью на изучение языка как средства общения. Описание таких структур необходимо и для практических целей как один из типов синтаксических синонимов.

Нередко бывает трудно определить, какое направление отношения считать прямым, а какое – конверсным, и, соответственно, какую структуру считать прямой, а какую – конверсной. Поэтому можно обе структуры считать конверсными, а глаголы, имена, выражающие отношение, – конверсивами.

Важным является вопрос о семантической характеристики структур, находящихся в отношениях конверсии. Утверждение о том, что конверсная структура выражает ту же объективную ситуацию, что и исходная, отнюдь не означает, что она сохраняет полное семантическое тождество с ней. «Наоборот, разумно предполагать, что всякому изменению формы соответствует некоторое семантическое изменение» (Апресян 1967, с. 57). Г.А. Золотова также отмечает, что «нет надобности в жестком требовании лексического тождества для установления синонимичности синтаксических конструкций», что «в живом языке синтаксическая синонимия вступает во взаимодействие с синонимией лексической» (Золотова 1998, с. 189). Структуры, находящиеся в отношениях конверсии, выполняют в языке каждая свою определенную семантическую функцию.

Согласно грамматическим закономерностям, предметы (актанты) в зависимости от позиции, занимаемой ими в предложении, различаются коммуникативным рангом и, соответственно, семантической значимостью. Самый высокий ранг получает компонент, занимающий исходную позицию; обычно он выражается формой именительного падежа. На этот компонент падает смысловой акцент предложения, от него «отсчитывается» смысл, семантика всего высказывания. В приведенном высказывании активной структуры акцентируется субъект (*комиссия*) и предложение сообщает о его действии по отношению к предмету, занимающему последующее место (*проект*). В пассивном предложении семантически более значимым становится предмет *проект*, и предложение сообщает, в каком состоянии находится он, что с ним происходит (*рассматривается*). В принципе же оба предложения сообщают об одной и той же ситуации ('рассмотрение объекта').

Таким образом, конверсные предложения отражают субъективную позицию говорящего в изображении описываемого факта. Конверсные изменения в первую очередь связаны с изменением коммуникативного ранга актантов высказывания при сохранении неизменной объективной сути самого связывающего их отношения. Приведем еще пример. Если мы говорим *Начинающий спортсмен выиграл у чемпиона*, мы выделяем как новое тот факт, что начинающий спортсмен играл очень хоро-

шо. Когда мы говорим *Чемпион проиграл начинающему спортсмену*, мы подчеркиваем, что чемпион играл плохо, однако сама ситуация игры выигрыша-проигрыша остается неизменной.

В языке конверсные соотносительные структуры существуют семействами, как отдельные семантические группы. Язык выделил те обобщенные смыслы, типы ситуаций реальной действительности, которые могут быть представлены конверсными структурами, которые человеку приходится, удобно представлять с одним и другим направлением отношения. Для выражения таких разнонаправленных отношений язык выработал регулярные средства. Ю.Д. Апресян выделяет список «готовых конверсивов» (Апресян 1974, с 263–265). При обучении иностранных учащихся практическому русскому языку обращение к конверсным структурам – важный лингводидактический прием для более глубокого и эффективного усвоения лексико-грамматического материала и развития речи. Целесообразно отобрать группы конверсных структур, связанные с речевыми ситуациями, которые актуальны для иностранной аудитории. Рассмотрим некоторые из них.

Значительное количество конверсных преобразований связано с обиходной речью: *купить – продать, выиграть – проиграть, дать, выдать – получить, сказать, сообщить – узнать, услышать и под.* Они обычно усваиваются как лексические единицы с их управлением.

В русском языке имеется значительное количество структур, используемых для описания эмоционального отношения лица к объекту, явлению действительности. В них используются возвратные глаголы соответствующей семантики. Они объединяются в несколько групп на основании их конкретного значения и способности к распространению: (1) *интересоваться, увлекаться, восхищаться, любоваться, наслаждаться, гордиться, огорчаться, восторгаться (кем / чем);* (2) *удивляться, изумляться, поражаться, радоваться (кому / чему);* (3) *бояться, пугаться / испугаться, страшиться, смущаться, стыдиться, стесняться (кого / чего),* (4) *волноваться, беспокоиться, заботиться (о ком / о чем).* Ср.:

Илья интересуется медициной; Зрители восхищаются певцом; Юля страшится темноты; Друзья изумляются его терпению; Нина смущается новой обстановки; Он огорчился проигрышем.

Синонимичными, близкими им по значению являются конверсные предложения, в которых используются те же глаголы без частицы *-ся*: (1) *интересовать, увлекать, восхищать, огорчать;* (2) *удивлять, изумлять, поражать, радовать;* (3) *пугать, страшить, смущать;* (4) *волновать, беспокоить.* В них отражено изменение направления отношения. Исходной точкой в них становится объект (актант со значением объекта):

Медицина интересует Илью; Темнота страшит Юлю; Нину смущает незнакомая обстановка; Проигрыши огорчил его и т.д.

Исходная и конверсная структуры различаются логическим и смысловым акцентом. В предложении *Илья интересуется медициной* высший ранг у актанта, называющего субъект, и семантика определяется относительно его. В данном случае лицо характеризуется с точки зрения его отношения к другому предмету – науке. В предложении *Медицина интересует Илью* высший ранг получает компонент *наука*, в семантике предложения происходит смысловой сдвиг – выделяется объект *наука* и сообщается, какое место занимает она в жизни данного лица.

Образование конверсного варианта для данного конкретного высказывания не всегда возможно. Это может быть связано с тем, что возвратный глагол не имеет парного невозвратного глагола. Так, глаголы *гордиться, любоваться, опасаться, наслаждаться* не имеют невозвратного варианта. С другой стороны, некоторые невозвратные глаголы семантически не совпадают с возвратным, и конверсная структура невозможна. Например, глаголы *стесняться и стеснять, стыдиться и стыдить* имеют разные значения, и конверсной структуры, соотносительной с исходной, не получается (ср.: *Он стыдится своей полноты – *Его полнота стыдит его*). В таких случаях для построения конверсного предложения может использоваться другой, семантически близкий невозвратный глагол, ср.: *Он стыдится своей полноты – Его полнота смущает его*.

Особого разговора заслуживает тот факт, что в языке существуют глагольно-именные сочетания, семантически соответствующие названным глаголам этой группы, – возвратным (*проявлять интерес, выражать восхищение, приходить в восхищение, выражать удивление, испытывать смущение, чувствовать страх* и т.д.) и невозвратным (*вызывать интерес, вызывать восторг, приводить в восторг, приводить в восхищение* и др.). В этом случае можно образовать конверсные пары высказываний с глагольно-именными сочетаниями, например:

Илья проявляет интерес к науке – Наука вызывает интерес у Ильи; Зрители выражают восторг его пением – Его пение вызывает у зрителей восторг.

В частности, это позволяет образовать конверсный вариант в тех случаях, когда отсутствует невозвратный глагол того же корня, что и возвратный, ср.: *Болельщики гордятся победой нашей команды – Победа нашей команды вызывает гордость у всех болельщиков*.

Планируя отработку таких случаев синтаксической синонимии, следует учитывать уровень владения русским языком, так как здесь, кроме работы над конверсными структурами, требуется дополнитель-

ная работы над самими глагольно-именными сочетаниями, их семантическими оттенками, стилистической окраской, над их синтагматической сочетаемостью и т.п.

Интересные особенности соотношения конверсных структур отмечаются при передаче ситуации «Характеристика качеств человека, специфических признаков объекта». Здесь используется набор конверсных структур. С одной стороны, используются структуры, которые акцентируют лицо или неодушевленный объект с точки зрения характерных его качеств, свойств: (1) **кто / что обладает чем**; (2) **кто / что характеризуется чем**; (3) **кто / что наделен чем**; (4) **кто / что отличается чем**; (5) **кто / что имеет что**. С другой стороны, это структуры, которые акцентируют качество, свойство как отличительный признак лица или предмета. В них существительное в форме именительного падежа называет качество, свойство, признак: (1) **что характеризует кого / что**; (2) **что свойственно кому / чему**; (3) **что характерно для кого / для чего**; (4) **что присуще кому / чему**; (5) **что отличает кого / что**.

Особенность этих двух групп структур в том, что их трудно объединить в пары, так как исходное и конверсное направления выражены предикатами, которые выражены разными лексическими единицами или семантически разошлись. В каждом конкретном случае следует подбирать предикат (структурную) в зависимости от того, какая конкретная черта имеется в виду. Надо учитывать лексическую и стилистическую сочетаемость, не нарушать синтагматические связи, ср., например, **Ему свойственно крепкое здоровье*. Кроме того, при сообщении о негативном признаком набор предикатов сужается, ср.: **Он наделен слабым зрением*.

С теоретической точки зрения возможен вопрос, можно ли здесь говорить о конверсии, и он может быть решен по-разному. Однако для практических целей внимание на такие структуры следует обращать. Это помогает отрабатывать правильное оформление структур, а также предполагает анализ (например, в форме комментария преподавателя) семантической специфики каждого предиката.

Интересную группу представляют собой структуры, передающие значение «Состав объекта». Здесь отношением связаны два компонента: «целое» и «части, составляющие целое». Если говорящий хочет выразить отношение с направлением «целое» – «составляющие его части», он использует структуры (1) **что состоит из чего**; (2) **что включает что**; (3) **что содержит что**: *Книга состоит из трех частей*; *Это слово включает корень, приставку и окончание*; *Вода состоит из кислорода и водорода*. Эти структуры подчеркивают целостность объекта.

Если же говорящему важно акцентировать внимание на частях как элементах целого, то он выбирает одну из следующих конверсных структур: (4) **что составляет что**; (5) **что образует что**; (6) **что вхо-**

дит во что / в состав чего; (7) что относится / принадлежит к чему; (8) что выделяется в чем: Четыре названные повести составляют отдельный цикл.

Выбор одной из конверсных структур позволяет говорящему не только акцентировать коммуникативную значимость актанта «часть», но и использовать смену направления для передачи дополнительного смыслового компонента, уточняющего характер отношения. Так, структуры (4) и (5) передают, что названные части полностью заполняют собой объем целого (*Сборник составляют двадцать ранних стихотворений поэта; Два корня, объединенные соединительной гласной, образуют сложное слово*), тогда как структура (6) используется, если надо выделить только некоторые конкретные части целого, те, которые в данный момент важны, которые актуальны. Так, высказывание *Эти повести входят в первый том* означает, что в первом томе есть и другие повести. Цель структуры (7) – указать на отнесенность данного объекта к определенному классу однородных, сходных (*Стихотворение «Я вас любил...» относится к самым известным стихотворениям Пушкина*), а структура (8) употребляется, когда надо указать части, которые значительно важнее, необычнее других: *В творчестве писателя всегда выделялась тема города.*

Конверсные отношения можно рассматривать и в предложениях с трехместными отношениями. Это позволяет представить систему из шести синтаксических структур, отражающих шесть типов бинарных отношений между тремя предикатными компонентами. Покажем эту систему конверсных структур на примере предложений со значением передачи:

Командир вручил грамоту курсанту – Грамота вручена командиром курсанту; Командир наградил курсанта грамотой – Курсант награжден грамотой командиром; Курсант получил грамоту от командира – Грамота получена курсантом от командира.

Такие конверсные изменения требуют обстоятельного рассмотрения, что не входит в задачу данной статьи, поэтому ограничимся констатацией такой возможности.

Таким образом, конверсные структуры – это особый вид синтаксической синонимии, заключающейся в возможности изменения коммуникативного ранга предикатных компонентов предложения, что позволяет представить разное осмысление одной и той же объективной ситуации.

Литература

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967 – 250 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1967. – С. 256–283.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова. – М.: ИПО «Лев Толстой», 1998. – 528 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Ломтев Т.П. Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката / Т.П. Ломтев // Славянское языкознание. – М., 1968. – С. 296–315.

Ломтев Т.П. Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношений / Т.П. Ломтев // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М., 1969. – С. 104–115.

Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 197 с.

Всеволодова М.В.
Vsevolodova M.V.

Московский государственный университет
Moscow State University

**СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ
И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ. ОБЪЕКТИВНАЯ
ГРАММАТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ**
**MODERN LEVEL OF GRAMMAR OF RUSSIAN
AND OTHER SLAVONIC LANGUAGES. OBJECTIVE GRAMMAR
AND PROBLEMS OF GRAMMATICALISATION**

Аннотация. В статье рассматриваются примеры пересечения фразеологии и грамматики, нетипичные для нормативной грамматики единицы. Анализируется процесс их грамматикализации и постулируется необходимость разработки объективной грамматики, имеющей значение не только для лингвистической теории, но и для практики преподавания языков.

Abstract. The article deals with some examples of phraseology and grammar intersection, not typical for normative grammar units. The process of their grammaticalisation is analysed and the necessity of developing objective grammar is postulated that is valuable not only for linguistic theory, but also for teaching languages.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, нормативная грамматика, объективная грамматика, грамматикализация, преподавание языков.

Key words: Russian language, phraseology, normative grammar, objective grammar, grammaticalisation, teaching languages.

1. В известных специалистам традиционных грамматиках русского и других славянских языков помимо грамматических правил выделяются так называемые фразеологизмы, относительно которых заметим, что понятия и фразеологизмы, и фразеологизации не всегда употреб-

ляются корректно. Так, в Челябинской лингвистической школе вторичные предлоги, образованные предложной формой существительного, делятся на лексические, если они пишутся слитно, и фразеологические – если раздельно, даже если это фактически один предлог типа *влубь / в глубь (леса)*.

2. Глубокое пересечение фразеологии и грамматики являются, в частности, те структуры, которые в свое время как синтаксические фразеологизмы выделила Н.Ю. Шведова (РГ-80), а затем в целях их описания и преподавания русского языка как неродного классифицировала А.В. Величко (Величко 1996; 2016).

Различие между собственно фразеоглизмами и синтаксическими фразеоглизмами состоит в том, что в собственно фразеоглизмах сочетания слов или предложения приобретают специфическое значение, которое обычно употребляется как оценка по отношению к совершенству другой, нежели выраженная в языковой единице ситуация, но ни одного слова заменить другим или выбросить из фразеоглизма нельзя, ср. *Баба с возу – кобыле легче*. В синтаксических фразеоглизмах несколько своеобразной или вообще синтаксически трудно объяснимой является сама формальная структура, в то время, как лексика выступает практически без ограничений: *Семья семьей, а работать тоже нужно. Приехать он приехал, но не пришел*. Здесь важна и интонация. Специфика именно этого класса синтаксических единиц в том, что все эти предложения являются выразителями предложенческих модусов, для формулировки которых нужна модальная рамка (термин А. Вежбицкой), ср.: *Даст он тебе эту книгу, жди!* = не даст. (Мы отличаем предложенческий модус от понимания модуса, употребляемого в концепциях Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, Новосибирской школы и нек. др., где для выражения модуса служат нормальные знаменательные слова и предложения, и называем их подход текстовым модусом. Нашим модусом они не занимаются.)

3. Кроме синтаксических фразеоглизмов, а это своего рода пересечение множеств фразеоглизаций и грамматики, в русском языке имеется много не типичных для нормативной грамматики синтаксических единиц, поскольку они не являются собственно подлежащно-сказуемостными структурами предложения, что характерно, в частности, для языков с грамматикализованным порядком слов. И все они системны для русского языка, хотя некоторые из них нельзя объяснить собственно грамматически. Поскольку такие образования воспринимаются носителями языка как системные, есть смысл говорить о **грамматикализации** такого типа явлений.

Например, в русском языке системы предложения с улокализаторами, называющими субъекта денотативной структуры типа

У мамы ангина; У меня болит рука; У Васи хороший голос; или предложения типа *Малышу – одна неделя*, где субъект выражен дополнением, а предикат – подлежащим; или типа *Мне завтра уезжать; Книг на столе – одна*. Можно считать, что такие единицы системны для русского языка и входят в его грамматику, хотя и не все из них имеют однозначную грамматическую интерпретацию у разных авторов. Отметим, кстати, что предложения *У деда седая борода* и *У Маши голубые глаза* синтаксически две принципиально различные структуры. Но в традиционных грамматиках этого нет.

4. Именно эти явления в основном и выявляют как специфику языковой картины мира, так и специфику самого языка. Все это заставляет нас сформулировать более точный взгляд на специфику природы самого Языка как средства общения всего живого: от человека до растений, – и, соответственно, признать, вслед за Гумбольдтом, что язык есть структура мироздания и, вследствие этого, что его основными единицами являются поля и дискретные единицы, формирующие пересекающиеся множества разных уровней, что сейчас мы можем показать на многих примерах.

В частности, составные числительные всех классов (количественные, порядковые, комплексные, куда входят и дробные, выведенные в ГР-80 из частей речи в словосочетания, поскольку там возможен союз *и*), являются одновременно частями речи и, действительно, словосочетаниями, что доказывают южно-славянские языки, где в составных числительных единицы присоединяются к предшествующему числительному союзом *и: двадцет и еден*, а числительные типа *пятьсот* представляют собственно словосочетание *пет стотина*, что не отрицает наличия класса числительных, например, в сербском и хорватском языках.

Но, с другой стороны, Язык есть объективация, материализация нашего мышления, основными единицами которого являются категории, структура которых принципиально отлична от структуры поля. А.В. Бондарко абсолютно верно назвал Язык двуединством поля и категорий (что не означает синонимичности этих терминов) (Бондарко 2002). Наши материалы показали, что все функционально-семантические и функционально-грамматические категории, а это выделенные логической математикой и, как показано нашими систематологами, присущие человеческому мышлению многоранговые бинарные оппозиции, имеют своего рода полевую структуру. Первая часть оппозитивной дендрограммы гораздо богаче каждой следующей за ней оппозитивной части, а последняя часть имеет, в лучшем случае, одну оппозицию или представлена одним значением. И языки различаются именно количеством этих оппозиций и их смыслом.

Рамки статьи не позволяют нам проиллюстрировать это положение. Нам важно, что в первую очередь именно различия в оппозициях категорий, а это чистейшая грамматика, формируют языковые картины мира носителей разных языков.

5. Фактически все актуальные для современной лингвистики направления начали разрабатываться нами – преподавателями русского языка как иностранного – для наших чисто практических целей еще в начале второй половины прошлого века. Но эти, казалось бы, чисто **практические задачи** постоянно выводили и выводят нас на уровень **фундаментальной грамматики** Языка и оказываются актуальными и адекватными и для собственно теоретической модели и русистики, и общего языкоznания.

Покажем это на некоторых категориях единиц различных уровней, но упредим наше представление тремя положениями. Это осмысление и вывод из уже полученных результатов языкового анализа разных уровней языка.

5.1. Язык, как уже сказано, есть единица мироздания и средство объективации нашего мышления, которое богаче языка. Материал показал: вне зависимости от уровня (фонетический, лексический, морфологический, лексико-грамматический, синтаксический) поля соответствующего уровня формируются, хотя и по-разному, категориями, а все категории имеют специфическую полевую устроенность, но являются собой диахотомические многограновые оппозиции, представленные нам математической логикой. Одной из характеристик категориальности языка является парадигматика. А у нас много парадигм, представляющих пересечение дискретных единиц разных множеств, ср.: (стоят) *два человека* – (говорил) *с двумя людьми / о двух людях*.

У предлога в славянских языках оказалось несколько парадигм, в том числе актуализационная и функциональная. Например, постановка предлога в постпозицию к существительному сопровождается его тематизацией или рематизацией: *два дня назад*; *Рассудку вопреки*, но: *наперекор стихиям*. *Работаю не только славы ради, но и денег для* (Евстигнеев).

5.2. Язык есть система. Но никакую систему нельзя адекватно описать изнутри, нужен выход в другие системы. Для Языка есть два выхода: 1) в другой язык; 2) в диахронию – историю языка.

Выход в другие языки позволяет выявить лингвистические универсалии, например категории аспектуализации, актуального членения (предикативности, но не предикативности), типовых ситуаций, формирующих денотативную структуру предложения, с одной стороны, и специфические характеристики славянских языков, не выделенные в нашей грамматике, например, механизм грамматикализации глагольного вида, – категории не грамматикализированной (но грамматической), не имеющей никаких

формантов; ср. *преступник бежал из тюрьмы* (СВ) и *Он быстро бежал* (НСВ). Категория аспектуализации – лингвистическая универсалия, но вид, то есть наличие двух-трех глаголов с одним значением, есть только в славянских языках. Во всех других – грамматические или лексические маркеры соответствующих значений. Выход в диахронию позволяет понять трудно объяснимые в современном языке факты.

5.3. В теоретической грамматике принято обращаться к понятию нормы. Однако, с одной стороны, в русистике до сих пор нет нормативистики – направления, занимающегося проблемами изменения нормы. На протяжении жизни одного человека меняются нормативы многих единиц. Сейчас можно говорить о двух типах изменения нормы.

Первая – системное, но очень разновременное чередование синонимов. Назовем такие, как возвращение форм *по приходу*, *по приезду*, которые по свидетельству В.А. Белошапковой в 17-18 веках были равнопотребительны с формами *по приходе*, *по приезде*, а потом уступили им свое место (Белошапкова 1977). Сейчас они вернулись.

Вторая – это изменения в самой грамматике, как, например, ударное окончание **-á** в Им. п. мн. ч. слов муж. р. типа *докторá*, *мастерá*, бывшая форма двойственного числа. Все такие изменения происходят пословно и возникают в определенных профессиональных стилях. Так, в языке астрофизиков, биологов, медиков, кулинаров в России совершенно системна форма *слой*: *верхние и внутренние слой звезды*, *поверхностные и внутренние слой дерева*, *верхние слой роговицы глаза*, *все слой торта*. Мы пока продолжаем говорить *слой*.

С другой стороны, мы еще не знаем систему нашего языка. Но носитель языка, даже нарушающий сегодняшнюю норму, не может выйти за рамки системы своего языка, то есть не может говорить неправильно. Соответственно, предметом лингвистики должна быть, наряду с нормативистикой, и **объективная грамматика**, где для лингвиста нет «неправильного» и «некрасивого» (Пешковский 2010), что позволяет нам выявлять и понимать систему языка.

6. Представим некоторые аспекты современной русской грамматики.

6.1. Понятие предложения как единицы, имеющей категорию предикативности (модальность, время, лицо), выделенную В.В. Виноградовым и позволяющую разграничить уровни словосочетания и предложения, оказалось недостаточным при обучении русскому как иностранному.

Мы учим общению на языке, а общение осуществляется на уровне текста. В тексте же выступают не просто предложения, а **предложения-высказывания**, имеющие помимо категорий предикативности и категорию предикатии, или предицирования (Кацнельсон 1972; Лекант 2002), то есть компоненты, называющие то «о чем говорим» и то, «что

об этом говорим». А выразителями этой категории являются тема (Т) и рема (Р) актуального членения (АЧ), выделенного В. Матезиусом (Матезиус 1967), маркируют же Т и Р интонационные конструкции (ИК), выделенные Е.А. Брызгуновой (Брызгунова 1977). Но эта категория работает и в письменной речи. Как известно, Ф. Данеш на основе категории В. Матезиуса представил систему уровней предложения, где после содержательного (семантического у Ф. Данеша) идет формальный, а последним – актуализационный уровень (Данеш 1974). Здесь имеются две проблемы.

1) Как совершенно точно отметила Н.Д. Арутюнова, традиционное понимание семантического уровня включает как объективное содержание высказывания, так и субъективные установки говорящего, причем последние в значительно большей степени (Арутюнова 1976). На необходимость разграничения содержательной стороны, или денотативного уровня (в наших терминах), заданного нам реальной действительностью, и собственно семантического, идущего от говорящего, еще в 70-е гг. указывал Т.П. Ломтев (Ломтев 1972). Таким образом, в нашей модели языка у предложения оказывается не три, а четыре уровня, причем семантический уровень как уровень нашего мышления можно представить в виде трехгранной призмы, каждая сторона которой соотносится с одним из других уровней.

2) В концепции Ф. Данеша после семантического идет формальный уровень, а актуализационный – самым последним. Такое структурирование высказывания привело к тому, что проблему актуализации многие русисты рассматривают как «вуаль на шляпе»: как хочу, так и поверну. Отметим, что такое расположение уровней, даже при разграничении денотативного и собственно семантического уровней, характерно для языков с грамматикализованным порядком слов, к которым из известных нам языков относятся все языки, кроме славянских. В славянских же языках уровень АЧ является первым после денотативного (не семантического) уровня и практически не связан с категорией членов предложения (ЧП), что отличает славянские языки от языков с грамматикализованным порядком слов.

Для славянских языков важен порядок не ЧП, а имен участников ситуации, специфический для данной конситуации, ср.: *Юра бегло читает* – У Юры **беглость** в чтении / чтения – У Юры **беглое чтение**. И акцентуация предложения – интонационное выделение темы и ремы – это один из важнейших языковых механизмов, элемент грамматики славянских языков.

Правомерность различия предикативности и предикации формально подтверждает корейский язык, в котором при грамматикализованном порядке членов предложения рема выделяется послелогом *и* /

ки независимо от своего статуса и места в предложении, а каждое предложение-высказывание в потоке речи заканчивается частицей *та* / *да*. Названия картин типа «Грачи прилетели», «Осенний день. Сокольники» или «Не ждали» таких показателей не имеют. По-русски мы их тоже интонируем иначе, нежели высказывания.

6.2. Этот же уровень предложения-высказывания заставил нас вернуться к широкому пониманию понятия «словосочетание» (но с учетом категории предикативности), включив в эту диахотомическую категорию не только полнознаменательные подчинительные и сочинительные (Белошапкова 1977) структуры, но и дескрипции – словосочетания со строевыми словами типа *дать совет, совершил погружение, (говорить) громким голосом, синего цвета*; и составные числительные и квантитативы типа *пять книг*.

Оказалось, что то, что В.В. Виноградов считал разрушением словосочетаний (Виноградов 1972), скорее есть их свойства, теснейшим образом связанные с актуальным членением. Именно славянские языки обладают способностью переставлять и расставлять «слово» и «словоформу» словосочетания для решения коммуникативных задач, что приводит и к изменению ИК, ср.: *Я вчера купил интересную книгу – Я вчера купил книгу интересную – Книгу я вчера купил интересную*. В.В. Виноградов совершенно правильно говорил о словопорядке в словосочетании, но оказалось, что при обратном порядке членов предложения нормально как раз «разрушенное» по Виноградову словосочетание, ср. *Издательство «Мир» выпустило эту книгу – Эту книгу выпустило издательство «Мир»*, где управляющее слово стоит после управляемого, и предложение может быть односинтагменным. А восстановление нормативного порядка требует другой акцентуации и членения предложения: *Выпустило эту книгу // издательство «Мир»*.

Участие словосочетаний в актуальном членении выявляет много интересных проблем. Покажем только одну. Предложения с Им. или Вин. падежом квантитатива типа *На столе – пять книг*; или *Я купил пять книг* свободно допускают расстановку членов квантитатива в тему и рему: *Книг на столе – пять*; *Книг я купил пять*. Но Род. п. темы позволяет использовать и все, включая составные, числительные *с один, два, три, четыре*: *Книг на столе – одна / сто одна; Книг на столе – две / двадцать две / сто сорок три / двадцать четыре. Книг я купил одну / двадцать одну/ две / сорок две* и т.д. Но в этом случае невозможен квантитатив типа **На столе одна / сто одна книг; *Я купил две / двадцать две книг*. И значит, перед нами не вариант словосочетания, а грамматикализованная модель предложения. Структуры типа *Книг на столе – пять; Книг я купил пять* тоже могут рассматриваться как реализации модели типа *Книг на столе – одна* с типовым значени-

ем “субъект и его количество”. Налицо зона пересечения двух множеств – словосочетаний-квантификаторов и модели предложения, что еще раз доказывает принадлежность Языка к структурам мироздания.

6.3. Работа над коррелятами предлогов типа *длиной, в ширину, на высоту* скольких единиц, проведенная нашей японской коллегой Риной Судзуки, вывела нас на категорию количественности, описываемую в современной русистике на материале форм числа существительных, хотя ее ядром, безусловно, является числительное. Р. Судзуки выявлена функционально-грамматическая категория количественности, проверенная потом на структурах с первичными предлогами, что выявило фрагменты грамматики квантификаторов, в нашей литературе не представленные, в частности:

а) наличие трех равно употребительных в речи естественного общения вариантов: *говорил с порядка десятью студентами / с порядка десяти студентов / с порядка десяти студентами*;

б) влияние категории количественности на выражение категории одушевленности. Как оказалось, с числительными *два, три, четыре* и *две, трое, четверо* выражение одушевленности возможно, но не обязательно, ср.: *корова родила четыре теленка / четырех телят / четверо телят / четырех телят; Она родила две дочери / двух дочерей / двое дочерей / двоих дочерей*; с числительными *пять – десять* одушевленность не выражается: *Свинья родила шесть порослят*; для одушевленности необходимы собирательные числительные типа *Свинья родила шестерых порослят*. В норме для сочетаний от *одиннадцати* и выше категория одушевленности не работает: *Пригласили двадцать студентов*;

в) квантификаторы с числительными, в том числе и составными, оканчивающимися на *два, три, четыре*, в роли подлежащего формируют не объяснимую с точки зрения современной грамматики структуру предложения, где может не быть согласования подлежащего и сказуемого по форме числа и согласования прилагательного с существительным ни по падежу, ни по числу, ср.: *поднялась детская рукá – поднялись детские руки – поднялось / поднялись две / тридцать три / сто четыре детские / детских рукí*. Здесь необходим выход в диахронию;

г) в ходе рассмотрения параметрических слов типа *длина, ширина*, выступающих в определенных формах в функции предлога, выявились разряды числительных в наших грамматиках не отмеченные, которые, включая сюда и дробные, выведенные в РГ-80 из разряда частей речи в словосочетания, мы назвали комплексными. Их специфика в том, что и после предлогов вместо Род. п. первое числительное стоит в Имен. п.: *Раствор крепостью порядка один к трем; Комната площадью порядка три на пять метров*;

д) наконец, очень интересной оказалась не отмеченная в наших грамматиках вариативность выражения числа и рода сказуемого при подлежащем – существительном, называющем число: *Тысяча лет прошла* – *Тысяча лет прошли* – *Тысяча лет прошло*; *Десяток ребят пришел* – *Десяток ребят пришли* – *Десяток ребят пришло*. На эти концерты ежегодно *приходит тысячи* москвичей (С. Собянин. ТВ.)

Все перечисленные выше случаи суть элементы грамматики, не совпадающие, однако, с грамматикой, представляющей в наших учебниках или традиционных научных грамматиках. Это очень немногие из выявленных нами случаев грамматикализации не типичных, казалось бы, языковых структур, которые тоже входят в систему нашего языка и которые лингвистика должна знать.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976. – 384 с.
- Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкова. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
- Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
- Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи / Е.А. Брызгунова. – М.: Русский язык, 1977. – 281 с.
- Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: Учебное пособие / А.В. Величко. – М., 1996. – 96 с.
- Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография / А.В. Величко. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 416 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Данеш Ф. К семантике основных синтаксических формаций / Ф. Данеш, К. Гаузенблас // Грамматическое описание славянских языков: концепция и методы. – М.: Наука, 1974. – 253 с.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
- Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка / П.А. Лекант. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – 312 с.
- Матезиус В. О системном грамматическом анализе / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226-239.
- Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: МГУ, 1972. – 197 с.
- Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А.М. Пешковский. – М.: Либроком, 2010. – 192 с.
- РГ-80: Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Казаков В.П.

Kazakov V.P.

Санкт-Петербургский государственный университет

Saint Petersburg State University

**ИМПЛИЦИТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СМЫСЛА
В КОНСТРУКЦИЯХ С ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ**
**IMPLICIT MEANINGS IN THE SENTENCES
COMPLICATED BY VERBAL ADVERB PHRASES**

Аннотация. В статье рассматривается употребление деепричастных оборотов в современном русском языке. Выявляется роль имплицитных смыслов в предложениях, осложненных деепричастными оборотами. Отмечается, что имплицитный модус может быть тесно связан со значением деепричастного оборота. В этом случае экспликация модусного значения не является обязательной для адекватного понимания предложения.

Abstract. The article is devoted to the use of verbal adverb phrases in modern Russian. The role of implicit meanings in sentences complicated by verbal adverb phrases is emphasized. It is noted that implicit modus meaning can be closely connected with the meaning of verbal adverb phrase. In that case, the expression of modus meaning is not obligatory for adequate understanding of the sentence.

Ключевые слова: деепричастный оборот, имплицитный смысл, субъект, кореферентность, модус, синтаксические нормы.

Keywords: verbal adverb phrase, implicit meaning, subject, coreference, modus, syntactical norms.

Синтаксические особенности деепричастия связаны с его морфологической природой: Л.В. Щерба подводил деепричастие под категорию глаголов и под категорию наречий (Щерба 1957, с. 78), В.В. Виноградов определял деепричастия как гибридную наречно-глагольную категорию (Виноградов 1986, с. 319).

По своей семантико-структурной организации предложение, осложненное деепричастным оборотом, характеризуется двуситуативностью и полуторапредикативностью (Копров 2013).

Характерным признаком конструкций с деепричастными оборотами является также кореферентность субъектов деепричастного действия и действия, выраженного в предложении сказуемым. Соответствующее правило было сформулировано уже М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике» в середине XVIII в.: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом, личным, на котором всей речи состоит сила: *идучи в школу, встретился я с приятелем...* Но многие в противоположность сему пишут: *идучи я в школу, встретился со мною приятель...*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение» (§ 532) (Ломоносов 1952).

Современные справочники отмечают особые случаи употребления деепричастных оборотов в предложениях без подлежащего, которые не рассматриваются как отклонения от синтаксической нормы (Русский язык 2014, с. 73). Например: *Переходя улицу, нужно посмотреть сначала налево, потом – направо*. Подчеркивается, что в таких случаях субъект деепричастного действия совпадает с субъектом действия, выражаемого словом, к которому это деепричастие относится. Однако деепричастные обороты отмечаются и в предложениях, где кореферентность субъектов формально отсутствует, и при этом нет оснований говорить о грубом нарушении синтаксической нормы. Например: *У авторов письма, судя по редакционной почте, не так мало единомышленников* (из газеты) (пример Т.В. Шмелевой). Деепричастие является здесь средством экспликации речевого компонента модуса. Вслед за Т.В. Шмелевой конструкции такого рода будем называть неканоническими конструкциями с деепричастиями (Шмелева 1984). В них деепричастия, образованные от глаголов со значением мыслительной деятельности человека (*размыслия, рассуждая* и т. п.), выступают во вводно-модальном употреблении (Шигуров 2015, с. 146–147).

На наш взгляд, наблюдения над неканоническими конструкциями с деепричастиями могли бы быть дополнены указанием на сложный состав модусной части, которая в плане содержания включает два компонента: (1) *Если рассуждать*, (2) *то можно прийти к выводу, что...* При этом второй компонент смысла может быть имплицитным, не выраженным в предложении. Обратимся к одному из примеров, приведенных в статье В.В. Шигурова и Т.А. Шигуровой: *Серьезно рассуждая, Шурочка, мы такие же люди, как все, и будем счастливы, как все...* (А.П. Чехов). Сравним: *Серьезно рассуждая, Шурочка, мы приходим к выводу, что мы такие же люди, как все...* Экспликация обоих компонентов модусной части превращает неканоническую конструкцию в типичную конструкцию с кореферентностью субъектов.

На случаи опущения модусной рамки в устной научной речи обратила внимание О.С. Биккулова: *И вот / обсуждая эту ситуацию / каждая перемена какого-то ударения / давала новую смысловую трактовку / выделения // Сравним: И вот / обсуждая эту ситуацию / <можно сказать, я скажу, что> каждая перемена какого-то ударения / давала новую смысловую трактовку / выделения //* (Биккулова 2011). Автор замечает, что в исходном предложении при формальном нарушении деепричастной нормы говорящий семантически не нарушает правила односубъектности (он участвует в обсуждении ситуации, и он же выступает с утверждением, высказывает мнение).

От чего зависит восприятие конструкций с имплицитными компонентами смысла и что поддерживает употребление такого рода кон-

структурой? На наш взгляд, важную роль играет наличие смысловой связи между невыраженным модусным компонентом и значением деепричастного оборота. Если значение имплицитного модуса является естественным результатом ментального действия, представленного деепричастным оборотом, то предложение, включающее такой оборот, не воспринимается как нарушающее синтаксическую норму. Например:

В общем, возвращаясь к теме, детям и подросткам гораздо проще понять слова, даже на русском, из «суррогатного», по Вашим словам, текста, чем такие слова, как «прясть», «пир», «кручиня» и многие-многие другие... (Интернет-форум: Ретвит, кибербуллинг и сектинг). Сравним: Возвращаясь к теме, следует заметить, что... .

И напротив, семантическая разноплановость имплицитного модуса и значения деепричастного оборота ведет к восприятию предложения как отклоняющегося от синтаксической нормы. О.С. Биккулова приводит следующий пример: *Выбирая рубрику в разделе «Текст новости», изменяется выделение фрагмента, релевантного рубрике* (Раздел помохи для программного обеспечения). Здесь есть имплицитный модусный компонент, который может быть эксплицирован. Сравним: *Выбирая рубрику в разделе «Текст новости», можно увидеть (мы видим, видно), что... .* Однако, в отличие от предыдущего случая, модусная рамка и деепричастный оборот характеризуют разные виды деятельности: физическое действие (выбор рубрики с помощью устройства ввода информации) и сенсорное восприятие (наблюдение за тем, как изменяется выделение фрагмента).

Неканонические конструкции с имплицитной модусной рамкой, включающие в свой состав деепричастные обороты, встречаются в текстах XVIII–XIX вв., их можно обнаружить и в современных Интернет-ресурсах, например: *После моста, проехав пост ДПС, метров через 800 будет правый поворот* (Онищенко 2012, с. 451). Н.К. Онищенко и О.С. Биккулова замечают, что не соответствующие литературной норме конструкции с деепричастными оборотами существуют, тем не менее, в разговорном синтаксисе. По нашему мнению, то обстоятельство, что неканонические конструкции фиксируются в Интернет-ресурсах, испытывающих влияние разговорной речевой стихии, неслучайно и требует отдельного комментария.

В связи с обсуждаемой проблемой обратимся к такой синтаксической особенности разговорной речи, как активность опосредованных смысловых отношений. Различие между непосредственными (прямыми) и опосредованными отношениями может быть продемонстрировано на следующих примерах: 1) *Полежать хочется / разложи раскладушку;* 2) *Устал я очень / разложи раскладушку* (Ширяев 1981, с. 236). В первом примере отношения прямые, есть непосредственная смыслово-

вая связь между частями полипредикативного высказывания: *Я хочу полежать, и поэтому я прошу тебя разложить раскладушку*. Второй пример соответствует сочетанию не двух, а трех смысловых компонентов: *Я очень устал, поэтому мне хочется полежать, и поэтому я прошу тебя разложить раскладушку*. В разговорной полипредикативной конструкции среднее звено смысловой цепочки не представлено (*Устал я очень / разложи раскладушку*), однако связь между вербализованными компонентами опосредуется невербализованным смыслом. Второй пример, таким образом, представляет собой высказывание с опосредованными смысловыми отношениями. Е.Н. Ширяев различает опосредованные отношения двух типов (Ширяев 1981, с. 236–237).

Отношения первого типа связаны с валентностью опорного слова. Синтаксическое место, предусмотренное моделью управления опорного слова, может быть занято одной из частей высказывания, и тогда отношения будут прямыми: *Я вижу / он стоит //*. Однако вторая часть высказывания может быть распространителем такого слова, которого нет в первой части (но оно могло бы быть), и тогда мы имеем дело с опосредованными отношениями: *Я взял словарь / нет там такого слова //* (взял и убедился в том, что там нет такого слова).

Опосредованные отношения второго типа опираются на связи между частями полипредикативного высказывания. Например: *Забуду я телефон / дай ручку*. Отношения между частями высказывания опосредуются скрытым смыслом: *Забуду я телефон, поэтому мне его надо обязательно записать, и поэтому я прошу у тебя ручку*.

Опосредованные смысловые отношения стали предметом внимания при описании полипредикативных конструкций как в разговорной речи, так и в кодифицированном литературном языке, где отмечаются сложные предложения с отношениями первого типа. Яркий пример: *Оглядываюсь – Грушницкий!* (М. Лермонтов). Однако рассматриваемая особенность характерна и для некоторых простых предложений, осложненных деепричастными оборотами.

Думается, что с учетом имплицитного компонента смысла мог бы быть прокомментирован следующий пример: *Возможно, поэтому вечерние туалеты традиционно темных тонов. Выбирая платье, не спугните потенциальных кавалеров* («Даша». 2004. № 10). Характеризуя данный пример, Н.К. Онипенко и О.С. Биккулова пишут, что в нем «прочитывается одновременность двух действий (а точнее, их смежность, рядоположенность во времени), что и порождает ошибку» (Онипенко 2012, с. 446). Получается, что при выборе платья нельзя спугнуть потенциальных кавалеров. Вероятно, формально приведенный пример и можно трактовать таким образом: когда вы выбираете платье, будьте осторожны, не спугните тех людей (находящихся поблизости), которые

могут стать вашими кавалерами. Но думается, что реальное «прочтение» извлеченной из журнала конструкции с деепричастным оборотом будет все-таки учитывать имплицитный смысл (или даже несколько компонентов смысла): *Выбирая платье, учтите возможные последствия своего выбора. Ошибочный выбор может в дальнейшем спугнуть потенциальных кавалеров.* Иначе говоря, в исходном предложении представлены опосредованные отношения второго типа (по Е.Н. Ширяеву). В то же время нельзя не согласиться с тем, что предложение из журнала «Даша», хотя оно и будет, скорее всего, правильно понято, построено некорректно, несмотря на общую субъектную отнесенность деепричастного действия и действия, выраженного сказуемым.

Таким образом, имплицитные компоненты смысла, с одной стороны, могут приводить к некорректности конструкций, формально соответствующих правилу употребления деепричастных оборотов, с другой стороны, могут способствовать восприятию в качестве нейтральных неканонических конструкций, формально нарушающих правило кореферентности субъектов. В дополнение к наблюдениям, представленным в начале статьи, приведем пример, почерпнутый из Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка):

И возвращаясь к тому, что я говорил, – триста лет назад шуты только были, а сто лет назад спортсменов не было – общество развивается таким образом, так возрастает его сложность, многообразность, количество степеней свободы, что количество трубочек, через которые проходит социально-адаптированный поток, социально-предъявимый – оно растет, растет и растет (А. Клейн).

Имплицитный модусный компонент в приведенном примере не нуждается в вербализации. Более того, в некоторых случаях вербализованный модусный компонент в конструкции с деепричастным оборотом, построенной с соблюдением правила односубъектности (причем субъект выражен подлежащим), может быть опущен без ущерба для передаваемого смысла и без заметного нарушения синтаксической нормы. Например:

Поэтому, возвращаясь к тому, о чем я говорил, я могу сказать, что молодые люди лишены чувства исторической традиции ответственности еще и потому, что у них нет даже возможности выбора, решения (М.К. Мамардашвили и др.). Сравним: Поэтому, возвращаясь к тому, о чем я говорил, молодые люди лишены чувства исторической традиции ответственности...

Формальное отступление от классического правила построения предложения с деепричастным оборотом выявляется лишь при синтаксическом разборе: при установлении того, что деепричастие не обозна-

чает действие, производителем которого является субъект, выраженный подлежащим.

Таким образом, очевидно, что конструкции с деепричастными оборотами, формально нарушающие правило кореферентности, требуют дифференцированного подхода при оценке их грамматической корректности / некорректности. М.Я. Гловинская опиралась на такие параметры, как совпадение / несовпадение семантических субъектов у деепричастия и глагола, от которого оно зависит, а также выраженность / невыраженность семантического субъекта. С учетом указанных параметров конструкции с формально выраженным семантическим субъектом, общим и для деепричастия, и для предиката предложения, рассматривались как наиболее близкие к норме (Гловинская 2000, с. 279–289). Например: *Посмотрев этот фильм, мне стало не по себе*. Ср.: *Я посмотрел этот фильм, и мне стало не по себе*. Т.В. Шмелева объяснила уместность неканонических конструкций с деепричастиями, в которых деепричастия являются средством экспликации речевого компонента модуса (Шмелева 1984). Например: *Такого не могло быть, поскольку, говоря словами чеховского героя, такого не бывает никогда* (В. Скворцов). Были уточнены субъективно-модальные значения, которые могут передаваться деепричастными оборотами во вводной функции (Шигуров 2015).

Представленные в настоящей статье наблюдения касаются роли имплицитных компонентов смысла в семантической организации неканонических конструкций с деепричастными оборотами. Имплицитный модусный компонент может быть тесно связан с ментальным значением деепричастного оборота, может «предсказываться» значением оборота. Например:

Из соавторства Сорокина и Зельдовича родилась картина о той прослойке людей, которая – пользуясь определением самого Сорокина – не только выживает в нынешней реальности, но умудряется жить стильно (Д. Быков). Сравним: *Можно сказать, пользуясь определением самого Сорокина....*.

В подобных случаях экспликация невыраженного модусного компонента не является обязательной для адекватного понимания смысла предложения, а формальное нарушение правила кореферентности субъектов не приводит к тому, что неканоническая конструкция с деепричастным оборотом воспринимается как конструкция, построенная с явным нарушением синтаксической нормы.

Литература

Биккулова О.С. Деепричастие. На правах рукописи / О.С. Биккулова. – М., 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://rusgram.ru>

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Выш. шк., 1986. – 640 с.

Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) / М.Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е.А. Земская. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 237–304.

Копров В.Ю. От простого предложения к сложному и от сложного выскаживания к простому: номинативно-релятивный аспект / В.Ю. Копров // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24–26 сентября 2013 года), посвященной 60-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://korporov.ru/publications.html> (дата обращения 29.06.2016).

Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758). – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm> (дата обращения 30.06.2016).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 15.07.2016).

Онипенко Н.К. На границе поля таксида, или О чем может узнать лингвист из старых петербургских объявлений / Н.К. Онипенко, О.С. Биккулова // От значения к форме, от формы к значению: Сб. статей к 80-летию член-корреспондента РАН А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 445–453.

Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / под ред. С.В. Друговейко-Должанской, Д.Н. Чердакова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 584 с.

Шигуров В.В. Транспозиция деепричастий от глаголов мысли в межчастеречный разряд модальных слов: семантическая субкатегоризация / В.В. Шигуров, Т.А. Шигурова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 7. Ч. 1. – С. 146–149.

Ширяев Е.Н. Синтаксис // Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев; отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1981. – С. 191–273.

Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса / Т.В. Шмелева // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры / науч. ред. В.А. Белошапкова. – Красноярск, 1984. – С. 64–70.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.

**Казарина В.И.
Kazarina V.I.**

*Елецкий государственный университет
Elets State University*

**МОДАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ
В СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
MODAL APPRICIATION OF SUPPOSITION
IN RUSSIAN SENTENCE SEMANTICS**

Аннотация. Статья посвящена описанию модальных парантез со значением предполагаемой достоверности, их способности быть маркерами субмодусов разного уровня неуверенности в адекватности оценки пропозиции высказывания.

Abstract. The article deals with the description of modal parenthetical constructions possessing the meaning of suppositional reliability, in terms of their ability to be submodus markers of various levels of uncertainty while appreciating the authenticity of utterance proposition.

Ключевые слова: модальная оценка, модификатор, неуверенность, парантеза, предположение, ситуация, субмодус.

Key words: modal appreciation, modifier, uncertainty, parenthesis, situation, submodus.

1. Категория модальности предложения – это не только одна из центральных языковых категорий (Виноградов 1975, с. 57), но и одна из самых сложных и дискуссионных проблем, нуждающихся в дальнейших исследованиях. В числе таковых мы видим модальность достоверности пропозиционального компонента высказывания, модальную оценку адекватности информативного компонента высказывания фрагменту мира с точки зрения говорящего, его знаний объективного «положения дел», служащих объектом оценки. Знание – это результат процесса познания действительности человеком, уровень адекватного ее отражения в сознании человека, характеризуемый иерархичностью, своего рода шкалой разного уровня достоверности, «от наименьшей до наибольшей степени» (Панфилов 1977, с. 42).

Способы объективации модальности достоверности различны: грамматические формы глагола, синтаксические конструкции, лексемы, интонация, жесты, мимика.

Представленная лексическими средствами модальность формирует модальный компонент высказывания, налагающийся «на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение», образующий «как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания» (Виноградов 1975, с. 59). В научной грамматике его называют модальностью «субъективной» (Грамматика 1970, с. 542; Русская грамматика 1980, с. 215), персуазивной (Панфилов 1977, с. 39), непредикативной (Золотова 1973, с. 141), эпистемической (Шатунов-

ский 1996, с. 173, 175). Непредикативная модальность – результат речевой реализации структурной схемы простого предложения, позволяющий квалифицировать ее **речевой** модальностью. Объективаторами речевой модальности служат глагольные и именные модификаторы, парантезы, частицы.

2. Объектом нашего исследования является модальная оценка неуверенности говорящего в истинности пропозиционального содержания, представленная парантезами во «внешней модальной рамке» (Касевич 1988) высказывания.

Уверенность / неуверенность оценки пропозиционального содержания, ее градуальность определяется уровнем знания оцениваемого положения дел говорящим. Модальность неуверенной оценки, ее иерархический характер позволяют дифференцировать ее на модус предположения и модус неполной уверенности в адекватности даваемой оценки.

Модус **предположения** является предметом данного исследования. Его цель мы видим в выявлении модификаторов модуса, его субмодусов и их материальной природы.

Исследование выполнено на материале художественных произведений М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, И.А. Куприна. Выборка 216 примеров с маркерами модуса «предположение» включает парантезы *кажется, наверно, наверное, очевидно, по-видимому, пожалуй, положим*.

2.1. Наиболее частотным в функционировании и многозначным по семантике в нашем материале является модификатор *кажется* (прост. *кажись*) (132 примера, > 61% высказываний с модусом «предположение»).

2.1.1. Модификатор выступает маркером совокупности субмодусов: «предположительность», представленная семемой «как будто бы» в ситуации:

воспоминания, когда модальный субъект не полагается на надежность своей памяти: – *Я... я... право, не знаю-с, – растерянно залепетал он [Ярмола]. – Кажется, какая-то Самуилиха... Мануйлиха... или... Позвольте... Дочка какой-то Мануйлихи?.. Тут что-то такое болтали мужики, но я, признаюсь, не запомнил* (Куприн. Олеся); – *Николай, помнится, в батюшкиной дивизии был лекарь Базаров? – Кажется, был* (Тургенев. Отцы и дети); – *Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. – воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость. – Служил, кажется, – да я у них недавно* (Лермонтов. Максим Максимыч);

логики размышления:... *Вадим почувствовал неизъяснимое со-страдание к этим существам, которые подобно червям ползают у ног*

*богатства, которые, без родных и отечества, **кажется**, созданы только для того, чтобы упражнять в чувствительности проходящих* (Лермонтов. Вадим);

семемой «будто» в ситуации восприятия, вывода, сделанного в результате наблюдения: *Часто Ромашов замечал, что в его присутствии унтер-офицеры обращались к Хлебникову с преувеличеннной насмешливой вежливостью и говорили с ним нарочно славными голосами. **Кажется**, об этом знал и капитан Слива. По крайней мере, он иногда ворчал... (Куприн. Поединок); Барин, – воскликнул вдруг Федосей... – посмотри-ка... **кажись**, наши гумна виднеются... (Лермонтов. Вадим); У Грушницкого расстрапанная прическа и отчаянный вид; он, **кажется**, в самом деле огорчен, особенно самолюбие его оскорблено... (Лермонтов. Журнал Печорина);*

знания номинируемой ситуации: – *Извините, если я помешал, – начал Павел Петрович... – мне хотелось только попросить вас... сегодня, **кажется**, в город посылают... велите купить для меня зеленого чая (Тургенев. Отцы и дети);*

личного участия в ситуации: – *Да, – заметил Николай Петрович, – он самолюбив. Но без этого, видно, нельзя; только вот чего я в толк не возьму. **Кажется**, я все делаю, чтобы не отстать от века... (Тургенев. Отцы и дети).*

2.1.2. Субмодус «вероятность», вытекающий из твердого знания ситуации, с небольшой долей сомнения: *Княгиня, **кажется**, не привыкла повелевать; она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру... (Лермонтов. Журнал Печорина); А ты, Василий Иваныч, тоже, **кажется**, нюниши? (Тургенев. Отцы и дети); Теперь у меня приказчик из мещан: **кажется**, дельный малый (Тургенев. Отцы и дети); Право, мне **кажется**, нигде в мире так не пахнет, как в здешних краях! (Тургенев. Отцы и дети); И такая меня по тебе тоска обуяла, такая грусть, что, **кажется**, все бы на свете отдала, лишь бы с тобой хоть минуточку еще побывать... (Куприн. Олеся).*

2.1.3. Субмодус «утверждение» пропозиционального компонента в: риторическом вопросе: – *Очень поздоровели, – продолжал Гедеоновский, показывая вид, будто не слышал замечания Марфы Тимофеевны, – в плечах еще шире стали, и румянец во всю щеку. – Поздоровел, – произнесла с расстановкой Марья Дмитриевна, – **кажется**, с чего бы ему [Лаврецкому] здороветь? (Тургенев. Дворянское гнездо); Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине – чего бы, **кажется**, больше? – зачем тут страсти, желания, сожаления?.. (Лермонтов. Журнал Печорина);*

и в конструкциях характеризации: *Брови генерала сердито дрогнули, но губы улыбнулись, и от этого все его лицо стало добрым и старчески милым. — Ну, это вы, капитан, кажется, того... Есть же штрафованные?* (Куприн. Поединок).

2.1.4. Довольно продуктивный в функционировании субмодус «представляться, видеться», отмеченный в романах М.Ю. Лермонтова в именных и глагольных предложениях свойства, признака лица, предмета или ситуации:

...мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; *казалось*, дорога вела на небо... (Лермонтов. Бэла); ...и голубые глаза не отражали свет, но, *казалось*, изливали его на всё, что им встречалось (Лермонтов. Вадим); ... ее воздух имел в себе что-то особенное, роскошное; он, *казалось*, был оживлен присутствием юной, пламенной девушки (Лермонтов. Вадим); ... две клади как будки, стоя по углам, *казалось*, сторожили высокий и пустой овин, возвышающийся посередине... (Лермонтов. Вадим); ... направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: *казалось*, мрак черными своими очами выглядывал из-под каждой ветви; *казалось*, возле каждого дерева стоял рогатый, кривоногий леший... (Лермонтов. Вадим); ... болото оканчивается холмом, через который прежде вела тропинка и, спустясь с него, поворачивала по косогору в густой и мрачный лес; на опушке столетние липы как стражи, *казалось*, простирали огромные ветви... (Лермонтов. Вадим);

2.1.5. Модальная оценка пропозиции представлена субмодусом «вероятность» с оттенком уверенности, обоснованной собственным наблюдением и предшествующим опытом:

*Она не дослушала, отошла прочь, села возле Грушницкого, и между ними начался какой-то сентиментальный разговор: *кажется*, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушает его со вниманием, потому что он иногда смотрел на нее с удивлением, стараясь угадать причину внутреннего волнения, изображавшегося иногда в ее беспокойном взгляде...* (Лермонтов. Журнал Печорина).

2.1.6. Продуктивный в функционировании субмодус «возможность», маркируемый семемой «по-моему», со значительной долей достоверности, но не без оттенка сомнения:

*Он [Ярмола] хотя и не высказывал никогда своих чувств, но, *кажется*, сильно ко мне привязался... (Куприн. Олеся); *Кажется*, эти вопросы не понравились Олесе. Ответила не сразу, уклончиво и неохотно... (Куприн. Олеся); Иногда действительно армяшки выдают себя за черкесов и за лезгин, но Бек вообще, *кажется*, не врет. Да вы посмотрите, каков он на лошади!* (Куприн. Поединок); — Ещё, при-

знаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а **кажется**, я ее любил как отец... (Лермонтов. Бэла); – Спор наш зашел слишком далеко... **Кажется**, лучше его прекратить. (Тургенев. Отцы и дети); – **Кажется**, он [Паншин] ей нравится, а впрочем, господь ее ведает! Чужая душа, ты знаешь, темный лес, а девичья и подавно (Тургенев. Дворянское гнездо).

2.2. Модальный модификатор *по-видимому*, выявленный в 24 примерах, маркирует два субмодуса: «вероятно» и «проблематическая достоверность».

2.2.1. Субмодус «вероятность» отмечен в оценке пропозиционального компонента на основании вывода по результатам наблюдения за поведением пропозиционального субъекта:

*Олеся поздоровалась со мной, как и всегда, ласково, но разговор у нас не вязался. **По-видимому**, она слушала меня рассеянно и отвечала невпопад. На ее красивом лице лежала тень какой-то беспрестанной внутренней заботы (Куприн. Олеся); Он сидел на лошади, сгорбившись, опустившись, **по-видимому**, сильно утомленный, но его умные, прищуренные, опухшие глаза живо и насмешиливо глядели сквозь золотые очки (Куприн. Поединок); ...Лещера начинает расширяться всё более и более, и наконец три человека могут идти рядом без труда, не задевая почти локтем до стены; все три хода ведут, **по-видимому**, в разные стороны, сначала довольно круто спускаясь вниз, потом по горизонтальной линии... (Лермонтов. Вадим).*

2.2.2. Субмодус «проблематическая достоверность» со значительной долей уверенности основан на логических выводах:

*И он играл без отдыха все заказанные песни. **По-видимому**, не было ни одной, которой он бы не знал наизусть. (Куприн. Гамбринус); Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно; не выдаваясь вперед, **по-видимому** вся погруженная в блаженство медовых месяцев, в деревенскую тихую жизнь, в музыку и чтение... (Тургенев. Дворянское гнездо); Белоголовый человек, весьма, **по-видимому**, юркий, уже стоял, широко и криво расставив ноги, на последней ступеньке, отстегнул передок, судорожно дернув кверху кожу, и, помогая барину спуститься на землю, поцеловал у него руку (Тургенев. Дворянское гнездо).*

2.2.3. Модifikатор *очевидно*, малопродуктивный в функционировании (4,2% (9) высказываний с модусом предположения), представляется субмодус «вероятность» с наличием незначительного сомнения в достоверности оценки. Оценка дается пропозициональному компоненту высказывания на основании:

*анализа воспринимаемой ситуации: Все вдруг замолкли. Левая рука у Сашки, скрюченная и точно смятая, была приворочена локтем к боку. Она, **очевидно**, не сгибалась и не разгибалась, а пальцы торчали*

навсегда около подбородка. (Куприн. Гамбринус); Уже по тому, как их встретил дворецкий на крыльце одинцовского дома, приятели могли догадаться, что они поступили неблагоразумно, поддавшись внезапно пришедшей им фантазии. Их, очевидно, не ожидали. (Тургенев. Отцы и дети);

логики рассуждения, основанного на ранее приобретенных знаниях: Дельный, умный и ловкий парень вне службы, он [Архипов] держит себя на занятиях совершенным идиотом. Очевидно, это происходит оттого, что его здоровый ум, привыкший наблюдать и обдумывать простые и ясные явления деревенского обихода, никак не может уловить связи между преподаваемой ему «словесностью» и действительной жизнью (Куприн. Поединок); Красноносая девица кричала с трагическими жестами что-то очень впечатльное, но совершенно непонятное, очевидно на иностранном языке (Куприн. Белый пудель); Не сговариваясь, но, очевидно, по одному и тому же тайному побуждению, они нарочно сделали значительный крюк, чтобы еще раз пройти мимо «Дружбы» (Куприн. Белый пудель);

знания сущностных качеств описываемого: Она [Кукшина] говорила и двигалась очень развязно и в то же время неловко: она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо... (Куприн. Поединок).

2.4. Лексемы *наверное* и *наверно* (соответственно 3 и 15 примеров) представляют субмодус «вероятность» с незначительной долей сомнения в объективности оценки ситуации, производимой на основании логики рассуждений. *Наверно* представлено в текстах И.А. Куприна, *наверное* – у Тургенева:

Полесье... глуши... лено природы... простые нравы... первобытные натуры, – думал я, сидя в вагоне, – совсем незнакомый мне народ, со странными обычаями, своеобразным языком... и уж, наверно, какое множество поэтических легенд, преданий и песен! (Куприн. Олеся); Впрочем, я не прав. Наверно, Ромашов, такие женщины есть, но мы с вами их никогда не увидим (Куприн. Поединок); Единственной дочери Павла Петровича и Калиопы Карловны, Варваре Павловне, только что минул семнадцатый год, когда она вышла из ...ского института, где считалась если не первою красавицей, то уж наверное первою умницей и лучшею музыкантшей и где получила шифр... (Тургенев. Дворянское гнездо).

2.5. Модификатор *положим* объективирует субмодус «допустимость» (19 примеров). Говорящий считает данную собеседником оценку несоответствующей объективному положению дел, однако считает возможным идти от противного, доказывая ее несостоятельность:

— Дорогой мой, я ведь все это давно обдумала и взвесила. **Положим**, ты отказался. Честь мужа реабилитирована... (Куприн. Поединок). Отказ недопустим: мужа не допустят к экзаменам. Репутация офицера генерального штаба должна быть без пушинки; — Вас я не презираю, Анна Сергеевна, и вы это знаете. — Нет, я ничего не знаю... но **положим**: я понимаю ваше нежелание говорить о будущей вашей деятельности; но то, что в вас теперь происходит... (Тургенев. Отцы и дети);

а также в монологических оценках ситуаций Ромашовым:

*Нет, ты постой, подожди... Должно быть, я сам ошибаюсь. Не может быть, чтобы я не ошибался, потому что это „не хочу“ — так просто, так естественно, что должно было бы прийти в голову каждому. Ну, хорошо; ну, разберемся. **Положим**, завтра, **положим**, сию секунду эта мысль пришла в голову всем: русским, немцам, англичанам, японцам... И вот уже нет большие войны, нет офицеров и солдат, все разошлись по домам. Что же будет? (Куприн. Поединок); — Ну, вот, я представляю себе, что опоздал не я, а Лбов, а я стою на месте и смотрю, как он подходит. Ну, и ничего особенного: Лбов — как Лбов... Все пустяки, — решил он наконец и сразу успокоился. — **Положим**, совестно... Но ведь не месяц же это будет длиться, и даже не неделю, не день. Да и вся жизнь так коротка, что все в ней забываеться (Куприн. Поединок).*

2.6. Лексема *пожалуй* (14 примеров) объективирует субмодусы «склонность согласиться», «допустимость» и «вероятность» ситуации, составляющей пропозициональное содержание высказывания.

2.6.1. Модальная оценка *допустимости* — результат, прежде всего:

логического рассуждения: *Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, **пожалуй**, даже родственное существо* (Куприн. Белый пудель); *Пожалуй, что с этого вопроса и надо было начать* (Куприн. Олеся);

имеющего место быть прецедента: — Да. Так вот я все хожу и все думаю. И, знаете, Ромашов, я счастлив. В полку завтра все скажут, что у меня запой. А что ж, это, **пожалуй**, и верно, только это не совсем так (Куприн. Поединок);

наблюдения над ситуацией: — Лбов вдруг прыснул от смеха. — Вчера, уж во всех ротах кончили занятия, я иду на квартиру, часов уже восемь, **пожалуй**, темно совсем (Куприн. Поединок).

2.6.2. Субмодус «вероятность» — результат субъективной оценки говорящего в ситуации, определяемой его личными качествами со значительной долей уверенности:

— Нет, не могу... Барашка молодого пополам пересеку... пробовал даже телячью туши... а человека, **пожалуй**, нет... не разрублю. Голову снесу к черту, это я знаю, а так, чтобы наискось... нет (Куприн. По-

единок); – *Однако поздно. Пойдемте. Еще начнут разыскивать, но-
жалий*, – сказала она другим, совершенно спокойным голосом (Куприн.
Поединок).

2.6.3. Субмодус «склонность согласиться» каузирован отношением говорящего к оцениваемой ситуации, обусловленной предполагаемой оценкой субъекта пропозиции:

– *Да что у нас вам делать? Мы с бабкой скучные... Что ж, заходите, пожалуй, коли вы и впрямь добрый человек* (Куприн. Олеся); *Пожалуй, она никогда и никого не любила, кроме себя.* (Куприн. Поединок).

Резюме. Наблюдения над функционированием модальных парантез со значением предполагаемой оценки *кажется, наверно, наверное, очевидно, по-видимому, пожалуй, положим* позволили выявить их разную продуктивность в функционировании и способность быть маркерами субмодусов «вероятность», «возможность», «допустимость», «предположительность», «представление», «проблематическая достоверность», «склонность согласиться», «утверждение», отмеченных разной степенью неуверенности в оценке пропозиции высказывания и разными условиями обоснования: анализом воспринимаемого, знанием ситуации, логикой, монорассуждением, основанным на логике, наблюдением, наличием precedента, ненадежностью памяти модального субъекта, предшествующим опытом, результатом наблюдения и пр.

Литература

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных слов в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 754 с.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com/file/471848/> (дата обращения: 25.06.2013).

Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов. – ВЯ, 1977. – С. 42.

Русская грамматика. – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 710 с.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И.Б. Шатуновский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. [Электронный ресурс] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-151630.html> (дата обращения: 05.03.2014).

**Крючкова Л.С.
Kryuchkova L.S.**

*Московский государственный областной университет
Moscow State Regional University*

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ
ПАДЕЖНОЙ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ
SEMANTIC SPACE OF THE RUSSIAN CASE
AND PARTICLE-CASE SYSTEM**

Аннотация. В статье рассматривается семантическое пространство категории состояния и семантическое пространство субъекта как функционально-семантической единицы, а также языковые средства их выражения формами падежной и предложно-падежной системы русского языка в простом предложении.

Abstract. The article describes the semantic space status categories and semantic space subject as functional-semantic units, as well as their language of expression forms of case and particle-case system of the Russian language in a simple sentence.

Ключевые слова: семантическое пространство, категория, обобщенно-категориальная семантика, словоформа, субъект, предикат, объект.

Key words: semantic space, category, generalized categorial semantics, along, subject, predicate, object.

На функционально-семантическом уровне каждая падежная или предложно-падежная словоформа в соответствии с выполняемой ею конкретной функцией по-разному участвует в речевой деятельности носителя русского языка, который, реализуя коммуникативные намерения, использует семантическое богатство русского языка.

Обладая формой, обобщенно-категориальной семантикой и функцией языковые единицы падежной и предложно-падежной системы образуют многомерное семантическое пространство, выстраиваемое на функциональном уровне по типам: субъект → предикат; субъект → предикат → объект; определение → субъект → предикат → объект; субъект → предикат → обстоятельства и т. под. Описание семантического пространства строится с учетом семантических категорий в их конкретном языковом выражении.

Русский падеж на уровне морфологии представлен шестью падежами и многочисленными формоизменениями слов в зависимости от типа склонения, рода, числа и падежа имени. На функциональном уровне падежная словоформа в сочетании с предлогом или без него начинает выражать различную обобщенно-категориальную семантику: лицо, предмет, наличие, отсутствие, действие, состояние, качество, свойство, принадлежность, величина, размер, количество, определенность, неопределенность, время, пространство и их отношение к действию, цель действия, местоположение или перемещение в пространстве и т. под.

Семантическое пространство можно формировать на основе:

комплексного описания обобщенно-категориальной семантики; описания наличия этой семантики в функциональных единицах.

В рамках одной статьи решить все обозначенные проблемы не представляется возможным, поэтому остановимся на анализе семантического пространства категории состояния и семантического пространства субъекта, описанных при помощи языковых средств русской падежной и предложно-падежной системы.

I. Семантическое пространство категории состояния может включать описание различных состояний субъекта-человека и субъекта-природного явления.

Центром семантического пространства являются лексические единицы – имена существительные с семантикой состояния человека или природы: *волнение, грусть, ревность, боязнь, усталость, восхищение; дождь, гроза, метель, осень, ливень* и так далее.

A. Семантическое пространство состояния человека формируется: именами существительными с семантикой эмоционального состояния или самочувствия, выступающими на уровне синтаксиса в функциях субъекта, предиката, объекта и др.: *радость, восхищение, заинтересованность, страх, гнев, болезнь, недомогание, рассеянность, слабость, нервозность, тоска, взволнованность: Недомогание мешало выполнению намеченных планов. Неистовый гнев часто доводит до беды. Радость! Огромная, всепоглощающая радость охватила вдруг меня. Лицо ребенка выражало неподдельный ужас;*

глаголами быть или глаголами, обозначающими эмоциональное, болезненное физическое состояние или состояние с негативной семантикой, в сочетании с именем в Им. п.: *У девочки прекрасное¹ настроение. У Ивана грипп. У меня озноб. У ребенка боли в животе. С ней случился обморок. В голове был туман. В ногах слабость. Город охватила паника. Грусть, тоска меня съедает...* (А.С. Пушкин);

словами категории состояния в функции предиката, когда субъект становится адресатом какого-либо эмоционального воздействия: *весело, грустно, обидно, жутко, досадно, горько, радостно, смешно, жалко, приятно: Нам радостно думать о наступлении весны. Всем досадно понимать, что мы не смогли выполнить задание. Мне грустно... потому что весело тебе* (М.Ю. Лермонтов);

различными причинами неосознанного, импульсивно-эмоционального действия: *В волнении ходили Вы по комнате. В восторге ребенок радостно запрыгал. Я сказала ему это в гневе;*

¹ Прилагательные оказывают значительное влияние на формирование семантического пространства состояния, однако в данной статье нас интересует именно падежная система как формирующий фактор.

причинами негативного, чаще всего болезненного состояния: *Из-за болезни я не пришла на занятия; Допустил ошибку по рассеянности*¹;

следствием какого-либо состояния: *Вследствие болезни я должна была оставаться дома, Вследствие своей замкнутости юноша почти не имел друзей. Вследствие усталости он делал много ошибок;*

реализацией одного действия вопреки другому действию: *Несмотря на усталость туристы продолжали двигаться вперед. Испытывая сильную слабость, больной пытался утром делать зарядку.*

Б. Семантическое пространство состояния природы, среды, стихийных бедствий и т. п. выражается:

существительными с семантикой явлений природы в различных функциях: *дождь, ветер, снег, град, гром, гроза, зима, весна и др.: Зима. Что делать нам в деревне? ... Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня...* (А.С. Пушкин); *И снег, и ветер, и звездочный полет, Меня мое сердце в тревожную даль зовет* (Л. Ошанин); *Дождь лил, не переставая, всю неделю. Осень пришла неожиданно;*

безличными глаголами с семантикой состояния природы в функции предиката: *рассветать, смеркаться, вечереть; личными глаголами в безличном значении состояния в сочетании с именами существительными с пространственной семантикой: таять, подмораживать, холодить, гудеть, звенеть, греметь и др.: На улице теплеет. Из окна дует. В помещении сквозит. С моря веет прохладой. В саду пахнет розами;*

переходными глаголами в безличном значении с семантикой разрушения, уничтожения, стихийного бедствия в сочетании с существительными в функции объекта действия и инструмента действия: *заливать, занести, сжечь, убить, оборвать и др.: Дорогу занесло снегом. Плотину размыло водой. Бурей оборвало провода;*

словами категории состояния в функции предиката и существительными с пространственной семантикой: *жарко, холодно, прохладно, солнечно, ветreno, сумрачно и др.: На улице солнечно, но ветreno; В лесу светло и тихо;*

кратким страдательным причастием в значении расположения или распространения состояния: *В комнате накурено, неприбрано, намусорено. В законах РФ сформулировано, что...;*

именами существительными с предлогами, обозначающими причину, следствие, уступку при выражении явлений природы: *Из-за дождя мы отменили прогулку. В результате наводнения жители лишились своих домов. Несмотря на дождь я поехала на выставку. Вследствие*

¹ Существительные допускают употребление различных предлогов: *из-за, ввиду, по, вследствие*, разграничивая категорию причины и следствия, а также стилистику их употребления.

сильного тумана аэропорт не принимал самолеты. Ввиду непогоды метеослужбы рекомендуют жителям не выходить из дома.

Подводя итог обозначеному выше, следует подчеркнуть, что ведущая роль при формировании семантического пространства состояния принадлежит именно лексике, которая, избирательно используя синтаксические возможности русской падежной и предложно-падежной системы, имеет свой набор языковых средств выражения этого семантического пространства. Но так как языковой знак многофункционален, синтаксические средства способны обслуживать и другие семантические категории. Так, предлог *вследствие*, выражая семантическую идею следствия, может обозначать и различные события, а не только состояние: *вследствие болезни* – это семантика состояния, *вследствие аварии* – общественное событие, *вследствие потери паспорта* – индивидуальная утрата, *вследствие ошибки* – факт неправильного, ошибочного действия и т. п.

Вместе с тем, отражая функционально-семантическую систему русского языка, категория состояния подстраивается и под общие закономерности русского языка. Известно, что наличие / отсутствие у субъекта какого-либо объекта выражается формой родительного падежа имени с предлогом *у*: *У меня есть брат и сестра*, а наличие чего-либо в пространстве – формой предложного падежа с предлогами *в, на*: *В школе большой спортивный зал. На стадионе матч между Россией и Испанией*. Эта же закономерность сохраняется и при выражении категории состояния: *У меня грипп. На улице темно. В воздухе пахнет грозой*.

Таким же образом можно описать и другие семантические категории, выражаемые падежными и предложно-падежными средствами русского языка.

II. Примером формирования семантического пространства с учетом обобщенно-категориальной семантики может послужить описание семантических особенностей субъекта, выражаемого падежными и предложно-падежными формами имени существительного и местоимения.

Субъект как функциональная единица может быть представлен словоформой любого падежа с предлогом или без предлога. Словоформы, выражающие субъект, имеют различную обобщенно-категориальную семантику, из чего и формируется семантическое пространство субъекта. Описание всей семантической системы субъекта, выражаемого падежными и предложно-падежными формами, представлено в монографии (Крючкова 2015).

Стоит, однако, отметить, что функционирование субъекта обусловлено и неразрывно связано с функционированием предиката, о чем неоднократно писали все известные российские языковеды, и не только. Французский лингвист Л. Теньер в книге «Основы структурного син-

таксиса» писал: «Переплетение элементов субъекта и предиката с трудом согласуется с положением о противопоставленности этих двух понятий, в то время как не возникает никаких сложностей, если принять гипотезу о центральном положении глагольного узла» (Теньер 1988, с. 119). Глагольным узлом автор называет предикат, включающий компоненты, которыми он руководит, и распределяющий эти компоненты в составе предложения. Та же роль принадлежит предикату и с позиций семантики – он определяет семантику субъекта и его форму.

Так, глагольные предикаты с семантикой активного физического, речевого, интеллектуального действия, местоположения (местонахождения), фазисности без постфиксa *-ся* / *-сь* и др. формируют центр семантического пространства активного субъекта, выражаемого формами именительного падежа имени с указанной выше глагольной семантикой: *Зимой и весной студенты сдают экзамены. Лекции начинаются в 9.00. Многие пассажиры читают в метро. Московский океанариум расположжен на ВДНХ.*

Периферийную область семантического пространства субъекта формируют предикаты различных частей речи с семантикой наличия / отсутствия субъекта или наличия / отсутствия у субъекта какого-либо объекта, качественной, возрастной характеристики субъекта, болезненного или эмоционального состояния, эмоциональных, взаимных, модальных отношений и т. п. (Крючкова 2015, с. 23–25): *У студентов завтра экзамен по русскому языку. У девочки простуда. У меня зазвонил мобильный телефон. Мне сегодня нездоровится. Меня укачивает в машине. Финансовый рынок охватила паника. Мною овладело беспокойство. Во мне все похолодело.*

Периферийное семантическое пространство допускает вариативную синонимию различного типа:

структурную: *Студент защищает дипломную работу* = *Дипломная работа защищается студентом*; *Водой заливают улицы и поселки* = *Вода заливает улицы и поселки*;

структурно-семантическую: *движение автомобиля* = потенциальная способность автомобиля совершать движение; *Движение автомобиля со скоростью 160 километров в час в России запрещено. Движение автомобиля со скоростью 20 километров в час затрудняет движение общего потока автомобилей*;

структурно-модальную: *Я хочу поехать в Петербург* → *Мне хочется поехать в Петербург*; *Я должна Вам это сказать* → *Мне надо Вам это сказать* → *Мне следует Вам это сказать*; *Мне хочется спать* → *Меня тянет ко сну*;

эмоционально-экспрессивную, основанную на лексической синонимии: *Мне двадцать лет* = *Я двадцатилетний* (Б.В. Маяковский);

лексическую: *Студента не было на лекции* = *Студент отсутствовал на лекции*;

стилистическую: *В России огромные запасы нефти* = *Россия имеет огромные запасы нефти / обладает огромными запасами нефти*; *В России имеются огромные запасы нефти*;

Модификаций предложений, составляющих центр и периферию семантического пространства, основанных на сочетании взаимодействия лексики, семантики и синтаксиса, может быть приведено множество: *Старушке грустно* → *Старушка грустит* → *Старушке взгрустнулось*; *Дети беспечны* → *Детям присуща беспечность* → *Детей отличает беспечность*; *Он должен был согласиться с друзьями* → *Ему надо было согласиться с друзьями* → *Ему пришлось согласиться с друзьями*.

Графически семантическое пространство субъекта можно представить в виде окружной плоскости с презентацией обобщенно-категориальных семантических характеристик субъекта, выражаемых падежными и предложно-падежными формами имени, и это позволяет сделать вывод о том, что субъект в русском языке является носителем различной семантики: действия, состояния, качества, свойства, наличия и отсутствия самого субъекта или чего-либо у субъекта, принадлежности, обладания, эмоциональных, модальных отношений и др.

В заключение приводим высказывание В.Ю. Копрова, подтверждающее мысли автора статьи: «Функциональное описание языков имеет прямой выход в практику перевода и преподавание языков как иностранных, поскольку овладение навыками создания высказываний и текстов путем усвоения целых семантико-функциональных комплексов происходит быстрее и эффективнее, чем при изучении отдельных грамматических форм и конструкций» (Копров 2011, с. 5).

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональный сопоставительный синтаксис. Субъектно-объектные отношения / В.Ю. Копров, Т.Н. Козюра, Лебедева А.Л., О.М. Дедова, И.М. Сушкива; под ред. В.Ю. Копрова. – Воронеж: НАУКА ЮНИПРЕСС, 2011. – 263 с.

Крючкова Л.С. Преподавателю РКИ: падежная и предложно-падежная система русского языка: функционально-семантический аспект: монография / Л.С. Крючкова. – М.: МГОУ, 2015. – 158 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

**Онипенко Н.К.
Onipenko N.K.**

*Институт русского языка РАН, Москва
Institute of Russian Language RAS, Moscow*

**ОТ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СИНТАКСИСА –
К КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ
FROM FUNCTIONAL SYNTAX TO COMMUNICATIVE GRAMMAR**

Аннотация. В статье представлены этапы формирования концепции коммуникативной грамматики, основные идеи ее авторов и терминологический аппарат этого научного направления. Концепция коммуникативной грамматики является продолжением виноградовской традиции в современной русистике, соединяет системно-грамматическое описание языка и анализ текста.

Abstract. The article presents the stages of forming of the communicative grammar conception, the main ideas of its authors and its terminology. The conception of communicative grammar is the continuation of Vinogradov's tradition in modern rusistics that combines systematic-grammatical description of language and text.

Ключевые слова: грамматика, коммуникативность, системность, текст, функциональный синтаксис, семантика, трехмерность знака, синтаксема, русистика.

Key words: grammar, communicativity, system, text, functional syntax, semantics, three-dimensions of a sign, syntaxeme, rusistics.

В первой половине 90-х годов прошлого века в русистике появился термин «коммуникативная грамматика» и сформировалось научное направление под руководством Г.А. Золотовой. В настоящей статье будут представлены основные идеи и терминологический аппарат концепции коммуникативной грамматики.

Теоретическую основу концепции коммуникативной грамматики составляют работы Г.А. Золотовой, которая относится к числу немногих современных лингвистов, являющихся творцами целостных грамматических концепций. Г.А. Золотова начала построение своей теории с уровня синтаксиса, с введение в научный обиход понятия минимальной синтаксической единицы – синтаксической формы слова, или **синтаксемы**. Теория синтаксем, разработанная в рамках докторской диссертации и изложенная в монографии (Золотова 1973), позволила ее автору представить репертуар минимальных единиц русского синтаксиса в виде словаря «Синтаксический словарь русского языка» (Золотова 1998). В этом словаре заявлен и применен принцип триединства значимой единицы языка (единства формы, значения и функции), предъявлен репертуар минимальных синтаксических единиц с учетом их трехмерности (а не двухмерности).

В монографии «Очерк функционального синтаксиса» были пересмотрены взгляды на основные объекты синтаксической науки – словосочетание и типы подчинительных отношений, предложение и пре-

дикативность, предложение простое и предложение сложное, предложение полное и неполное. Г.А. Золотова обосновала новое решение проблемы словосочетания: она связала критерии идентификации словосочетания как особой синтаксической единицы не только с разграничением присловных и неприсловных позиций синтаксемы, но и с функциональной классификацией синтаксем (делением их на свободные, обусловленные, связанные).

Если теория словосочетания в концепции Г.А. Золотовой соотнесена с классификацией минимальных синтаксических единиц и особенностями семантики слова, то теория предложения и классификация моделей предложения соединила уровень слова и уровень коммуникативного типа текста.

С именем Г.А. Золотовой связаны также такие важные для современной грамматики понятия, как **категория оценки, рематическая доминанта, признак эксклюзивности / инклузивности** говорящего. Категория оценки позволяет внести уточнения в решение проблемы слов категории состояния (в другой терминологии – предикативов); рематическая доминанта указывает на вклад суперсегментных средств в семантическую связность текстового фрагмента; признак эксклюзивности / инклузивности различает не только неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения, но и слова категории состояния и слова категории оценки.

В основу описания системы простых предложений, разработанную Г.А. Золотовой, были положены следующие идеи:

1. Идея принципиальной двусоставности предложения как коммуникативной единицы языка. Г.А. Золотова убедительно доказала, что так называемая «односоставность» не является характеристикой модели предложения, не принадлежит области типового значения модели, а является знаком особой семантико-синтаксической (системноязыковой) модификации модели, средством приспособления двусоставной модели предложения к определенным текстовым условиям.

В отличие от сторонников трехаспектности русского предложения (выделения и изолированного рассмотрения трех «организаций предложения»: формальной, семантической и коммуникативной), Г.А. Золотова увидела в предложении материально единый объект, адекватное изучение которого требует не разделения, а интегрального подхода к его структуре.

2. Идея изосемичности / неизосемичности, которая обнаруживает отношения между семантикой и синтаксисом, их взаимонаправленность друг на друга.

Изосемическими были названы слова, в которых их собственное категориальное значение совпадает с категориальным значе-

нием части речи, к которой они принадлежат. *Человек, дом, книга* называют объекты, имеющие внешнюю форму, данные в наблюдении и занимающие место в пространстве, поэтому их категориальное значение предметное, как и категориальное значение существительного как части речи – следовательно, это слова изосемические, в отличие от слов *радость, красота, сомнение, развитие, кривизна* и т.п. Производные от прилагательных и глаголов существительные обычно сохраняют категориальное значение производящей части речи, в этом случае мы имеем дело с **неизосемическими** словами. Понятие изосемии было применено к синтаксемам и к моделям предложения. Неизосемические слова образуют неизосемические синтаксемы, которые, в свою очередь, образуют **неизосемические модели предложений**.

Модель предложения представляет собой семантико-синтаксическое сопряжение субъекта и предиката, которые являются не только компонентами модели предложения, но и элементами типового значения предложения. Типовое значение может быть выражено **изосемически** – теми лексико-грамматическими средствами, которые предназначены для данного типового значения (например, типовое значение «Субъект и его качество» выражается изосемической моделью *Петя добрый*). То же типовое значение может быть выражено **неизосемически** (*Петя отличается добротой; Петя – сама доброта*). Понятие изосемичности / неизосемичности позволяет разграничить базовые (изосемические) модели и их структурно-семантические модификации (модальные, фазисные, экспрессивные), базовые модели и их синонимические варианты.

Г.А. Золотова, настаивая на взаимонаправленности формы и значения, убедительно доказала, что прикрепленность понятия подлежащего к именительному падежу не позволяет грамматистам адекватно интерпретировать структуру русского предложения. Г.А. Золотова отстаивала точку зрения, согласно которой в русском языке есть несколько моделей предложения с подлежащим в косвенном падеже. Форма субъектного компонента значима. Так, личный субъект состояния выражается дательным падежом (*Мне грустно*), а субъект количественной характеристики – родит. падежом (*Братьев – двое*). Именительный же падеж не маркирует семантический тип субъекта, в предложении с именительным субъектом типовое значение маркируется предикатом.

3. Задача системного представления моделей русского предложения была решена с использованием понятия **поля**. Идея синтаксического поля предложения позволяет «собрать» вокруг одного типового значения и его изосемического представления все структурно-семантические (моно- и полипредикативные) модификации, синонимические варианты и неполные контекстуальные реализации. В отли-

чие от идеи синтаксической парадигмы (ср. АГ-70 и АГ-80), которая предполагает расположение в одном ряду разных синтаксических явлений, идея синтаксического поля дает возможность показать разные направления структурно-семантической модификации базовых моделей предложения, а также разную степень семантической осложненности исходного типового значения.

Синтаксическое поле предложения делится на **центр и периферию**: в центре – изосемическая модель во всей совокупности ее грамматических форм, в зоне ближайшей к центру – фазисные и модальные модификации модели (модификации по линии предиката) и модификации по линии субъекта (неопределенно- и обобщенно-личные), в следующей зоне (по мере продвижения от центра) – текстово обусловленные (коммуникативные) модификации, далее – синонимические вариации и, наконец, – полипредикативные конструкции, построенные на базе данной модели предложения. Таким образом, многообразие типов предложений русского языка предстает в системно-иерархической упорядоченности, дающей и теоретические и практико-методические преимущества.

При построении классификации моделей русского предложения теория коммуникативной грамматики исходит из того, что (а) предикативность и глагольность не равнозначные понятия; (б) тип предиката и тип субъекта взаимообусловлены; (в) основание классификации базовых моделей русского предложения следует искать не в списках словоформ, а в системе частей речи, в их категориальных значениях.

В статьях конца 70-х гг. и в книге «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» Г.А. Золотова теоретически подготавливает переход от концепции функционального синтаксиса к концепции коммуникативной грамматики: результаты синтаксического анализа позволяли по-новому взглянуть не только на синтаксис, но и на традиционные морфологические объекты (например, на слова категории состояния, на категории вида и времени глагола) (Золотова 1982). В этот же период Г.А. Золотова работает над переизданием книги ее учителя академика В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)». Мысли В.В. Виноградова о том, что синтаксис является организующим центром грамматики, а «образ автора» – организующим центром текста, стали стимулом к расширению границ грамматики и углублению компетенции грамматической науки.

Поставив в центр своего исследования говорящую личность и текст как результат рече-мыслительной деятельности этой личности, Г.А. Золотова соединила в своих работах традиционную морфологическую проблематику, проблематику конструктивного синтаксиса и проблематику

тику синтаксиса речи (текста). Так сформировалась концептуальная база коммуникативной грамматики русского языка.

Концепция коммуникативной грамматики оформляется окончательно к середине 90-х гг., она вбирает в себя лучшие традиции русской грамматической науки и предлагает идеи, позволяющие решить дискуссионные проблемы русской грамматики. Рассмотрим некоторые из них.

«Нижний» синтаксический уровень в традиционных описательных грамматиках представлен теорией членов предложения. В рамках коммуникативной грамматики на основе традиционного понятия «член предложения» сформировано понятие компонента предложения и минимальной синтаксической единицы – синтаксемы. И это не простое переименование. С точки зрения теории членов предложения, в двух предложениях – *Сейчас сестра полет грядки в огороде* и *Сестра сейчас в огороде* – предложно-падежная форма *в огороде* квалифицируется как второстепенный член предложения, как обстоятельство места. Понятие синтаксемы позволяет увидеть большее. Действительно, значение места прочитывается в обоих предложениях, но функции разные: в первом предложении это распространитель предложения, не входящий в грамматическую основу; во втором – это главный член предложения, предикат (сказуемое) со значением места.

Член предложения – это лишь результат деления предложения. При постановке формального (например, падежного) вопроса мы находим лишь морфологическую форму; при постановке смыслового вопроса – значение (место, время, причина), но на основании этих тестов теория членов предложения делает вывод о функции (если место, то обстоятельство; если родительный падеж существительного, то дополнение). Однако корректно ли это? В каких-то случаях вполне корректно, например, применительно к Вин. падежу прямого объекта (*читать книгу*, *пить молоко*, *рисовать картину*). В каких-то нет. Функция – это роль по отношению к коммуникативной единице: быть компонентом основы (субъектом или предикатом), быть распространителем одного из компонентов основы или всей основы целиком, быть осложнителем (вторичным предикатом). Значение не всегда прикреплено к функции. Поэтому, чтобы понять, как сделано предложение, нужно понять отношения между значением каждого компонента и его функцией.

Классификация минимальных синтаксических единиц потребовала синтаксической интерпретации русской системы частей речи. Разграничение изосемических и неизосемических подклассов слов внутри полнознаменательных частей речи, разграничение слов предметной и признаковой семантики соединило синтаксис и морфологию. При этом для соотнесения классического деления на части речи и деления на

лексико-семантические разряды была использована идея поля, с разграничением центра и периферии. Коммуникативная грамматика не отрицает, но по-новому интерпретирует роль морфологии в русской грамматической системе. Система полнознаменательных частей речи стала основой для классификации базовых моделей простого предложения, а система морфологических категорий получила свое истолкование на разных ступенях порождения речи: именные категории (падеж, число и род) – на уровне словосочетания и предложения; глагольные категории – на уровне предложения и текста.

Коммуникативная грамматика, основываясь на идее трехмерности языкового знака, перевела проблему односоставности из сферы классификации языковых единиц в сферу интерпретации текстовых вариантов языковых моделей предложения. «Односоставные», или предложения с неназванным (нулевым) субъектом, рассматриваются как одно из проявлений эгоцентрической грамматической техники (см. подробнее (Онипенко 2013)). При этом все предложения с дательным и родительным падежом субъекта квалифицируются как двусоставные. К предложениям с неназванным субъектным компонентом коммуникативная грамматика относит лишь определенно- / неопределенно- / обобщенно-личные модификации двусоставных предложений.

С точки зрения коммуникативной грамматики **простое** предложение как языковая единица характеризуется тремя признаками:

коммуникативностью (высказывание является средством коммуникации, порождается говорящим или пишущим с определенной целью и характеризуется интонационной оформленностью);

двусоставностью (наличием в семантике субъекта и предиката);

предикативностью (в предложении заключен акт приписывания предмету признака в категориях модальности, времени и лица).

Уровень **осложненного** предложения интерпретируется в связи с понятием **таксиса**. Коммуникативная грамматика, отказавшись от теории членов предложения, рассматривает осложненные предложения как предложения со свернутым (вторичным) предикатом и выявляет таксисные отношения между предикатами осложненного предложения. Для интерпретации предложений с вводными словами и обращениями используется **модель субъектной перспективы** и понятие **модусной рамки**. Тем самым не отвергается, а обосновывается понятие осложнения, обнаруживается симметрия между определенными типами сложных предложений и осложненными предложениями. Полипредикативность рассматривается как результат осложнения по двум направлениям: по линии диктума и по линии модуса (**авторизация**, усложнение субъектной перспективы).

Для описания **сложного** предложения коммуникативная грамматика не опирается на теорию членов предложения, но использует классификацию синтаксем и учитывает типологию синтаксических связей. А также учитывается диктальный или модусный статус предикативной единицы в составе сложного предложения. При этом различаются придаточные, (1) которые замещают какой-либо компонент предложения, (2) которые возмещают смысловую недостаточность какого-либо компонента главного, (3) которые определяют именной компонент главного.

Высшим уровнем, на котором работает концепция коммуникативной грамматики, является целостный **текст**. Здесь соединяется все известное из системного синтаксиса, морфологии и лексикологии. Теория проверяется практикой текстового анализа, грамматика взаимодействует со стилистикой текста. Лингвистически обосновываются многие литературоведческие идеи, подтверждается необходимость объединения усилий лингвистики и литературоведения.

Для коммуникативно-грамматического анализа используются текстовые категории:

коммуникативного регистра речи,
субъектной перспективы,
таксиса как техники межпредикативных связей.

Понятие коммуникативного типа текста, позже **коммуникативного регистра речи**, было предложено Г.А. Золотовой еще в начале 60-х годов прошлого века, но разработано и применено ко всей синтаксической системе позже – в 80-х. В 90-х были уточнены признаки коммуникативного регистра (тип модуса, временная локализованность предиката, тип референции именных групп) и предложена их современная типология.

Понятие коммуникативного регистра было в полной мере использовано в коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка» (Золотова 1998). В этой книге понятие коммуникативного регистра, обращенное и к языку, и к тексту, стало не только средством анализа текста, но и средством функционально-текстовой интерпретации частей синтаксического поля предложения: вслед за понятиями обусловленных и связанных синтаксем появились понятия связанных и обусловленных моделей предложения (регистрово обусловленных).

Коммуникативный регистр, реализованный в конкретном фрагменте текста, терминологически обозначен как **композитив**. Понятие коммуникативного регистра было положено в основу представления о синтаксической композиции текста. На примере анализа конкретных художественных текстов было доказано, что типология регистров ока-

зывается работающим инструментом исследования синтаксической композиции текста.

Изучение грамматики коммуникативных регистров потребовало исследования функций видо-временных форм глаголов. Использованные В.В. Виноградовым для интерпретации значений глагольных форм на -л термины перфект, имперфект, аорист (термины для обозначения видо-временных форм глагола), были переосмыслены, и в рамках теории коммуникативной грамматики появились термины **перфектив**, **имперфектив**, **аористив**, но не для обозначения различных значений словоформы, а для разграничения текстовых **функций** глагольных синтаксем.

Так во времени происходило становление концепции коммуникативной грамматики. Сегодня эта теория позволяет построить системную объяснительную грамматику, то есть на единых основаниях описать и объяснить грамматический строй русского языка, анализировать тексты, соотносить системную и текстовую характеристику конкретных языковых явлений (Золотова 2002).

Концепция коммуникативной грамматики находится в постоянном развитии. Сейчас готовится третье, значительно дополненное издание коллективной монографии «Коммуникативная грамматика русского языка».

Литература

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса) / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова. – М., 1998; – Изд. 2-е. – М., 2004. – 544 с.

Золотова Г.А. Русский язык. От системы – к тексту. Учебник для 10-го класса гуманитарной специализации / Г.А. Золотова, Г.П. Дручинина, Н.К. Онищенко. – М., «Дрофа», 2002. – 320 с.

Онищенко Н.К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических средств / Н.К. Онищенко // Проблемы функциональной грамматики: Естественная классификация. – СПб., 2013. – С. 92–121.

**Петров А.В.
Petrov A.V.**

*Северный (Арктический) федеральный университет
Northern (Arctic) Federal University*

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ БЕЗЛИЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**
**ABOUT THE DEFINITION OF IMPERSONAL SENTENCES
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация. В статье анализируются различные определения безличного предложения современного русского языка, представленные в терминологических и энциклопедических словарях, учебниках и учебных пособиях для школьников и студентов, а также в научной литературе различных направлений. Предлагается авторское определение, в котором учитываются категориальные показатели безличности как языковой категории.

Abstract. The article analyzes various definitions of impersonal sentences in the modern Russian language, presented in terminological and encyclopedic dictionaries, textbooks for school and college students, as well as in literature on various branches of science. The author offers his own definition which observes the categorical indicators of impersonality as a linguistic category.

Ключевые слова: категория безличности, безличное предложение, сказуемое, лицо, субъект.

Key words: the category of impersonality, impersonal sentence, predicate, person, subject.

Безличные предложения – одна из наиболее употребительных и самая разнообразная по структуре и семантике разновидность русских синтаксических единиц. В лингвистической литературе постоянно подчеркивается тенденция роста и все более широкого распространения безличных конструкций в современном русском языке. Нет единства мнений по поводу названия и состава данного типа предложений, однако большинство исследователей сходится на том, что их количество и частотность употребления неуклонно увеличивается. Язык не пытается избавиться от подобного способа реализации представления о действительности, а наоборот, укрепляет его позиции. Видимо, для самосознания носителя русской культуры, русского видения мира и, соответственно, русского языка важно культивировать и развивать «безличное» восприятие и отражение бытия.

Необходимо отметить, что, упоминая о рассматриваемых единицах русского синтаксиса, в последнее время исследователи все чаще говорят о «так называемых безличных предложениях», тем самым подчеркивая уязвимость и неприемлемость термина, их обозначающего. Тем не менее, всякий, кто изучает русский язык, легко представляет то, что скрывается за неидеальным, однако устоявшимся и всем понятным термином «безличные предложения». Как справедливо отмечал в свое

время А.М. Пешковский, «в одном слове сущности этих предложений не выразишь, а в таком случае лучше всего оставить старинный условный термин» (Пешковский 2001, с. 317).

Существует большое количество самых разных определений безличных предложений, представленных в терминологических и энциклопедических словарях, учебниках и учебных пособиях для школьников и студентов, а также в научной литературе различных направлений. Во всех определениях в сжатой форме выражается сущность безличных предложений: в одних подчеркивается их синтаксическая специфика, в других упор делается на семантику, а в третьих – на морфологическую форму предикативного члена. Проанализируем основные определения.

Энциклопедия «Русский язык» определяет *безличное предложение* как «простое односоставное предложение со сказуемым, называющим такое действие или состояние, которое представлено без участия грамматического субъекта действия (подлежащего)» (Русский язык 1998, с. 45) (автор статьи – Е.Н. Ширяев), т.е. сущность данных конструкций определяется здесь как *бесподлежащность*. Словарь С.И. Ожегова также отмечает данное свойство, tolkuy значение прилагательного *безличный*: «В грамматике: не допускающий употребления подлежащего» (Ожегов 1991, с. 47). Т.П. Ломтев указывает, что «безличные предложения не имеют позиции подлежащего, и здесь она не предполагается» (Ломтев 1958, с. 128).

Словарии лингвистических терминов прежде всего обращают внимание на то, что сказуемое безличного предложения не выражает значение лица, т.е. отталкиваются от внутренней формы дефиниции, ср.: «односоставное предложение, в котором форма сказуемого не выражает лица, т.е. в котором процесс или состояние не соотносится с их субъектом или активным деятелем» (Ахманова 1966, с. 64); «односоставное предложение с одним главным членом – сказуемым, форма которого не выражает значения лица» (Розенталь 1985, с. 25). В первом определении также отмечается признак *несоотнесенности* с субъектом.

Определение, которое дается в специальной монографии Е.М. Галкиной-Федорук, объединяет два ключевых понятия *бесподлежащность* и *невыраженность лица*: «Безличное предложение – это бесподлежащая конструкция с одним главным членом сказуемым, в форме которого не выражено значение лица и нет указания на него в данном контексте» (Галкина-Федорук 1958, с. 123). А определение А.Н. Стеценко объединяет признаки *бесподлежащность* и *несоотнесенность*: «Безличное предложение – это односоставное предложение с одним главным членом – сказуемым, которое обозначает действие или состояние вне его отношения к субъекту, выраженному имени-

тельным падежом. В безличных предложениях подлежащего нет по самому их строению, его нельзя установить из контекста речи, по связям с другими членами предложениями» (Стеценко 1977, с. 78). В том и другом определении упоминается *контекст*, который не указывает на подлежащее.

В определении И.П. Распопова отмечается, что *бесподлежащность* безличного предложения *обусловлена формой* главного члена: «Безличными среди предложений глагольного строя считаются такие предложения, в составе которых в качестве главного члена используется глагол в безличной форме (эта форма лишь омонимична форме 3-го лица единственного числа среднего рода), не требующий, а в ряде случаев не допускающий при себе местоименного (или субстантивного) подлежащего» (Распопов 1970, с. 78).

Невыраженность лица-деятеля подчеркивается в определении О.Б. Сиротининой: «В безличных односоставных конструкциях отношение к лицу не выражено, деятель не мыслится, поэтому можно сказать, что они выражают отношение к нелицу, то, что какое-то действие или состояние не производится ни говорящим, ни его собеседником, ни кем-то (или чем-то) третьим» (Сиротинина 1980, с. 77).

Из обобщенных академических изданий только Грамматика-60 предлагает определение безличных предложений, в котором нашли отражение как морфологические, так и синтаксические черты рассматриваемых конструкций: «Безличными называются такие односоставные предложения, в которых главный член в форме безличного глагола (а также в безлично употребленной форме личного глагола) или в форме предикативного наречия выражает проявление процессов или состояний, которые либо вообще не зависят от активного деятеля, либо исходят от субъекта (активного деятеля или носителя состояния), обозначаемого формой косвенного падежа имени» (Грамматика 1960, т. 2, ч. 1, с. 12).

Грамматика-70 и Грамматика-80 не рассматривают безличные предложения как особые синтаксические конструкции, а понятие *безличность* связывают с одним из проявлений морфологической категории лица у глагола, ср.: «форма 3-го л. ед. ч. может обозначать безличность, т.е. указывать на то, что осуществление действия происходит независимо от какого-либо деятеля (лица или предмета) <...> Безличность как основное значение характеризует определенные группы глаголов, семантика которых несовместима с представлением об активном деятеле» (Грамматика 1970, с. 363); «форма 3 л. ед.ч. противопоставлена первым двум [формам 1 и 2 л. – А.П.] как форма, которая может представить действие бессубъектное, т.е. происходящее независимое от деятеля (лица или предмета). Такое употребление формы 3 л. ед.ч.

называется безличным, оно является основным для глаголов, лексическое значение которых несовместимо с представлением о производителе действия» (Русская грамматика 1980, т. 1, с. 639). Как видим, здесь подчеркивается *независимость* «безличного» действия от активного деятеля.

П.А. Лекант в своих определениях безличных предложений в первую очередь говорит об их семантике: «выражает действие или состояние, не связанное с действующим лицом, предметом (деятелем)» (Справочник школьника 1998, с. 202), а затем отмечает, что данная семантика опирается на форму: «безличное предложение выражает действие, состояние безотносительно к деятелю, субъекту. Это значение опирается на безличную форму глагола» и далее: «все структурные разновидности главного члена предложения непременно содержат форму безличности» (Краткий справочник 1995, с. 270). И еще одно определение, главным в котором является формулировка особой «безличной» семантики, характеризующаяся признаками *независимость* и *несоотносительность*: «В безличных предложениях выражается независимое действие безотносительно к деятелю. Глагольные формы главного члена предложения не указывают на деятеля и не способны делать это по своей морфологической природе: главный член имеет формальные показатели 3-го лица единственного числа и прошедшего времени среднего рода. Эти показатели представляют собой форму безличности, морфологическим эталоном которой являются безличные глаголы» (Современный русский 1996, с. 333).

Признак *независимость* лежит в основе определений В.В. Бабайцевой и Н.С. Валгиной, ср.: «Безличные предложения – это такие односоставные предложения, в которых выражается действие или состояние (признак), возникающие и существующие независимо от производителя действия и носителя признака» (Современный русский язык 1987, с. 96; Бабайцева 2004, с. 169); «Безличными называются односоставные предложения, главный член которых называет процесс или состояние, независимые от активного деятеля (или признак, независимый от его носителя)» (Валгина 1978, с. 173).

На семантику главного члена делает упор в своем определении безличного предложения А.М. Ломов: «Тип содержательно односоставных предложений, главный член которых неоднороден: он называет либо отвлеченные от своего источника (или носителя) процессы, либо обезличенные признаки-состояния, в связи с чем соответственно различаются две разновидности этого предложения: безличное предложение глагольного строя и безличное предложение наречного строя», или «односоставное процессное предложение и односоставное признаковое предложение» (Ломов 2004, с. 22).

В.Л. Георгиева обращает внимание прежде всего на синтаксические свойства безличных предложений и рассматривает безличность как «отсутствие синтаксической направленности предикативного члена на предмет-подлежащее, что приводит к структуре, лишенной подлежащего и в то же время замкнутой в ее содержании рамками словесно выраженных понятий. Последнее делает невозможным учет при изложении так называемых «степеней безличности», поскольку их признание базируется на факторе «домысливания» невербализованного элемента» (Историческая грамматика 1978, с. 230).

В.Ю. Копров признает безличными предложения, в которых «носитель признака имплицирован или представлен формой в косвенном падеже», позиция подлежащего в структуре таких предложений «отсутствует, грамматического согласования признакового компонента с его носителем, естественно, не происходит, признаковый компонент приобретает закрепленную в системе языка так называемую «безличную» форму» (Копров 2010, с. 127).

Итак, разные определения в качестве существенных признаков безличного предложения называют следующие:

на уровне синтаксиса – *бесподлежащность*, при которой в предложении нет синтаксической направленности предиката на подлежащее и указания на подлежащее в контексте;

на уровне морфологии – *невыраженность* лица формой главного члена (глагольного или именного);

на уровне семантики – *независимость* действия от деятеля и состояния от его носителя.

Одной из проблем в изучении безличного предложения остается квалификация предикативного центра данной синтаксической единицы, что находит отражение в определениях: в одних случаях речь идет о сказуемом, в других – о главном (предикативном) члене безличного предложения. О.Б. Сиротинина отмечает, что главный член односоставных предложений имеет очень много общего со сказуемым: он является носителем всех трех грамматических категорий предикативности, имеет те же типы, что и сказуемое (Сиротинина 1980, с. 64). На наш взгляд, принципиальной разницы между этими дефинициями нет, поэтому термин «безличное сказуемое» нам представляется вполне приемлемым для лингвистического описания (см. доводы в пользу данной точки зрения в (Долин 2005)), хотя методисты высказывают опасения по поводу подобного использования термина «сказуемое» (Давыдова 2006, с. 99).

Дадим определение безличного предложения, в котором, наряду с основными его признаками, учитываются категориальные показатели безличности как особой семантико-грамматической категории рус-

ского языка, представляющей собой особый способ концептуализации действительности и проявляющей свой категориальный статус как на грамматическом, так и на семантическом уровне, специализированным средством выражения данной категории являются безличные предложения.

Безличность – грамматическая категория, основным содержанием которой является инвариантное, категориальное значение грамматической бессубъектности, которое реализуется в специализированных морфологических формах и специализированных синтаксических конструкциях.

На морфологическом уровне прототипической формой выступает безличная форма глагола, показателями которой являются форманты: *-et*, *-ut*, *-(л)o*, отрицание и «безличное» *-ся*, а интерпретационными представителями категории становятся присвязочные именные формы, обусловленные глагольной формой безличности, при этом одним из формантов выступает нулевая безличная форма, функционирующая в парадигме связи *быть*. Ядро категории безличности составляет, наряду с безличной формой глагола, безличная форма имени прилагательного с формантом *-o*, в разной степени удаленности от центра данного поля находятся другие средства выражения безличной семантики, которые тяготеют либо к одному, либо к другому полюсу безличности (глагольное слово *нет*, безличные формы причастий, существительных, местоимений, наречий, безличные фразеологизмы и фразеосхемы).

На синтаксическом уровне грамматический инвариант безличности проявляется как невозможность синтаксической связи предикативного центра с грамматическим субъектом в номинативной форме, что приводит к структуре, лишенной подлежащего, косвенно выражющей субъект, и составляет категориальный прототип безличности, все остальные валентностные признаки предиката являются интерпретационными реализациями категории безличности. Грамматическая бессубъектность безличного предложения формируется безличным предикатом и подкрепляется конструктивно-синтаксическим способом, она реализуется в определенных синтаксических моделях.

Безличность как семантическая категория опирается на грамматический инвариант, а именно на семантику грамматической бессубъектности, проявляющуюся на семантическом уровне следующими смысловыми вариантами: неактивность субъекта, которая предполагает не-произвольность действия (состояния), его неконтролируемость со стороны субъекта; независимость действия (состояния), характеризующаяся их инволютивностью, стихийностью; неопределенность ситуации, связанная с тем, что не обозначен источник ее формирования. Семантика бессубъектности реализуется в определенных семантических ти-

пах предикатов, а именно предикатах состояния, стихийного действия, отношения, существования, оценки и модальности.

Категориальный статус безличности в полной мере проявляется в рамках функционально-семантического поля, ядро которого составляет семантика и грамматика бессубъектности, опирающаяся на морфологические и синтаксические средства, выражающие отдельные смысловые элементы общей семантики безличности (подробнее см. в нашей работе (Петров 2007)).

Безличное предложение – основной способ выражения семантико-грамматической категории безличности, инвариантное значение которой – грамматическая бессубъектность – проявляется на синтаксическом уровне как бесподлежащность, на морфологическом уровне как выражение сказуемого специализированной безличной формой, на семантическом уровне как независимость действия или состояния, обусловленная неактивностью субъекта.

Таким образом, безличное предложение – бесподлежащная синтаксическая конструкция со сказуемым в безличной форме, выражающая независимое от активного деятеля действие или независимое от носителя состояние. Система безличных предложений современного русского языка подробно описана в нашем учебном пособии (Петров 2014).

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
- Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке: монография / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.
- Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – 2-е изд. – М.: Вышш. шк., 1978. – 439 с.
- Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: МГУ, 1958. – 332 с.
- Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис.– М.: АН СССР, 1960. – Ч. 1. – 702 с.
- Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 754 с.
- Давыдова Е.В. Теория односоставного предложения и проблемы ее преподавания в школе / Е.В. Давыдова // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: материалы междунар. конф., посв. 70-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова. – Воронеж, 2006. – С. 98–103.
- Долин Ю.Т. Третий главный член предложения? / Ю.Т. Долин // Русский язык в школе. – 2005. – № 5. – С. 74–77.
- Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / под ред. В.И. Борковского. – М.: Наука, 1978. – 446 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в соотвлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Олейников, 2010. – 328 с.

Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1995. – 382 с.

Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 400 с.

Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. – М.: Учпедгиз, 1958. – 166 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.

Петров А.В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка: монография / А.В. Петров. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – 295 с.

Петров А.В. Система безличных предложений в современном русском языке: учеб. пособие / А.В. Петров. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 162 с. [Электронный ресурс]

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 8-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 451 с.

Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.

Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Русская грамматика. – Т. 1–2. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 784 с.

Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Каракулов. – Изд. 2-е. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.

Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка / О.Б. Сиротинина. – М.: Высш. шк., 1980. – 141 с.

Современный русский литературный язык: учеб. / под ред. П.А. Леканта. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1996. – 462 с.

Современный русский язык. В 3 ч. – Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

Справочник школьника: русский язык. 5–11 классы / под ред. П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 1998. – 400 с.

Степченко А.Н. Исторический синтаксис русского языка / А.Н. Степченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1977. – 352 с.

**Попова Е.А.
Popova E.A.**

*Липецкий государственный педагогический университет
Lipetsk State Pedagogical University*

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
И НARRATIVНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES AND NARRATIVE
POTENTIAL OF COMPLEX SENTENCES WITH SUBORDINATE
CLAUSES**

Аннотация. В статье рассматривается структура, семантика и особенности функционирования в художественном тексте сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными.

Abstract. The article discusses the structure, semantics and features of functioning of complex sentences with subordinate clauses in fiction.

Ключевые слова: функциональная грамматика, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, косвенная речь, нарративный потенциал, речевой и ментальный акт.

Key words: functional grammar, complex sentences with subordinate clauses, indirect speech, narrative potential, speech and mental act.

Одним из ведущих принципов антропоцентрической парадигмы изучения языка является функционализм, связанный с понятием функции. «Функция выражает отношение синтаксической единицы к коммуникативной единице. Функция – это предназначность элемента к определенному способу существования в системе, к определенному служению этой системе» (Золотова 2004, с. 45).

Современная наука о языке уже не ограничивается рассмотрением структуры и семантики (формы и значения) языковых единиц, а обязательно обращается к выявлению особенностей их функционирования в тексте-коммуникате. При этом внимание к функции или функциям той или иной языковой единицы не означает отказа от рассмотрения их структурно-семантических особенностей, которые обусловливают функциональные. Функциональный подход к описанию языка (функциональная лингвистика) «имеет уже несколько разветвлений, каждое из которых располагает сложившейся теоретической базой, понятийным аппаратом, отработанной методикой анализа и многочисленными реализациями, охватывающими большой языковой материал» (Копров 2016, с. 6).

Наиболее полно теории функциональной грамматики представляют три направления: теория функциональной грамматики А.В. Бондарко, коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой, семантико-функциональная сопоставительная грамматика разноструктурных язы-

ков В.Ю. Копрова. Последнее из названных направлений носит теоретико-прикладной характер.

В нашей статье мы обратимся к структурно-семантическим особенностям и нарративному потенциалу (особенностям функционирования в художественном тексте, представляющем собой литературный нарратив) сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными.

В.Ю. Копров относит этот тип сложноподчиненных предложений (далее СПП) к актантным придаточным, замещающим тот или иной обвязательный актант в структуре главного предложения (субъект, объект, адресат, локализатор) (Копров 2016, с. 21). С.Г. Ильенко считает, что «в системе сложного предложения СПП является наиболее антропоцентрическим типом, т.е. наиболее регулярно связанным с реализацией диады “человек – язык”» (Ильенко 2005, с. 137), и особо выделяет СПП с придаточными изъяснительными как «структурой с особой функцией антропоцентрического свойства» (Там же, с. 139). По мнению С.Г. Ильенко, о структуре этих придаточных справедливо сказать, что «она создана для демонстрации собственно антропоцентрической стороны языка – речи, поскольку представляет окружающий мир не непосредственно, а пропуская его конкретные сегменты через человеческое мышление (понять, думать, знать, помнить и др.), эмоции (мучиться, радоваться, негодовать, печалиться и др.), чувства (видеть, слышать, ощущать и др.), волеизъявление (требовать, приказывать, советовать и др.), речевую деятельность (оповестить, сообщить, спросить, ответить и др.)» (Там же, с. 138). Этот тип СПП признан наиболее специализированным средством, предназначенным для передачи косвенной речи.

По замечанию авторов «Русской грамматики», «особенности структуры изъяснительных придаточных, и в еще большей степени специфика самой изъяснительной связи, проявляются в косвенной речи» (Русская грамматика 1980, с. 485). СПП данного типа, описывая чужую речь с точки зрения говорящего (в литературном нарративе это персонаж), содержат сведения о субъекте, адресате первичного речевого или ментального акта, что передается в главном предложении, содержании или теме речевого или ментального акта, это передает придаточное предложение. Кроме того, такое СПП может содержать сведения о способе (манере) речи, времени и месте ее произнесения, а также других обстоятельствах, сопровождающих первичный акт чужой речи или мысли. С использованием метаязыка местоимений, запечатлеваяющих исходные смыслы языка (Шведова 1998), пропозитивные смыслы СПП с придаточным изъяснительным, являющимся средством передачи косвенной речи, выглядят так: *кто говорит / думает как кому / с кем*

где когда что. Например: *Пьяненький Прохор* (кто) дразнил (смысли «говорить», «как») ее [Евпраксеюшку] (кого), что она извела барина, опоила его и что не миновать ей за это по владимирке погулять (что – «содержание речи») (Салтыков-Щедрин. «Господа Головлевы»); *Сядясь в коляску и глядя на темный дом и сад* (когда), он [Старцев] (кто) вспомнил (смысл «думает») все сразу – и романы *Веры Иосифовны*, и шумную игру *Котика*, и остроумие *Ивана Петровича*, и трагическую позу *Павы* (что – «тема речи»), и подумал (смысл «думает»), что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город (что – «содержание речи») (Чехов. «Ионыч»).

Смысл «кто» может содержать сведения как об определенном адресанте первичного речевого акта (в этом случае в предложении имеется такой обязательный актант инвариантной семантической структуры, как субъект, выступающий в роли подлежащего), так и о неопределенном (*говорили, что...*). Традиционно большая часть таких предложений рассматривается как неопределенно-личные или двусоставные неполные. Но с учетом того, что любой речевой и ментальный акт исходит от субъекта (адресанта), можно считать, что подлежащее в подобных синтаксических конструкциях выражено особой нулевой лексемой со значением лица и синтаксическими свойствами 3-го лица множественного числа ($O_{3\text{мн.}}$). Референтом $O_{3\text{мн.}}$ выступают *другие, многие, все*. Неопределенность субъекта первичного речевого акта используется в коллективной косвенной речи, средством реализации которой является СПП с придаточным изъяснительным:

После венчания не было даже легкой закуски; молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал. Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев – поездка на богомолье за две-сти верст. Многие (кто) одобряли (смысл – «говорит», «как») это, говоря (смысл «говорит»), что Модест Алексеич уже в чинах и не молод и шумная свадьба могла бы, пожалуй, показаться не совсем приличной; да и скучно слушать музыку, когда чиновник пятидесяти двух лет женится на девушки, которой едва минуло восемнадцать (что – «содержание речи»). Говорили (смысл «говорит») (кто $O_{3\text{мн.}}$) также, что эту поездку в монастырь Модест Алексеич, как человек с правилами, затеял собственно для того, чтобы дать понять своей молодой жене, что и в браке он отдает первое место религии и нравственности (что – «содержание речи») (Чехов. «Анна на шее»).

Доктор Андрей Ефимович Рагин – замечательный человек в своем роде. Говорят (смысл «говорит») (кто $O_{3\text{мн.}}$), что в ранней молодости он был очень набожен и готовил себя к духовной карьере и что, кончив в 1863 году курс в гимназии, он намеревался поступить в духовную академию, но будто бы его отец, доктор медицины и хирург, едко по-

смеялся над ним и заявил категорически, что не будет считать его своим сыном, если он пойдет в попы (что – «содержание речи») (Чехов. «Палата №6»).

В поверхностной структуре коллективной косвенной речи, как правило, отсутствует смысл *кому / с кем*, потому что адресат тоже является коллективным. Кроме того, коллективная косвенная речь не содержит указания на конкретную ситуацию речи: разговоры, имеющие много адресантов и адресатов, велись не один раз.

Последний пример показывает, что конструкция с косвенной речью может иметь не двух, а трех говорящих: двумя первыми являются персонажи, в роли третьего выступает повествователь. Один персонаж пересказывает или вспоминает речь другого (косвенная речь второй ступени), а слова первого персонажа читателям становятся известны от повествователя (косвенная речь первой ступени). Например:

...Офицер заявил судебному следователю (далее следует косвенная речь I ст.), *что Мещерская завлекла его, была с ним близка, поклялась быть его женой, а на вокзале, в день убийства провожая его в Новочеркасск, вдруг сказала ему* (далее следует косвенная речь II ст.), *что она и не думала никогда любить его, что все эти разговоры о браке – одно ее издевательство над ним, и дала ему прочесть ту страничку дневника, где говорилось о Малютине* (Бунин. «Легкое дыхание»).

Косвенная речь второй ступени включена в косвенную речь первой ступени. Смысл слов первого персонажа (в приведенном примере – Оли Мещерской), прежде чем дойти до читателя, проходит через сознание второго персонажа (казачьего офицера) и сознание повествователя. Схематично это выглядит так: **персонаж 1 – персонаж 2 – повествователь – читатель**. Пропозитивные смыслы, характерные для конструкции с косвенной речью, имеющей двух говорящих, при трех говорящих удваиваются: *кто говорит как кому / с кем что (кто говорит как кому / с кем что)*. Косвенная речь второй ступени представляется собой смысл «что» косвенной речи первой ступени. В конструкциях с косвенной речью с тремя говорящими происходит мена ролей коммуникантов: адресат косвенной речи второй ступени (в нашем примере – казачий офицер), как правило, является адресантом косвенной речи первой ступени.

Конструкция с косвенной речью, представляющая собой придаточное изъяснительное, может описывать сообщение с точки зрения адресата (слушающего или читающего). Главные пропозитивные смыслы такой конструкции: «адресат – акт восприятия чужого высказывания и уяснение его смысла – адресант – содержание и / или тема речи» (*кто узнает от кого что*), факультативные – *как, где, когда*. Смысл *кто со-*

держит информацию об адресате первичного речевого акта, смысл *от кого* – об адресанте. Например:

Говорила большая мать, дама с седыми волосами. Санин (кто) узнал (смысль «узнает») от нее (от кого), что имя ее – Ленора Розелли; что она осталась вдовою после мужа своего, Джованни Баттиста Розелли, который двадцать пять лет тому назад поселился во Франкфурте в качестве кондитера; что Джованни Баттиста был родом из Виченцы, и очень хороший, хотя немножко вспыльчивый и заносчивый человек, и к тому республиканец! (что – «содержание речи») (Тургенев. «Вешние воды»).

Главное предложение СПП анализируемого типа представляет собой агентивную конструкцию: коммуникант (говорящий, думающий, пишущий или слушающий, читающий) является активным лицом (агенсом). Однако конструкция с косвенной речью, выраженная СПП с придаточным изъяснительным, может быть и деагентивной (пациентивной), т.е. представлять адресанта как пациенс (пассивный субъект, испытывающий чье-либо влияние). В таких синтаксических конструкциях чужие слова и мысли вводятся при помощи предложений, представляющих синтаксический концепт «пациенс претерпевает состояние» (Попова 2009) и традиционно относящихся к безличным. Произнесенная чужая речь вводится в повествование таким способом реже, чем внутренняя речь персонажей, так как по отношению к словам адресант всегда проявляет большую активность, чем по отношению к мыслям. Последние обладают свойством проникать в сознание как бы извне. Например:

Ей [Анне] приходило в голову, что сейчас приедет управляющий выгонять ее из дома, что позор ее будет объявлен всему миру (Л. Толстой. «Анна Каренина»); Когда она [Анна] думала о Вронском, ей представлялось, что он не любит ее, что он уже начинает тяготиться ею, что она не может предложить ему себя, и чувствовала враждебность к нему за это. Ей казалось, что те слова, которые она беспрестанно повторяла в своем воображении, что она их сказала всем и что все их слышали (Там же).

Конструкции с косвенной речью двусубъектны, полифоничны: в литературном нарративе первым говорящим является персонаж, роль второго выполняет повествователь. Эти конструкции содержат информацию о двух коммуникативных актах: первичном (отраженном), который в художественном обычно отсутствует, и вторичном (отражающем). Первичная коммуникация протекает между персонажами, во вторичной – в роли говорящего выступает повествователь, который адресует свою речь читателю.

В СПП с придаточными изъяснительными, реализующими косвенную речь, на первом плане находится второй говорящий (повествователь), который не только передает содержание или тему чужой речи, но и осуществляет ее анализ, оценку. План выражения речи персонажа при этом меняется. Главным семантическим свойством косвенной речи является аналитизм, который может иметь несколько способов выражения.

Во-первых, это расчленение, анализ предметного смысла исходного высказывания, что проявляется в деловой (интеллектуальной) модификации косвенной речи. Эта форма косвенной речи «ставит целью передавать только содержание, мысли чужого высказывания, не сохраняя речевых особенностей этого высказывания» (Гвоздев 1965, с. 372). Для анализа и интерпретации чужого высказывания повествователь как второй говорящий может использовать метаязыковые глаголы, слова, описывающие манеру речи персонажа, вставные конструкции, прерывающие изложение содержания речи персонажа для описания его вербальных и невербальных жестов во время произнесения речи. Например: *Отец с восхищением рассказывал мне, что видел лебедей, так высоко летевших, что он едва мог разглядеть их, и что гуси потянулись большими станицами* (Аксаков. «Детские годы Багрова-внука»).

В литературном нарративе интеллектуальная модификация косвенной речи используется для передачи иностранной, диалектной, неискусенной русской речи: *Изящный генерал стоял перед ложей швейцара и дурным немецким языком объяснял ему, что желает нанять карету на целый завтрашний день* (Тургенев. «Дым»).

Аналитическая тенденция косвенной речи может выражаться расчленением словесной оболочки чужого текста, что находит выражение в художественной (живописной) модификации косвенной речи. В этом случае в косвенную речь «вводятся слова и обороты, дающие представление о языковой манере излагаемого высказывания в целях сохранения колорита чужой речи. В ней наблюдается своеобразное объединение элементов прямой и косвенной речи» (Гвоздев 1965, с. 375). В этой разновидности косвенной речи второй говорящий передает не только «своими словами» содержание (смысловую позицию) исходного высказывания, принадлежащего первому говорящему, но и включает во вторичное высказывание подлинные слова и выражения исходного текста, которые могут маркироваться кавычками, курсивом, ксеночастицами *де*, *дескать*, *мол*, характерность чужого высказывания может быть заключена в семантике слова (в коннотативных компонентах смысла). Например:

Один старик Прокофьев не любил его [Базарова], с угрюмым видом подавал ему за столом кушанья, называл его «жизнодером» и «прощелыгой» и уверял, что он с своими бакенбардами – настоящая свинья в

кусте (Тургенев. «Отцы и дети»); *Он [Штольц] говорил, что «нормальное назначение человека – прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них».* В заключение прибавлял, что он «был бы счастлив, если б удалось ему на себе оправдать свое убеждение, но что достичь этого он не надеется, потому что это очень трудно» (Гончаров. «Обломов»).

Аналитизм косвенной речи может проявляться и в использовании изъяснительных релятивов: семантического союза *будто* и его синонимов как *будто*, *будто бы*, *якобы* (отдельно или со словами с семантикой негативно характеризующего типа), асемантического союза *что*, контактирующего со словами с семантикой негативно характеризующего типа: *говорил, будто...;* *ходили темные слухи, будто бы...;* *распускал слух, что...;* *врал, что...;* Например:

Не любя Ламновского, кадеты не упускали случая делать ему доказдения и мстить, портят так или иначе его репутацию в глазах своих новых товарищей. С этой целью они распускали в корпусе мольву, что Ламновский знается с нечистью силою и заставляет демонов таскать для него мрамор, который Ламновский поставлял для какого-то здания, кажется для Исаакиевского собора. Но так как демонам эта работа надоела, то рассказывали, будто они нетерпеливо ждут кончины генерала, как события, которое возвратит им свободу (Лесков. «Привидение в Инженерном замке»).

Эффект отчуждения будет вдвое сильнее при контакте союза *будто* и его синонимов со словами с семантикой негативно характеризующего типа, обозначающими недостоверный источник информации: *Он врал, будто.../ распускал слухи, будто бы...;* Например: *Под конец [Сидоров] начал такую околосину плести, что будто и лично он с государем виделся много раз, и будто государь с ним о важных делах Российской империи советовался, и будто чай он во дворце, в царской семье, пил с ромом и тминными крендельками* (Куприн. «Царский писарь»).

Изъяснительные релятивы – это оценочные средства языка, которые не только разграничивают план авторской и чужой речи, но и несут информацию об отношении второго говорящего к передаваемой им речи и ее автору, как правило, отрицательное. Следовательно, подчинительный союз в конструкциях с косвенной речью представляет собой не только ксенопоказатель, но и свернутый «текст в тексте».

Аналитизм – это «душа косвенной речи» (Волошинов 1995, с. 345), отвечающий сути третьесличного нарратива, в котором дискурсы персонажа (первого говорящего) и повествователя (второго говорящего)

представлены отдельно и дискурс повествователя подчиняет себе дискурс персонажа. СПП с придаточным изъяснительным служит целям вторичной коммуникации, представляющей собой с коммуникативной точки зрения «вторичное или удвоенное высказывание, т. е. отправленное двумя адресантами... С содержательной точки зрения это пересказ чужой речи, имеющий определенные лексико-грамматические и стилистические особенности» (Винокур 1993, с. 99). В организации вторичной коммуникации в рамках литературного нарратива заключается одна из важнейших функционально-текстовых ролей рассматриваемых синтаксических конструкций.

Одним из значительных проявлений антропоцентризма в современной науке о языке стало создание функциональной грамматики и признание такой грамматики наиболее адекватной грамматикой для естественных языков. Функциональная грамматика ищет и находит в объектах своего исследования взаимообусловленность формы, значения и функции, устанавливает способы участия синтаксических единиц в организации человеческого общения.

Литература

- Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. – СПб.: Аста-пресс, 1995. – С. 216–380.
- Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3-е / А.Н. Гвоздев. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
- Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 542 с.
- Ильенко С.Г. Антропоцентризм в зеркале сложноподчиненного предложения / С.Г. Ильенко // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А.С. Шишкова). Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004) / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: «САГА», 2005. – С. 137–141.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.
- Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209 с.
- Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
- Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

**Рогова К.А.
Rogova K.A.**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Saint-Petersburg State University*

**ПАССИВ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
PASSIVE AND THE ACTUAL DIVISION OF A SENTENCE**

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к изучению пассивных конструкций в русском языке, которые, являясь производными от активных конструкций, обладают как формальным, так и семантическим своеобразием. Это внутреннее своеобразие пассива отражает его функции в коммуникативной организации компонентов дискурса с единым типом изложения, что свидетельствует о тесном взаимодействии структурно-семантического и актуального аспектов предложения.

Abstract. The article discusses various approaches to the study of Russian passive constructions, which, being derived from the active structures, have both formal and semantic identity. This internal originality of passive reflects its function in the communicative organization of the components of discourse with a single type of presentation that shows close interaction of structural-semantic and actual aspects of a sentence.

Ключевые слова: семантика пассива, трехчленный и двучленный пассив, коммуникативные типы предложения.

Key words: semantics of passive, three-parts and two-parts passive, communicative sentence types.

Пассивные конструкции определяются как такие, где «в качестве носителя признака – подлежащего – выступает пациент, а производитель действия – агент – представлен дополнением как зависимый синтаксический компонент» (Копров 2000, с. 74): *Депутаты обсуждают / обсудили новый закон – Новый закон обсуждается / обсужден депутатами*. Эти конструкции привлекают к себе внимание прежде всего как демонстрирующие относительную «взаимонезависимость формально-синтаксической и семантической структур предложения» (Ходорович 1970, с. 23, 7).

В 70–80-е гг. высказывалось мнение, что конструкции актив / пассив «обладают известной парадоксальностью: резко противопоставленные друг другу по грамматической форме, они оказываются тождественными со стороны своего значения (смысла). Попытки обнаружить семантическое различие между конверсивами в таких терминах, как «большая активность действий» в одном случае, «меньшая активность» – в другом, недостаточно убедительны, так как подобные «оттенки значения часто бывают трудно уловимы» (Мурзин 1974). Однако такое толкование скоро стало считаться упрощенным: «всякий диатетический сдвиг, т. е. изменение синтаксических позиций участников с заданными ролями, влечет вполне ощутимые различия pragmatischen порядка, которые можно представить как изменение коммуникативного ранга участников»

(Падучева 2001, с. 181). При этом автор поясняет: «Семантическая роль характеризует участника на денотативном уровне, т. е. с точки зрения места соответствующего объекта в обозначаемой глаголом ситуации: роль – это, например, Агенс, Инструмент, Адресат, Место. А коммуникативный ранг – это pragматическая характеристика участника: через его отношение к фокусу внимания говорящего: диатеза, по изначально-му замыслу, меняет синтаксические позиции (и, соответственно, ранги) тех участников, которые являются актантами глагола» (Указ соч., с.189).

По мнению Г.А. Золотовой, изменение структуры модели актив / пассив меняет «роли компонентов (*Субъект действия – действие – объект* – в активе и *Субъект – носитель признака – признак состояния, свойства* – в пассиве), меняется соответственно типовое значение, утрачивая таким образом свойство синонимичности и способности взаимозаменяемости» (Золотова 2004, с. 203). Что согласуется и с таким наблюдением: в пассивном предложении «подлежащее обычно неодушевлено и бездеятельно, сама конструкция чаще используется для описания состояний, чем действий» (Зарецкий 2008). Изменения в семантике пассивной конструкции вводят ограничения и на использование глаголов: предпочтение отдается глаголам, способным выполнять перфективную функцию, которая фиксирует результативное состояние (о перфективной функции см. (Золотова 2004, с. 27–28)).

В принципе о том же и следующее высказывание: «Пассивный залог сводится к передаче статуса участника с наиболее высоким рангом от исходного подлежащего к другому участнику ситуации; более того, можно сказать, что главное назначение пассива – именно лишение исходного подлежащего его привилегированного статуса. Пассив – это прежде всего «борьба с исходным подлежащим», которое не устраивает говорящего своей коммуникативной выделенностью» (Плунгян 2011, с. 196–197). Добавим: до полного его устранения в двучленном пассиве. В работе, посвященной изучению пассива в языках мира, авторы приходят к выводу, что пассив употребляется преимущественно в целях топикализации, то есть при необходимости подчеркнуть дополнение и снять акцент с производителя действия (Keenan, Dryer 2007).

В последнее время активные и пассивные конструкции рассматриваются еще в одном аспекте: в аспекте **выбора** как теоретического понятия, то есть с точки зрения определения факторов, влияющих на употребление конструкции. По данным проведенных исследований наиболее мощным при выборе пассива является фактор данности, «предшествующие пассивные конструкции являются независимым и мощным обуславливающим фактором» (Грис 2015, с. 724–725).

Если обобщить приведенные выше высказывания (далеко не исчерпывающие имеющиеся источники), то окажется, что соотношение ак-

тив / пассив затрагивает предложение в целом; только весьма условно можно говорить о том, что их семантическую основу представляет одна и та же ситуация (наличие семантического агента и пациента). Изменение синтаксических позиций этих семантических компонентов не дает возможности рассматривать эти предложения как синонимы – речь может идти о деривации, которая сопровождается дополнительными модификационными смыслами, что проявляется в изменении семантического типа предложения и возможности отказа от агента в его составе, а также в использовании подлежащего-пациента в качестве темы при актуальном членении предложения.

Все сказанное ставит вопрос о реальном воздействии коммуникативных установок на деривационный процесс. Если активная конструкция представляет собой уравновешенное соотношение: подлежащее – агент – тема (а) *Ломоносов открыл закон сохранения энергии*, то пассив меняет это соотношение: подлежащее – пациент – тема (б) *Закон сохранения энергии был открыт Ломоносовым*. При этом предложение допускает двучастную структуру (в) *Закон сохранения энергии был открыт*, с возможностью включения сирконстантов: – *был открыт в XVIII веке, в России*. В трех указанных конструкциях оказались представленными основные коммуникативные типы предложений / высказываний, выделенные П. Адамцем (Адамец 1966) общеинформационное – *Ломоносов открыл закон сохранения энергии*, частноинформационное – *Закон был открыт – кем? – Ломоносовым, – когда? – в XVIII веке, где? – в России* и верификативное *Закон был открыт*.

Таким образом, становится очевидной реализация принципа: «Структура рождается из употребления» (Томаселло 2015, с. 755), который был осознан еще А.А. Шахматовым, связавшим существование односоставных предложений с воздействием психологического суждения. Так в статье, посвященной «Синтаксису» А.А. Шахматова, В.В. Виноградов пишет: «Е.С. Истрина вслед за Шахматовым полагает, что цельная синтаксическая система не может быть построена вне непосредственной последовательной связи формальных признаков предложения с соотносительными с ними психологическими актами, придающими им «внутреннее значение». Согласование этих двух соотносительных фактов речи будто бы и дает основу для классификации предложений» (Виноградов 1950, с. 105).

Психологические акты в понимании Шахматова соотносились с психологическим суждением, которое глубоко разрабатывалось психологами на рубеже XIX и XX века. Например, в исследовании Г. Геффдинга (1908) о соотношении логического и психологического суждений сказано: «Разница в способе рассматривать суждение логически и рассматривать его психологически – заключается в том, что с логической стороны – главным является отношение между элементами, тогда как с психоло-

гической стороны, – наиважнейшее есть процесс, при помощи которого сознание уясняет это отношение наилучшим образом» (Геффдинг 2012, с. 62–63). Далее излагаются положения, хорошо известные нам по работам, посвященным актуальному членению предложения.

Очень важным является определившееся положение о том, что актуальное членение предложения является одновременно категорией предложения / высказывания и текста. Характерно такое его определение: «Актуальное членение – это выделение в предложении частей, которые различаются характером коммуникативной нагрузки. В первую тематическую часть предложения включается, как правило, информация из уже реализованной части текста. При этом в старой информации выделяется и в центральную позицию темы каждого нового предложения становится не любой компонент предшествующего предложения, а тот, с которым связана новая, рематическая информация. Рематической информации отводится вторая часть предложения» (Мешеряков 1998).

Мы обратились к публицистическим текстам, в названии которых уже была заявлена предметная тема. Среди них было отобрано два текста с разной функционально-смысловой ориентацией: 1) «Четыре шедевра Кановы» (В. Файбисович // Дилетант, 2016, июнь); 2) «Салют в жаккарде. Скатерть в честь Победы была, вероятно, создана для торжественных приемов в Кремле» (Н. Вышар // Дилетант, 2016, июль).

Сюжетная линия этих текстов оказалась прочерченной пассивными конструкциями:

1) «Изваяния «Геба», «Амур и Психея», «Парис» и «Танцовщица» **были присоединены** к живописным шедеврам по личному... пожеланию Александра I. Картины курфюрста **были захвачены** французским генералом Жозефом Лагранжем в 1806 году при обстоятельствах, превращавших их, по понятиям того времени, в легитимный трофей; они **были найдены** в укрытии, в сторожске лесника. (притиска к акту) «Все картины **проданы** императорскому Российскому двору за девятьсот тысяч франков, но император выразил желание, чтобы в общую сумму, уплачиваемую за картины, **были включены** также и четыре статуи Кановы».

2) «...художник Николай Рудин задумал проект, посвященный победе. Его замысел **был осуществлен** на льнокомбинате «Заря социализма». Она (скатерть) **задумывалась** для торжественного случая с присутствием большого числа людей. Рисунок скатерти **был выполнен** в духе времени. По сторонам средника **выткана** известная фраза: «Наше дело правое – мы победили». В углах **были помещены** щиты с военной арматурой и звездой Героя Советского Союза. Сразу после первой **была выполнена** вторая скатерть в оранжевой гамме, на которой рисунок **чищался** легко. Один экземпляр **был передан** на хранение в Музей Вооруженных сил, другой **хранится** в собрании Исторического музея».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что пассив направ-лен на ведение темы текста, что предложения с пассивом приобретают значение характеризации – в широком, может быть, потенциальном значении – но реализуют его в зависимости от типа изложения, в кото-ром они участвуют. В первом из приведенных текстов они становятся элементом нарратива, в который включены, во втором – собственно характеризации при описании объекта, выступающего в качестве темы.

Все эти особенности использования пассива свидетельствуют о том, что он является порождением коммуникативных потребностей, и опре-деляют исследовательскую задачу обозначить роль этой стороны пред-ложения / высказывания в его реальном существовании и в конечном счете в реальном представлении системы синтаксиса – как того хотел А.А. Шахматов.

Литература

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Пра-га: Academia, 1966. – 99 с.

Виноградов В.В. «Синтаксис русского языка» акад. А.А. Шахматова / В.В. Виноградов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпед-гиз, 1950. – 414 с.

Геффдинг Г. Психологическая основа логических суждений / Г. Геффдинг. Пер. с нем. – Изд. стереотип. – М.: Изд-во ЛКИ, 2013. (Из наследия мировой психологии).

Грис Ш.Т. Структурный прайминг: корпусные исследования и узуальные / экземплярные подходы / Ш.Т. Грис // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. – М.: Языки славянской куль-туры, 2015. – С. 721–754.

Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологиче-ские и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими европей-скими языками) / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астрахан-ский университет», 2008. – 564 с. [Электронный ресурс] URL: <http://sci.house/yazyik-russkiy/bezlichnyie-konstruktsii-russkom-yazyike.html>

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золото-ва, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.

Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 192 с. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/download/43241555.htm>

Мещеряков В.Н. Актуальное членение предложения / В.Н. Мещеряков. Пе-дагогическое речеведение, 1998 [Электронный ресурс] URL: <http://enc-dic.com/pedrech/Aktualnoe-chlenenie-predlozhenija-181/>

Мурzin Л.Н. Синтаксическая деривация (Анализ производных предложе-ний русского языка) / Л.Н. Мурzin. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1974. – 169 с.

Падучева Е.В. Диатеза как метонимический сдвиг / Е.В. Падучева // Хра-ковский В.С., Мальчуков А.Л., Дмитренко С.Ю. 40 лет Санкт-Петербургской

типологической школе. – СПб., 2001 [Электронный ресурс] URL: <http://libatriam.net/read/608204/0/>

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира В.А. Плунгян. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с.

Томаселло М. Узуальная теория усвоения языка / М. Томаселло // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 755–785.

Храковский В.С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) / Храковский В.С., Мальчуков А.Л., Дмитренко С.Ю. 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. – СПб., 2001. [Электронный ресурс] URL: <http://libatriam.net/read/608204/0/>

Keenan, E. Passive in the World's Languages / E. Keenan, M. Dryer // Language Typology and Syntactic Description (Clause Structure) / ed. T. Shopen. URL: <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/dryer/dryer/KeenanDryerPassive.pdf>

**Роговнева Ю.В.
Rogovneva Yu.V.**

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
Pushkin State Russian Language Institute*
**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
В РУССЛЕ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ГРАММАТИКИ Г.А. ЗОЛОТОВОЙ**
**A NEW LOOK AT THE SYNTAX FIELD IN LINE
WITH THE COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL GRAMMAR**
BY G. A. ZOLOTOVA

Аннотация. В статье в рамках коммуникативно-функционального подхода анализируются различные модели предложения с одним типовым значением, представляющие собой синтаксические синонимы и образующие синтаксическое поле данного типового значения. В соответствии со структурой синтаксического поля рассматриваются модели, образующие центр этого поля и его периферию.

Abstract. The article from the point of view of the communicative-functional approach analyzes the different patterns of sentences with one typical meaning. These patterns represent syntactic synonyms and form the syntactic field of this typical meaning. The article analyzes the patterns of model that form the center and the periphery of the syntactic field.

Ключевые слова: модель предложения, типовое значение, синтаксическое поле предложения, синтаксическая синонимия, коммуникативно-функциональный подход.

Key words: patterns of sentence, typical meaning, syntactic field of sentence, syntactic synonymy, communicative-functional approach.

Структура монопредикативного (простого) предложения представляется собой модель – единство предикатного и субъектного компонентов,

сопряжение которых дает обобщенный смысловой результат – типовое значение предложения (Золотова 1998). При этом одно и то же типовое значение может быть представлено в разнооформленных моделях, которые в таком случае соотносятся как синтаксические синонимы.

Мы рассмотрим явление синтаксической синонимии на примере предложений, используемых при описании непостоянных (отчуждаемых) качеств человека, которого говорящий видит в момент описания. Коммуникативная ситуация: говорящий находится в хронотопе изображаемого и описывает то, что он видит, слышит или чувствует – репродуктивный регистр (о типах коммуникативных ситуаций см. (Сидорова 2015)). Эти описания человека (всего 70 текстов) были получены нами в результате экспериментов, проведенных со студентами московских вузов.

Анализ полученных текстов показал, что говорящий, описывая человека, которого он видит перед собой, отбирает и располагает в линейной последовательности текста модели с типовыми значениями качества, положения в пространстве и действия (подробнее об экспериментах и их результатах см. (Роговнева 2016)). Так, при описании одежды человека говорящим используются модели *она в рубашке*, *на ней рубашка*, *она одета в рубашку*, которые являются синтаксическими синонимами с общим типовым значением отчуждаемого (непостоянного) качества человека. Здесь же отметим, что то же самое типовое значение выделяется в моделях *рубашка белая* и *белая рубашка*, отличительная особенность которых заключается в том, что, во-первых, они встречаются, как правило, внутри текста-описания человека (в то время как другие модели могут использоваться вне текста или в начале текста), а во-вторых, в их состав не входит синтаксема, обозначающая субъект, поскольку контекст всегда «подсказывает», о чьей рубашке идет речь. В состав этих моделей входит адъективная синтаксема, обозначающая наблюдаемый признак, которая является обязательным компонентом предложения (ср. *на ней белая рубашка*, где синтаксема *белая* не входит в состав модели и является ее распространителем). В (Роговнева 2016) анализируется структура таких моделей и проблема порядка слов в них. В данной статье мы рассмотрим эти модели как используемые говорящим при описании человека в условиях обозначенной коммуникативной ситуации. Кроме того, в этой же коммуникативной ситуации может быть использована конструкция *у нее рубашка*, которая в данном случае будет иметь то же типовое значение, что и рассмотренные выше модели. Таким образом, русский язык предоставляет возможность выразить одно типовое значение с помощью как минимум 6 разных моделей. Особенности употребления каждой из этих моделей мы рассмотрим ниже.

Очевидно, что все эти модели используются говорящим в одной коммуникативной ситуации с разной степенью регулярности: одни мо-

дели используются всеми говорящими при описании одежды наблюдаемого человека, другие встречаются в определенных условиях (например, ими не может начинаться текст-описание человека), третьи же привносятся говорящим из другой коммуникативной ситуации.

Представляется, что весь перечень моделей с одним типовым значением (синтаксических синонимов), функционирующих в конкретной коммуникативной ситуации, можно представить в виде полевой структуры данного типового значения с центром и периферией. В данном случае мы опираемся на понятие синтаксического поля, предложенное Г.А. Золотовой, которая отмечала, что в центре поля находятся не «условные формулы, а живые образцы предложений типовой структуры и значения, наблюдаемые в употреблении и отображающие основные категориальные отношения между реалиями» (Золотова 1998, с. 205–206). На периферию поля выносятся различные модификации базовой модели.

Мы предлагаем несколько иной вариант полевой структуры, отражающий не иерархию видоизменений модели предложения в системе языка, а иерархию выбора говорящим той или иной модели в определенном типе текста / коммуникативной ситуации. Центр и периферия поля разграничиваются в зависимости от регулярности / нерегулярности употребления той или иной модели в определенной коммуникативной ситуации. Таким образом, в центре поля будут находиться модели, регулярно используемые говорящим в конкретной коммуникативной ситуации, семантико-грамматическая характеристика этих моделей будет также соответствовать данной коммуникативной ситуации. На периферию поля будут вынесены модели, нерегулярно используемые говорящим в заданной коммуникативной ситуации, семантико-грамматическая характеристика которых не соответствует этой коммуникативной ситуации.

Повторим, что для коммуникативной ситуации, при которой говорящий описывает непостоянные (отчуждаемые) качества человека, находящегося перед ним, используя языковые средства репродуктивного регистра, востребованы 6 моделей: 1) *она в рубашке*, 2) *на ней рубашка*, 3) *она одета в рубашку*, 4) *рубашка белая*, 5) *белая рубашка*, 6) *у нее рубашка*.

При этом модели 1 – 3 встречаются в каждом тексте из 70, они могут начинать текст, находиться внутри текста, а также употребляться изолированно вне текста. Следовательно, эти три модели можно назвать свободными и поместить их в центр синтаксического поля типового значения отчуждаемого качества человека в данной коммуникативной ситуации.

Модели 4 – 5 также регулярно используются говорящим при описании человека, однако встречаются внутри текста, но не в его начале.

Мы назовем такие модели обусловленными (ср. понятие обусловленных синтаксем по Г.А. Золотовой (Золотова 2006)).

Модель 6 встречается в анализируемых текстах нерегулярно и отличается от моделей 1 – 5 тем, что сама по себе имеет типовое значение наличия у субъекта предмета и функционирует в информативном регистре (коммуникативная ситуация: говорящий находится не в хронотопе изображаемого и сообщает о том, что ему известно). Попадая в текст-описание реально наблюдаемых в данный момент отчуждаемых качеств человека, эта модель становится репродуктивной и является синтаксическим синонимом моделей 1 – 5 (ср. конструкции при описании постоянных качеств: *У нее прямой нос; У него голубые глаза; У соседки длинные волосы*). Это доказывает то, что говорящий для описания «того, что он действительно видит сейчас», может привлекать в свой текст языковые средства из других коммуникативных ситуаций. Соответственно, модель, находящаяся в центре синтаксического поля одного типового значения, может функционировать на периферии синтаксического поля другого типового значения (в том числе в другом регистре и в другой коммуникативной ситуации).

Таким образом, в синтаксическом поле типового значения отчуждаемого наблюдаемого качества человека можно выделить три зоны:

1. Центр – *она в рубашке, на ней рубашка, она одета в рубашку.*
2. Периферия 1 – *рубашка белая, белая рубашка.*
3. Периферия 2 – *у нее рубашка.*

При разделении центра и периферии мы опираемся на регулярность /нерегулярность использования модели в конкретных текстах и на соответствие семантико-грамматической характеристики модели коммуникативной ситуации, для описания которой эта модель используется. Полевая организация моделей в пределах одного типового значения наглядно показывает, какие модели наиболее востребованы говорящим, какие используются менее регулярно или же могут употребляться в конкретных условиях. Модель, находящаяся в центре синтаксического поля одного типового значения в условиях одной коммуникативной ситуации, может функционировать на периферии другого типового значения в условиях другой коммуникативной ситуации.

Полевая структура типового значения, как нам представляется, может быть востребована в практике преподавания иностранных языков и РКИ: одно типовое значение в разных языках выражается разными моделями, а для изучающего иностранный язык большие трудности вызывает поиск центральной модели для обозначения ситуации в этом языке. Кроме того, исследуемый материал доказывает, что обращение к понятию коммуникативной ситуации позволяет более продуктивно

анализировать семантико-грамматические особенности конструкции, в том числе и ее принадлежность коммуникативному регистру.

Литература

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – Изд. 4-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2011. – 440 с.

Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Издательство Московского университета, 1998. – 528 с.

Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ нефиксациональных репродуктивно-описательных текстов / В.Ю. Роговнева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2016.

Сидорова М. Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций / М.Ю. Сидорова. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). –Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480–484.

**Селеменева О.А.
Selemeneva O.A.**

*Елецкий государственный университет
Yelets State University*

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ,
ПРОЯВЛЯЕМОЕ ИЗМЕНЕНИЕМ ТЕМПЕРАТУРЫ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**SENTENCES WITH THE MEANING “THE STATE
OF NATURE ASSOCIATED WITH A TEMPERATURE CHANGE”
IN RUSSIAN LANGUAGE**

Аннотация. Статья посвящена описанию структурной организации предложений, имеющих значение «состояние природы, проявляемое изменением температуры». Автор выделяет и анализирует компонентный состав семи структурных схем, лежащих в основе таких предложений.

Abstract. The article describes the structural organization of the sentences with the meaning “the state of nature associated with a temperature change”. The author identifies and analyzes the component structure of the seven structural schemes making the stem of these sentences.

Ключевые слова: предложение, структурная организация, значение, русский язык.

Key words: sentence, structural organization, meaning, Russian language.

Одной из задач семантического синтаксиса разных языков является классификация предложений в соответствии с их семантикой. Предло-

жения состояния выделяются практически во всех классификациях вне зависимости от критериев, положенных в основу дифференциации синтаксических структур: семантики всей предикатно-актантной структуры в целом или только семантики признака, заключенного в предикате. На факт наличия в русском языке статальных предложений указывают П. Адамец, В.В. Бабайцева, Г.А. Золотова, Т.В. Шмелева (см.: Адамец 1978; Бабайцева 1983; Золотова 1982; Шмелева 1994) и другие лингвисты. Предложения со значением «состояние природы» составляют значительную по объему группу статальных предложений. В самом общем виде их семантику определяют как изменения «состояния природы, связанные со сменой дня и ночи, температуры, атмосферно-метеорологические явления» (Лаврентьев 2011, с. 275).

Анализ фактического языкового материала позволил нам выявить совокупность предложений, не представляющих однородной группы по такому классификационному критерию, как способ проявления состояния природы. В результате было выделено десять групп синтаксических структур:

1) предложения со значением «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием света». Например: *В пустыне смерклось...* (Платонов. Джан); *Было светло, как днем* (Байрамов. Зоригте Храбрец);

2) предложения со значением «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием цвета». Например: *...Кругом было черно...* (Огнев. Щи республики); *Белым-бело от вишневого цвета!* (Стаднюк. Максим Перепелица);

3) предложения со значением «состояние природы, проявляемое наличием или отсутствием покрытия какими-либо объектами». Например: *...А небо было покрыто инеем* (Гладков. Повесть о детстве); *Весь день было облачно...* (Газданов. История одного путешествия);

4) предложения со значением «состояние природы, проявляемое наполнением природного объекта / метеорологического пространства». Например: *На море было пустынно* (Афанасьев. Дерсу Узала); *Барханы... высохли...* (Трифонов. Утоление жажды);

5) предложения со значением «состояние природы, проявляемое движением каких-либо объектов». Например: *День-другой мело и пургило* (Екимов. Пиночет); *...После успокоившейся к утру метели вокруг неподвижно...* (Бондарев. Горячий снег);

6) предложения со значением «состояние природы, проявляемое изменением структуры объектов». Например: *Земля подмерзла...* (Бунин. Жизнь Арсеньева); *Горные реки вздулись...* (Паустовский. Этикетки для колониальных товаров);

7) предложения со значением «состояние природы, проявляемое изменением температуры». Например: *Было знойно* (Лазарчук. Все,

способные держать оружие...); *Холодало* (Солженицын. В круге первом);

8) предложения со значением «состояние природы, проявляемое наличием / отсутствием звуков». Например: *Было тихо...* (Чехов. Соседи); *Громыхало уже без остановки* (Шишкин. Всех ожидает одна ночь);

9) предложения со значением «состояние природы, проявляемое распространением веяний или запахов». Например: ...*Пахло травой и землей* (Лазарчук. Там вдали, за рекой...); ...*Было ветreno...* (Муравьева. Мещанин во дворянстве);

10) предложения, препрезентирующие комплексные состояния. Под «комплексными» мы понимаем такие состояния природы, которые однозначно дифференцировать по способу проявления нельзя. Каждое из таких состояний включает целый спектр атмосферных осадков и явлений: *гроза – гром, ветер, дождь, молнии; оттепель – повышение температуры, таяние снега; шторм – движение волн, мрак, затянутое облаками небо и т.п.* Например: *Уже началось осеннее ненастье...* (Андреев. Губернатор); *Накануне был шторм...* (Искандер. Время счастливых находок).

Несмотря на единство семантики выбранной для анализа группы предложений – предложения со значением «состояние природы, проявляемое изменением температуры», их структура заметно различается. Мы выявили семь структурных схем, лежащих в основе таких предложений и различающихся количеством облигаторных компонентов: «где есть каково», «где самопроисходит», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что находится в каком состоянии», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию». Две из перечисленных схем («где самопроисходит», «что находится в каком состоянии») являются двухкомпонентными, а пять («где есть каково», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что есть каково по состоянию», «что есть какое по состоянию») – трехкомпонентными. Состав выделенных схем может быть представлен так:

1) «где самопроисходит» (¹локативный субъектив → ²предикатив), «что находится в каком состоянии» (¹субъектив → ²предикатив).

Например: *Видимо, в природе холодало...* (Липскеров. Последний сон разума) (в речевой реализации схемы «где самопроисходит» представлены два компонента – локативный субъектив (*в природе*) и предикатив (*холодало*)); *Степь накалилась...* (Чарская. Грозная дружина) (в речевой реализации схемы «что находится в каком состоянии» представлены два компонента – локативный субъектив (*степь*) и предикатив (*накалилась*));

2) «где есть каково» (¹локативный субъектив → ²знак отношения между означаемым субъектива и предикатива → ³предикатив), «где есть какое состояние» (¹локативный субъектив → ²знак отношения между означаемым субъектива и предикатива → ³предикатив (наличествующее состояние)), «где нет какого состояния» (¹локативный субъектив → ²знак отношения между означаемым субъектива и предикатива → ³предикатив (отсутствующее состояние)), «что есть каково по состоянию» (¹субъектив → ²знак отношения между означаемым субъектива и предикатива → ³предикатив), «что есть какое по состоянию» (¹субъектив → ²знак отношения между означаемым субъектива и предикатива → ³предикатив).

Например:

С утра было жарко (Эппель. Aestas sacra) (локативный субъектив эллиптизирован в речевой реализации схемы «где есть каково»);

Легкий утренний мороз осенью или весной. Заморозки (Булгаков. Морфий) (локативный субъектив эллиптизирован в речевой реализации схемы «где есть какое состояние», связка нулевая);

Ночью не было мороза (Пришвин. Лесная капель) (локативный субъектив эллиптизирован в речевой реализации схемы «где нет какого состояния»);

Лес был накален... (Паустовский. Последний черт) (в речевой реализации схемы «что есть каково по состоянию» представлены три компонента: субъектив (*лес*), знак отношения (*был*) и предикатив (*накален*));

Воздух холодный... (Сенчин. Афинские ночи) (в речевой реализации схемы «что есть какое по состоянию» связка представлена нулем).

Предикативы структурных схем предложений со значением «состоиние природы, проявляемое изменением температуры» представлены лексемами, несущими сему ‘температура’, типа *горяч* (‘с высокой температурой’), *жара* (‘жаркая погода’), *заморозки* (‘легкий утренний мороз осенью или весной’), *зной* (‘сильная жара от нагревания солнцем воздуха’), *зябко* (‘холодно’), *люто* (‘очень холодно’), *морозно* (‘о морозной погоде’), *мягко* (‘тепло’), *нагрет* (‘стать теплым’), *накален* (‘сильно нагрет’), *парить* (‘обдевать зноем’), *парить* (‘испускать сильный жар, зной’), *печь* (‘обдевать зноем, жаром’), *подмораживать* (‘о наступлении холода, мороза после оттепели или после осенней дождливой погоды’), *пригревать* (‘обогреть немного, слегка или сверху’), *прохлада* (‘приятный холодок, свежесть’), *раскалиться* (‘находиться в сильно нагретом состоянии’), *свеж* (в значении ‘прохладен’), *студено* (‘очень холодно’), *суроко* (‘холодно’), *теплеть* (‘о наступлении тепла’), *холод* (‘холодное состояние воздуха, его температура ниже нуля’), *холодать* (‘становиться холоднее’) и под. Например:

Утро великолепное; в воздухе прохладно... (Гончаров. Обломов); В воздухе холодаю с каждым днем (Иванов. Вечный зов); Очень парило после дождя перед новым дождем (Пришвин. Календарь природы).

Признавая разные формы выражения предикатива (личные и безличные глаголы, личные глаголы в безличном употреблении, слова категории состояния, имена существительные, имена прилагательные, причастия), мы выделяем и разные формы выражения субъектива описываемых схем: адвербально-локативные (*здесь, там, везде* и др.) и предложно-падежные формы (*в воздухе, в море* и др.), имена существительные в И. п. (*степь, природа, лес, море* и т. д.). Например:

Запоздалый ручей. В лесу тепло (Пришвин. Лесная капель); ... Там сугробы снега, ветер печально воет, там холодно и пусто... (Засодимский. Перед потухшим камельком).

В качестве третьего компонента структурных схем «где есть каково», «где есть какое состояние», «где нет какого состояния», «что есть каково по состоянию» и «что есть какое по состоянию» выступает связка. Рассмотрение связки в качестве автономного и конститтивного элемента предложения позволяет утверждать наличие не только двухкомпонентных структурных схем, но и трехкомпонентных. Например:

В воздухе, на солнце, было тепло... (Толстой. Война и мир) (схема «где есть каково»); Наверху был холод, лед, пустыня, буря... (Бунин. История с чемоданом) (схема «где есть какое состояние»); Воздух был морозный... (Леонов, Макеев. Гроссмейстер сыска) (схема «что есть какое по состоянию») и др.

Помимо глагола *быть*, передающего «в чистом виде бытийность» (Арутюнова 1983, с. 26), отношение между субъективом и предикативом могут устанавливать и другие связочные компоненты, относящиеся к лексико-семантической группе глаголов бытия. Например, делексикиализованные глаголы (типа *стоять, лежать, висеть*), в которых «сема бытийности корреспондирует с семой характеризации» (Монина 2007, с. 97), глаголы, содержащие фазовые семы *начала, продолжения, конца* в своих семемах. Например: *Жар повис над водой, не давая подняться прохладе* (Задорнов. Амур-батюшка); *Ночью ахнул мороз* (Шолохов. Донские рассказы); *Сдался мороз* (Пришвин. Кащеева цепь) (схема «где есть какое состояние»).

Все предложения с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры» можно дифференцировать на две большие группы. Первая группа – это предложения со значением состояний природы, соответствующих некой установленной температурной норме. Эти состояния не снижают активную деятельность человека, не вызывают физического дискомфорта. Образующими лексемами таких высказываний являются *заморозки, зябко, морозить, морозно, мягко,*

нагрет, прохлада, прохладный, пригревать, свеж, свежесть, свежо, теплеть, холодать и под. Например: *Верст за шестьдесят от Гарденина приходилось переезжать Битюк. Свежело* (Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги) («где самопроисходит»); *В полуденный час в дубраве было прохладно и тихо* (Варламов. Купавна) («где есть каково»); *Вот уж и первые заморозки ударили...* (Попов. Стыковка) («где есть какое состояние») и др.

Отметим, что состояние природы с низкой температурой воздуха (типа *морозно, морозит, мороз, холод, холодать* и под.) не для всякой картины мира будет комфортным. Но для климатических условий России оно характерно и воспринимается как соответствующее норме при небольших отрицательных показателях (до минуса десяти градусов): *Было тепло, градусов десять ниже нуля* (Азольский. Диверсант). Когда состояние природы, первоначально оцениваемое как соответствующее норме, начинает от нее отклоняться, в предложениях уточняется тот температурный минимум или максимум, который влечет состояние дискомфорта. Например: *Было довольно холодно, градусов за десять...* (Черкасов. Черный тополь); – *Паникуй не паникуй – все. Шибко морозно-то? – Градусов пятьдесят есть* (Шукшин. Как помирал старик).

Вторая группа высказываний представляет состояния, являющиеся неким отклонением от температурной нормы. Это состояния природы с очень высокой или очень низкой температурой, дискомфортной для человека (лексемы *горяч, жара, жарко, знобко, знай, зябко, колко, лют, накален, палить, парить, печь, раскалиться, студено, суроко* и др.). Например: *Кто его знал, что на реке по ночам так студено будет* (Мамин-Сибиряк. Вольный человек Яшка); *Он бросился бежать в сад; но в саду жарко* (Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка); – *Лютю! Ох, лютю!* (Бубеннов. Белая береза) и др.

В целом предложения со значением «состояния природы, проявляемые изменением температуры» по частотности речевой реализации занимают второе место после предложений со значением «состояние природы, проявляемое наличием / отсутствием света» и составляют примерно 16,6 % от общего числа авторской картотеки примеров. Коммуникативная востребованность предложений этих двух групп закономерна, ведь свет и тепло – это два источника жизни природы и человека.

Литература

Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке / П. Адамец. – Praha: Univ. Karlova, 1978. – 159 с.

Арутюнова Н.Д. Русское предложение. Бытний тип: структура и значение / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.

Бабайцева В.В. Семантика простого предложения / В.В. Бабайцева // Предложение как многоаспектная единица языка. – М.: МГПИ, 1983. – С. 7–24.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 366 с.

Лаврентьев В.А. Односоставные предложения с дезагенсным значением синтаксического лица / В.А. Лаврентьев // Вестник Тамбовского университета. – 2011. Выпуск 5 (97). – С. 272–278.

Монина Т.С. Реализация инварианта бытийного значения в простом предложении / Т.С. Монина // Вестник МГОУ. Сер. Русская филология. – 2007. – № 1. – С. 93–98.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т.В. Шмелева. – 2-е изд. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1994. – 54 с.

Сигал К.Я.
Seagal K.Ya.

Институт языкоznания РАН
Institut of Linguistics, RAS

**РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ В СИНТАКСИСЕ СОЧИНİТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦІЙ И ЕГО ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦІЯ
THE RARE OCCURRENCE IN THE SYNTAX OF COORDINATE
CONSTRUCTIONS AND ITS ORTHOLOGICAL INTERPRETATION**

Аннотация. В статье показано, что анафорический / дейктический компонент в сфере действия сочинительной связи обуславливает его вариативную интерпретацию в ортологии.

Abstract. In the article it is shown that the anaphoric / deictic component in the scope of coordinate binding causes variable orthological interpretation of the component.

Ключевые слова: сочинительная конструкция, сфера действия сочинительной связи, анафора, ортология.

Key words: coordinate construction, scope of the coordinate binding, anaphora, orthology.

Как известно, описание синтаксических явлений связано с целым рядом факторов, нарушающих единство и непротиворечивость таксономии, с одной стороны, и осложняющих процедуру нормализации, с другой. Вследствие этого в синтаксических описаниях, выполненных в том числе в целях обучения, представлены обычно те явления, которые тяготеют к ядру (в терминах теории поля) или к прототипу (в терминах концепции естественной категоризации). Однако это неизбежно «снимает» проблему синтаксической нормы, так как собственно синтаксическая форма выступает здесь как константная, допускающая варьирование исключительно в сфере отбора компонентов и маркеров синтаксической связи как лексических единиц. Изучая в свое время проблему

взаимодействия сочинительных конструкций (СК) и анафоры (Сигал 2006, с. 14–56), мы обратили внимание на одно редкое синтаксическое явление, получившее противоречивую оценку с точки зрения ортологии. Речь идет об одном из типов анафорических компонентов в сфере действия сочинительной связи словоформ.

Термин (и понятие) «сфера действия сочинительной связи» (СДСС) является относительно новым и еще не имеет традиции употребления в синтаксической науке. В современной зарубежной лингвистике английское «*scope*» («сфера или область действия») – «логико-семантическая категория, характеризующая область применимости предиката, оператора, отрицания, валентности, частицы» (Баранов 2001, с. 314). И.М. Богуславский сферу действия в общем плане характеризует как фрагмент синтаксической структуры, который по своему смыслу заполняет определенную семантическую валентность той или иной лексемы (Богуславский 1996, с. 44). Представляется, однако, что понятие сферы действия должно быть синтаксически более конкретизированным, нацеленным на определенные синтаксические условия и контексты.

СДСС образуется, в частности, детерминантами и распространителями компонентов СК, не входящими в синтаксическую схему сочинительной связи и не относящимися к созданной на ее основе СК как к синтаксически целостной структуре. Типология анафорических компонентов в СДСС, понятой таким образом, может быть обоснована при одновременном учете трех взаимосвязанных признаков: синтаксического характера анафорического компонента, синтаксического характера его антецедента и лексико-грамматического способа выражения анафорического компонента (и, соответственно, его типовой семантики).

Рассмотрим только один тип таких анафорических компонентов – распространитель второго компонента двухкомпонентной СК, выраженный указательно-адъективным местоимением *такой* с обязательной постпозитивной частицей *же*, в качестве антецедента имеющий распространитель первого компонента СК – согласованное определение (одиночное или однородный / неоднородный ряд). В таких СК с помощью одиночного союза выражаются обычно соединительные и крайне редко разделительные отношения.

Подобные анафорические компоненты используются для выражения атрибутивной семантики или, по-другому, для качественной характеристики второго компонента СК посредством отсылки к соответствующему номинативно обозначенному атрибутивному распространителю ее первого компонента. Атрибутивные анафорические компоненты в качестве своего антецедента могут иметь чаще всего одиночное согласованное определение (выраженное, как правило, качественным прилагательным):

Председатель, черноглазый большеголовый человек в синем пиджаке и в таких же брюках, заправленных в сапоги на высоких скроходовских каблучках, посмотрел на посетителя довольно рассеянно и заявил, что не узнает (И. Ильф, Е. Петров); ...у стола плетеное кресло для работы и другое, вольтеровское кресло, для чтения, с мягкою спинкою и с такими же ручками... (В. Русаков); Для забавы Мишеньки бабушка выписала из Москвы маленького оленя и такого же лося, с которыми он некоторое время и забавлялся... (П. Шугаев);

либо реже – ряд однородных согласованных определений (в том числе и распространенных):

Он (Тургенев. – К.С.) показался мне великаном – великаном с добрыми глазами, с красноватым лицом, с мягкими, как мне казалось, мускулами ног и с густыми, хорошо расчесанными, белыми, даже желтоватыми (уточняющий член предложения, относящийся к замыкающему однородному согласованному определению. – К.С.) волосами и такой же бородой (С. Толстой);

или ряд неоднородных согласованных определений:

...Я увидел женщину лет за сорок, среднего роста, довольно дородную, с большими черными глазами и такими же бровями (А. Погорельский).

Анафорические компоненты такого типа обладают облигаторной вспомогательной частью – постпозитивной частицей *же*, при устраниении которой анафорическая функция местоименного распространителя замыкающего компонента СК оказывается нереализованной, а само создающееся в процессе речевой деятельности предложение-высказывание теряет автосемантический характер, становясь семантически и, что самое главное, структурно не завершенным, и требует дальнейшей развертки в сложную гипотактическую конструкцию. Без частицы *же* указательно-адъективное местоимение *такой* сепаратизирует замыкающий компонент СК и приобретает характерные особенности коррелята в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным атрибутивно-выделительным. Ср.: ...маленького оленя и такого лося, который...

Важно отметить, что помимо семантики отождествления постпозитивная частица *же* проявляет в приведенных выше синтаксических построениях лимитативную семантическую функцию, заключающуюся в том, что качественная характеристика второго компонента СК ограничивается только теми номинативно обозначенными признаками, которыми наделен ее первый компонент. Именно сочетание в значении этой частицы двух семантических функций делает ее структурно обязательным элементом анафорического выражения атрибутивной семантики.

Нельзя не отметить и того, что указательно-адъективное местоимение *такой* вместе с постпозитивной частицей *же* может употребляться

и в собственно дейктической функции с выделительно-усилительным оттенком значения, находясь перед замыкающим компонентом СК с лексическим повтором распространителя ее первого компонента, ср.: *Обычно лето в университетских и институтских городках бывает неинтересным: плоская жара и пыль или такие же плоские дожди и грязь* (В. Дудинцев). Возможность подобного употребления объясняется тем, что указательно-адъективное местоимение *такой* является дейктическим по своей первичной семантической функции.

Несмотря на то, что в ортологических наблюдениях было обнаружено синтаксическое ограничение, согласно которому *такой* в СК требует сочинительного сокращения (опущения признака при втором члене) только при неоценочных прилагательных», «при оценочных же прилагательных *такой* требует повторения признака при втором члене» (Гловинская 2001, с. 294), оно представляется во многом надуманным. По-видимому, трактовка примера *«Юрьев монастырь» – это была особенно роскошная церковь и такие же хоромы* (О. Третьякова-Апухтина) у М.Я. Гловинской как синтаксической ошибки отличается излишней строгостью, не находящей поддержки в предпочтениях узуса, в котором оба способа синтаксической организации таких контекстов (т.е. с эллипсисом и без него) в равной мере допустимы и, главное, засвидетельствованы в наблюдениях над речевой практикой.

Важно отметить другое. В результате эллипсиса повторяющегося атрибутивного распространителя, находящегося после слова *такой*, или, наоборот, отсутствия этого процесса в подобных СК создаются такие варианты, которые связаны с их семантической специализацией. Эллипсис актуализирует у слова *такой* анафорическую функцию, отсутствие эллипсиса – дейктическую. Получается, что в данном случае вариантность, предполагающая тождество синтаксических форм, только кажущаяся. В действительности, здесь мы имеем дело с двумя разными синтаксическими формами, каждая из которых необходима в речи для выражения присущих ей семантических нюансов.

Литература

- Баранов А.Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. / А.Н. Баранов, Д.О. Доброзвольский (ред.). – 2-е изд. – М.: Азбуковник, 2001. – 640 с.
- Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц / И.М. Богуславский. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
- Гловинская М.Я. О некоторых уязвимых синтаксических конструкциях в языке русской эмиграции / М.Я. Гловинская // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. ст. памяти В.А. Белошапковой. – М.: Индрик, 2001. – С. 290–299.
- Сигал К.Я. Синтаксические этюды / К.Я. Сигал. – М.: Академия гуманистических исследований, 2006. – 156 с.

Сидорова М.Ю.
Sidorova M.Yu.

*Московский государственный университет
Moscow State University*

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА
И КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД
GRAMMAR RULES AND COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL
APPROACH**

Аннотация. Традиционно грамматика понимается как наука, формулирующая правила функционирования для классов (множеств) языковых единиц и категорий. В статье рассматривается специфика коммуникативно-функционального подхода к формулированию этих правил, сопоставляется структура «формального» и коммуникативно-функционального правила и обсуждаются способы «обнаружения» правил. Демонстрируется соответствие коммуникативно-функционального понимания грамматических правил общезыковой трактовке правила как закономерности (соотношения) и руководства к действию.

Abstract. Traditionally the aim of grammar is understood as discovering rules to explain how classes (sets) of language units and categories are used. The article describes the specifics of communicative and functional approach to formulating these rules, compares structures of formal and communicative functional rules and illustrates the ways these rules may be arrived at. Communicative functional concept of grammatical rules corresponds to general understanding of a rule both as a regularity (correlation) and an instruction for action.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональная грамматика, правила, коммуникативные задачи, коммуникативные ситуации

Key words: communicative and functional grammar, rules, communicative tasks, communicative situations

В.Ю. Копров – основатель семантико-функциональной школы в современной отечественной грамматике, последовательно удерживавший курс этой школы на интерпретацию языковых явлений в единстве значения, формы и функции во времена, когда функциональный и коммуникативный подходы не были «желанными гостями» в вузовских аудиториях, и продолжающий вести свой корабль этим курсом в эпоху новую, когда чрезмерное увлечение коммуникативной проблематикой заставляет порой исследователей забыть о языковых средствах, с помощью которых решаются коммуникативные задачи (Копров 2016). Именно гармоничное сочетание тщательного анализа языковых фактов с их обобщением и функциональной интерпретацией является, с нашей точки зрения, фактором, обеспечивающим постоянное поступательное развитие семантико-функциональной теории и продуктивность ее использования в лингводидактике.

В качестве юбилейного приношения Виктору Юрьевичу со стороны «братьской» коммуникативно-функциональной школы Г.А. Золотовой нам кажется уместным изложить некоторые размышления, позволяю-

ющие установить общность между различными функциональными направлениями в отечественной и мировой лингвистике.

Коммуникативно-функциональная лингвистика – это исследование языка, которое руководствуется желанием узнать, каким образом люди используют **ресурсы** языковой системы для решения своих **задач** в различных **ситуациях**. Соответственно, для удовлетворения этого желания нужно иметь

1) представление о **ресурсах** той или иной языковой системы, о ее устройстве, о наборе единиц и категорий в ней;

2) список (классификацию) решаемых коммуникативных **задач** и типологию коммуникативных и референтных **ситуаций**, включающую те их релевантные признаки, которые влияют на селекцию и комбинацию языковых единиц и категорий, на построение сообщения говорящим / пишущим и его декодирование слушателем / читателем (Сидорова 2015а; Сидорова 2015б);

3) **правила**, описывающие функционирование / использование языковых элементов $x_1 \dots x_n$ при решении коммуникативной задачи T в ситуации S .

Эти правила в идеальном случае должны

а) быть общими для **всей** «конфигурации» языковых элементов, используемых в данной ситуации – ср. определение коммуникативного регистра в (Halliday 1978, с. 23): «The register is the set of meanings, the configuration of semantic patterns, that are typically drawn upon under the specified conditions, along with the words and structures that are used in the realization of these meanings»;

б) одинаково объяснять запреты / разрешения / предпочтения того или иного элемента для решения одинаковых задач в одинаковых ситуациях;

в) зависеть от релевантных признаков коммуникативных задач и ситуаций так, чтобы была возможна предикция функционирования языковых элементов в них.

Уровень обобщения, на котором определяется степень «одинаковости» коммуникативных задач и ситуаций и, соответственно, их релевантные признаки, может быть разным и зависит от установок исследователя и общего развития грамматической теории.

Продемонстрируем на примере.

(1) *Над нашими головами двойной стрельчатый свод, отделанный деревянной резьбой, расписанный золотыми лилиями по лазурному полу; под ногами – пол, вымощенный белыми и черными мраморными плитами. В нескольких шагах от нас огромный столб, затем другой, третий – всего на протяжении залы семь таких столбов, служащих линией опоры для пяток двойного свода. Вокруг первых четырех столбов – лавочки торговцев, сверкающие стеклянными изделиями и мишурой; вокруг трех*

остальных – истертые дубовые скамьи, отполированные короткими широкими штанами тяжущихся и мантиями стряпчих. Кругом залы вдоль высоких стен, между дверьми, между окнами, между столбами – нескончаемая вереница изваяний королей Франции, начиная с Фармонда: королей нерадивых, опустивших руки и потупивших очи, королей доблестных и воинственных, смело подъявших чело и руки к небесам (В. Гюго. Собор Парижской Богоматери).

(2) В передней части зала находится огромное железное кадило династии Мин и два сосуда династии Сун. Тут же находится плита, на которой выгравированы стихи Цяньлуна, великого императора династии Цин (1644-1911). В центре зала стоит статуя Бога горы Тайшань, высота которой около четырех метров. Над святыней висит доска с четырьмя иероглифами, написанными в свое время цинским императором Канси (<http://www.chinatrips.ru>).

(3) Собором Парижской Богоматери называется католический храм во Франции. Он относится к одной из главных достопримечательностей Парижа [так! – М.С.].

В архитектурном строении собора наблюдается два стилистических направления. В первом можно заметить долю романского стиля с характерным для него жестким и плотным сочетанием деталей, а во втором – отметить необычные достижения в готической архитектуре, которые обеспечивают строению простоту и производят ощущение легкости вертикальной конструкции.

По описанию современных археологов, на территории Нотр-Дам-де-Пари располагались несколько разных храмов (<http://attractionstory.ru>).

Данные тексты (и функционирование языковых единиц и категорий в них) могут объясняться на разных уровнях обобщения как монологические (одинаково); письменные (одинаково); описательные (одинаково); исходя из жанровой характеристики (по-разному: художественный текст / путеводитель / текст энциклопедического типа); исходя из регистровой характеристики (по-разному: два первых текста – репродуктивного регистра с вкраплениями информативного; третий – информативного регистра). Соответственно, функционирование языковых единиц и категорий в них подчиняется ряду общих для всех этих текстов правил:

отдельные предикативные единицы объединяются в полипредикативные синтаксические конструкции, свойственные письменной речи;

не используются средства прямой адресации и неполные предложения, свойственные устной диалогической речи;

используются предложения со значением статической характеристики (качественной и локативной) с опущенным локативным глаголом или с неакциональными глаголами несовершенного вида в предикате – типологическая черта описательных текстов;

в двух первых текстах преобладают предметные существительные и прилагательные и причастия, называющие наблюдаемые признаки предметов (особенность репродуктивного регистра), в то время как в третьем оказывается востребована более абстрактная, лишенная конкретной визуальной образности (imageability) лексика (информационный регистр) и т. п.

При этом наличие, например, в первом тексте в позиции топика предложений, описывающих пространство, локативных предложно-падежных форм, в том числе эгоцентрических (*Над нашими головами... под ногами... В нескольких шагах от нас...*); значительное количество обозначений перцептивных признаков, делающее описание более зримым и осязаемым (*двойной стрельчатый свод, отделанный деревянной резьбой, расписанный золотыми литьями по лазурному полу – 7 перцептивных признаков на один объект – свод*); сама синтаксическая композиция текста, позволяющая автору «управлять» взглядом читателя, как бы вместе с ним находящегося в воображаемом пространстве парижского Дворца правосудия и последовательно рассматривающего его из одной закрепленной точки, – все эти языковые особенности текста объясняются общими правилами построения репродуктивно-описательного регистра.

Другой набор правил (правила построения информативно-описательного регистра) управляет выбором семантических классов и грамматической формы предикатов, типов предложения, показателей точки зрения, неизосемических существительных, информативных прилагательных, а также тема-рематическим развитием текста в примере (3). Отдельные правила нужны для описания того, какие элементы информативного регистра (оценка, ретроспективная информация, дефиниция и классификация и т. п.) могут включаться при необходимости в репродуктивно-описательные тексты разных жанров (например, оценочные прилагательные *нерадивый, доблестный и воинственный* в тексте (1) или дефиниция и отсылка к прошлому в тексте (3): *...великого императора династии Цин (1644-1911); написанными в свое время цинским императором Канси*.

Стремясь к определению максимально полного непротиворечивого набора таких правил, в результате мы можем добиться того, в чем еще 25 лет назад С. Дик видел конечную цель функциональной грамматики: «The highest aim of a functional grammar of a particular language is to give a complete and adequate account of the grammatical organization of connected discourse in that language» (Dik 1989, с. 12).

Подобное понимание грамматических правил а) не сводится к простому перенесению правил построения предложения на уровень текста и б) несколько не противоречит традиционному пониманию грамматики и грамматического правила (грамматика и словарь – два способа ор-

ганизации языковой системы и представления ее в лингвистике, причем словарь – это список индивидуальных единиц, а грамматика – набор правил, действующих на классах единиц). В то же время такое понимание грамматического правила идеально соответствует двум значениям слова «правило» в толковом словаре:

1. Положение, выражющее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений.

2. Принцип, служащий руководством в чем-либо (Ефремова 2000).

Правила функционально-коммуникативной грамматики выражают закономерности образования связной речи, выявленные учеными, и служат для говорящих руководством к построению и восприятию синтаксических построений. Структура их такая же, как и у правил формальной грамматики:

- 1) собственно формулировка соотношения, закономерности;
- 2) определение множества единиц, на котором действует правило;
- 3) указание на исключения;
- 4) на взаимодействие правил.

Изменение одного из компонентов правила влечет за собой модификацию и другого / других. Например, если в следующем примере правила формальной грамматики добавить в формулировку уточнение «изменяемое», то сузится множество единиц, охватываемых правилом, и при этом исчезнет необходимость указывать на аналитические прилагательные как на исключение. Если же мы захотим расширить сферу действия приведенного для примера правила функционально-коммуникативной грамматики на предложения, в которых действие выражено существительным (*И вдруг прыжок...*), то у нас соответственно изменится и формулировка.

	Правило формальной грамматики	Правило функционально-коммуникативной грамматики
Формулировка соотношения, закономерности	Прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже	Если говорящему требуется сообщить о действии лица, но у него нет желания, необходимости или возможности назвать действующее лицо (действующих лиц) в предложении, он может использовать конструкцию без имени субъекта, поставив глагол-сказуемое в форму 3 лица множ. числа в настоящем или будущем времени или в форму множ. числа в прошедшем времени.

Множество единиц	Прилагательные в позиции определения	Глагольные предложения, обозначающие действия лиц (невозможно для предложений, обозначающих функционирование предметов типа <i>Все компьютеры работают</i> и действия животных типа <i>Бобры построили на реке плотину</i>).
Исключения	Аналитические прилагательные	?
Взаимодейств. («соседние») правила	Прилагательное в роли сказуемого согласуется с существительным или местоимением-подлежащим в роде и числе.	Тем же способом возможно образование не неопределенно-личных, а обобщенно-личных конструкций типа <i>Рыбу ножом не едят</i> .

Значит ли сказанное, что правила формальной грамматики всегда говорят об «обязанностях» говорящего (без их выполнения конструкция будет грамматически неправильной, неприемлемой), а правила коммуникативно-функциональной грамматики – о возможностях говорящего, о том, какие языковые средства ему следует применить, чтобы достичь желаемого результата? Не обязательно, хотя определенная корреляция существует. Уже Д. Лайонзом во «Введении в теоретическую лингвистику» (Лайонз 1978) было показано, что для обеспечения приемлемости «в нормальных условиях» простого субстантивно-глагольного предложения в английском языке недостаточно построить его только с соблюдением правил формальной грамматики. С другой стороны, ряд коммуникативно-функциональных правил является обязательным к выполнению (например, необходимость указать на носителя признака в предложении с предикатом на -o типа *холодно, жарко*, если этот носитель выходит за рамки актуального дейктического треугольника «я – здесь – сейчас», и запрет на такое указание, если носителем признака является сам говорящий в момент речи, ср: *Мы забрали дочь с аэробики – ей зимой в раздевалке было холодно* и **Мне здесь сейчас холодно*).

Специфика функционально-коммуникативного подхода проявляется не только в «более широком» понимании грамматических правил, но и в способах их обнаружения. Методика исследования избирается в зависимости от характера коммуникативной задачи и особенностей ситуации, в которой эта задача решается. Так, чтобы понять, каким образом ресурсы языка используются для решения задачи создания художественного тек-

ста, вряд ли можно прибегнуть к лингвистическому эксперименту (в современном, а не в «щербовском» смысле этого слова), тогда как для изучения именования непосредственно наблюдаемых объектов эксперимент является идеальным способом (Сидорова 2015а; 2016).

Таким образом, ученый, ищащий правила языка в русле коммуникативно-функционального подхода, отличается не только по фокусу исследовательского интереса, но и по соотношению своих целей и методов от структуралиста, который, по меткому выражению А. Мартине, «*is not one who discovers structures, but one who makes them*» (Martinet 1962, с. 58).

«Обнаружение» правила при коммуникативно-функциональном подходе невозможно без «обнаружения» ситуации, в которой применяется это правило, и коммуникативной цели, для которой оно работает.

Литература

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2006. – 1168 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / Д. Лайонз. – М.: ПРОГРЕСС, 1978. – 544 с.

Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка и мировая экспериментальная когнитивистика: потенциал взаимодействия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — Т. 8. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015а. — С. 278–285. [Электронный ресурс] URL: http://ru.mapryal.org/wp-content/uploads/2015/10/MAPRYAL_T8_A5.pdf.

Сидорова М.Ю. Грамматика ситуаций и лингвистический эксперимент – новое поле коммуникативной грамматики / М.Ю. Сидорова, Ю.В. Роговнева // Gramatyka a tekst. Red. Henryk Fontański, Jolanta Lubocha-Kruglik. – Katowice: oficyna wydawnicza ww, 2015б. – Т. 5. – С. 8–21.

Сидорова М.Ю. Лингвистическое изучение описаний изображений: параметры категоризации и приоритизации / М.Ю. Сидорова // Мультиязычный научный журнал «Стефанос» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2016. – № 3. – С. 121–137. [Электронный ресурс] URL: http://stephanos.ru/izd/2016/08_2016_17-2.pdf.

Dik S.C. The Theory of Functional Grammar, Part I S.C. Dik. – Dordrecht: FORIS, 1989. – 433 pp.

Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M.A.K. Halliday. – London: EDWARD ARNOLD, 1978. – 256 pp.

Martinet A.A. Functional View of Language / A.A. Martinet. – Oxford: CLARENDON PRESS, 1962. – 163 pp.

**Тарасенко Е.В.
Tarasenko E.V.**

*Taganrogский институт им. А.П. Чехова
Taganrog Institute named after A. P. Chekhov*

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ**
**THE COGNITIVE ASPECT OF THE ANALYSIS OF THE STRUCTURE
OF SIMPLE SENTENCES**

Аннотация. Когнитивный анализ семантики и функционирования предложения позволяет определить вектор исследований – от описания и выявления структуры схемы предложения к семантике конструкций и оценке когнитивного потенциала той или иной типизированной структуры.

Abstract. Cognitive analysis of semantics and functioning of a sentence helps to determine the vector of research – from identifying and describing the structure of a sentence to its semantics and assessing the cognitive potential of this or that typified structure.

Ключевые слова: концепт, структурная схема предложения, пропозиция.

Key words: concept, structure, sentence, proposition.

В монографии доктора филологических наук, профессора Виктора Юрьевича Копрова «Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским» теоретически обоснованы принципы и разработана методика многоаспектного предложения языков различного строя. Разграничены семь аспектов устройства предложения: целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический (Копров 2010, с. 281).

Взглянуть по-новому на семантико-структурное устройство предложения позволяет когнитивный аспект (основанный на номинативном), центральный тезис которого заключается в признании за человеком роли создателя «квантов знания», а за языком – функции «упаковки» знания о мире. В связи с этим обсуждаются как способы концептуальной организации знаний, так и различные структуры представления типов знания в языке – концепты (Болдырев 2003; Демьянков 1994; Кубрякова 2004; Попова 2001).

Многие лингвисты изучают лексические и фразеологические концепты, которые являются означаемыми таких языковых знаков, как лексемы и фразеосочетания. Однако концепт включает в себя гораздо больше, чем лексическое значение слова, описываемое в словаре.

Вопрос о возможности репрезентации концептов синтаксическими структурами остается спорным, потому что необходимо доказать существование таких синтаксических знаков в семантическом простран-

стве языка как конструкций, у которых есть план содержания и план выражения, оформленный некоторой последовательностью словоформ.

«Синтаксический концепт – сокращенное обозначение понятия концепт, объективируемый (вербализируемый, репрезентируемый) синтаксическими средствами» (Попова 2007, с. 77). Структура такого концепта (так же как и лексического) зависит от концептуализации говорящим действительности, которая, в свою очередь, является результатом опыта в освоении человеком себя и окружающего пространства, а также его отношения к внешнему миру.

Синтаксически репрезентируемые концепты необходимы для того, чтобы представить естественным языковым кодом схематические связи языка и мысли, а затем уже с помощью синтаксических построений репрезентировать знания субъекта. «Без синтаксических концептов семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора концептов без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения» (Попова 2007, с. 8).

Все «синтаксические построения», по мнению Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой, «имеют свою знаковую природу и свои означаемые – синтаксические концепты». При этом они опираются на когнитивное понимание «языка как системы, которая состоит из символов, а также операций и процессов». Знаками синтаксических концептов являются структурные схемы простого предложения (ССП), которым придается особая мотивированная форма, т.е. концептуальная структура «упаковывается» совершенно особым образом, обретая форму схемы обоснованного знака, приспособленного для коммуникации. Вслед за воронежскими учеными мы признаем, что «ССП – знаки разных видов отношений между сущностями, устанавливаемые мыслящими людьми. Именно виды отношений, осмыслиенные и классифицированные человеком, и являются синтаксическими концептами, стоящими за структурными схемами простых предложений, обладающих позиционной схемой» (Волохина 1999, с. 4). «Пропозиция состоит из отдельных компонентов смысла – актантов и ситуантов – и отношений между ними. В данной пропозиции, как подчеркивают авторы, нет никакой формальной структуры. Это чисто смысловой концептуальный набор компонентов, которые говорящий стремится вербализовать» (Там же, с. 5).

Пропозиция («пропозициональная модель», «event schema», «онтологическая схема») рассматривается на сегодняшний день как один из «форматов знания (форма представления и организации знания на концептуальном или языковом уровне)» (Болдырев 2003, с. 36–38), который репрезентируется структурной схемой предложения и отражает некоторый тип ситуации – один из базовых классов отношений, выделенных человеческим сознанием на основе обобщения непосредствен-

ногого физического, телесного опыта. В соответствии с имеющимися пропозициональными моделями структурируется знание о разнообразных фрагментах мира, или ситуациях действительности.

«Отобранные» участники ситуации действительности и соответствующие смысловые компоненты выстраиваются в некоторую иерархию, и говорящим определяется последовательность отображения смысловых единиц в речевом высказывании (Леонтьев 1997, с. 114). Иерархия смысловых единиц в содержании высказывания «формируется у говорящего на базе определенной стратегии ориентировки в описываемой ситуации, зависящей от “когнитивного веса” того или иного компонента этой ситуации» (Там же) (ср.: «упаковки» ситуации (information packaging) (Chafe 1976), понятия перспективизации события (scene perspective) (Fillmore 1977)). В соответствии с их «когнитивным весом» для говорящего участникам ситуации «приписываются» определенные роли и способы выражения в синтаксической структуре предложения (характеризующиеся разной степенью «престижности» (Бергельсон 1981, с. 344; Fillmore 1977, с. 78)).

Участники ситуации, более значимые для говорящего, «получают» роли субъекта или объекта действия и пространственного ориентира и находят соответствие в обязательных элементах пропозиции высказывания и минимально необходимых позициях структурной модели. Менее значимые participants выступают в роли инструмента, средства действия или иного объекта, так или иначе вовлеченного в действие, эксплицируются факультативными элементами высказывания. Таким образом, при восприятии действительности одни его элементы «выдвигаются» на передний план, представляя собой «фигуру», тогда как другие остаются в «фоне». Это происходит потому, что предложение как языковая единица не отражает фрагмент действительности непосредственно. С позиций когнитивной лингвистики отражение внеязыковой ситуации опосредовано сознанием носителя языка, что объясняется в первую очередь действием общих механизмов восприятия действительности, которые и обусловливают несовпадение реальной действительности с языковой картиной мира.

Структурная схема – это образец некоторого предложения. «Наличие в структуре предложения обязательного состава – конструктивного ядра – с неизбежностью следует из важнейшей функциональной характеристики предложения: канонизации его структуры как средства обеспечения стандартности представления в коммуникативных актах, – заключает В.Я. Плоткин. – Поэтому не может иметь статуса предложения такое синтаксическое построение, в котором нарушена структурная обязательность заполнения той или иной позиции» (Плоткин 1986, с. 35).

О количественном составе предикатно-актантных структурных схем не раз говорилось в исследованиях по синтаксису (Т.П. Ломтева, В.П. Малащенко, А.А. Холодовича, В.Ю. Копрова и др.). Ответ на этот вопрос кроется в актуализации лексико-семантической валентности предикатов. Лингвисты сходятся во мнении, что «лексико-семантические исследования глаголов дают сведения о “запасах” предикатной лексики, их лексико-семантическом устройстве и разнообразии, а также позволяют на их основе практически решить задачу выявления и описания структурно-семантических типов глагольных предложений» (Новоженова 2001, с. 21).

Общепризнанно, что количественный состав актантов – участников ситуации, которая репрезентируется пропозицией, предопределяется обязательной валентностью глагола. Это уже тот уровень, когда минимальное предложение может быть расширено в целях конкретизации его содержания. По мнению В.П. Малащенко, «предикатная синтаксема, выраженная спрягаемой формой глагола, благодаря взаимодействию лексико-семантических и категориальных свойств слова и его синтаксических потенций может формировать структурно-семантический минимум, включающий разное количество компонентов при одинаковом объеме структурной схемы» (Малащенко 1991, с. 319).

При таком подходе субъектно-предикатный достаточный минимум (Малащенко 1991) квалифицируется Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой как синтаксический концепт пропозиции, а расширенный за счет объектных и других актантов минимум – как позиционный вариант ССПП. Типовые пропозиции, зафиксированные ССПП, отражают в концептосфере человека связи и отношения явлений и объектов реальной действительности, которые, как полагают Г.А. Волохина и З.Д. Попова, и есть синтаксические концепты: «бытие объекта», «небытие объекта», «бытие признака объекта», «инебытие объекта», «агенс воздействует на объект», «самостоятельное перемещение агенса», «речемыслительная деятельность человека», «пациенс претерпевает состояние» (Волохина 1999).

Специфика синтаксических концептов объясняется их многоплановостью, которая проявляется в репрезентации знаний как неязыкового, так и языкового характера. Они вербализуют, с одной стороны, знание мыслительных структур, а с другой – определенного грамматического концепта (пропозиционального типа). Формирование синтаксического концепта детерминировано единством онтологических ситуаций, стоящих за ССПП, что дает возможность исследователям говорить о стабильности пропозиций при широком разнообразии лексико-семантических реализаций.

Действительно, структурные схемы предложений подвержены трансформированию. Ученые считают: «Для того чтобы предложения

в меняющихся условиях общения постоянно сохраняли живой контакт с действительностью... они должны быть предельно гибкими и обладать способностью варьироваться по целому ряду параметров» (Ломов 1994, с. 51). Эта способность открывается в процессе речевой реализации структурной схемы, которая испытывает различные изменения, обусловленные намерением и отношением говорящего к конкретной ситуации, отраженной в высказывании.

Появление «ССПП происходит в составе высказываний на определенную тему. Чем чаще обсуждается людьми данная тема, чем больше на эту тему фиксируется высказываний, тем больше шансов на образование и закрепление новой ССПП, манифестирующей осознание нового концепта» (Волохина 1999, с. 9). Причиной их развития служат новые знания и стремление говорящих передать их, информировать о них с помощью уже имеющихся языковых способов презентации. Неоднократно представленные в высказывании новые знания с общими концептуальными характеристиками приобретают положение концепта. «Мыслительные шаблоны», презентирующие этот концепт, формируют новую структурную схему, составляющую основу высказываний на заданную тему.

Модификации одной структуры обладают единством пропозиционального содержания: тип ситуации в целом, отражаемой предложением данной модели, не меняется при ее модификации.

Речевые реализации, приводящие к видоизменениям схемы, дифференцируют на грамматические и структурно-семантические.

Грамматическая модификация выражается в «изменении грамматических показателей предикативности исходной модели, прежде всего значений модальности и времени» (Золотова 1982, с. 138). Если грамматическая модификация является обязательной для любого предложения, то структурно-семантическая – нет, они «как бы накладываются на грамматические, совмещаются с ними» (Цейтлин 1976, с. 169). Так, в тексте совсем не обязательно должны быть представлены отдельными словоформами все позиции модели. Неполная реализация отнюдь не мешает информативной достаточности высказывания, потому что недостающие словоформы подсказываются контекстом. Такие модификации не затрагивают пропозиционального содержания схемы, выражая различные аспекты отношения говорящего или субъекта ситуации, разную коммуникативную значимость элементов, те или иные аспектуальные характеристики ситуации.

Структурно-семантические модификации реализуются при распространении (осложнении) структурной схемы предложения. Это усложнение дефинируется онтологическими и гносеологическими признаками ситуации, обозначенной пропозицией, предопределяющими в пре-

дикате наличие факультативных семантических валентностей, реализуемых детерминантами. Репрезентируя ситуации, имеющие характер «побочного» сообщения и устанавливающие «внешние связи» бытия, состояния, речемыслительной деятельности и т. д. с контактирующими ситуациями, детерминанты соотносят содержание высказывания с определенным фрагментом действительности, актуализируют его.

Итак, в рамках этой теории уже описаны отдельные синтаксические концепты простого неосложненного предложения: «состояние» (Казарина 2002), «состояние природы» (Селеменева 2010), «жертва» (Басс 2008), «бытие» (Шаталова 2009), «небытие объекта» (Очирова 2011), «давление» (Дронова 2011), «мыслительная деятельность» (Бородина 2010), «психическая деятельность» (Тарасенко 2012); изучены методико-теоретические основы синтаксической репрезентации знаний (Болдырев 2003; Булынина 2004; Григорьян 2009; Друзина 2005; Кручинкина 2010; Кузьмина 2009; Фурс 2004); определены методологические основы синтаксической когнитивистики и межкультурной коммуникации (Попова 2009).

Литература

Басс Г.П. Концепт «жертва» в русском и английском языках (на материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и его английского перевода): дис. ... канд. филол. наук / Г.П. Басс. – Брянск, 2010. – 215 с.

Бергельсон М.Б. Прагматический принцип «Приоритета» и его отражение в грамматике языка / М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик // Известия Академии наук СССР. – Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 343–355.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2003. – 124 с.

Бородина Н.А. Синтаксическая реализация концепта «мыслительная деятельность» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Бородина. – Елец, 2010. – 22 с.

Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русских и английских лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М.М. Булынина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.

Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 196 с.

Григорьян Е.Л. Синтаксическая структура и синтаксическая семантика: подходы к выявлению единиц и значений / Е.Л. Григорьян // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2009. – № 3. – С. 103–105.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретационного подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

Дронова О.В. Вербализация концепта «давление» структурной организацией предложения: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Дронова. – Елец, 2011. – 201 с.

Друзина Н.В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 351 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 367 с.

Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании) / В.И. Казарина. – Елец: ЕГУ, 2002. – 225 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в со-поставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Изд. О.Ю. Алейникова, 2010. – 328 с.

Кручинкина Н.Д. Когнитивный и языковой аспекты формирования событийных концептов / Н.Д. Кручинкина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – Вып. 2. – С. 27–32.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. (На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира) / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кузьмина С.Е. Методы исследования синтаксических концептов / С.Е. Кузьмина // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 130–133.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 278 с.

Малащенко В.П. Лексико-синтаксическая база модели (структурно-семантической основы) предложения / В.П. Малащенко // Лексико-грамматические взаимодействия в системе синтаксических единиц. – Ростов н/Д, 1991. – С. 315–323.

Новоженова З.Л. Русское глагольное предложение: структура и семантика: дис. ... д-ра филол. наук / З.Л. Новоженова. – Саратов, 2001. – 372 с.

Очирова И.Н. Синтаксический концепт «небытие» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Н. Очирова. – Волгоград, 2011. – 21 с.

Плоткин В.Я. Семантика и синтаксис предложения и высказывания / В.Я. Плоткин // Синтаксическая и лексическая семантика на материале разных языков. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 33–43.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 192 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2009. – 210 с.

Селеменева О.А. Синтаксический концепт «состояние природы» в языковой картине мира И.А. Бунина / О.А. Селеменева // Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. Русская филология. – 2010. – № 3. [Электронный ресурс] URL: <http://vestnik-mgou.ru/library/files/incoming/6/2010/3/st7.pdf>.

Тарасенко Е.В. Синтаксический концепт «психическая деятельность» как фрагмент языковой картины мира младшего школьника / Е.В. Тарасенко. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2012. – 192 с.

Фурс Л.А. Синтаксически презентируемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 с.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимы / С.Н. Цейтлин // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1976. – С. 161–181.

Шаталова О.В. Концепт «бытие» в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Шаталова. – М., 2009. – 545 с.

Chafe W. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View / W. Chafe // Subject and Topic / Ed. by C.N. Li. – N.Y.: Acad. Press, 1976. – P. 25–55.

Fillmore Ch. The Case for Case Reopened / Ch. Fillmore // Syntax and Semantics / Ed. by P. Cole, J.M. Sadock. – N.Y.; San Francisco; London, 1977. – Vol. 8. – P. 9–86.

Теремова Р. М.
Teremova R.M.

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

Herzen State Pedagogical University of Russia

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
БАЗА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ**

**FUNCTIONAL GRAMMAR AS THEORETICAL BASIS
OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO FOREIGN STUDENTS**

Аннотация. В статье рассматриваются ведущие принципы функциональной грамматики русского языка, обосновывается правомерность рассмотрения функциональной грамматики в качестве теоретической базы преподавания русской грамматики в иностранной аудитории, излагаются основные аспекты изучения субкатегоризации функционально-семантических категорий блока обусловленности, отрицания, локативности.

Abstract. The article depicts the leading principles of Russian language functional grammar, justifies the relevance of functional grammar as theoretical basis of teaching Russian grammar to foreigners, describes the main aspects of studying the subcategorization of functional semantic categories of conditionality, negation, and location.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле (ФСП), ядро, периферия ФСП, категориальная ситуация.

Key words: functional grammar, functional semantic category, functional semantic field (FSF), core, periphery of the FSF, categorial situation.

Современная лингвистика характеризуется ориентацией на функциональный анализ языковых явлений. Безусловно, перспективной и в лингвистическом, и в методическом плане является теория функциональной грамматики – «грамматики функционально-семантических полей и категориальных ситуаций» (Бондарко 1984): в настоящее время разработана теоретическая база функциональной грамматики, уточнены принципы ее построения, совершенствуется ее понятийный аппарат.

В своем развитии данный вариант функциональной грамматики опирается на лингвистические традиции, базирующиеся на содержательных категориях. Разработке теоретических основ функциональной грамматики способствовали труды как отечественных (И. Мещанинов, А.М. Пешковский, А.А. Потебня, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов), так и зарубежных (Пражский лингвистический кружок, Ш. Балли, Г. Гийом, О. Есперсен, А. Мартине, В. Шмидт) языковедов. Исследования последних десятилетий, сориентированные на теоретические и практические вопросы функциональной грамматики, представлены в работах А.В. Бондарко, М.В. Всеволодовой, В.Г. Гака, В.Б. Евтохина, Г.А. Золотовой, В.Ю. Копрова, Р.М Теремовой, В.С. Храковского, М.А. Шелякина и др.

Использование принципов функциональной грамматики в практике преподавания иностранных языков связано с идеями Л. В. Щербы, который различал пассивный и активный способы описания и представления лексики и грамматики. Именно он обозначил понятие «активной грамматики» (грамматики говорящего), которая ставит вопрос, «как выражена та или иная мысль» (Щерба 1974, с. 56), и тем самым подчеркнул значимость активной грамматики для практики обучения иностранным языкам. Под активной грамматикой Л. В. Щерба понимал описание грамматического строя языка, идущее от смысла, от потребности передать, выразить определенное содержание к средствам его выражения.

Для функционально-семантического описания грамматики в целях преподавания русского языка как иностранного наиболее плодотворными представляются такие теоретические принципы функциональной грамматики, как синтез двух направлений анализа: от значения к форме («от функции к средствам») и от формы к значению («от средств к функции»), с определяющей ролью семантической функции; внимание к содержательной стороне языка, проявляющееся в разработке теории функционально-семантических категорий, теории категориальных ситуаций; теория функционально-семантических полей (ФСП), в качестве конституентов которых выступают единицы разных уровней языковой системы (синтаксические, морфологические, словообразовательные, лексические), объединенные общим (категориальным) значе-

нием; динамичный подход к языку, позволяющий рассматривать грамматические явления в процессе их функционирования в речи, с учетом особенностей и закономерностей такого функционирования, изучение языка в его живой действительности (Теремова 2013, с. 293).

Рассмотрение в качестве исходной точки семантической заданности, глубокий анализ содержательной вариативности языковых категорий, изучение различных представителей данного содержания – весь этот круг проблем, одинаково важный как для функциональной грамматики, так и для методики преподавания русского языка как иностранного, определил целесообразность разработки эффективной системы обучения грамматической стороне русской речи иностранных учащихся на основе функциональной грамматики.

Выбор функциональной грамматики в качестве теоретической базы при активизации различных типов грамматических конструкций в русской речи иностранных стажеров определяется целым рядом факторов, связанных с методическими принципами и задачами: необходимость описания языкового материала с опорой на функционально-семантические единства, что во многом обуславливается общими закономерностями отражения объективной действительности в человеческом сознании и, соответственно, возможностью при обучении инофонов русской грамматике руководствоваться методическим принципом опоры на родной язык обучаемых. Возможность сопоставления анализируемых фрагментов грамматики в различных языках, в свою очередь, служит целям наиболее четкого и осмыслиенного понимания иностранными стажерами функционально-семантических категорий русского языка; целесообразность опоры на структурную организацию функционально-семантического поля (ядро, периферия), строящегося на интеграции разноуровневых средств на основе общности их функций в составе ФСП, что позволяет, с учетом дидактико-психологического принципа минимизации учебного материала, отобрать средства выражения функционально-семантических категорий для продуктивного и рецептивного усвоения и определить оптимальную последовательность их изучения (см., например (Копров 2016)).

На современном этапе развития лингводидактики особую актуальность приобретает проблема изучения коммуникативно значимых функционально-семантических категорий (ФСК) русского языка, представляющих наиболее типичные и наиболее существенные связи объективной действительности. Такие функционально-семантические категории, как ФСК времени, локативности, отрицания, побуждения, компаративности, блока обусловленности, особенно актуальны для иностранной аудитории, поскольку они представляют собой важную область языковой коммуникации и имеют универсальный характер.

Владение иностранными студентами средствами выражения различных ФСК в современном русском языке чаще всего ограничивается знанием сложноподчиненных предложений, что обедняет исследование как самих конструкций, так и функционально-семантических категорий в целом.

Лингводидактическое осмысление данных ФСК в русле функциональной грамматики и в системе ее понятийного аппарата позволяет по-новому, с позиций реального функционирования языковой системы, подойти к решению таких актуальных вопросов, как проблема лингвистического статуса данных категорий, специфика формирования их семантики, содержательная вариативность данных категорий в соотнесении с системой формальных репрезентантов.

Так, при рассмотрении в иностранной аудитории пяти функционально-семантических категорий (причины, следствия, условия, уступки, цели), составляющих блок обусловленности, с помощью понятия категориальной ситуации выясняется, что все они объединены в одно целое единым категориальным смыслом – отношениями между причинным и следственным компонентами каузальной ситуации: каждая из категориальных ситуаций представляет собой определенную модификацию каузальной ситуации; выявляется, что в семантической структуре данных категориальных ситуаций имеются дополнительные семантические признаки, позволяющие отличить ее от других: результирующий характер обусловленности – в следственной ситуации, гипотетичность события-условия, строящаяся на альтернативе, выборе из двух возможных явлений – в условной ситуации, отношения немотивированности одного явления другим, недейственного основания и совершающиеся вопреки ему фактического следствия, противоположно ожидаемому, как результат взаимодействия двух причинно-следственных ситуаций – в уступительной ситуации, наличие семы желания или необходимости в целевом компоненте и семы активности, целенаправленности в следственном компоненте – в целевой ситуации.

Данные факторы в целом определили этапы изучения ФСК, входящих в блок обусловленности, в иностранной аудитории: в первую очередь – ФСК причины, затем – ФСК следствия, затем – ФСК условия, уступки, цели. Особого внимания при этом требует разграничение близких по значению ФСК, например, ФСК причины и ФСК следствия, а также выявление семантической субкатегоризации каждой из ФСК. Большую роль в этом плане играет использование графической наглядности, особенно таблиц, облегчающих восприятие и понимание теоретического материала.

Полевая методика дает возможность выявить иерархию и взаимодействие всего инвентаря языковых средств выражения различных

ФСК, без формальных ограничений, и представить их наиболее экономное и систематизированное описание в виде системы полей и микрополей. Например, в ФСП причины выделяются 12 микрополей, в ФСП следствия – 9 микрополей, в ФСП условия – 14 микрополей, в ФСП уступки – 5 микрополей, в ФСП цели – 10 микрополей, в ФСП отрицания – 3 микрополя, в ФСП побуждения – 3 микрополя.

Особенностью ФСП обусловленности, локативности, темпоральности является их синтаксическая направленность, определяющаяся полисобытийным характером данных ФСК – когда в качестве конституентов полей выступают синтаксические единицы, реализующие функционально-семантические связи разных уровней языковой системы (сложноподчиненные, сложносочиненные, бессоюзные сложные предложения, глагольно-субстантивные конструкции и др.).

Для работы с иностранными учащимися в ряде случаев необходима определенная адаптация лингвистических моделей ФСП. С учетом таких принципов отбора учебного языкового материала, как коммуникативная значимость, методическая целесообразность, частотность, продуктивность синтаксических конструкций, дифференциация учебного материала для продуктивного и рецептивного усвоения, разрабатываются адаптированные к иностранной аудитории лингвометодические модели. Так, например, адаптированное ФСП причины включает в себя 6 микрополей, ФСП следствия – 5 микрополей; лингвометодические же модели ФСП уступки и ФСП отрицания полностью соответствуют разработанной в лингвистике конфигурации этих полей, то есть содержательный план ФСП уступки составляет система 5 взаимодействующих друг с другом микрополей, ФСП отрицания – 3 микрополя. В целом процесс обучения иностранных учащихся соответствующим конструкциям сориентирован на структуру ФСП: каждый из разделов учебного грамматического материала соответствует определенному микрополю, входящему в структуру данного ФСП.

Метод полевого структурирования позволяет оптимально организовать подачу грамматического материала в иностранной аудитории, определить последовательность введения грамматического материала: процесс совершенствования речевых грамматических навыков владения конструкциями, выражаящими семантику названных ФСК, целесообразно начинать с ядерных конструкций, специализирующихся на выражении категориальной семантики и обладающих однозначностью и частотностью (Е.В. Гулыга и Е.Н. Шендельс), что обуславливает их коммуникативную значимость и доступность для иностранных студентов. При этом в составе многих ФСП выделяются ядерные слои. В первую очередь иностранной аудитории предъявляются конструкции, составляющие первый ядерный слой, т. е. грамматически маркирован-

ные, в которых данный тип значения актуализируется структурно-формальными средствами (союзами, предлогами), во вторую – конструкции, в которых категориальная семантика не маркируется формальными средствами. Третий ядерный слой образуют конструкции, выражающие в качестве оттенков и другие, некатегориальные семантические элементы.

Грамматические конструкции, относящиеся к периферии микрополей, в которых доминирует семантика других ФСП, а семантика данного ФСК представлена в качестве оттенка, предлагаются для рецептивного усвоения. Тем не менее изучение периферийных конструкций значимо для иностранных учащихся, ибо знакомство с ними позволяет инофонам более глубоко и полно исследовать систему семантической вариативности изучаемых ФСК, а следовательно, и синонимические возможности русского языка.

При отработке грамматических конструкций, обслуживающих ФСК причины, следствия, условия, уступки, цели, локативности, особое внимание следует уделять анализу лексического наполнения данных структур с учетом степени их грамматикализации, обнаружению определенных тенденций в заполнении структуры предложения типизированной лексикой, лексикой определенных лексико-грамматических разрядов, определению слоя семантики, создаваемого взаимодействием грамматической организации предложения с ее конкретным лексическим наполнением: союз-частица *ведь* в сложных *предложениях со значением причины, частицы все-таки, все равно, все же* и др. в уступительных конструкциях, каузативные глаголы, побудительные глаголы, оценочная лексика, модально-вводные образования – показатели позиции говорящего в причинных, следственных, условных конструкциях.

Преподавание практической русской грамматики, сориентированное на функционально-семантический принцип, предусматривает не только эффективное усвоение инофонами знаний о грамматическом строе русского языка, но и выработку умений реализовывать функциональные потенции усвоенных грамматических средств в практической речевой деятельности на русском языке. Чрезвычайно важным в связи с этим представляется определение соотнесенности конструкций, выражающих ту или иную функционально-семантическую категорию, с типичными ситуациями общения, в которых они могут функционировать. Такие «коммуникативно-грамматические блоки» характерны для ФСК блока обусловленности: ситуации альтернативного характера – при изучении ФСК условия; ситуации согласия, несогласия, возражения, сомнения, неуверенности, предложения, отказа, спора – при изучении ФСК уступки; ситуации расспроса о причине, монолога-объяснения, обоснования действий, оценки, спора, дискуссии, дебатов

– при изучении ФСК причины; ситуации, связанные с достижением каких-то результатов, с выводами, к которым приходит рассуждающий, – при изучении ФСК следствия.

Выделение таких «блоков» позволяет привить иностранным учащимся навыки адекватного использования репрезентантов различных ФСК и в целом оптимизировать процесс обучения иностранных учащихся русской грамматике.

Функционально-семантический подход к обучению инофонов грамматической стороне русской речи дает возможность представить весь спектр языковых средств той или иной ФСК, что расширяет сферу познания ими грамматических конструкций, дает возможность в процессе учебного и реального общения сориентироваться на специфику структурно-семантической организации данных структур и нюансы их функционирования, адекватно воспринимать речь коммуникантов, точно выражать свои интенции. Так, например, при разработке ФСП отрицания широко используются экспрессивно окрашенные конструкции (синтаксические фразеологизмы), характерные для русской разговорной речи. Активизация в речи иностранных учащихся данных конструкций, квалифицируемых в качестве периферийных, хотя и представляет определенные трудности, однако вызывает живой интерес обучаемых и развивает их языковую интуицию.

Опыт обучения инофонов средствам выражения различных ФСК не только подтверждает правомерность использования основных принципов функциональной грамматики в практике преподавания РКИ, но и развивает и определяет перспективы дальнейшего развития данного направления.

Литература

Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – 133 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Теремова Р. М. Уступительные конструкции в современном русском языке: теоретический и методический аспекты / Р.М. Теремова // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильинко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб: САГА, 2013. – С. 292–298.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 426 с.

**Червоный А.М.
Chervony A.M.**

Taganrog State Institute named after A. Chekhov

**СЕМИОТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
КАТЕГОРИИ ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТ
SEMIOTIC FUNCTIONAL METHOD OF ANALIZING
THE CATEGORY OF LINGUISTIC SUBJECT**

Аннотация. Статья посвящена семиотико-функциональному методу, применяемому в современных лингвистических исследованиях. Как отмечается в статье, данный метод позволяет рассмотреть те или иные категории языка холистически, учитывая его статические и динамические аспекты. Объектом применения семиотико-функционального метода в работе выступает категория «языковой субъект».

Abstract. The paper is dedicated to the semiotic functional method which is applied in modern linguistic investigations. As the author advocates the mentioned above method helps to study different linguistic categories holistically taking into account their statistic and dynamic aspects. The object for application of the given method is the category of linguistic subject.

Ключевые слова: метод, языковая категория, субъект, знак, динамизм, функциональный подход.

Key words: method, linguistic category, subject, sign, dynamic approach, functional approach.

Категория «языковой субъект» – абстрактная ментальная репрезентация, актуализирующаяся в речи в том или ином случае посредством своего формального субъектного репрезентатива (Червоный 2014, с. 12).

Как показал анализ теоретического и практического материала, категория «языковой субъект» представляет собой сложное структурное образование. Когнитивно она вбирает в себя все, что составляет понятие «субъект», формально структуру категории создает все то, что и делает ее фактом языка: исходная прототипическая форма и полиморфизм выражения. Категория «языковой субъект» инкорпорирует также в свой состав когнитивные и прагматические ассоциации, оценки, интенции говорящего субъекта – энунциатора.

В связи с разнообразной лексикографической трактовкой субъекта и сложной структурной конфигурацией категории «языковой субъект» комплексное лингвистическое исследование данной проблемы, по нашему мнению, может быть осуществлено только на интегрирующем уровне, основу которого составляет методология функциональной семиотики.

Избранный нами метод исследования позволяет отразить динамизм языка, он направлен на рассмотрение его функциональности и дает

возможность в высказывании вычленить момент выражения языковым знаком определенной мысли, что, по сути дела, является процессом формирования значения знака — семиозисом. Семиотико-функциональный подход позволяет провести холистическое исследование категории «языковой субъект», совместив систему и функции.

О взаимосвязи системной организации языка и его функциональных проявлениях Н.Н. Болдырев писал: «... системный аспект языка обязательно отражает его функциональный потенциал и признаки его реального функционирования» (Болдырев 2001, с. 382). Согласно концепции ученого, при функционально-семиотическом подходе (термин Н.Н. Болдырева) язык выступает как единый объект — язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного) (Там же).

Несмотря на то, что применение семиотико-функционального метода насчитывает не одно десятилетие, он по-прежнему находится в процессе своего становления. На необходимость дальнейшей разработки семиотического принципа с функциональной точки зрения указывал Ю.С. Степанов (Степанов 1985).

В подтверждение высказанного свидетельствует тот факт, что семиотико-функциональный метод получает различные интерпретации и имеет различные реализации, которые варьируются в зависимости от той или иной его аппликации. Тем не менее, все, нередко гетерогенные данные, согласно принципу дополнительности Нильса Бора, составляют в исследованиях языка единую научную парадигму. Согласно этому принципу данные, полученные при помощи разных экспериментальных установок, находятся в своеобразном дополнительном отношении друг к другу. Они, хотя и кажутся противоречащими друг другу при попытке скомбинировать их в одну картину, на самом деле исчерпывают все, что мы можем узнать о предмете (Бор 1961).

Для более глубокого осмыслиения теоретических основ семиотико-функционального метода обратимся к истории его возникновения.

Один из авторов данного метода исследования К. Бюлер в своей монографии «Теория языка» писал: «Конечная цель настоящей книги — показать, что научным источником такой теории является *сематология*, и продемонстрировать, каким образом общая теория знаков может реализоваться в современном духе на материале такого поразительно многостороннего механизма, каким является язык» (Бюлер 2000, с. 6–7). К. Бюлеру принадлежит также первое практическое применение семиотико-функционального метода в лингвистических исследованиях: он разделил язык на два «гиперполя»: поле индексальности и поле дескриптивности (Указ. соч.). Знак у К. Бюлера полифункционален, он

имеет три функции: это символ в силу своей соотнесенности с предметами и положениями вещей, это симптом в силу своей зависимости от отправителя и это сигнал в силу своей апелляции к слушателю, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет» (Булыгина 2000, с. XIX).

Полифункциональность знака, согласно концепции К. Бюлера, определяет следующие три функции языка: 1) репрезентативную; 2) экспрессивную и 3) апеллятивную.

Следует отметить, что эти функции коррелируют с функциональной схемой речевого акта Р. Якобсона, который, как известно, выделял в зависимости от параметров коммуникативного акта шесть функций, составляющих функциональную парадигму «языка–речи»: 1) референтивную; 2) эмотивную; 3) конативную; 4) фатическую; 5) поэтическую; 6) метаязыковую (Якобсон 1975). Осуществление этих функций принято считать в современной лингвистике облигаторным для любого акта коммуникации, будь то высказывание или текст.

Рассматриваемый телеологический подход может быть охарактеризован как интеракциональный. Важно подчеркнуть тот факт, что интеракциональность этого подхода проявляется с учетом «фактора адресата» (Арутюнова 1981). «Повторное открытие партнера по речи, — как отмечает Элизабет Штрекер, — представляет собой специальную заслугу К. Бюлера перед лингвистикой» (цит. по (Булыгина 2000, с. XIX)).

Свойственный коммуникативной ситуации диалогизм проявляется в «субъектно-объектных» и «субъектно-субъектных» отношениях (Петренко 1988). Отношения первого типа соответствуют репрезентативной (дескриптивной) функции, а вторые – апеллятивной (по Бюлеру), конативной (по Якобсону), аргументативной (по Попперу) или интерперсональной функции (см. (Алферов 2007)). Позиции партиципантов речевого взаимодействия предопределяют связь знака не только с предметами и ситуациями, о которых сообщается в высказывании, но и с каждым из коммуникантов.

Исходя из вышесказанного, можно заключить: смысл любого речевого высказывания есть производная от сопряжения интенций и импликаций взаимодействующих субъектов речи относительно рефераента.

К теоретически значимым положениям семиотики К. Бюлера можно по праву отнести «принцип абстрактивной релевантности», сущность которого состоит в следующем: «Когда в роли знака-носителя смысла выступает чувственно воспринимаемая *hic et nunc* вещь, то с выполняемой ею семантической функцией не должна быть связана вся совокупность ее конкретных свойств. Напротив, для ее функционирования

в качестве знака релевантен тот или иной «абстрактный момент» (цит. по (Булыгина 2000, с. XX)). «Принцип абстрактивной релевантности» получил свое логическое продолжение в «Теории прототипов» Дж. Лакоффа (Лакофф 2004), в «Принципе релевантности» Г.П. Грайса (Grice 1979), в «Теории релевантности» Д. Спербера (Sperber 1989) и др.

Представление одного из родоначальников семиотики Ч.С. Пирса о семиозисе – динамическом процессе образования знака – характеризуется тем, что одним из главных компонентов структуры знака (наряду с означающим и означаемым) является интерпретанта – внутреннее свойство знака быть интерпретированным (Пирс 2000). Именно интерпретанта, будучи «внутренней формой» знака, детерминирует связь между означаемым и означающим в контексте коммуникативного взаимодействия субъектов. Возникающая «здесь и сейчас» интерпретанта как результат импликативной деятельности «интерпретатора» постепенно входит в узус, а затем и в норму языка, превращаясь в «символ» – конвенциональный знак.

Ч.С. Пирс в своей семиотической концепции в зависимости от характера семиозиса (интерпретанты) выделял три функциональных типа знака: знак-икона, знак-индекс, знак-символ. Знак-икона по своей природе изоморфен со своим означаемым: это фотографии, карты, в языке – ономатопея. Какое-либо указание (действительные номинации, графические указательные знаки, жесты и т. п.) лежит в основе интерпретанты знака-индекса. Этот знак полностью прагматичен и зависит от ситуации и контекста (Kerbrat-Orecchioni 2002). В языке универсальным дейктическим указателем является просодия, в частности интонация, важную дейктическую роль при этом играет экспрессия, содержащаяся в голосе. В реальной коммуникативной ситуации знаки-индексы не имеют, как правило, постоянной референции. Их референт существует фрагментарно, «здесь и сейчас», референциальная связь с обозначаемым в речи теряется вне конкретной коммуникативной ситуации.

Следует отметить, что дейктическую функцию в актах коммуникации помимо указательных слов *я, здесь, сейчас, тут, вот* и т. д. могут выполнять также так называемые «слова речи»: модусные глаголы, наречия, междометия, частицы и т. д. (Алферов 2001). Роль указательных лексем в речевом поведении (Стернин 2000; Карасик 2008) определяется «регулярностью их употребления». Высокая частотность речевого использования указательных слов ведет к их коммуникативной стереотипизации и в конечном итоге функционально сближает с символом.

Интерпретанта знака-символа основывается на «привычке-узусе» в рамках того или иного лингвокультурного сообщества или социо-

стереотипа. Ф. де Соссюр зависимость значения знака от социальной договоренности называл «конвенциональностью» знака (Соссюр 1990).

Как видим, границы между знаками довольно подвижны: знак-индекс может приближаться к символу и наоборот. Определенные речевые стратегии, как и знаменательные слова, могут служить аксиологическими маркерами, указывающими на социальное положение, политические пристрастия и речевое поведение языковой личности (Карраулов 2007).

На основе анализа существующих концепций языкового знака в рамках семиотического подхода можно утверждать, что природа знака определяется его функцией в языке-речи.

Основные принципы функционального подхода в лингвистических исследованиях, сформулированные В.Г. Гаком, сводятся к следующему:

1. Функция элемента определяется его ролью в системе. Поэтому изучение функционирования позволяет лучше понять внутреннее устройство объекта (субъекта).

2. Функциональный подход, исследуя отношение объектов в среде, изучает их роль в контексте целого. Следовательно, нужно говорить о функции части **по отношению к целому**.

3. В.Г. Гак различает понятия **функция, употребление и эффект**.

Функция структурно обусловлена: объект (субъект) возникает или создается с определенной целью, благодаря достижению которой сохраняется объект (субъект) или система в целом. Но назначение может меняться. В таком случае следует говорить о **вторичной, переносной** функции объекта (субъекта). Употребление отличается от функции не-предусмотренностью системы, но сближается с функцией целенаправленности действия. Эффект характеризуется **целенаправленностью**. Эффект, как подчеркивает В.Г. Гак, — это не просто интенциональность (намеренность и направленность), но и ее реализация. В.Г. Гак также отмечал: «Отличие функции от употребления и эффекта лежит, по-видимому, в основе различия семантики и прагматики языкового высказывания» (Гак 1998, с. 180–182).

Таким образом, семиотико-функциональный подход позволяет представить динамику типологии знаков языка, разделить речевые акты на «соотнесенные с субъектом» и «отвлеченные от субъекта», на акты «здесь и сейчас» (*énonciation* – по Э. Бенвенисту), которые «прагматичны и ситуативны», и речевые произведения, в которых «происходит освобождение предложения от речевой ситуации» (К. Бюлер). Эти речевые акты Э. Бенвенист назвал «*énoncé*». В качестве «отвлеченных от субъекта» рассматриваются устойчивые фразеологизированные, стереотипные или паремические высказывания. В освобожде-

нии от прагматики лишний раз находит свое подтверждение знаковая природа языка, в результате чего появляется возможность детерминировать тип знака и его содержание.

Следуя в русле семиотико-функционального подхода, в своем исследовании мы не опираемся исключительно на семантико-синтаксические показатели, категория «языковой субъект» рассматривается нами через трехкомпонентную призму синтактико-семантико-прагматических измерений. Именно при таком подходе весь «инструментарий» системы языка направлен на выполнение конкретной цели: достижения «сематологической релевантности».

Использование семиотико-функционального анализа позволяет реконструировать категорию «языковой субъект», в которой интегрированы лексико-грамматические и дискурсивно-прагматические элементы языка. Динамизм и статика – это единство противоположностей, свойственное языковой категории, обеспечивает константность структуры и внутрикагориальные трансформации.

Образуемая таким образом когнитивно-языковая среда субъекта позволяет воссоздать его как в плане содержания, так и формально, в случае его редукции.

Литература

Алферов А.В. Интеракциональный дейксис как средство организации речевого взаимодействия: дис... д-ра филол. наук / А.В. Алферов. – М.: Институт языкознания РАН, 2001. – 327 с.

Алферов А.В. На пути к грамматике речи: интеракциональные категории высказывания / А.В. Алферов // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – Москва: Ленанд-УРСС, 2007. – С. 457–461.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. Т. 40. № 4. – С. 356–367.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва: Прогресс, 1974. – 446 с.

Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. – Москва: Языки русской культуры, 2001. – С. 383–394.

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. – Москва: Иностранный литература, 1961. – 151 с.

Булыгина Т.В. Карл Бюлер: жизнь и творчество / Т.В. Булыгина, А.А. Леонтьев. – Вступительная статья // Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – Москва: Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. VII–XXIV.

Бюлер К. Теория языка / К. Бюлер – Москва: Прогресс, 2000. – 528 с.

Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

Карасик В.И. Типы коммуникативной тональности / В.И. Карасик // Язык, сознание, культура, социум. Сборник докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 421–433.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва: Издательство «Лучшие компьютерные игры», 2007. – 264 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко – Москва: Московский государственный университет, 1988. – 208 с.

Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике / Ф. де Соссюр. – Москва: Прогресс, 1990. – 275 с.

Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. – Санкт-Петербург: «АЛЕТЕЙЯ», 2000. – 350 с.

Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер // Избранные работы. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики; философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 335 с.

Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж, 2000. – 27 с.

Червоный А.М. Функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка): Монография / А.М. Червоный. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – 368 с.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

Grice H.P. Logique et conversation / H.P. Grice // Communications, 30. – Paris: Seuil, 1979. – P. 57–72.

Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation: De la subjectivité dans le langage / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris: A. Collin, 1980. – 290 p. / Ed. 4. – Paris: A. Collin, 2002. – 267 p.

Sperber D. La pertinence. Communication et cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Paris: Minuit, 1989. – 267 p.

Шарандин А.Л.

Sharandin A.L.

Тамбовский государственный университет

Tambov State University

**ТЕОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ
В АСПЕКТЕ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА¹**
**THEORY OF LEXICAL GRAMMAR IN SEMANTIC
AND FUNCTIONAL APPROACH'S ASPECT**

Аннотация. Рассмотрено взаимодействие лексики и грамматики с точки зрения реализации в семантико-функциональном подходе. Отношения лексической грамматики (ЛГ) и семантико-функциональной грамматики (СФГ) дополняют друг друга с учетом ориентации на язык (ЛГ) и на речь (СФГ). Результаты их взаимоотношений представлены в функционировании дискурсивных форм. Различия между ними определяются когнитивно-коммуникативными целями говорящего. Это приводит к созданию различных высказываний. В разных условиях коммуникации формы лексемы реализуют семантико-функциональную модель номинации, которая в наибольшей степени сориентирована на носителя языка, его коммуникативные цели и потребности.

Abstract. Interaction of lexics and grammar from the point of view of realization in semantic and functional approach is researched. Relations of lexical grammar (LG) and semantic and functional grammar (SFG) complement each other considering their orientation on language (LG) and speech (SFG). Results of their interaction are represented in functioning of the discourse forms. Differences between them are determined by cognitive and communicative purposes of the speaker. This causes the creation of different utterances. According to different conditions of communication, communicative forms of lexemes realise semantic and functional model of nomination, which is oriented on the language user, his communicative purposes and needs.

Ключевые слова: лексическая грамматика, семантико-функциональная грамматика, взаимодействие, дискурсивные формы.

Key words: lexical grammar, semantic and functional grammar, interaction, discourse forms.

Рассмотрение теории лексической грамматики (ЛГ), разрабатываемой автором настоящей статьи, в аспекте семантико-функционального подхода, представленного в работах профессора В.Ю. Копрова, вполне закономерно и естественно, учитывая его исследовательскую позицию, которая позволяет увидеть в отношениях ЛГ и семантико-функциональной грамматики (СФГ) определенную взаимосвязь и взаимодействие. В.Ю. Копров считает, что «грамматика представляет собой не простую сумму морфологии и синтаксиса, противопоставленную лексике, а систему, в которой эти уровни взаимодействуют, выражая в процессе коммуникации информацию о

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

внеязыковой действительности» (Копров 2016, с. 94). При этом он совершенно справедливо отмечает, что ориентация на коммуникацию обусловила интегрирующий характер СФГ, в которой «очень востребованы идеи о взаимодействии грамматики и лексики, о частеречной классификации лексики, о выделении лексико-грамматических разрядов слов» (Копров 2010, с. 222).

Все эти идеи в той или иной степени представлены в теории ЛГ, которая была нами описана, прежде всего, в системоцентрическом аспекте. Но данный аспект, будучи ядерным в описании языковой системы, в настоящее время, на наш взгляд, не имеет той исследовательской значимости, которую обнаруживают в функционально-коммуникативных исследованиях языка, поскольку переход к новой научной парадигме – антропоцентрической – со всей очевидностью показал, что антропоцентризм оказывается главным принципом описания языка.

На первый план выдвигается изучение языковых способностей носителя языка, его знаний, зафиксированных в языке и обуславливающих социально-культурные и коммуникативно-дискурсивные компетенции человека. Произошло переключение внимания исследователей со статических результатов структурно-семантического описания языка на результаты, которые являются следствием динамического описания языковых процессов, в большей степени сориентированных на функциональные и коммуникативные возможности носителя языка. Как отмечает В.Ю. Копров, «в процессе коммуникации говорящий всегда стоит перед проблемой выбора той вариантовой единицы, которая более всего соответствует как его речевой интенции, так и ситуации общения» (Копров 2010, с. 221).

Итак, целью настоящей статьи является рассмотрение сформировавшихся в рамках системоцентрического подхода отношений между лексикой и грамматикой, представленных в теории ЛГ с точки зрения их реализации в семантико-функциональном подходе.

По мнению В.Ю. Копрова, «ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка» (Копров 2010, с. 222). В этом смысле, рассматривая взаимоотношения морфологии и синтаксиса в рамках ЛГ, мы неоднократно приводили слова Н.А. Кобриной о том, что «неразрывность морфологии и синтаксиса (парадигматики и синтагматики, по Ф. де Соссюру) есть отражение диалектичности человеческого мышления, знание того, что все характеристики слова, заложенные в нем как его потенциальные возможности и его морфологические черты, нацелены на его использование в синтаксисе. Это дает основание для рассмотрения в морфологии

синтаксического потенциала слов всех категориальных классов» (Корбина 2007, с. 9).

Данное высказывание в определенном смысле коррелирует с известным высказыванием В.В. Виноградова о том, что «морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы» (Виноградов 1972, с. 31). Действительно, любая морфологическая форма несет информацию о ее функционировании в высказывании в качестве его члена. Поэтому реальная коммуникация всегда в той или иной степени связана с функционированием слова, которое предстает в определенной форме.

Отношения между морфологией и синтаксисом в этом случае можно выразить так: все морфологические формы имеют синтаксическое обоснование, но не все в синтаксисе получило отстоявшуюся морфологическую форму. Например, глаголы *знобить*, *нездоровиться* не имеют форм 1-го лица и мн. числа, но в синтаксических конструкциях они могут сочетаться с личными местоимениями 1-го лица ед. и мн. числа: *мне нездоровится, нам нездоровится*. В отличие от них, глаголы типа *смеркаться* такой сочетаемостью не обладают, что и позволяет различать их в плане субъектности: *знобит, нездоровится* обозначают процесс, присущий субъектам, тогда как *смеркается* имеет отстоявшуюся морфологическую форму бессубъектного глагола. В этом случае синтаксис приходит, если так можно выразиться, на помощь морфологии, корректируя отношения между лексикой и грамматикой в целом.

Мы, как и большинство лингвистов, считаем, что в слове «не даны две разные вещи, а дано сложное переплетение и взаимодействие разных аспектов семантики как единого явления языковой онтологии» (Бондарко 1977, с. 5). В частности, разделение грамматики на морфологию и синтаксис, например, объявляется нерелевантным в функциональной грамматике, где грамматика представлена по существу единым комплексом, который выполняет определенную функцию – служит средством выражения понятийного смысла. О тесной взаимосвязи морфологии и синтаксиса в коммуникативной грамматике свидетельствует высказывание В.В. Виноградова о том, что «в grammatischer структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое целое» (Виноградов 1972, с. 31). По мнению С.Г. Ильенко, «последовательность и глубина взаимообусловленности синтаксиса и морфологии настолько очевидны (и при этом достаточно изучены), что можно говорить ...об "окнах в морфологию"» (Ильенко 2009, с. 14). О тесной взаимосвязи морфологии и синтаксиса свидетельствуют и известные теории о соотношении частей речи и членов предложения (В.В. Виноградов, И.И. Мещанинов, А.А. Потебня и др.).

Однако в исследовательских целях целесообразно начинать описание взаимодействия лексики и грамматики в русском языке с морфологии, поскольку она, будучи представленной «отстоявшимися синтаксическими формами» (В.В. Виноградов), дает такой яркий формальный инструментарий, как парадигму форм, которыми богат флексивный строй русского языка. Ее полнота или дефектность оказывается способом выявления и описания лексической семантики, дает возможность увидеть взаимосвязь и взаимодействие лексики и грамматики.

В настоящее время накоплен значительный языковой материал в этой области, позволяющий выделить **особый аспект** описания языковой системы, когда в центре внимания оказываются единицы традиционной грамматики (грамматические категории, словоформы) в отношении к лексической семантике слова. Данный аспект определяет сущность понятия «**лексическая грамматика**» (Шарандин 2001; 2009).

При этом термин «лексическая грамматика» нацелен не на противопоставление лексического и грамматического значений, а на их объединение в качестве взаимодействующих компонентов слова. В ЛГ грамматические средства (категории, формы) рассматриваются как средства выражения абстрактной лексической семантики, которая, как и конкретная лексическая семантика, является неотъемлемой частью концептуального содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура. При этом и абстрактная, и конкретная лексическая семантика сориентирована на высказывание.

Следует отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, отраженных в лексическом содержании слов. Это, в конечном счете, позволяет языку успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей и выполнять присущие ему функции, как основные, так и дополнительные. При этом слово как номинативная единица предполагает связь с абстрагирующей функцией сознания, а слово как речевая (коммуникативная) единица реализует конкретизирующую функцию сознания.

Таким образом, с точки зрения языка: **слово-лексема** – это знак, лексическое содержание которого грамматически оформлено. Это поз-

воляет сформировать языковую репрезентативную парадигму языкового знака и представить его в виде парадигматической единицы в словаре. С точки зрения коммуникации: **слово-форма** (форма слова) – это синтагматическая единица, функционирующая в линейной речевой цепи высказывания в той или иной грамматической форме, соотносительной с тем или иным значением. Но в предложении-высказывании слово-лексема реализует лишь одну форму, лексически, грамматически и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания. При этом форма слова-лексемы имеет дискурсивную (морфолого-синтаксическую) структуру.

Объектом ЛГ является слово-лексема как языковая модель номинации, которая реализует одно лексическое значение (ЛСВ) в различных условиях коммуникации, что обуславливает различия в его грамматическом оформлении в структуре высказывания. Объектом же СФГ, по В.Ю. Копрову, является предложение-высказывание. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания считать, что отношения ЛГ и СФГ дополняют друг друга с учетом их ориентации на язык (ЛГ) и речь (СФГ).

Результаты взаимоотношений между ними наиболее наглядно представлены в функционировании дискурсивных форм. Дискурсивные формы слова-лексемы – это структуры словесного типа, которые имеют тождественное лексическое содержание в различных синтагматических позициях в составе высказывания. Их существование свидетельствует о взаимосвязи и взаимодействии сознания человека и языка как репрезентанта этого сознания в коммуникативном процессе. Различия между дискурсивными формами определяются когнитивно-коммуникативными целями говорящего, что приводит к созданию различных высказываний, в которых лексема реализует разные в плане концептуальной структуры образования, презентующие одно и то же ее концептуальное содержание.

Показательным в этом плане является рассмотрение залоговых образований в связи с закрепленностью за ними определенных синтаксических структур – актива (действительный залог) и пассива (страдательный залог). В плане же выделения и интерпретации коммуникативных и текстовых функций актива и пассива обращает на себя внимание их связь с тема-рематическим членением высказываний, в которых представлены соответствующие залоговые образования. Как отмечает В.С. Храковский, «одна из основных функций ПК (пассивной конструкции – А.Ш.) при построении текста заключается в тематизации Объекта путем его перевода в позицию подлежащего. Иными словами, появление ПК в тексте закономерно в том случае, если Объект уже появлялся в тексте, но занимал позицию рематического члена предложения. Поскольку для Объекта типично первое появление в ре-

матической позиции и последующее передвижение в тематическую, то ПК, обеспечивающая кореферентность объектов в связном тексте, обычно контекстно обусловлена и, как правило, не начинает текст» (Храковский 1991, с. 170). По мнению В.С. Храковского, «ПК участвует в синтаксических процессах, обеспечивающих построение связного текста. В частности, ПК принимает участие в сочинительном сокращении» (Указ. соч., с. 172), имея в виду своеобразную пассивно-активную конструкцию с одним подлежащим и однородными пассивным и активным сказуемыми (типа *Гостиница была построена зарубежной фирмой, облицована мрамором и стоит дорого*).

Проиллюстрируем семантико-функциональный потенциал слова-лексемы на материале глагольных форм, структурирующих концептуальное содержание конкретной лексемы. В качестве словарной лексемы возьмем глагол *открыть / открывать* в значении «1. Поднять крышку, раздвинуть створки чего-н. *Открыть сундук. Открыть дверь. Открыть окно*» (Ожегов 1986, с. 406).

С точки зрения лексической грамматики глагольная лексема в этом значении реализует полные парадигмы всех грамматических категорий, присущих глаголу как части речи, что находит отражение в высказываниях с этим глаголом в роли предиката. Приведем примеры с маркированными формами в составе грамматических категорий: форма 1-го лица: *Когда я открыл (открываю, открою – А.Ш.) окно, моя комната наполнилась (наполняется, наполнится – А.Ш.) запахом цветов* (М.Ю. Лермонтов), форма повелительного наклонения: *Не спится, няня: здесь так душно! Открой окно, да сядь ко мне* (А.С. Пушкин), форма страдательного залога: *На окно, открытое мною, неожиданно села птичка*.

Наличие данных грамматических форм обусловлено абстрактной лексической семантикой, которую можно охарактеризовать как типовую (классовую) и сформулировать ее в следующем варианте: данный глагол обозначает акциональный гомический признак, характеризующийся предельностью и направленный непосредственно на объект с определенной целью, которая выражена конкретным лексическим значением, представленным в словарном толковании. Обращает внимание отсутствие высказываний, в которых глагольная лексема *открыть / открывать* была бы употреблена в безличном значении (типа *снег тает – на улице тает*).

Однако русский глагол обладает не только грамматическими формами, выполняющими функцию предиката, но и особыми формами. Так, в ряду предикативных форм присутствует особая форма – статив: *Окна в комнате постоянно были открыты*. В лингвистической литературе к стативу относят языковые образования, которые представле-

ны аналитической формой, состоящей из связки *быть*, которая выражает значения наклонения, времени, лица (рода – в прошедшем времени), числа, и краткой формы на *-n / -m*, частеречный статус которой определяется по-разному (Шарандин 2012).

В наших работах мы исходим из рассмотрения статива в качестве особой формы глагола. В отличие от причастия, которое характеризуется в качестве особой непредикативной формы глагола, статив как его особая форма выделяется в системе предикативных форм. Языковая природа статива определяется взаимодействием глагола с прилагательным, только не с относительным прилагательным, а с качественно-предикативным словом (Шарандин 2013). Он имеет аналитическую структуру своего языкового выражения, причем компонент *быть* оказывается тем, что объединяет качественно-предикативное слово со стативом. Различия же определяются, прежде всего, лексическим компонентом – присвязочным элементом, который у качественно-предикативных слов представлен формой качественного прилагательного (*быть добрым*), а у статива – формой адъективированного причастия (*быть закрытым*). Существенным признаком, объединяющим статив и качественное прилагательное в предикативной позиции, является отсутствие и у того, и у другого видовой и залоговой характеристики, поскольку связке *быть* данные характеристики не присущи. По мнению В.В. Виноградова, «связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога» (Виноградов 1972, с. 529). Но вид и залог оказываются существенным признаком, отличающим статив от причастия, в структуре которого видовая и залоговая характеристики присутствуют и определяют динамический и процессуальный характер категориальной семантики причастия.

Что же концептуализирует статив как глагольную форму? Для этого целесообразно сравнить статив с пассивной акциональной или результивной формой. По мнению Л.Л. Буланина, «стативные образования выступают лишь в определенных контекстах для обозначения различных ситуаций» (Буланин 1978, с. 201). В качестве таких ситуаций, в которых проявляются непроцессуальные признаки предмета, могут быть описания, связанные с местонахождением предмета (*На стене были развеспаны картины*), состояние (*Дверь была постоянно закрыта*), внешние и внутренние признаки предмета (*Листок был порван на мелкие кусочки; часы были испорчены давно*) и т. д.

На наш взгляд, категоризация посредством залога, представленного противопоставлением активной и пассивной конструкций, связана с осмысливанием двух взаимосвязанных ситуаций – актуальной, целенап-

правленной, наблюдаемой и неактуальной, пассивно-результативной, которая содержит как бы информацию о предыдущей ситуации с активным деятелем. В случае же отсутствия информации о такой взаимосвязи, мы имеем стативное значение, то есть «статив представляет завершающую стадию процесса, без отсылки к предшествующему положению дел» (Золотова 1998, с. 334). Статив – это «выродившийся» акциональный процесс, по своему значению он ближе к понятиям «состояние», «свойство», «качество», что делает его значение в какой-то степени концептуально самостоятельным. Попадая в позицию качественно-предикативных слов, для которых значение неакциональности (статальности, качественности) является категориальным, глагол теряет признак вида, представленный видовым противопоставлением (видовой парой), и признак залога, представленный залоговым противопоставлением, то есть те признаки, которые наиболее полно реализуют значение акциональной процессуальности (действия). Статив в этом случае как бы демонстрирует статическое представление признака предмета (носителя предикативного признака), делая предмет фигурой, а позиция деятеля оказывается устраниенной, обеспечивая тем самым фон для реализации стативного значения.

Что касается полных страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида типа *закрытый*, то они представляют собой взаимодействие глагола через причастие с относительными прилагательными, т. е. с классом собственно прилагательного. В этом случае адъективация причастия предстает в более глубоком варианте, поскольку причастие теряет в синтаксической позиции атрибута не только глагольные признаки вида и залога (как у статива в позиции предиката), но и признак времени. Другими словами, адъективация сопровождается утратой всех глагольных категорий и характеризуется наличием у полной формы только грамматических категорий, присущих относительному прилагательному – категории рода, числа и падежа, которые имеют согласовательный характер. Ср.: *Открытые двери лавок и каековглядят на свет божий уныло, как голодные пасти* (А.П. Чехов).

Среди непредикативных форм у слова-лексемы *открыть / открывать* представлены особые формы причастия и деепричастия. В них лексическая тождественность с глаголом поддерживается грамматическими значениями (для причастия – времени, вида и залога; для деепричастия – вида). Если сравнить причастие с личной формой глагола, то различие между ними в том, что причастный глагольный признак становится как бы данностью носителя, т. е. воспринимается в фокусе его наличия как атрибутивного признака предмета, которому в дальнейшем, в единстве с атрибутом, приписывается тот или иной предикат. Однако говорить о переходе причастия в прилагательное некор-

ректно, ибо в причастии атрибутивный признак проявляется во времени. Именно временная семантика обеспечивает концептуальную особенность причастного признака, его значимость в языковом сознании человека, его специфичность в субстантивно-признаковом характере нашего мышления. Поэтому характер связи причастия с определяемым словом квалифицируется термином «полупредикативный» или «предикативно-атрибутивный» (Шелякин 1999, с. 557), подтверждающий двухфокусность восприятия, обусловленного взаимодействием значений глагола и прилагательного.

Что же касается деепричастия, то характер его функционирования в высказываниях также может быть охарактеризован термином «полупредикативный», но только в качестве второго фокуса восприятия выступает не атрибутивность по отношению к предмету, а атрибутивность по отношению к другому глагольному признаку, что создает эффект двойной признаковости («признак признака»). Объяснение этому мы находим в синтаксическом функционировании деепричастной формы – в позиции обстоятельства, которая, как известно, является первичною для наречия. Вследствие этого форма проявления грамматической семантики глагола оказывается специфичной: деепричастие теряет флексивную изменяемость и употребляется в позиции обстоятельства. Ср.: *Неизвестный успел уже вскочить на подножку и, открыв заднюю дверцу, заглянул в дилижанс* (В. Катаев).

Таким образом, если у носителя языка в коммуникативном процессе возникает необходимость обозначить глагольный признак как второстепенный по отношению к предикату, также выражющему глагольный признак, то для этого необходимо «развести» глагольные признаки по разным синтаксическим позициям, в частности, «дополнить» позицию предиката позицией обстоятельства. Это позволило реализовать в высказывании дополнительное действие (состояние) одного и того же субъекта и тем самым связать обстоятельственный глагольный признак («второстепенное сказуемое») с предикативным признаком («главное сказуемое») во временном плане. Именно на данном соотношении выявляется «относительное время», противопоставленное, как известно, «абсолютному времени», выражаемому грамматическими (морфологическими) формами глагола. Другими словами, наличие формы деепричастия обеспечивает в концептуальном плане особый фокус восприятия временных отношений типа одновременности, предшествования. Данная особенность принципиально отличает признак деепричастия от признака наречия, ибо последний лишь детализирует способ или обстоятельства проявления глагольного признака безотносительно к выявлению временных (соотносительных) отношений.

В состав непредикативных (особых) форм русского глагола мы включаем девербатив (субстантивную глагольную форму). На наш взгляд, девербатив дает возможность почти в полном объеме снять модально-временные характеристики глагольного значения, то есть представить ситуацию как нечто застывшее, как снимок, запечатленный в сознании. В результате ситуация, лишенная модально-временного плана, оказывается основой для дальнейшего предицирования, основой последующего рассказа о ней как бы уже на правах участника (предмета мысли). *Открытие окна далось мне с трудом.* Важным моментом в интерпретационной семантике девербатива является то, что она во многом может быть истолкована как результат использования носителя языка в коммуникативных целях, в частности, в плане выполнения девербативами тема-рематических функций в высказывании (Е.С. Кубрякова, В.Г. Руделев и др.).

Как и в случае с взаимодействием лексических и грамматических значений, представленных в теории ЛГ, в СФГ мы выявляем взаимодействие лексической семантики слова с тем или иным набором дискурсивных форм. Например, если сравнить коммуникативно-дискурсивный потенциал лексемы *открывать / открыть* с потенциалом лексемы *рассветать / рассвести* в значении «о рассвете: начаться, появиться» (Ожегов 1986, с. 576), то *рассветать* не обнаруживает коммуникативных ситуаций, связанных с реализацией таких дискурсивных форм, как личные формы, императивные формы, статив, причастие и деепричастие, а реализует, по существу, только безличные формы, инфинитивную и девербативную формы (*рассвет*). Поэтому мы считаем, что дискурсивные формы, наряду с грамматическими формами, структурируют концептуальное (лексическое) значение слова-лексемы и вступают во взаимодействие с ним на основе интеграции лексического значения и значений дискурсивных форм.

В разных условиях коммуникации лексема реализует ту семантико-функциональную модель номинации, представленную данными формами, которая в наибольшей степени сориентирована на носителя языка, его коммуникативные цели и потребности, но при этом не происходит разрыва с лексической тождественностью исходной лексемы (словарного слова).

Таким образом, семантико-функциональная грамматика, будучи в своей основе грамматикой речи, нерасторжимо связана с грамматикой языка, представленной, в частности, аспектом взаимодействия лексики и грамматики в теории лексической грамматики, и наоборот: лексическая грамматика, будучи грамматикой языка, ориентируется на грамматику речи, представленную семантико-функциональным аспектом.

Литература

- Бондарко А.В. Исследования в области грамматической семасиологии: Проблемы и результаты / А.В. Бондарко // Семасиология и грамматика. – Тамбов: ТГПИ, 1977. – С. 3–7.
- Буланин Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке / Л.Л. Буланин // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 197–202.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
- Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – 474 с.
- Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С.Г. Ильенко. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 398 с.
- Кобрина Н.А. Теоретическая грамматика современного английского языка / Н.А. Кобрина, Н.Н. Болдырев, А.А. Худяков. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в соотвлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.
- Копров Ю.В. Практикоориентированная модель семантико-функциональной грамматики / В.Ю. Копров // Русская грамматика 4.0. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 92–96. [Электронный ресурс] URL: http://www.pushkin.institute/simpozium/RusGram_theses2.pdf
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
- Храковский В.С. Пассивные конструкции / В.С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 141–210.
- Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология / А.Л. Шарандин. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 313 с.
- Шарандин А.Л. Русский глагол: комплексное описание / А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во Першина, 2009. – 586 с.
- Шарандин А.Л. Статив в системе дискурсивных форм русского глагола / А.Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. – Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2012. – С. 32–39.
- Шарандин А.Л. Динамическая теория частей речи русского языка в аспекте межчастеречного взаимодействия / А.Л. Шарандин // Исследования по семантике. Выпуск 25. – Уфа: БашГУ, 2013. – С. 232–244.
- Шелякин М.А. Современный русский язык / М.А. Шелякин // Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др. Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – 864 с.

**Шипицына Г.М.
Shipitsina G.M.**

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

Belgorod State National Research University

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

В СЕМАНТИКЕ СЛОВА И В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

THE INTERACTION OF LEXICON AND GRAMMAR

IN THE SEMANTICS OF THE WORD

AND IN THE LANGUAGE SYSTEM

Аннотация. В статье представлена функционально-семантическая категория качественности. Определена структура поля качественности и средства ее выражения в лексическом, словообразовательном и грамматическом аспектах. Рассмотрены коммуникативные функции имени прилагательного как центрального звена этой категории. Показана взаимосвязь семантики разного типа в значении слова.

Abstract. The article presents a functional-semantic category of quality. The structure of the field of quality is determined, as well as its means of expression in lexical, grammatical and word-formative aspects. Communicative functions of an adjective as a focal point for this category are considered. The interrelation of the semantics of different types in a word meaning is shown.

Ключевые слова: системность языковых средств, функционально-семантическое поле, качественность, структура, лексическое значение, грамматическое значение.

Key words: system of linguistic resources, functional-semantic field, quality, structure, lexical meaning, grammatical meaning.

Язык является системно-структурным образованием. Значение слова и значение его отдельного лексико-семантического варианта (семемы) создаются путем взаимодействия в них лексической, словообразовательной и грамматической семантики в соответствии с общими принципами построения системно-структурных единиц. Рассмотрим взаимодействие разноуровневых языковых средств на материале имен прилагательных.

В слове как семеме выделяются семы, выражающие категориально-грамматическое значение имен прилагательных, – это семы атрибутивности. Они создают основной блок сем, выражающих общий смысл лексико-грамматических разрядов имен прилагательных – качественных, относительных и притяжательных, в этот блок входит также ряд формальных синтагматических сем, служащих указанием на грамматические признаки слова как части речи.

Существует внутренняя конструктивная связь между лексическими и грамматическими значениями слова. «Определенные лексические

значения слов уже включают в себя указание на грамматическую характеристику слова» (Виноградов 1972, с. 18).

В категориально-грамматическом значении имени прилагательного, кроме сем атрибутивности, независимо от производно-мотивировочного наследия семемы, обязательны также семы субстанциональности (мы имеем в виду не только отсубстантивные слова типа *громовой*, *дельный*, *многогранный*, *лимонный*, но и отглагольные производные слова типа *летучий*, *бурливый*, *находчивый*). Дело в том, что в грамматической семантике имени прилагательного уже заложена сема предметности, поскольку имя прилагательное обозначает не отвлеченный признак, а обязательно относящийся к совершенно конкретному предмету, что в конечном счете и обуславливает обязательную сочетаемость имен прилагательных со словами, имеющими предметное значение. Категориальные значения имен прилагательных и имен существительных внутренне взаимосвязаны, что в поверхностной структуре предложения выражается таким сильным формальным средством, как уподобление грамматической формы имени прилагательного соответствующей ей грамматической форме имени существительного (или замещающего его местоимения), материализованного в окончаниях словоформ. Такая связь словоформ этих частей речи является реализацией их валентных свойств как условия объединения в словосочетания. Стремление объединиться со словоформами совершенно определенной части речи корректирует смысловую структуру семемы и определяет характер взаимодействия между лексическими и грамматическими значениями в смысловой структуре семемы.

Сочетаемость имени прилагательного с именем существительным (или его замещающим местоимением) является основной формой реализации потребности субстанционального слова в атрибутивной характеристике. Конечно, имя существительное может развить такую связь и иным способом, поскольку в языке обычно имеются варианты способов выражения мысли для обеспечения различных коммуникативных ситуаций общения с собеседниками разного типа. В частности, это сочетаемость имени существительного с глагольным инфинитивом, при этом также актуализируется сема атрибутивности, но уже без материальной выраженности флексивными средствами (это в словосочетаниях типа *желание работать*, *идея создать проект*, *веревка сузить белье*, *транспорт добираться на работу*). Небольшая часть таких имен существительных (с модальным значением) унаследовала сему атрибутивности от своей словообразовательно-мотивированной базы: *готовый помочь* → *готовность помочь*, *склонный помогать* → *склонность помогать*, *рад учиться* → *радость учиться*. Данные случаи иллюстрируют, с одной стороны, факт развития атрибутивных сем в структурах, необязательно флексивно оформленных согласованием слово-

форм, а с другой стороны, свидетельствуют о безграничных конструктивных возможностях русского языка.

По способу проявления в речи сема предметности в составе грамматических сем имени прилагательного может быть отнесена к семам синтагматического характера, поскольку она проявляется и в семантическом, и в грамматическом согласовании в словосочетании. Сема атрибутивности имени прилагательного уже изначально спроектирована на категориальную сему предметности у субстанциональных слов.

Категориальное значение всех частей речи при реализации в речи «обрастают» исходящими из контекста элементами значений сочетающихся с ними слов, согласно закону семантического согласования в синтагме (об аналогичном процессе см. А.В. Бондарко (Бондарко 1978, с. 151).

Категориальные значения образуют ядро грамматического блока сем в смысловой структуре семемы. Это ядро окружено периферийной частью – грамматическими значениями с меньшей степенью атрибутивности. Все грамматические семы, особенно ядерные, оказываются обязательными для смысловой структуры, и это часто приводит к избыточности средств выражения категориально-грамматического значения словоформы в речевом потоке. В структуре семемы категориальная семантика признака оказывается выраженной несколькими способами одновременно, так как практически каждая из сем смысловой структуры семемы прямо или косвенно выражает эту семантику. В частности, грамматические семы атрибутивности «поддерживают» семы атрибутивного блока со значением признака и его частных квалификаций. Дело в том, что носителям языка недостаточно иметь название предмета, им еще необходимо знать, каков этот предмет, каковы его качества и свойства, а они-то и обозначаются именами прилагательными. У имен прилагательных коммуникативных (речевых) функций немало, и все они важны. С помощью имен прилагательных характеризуемый ими объект определяется точнее, конкретизируется, выделяется по каким-либо свойствам из ряда однотипных объектов. В этой функции имена прилагательные используются, в частности, для образования многочисленных терминологических сочетаний, например, *зубная паста* (на фоне технологических, лекарственных паст), *придаточное предложение* (на фоне других видов предложения – главного, бессоюзного и т. п.), *двигатель внутреннего сгорания* (на фоне других видов двигателя – *реактивный двигатель*, *двигатель бурowego станка* и т. д.).

Различия между объектами могут быть незначительными в степени проявления признака или в его количестве, концентрации, и в языке существуют специальные имена прилагательные, называющие уже

другим словом тот же признак, но в измененном его количестве. Например, имена прилагательные, характеризующие предмет по стоимости: *бесценный – ценный – дорогой – недорогой – недешевый – дешевый – копеечный*. Поэтому имена прилагательные русского языка словно бы объединяются в длинные ряды слов с синонимичными блоками, в которых степень признака постепенно, в небольших долях увеличивается или уменьшается, достигая своей противоположности. Такие ряды образуют лексико-семантические группы слов.

Кроме того, имена прилагательные обогащают систему выразительных средств языка многочисленными эпитетами, выражающими оценку определяемых объектов как объектов очень хороших или как очень плохих. Неслучайно наши писатели, даже в небольших по объему произведениях, не могли без них обойтись. В художественной литературе в этой функции имена прилагательные используются при описании внешнего облика, внутреннего мира, способностей человека и т. д. Например, описание Вареньки Б. рассказчиком Иваном Васильевичем в рассказе Л.Н. Толстого «После бала»:

Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная.

Кроме того, в любых текстах имена прилагательные используются в функции повторного обозначения того же предмета, но с указанием на его иные признаки. Для этой цели чаще всего используются прилагательные в составе именных групп, в том числе разнообразных períфраз, называющих и в то же время с различных точек зрения характеризующих объект. Например, в поэме «Руслан и Людмила» А.С. Пушкин обозначает своего героя Руслана не только именем, но и перифразическим словосочетаниями. Когда он характеризует Руслана как воина, называет его именем существительным *витязь*: *храбрый витязь, бесстрашный витязь, добрый витязь, витязь знаменитый, проворный витязь, неистовый, ужасный витязь* или сочетаниями *храбрый Руслан, младой друг, не вялый красавец*. Но когда поэт рассказывает о переживаниях Руслана за судьбу похищенной Людмилы, появляется словосочетание *испуганный жених*. С помощью антонимических имен прилагательных А.С. Пушкин показывает разное состояние своего героя в зависимости от ситуации.

Наконец, имена прилагательные служат еще и выражению наших эмоций и чувств как проявление отношения говорящего к тому, о чем он сообщает.

Названные функции имен прилагательных свидетельствуют о главенствующей роли категориально-грамматического значения в организации общего значения слова, всей его семантической структуры, а

также свидетельствуют о косвенном его влиянии на построение конструктивных единиц предложения и текста в целом.

По отношению лексического значения к грамматическим в структуре семемы важна также сема лексико-грамматического разряда. В данном случае это сема, породившая тот смысл, который отражает принадлежность слова к качественному, относительному или притяжательному разряду. По месту в семантической структуре семемы это сема из числа ядерных, по строению – она относительно сложная, по роли в этой структуре – многофункциональная; она же обеспечивает широкие внешние связи семемы.

Наиболее активной по выходу в грамматическую сферу языка является сема-конструкт (в терминологии И.А. Стернина (Стернин 1978) – сема-конструкт качественной разрядности). Сема качественности в структуре семемы оказывается представителем семантики функционально-семантического поля качественности как межуровневой понятийной категории (в ее понимании мы основываемся на учении А.В. Бондарко (Бондарко 1984). Теория функционально-семантических полей позволяет глубже осмысливать такие признаки системной организации языка, как его иерархичность, целостность и социальность (или связь со средой функционирования, то есть носителями языка), поскольку она отражает функциональное единство разноуровневых средств языка в процессе коммуникации. Функционально-семантическое поле – это система разноуровневых средств языка (лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических, «объединяемых на основе общности и взаимодействия их семантических функций» (Указ. соч., с. 22).

Как разновидность функционально-семантического поля можно рассматривать категорию качественности, так как она характеризуется его признаками: языковые средства ее выражения обладают инвариантными, частично общими семантическими функциями, эти средства разнородны, качественность имеет полевое строение с центром и периферией; между функциональными элементами есть общие сегменты, частичное пересечение и постепенные переходы (эти признаки считаются А.В. Бондарко обязательными для функционально-семантического поля (Бондарко 1978, с.8).

К языковым средствам выражения функционально-семантического поля качественности относятся следующие:

1. Лексические: это все имена прилагательные, множество имен существительных с семами качества (дерикаты от имен прилагательных типа *умница*, *свежесть*, *чернота*, *молодость*, *гладь*, *высь*, *белизна*); эмоционально-экспрессивные средства (типа *тиран*, *злодей*, *супер*, *экстра*); все причастия, иные формы глаголов с лексическим значением становления, приобретения, проявления или утраты признака пред-

мета (типа *зазеленеть*, *мрачнеть*, *веселиться*, *злиться*, *исхудать*, *оголиться*); наречия определительного класса (*хорошо*, *важно*) и наречия оценочного и количественного характера (*очень*, *весьма*, *чрезвычайно*, *отвратительно*, *маловато*, *страстъ как*); многие предикативы (слова категории состояния) (*мне неприятно*, *ему радостно*); местоименные числительные (типа *масса народу*, *тьма насекомых*, *большинство рабочих*). К средствам выражения категории качественности следует отнести и способность качественных имен прилагательных вступать в синонимические и антонимические отношения внутри языковых средств одного типа.

2. Номинативные сочетания слов и фразеологизмы. Например, *душа-человек*, *женщина-праздник*, *синий чулок* (о женщине), *мастер на все руки*.

3. Морфологические средства: степени сравнения имен прилагательных, противопоставление полных и кратких форм имен прилагательных.

4. Деривационные (словообразовательные) морфемы имен прилагательных, набор эмоционально-экспрессивных и стилистически маркированных морфем, наконец, морфем с количественными (уменьшительным или увеличительным) значениями. Деривационная морфема не только преобразует лексическое значение слова, но и связывает каждую семему «с теми точками семантического пространства, с которыми так или иначе соприкасается ее собственное языковое содержание» (Шмелев 1977, с. 225).

5. Синтаксические средства выражения качественности: сравнительные обороты, обособленные обороты, в том числе приложения, придаточные определительные предложения, придаточные обстоятельственные предложения со значением меры и степени. Важны также валентные свойства качественных имен прилагательных, в частности, их способность сочетаться со словами количественных характеристик.

Все перечисленные средства, хотя и в разной степени, способны выражать общее для них значение. Это значение такого признака, который можно измерить, в той или иной форме определить количественно – с точки зрения интенсивности, силы проявления признака. Функционально-семантическое поле качественности является поверхностным уровнем выражения в языке глубинной семантической категории качества, относящейся к универсальной понятийной категории. Эта категория находится в системных отношениях с категорией количества, «а их выражение в языках нередко оказывается совмещенным» (Слюсарева 1985, с. 64). Система языка обладает большим набором средств выражения количественной характеристики признака, на которых для каждого конкретного случая коммуникации отбираются

наиболее эффективные в соответствии с многовековой коллективной практикой использования языка его носителями.

Структура функционально-семантического поля качественности комплексного полицентрического типа (о типах структур таких полей см. (Бондарко 1984, с. 60–53)). Ядром функционально-семантического поля качественности являются качественные имена прилагательные, поскольку они имеют специальный набор показателей качественности, каждый из которых тем или иным способом представлен в смысловой структуре семем.

Функционально-семантическое поле качественности является важнейшей формой организации устойчивых связей лексического значения семем со всеми иными типами значений не только в словоформах имен прилагательных, но и в системе всех средств выражения этой категории. Есть все основания полагать, что качественно-количественные отношения являются общим принципом строения семантической структуры семем качественных имен прилагательных, а также лексико-семантических групп с их составом. Это один из примеров действия общих закономерностей в организации семантических единиц и системных объединений таких единиц.

Литература

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1978. – 175 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

Слюсарева Н.А. Функциональная грамматика и когнитивность морфологии / Н.А. Слюсарева // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 58–65.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во Воронеж ун-та, 1979. – 194 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексикология / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

ЧАСТЬ II. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ КАК ИНОСТРАННЫХ

Аверьянова Н.А.
Averyanova N.A.

Волгоградский государственный технический университет
Volgograd State Technical University

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTIC-FUNCTIONAL FIELD OF DURATION IN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В статье рассматриваются разноуровневые средства: лексические, морфемные, синтаксические, передающие значение длительности глагольного действия, структурируются микрополя, формирующие семантико-функциональную подсистему длительности в русском языке. Показано семантическое многообразие оттенков этого значения.

Abstract. The article discusses multilevel means: lexical, morphemic, syntactic, expressing the meaning of duration of verbal actions, structures of microfield forming semantic and functional subsystem of duration in Russian language. Semantic variety of shades of this meaning is shown.

Ключевые слова: лексические, морфемные, синтаксические показатели длительности глагольного действия, взаимодействие разноуровневых средств, семантико-функциональное поле длительности.

Key words: lexical, morphemic, syntactic indicators of the duration of verbal actions, the interaction between different means, semantic-functional field of duration.

С середины 60-х годов XX века на основе идей И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова и др. лингвистов в работах А.В. Бондарко оформилось учение о **функционально-семантических полях** (подробно об истории вопроса (Бондарко 1984)), которое предполагает моделирование системы разноуровневых языковых средств, основанное на семантико-функциональном объединении грамматических и связанных с ними лексических элементов. Первоначально выделялись и изучались функционально-семантические поля (далее – ФСП), опирающиеся на грамматическую категорию (к их числу относятся ФСП аспектуальности, темпоральности, модальности и др.), но позднее стало ясно, что существование ФСП возможно и при отсутствии целостного грамматического ядра. В этом случае структурный тип поля определяется либо как моноцентрический с комплексным, гетерогенным ядром, либо как поликентрический, характеризующийся разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферию (Теория функциональной грамматики 1987, с. 34–36).

Расширение и углубление понятия ФСП позволило более детально подойти к изучению уже выделенных семантических полей. Семантико-функциональный подход к анализу единиц языка позволил из широкого понятия времени, отражаемого в языке, выделить значение длительности, или временной протяженности действия. Ср.: *готовился вечером* (когда?) / *готовился весь вечер* (как долго?), *подготовился за вечер* (за какой срок?), *конспекты дал на вечер* (на какой срок?). Это значение находит выражение на трех уровнях языковой системы: лексическом, морфемном и синтаксическом. В процессе функционирования языковые средства образуют семантическое пространство длительности, которое имеет полевую организацию.

По семантике длительность неоднородна. Мы опираемся на семантические типы длительности, выделенные А.М. Ломовым (Ломов 1979) на основе лексических средств, передающих длительность глагольного действия. В структуре семантико-функционального поля длительности выделяются три микрополя: микрополе срока существования действия, микрополе срока осуществления действия и микрополе срока сохранения результата действия. Каждое из микрополей имеет свои структурные особенности за счет формирующих его средств.

Наиболее сложной структурой обладает микрополе срока существования действия. Центральное положение в нем занимают лексические средства, которые обладают наибольшей самостоятельностью, независимостью и разнообразием в выражении рассматриваемого значения. Они дифференцируются по ряду признаков, одни из которых являются глобальными, другие – частными. Среди глобальных признаков различают следующие оппозиции: разовость / кратность: три дня / по три дня; исчерпанность / неисчерпанность: два дня / второй день; абсолютность (определяется реальный срок действия) / относительность (дается субъективная оценка протяженности действия): полгода / долго; сомкнутость / лимитированность: несколько месяцев / с заморозков до больших холодов. Эти признаки не исключают друг друга, кроме противопоставленных в рамках одной оппозиции, и проявляются одновременно в одном лексическом показателе. Частные признаки показателей длительности являются дифференциаторами абсолютной длительности, которая характеризуется как определенная / неопределенная: неделю / некоторое время, не один год; определенная точно / определенная приблизительно: пять лет / часа полтора, чуть ли не сутки, почти два года, без малого три десятилетия.

Не все многообразие значений длительности, передаваемых лексическими средствами, может быть передано морфемными и синтаксическими единицами языка. Морфемные средства выражения дли-

тельности, традиционно рассматриваемые в рамках способов действия, неоднородны. Делимитативы, способные самостоятельно, без поддержки лексических показателей передавать временную протяженность действия, которая характеризуется здесь относительно близким расстоянием между начальным и конечным пределами действия (**почтать**, **помечтать**, **побродить**, **поволноваться**), располагаются ближе к центру. Глаголы делимитативного способа действия всегда выражают длительность разовую (кратность передается средствами контекста: **любил** почтать перед сном), исчерпанную. Эти глаголы легко сочетаются с показателями как абсолютной, так и относительной длительности. Количественно-временные показатели, передающие абсолютную длительность, вступают в сочетания с делимитативами без ограничений, но при одном непременном условии – любой временной интервал, обозначаемый этими показателями, интерпретируется как малый, незначительный. Делимитативы, как правило, представляют длительность в сокращенном виде, но могут сочетаться и с показателями, обозначающими правую (конечную) границу действия длительности лимитированной (**подумать** до завтра, **поработать** до отъезда), легко сочетаются с показателями приблизительной длительности (**постоял** минуты три, **поговорили** с полчаса) и длительности неопределенной (**пожить** какое-то время).

Пердуративы (глаголы «сверхдлительного» способа действия), в отличие от делимитативов, получают смысловую определенность только в контексте и без поддержки лексических показателей не употребляются (**проговорить** часа два, **проблуждать** около часа). В сочетании с лексическими показателями они могут передавать длительность и единичную (**проболел** более месяца), и кратную (**просиживал** в библиотеке вечерами). Пердуративы свободно сочетаются с показателями абсолютной длительности, определенной и неопределенной, определенной точно или приблизительно, а также с показателями длительности относительной. Пердуративные глаголы взаимодействуют с показателями лимитированной длительности, фиксируя при этом либо обе границы действия (**проспал** с утра до ночи), либо только правую границу (**простояли** до темноты).

В зоне ядра располагаются и менее частотные, но систематически используемые для передачи определенных значений глагольные образования, дублирующие делимитативы (**вздремнуть**, **передохнуть**) и пердуративы (**отслужить** свой век, **выстоять** час, **переждать** ночь). Первые из них сочетаются с показателями длительности, определенной приблизительно и, в то же время, указывающей на минимальность срока действия, с показателями длительности неопределенной, относительной. В отличие от делимитативов, сочетания этих глаголов

с показателями лимитированной длительности исключены. Глаголы, дублирующие пердуративы, повторяют синтагматические свойства глаголов пердуративного способа действия, однако некоторые из них, с приставкой **пере-**, могут употребляться и без лексических показателей, если на временной интервал указывает глагольная основа: **перезимовать**, **переночевать**. К маргинальной зоне ядра относятся глаголы чрезмерно-длительного способа действия (**заграться**, **засидеться** до трех часов), вступающие в сочетания лишь с показателями лимитированной длительности, обозначающими правую границу действия.

Значение длительности может быть передано и специальными средствами сложного предложения – придаточными длительности, которые передают временную протяженность действия либо в сомкнутом виде, либо указывая на одну из границ длительного действия – конечную или начальную.

Периферия микрополя срока существования действия включает все возможные семантические типы придаточных длительности: придаточные, обозначающие длительность в сомкнутом виде (с союзом **пока**): И он все смотрел ей вслед, **пока** она шла по желтому освещенному кругу... (А. Стругацкий, Б. Стругацкий), и придаточные, обозначающие границы длительного действия: конечную (с союзом **пока**, **пока** в сочетании с частицей **не**, до тех пор, **пока** (**не**)): Ася же не проявляла характера, **пока не** садилась за свой корректорский столик в типографии (А. Алексин); Ели Михалев и помкомвзвода из одного котелка **до тех пор, пока** судьба **не** разлучила их (М. Ивин); и начальную границу действия (с союзом с тех пор, как): Прошло больше десяти лет **с тех пор, как** Лидия в первый раз провожала Мартина в Цюрих после памятного и судьбоносного обеда (Л. Улицкая).

В сложноподчиненных предложениях с придаточными длительности нередко реализуются лексические показатели – дифференциаторы типов длительности: **Все время, пока** я разбирала записи (иногда с лупой – так это было слепо написано!), меня мучило чувство неловкости и вины (И. Грекова). В подобных случаях придаточные выполняют функцию определения при обстоятельстве. При передаче правой границы лимитированной длительности лексические показатели определяют продолжительность действия, а придаточные длительности уточняют его правую границу: Ася очень любила эту фотографию и держала ее **некоторое время** в своей комнате на камине, **пока** Олег **не** убедил ее, что это слишком рискованно (И. Головкина). Обозначение левой границы длительного действия (конструкции с союзом с тех пор как) осуществляется без участия лексических конкретизаторов.

Центр ядра микрополя срока осуществления действия также включает единицы лексического уровня, которые характеризуют дли-

тельность как единичную (повторяемость передается здесь глагольными формами: узнавали за летние месяцы), абсолютную (за семь лет) или относительную (за короткий срок, за долгие годы), определенную (за два года) или неопределенную (за эти дни, в считанные месяцы, за последние годы), определенную точно или приблизительно (дня за три, за неделю-другую, за полстолетия с лишком). Длительность срока осуществления действия всегда исчерпана, представлена только в сомкнутом виде.

В зависимости от характера представления ситуации срок осуществления действия реализуется в двух разновидностях: акциональной или фоновой. В первом случае количественно-временные показатели указывают меру времени, затраченного на осуществление действия: **За годы своего замужества** Сонечка превратилась из возвышенной девицы в довольно практическую хозяйку (Л. Улицкая). Во втором случае лексические показатели создают фон и определяют временную протяженность ситуации, за время которой осуществляются передаваемые глаголом действия: **Лермонтов впервые за этот день** увидел слезу на глазах Щербатовой (К. Паустовский).

К маргинальной зоне ядра относятся единицы морфемного уровня – глаголы сативного (**набегаться, наговориться**), чрезмерно-длительного (**заучиться, засидеться**), чрезмерно-интенсивного (**уработаться, утомиться**) и чрезмерно-кратного (**истосковаться, излениться**) способов действия. Глаголы представленных способов действия, оформленные по единой модели «приставка + постфикс **–ся**», образуют отдельную группу, в которой, в отличие от делимитативов и пердуративов, значение длительности не является основным и единственным. Глаголы рассматриваемых способов действия называют результат, являющийся итогом длительных действий (или состояния субъекта), т. е. передают акциональную разновидность срока осуществления действия. Эти глаголы крайне редко и непоследовательно допускают сочетаемость с показателями, обозначающими длительность как абсолютную, так и относительную, но всегда разовую, исчерпанную, сомкнутую.

Периферийные, синтаксические средства определяют длительность либо в сомкнутом виде (союз **пока**): *Вещей оказалось страшно много, пока я собиралась, настала ночь* (Л. Петрушевская), либо обозначают ее конечную границу (союз **пока** в сочетании с частицей **не**): *Разъяренный медведь выпотпал и расшивирял лапами муравейники, выломал кусты, с корнем вырвал молодые березки, продираясь все дальше и дальше в чащу, пока наконец не уперся лобастой головой в неколебимый дуб и не заревел от бессильной злобы, сдирая кору ломающимися когтями* (В. Каргалов).

Синтаксические средства всегда обозначают фоновую длительность. В качестве дифференциаторов типа длительности здесь так же, как и при передаче срока существования действия, возможны лексические показатели: *Маленькая двухкилограммовая девочка, которую родила Соня в те пятнадцать минут, пока пан Жувальский разговаривал на крыльце, была беленькой и узколицей, точь-в-точь такой, как Соня ее задумала* (Л. Улицкая).

Микрополе срока сохранения результата действия невелико. В центре его ядра располагаются лексические единицы (на три дня, надолго, на целый вечер). Они передают длительность только единичную (кратность действия выражается глагольными формами), исчерпанную и сомкнутую, однако могут характеризовать длительность как абсолютную (на день) или относительную (на долгие годы, на много-много лет). Абсолютная длительность, в свою очередь, дифференцируется как определенная (на полдня, на всю ночь) / неопределенная (ненадолго, на несколько дней, на какое-то время), определенная точно (на три дня, на двое суток) или приблизительно (на два-три дня, месяца на три). В маргинальной зоне ядра возможно появление глаголов чрезмерно-длительного способа действия (задумался надолго), но эти случаи редки и объясняются семантикой отдельных лексем.

Периферийная зона микрополя незначительна. Ее единицы полностью зависят от единиц ядра и без них не употребляются, т. е. лексические показатели являются неотъемлемой частью структуры предложения. Синтаксические средства способны передавать длительность действия в сомкнутом виде (придаточные с союзом **пока**): Но как раз **на тот месяц, пока** я обживался на новом месте, выпали у нее семейные неустроиства и вдобавок – болезненно пережитое тридцатилетие (М. Бутов), а также обозначать его правую границу (союз **пока**, возможно, в сочетании с частицей **не**): Что касается моих убеждений, похоже, им приходится пока потесниться. На время, **пока** все как-то **не** образуется (Е. Салманова).

Исследование взаимодействия разноуровневых средств выражения длительности глагольного действия позволяет представить поле длительности как **моноцентрическое** с комплексным гетерогенным ядром.

Лексические и морфемные средства как наиболее специализированные и систематически используемые, наиболее однозначно выполняющие функцию поля, наиболее частотные и обязательные для него, составляют ядро семантико-функционального поля длительности.

На периферии поля располагаются синтаксические средства, которые в одних случаях самостоятельно передают информацию о вре-

менной протяженности действия, а в других – выступают в атрибутивной функции, уточняя лексические показатели длительности.

Одни из значений длительности могут быть переданы только лексическими средствами, другие находят выражение и на морфемном уровне, и на уровне сложного предложения, кроме того, разноуровневые единицы языковой системы довольно часто взаимодействуют для передачи различных оттенков значения длительности, уточняя и дополняя друг друга.

Литература

Бондарко А.В. О грамматике функционально-грамматических полей / А.В. Бондарко // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. – 1984. – Т. 43. – № 6. – С. 492–503.

Ломов А.М. Темпоральные средства русского языка и их функциональные связи А.М. Ломов. – Воронеж, 1979. – 45 с.

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 349 с.

Апостолиди А.А.

Apostolidi A.A.

МГИМО МИД России

MGIMO University

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

DESCRIPTIVE PREDICATES IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. В статье рассматриваются основные трудности, возникающие у иностранных учащихся разных уровней при изучении описательных предикатов. Автор считает необходимым уделять особое внимание описательным предикатам в практике преподавания русского языка как иностранного.

Abstract. The article discusses the main difficulties encountered by foreign students of different levels in the study of descriptive predicates. The author considers it necessary to pay special attention to descriptive predicates in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: описательный предикат, преподавание русского языка как иностранного, отглагольное существительное (девербатив), научный стиль речи.

Key words: descriptive predicate, Russian as a foreign language teaching, verbal noun (deverbative), scientific style of speech.

В практике преподавания русского языка иностранным учащимся важная роль отводится обучению владению различными эквивалентными способами передачи тождественной информации. Как известно,

правильный выбор из системы языка необходимых языковых средств для передачи того или иного значения является одной из самых трудных задач для иностранца.

Описательные предикаты (ОП) относятся к лингвистическим универсалиям и широко распространены в различных языках, в том числе русском. Данное языковое явление присутствует во всех языках (даже в бесписьменных), но может по-разному реализовываться. Традиционно ОП рассматриваются как конструкции, построенные по модели «глагол + имя существительное». Данная структура делает возможными антонимичные и синонимичные замены глагольного компонента в синтаксической модели ОП, выражение конверсных отношений, выражение фазисности действия, каузации действия, номинации действия при отсутствии в языке глагольной формы для выражения данного значения (Кузьменкова 2005, с. 52).

ОП, с одной стороны, активно употребляются как в обычной разговорной литературной речи, так и в разных функциональных стилях, а с другой, как и все словосочетания, – являются одним из активнейших механизмов актуального членения. Соответственно, нужно:

- а) найти правила их образования и функционирования;
- б) рассмотреть их функционирование в зеркале других языков – актуальнейшая проблема, еще ждущая своего решения (Всеволодова 2011, с. 78).

Следует при этом отметить, что сопоставительные исследования, посвященные функционированию ОП в русском и других языках, будут представлять особую практическую ценность для преподавателей, работающих в моннациональных группах. Известно, при обучении иностранному языку не происходит простого перевода универсальных межъязыковых категорий в систему изучаемого языка, поскольку овладение иностранным языком идет по линии коррекции уже имеющихся у студента знаний. И поэтому при разработке учебного грамматического материала преподавателю полезно знать, как передаются универсалии в изучаемом и в родном языке (или языке-посреднике) учащихся. Выявленные в результате сопоставительных исследований межъязыковые сходства и расхождения позволяют предвидеть и наиболее эффективным образом преодолеть типичные трудности, которые возникают в процессе овладения грамматикой изучаемого языка у учащихся той или иной национальности. Часто подобные трудности обусловлены даже не отсутствием в языке-цели категорий, представленных в родном языке учащегося, и наоборот, а различным внутренним подразделением семантики и функционирования форм, имеющихся в обоих языках (Копров 2010, с. 32–33).

Результаты сопоставительных исследований ОП будут исключительно полезны для преподавателей-практиков, помогая им создавать учебные материалы с учетом родного языка учащихся.

Функционально-семантическое поле ОП изучается с разных позиций. Существуют различные классификации ОП:

- разделение на ОП, семантически тождественные соотносительному глаголу (*принимать участие – участвовать*), и семантически близкие ему (*заливаться слезами – плакать*);

- структурная классификация (по синтаксической позиции именного компонента): ОП-1 (непредикативная конструкция – именной компонент в позиции дополнения: *задавать вопрос, наносить ущерб, подвергать воздействию, приходить к выводу*) и ОП-2 (предикативная конструкция – именной компонент в позиции подлежащего: *происходит распад, идет процесс развития*) (Канза Роже 1991);

- семантическая классификация, учитывающая семантику глагольного компонента (Кузьменкова 2000).

Чаще всего на практике имеет место дробное представление ОП в процессе работы над текстом. При этом рассматриваются и усваиваются учащимися только те единицы, которые есть в данном тексте. Однако нам кажется, что такой способ работы с описательными предикатами в иноязычной аудитории недостаточно эффективен. Впервых, учащиеся воспринимают ОП как разрозненные языковые единицы, не соединенные в систему, не видят системных отношений, в которых находятся эти единицы, не понимают закономерностей их функционирования и вследствие всего этого не могут употреблять в своей речи. Часто учащийся в лучшем случае запоминает значение ОП как лексической единицы и в дальнейшем способен опознать его тексте, в худшем же – изученные единицы просто не усваиваются учащимися.

В.А. Кузьменкова и Н.М. Лариохина в своей работе приводят основные трудности, возникающие у иностранных учащихся при знакомстве и овладении данными синтаксическими единицами.

1. Опознавание ОП в тексте как целого, состоящего из двух элементов, – глагола и имени.

2. Возможность формирования в рамках ОП как активной, так и пассивной конструкции.

3. Образование отглагольных существительных, входящих в состав ОП.

4. Выбор глагола, формирующего ОП.

5. Определение возможности выражения заданного смысла: а) как ОП, так и однословным предикатом; б) только ОП; в) только однословным предикатом.

6. Определение синтаксических связей ОП и однословного предиката.

7. Определение а) синонимических и б) конверсных связей ОП (Кузьменкова 2005, с. 54–56; 2013).

ОП широкоупотребительны в речи, а значит, играют не последнюю роль в структуре высказывания в разных стилях речи. Несмотря на это, в практических курсах по грамматике РКИ ОП традиционно не выделяются в отдельный объект обучения.

Преподаватели, работающие в иностранной аудитории, считают также, что на уроках русского языка как иностранного целесообразно организовывать системную работу над отглагольными существительными (девербативами) и что иностранные студенты гуманитарных специальностей должны в процессе освоения курса русского языка специально изучать способы образования и особенности функционирования в тексте русских отглагольных существительных (и словосочетаний с этими отглагольными существительными – А.А.).

Важно отметить, что зачастую потребность в изучении такого фрагмента языковой системы, как ОП и входящие в их состав девербативы, возникает у студентов уже на этапе предвузовской подготовки (2-ой семестр подготовительного факультета), что делает необходимым создание учебных материалов и пособий, рассчитанных на студентов данного уровня.

Практика работы в иностранной аудитории показывает, что усвоение глагольного управления и, в частности, употребление в речи ОП с предлогами и без предлогов в их структуре, связано с повышенной трудностью для иностранцев на разных этапах обучения, поскольку подразумевает хорошее знание норм лексической сочетаемости, а также владение предложно-падежной системой и видо-временными формами глаголов. На практике не всегда студенты могут похвастаться отличным владением нужными грамматическими нормами, а значит, от преподавателя требуется обратить на это особое внимание и предложить учащимся упражнения на повторение, систематизацию и закрепление данных знаний.

Наличие ОП является одной из наиболее характерных черт текстов научного стиля. В комплексе с другими средствами ОП участвуют в создании специфики научного стиля, отражая его основные признаки — отвлеченност и обобщенность изложения (Кузьменкова 2005, с. 53). Это происходит за счет того, что отглагольное существительное, являющееся семантическим центром предиката, лишь называет действие, но не выражает его характеристик (время, вид, залог, лицо и наклонение). Обозначение действия как понятия соответствует отвлеченно-обобщенному характеру научного изложения, вытека-

ющему из его задач. Поэтому ОП и однословный предикат в целом противопоставляются как способы обобщенного и конкретного описания действий (Там же). Описательные предикаты способствуют также точности изложения информации в текстах научного стиля.

Интересным представляется тот факт, что, по данным исследователей, ОП характерны не только для текстов художественной литературы, научного стиля речи и языка СМИ, т. е. кодифицированной речи, но и для устной речи (Зигангирова 1999). По крайней мере, данное утверждение справедливо для речевых жанров интервью и пресс-конференции, которые, сохраняя черты кодифицированного литературного языка, являются в то же время максимально приближенными к разговорной речи. Речь, представленная в этих жанрах, характеризуется такими чертами, как спонтанность, нефиксированность темы, диалогизированность, непосредственность общения говорящих, и, таким образом, существенно отличается от речевых жанров, воспринимаемых как традиционная область употребления описательных предикатов (сугубо кодифицированные стили, например, письменный деловой или научный язык) (Указ. соч., с. 96). Для инофонов сложность будут представлять и окказиональные описательные предикаты, которые, как показывают исследования, очень распространены при спонтанной коммуникации.

Таким образом, можно утверждать, что ОП не являются принадлежностью исключительно письменных жанров, и следовательно, на наш взгляд, должна проводиться специальная работа по обучению иностранных учащихся правилам употребления ОП (с учетом распространенности и особенностей функционирования ОП в каждой из стилевых разновидностей русского языка). Хотя, безусловно, особенно остро данная трудность ощущается при овладении научным стилем речи и языком СМИ (в частности, при чтении аутентичных газетных текстов).

Опыт работы с иностранными учащимися показывает, что понимание и продуцирование предложений, содержащих ОП, представляется для них значительную трудность. ОП сложны для понимания при чтении и аудировании (во многом из-за дистантного расположения элементов словосочетания в предложении). Но особенные трудности вызывает у иностранцев необходимость использования описательных предикатов в продуктивных видах речевой деятельности, в то время как носитель языка достаточно легко выбирает из арсенала языковых средств нужную конструкцию в соответствии с имеющимися коммуникативными и стилистическими задачами (Копров 2010, с. 54–61). Там, где русскоговорящий не задумывается над выбором подходящего глагола, человек, владеющим русским языком как иностранным,

оказывается зачастую неспособен понять, по каким же правилам функционируют в языке эти словосочетания. В этой ситуации задача преподавателя – дать учащемуся системное представление о таком языковом явлении, как ОП, и снабдить его инструкциями, которые позволяют ему построить грамматически и стилистически правильное высказывание на русском языке.

Думается, что создание определенной системы работы над описательными предикатами в иноязычной аудитории и системы упражнений, снимающих описанные трудности, могут помочь научить наших студентов еще более грамотно и красиво выражать свои мысли на русском языке.

Литература

Всеволодова М.В. Язык: лингвистические универсалии и языковая специфика / М.В. Всеволодова // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – с. 74–82.

Канза Роже. Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) / Роже Канза: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1991. – 17 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Кузьменкова В.А. Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке / В.А. Кузьменкова: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.

Кузьменкова В.А. Лингводидактический портрет описательных предикатов / В.А. Кузьменкова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М.Л. Ремнева, Е.Л. Бархударова, А.И. Изотов, В.В. Красных, Ф.И. Панков. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 47. – С. 306–317.

Кузьменкова В.А. Описательные предикаты в профессионально ориентированном обучении / В.А. Кузьменкова, Н.А. Лариохина // Русский язык за рубежом. – №1-2 / 2005. – С. 52–59.

Зигангирова Ю.Р. Функционально-коммуникативные и семантические причины употребления описательных предикатов в устной речи / Ю.Р. Зигангирова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 94–104.

Гаврилова В.И.
Gavrilova V.I.

*Всероссийский институт научной и технической информации
(ВИНИТИ) РАН*
All-Russian Institute for scientific and technical information (VINITI) RAS

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ
НЕОДУШЕВЛЕННЫХ СУБСТАНЦИЙ КАК ОСНОВАНИЕ
ЗАЛОГОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ**
**ENERGY SUPPLY OF INANIMATE SUBSTANCES CHANGING
PROCESSES AS VOICE CLASSIFICATION BASE**

Аннотация. В работе демонстрируется, что выбор между страдательной (пассивной) трактовкой сказуемого пациентивной конструкции зависит от принадлежности сказуемого этой конструкции к глаголам типа *разрушиться*, типа *построиться* или типа *свариться*, которые отличаются друг от друга способом энергетического обеспечения описываемых ими процессов.

Abstract. The paper demonstrates that selectional criteria to discriminate between passive and decausative interpretations hinges whether predicate of patient structure belongs to verbs of the *destroy* type, verbs of the *build* type and verbs of the *boil* type that differ from each other by energy supplying way.

Ключевые слова: возвратный глагол, залог, агентивные конструкции, пациентивные конструкции, страдательные (пассивные) конструкции, декаузативные конструкции, энергетическое обеспечение процессов.

Key words: reflexive verbs, voice, agentive structure, patient structure, passive structure, decausative structure, energy supply process.

1. Уточнение терминологии.

В настоящем исследовании **возвратными глаголами** мы будем называть возвратные глаголы в широком смысле, т. е. все глаголы, имеющие в своем составе частицу *-ся* вне зависимости от их значения. Поэтому в рамках этой работы термины «возвратный глагол» и «глагол на *-ся*» употребляются как синонимы.

Предметом настоящего исследования являются только **предикативные** формы глаголов с частицей *-ся*. Атрибутивные формы этих глаголов останутся за пределами нашего исследования.

Пациентивными конструкциями будем называть непереходные конструкции, которые удовлетворяют следующим условиям:

- существует такая переходная конструкция, что она сама и рассматриваемая непереходная конструкция обозначают одну и ту же ситуацию действительности;

- подлежащее рассматриваемой непереходной конструкции корректирует прямому дополнению такой переходной конструкции.

Прототипическими переходными конструкциями условимся называть переходные конструкции, которые удовлетворяют следующим условиям:

- в качестве прямого дополнения выступают существительные, являющиеся наименованием неодушевленной субстанции, изменяемой под воздействием человека;

- в качестве подлежащего переходной конструкции выступает существительное, являющееся наименованием человека, производящего воздействие на неодушевленную субстанцию;

- описываемое изменение неодушевленного пациента является целью агента-человека.

Прототипическими пациентивными конструкциями будем называть пациентивные конструкции, соответствующие прототипическим переходным конструкциям.

Минимальными пациентивными конструкциями условимся называть пациентивные конструкции, которые включают в свой состав только пациентивное подлежащее и сказуемое, в то время как никакой словоформой не представлено агентивное подлежащее параллельной переходной конструкции.

Мы будем говорить также и о **минимальных страдательных** конструкциях, поскольку, как нетрудно видеть, страдательные конструкции являются одним из видов пациентивных конструкций.

2. Концепции категории залога в академических грамматиках русского языка и в национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

Если в (АГ 1952) залоговая оппозиция имеет тернарный характер и включает в свой состав кроме действительного и страдательного еще и возвратно-средний залог, то в (АГ 1970; АГ 1980) возвратно-средний залог упразднен и залоговая оппозиция трактуется как бинарная оппозиция «действительный залог — страдательный залог». Поэтому **возвратный и парный переходный глагол** считаются связанными **грамматическими залоговыми отношениями** тогда и только тогда, когда **возвратный глагол имеет страдательное значение**. При этом все глаголы на -ся, оппозиции которых с производящими переходными глаголами наполнены другим содержанием, рассматриваются как формы действительного залога. Такое представление о спряжении русского глагола в действительном и страдательном залогах, соответствующее этой общепризнанной точке зрения, иллюстрирует таблица №1, каждая строка которой представляет собой пример противопоставления прототипической переходной конструкции и параллельной прототипической пациентивной конструкции.

Таблица №1

(1)	<i>Рабочие строят дом</i>	(1пац_вз_рас) (1пац-вз_мин)	<i>Дом строится рабочими</i> <i>Дом строится</i>
(2)	<i>Рабочие строили дом</i>	(2пац_вз_рас) (2пац-вз_мин)	<i>Дом строился рабочими</i> <i>Дом строился</i>
(3)	<i>Рабочие будут строить дом</i>	(3пац_вз_рас) (3пац-вз_мин)	<i>Дом будет строиться рабочими</i> <i>Дом будет строиться</i>
(4)	<i>Рабочие построят дом</i>	(4пац_вз_рас) (4пац-вз_мин)	<i>Дом будет построен рабочими</i> <i>Дом будет построен</i>
(5)	<i>Рабочие построили дом</i>	(5пац_вз_рас) (5пац-вз_мин)	<i>Дом построен рабочими</i> <i>Дом построен</i>
(5)	<i>Рабочие построили дом</i>	(6пац_вз_рас) (6пац-вз_мин)	<i>Дом был построен рабочими</i> <i>Дом был построен</i>
(4)	<i>Рабочие построят дом</i>	(7пац_вз_мин)	<i>Дом построится</i>
(5)	<i>Рабочие построили дом</i>	(8пац_вз_мин)	<i>Дом построился</i>

В эту таблицу включены, с одной стороны, примеры трехчленных страдательных конструкций с агентивным дополнением, преобладающих в грамматиках самого разного уровня, и, с другой стороны, примеры минимальных двухчленных страдательных конструкций, которые практически вытеснены конструкциями с агентивным дополнением. Между тем Е. Курилович приписывает грамматическую функцию именно вытесненным из грамматик двухчленным конструкциям, а трехчленным конструкциям с агентивным дополнением приписывает неграмматическую стилистическую функцию (Курилович 2000, с. 123).

По причине вытеснения примеров минимальных страдательных конструкций из состава иллюстративного материала, в частности, не ставится вопрос о принадлежности к страдательному залогу тех словоформ возвратных глаголов СВ, которые выступают в качестве сказуемых таких минимальных пациентивных конструкций, как (7пац_вз) и (8пац_вз). Конечно, варианты этих конструкций, распространенные агентивными дополнениями, (7пац_вз_рас) и (8пац_вз_рас) являются грамматически неправильными. Однако ввиду необязательного, факультативного характера агентивного дополнения в творительном падеже грамматическая неправильность конструкций (7пац_вз_рас) и (8пац_вз_рас) не может выступать в качестве аргумента, достаточного

для обоснования невозможности страдательной интерпретации сказуемых минимальных пациентивных конструкций типа (7пац_вз_мин) и (8пац_вз_мин).

(7пац_вз_рас) **Дом построится рабочими*

(8пац_вз_рас) **Дом построился рабочими*

В отечественной русистике принято считать, что предикативные формы глаголов на -ся со страдательным значением входят в парадигму переходного глагола НСВ (Зализняк 2003, с. 7, 85), и они в этом противопоставляются формам глаголов на -ся с любым другим значением. Однако в русистике не осталась неразработанной процедура, выделяющая из общей массы предикативных форм глаголов на -ся предикативные формы со страдательным значением, что препятствует реализации общепринятой залоговой концепции в рамках национального корпуса.

Попыток самостоятельной разработки такой процедуры в НКРЯ не было предпринято, и на начальном этапе развития фонда была принята новая концепция устройства залоговых противопоставлений русского глагола, в которой провозглашалось существование трех грамматических залогов, а именно действительного, страдательного и медиального.

act — действительный залог (*разрушил, разрушивший*);

pass — страдательный залог (только у причастий: *разрушающий, разрушенный*);

med — медиальный, или средний залог (глагольные формы на -ся: *разрушился* и т.п.).

При этом при проведении в корпусе грамматической разметки только предикативные формы страдательных причастий на -н / -т трактовались как формы страдательного залога, а все без исключения употребления предикативных форм глаголов на -ся интерпретировались как формы медиального залога.

Вследствие принятия такого решения в национальном корпусе тогда оказались отнесенными к медиальному залогу, например, сказуемые *строится* в примерах (9) — (11):

(9) *Сейчас строится жилой дом по улице Кутузова* («Московский комсомолец» в Сыктывкаре, 2003.08.06).

(10) *Пока же в Средиземном море близ острова Форментера, строится подводная ферма, на которой будут разводить асцидий* (С аквалангом в аптеку! // «Знание – сила», 2003).

(11) *Сейчас предложение на столичном рынке новостроек крайне ограничено: на весь более чем 12-миллионный мегаполис строится 145 жилых комплексов* (Алексей Смирнов. Население спасает деньги // «Эксперт», 2015).

Такая разметка нарушает традиционные представления о парадигме спряжения русского глагола в страдательном залоге, а состав введен-

ного в НКРЯ медиального залога принципиально отличается от состава возвратно-среднего залога в (АГ 1952), где парадигму спряжения в страдательном залоге переходных глаголов НСВ формируют именно предикативные словоформы на *-ся*. Ведь предикативные формы причастий на *-м* и *-н / -т* от глаголов НСВ весьма немногочисленны.

Знаменательно, что предлагаемым в НКРЯ инновациям в системе залоговых противопоставлений русского глагола сопутствует то, что в иллюстративную базу залоговых противопоставлений впервые оказываются включенными глаголы *разрушать*, *-ся* и *разрушить*, *-ся*, способные обозначать изменения неодушевленной материи, происходящие без участия человека. В традиционных описаниях в иллюстративных примерах всегда приводились глаголы, описывающие процессы, немыслимые без участия человека, глаголам, совмещающим описание процессов с участием и без участия человека, ранее места не находилось.

Итак, академические грамматики опираются на недостаточно представительную коллекцию примеров, и в них остается незамеченным существование различий в спряжении в страдательном залоге, с одной стороны, глаголов типа *строиться* (*о домах*) и, с другой стороны, глаголов типа *разрушаться*.

Сравним спряжения глаголов типа *строить* / *построить* (таблица №1) и типа *разрушать* / *разрушить* (таблица №2).

Таблица №2

(12)	<i>Рабочие разрушают дом</i>	(12пац_вз_рас) (12пац-вз_мин)	<i>Дом разрушается рабочими</i> <i>Дом разрушается</i>
(13)	<i>Рабочие разрушали дом</i>	(13пац_вз_рас) (13пац-вз_мин)	<i>Дом разрушался рабочими</i> <i>Дом разрушался</i>
(14)	<i>Рабочие будут разрушать дом</i>	(14пац_вз_рас) (14пац-вз_мин)	<i>Дом будет разрушаться рабочими</i> <i>Дом будет разрушаться</i>
(15)	<i>Рабочие разрушат дом</i>	(15пац_вз_рас) (15пац-вз_мин)	<i>Дом будет разрушен рабочими</i> <i>Дом будет разрушен</i>
(16)	<i>Рабочие разрушили дом</i>	(16пац_вз_рас) (16пац-вз_мин)	<i>Дом разрушен рабочими</i> <i>Дом разрушен</i>
(16)	<i>Рабочие разрушили дом</i>	(17пац_вз_рас) (17пац-вз_мин)	<i>Дом был разрушен рабочими</i> <i>Дом был разрушен</i>
		(18пац_вз_мин)	<i>Дом разрушится</i>
		(19пац_вз_мин)	<i>Дом разрушился</i>

Различия, выявленные при сравнении спряжения глаголов типа *строить / построить* и типа *разрушать / разрушить*, касаются в первую очередь минимальных пациентивных конструкций.

Минимальные конструкции *Дом строится (строился, будет строиться)* и их распространенные агентивным дополнением аналоги *Дом строится (строился, будет строиться) рабочими*, обозначают ситуацию изменений, обусловленных волей человека. Поэтому в случае этих глаголов и минимальные, и распространенные пациентивные конструкции обозначают одну и ту же онтологическую ситуацию.

Напротив, минимальные конструкции *Дом разрушается (разрушался, будет разрушаться)* имеют два значения:

1) значение изменения обусловленного волей человека, общее с конструкциями *Дом разрушается (разрушался, будет разрушаться) рабочими*;

2) значение самопроизвольного, происходящего без участия человека изменения, общего с конструкциями *Дом разрушается (разрушался, будет разрушаться) сам собой*.

3. Варианты энергетического обеспечения процессов изменения неодушевленной субстанции.

В работе (Гаврилова 2015) обосновывается рабочая гипотеза, согласно которой глаголы-сказуемые пациентивных конструкций могут быть расклассифицированы на следующие три класса:

- глаголы типа *разрушить,-ся*;
- глаголы типа *построить,-ся*;
- глаголы типа *сварить,-ся*.

Эти группы выявлены путем проведения процесса такого классификации, в котором дифференциальными признаками, лежащими в основе классификации, являются особенности энергетического обеспечения описываемых глаголом процессов изменения неодушевленной субстанции. А именно, вышеперечисленные классы выделены в результате классификации сказуемых пациентивных конструкций по двум основаниям:

1. обязательность / факультативность энергетического участия человека в осуществлении процесса изменения неодушевленной субстанции;

2. характер участия человека в процессе изменения неодушевленной субстанции, толкуемый как оппозиция «непосредственное участие в осуществлении изменений vs инициация процесса изменений с последующим самоотстранением человека от дальнейшего участия».

Таблица №3

Процессы изменения неодушевленной субстанции, могут осуществляться как с энергетическим участием человека, так и без энергетического участия человека	Процессы изменения неодушевленной субстанции, которые не могут осуществляться без энергетического участия человека		
Осуществление процесса без энергетического участия человека Глаголы типа <i>разрушиться</i> ₁	Человек в роли агента-производителя осуществляющего процесса. Глаголы типа <i>разрушиться</i> ₁	Человек в роли агента-производителя ¹ осуществляющего процесса Глаголы типа <i>построиться</i>	Человек в роли агента-инициатора осуществляющего процесса Глаголы типа <i>свариться</i>
	<i>Дом разрушается</i> ₁ <i>Дом разрушили</i> ₂	<i>Дом строят</i> <i>Дом построили</i>	<i>Картошку варят</i> <i>Картошку сварили</i>
<i>Дом разрушается</i> ₁ <i>Дом разрушился</i> ₁	<i>Дом разрушается</i> ₂ <i>Дом был разрушен</i> ₂	<i>Дом строится</i> <i>Дом построился</i> <i>Дом был построен</i>	<i>Картошка варится</i> <i>Картошка сварила</i> <i>Картошка была сварена</i>

Необходимо отметить, что глаголы типа *разрушить*, *-ся* реализуют разные наборы морфологических форм при обозначении:

1. процессов, происходящих без участия человека;
2. процессов, происходящих с участием человека.

Чтобы различать употребления глагола, сопоставимые с этими разными морфологическими наборами, мы присваиваем глаголам типа *разрушиться* подстрочные индексы 1 и 2. Однако использование обозначений *разрушаются*₁ и *разрушаются*₂ не означает, что мы усматриваем в данном случае существование двух омонимичных глаголов. Основываясь на работах (Шмелев 1997, с. 133) и (Смирницкий 1954, с. 25), мы в данном случае склонны говорить не об омонимии, а о многозначности.

Глаголы типа *разрушиться* могут описывать как процессы, способные осуществляться без участия человека (при обозначении самопропризвольного осуществления заложенных в неодушевленную субстан-

¹ О понятиях агент-производитель и агент-инициатор см. (Гавrilova 2004; 2012).

цию свойств), так и с участием человека (при обозначении моделирования человеком процесса, дающего те же результаты, что и самопропризвольный природный процесс). Поэтому они противостоят глаголам типа *построиться* и типа *свариться*, которые объединены в одну группу как глаголы, описывающие процессы, способные осуществляться только при участии человека.

Причастные пациентивные конструкции $N^{IM}CopPart-n/-m(V^B)$ с разрушиться₂ невозможны, поскольку конструкции, построенные в соответствии с этой структурной формулой, всегда воспринимаются как содержащие словоформу глагола разрушиться₂. Таким образом, с глаголом разрушить,-ся в первом значении возможны только возвратные пациентивные конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$, которые характеризуются тем, что они не являются прототипическими пациентивными конструкциями, так как у них отсутствует параллельная переходная прототипическая конструкция. Что касается параллельных непрототипических переходных конструкций, то они иногда существуют, а иногда нет. Таким образом, возвратные пациентивные конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$ с глаголами типа разрушиться₁:

либо не имеют никакой сопоставимой переходной конструкции, например, как в (20) — (22);

либо имеют такую сопоставимую переходную конструкцию, подлежащее которой не является прототипическим подлежащим и обозначает или стихию, например, как в (21пер); либо человека, воспринимаемого, подобно неодушевленным материальным телам, как тело, лишенное волевого начала, например, как в (22пер).

(20) *Мясо испортилось* (из-за неправильного хранения).

(22) *Шерстяная юбка наэлектризовалась*.

(21пер) *Землетрясение разрушило*, дом

(21возр) *Дом разрушился* от землетрясения

(22пер) *Мальчик разорвал*, рубашку, когда он лез на дерево.

(22возр) *Рубашка у мальчика разорвалась*, когда он лез на дерево.

Возвратные пациентивные конструкции с разрушиться₂ возможны только в перспективе НСВ. Иными словами, возможны только конструкции $N^{IM}V-ся^{HCB}$, ибо конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$ всегда воспринимаются как содержащие словоформу глагола разрушиться₁. Таким образом, в перспективе СВ пациентивные конструкции с разрушиться₂ могут носить только причастный характер, т. е. соответствовать структурной форме $N^{IM}CopPart-n/-m(V^B)$, например, как в случае (23пер) и (23прич) или (24пер) и (24прич):

(24пер) *Незаконно построенный дом разрушили*,

(24прич) *Незаконно построенный дом был разрушен*.

4. Выводы

Глаголы-сказуемые таких возвратных пациентивных конструкций, которые описывают изменения неодушевленной субстанции, всецело определяемые природными факторами и поэтому происходящие без участия человека, называются: возвратными **квазипассивными** глаголами (Гаврилова 2008; 2014); возвратными **декаузативными** глаголами (Падучева 2001) и возвратными **индоативными** глаголами (Hampelemath 1993).

Значение, присущее предикативным формам причастий на *-н* / *-т*, выступающим в составе пациентивных конструкций $N^{IM}CopPart\text{-}н/-т(V^{\beta})$, всегда **вне зависимости от энергетической характеристики переходного глагола**, дериватом которого является причастие на *-н* / *-т*, оценивается как страдательное.

Напротив, значения глаголов-сказуемых возвратных пациентивных конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{\alpha}$ характеризуются как страдательное (пассивное) или декаузативное (квазипассивное) **в зависимости от энергетической характеристики** возвратного глагола-сказуемого, иными словами, в зависимости от принадлежности глаголов к одной из обсуждаемых трех групп.

Литература

- АГ 1953: Грамматика русского языка. – Т.1. – М.: Наука, 1953. – 720 с.
- АГ 1970: Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
- АГ 1980: Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 789 с.
- Гаврилова В.И. Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола / В.И. Гаврилова // В сб.: Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. – Том IV. – М. 2004. – С. 43–76.
- Гаврилова В.И. Термины “декаузатив” и “квазипассив” как конкурирующие термины / В.И. Гаврилова // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е.В. Падучевой. – М.: «Языки славянской культуры», 2008. – С. 190–213.
- Гаврилова В.И. К вопросу о взаимодействии категорий переходности и залога (на материале английского и русского языков) / В.И. Гаврилова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. – № 2. – С. 41–57.
- Гаврилова В.И. К вопросу о залоговом статусе возвратных сказуемых квазипассивных конструкций / В.И. Гаврилова // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2014. – № 7. – С. 16–32.
- Гаврилова В.И. Два морфологических способа оформления в русском языке сказуемых пациентивных конструкций в совершенном виде. / В.И. Гаврилова // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. – Киото, 2015. – С. 34–41.

Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке / Е.В. Падучева // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. – С. 52-79.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова») А.И. Смирницкий // Труды института языкоznания. – Т. IV. – М., 1954.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

Haspelmath M. More on typology of inchoative/causative verb alternations / M. Haspelmath // Causatives and Transitivity. B. Comri, V. Polinschi (eds.). Amsterdam / Philadelphia: Benjamins, 1993. – P. 87–120.

Гусман Тирадо Рафаэль

Guzmán Tirado Rafael

Гранадский университет, Испания

Granada University, Spain

ЕЩЕ РАЗ О ГЛАГОЛЬНОМ ВИДЕ В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ **ONCE MORE ABOUT VERB ASPECT IN SPANISH AND RUSSIAN**

Аннотация. В данной работе основное внимание уделяется видовой оппозиции испанского progresivo / nonprogresivo, так как именно эта видовая оппозиция проходит через всю систему испанского глагола и характеризуется минимальной лексической избирательностью.

Abstract. This article pays main attention to the aspectual opposition of Spanish progressive / nonprogressive, because this aspectual opposition goes through the whole system of Spanish verb and is characterized with the minimal lexical selection.

Ключевые слова: испанский язык, глагольный вид, видовая оппозиция, прогрессив, непрогрессив, лексическая избирательность.

Key words: Spanish, verbal aspect, aspectual opposition, progressive, nonprogressive, lexical selection.

Изучению глагольного вида в грамматиках испанского языка традиционно уделялось второстепенное внимание, а интерес лингвистов в основном сосредотачивался на ряде морфологических (речь идет, прежде всего, о глагольной оппозиции: pretérito imperfecto, pretérito indefinido, pretérito perfecto), синтаксических и лексических элементов, в которых обнаруживалось аспектуальное содержание.

В связи с этим возникли проблемы с изучением вида не только в испанской лингвистике, но и в области сравнительных исследований славянских языков, особенно сложной стала ситуация с русским языком, и это не могло быть иначе, так как мы имеем дело с очень различными в структурном отношении языками. Традиционно глагольный вид в испанском и других романских языках исследовался в связи с различ-

ными оппозициями, присущими глагольной парадигме, и в связи с рядом других факторов: морфологических и лексических, в которых обнаруживаются видовые значения.

Таким образом, видовые оппозиции, существующие в некоторых глагольных формах спряжения в испанском языке (*preféríto imperfecto*, *pretérito indefinido*, *pretérito perfecto*) традиционно привлекали интерес лингвистов, изучающих вид и более конкретно – категорию аспектуальности в испанском языке.

Так, например, формы *escribía*, *escribí* и *he escrito* обозначают действие в его течении, не стесненном мыслью о пределе процесса в целом (*escribía*); действие или процесс с признаком предела (то есть значением начала и конца действия – *escribí*) и действие завершенное, представленное во всей полноте его проявления, для которого неактуален признак достигнутости предела, что характерно для *pretérito perfecto* (*he escrito*).

Когда лингвисты исследовали наличие вида в испанском языке, глагольные перифрасисы обычно представлялись привилегированным объектом анализа. Интерес большинства специалистов был сосредоточен на определении аспектуальных значений данных конструкций. Объясним коротко, что понимается под глагольной перифразой. Глагольный перифрасис формируют, по крайней мере, два морфологических глагола, синтаксически составляющие глагольное «ядро». Первый глагол – вспомогательный, его функция – выражать время, вид, залог и модальность; и второй – безличная форма глагола: инфинитив, причастие и герундий; поэтому глагольный перифрасис является результатом значения глагола общего вида неспрягаемого глагола, общего вида перифрасиса, вида и способа действия глаголов и контекста.

В данных конструкциях спрягаемый вспомогательный глагол грамматикализован и, в общем, освобожден от семантического значения. Перифразы обычно классифицируются в соответствии с безличной формой глагола, формирующую часть перифраза (инфinitива, герундия и причастия), а также по их значению, которое они имеют: временное, аспектуальное, модальное или стилистическое. Что касается видового значения, которое нас интересует, перифразы герундия (*perífrasis de gerundio*) выражают НСВ, тогда как перифрасис причастия (*perífrasis de participio*) обычно имеет значение СВ, обозначая состояние как результат прошедшего действия.

Подобным образом также традиционно изучается так называемый лексический аспект, т. е. влияние лексического значения глагола и способов действия на выражение аспектуальных значений. Эта аспектуальная информация в испанском языке, как в любом языке, может содержаться в лексических единицах, функционирующих как предикат, –

в глаголах, которые являются проводниками информации, связанной со способом действия. Речь идет о феномене, который традиционно определяется как способ действия. Лексический вид является информацией о действии или состоянии; его делимитативный или неделимитативный характер определяется глаголом. Так, как известно, существуют глаголы, выражающие действия и состояния, которые приводят к изменению (*escribir*), окончанию действия (*morir*); а также моментальные действия (*disparar*) и длительные действия (*contemplar*). Все это уже описано, но эта информация в свою очередь может быть модифицирована из-за появления других частей в предикате (подлежащее и второстепенные члены предложения) и таких наречных модификаторов времени и места, как отрицание и собственная глагольная форма. Например, сравним: '*fumar / fumar un cigarro / fumarse un cigarro*' (выкурить), где прямое дополнение *cigarro* и флексия *se* имеет делимитативное значение, что предполагает конец действия *fumar* (De Miguel 1999, p. 2981).

Данный анализ приводит нас к проблеме классификации глагольных единиц. В аспектологии существуют различные классификации глагольной семантики, некоторые из них базируются на русском языке (Маслов 1948; Булыгина 1982; 1983; Селиверстова 1982), другие – на английском (Vendler 1967) и испанском языках (Prvadzivj 1974; Verkuyl 1993 и др.).

Также уделялось внимание такому вопросу, как роль и значения префиксов. Префиксы (приставки) могут быть очень значимыми в выражении аспектуальных отношений. Наибольший интерес представляла приставка *re-*, которая понимается как аспектуальный префикс. В зависимости от лексического значения глагола она может обозначать: например, повторяемость с делимитативными глаголами: *re-tomar, re-planpear, re-construir* и т. д.; если глагол не имеет делимитативного значения, он обычно обладает значением интенсификатора действия: *re-buscar, re-peinar* и т. д. В некоторые делимитативные глаголы добавляется оттенок интенсивности действия: *re-matar*.

В отличие от системы префиксации, система суффиксации прямо не связана с системой аспектуальных оппозиций. Например: *tranquilo = tranquilizar*. Вид функционирует только тогда, когда базой деривата является 'глагол + суффикс'. Таким образом, в соответствии с прибавляющимся суффиксом, наблюдаются модификации глагольного действия; так, мультиплекативный характер действия определяется суффиксами типа *-urrrear, cantar* (петь) – *canturrear* (подпевать); укороченное действие выражается в таких случаях, как: *morder — mordisquear*. Подобных глаголов очень мало в русском языке.

При рассмотрении вида в испанском языке учитывалось также внимание к синтаксическо-контекстуальным факторам. Аспектуальные оттенки значений могут выражаться также синтаксическими факторами. Как известно, полное глагольное действие окружено контекстом, который зачастую влияет на аспектуальные значения глагольного действия. В контексте значение глагола не меняется, но изменение происходит с аспектуальными значениями.

Проанализируем функцию глагольных дополнений, наречий, наречных выражений, союзов, субъекта предложения и модальных глаголов.

1) Глагольные дополнения. Прямое дополнение выполняет важную функцию, соединяясь с транзитивными глаголами: присутствие или отсутствие прямого дополнения значимо для ограничения действия: *comer / comer una manzana*.

2) Наречие. Наречия времени могут добавить информацию, которая усиливает или модифицирует аспектуальное значение глагола и таким образом выражает различные оттенки значения: длительность, процесс, пунктуальное событие, частотность и повторяемость: *Juan estuvo estudiando toda la tarde*.

3) Союз. Временные союзы выполняют функцию усиления аспектуальных оттенков значения: *cuando, mientras, desde que*. Например: *Mientras Antonio veía la tele, su hermano leía el periódico*.

4) Тип субъекта в предложении влияет на аспектуальную характеристику предикатов. Мы обращаем внимание на следующие примеры: *El viento golpeó (golpeaba) mi rostro* (ударял мне в лицо) / *El proyectil golpeó (golpeaba) la pared* (пуля ударила в стену). В отличие от слова *proyectil*, *viento* имеет устойчивый характер, что позволяет глаголу *golpear* действовать как в *indefinido*, так и в *imperfecto*, что совершенно невозможно в случае с *proyectil*. В других случаях собирательный (коллективный) субъект позволяет понимать действие как длительный процесс. Например: *El batallón entro en la ciudad (durante dos horas / en una hora)* (Полк входил в течение 2х часов / часа) / *La mosca entró en la habitación (durante dos horas / en un momento)*.

Испанские ученые уделяли внимание глаголам *ser* и *estar*. Несмотря на то, что в испанском языке нет глаголов, по собственным формальным признакам обладающих одним из двух видов, очевидно, что между глаголами *ser* и *estar* есть такая разница. Традиционные определения ‘сущностных свойств’, в отличие от ‘случайных свойств’, ‘модификаций’ и ‘состояния’, оказываются недостаточными при описании употребления данных основ в испанском языке. Например: *El es un enfermo / Él está enfermo*.

Выделялась также роль местоимений (*me, te, se, nos, os, se*). В настоящее время все более распространенной становится мысль о том, что местоименный глагол (*verbo pronominal*) в испанском языке не является вариантом другого неместоименного глагола (*verbo no pronominal*), а речь идет о двух различных лексемах, отличие которых определяется присутствием или отсутствием формы местоимений (*me, te, se, nos, os, se*). Именно глаголы, систематически выражают категорию залога, подходят для выражения гипотетического залога в испанском языке, однако совершенно очевидно, что некоторые из этих местоименных глаголов сохраняют аспектуальные отношения с формами не местоименными: в глаголах типа: *dormi / dormirse* (НСВ / СВ) процесс дан как оппозиция 'незавершенный / завершенный'. Оттенок пунктуальности в *se duerme* делает невозможным употребление местоименной формы с добавлением значения длительности. Оттенок длительности в *duerme* делает невозможным употребление дополнения со значением пунктуальности. Местоимения *se, me, te...* имеют в данных случаях делимитативный характер и лишь могут подчеркнуть в делимитативных глаголах эту делимитативность. Данные местоимения употребляются с транзитивными глаголами, направленными к пределу и способными выразить достигнутость предела или оставить эту информацию без выражения. Так, *se* превращается в средство выражения аспектуальности в том смысле, что информирует о пределе в значении глагола.

На наш взгляд (и это отражено в наших последних публикациях), необходимо было расширить рамки исследования этой проблемы, что позволило бы анализировать и сравнивать не только вид и его конкретное выражение, но и средства, которые каждый язык имеет в своем арсенале для выражения универсальных значений, без сомнения, присущих всем языкам.

С этой целью мы применяли к изучению вида в испанском языке теорию **функционально-семантических полей**, разработанную А.В. Бондарко. Это позволило (в отличие от традиционной грамматики, анализирующей выражение упомянутых отношений в разных разделах морфологии и синтаксиса) провести исследование различных способов выражения аспектуальных значений в определенных языках.

Прикладное использование модели функционально-семантического поля, существующей в функциональной грамматике, в процессе изучения вида и, более конкретно, категории аспектуальности в испанском языке позволило прийти к более ясным заключениям, о которых мы уже писали в разных публикациях(Guzmán Tirado 1992; 1993; 1995; 2000).

Удалось таким образом установить центр и периферию поля аспектуальности в испанском языке. Применение данного метода выявило факторы, которые испанская лингвистика не исследовала до сих пор. Один из них – это то, что необходимо провести разграничительную линию в глагольной системе испанского языка между конструкциями герундия с глаголами *estar* аспектуальной граммемы, включая требование релятивной свободы от лексических различий, и конструкциями герундия с другими глаголами (*ir, venir, seguir, continuar, quedar*), которые присутствуют также в функционально-семантическом поле аспектуальности испанского языка и выражают, без сомнения, определенные аспектуальные значения. До сих пор данная структура обычно включалась в ту же группу, что и остальные глагольные perífras. Я имею в виду, прежде всего, конструкции прогрессива в испанском языке.

Большинство лингвистов утверждает, что конструкции с герундием, включая конструкцию с глаголом *estar*, характеризуются частичной потерей (это зависит от глаголов) лексического значения глаголов в личной форме, принимающих участие в формировании вышеназванных конструкций герундия. Прежде всего, хотим обратить внимание на то, что в испанском языке аспектуальность связана с этой оппозицией. Данный подход не новый. Первыми на эту конструкцию обратили внимание русские испанисты О.К. Васильева-Шведе и Г.В. Степанов; они единодушны в том, что «видовая оппозиция представлена в морфологической системе испанского языка, с одной стороны, как оппозиция неопределенного и среднего видов, выраженная аспектуальными (*estar + gerundio*) и неаспектуальными, временными формами (*escribo / estoy escribiendo*)» (Васильева-Шведе 1978).

В то же время следует отметить, что этой позиции не придается должного значения и она практически игнорируется испанскими лингвистами. Это единственная оппозиция, которая охватывает практически всю глагольную лексику всех времен, даже императив, и не имеет факультативного характера. Е. Горбова утверждает, что «показано, единственный серьезный аргумент тех исследователей, кто не хочет признать за конструкцией «*estar + gerundio*» статус аспектуальной граммемы, это факультативный характер ее использования» (Горбова 1996, с. 47–48), так как не существует этого факультативного характера.

Испанская форма герундия с глаголом *estar* полностью отвечает требованиям, которые исполняет член грамматической аспектуальной оппозиции, поэтому испанский *progresivo* характеризуется способностью охватить практически всю глагольную лексику.

В испанском языке важно закрепить за испанским *progresivo* статус аспектуальной граммемы, так как эта форма соответствует всем параметрам, присущим грамматической категории вида, данным в известной статье Ю.С. Маслова (Маслов 1978, с. 24).

Итак, в данной работе основное внимание уделяется видовой оппозиции испанского *progresivo* / *porprogresivo*, так как именно эта видовая оппозиция проходит через всю систему испанского глагола и характеризуется минимальной лексической избирательностью. Это ставит *progresivo* в привилегированное положение и позволяет выразить действие в актуальном настоящем времени (*presente actual*) или процессуальность действия: функция выражения не только сгущения действия, но и сгущения течения действия (что типично также и для английского *progressive*).

Вышесказанное заставит пересмотреть многое из того, что было разработано в испанской лингвистике по этому поводу.

Литература

- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.
- Булыгина Т.В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания / Т.В. Булыгина // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. – М., 1983. – С. 20–40.
- Васильева-Шведе О.К. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи / О.К. Васильева-Шведе, Г.В. Степанов. – 3-е изд. – М., 1990. – 302 с.
- Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю.С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л., 1978. – С. 4–44.
- Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предиктивных типов русского языка / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 86–157.
- Alarcos Llorach E. Estudios de gramática funcional del español. – Madrid, 1978.
- Alonso A. y Henríquez Ureña P. Gramática castellana. 22^a ed. Buenos Aires 1964.
- Alvárez Lugrís A. O aspecto progresivo e a súa expresión nas linguas europeas. Informe: 05.07.95. II Congreso Internacional “Gramática y Lingüística”.
- Bello A. Cuervo R-J. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1960.
- Bosque I. Sobre el aspecto en los adjetivos y en los participios, en I. Bosque (ed.), Tiempo y aspecto en español, Madrid, 1990. págs. 177–214; Por qué determinados sustantivos no son sustantivos determinados, en I. Bosque (ed.), El sustantivo sin determinación. La ausencia de determinante en la lengua española, Madrid, 1996, pág. 13–119.
- Criado de Val M. El verbo español. Madrid, 1966.
- Criado de Val M. Gramática española. Madrid, 1968.
- Dietrich W. El aspecto verbal perifrástico en las lenguas románicas. Madrid, 1963.

- Gili Gaya S. *Curso superior de sintaxis española*. Barcelona, 1969.
- Gómez Torrego L. *Perífrasis verbales. Sintaxis, semántica y estilística*. Madrid, 1988.
- Gramática de la lengua española: Real Academia Española. Madrid, 1931.
- Guzmán Tirado R. Función del aspecto verbal y de otros elementos lingüísticos en la expresión de las relaciones temporales en la oración subordinada en ruso. Granada, 1992. (Microfichas)
- Guzmán Tirado R., Herrador del Pino M. Dificultades en el aprendizaje del sistema verbal español para los alumnos ruso-hablantes // Actas de las II Jornadas sobre aspectos de la enseñanza del español como lengua extranjera. Granada, 1993, págs. 89-95.
- Guzmán Tirado R., Herrador del Pino M. La expresión de los significados aspectuales del ruso en español. Un problema de traducción // SENDEBAR. Granada, 1995.
- Guzmán Tirado R., Herrador del Pino M. Investigaciones de gramática funcional: la aspectualidad en ruso y español. Granada, 2000.
- Hernández Alonso C. *Sintaxis Española*. 3^a ed. Valladolid 1975.
- Lázaro Carreter F. *Diccionario de términos filológicos*. Madrid, 1968.
- López García A. La interpretación metalingüística de los tiempos, modos y aspectos del verbo español: ensayo de fundamentación, en Ignacio Bosque (ed.). *Tiempo y aspecto en español*. Madrid, 1990, págs. 107-175.
- Marchand H. On a Question of Aspect: a Comparison between the Progressive 3 Form in English and that in Italian and Spanish // *Studia Lingüistica*. 1955. n° 31.
- Marcos Marín F. *Aproximación a la gramática española*. Madrid, 1975.
- Miguel, de E. El aspecto léxico // *Gramática descriptiva de la Lengua Española*. pp. 2977-3060.
- Miguel Aparicio E. El aspecto en la sintaxis del español: perfectividad e impersonalidad. Madrid, 1992; Nominal Infinitives in Spanish: An Aspectual Constraint. The Canadian Journal of Linguistics 41:1, 1996, págs. 29-53.
- Quilis A., Hernández, C. de la Concha, V. G.. *Lengua española*. Valladolid, 1972.
- Roca Pons J. Estudios sobre perifrasis verbales en español. Madrid, 1958; El aspecto verbal en español, Lingüística Antverpiensia 2, 1968, págs. 385-399.
- Rojo G. Temporalidad y aspecto en el verbo español, LEA X, 1988, págs. 195-216; Relaciones entre temporalidad y aspecto en el verbo español, en I. Bosque (ed.). *Tiempo y aspecto en español*, Madrid, 1990, págs. 17-41.
- Veyrat Rigat M. Aspecto, perifrasis y auxiliación: un enfoque perceptivo. Valencia, 1993.
- Vendler, Z. *Verbs and times* // *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1967.

**Дардыкова Н.В.
Dardykova N.V.**

*Минский государственный лингвистический университет
Minsk State Linguistic University*

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛИЙСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С АСПЕКТУАЛЬНЫМИ
ГЛАГОЛАМИ**

**SEMANTIC-SINTACTIC FEATURES OF ENGLISH CONSTRUCTIONS
WITH ASPECTUAL VERBS**

Аннотация. Исследование аспектуальных свойств конструкций с фазовыми глаголами *to start* ‘начать’ и *to begin* ‘начинать’ позволяет проследить неоднозначность содержания и многоаспектность проявления акциональных значений в языках разного типа. Обращение к художественному тексту помогает выявить способы достижения эквивалентности перевода на русский и турецкий языки.

Abstract. The research of aspectual features of constructions with phase verbs *to start* and *to begin* allows tracking the content ambiguity and multidimensional manifestation of actional meanings in the languages of different types. The appeal to the literary text helps to detect the ways to reach the equivalence of translation into Russian and Turkish languages.

Ключевые слова: аспектуальность, глаголы с начинательным значением, английский язык, русский язык, турецкий язык, эквивалентность перевода.

Key words: aspectuality, verbs with ingressive meaning, English language, Russian language, Turkish language, equivalence of translation.

Важную роль в функциональных исследованиях играет изучение категории аспектуальности. Установление различных аспектуальных значений, изучение того, «как именно действие, выраженное глаголом, совершается» (Исащенко 1960, с. 210), является важным этапом в описании языков при реализации подхода «от значения к форме». Ю.С. Маслов пишет, что «аспектуальность объединяет по признаку сходства содержания разноуровневые и разноплановые средства языка» (Маслов 2004, с. 27). В плане выражения аспектуальных значений в английском языке необходимо различать морфологические (категория глагольного вида), синтаксические (глагольные сочетания и аспектуальные конструкции), лексические (лексические способы действия), лексико-грамматические (категория предельности / непредельности) и контекстуальные (неглагольные показатели характера протекания действия) средства (Степкина 1980, с. 4–5).

Для анализа в нашей статье были выбраны синтаксические средства реализации аспектуального значения типа *to begin to work* ‘начать работать’, *to start singing* ‘запеть’. Эти средства были отобраны по параметру «фазисной детерминации», которая представляет собой «выделение одной из фаз в протекании действия или состояния – начальной, серединой или конечной» (Маслов 2004, с. 321). Сферу нашего интереса состав-

вили глаголы, характеризующие протекание действия в его начальной фазе и при этом выражавшие значение фазовости одной лексемой.

Основой для выборки стали английские аспектуальные глаголы *to start* ‘начать’ и *to begin* ‘начинать’. Исследование этих глаголов осуществлялось методом сплошной выборки на материале романа С. Коллинз «Голодные игры» (S. Collins. The Hunger Games) на английском языке, полученные результаты сравнивались с аналогичными предложениями в русском и турецком переводах романа. Такой подход позволил проследить выражение одних и тех же аспектуальных значений на материале разноструктурных языков.

С нашей точки зрения, изучение употребления начинательных глаголов на материале переводов одного произведения позволяет «установить границы, как и сам факт дефектности видовых или видо-временных парадигм, уточнить закономерности сочетаемости глагольных форм с различными аспектуально-релевантными элементами контекста и выяснить семантический эффект разных типов преобразований. Все эти вопросы нельзя решить путем наблюдения над наличными текстами» (Маслов 2004, с. 349).

Итогом выборки стало выделение 111 контекстуальных употреблений фазовых глагольных конструкций (далее ФГК): 77 употреблений с фазовым глаголом (далее ФГ) *to begin* и 34 употребления с ФГ *to start*. Эти ФГК представляют собой сочетания частично десемантизированного глагола в качестве первого компонента и форму инфинитива или герундия в качестве второго компонента.

Глаголы *to start* ‘начать’ и *to begin* ‘начинать’ в литературе часто трактуются как синонимичные и взаимозаменяемые (Givon 1973, p. 898), однако лингвистические исследования фиксируют наличие некоторого различия между ними. Представим эти различия в виде таблицы, отражающей точки зрения двух авторов: А. Фрид и Т.Н. Степкиной.

Таблица 1. Семная структура глаголов *to start* и *to begin*.

	А. Фрид (Freed 1979, p. 16)	Т.Н. Степкина (Степкина 1980, с. 23–24)
To start	«оператор приступа к действию», т. е. отмечает момент перед самой реализацией действия; + сема нереализованного действия;	значение начинательности включает перемещение акцента на точку отсчета начальной фазы нового действия (состояния), на начальную его границу (предел);
To begin	«перфективный аспектуализатор», обозначает момент начала реализации действия;	указывает на то, что действие (состояние) находится в начальной фазе своего развития (становления);

Как видно из таблицы, семное противопоставление этих глаголов выглядит сходным с противопоставлением по категории предельности / непредельности. ФГК с глаголом *to start* описывают замкнутые, предельные ситуации; а ФГК с глаголом *to begin* делают акцент на длительное либо многократное распределение действия по фазе.

Разграничения значений ФГ, описанные Т.П. Степкиной и А. Фрид, подтверждаются и результатами наших наблюдений. Необходимо оговориться, что наш материал исследования ограничен и позволяет нам сделать выводы только о тех случаях, которые стали объектом анализа. Для более точных результатов требуются более объемные данные.

В нашей статье мы разделяем понятия глагол и предикат. Глагол понимается как языковое выражение, единица словаря, описывающая определенную ситуацию и обладающая определенным набором актантов. Предикат – единица логического представления, используемого для анализа языковых выражений, которая обладает позицией для одного или более аргументов; при заполнении аргументных позиций образуется формула, имеющая истинное значение (Татевосов 2015, с. 15). Так, превалирующим значением *to begin* (шесть седьмых от выборки с этим ФГ) является значение вступления в ситуацию, ее постепенного становления и развития. Например:

As I slowly, thoroughly wash the makeup from my face and put my hair in its braid, I begin transforming back into myself. Katniss Everdeen. ‘Тщательно смываю косметику, заплетаю косу и **постепенно превращаюсь** в саму себя. Китнисс Эвердин’. ‘Yüzümdeki makyajı temizleyip, saçlarımı arkadan örerken, yeniden asluma, Katniss Everdeen adlı kiza **dönüşüyorum**’.

В переводе на русский язык это значение репродуцировалось через аспектуальный контекст – с помощью обстоятельства образа действия *постепенно*. В турецком языке данное значение частично выражается через употребление настоящего длительного времени на *-iyor*.

Помимо этого значения, были зарегистрированы также единичные случаи, когда у *to begin* встречались фазовые значения возобновления действия; постепенного затухания действия, приведения его к концу; а также результативное и модальное значения. Эти значения представляются скорее факультативными, т. к. они связаны не с семантикой глагола *begin*, а являются обусловленными контекстно:

*And the birds began to sing again, as if nothing had happened. ‘И птицы стали петь **снова**, будто ничего не случилось’.* ‘Kuşlar yeniden sakitlara başladilar...’.

В этом предложении значение возобновления действия реализуется через обстоятельство времени *again* ‘снова’ в оригинальном тексте

и через синонимичные слова *снова* и *yeniden* в русском и турецком вариантах.

By now, the Careers have probably begun to suspect some sort of trick.
'Скоро профи заподозрят неладное'. 'Kariyerler bu işte bir iş olduğuna uyanmaya başlamışlardır'.

В оригинальном тексте модальное значение предложению придает модальное слово *probably* 'возможно'. В русском переводе значение начинательности передается глагольным способом действия с приставкой *за-*, а модальный оттенок не выражен. В турецком варианте начинательность представлена конструкцией с усеченным инфинитивом (масдаром) *-maya başlamak* 'начинать', значение предположения передано морфологически, через форму *-mıştır*.

Более сложным семантически представляется ФГ *to start*. У этого глагола основным выступает значение приступа к действию (больше половины выборки с этим ФГ):

I cut off a piece of pork, dunk it in mashed potatoes, and start eating.
'Отрезаю себе кусок свинины, захватываю им комок картофельного пюре и начинаю есть'. 'Bir parça domuz eti kesip, patates püresine buluyorum ve yemeğe başlıyorum'.

Во всех предложениях это значение представлено синонимичными синтаксическими конструкциями с начинательным значением.

Встречаются также единичные случаи употребления этого ФГ в значении первого проявления действия / события:

Better clear out so they can get the body before it starts stinking.
'Пойдем. Пусть заберут труп, пока не завоняло'.

Помимо фазовых значений, частью семантики ФГ *to start* являются также модальные значения. Модальное значение действия, которое не получает развития, встречается только в единичных случаях:

Someone is gripping my arm, a boy from the Seam, and I think maybe I started to fall and he caught me. 'Кто-то хватает меня за руку, какой-то мальчик из Шлака. Наверно, я **стала падать**, и он меня поддержал'. 'Birisini, Dikiş'ten bir çocuk kolumu simsiki kavriyor. Belki de düşüyordum da, beni son anda tuttu'.

В турецком варианте текста значение нереализованности передается через семантику формы определенного имперфекта (-yordu), в русском варианте же оно не находит отражения.

Более частым (в четвертой части случаев), по сравнению со значением нереализованного действия, является употребление ФГ *to start* в значении неудавшейся попытки:

But as I start to work my way out of the band, I feel a cold liquid seeping into my vein from one of the tubes and almost immediately lose consciousness. 'Едва я снова **пыталась вылезти** из-под ленты, по одной из тру-

бок в вену мне вливается холодная жидкость, и почти сразу я отключаюсь'. 'Fakat, belimdeki banttan kurtulmaya çalışırken, hortumlardan birinden, damarında soğuk bir sıvının aktığını hissediyorum ve hemen o anda bilincimi kaybediyorum'.

В турецком и русском эквивалентах это значение репродуцируется с помощью глагольных конструкций с модальным значением – *пытаться вылезти*, *kurtulmaya çalışmak* 'пытаться освободиться'.

Значения ФГ являются основным способом выражения аспектуальных признаков действия в ФГК. Однако, помимо них, существуют дополнительные средства репрезентации характера протекания действия. К этим средствам относятся: форма ФГ, форма комплемента, тип второго компонента конструкции.

Морфологическая форма ФГ может служить средством реализации дополнительных оттенков значений. Примером могут послужить конструкции с так называемым «удвоенным фазовым компонентом». В этих конструкциях длительность, выражаемая самим ФГ, сосуществует с длительным видом (Тиунова 1986, с. 17):

I'm beginning to think 'Я начинаю думать', '*kastediyorum*'; *The mutts are beginning to assemble* 'Перородки собираются в кучу', '*Muttalar bir araya topluyor*'.

Эти формы используются, чтобы показать большую протяженность, постепенность обозначенного глаголом действия. В турецком и русском эквивалентах эта дополнительная протяженность не получила выражения.

Для передачи дополнительного результативного оттенка может использоваться перфект: *the wind that has begun to blow steadily in from the west* 'с запада подул довольно крепкий ветер', '*batidan esmeye başlayan rüzgâr*'. Интересным представляется тот факт, что использование прогрессива / перфекта в английском языке является достаточным для передачи всех оттенков значения. В русском переводе же не всегда удается передать всю специфику действия, и иногда приходится прибегать к использованию слов, уточняющих временные ориентиры и особенности протекания действия. *Evening has begun to fall*. 'Уже опускаются сумерки'. В данном случае результативность выделяется обстоятельством времени *уже*. Аналогичная ситуация наблюдается и в турецком языке, когда для обозначения особенностей протекания действия могут употребляться специальные конструкции, типа *-mak üzere* 'вот-вот' в предложении *Akşam çökmeğ üzere*. 'Уже опускаются сумерки (дословно: вечер вот-вот опустится)'.

Неличная форма комплемента также оказывает влияние на значение ФГК: инфинитив представляет действие как факт, герундий – как развивающийся процесс (Тиунова 1986, с. 17; Болдырев 2009, с. 25). Ос-

новополагающими являются также особенности самого ФГ, так, *to begin* сочетается со всеми типами вышеуказанных комплементов без какой-либо разницы в значении. ФГ *to start* в составе конструкций с модальным значением употребляется только с инфинитивом. В учебнике «A Comprehensive grammar of the English language» отмечается противопоставление значения потенциальности в конструкциях с инфинитивом и значения свершения в конструкциях с герундием при употреблении этого ФГ. Сравните:

He started to speak, but stopped because she objected. ‘Он начал говорить, но замолчал, потому что она возразила’. В этом примере потенциал действия не был реализован, говорящего прервали, и он не смог завершить свою речь.

He started speaking, and kept on for more than an hour. ‘Он начал говорить и продолжал в течение часа’. В этом примере акт речи длился непрерывно в течение определенного промежутка времени (1 час), т.е. действие было совершено (Quirk 1985, p. 1192).

Определенное влияние на значение ФГК имеет и тип второго компонента конструкции, который является ее лексическим ядром (Степкина 1980, с. 10). Так, в некоторых случаях длительный оттенок значения может проистекать из семантики второго компонента, например, когда он относится к семантическому классу состояний, т.е. обозначает соотнесенность с временным отрезком, а не с точкой во времени. К примеру, в предложениях типа *I start daydreaming about food* ‘я начинаю грезить о еде’, ‘*yemek hayalleri kurtmaya başlıyorum*’ (ментальное состояние); *I start to panic* ‘мне становится страшно’, ‘*Paniğe kapılıyorum*’ (эмоциональное состояние); *I begin to shiver* ‘Меня пробирает дрожь’, ‘*Titremeye başlıyorum*’ (физическое состояние). В данном случае сема длительности заложена в значениях глаголов *to daydream* ‘грезить’, *to panic* ‘паниковать’ и *to shiver* ‘дрожать’.

Эквиваленты значений ФГК с глаголами *to begin* и *to start* было решено представить через некоторые случаи «описательных» соответствий в русском и турецком языках. К нашей выборке применимы два таких случая. Первый случай реализуется на основе соответствия «лексема - лексема», когда «слово одного языка переводится на другой язык также посредством слова, однако объем последнего не совпадает с объемом первого» (Норман 1974, с. 144). Например, в турецком языке, глагол *koyulmak* ‘приниматься за что-либо’ помимо начинательного имеет и интенциональное (модальное) значение. Сравните:

Let's make a fire. Right now. I begin to gather branches and brush. ‘Давай разводить костер. Прямо тут, – говорю я и начинаю собирать ветки’. ‘*Ateş yakalım,*” diyorum. “*Hemen şimdi.*” Çali çırrı *toplamataya koyuluyorum*’.

По сравнению со значением приступа к действию в английском и русском варианте, в турецком переводе дополнительно подразумевается, что говорящий проявляет инициативу для выполнения действия.

Применительно к материалу нашего исследования случай лексемо-лексемного соответствия можно разделить на три подслучаи:

1) передача значения посредством глагольных конструкций, типа *стать* + инфинитив, *начать* + инфинитив, *стараться* + инфинитив в русском языке и конструкции с усеченным инфинитивом (масдаром) типа *-maya başlamak* ‘начинать’, *-maya koymak* ‘приниматься, пытаться’, *-maya çalışmak* ‘пытаться’ в турецком языке.

Согласно результатам наших наблюдений, значения, передаваемые ФГК с *to begin* и *to start*, менее чем в половине случаев переводятся на русский язык сопоставимыми глагольными конструкциями. В выборке с ФГ *to begin* практически все эти конструкции имеют начинательное значение. Иная ситуация регистрируется в выборке с ФГ *to start*, где начинательное значение наблюдается только в трети случаев.

В турецких эквивалентах ситуация является более однородной. Здесь более чем в двух третьих от всех случаев с ФГ *to begin* и в половине случаев с ФГ *to start* эквиваленты имеют начинательное значение. Ситуации, когда в конструкциях переводов имеется модальное либо результативное значения, являются единичными;

2) передача значения через средства аспектуального контекста (обстоятельства времени и образа действия);

3) передача значения лексическими конверсивами, т. е. словами и сочетаниями иного рода, такими как фразеологизмы, устойчивые выражения, существительные, причастия, конструкции с послелогами (в турецком языке).

Средства аспектуального контекста и лексические конверсивы могут передавать начинательное значение при том условии, если сема начинательности заложена в семантике лексемы. В нашей выборке таких лексем зарегистрировано не было. В соответствии с нашими наблюдениями, эти средства передают акциональное значение (значение способа протекания и распределения действия во времени), например, *I begin transforming back into myself* ‘я постепенно превращаюсь в себя’, *frogs begin to sing* ‘лягушки затевають свой хор’ и др. В переводах на русский язык удельный вес этих соответствий равняется примерно седьмой части выборки, в переводах на турецкой язык – десятой части выборки.

Вторым случаем является соответствие «лексема - морфема», в первую очередь, морфема грамматическая, т. к. корневая морфема в выбранных нами языках соответствует слову. В русском переводе сюда относится передача фазового значения видовыми формами и начи-

тельными способами действия. Их удельный вес составляет примерно половину случаев от всей выборки. В турецком варианте перевода это значение передается за счет семантики форм времени (форм настоящего длительного времени (*-iyor*), определенного имперфекта (*- yordu*), прошедшего субъективного времени (*-miş*)) и форм деепричастий времени (деепричастия на – *ken*, – *inca*) и образа действия (деепричастия на – *arak*, – *madan*). Эти средства занимают примерно треть от всей выборки.

С семантической точки зрения, все случаи лексемно-морфемного соответствия в нашей выборке передают акциональное (но не начинательное) значение. При этом необходимо оговориться, что вопрос о значении видовых форм носит дискуссионный характер. Даже если считать реальным наличие у формы несовершенного вида значения развивающегося процесса, а у формы совершенного вида – значения целостного действия (Малышева 2014, с. 232–234), о реализации семы начинательности речи не идет.

Таким образом, сема начинательности в исследуемых ФГК является одной из образующих семью структуру лексем *to begin* и *to start*. Помимо нее в этих ФГК наблюдаются и другие значения, которые могут являться факультативными и контекстообусловленными либо присущими исходной фазовой лексеме (случаи с ФГ *to start*). Согласно нашим наблюдениям, в переводах на русский и турецкий языки на передний план выступает не начинательное, а акциональное значение. Русским и турецким эквивалентам свойственны разные средства передачи указанных значений, непосредственно связанные с превалирующими для языка способами выражения семантики действия. Русские переводы романа в основном реализуют акциональную семантику через видовые формы и глагольные конструкции. В то же время для турецкого языка характерен способ репродукции начинательного значения через конструкции с усеченным инфинитивом (масдаром) типа *-maya başlamak* ‘начинать’. Этот способ и является доминирующим в переводах.

Такая частота употребления может свидетельствовать о том, что, по-видимому, в турецком языке значение начинательности более грамматикализовано по сравнению с русским и английским эквивалентами. Акциональное значение же передается через возможности видо-временных форм и деепричастий и регистрируется в третьей части переводов.

Анализ полученных данных позволяет заключить, что, по-видимому, сфера акциональности глагольного действия в целом является плохо подверженной грамматикализации, т. к. находится на стыке разных языковых категорий: вида (предельности / непредельности дей-

ствия), времени и модальности. Кроме того, особенности лексической семантики глагола могут оказывать влияние на реализацию фазовых значений.

Литература

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н.Н. Болдырев. – Изд. 2-е. – М. : Либроком, 2009. – 144 с.

Исащенко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким : в 2 ч. / А. В. Исащенко. – Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960. – Ч. 2: Морфология. – 570 с.

Малышева Е.Г. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология: учеб.-метод. комплекс / Е.Г. Малышева, О.С. Рогалева. – Изд. 3-е, стер. – М. : Флинта, 2014. – 328 с.

Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов; сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

Норманн Б.Ю. «Описательная» передача семантической специфики и универсальные грамматико-семантические потенции / Б.Ю. Норман // Проблемы семантики / И.Ф. Вардуль, Н.А. Дворянков, Л.В. Малаховский [и др.] ; отв. ред. В.М. Солицев. – М. : Наука, 1974. – С. 144–150.

Степкина Т.Н. Аспектуальные средства английского языка (функциональный подход): учеб. пособие / Т.Н. Степкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 54 с.

Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике: глагол и структура события / С.Г. Татевосов. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 368 с.

Тиунова С.П. Средства выражения фазовости в современном английском языке: учеб. пособие по спецкурсу / С.П. Тиунова. – Кемерово: КГУ, 1986. – 84 с.

Freed A. The semantics of English aspectual complementation / A. Freed. – Dordrecht; Boston: Reidel, 1979. – 172 p.

Givon T. The time axis phenomenon / T. Givon // Language. – 1974. – Vol. 49, № 4. – P. 890–925.

Quirk R. Complementation of verbs and adjectives / R. Quirk // A comprehensive grammar of the English language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech [et al]; index by D. Crystal. – London, New York: Longman, 1985. – Ch. 16. – P. 1147–1235.

**Дедова О.М.
Dedova O.M.**

*Воронежский государственный медицинский университет
Voronezh State Medical University*

**СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ОБЛАДАНИЯ
В ТЕКСТАХ МЕДИЦИНСКОГО ПРОФИЛЯ
THE SUBJECT-OBJECT STRUCTURE OF POSSESSION
IN THE TEXTS OF THE MEDICAL PROFILE**

Аннотация. Предметом исследования в данной статье является семантико-структурное устройство и особенности функционирования русских синтаксических конструкций со значением обладания в текстах медико-биологического профиля.

Abstract. The subject of the research in this article is the semantic and structural features of functioning of Russian syntactic constructions with the meaning of possession in the texts of biomedical profile.

Ключевые слова: грамматическая конструкция, посессор, обладание, объект, глагол, владеть, обладать, распоряжаться, располагать.

Key words: grammatical construction, possessor, possession, object, verb, to own, to possess, to dispose, to arrange.

Субъектно-объектная конструкция со значением обладания описывается нами как компонент микрополя семантико-функционального поля посессивности. Своеобразие отношений посессивности заключается в том, что они тесно связаны с другими типовыми значениями предложения (локализацией, качественной и количественной характеристизацией субъекта). Научный и практический интерес представляет реализация семантики обладания в одной из функциональных подсистем научного стиля современного русского языка – в медико-биологических текстах.

Конструкция с глаголом обладания (ядерный глагол – *иметь*) реализует разновидность субъектно-объектных отношений, которая выражается формулой: «посессор – обладание – объект». Здесь также встречаются и другие глаголы лексико-грамматического разряда обладания: *владеть, обладать, распоряжаться, располагать*, ср.: *Тонков располагал убедительными, многократно проверенными доказательствами* (Д. Гранин); *Этот человек обладал редкой способностью мыслить творчески* (Д. Гранин) и т. п. В личной активной конструкции посессор оформлен как подлежащее, а объект обладания – как прямое или косвенное дополнение: N – V – N2/4/5.

Сфера функционирования предложений с глаголом *иметь* по мере развития русского литературного языка сокращается: в ряде случаев конструкция с *быть* вытеснила предложение с *иметь* (Гак 1998, с. 593–595). Однако в научном стиле речи, в том числе в текстах медико-

биологического профиля, предложения данного типа представлены достаточно широко:

Баскетболисты при высоких значениях длины тела имеют меньший обхват груди, пловцы имеют укороченное туловище, длинные ноги, широкие плечи и суженный таз; К 3-4 годам 70-80% детей имеют вируснейтрализующие антитела против вируса герпеса I типа; Клеточные физиологические часы ЦНС не имеют стрелок – они координируют информационные и управляющие процессы.

Что касается лексического наполнения конструкции, то по субъектно-объектному типу чаще всего строятся предложения с ядерным глаголом *иметь*. В качестве посессора может выступать антропоним, а в качестве объекта – неодушевленный предмет: *Больные стенокардией всегда должны иметь при себе нитроглицерин*. Однако по отношению к одежде, еде, а также к тому, что бывает у человека «при себе», предложение с глаголом *иметь* не употребляется.

Конструкция с *иметь* уместна и применительно к человеку и его телу при рассмотрении какого-нибудь клинического случая, т. е. при анатомическом описании, например: *Этот больной имел одну почку*.

Для сообщения об объектах неотчуждаемой собственности данная конструкция используется, как правило, с инвертированным порядком слов: *Лицо она имела круглое и моложавое, глаза голубые*. По мнению многих исследователей, такие структуры нельзя отнести к каноническим субъектно-объектным конструкциям (Авилова 1976, с. 20). В них реализуются не отношения подлинной переходности, имеющей место в тех случаях, когда действие направлено на внешний объект (*Рабочие строят дом*), а отношения между предметом и его свойствами: *Она имеет способности к математике*. Переходность носит здесь ослабленный характер: действие, не будучи направлено на внешний объект, замыкается в сфере субъекта, вернее, какой-то его части. Поэтому все внимание в таких конструкциях сосредоточивается на характеристике одной из частей посессора: *Часть детей имеет более сильную рефракцию зрения*. Таким образом, структуры со вторым именным компонентом, имеющим значение неотчуждаемой принадлежности, на уровне типового значения могут быть истолкованы как одноактантные, передающие отношения «предмет и его свойство».

Предложения непредметного значения, относящиеся к микромиру человека, строятся по субъектно-объектной модели, если входящее в них существительное соотносимо с глаголом, прилагательным или перифразтическим оборотом: *Она имеет от меня секреты; Он имеет связи*.

В русском языке «разрешается» иметь следующие объекты: *сердце, совесть, способности, права, таланты, причуды, особенности*,

страннысти, привилегии, тот или иной нрав, вид, то или другое выражение лица, характер, гордость, доверие, презрение к кому-либо, понятие, представление, положение в обществе, сведения о чем-либо, соображения, мнение, точку зрения, профессию, знания, образование, цель, причину, основания, возможность, нужду, например:

В медицинском коллективе каждый работник имеет свой круг обязанностей; Судебный медик должен иметь представление об общих принципах рентгеновского изучения головы; Медсестра не имеет права рассказывать о симптомах и возможном прогнозе заболевания; Обычно человек не имеет к ним ключа доступа.

*Употребление глагола *иметь* в высказываниях об объектах динамического, событийного типа окказионально; оно допустимо лишь по отношению к межличностным событиям (*разговор, спор,ссора, столкновение, совет, совещание, дискуссия, обсуждение*), например: Врач имел с пациентом доверительный разговор.*

Нельзя иметь следующие объекты: стирку, уборку, ремонт, лекции, экзамены, собрания, репетиции, просмотры, соревнования (Арутюнова 1983); в таких ситуациях регулярно используются локативно-посессивные предложения.

*В современном русском языке глагол *иметь* часто употребляется с неодушевленными поессорами. Мы можем сообщить о наличии определенной части предмета, его свойстве, качестве, параметрах и т.п., например:*

Нижние резцы имеют по одному тонкому корню; Грудная полость имеет 2 отверстия: верхнее и нижнее; Аппарат эхокардиограф имеет ультразвуковой датчик с пьезокристаллами; Клетки органов и тканей имеют специфические рецепторы для каждого данного гормона; Каждый аппарат для аусcultации имеет свои индивидуальные акустические артефакты; Второй шейный позвонок имеет зубовидный отросток.

*Большая вероятность именно субъектно-объектного оформления предложения обладания с неодушевленным субъектом существует в тех случаях, когда объект представляет собой его физически неотторжимую часть. При этом существительные, с которыми ассоциируется прежде всего понятие места, в субъектно-объектных предложениях обладания обычно не употребляются; ср., например, неестественность предложения *Сад имеет много фруктовых деревьев.*

Наиболее широко представлены в медико-биологических текстахperiфразистические обороты «иметь + (определение) объект»:

иметь значение: В патогенезе плевритов большое значение имеет реактивность организма; Лабораторные исследования имеют лишь

вспомогательное значение; Особое значение имеет улучшение настроения больных;

иметь характер (характеристику): При герпетической инфекции слизь имеет характер группирующихся пузырьков; При хроническом бронхите одышка имеет смешанный характер; Края вертикальных трещин имеют разрывной характер; Нарастающий характер имеет пресистолический шум;

иметь признаки: На малоберцовой кости концы отломков имеют аналогичные признаки; Края такого перелома по всей поверхности имеют признаки сжатия;

иметь форму: Костные фрагменты последующих уровней имеют неправильную трапециевидную форму; Деформируемый участок кости имеет овальную форму; Гиперстеническая грудная клетка имеет форму цилиндра; Почки имеют бобовидную форму;

иметь вид: Край перелома на внутренней костной пластинке нередко имеет лезвиеобразный вид; Сами переломы имеют косой или косопоперечный вид;

иметь контур / траекторию / ориентацию / поверхность / размеры / массу и т.п.: Звездчатые диплоэтические каналы имеют извилистые контуры; Общая зона разрушения кости имеет косую траекторию; По своему направлению главные растягивающие и сжимающие напряжения имеют вертикальную ориентацию; Кости могут иметь выпуклую поверхность; Агглютинины имеют малую массу;

иметь цвет / окраску / вкус / запах / звучность: Вначале геморрагические высыпания имеют красный цвет; Сыворотка крови больного имеет желтоватую окраску; Эти вещества имеют сладкий вкус и применяются в качестве заменителя сахара; Шум трения перикарда может иметь различную звучность;

иметь место: Переломы описанного характера имеют место при повышенной хрупкости кости; При всех формах умственной недостаточности имеет место и речевое недоразвитие.

2. Семантическая субкатегоризация значения обладания, выраженного глаголами *владеть*, *обладать* и *располагать* также связана с употреблением в объектной позиции имен различной семантики. При заполнении данной позиции именами конкретной семантики выражается значение реального обладания, фактического владения.

В предложениях с глаголом *владеть* и конкретно-предметным именем в объектной позиции посессивная ситуация предстает в сфокусированном виде (в большей степени, чем в высказываниях с *иметь*). Глагол *владеть* в отличие от нейтрального *иметь* предполагает для посессора право пользоваться объектом обладания, т. е. использовать его по назначению в своих интересах, получать от него какую-то выгоду

для себя. В этом значении глагол *владеть* может сочетаться, например, с наречием *законно / незаконно*. Возможно, поэтому данный глагол не используется в сочетании с именами конкретной семантики, обозначающими лицо, часть целого и в сочетании с другими именами (Копров 1983; 2016, с. 247–257).

Глаголы *владеть* и *обладать* употребляются и с некоторыми абстрактными существительными типа *тайна, способ, метод* (*владеть тайной*), и с существительными, указывающими на свойство посессора (*обладать талантом, необыкновенным голосом, абсолютным слухом, изысканным вкусом* и т. п.):

Клетки многих ядер гипоталамуса обладают нейросекреторной функцией; Часть нейронов пищевого центра обладают хеморецепторной чувствительностью к некоторым веществам и гормонам крови; 80% людей старше 60-ти лет обладают сниженной вкусовой чувствительностью; Женщины всех возрастных групп обладают лучшей чувствительностью, чем мужчины; Сестры при изучении данной ступени сестринского процесса должны владеть навыками специализации; Врач обязан владеть тонкими медицинскими манипуляциями; Поликлиники располагают комплектно-табельным оснащением, транспортом, радиостанцией.

Отношение обладания может рассматриваться не только как состояние, но и как процесс. В этом случае в русском языке употребляются динамические посессивные глаголы, обозначающие приобретение или утрату объекта: *получить, приобрести, достать; утратить, потерять*:

Тоинота иногда приобретает условно-рефлекторный характер; Уже на границе зон разрыва и сдвига излом приобретает пилообразный контур с наклоном зубцов навстречу магистральной трещине; Переломы утрачивают первоначальную морфологическую картину; При фиброзной дисплазии костная ткань почти утрачивает эту функцию; В легких карбогемоглобин теряет CO₂.

В работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой наряду с «чистой» ситуацией владения рассматривается ситуация «агенс сохраняет / изменяет имущественную принадлежность объекта» (Волохина 1999, с. 120). Схемы, описывающие данную ситуацию, следуют устройству схем воздействия агенса на объект и несамостоятельного перемещения объекта в пространстве. Типовые глаголы в таких ситуациях следующие: *хранить* (иметь объект), *брать* (начинать иметь объект), *давать* (переставать иметь объект). В схеме «кто хранит (имеет) что» в основном используются глаголы деятельности по сохранению имущества и по выполнению каких-либо других операций в отношении имущественных ценностей: *держать, хранить, беречь, защищать,*

караули́ть, т. е. говорящий интересуется не столько фактом обладания объектом, сколько выполнением определенных функций по отношению к нему: *В одной руке старичок держал клеенчатую хозяйственную сумку, а в другой – толстую палку с серебряным набалдашником* (Иванов). *Хорьку с крысами справиться недолго, а нам он сохранит продукты* (Чаплина).

Значение динамического обладания передается и предложениями типа N3 – V – N1/2 с глаголом *доставаться* или с пассивным причастием от глагола *дать*: *Последнему больному лекарства не досталось; Эксперимент проведен, нам дан лишь результат* (Знание – сила).

Однако выражающееся этими предложениями значение не изосемично: во втором примере оно складывается из трехактантного значения «агенс – действие – объект – адресат», значения обладания объектом, возникающего у адресата в результате действия неопределенного агента, а также значения принадлежности объекта посессору.

Литература

- Авила Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н.С. Авила. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
- Арутюнова Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М., 1983. – 198 с.
- Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж, 1999. – 131 с.
- Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
- Копров В.Ю. Выражение отношений обладания и принадлежности в современном русском языке. Методическая разработка для занятий по грамматике с иностранными учащимися / В.Ю. Копров. – Воронеж: ВГУ, 1983. – 24 с.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 348 с.

**Зозуля А.В.
Zozulia A.V.**

*Университет Пари-Эст Марн-ла-Валье (Франция)
Université Paris-Est Marne-la-Vallée (France)*

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОТОЖДЕСТВИТЕЛЬНО-
ПРЕДМЕТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ)**

**SYNTACTIC REQUIREMENTS FOR EXPRESSION OF METAPHORS
(IDENTIFYING SUBSTANTIVE CLAUSES IN FRENCH, AS AN
EXAMPLE)**

Аннотация. Статья посвящена изучению метафорических отождествительно-предметных предложений, которые создают синтаксические условия для формирования метафорического осмысления действительности. Также исследуются типы метафорических единиц, которые используются в качестве сказуемого в изучаемом типе предложений.

Abstract. The article studies metaphorically used identifying substantive clauses which form syntactic conditions for metaphoric reflection of reality. Also, the paper analyses the types of metaphoric units functioning as predicates in these sentences.

Ключевые слова: метафорическое отождествительно-предметное предложение, усложненный механизм отождествления, типология метафор.

Key words: metaphorically used identifying substantive clauses, complicated mechanism of identification, metaphor typology.

Метафора занимает важнейшее место в осмыслении человеком окружающего мира, осуществляя осмысление более сложного для когниции именования через нечто более наглядное, доступное для понимания. По своей познавательной природе метафора является способом освоения абстрактного, сложного знания методом аналогического моделирования. Она «помещает имя в несвойственное ему предметное и контекстуальное окружение» (Никитин 2001, с. 31) и основывается «на категориальном сдвиге значения» (Рахилина 2000, с. 143), т. е. реализуется «в условиях нарушения категориальных границ» (Арутюнова 1990, с. 81).

Интерес для лингвистов представляют различные аспекты изучения метафоры, в том числе механизм синтаксического функционирования метафоры. В связи с этим объектом нашего исследования являются следующие французские предложения, в рамках которых функционирует метафора: *La famille est l'école de sympathie, de plaisir et de douleur en commun* (H-F. Amiel) – Семья – это школа общей симпатии, удовольствий и боли; *Le silence est un ami qui ne trahit jamais* (Confucius) – Молчание – это друг, который никогда не предаст; *Notre cerveau et notre coeur sont nos temples* (Dalaï Lama) – Наш мозг и наше сердце – это наши храмы.

Целью настоящей статьи является изучение синтаксических условий употребления метафор в качестве сказуемого на примере изучаемых

французских предложений и установление типов метафор, которые используются в рамках этих предложений. Материал для анализа взят из произведений французских писателей, ученых, из периодических изданий.

Для установления синтаксического механизма формирования метафоры мы обратимся к характеристике типа предложения, в рамках которого происходит возникновение метафорических отношений. Для этого мы опираемся на семантико-функциональную классификацию предложений, предложенную А.М. Ломовым (Ломов 2007) для русского языка и верифицированную на материале французского языка (Алексеева 2014; 2015; Щербакова 2010).

Так, Е.А. Алексеева относит интересующий нас тип предложений в общем виде к разряду двусоставных отождествительно-предметных предложений (*Il est mon frère – Он мой брат*), функционирующих на основе механизма отождествления. Механизм отождествления предполагает, что один предмет, заключенный в подлежащем, обозначающий некоторое понятие, определяется посредством отождествления его с другим предметом, заключенным в сказуемом, номинирующим его опредмеченный признак. В рамках этого разряда предложений выделяются конструкции, в основе которых лежит усложненный механизм отождествления, предполагающий соотнесение двух предметов, не являющихся рядомоположными. В их числе исследователь выделяет метафорические отождествительно-предметные предложения с усложненным механизмом действия, которые являются объектом нашего исследования (Алексеева 2008). В данных высказываниях говорящий, опираясь на свои ассоциативные возможности, способности к переосмыслинию, приводит в соответствие предметы, принадлежащие разным логическим рядам, сближая их как рядоположные. Результатом такого отождествления, основанного на категориальном «сдвиге», является объединение двух объектов, которые непосредственно не связаны друг с другом, на основании какого-то вновь выделенного признака и включение их в категорию, к которой они не могли бы быть отнесены на рациональном основании. Таким образом, синтаксическими условиями возникновения метафоры можно считать сферу отождествительно-предметных предложений с усложненным механизмом отождествления.

Операции отождествления и аналогии, являющиеся отправной точкой для создания метафоры, становятся возможными только благодаря человеческой практике. Человеку свойственно переносить на еще не познанный предмет, явление или действие наименование подобного предмета, знакомого ему из практической деятельности. Благодаря этому происходит соединение известного с неизвестным. Роль метафоры состоит в том, что она, являясь сравнением, помогает человеку в процессе познания окружающего мира. Сравнение не только необхо-

димо для познавательной деятельности человека, но и тесно связано с ней. Метафора возникает, в основном, неожиданно, а в своей сущности она как языковое явление имеет гносеологическую основу, являясь языковой формой выражения логических операций отождествления и аналогии. Из этого следует, что метафоры появляются в языке с объективной необходимостью. Метафора – это и средство, и результат познавательной деятельности человека, она появляется в результате переноса названия по подобию. Таким образом, для создания метафоры необходимо, чтобы оба сравниваемых предмета имели какие-то сходные стороны, черты.

Типология метафор во французском языке достаточно широко изучалась в лингвистике. Часто типы метафор устанавливаются учеными исходя из принципа исчезновения образности (стилистические / лингвистические; живые / ослабленные / мертвые (стершиеся) или в зависимости от типа ассоциаций, принимающих участие в установлении отношений подобия между сближаемыми предметами (персептуальные, синестезические, аффективные, антропосемиические) (Балли 2001; Quellet 2000; Prandi 2002).

Мы в своей работе анализируем типы метафор, используемых в изучаемом типе предложений, с опорой на классификацию метафор, предложенную Е.А. Алексеевой, в которой присутствуют две основные группы метафор.

К первой группе относятся высказывания, которые построены на базе «угасших» метафор, связанных с языковыми привычками представителей языкового коллектива. Это чисто лингвистические метафоры, которые являются неотъемлемым участником процесса человеческого общения, их употребление зафиксировано в словарях. Людям, владеющим одним языковым и культурным фондом знаний, не составляет труда понять лингвистическую метафору. В высказываниях этой группы метафора употребляется в «стёршемся виде» и предполагает выведение на поверхность ее потенциальной семы. Достаточно часто в подобных конструкциях в роли предикатов встречаются следующие слова:

1) слова-зоонимы: *Tu es chétif mais pas trop sinon tu serais pas beau et là tu es beau, ourson tout mignon, ho!* (G. Levil);

2) слова-названия родственников: *Aristophane fut le père de la comédie grecque* (Label France); *Le succès fut toujours un enfant de l'audace* (Le Figaro); *La paresse est la mère miraculeuse du travail... parce que le père est totalement inconnu* (G. Feydeau); *L'avarice est la mère de tous les maux* (Proverbe français); *La hâte est la mère de l'échec* (Hérodote); *Le bonheur et l'absurde sont deux fils de la même terre* (Hérodote); *L'échec est la mère du succès* (Proverbe chinois); *La discipline est la mère du succès* (Eschyle); *Le silence est un ami qui ne trahit jamais* (Confucius);

3) обозначение учителя, наставника: *Le succès est un mauvais professeur. Il pousse les gens intelligents à se croire infaillibles* (B. Gates).

Ко второй группе метафор, употребленных в отождествительно-предметных высказываниях, относятся собственно-метафорические индивидуально-авторские высказывания. Для них характерным является то обстоятельство, что они могут существовать только в рамках контекста, так как являются творением отдельных авторов, и, вследствие этого, порой их достаточно сложно воспринять. Такие особые, специфичные метафоры не являются частым участником повседневной жизни человека, их можно встретить в произведениях писателей, наделенных особым восприятием мира. Когнитивная обработка соотносимых понятий в таких высказываниях осуществляется на достаточно сложном сходстве. Это связано с тем, что метафоры в данной группе строятся при помощи неожиданного, неавтоматического переосмысливания наших знаний о мире:

Dea Loher est une sorte de Dostoïevski grandi dans le monde de l'absurde (Le Point); *Moi aussi je suis un Charlie, lance le Gaulois au casque ailé en envoyant dans les airs un personnage portant des babouches* (Le Point); *En témoignent les propos tenus par Joseph Lawton Collins, ambassadeur des États-Unis au Sud-Vietnam en 1954: "Son frère Nhu et sa mègère d'épouse étaient réellement le pouvoir derrière le trône et en vinrent à dominer Diêm du point de vue politique"* (Le Point); *Il m'avait aussitôt rendu les vicissitudes de la vie indifférentes, ses désastres inoffensifs, sa brièveté illusoire, de la même façon qu'opère l'amour, en me remplissant d'une essence précieuse: ou plutôt cette essence n'était pas en moi, elle était moi* (M. Proust); *Le cinéma, c'est mon école* (lexpress. fr); *Le dictateur soviétique lui répond: "Ah, c'est notre Himmler, c'est Beria!"* (Le Point); *Tu es la reine de mes jours*, la reine uncontestede de l'amour fou (G. Levil); *Le plaisir est le bonheur des fous, le bonheur est le plaisir des sages* (J. B. d'Aurevilly); *L'avenir d'un enfant est l'œuvre de sa mère* (N. Bonaparte); *Le bonheur est le sourire du cœur* (D. Lamotte); *Le ciel est le pain quotidien des yeux* (R.W. Emerson); *Le luxe est le pain de ceux qui vivent de brioche* (A. Suarès); *L'honnêteté, la sincérité, la simplicité, l'humilité, la générosité, l'absence de vanité, la capacité à servir les autres — qualités à la portée de toutes les âmes — sont les véritables fondations de notre vie spirituelle* (N. Mandela); *Véritable bourreau des trotskystes sous l'ère Staline est Beria qui est même accusé d'être un sympathisant trotskiste* (Le Point); *Grand arpenteur de la France, François Hollande en connaît le moindre canton. Mais est-il un homme de racines?* (Le Point); *Notre cerveau et notre cœur sont nos temples* (Dalaï Lama); *Le travail c'est la santé, ne rien faire, c'est la conserver* (H. Salvador).

Как видно из проанализированных примеров, отношения между двумя предметами (лицами), построенные на основе метафорического осмыслиения, представляют собой высшую степень абстракции, они не всегда очевидны, зачастую с трудом поддаются расшифровке, так как не имеют специальных маркеров и могут быть установлены только на основе анализа контекста. Точное определение данных отношений представляется важным не только для понимания содержания произведения, но и для адекватной передачи замысла автора при осуществлении перевода. Здесь необходимо учитывать целый комплекс факторов, включающий в себя проведение предпереводческого анализа текста, изучение национально-культурной специфики реалий, положенных в основу метафоры, определение имплицитных и эксплицитных составляющих (Алексеева 2001; Зырянова 2010; Булгакова 2013).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что метафорическое именование предмета или лица осуществляется в результате процесса отождествления, соотнесения его свойств со свойствами других предметов на основе сходства, определяемого на высшем уровне переосмыслиния, и находит свое языковое выражение в форме отождествительно-предметного предложения метафорического типа. При этом языковая единица с метафорическим значением выступает в синтаксической функции сказуемого отождествительно-предметного предложения, которая позволяет реализовывать различные типы метафор. Детализация и уточнение типов метафор в позиции сказуемого отождествительно-предметного предложения представляется перспективным направлением для дальнейших исследований.

Литература

Алексеева Е.А. Допереводческий анализ текста как способ формирования навыков понимания / Е.А. Алексеева // Перевод: язык и культура. – Воронеж, 2001. – Вып. 4. – С. 7–8.

Алексеева Е.А. Синтаксические способы выражения значения отождествления в русском и французском языках / Е.А. Алексеева // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы филологии и межкультурная коммуникация на современном этапе». – Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 2008. – Т. 1. – С. 36–43.

Алексеева Е.А. Механизм пассивно-процессной квалификации как основа функционирования пассивно-процессного предложения французского языка / Е.А. Алексеева, А.В. Щербакова // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 49–54.

Алексеева Е.А. К выделению класса реляционно-предметных предложений (на материале французского языка) / Е.А. Алексеева // Романистика в современном мире: традиции и новации. – Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 329–335.

- Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Тождество и подобие, сравнение и идентификация. – М., 1990. – С. 7–32.
- Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: УРСС, 2001. – 392 с.
- Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук / С.Ю. Булгакова. – Воронеж, 2013. – 226 с.
- Зырянова М.В. Константы русской культуры в пьесах А. П. Чехова и в их переводах на французский язык / М.В. Зырянова // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 94–108.
- Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису русского языка / А.М. Ломов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 416 с.
- Никитин М.В. Концепт и метафора / М.В. Никитин. – СПб., 2001. – 265 с.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Рус. словари, 2000. – 416 с.
- Щербакова А.В. Структурно-семантические и функциональные особенности пассивно-процессных предложений во французском языке / А.В. Щербакова // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 100–108
- Quellet P. La métaphore perceptive. Eidétique et figurativité / P. Quellet // Languages. – 2000. – № 137: Sémiotique du discours et tensions rhétoriques. – P. 16–28.
- Prandi M. La métaphore: de la définition à la typologie / M. Prandi // Langue française. – 2002. – № 134. – P. 6–20.

Иванова-Мицевич И.В.

Ivanova-Mitsevich I.V.

Минский государственный лингвистический университет

Minsk State Linguistic University

**ASPECTS OF SENTENCE MEANING CREATION
(INTEGRATIVE APPROACH)**

**АСПЕКТЫ ПОСТРОЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНТЕГРАЛЬНОГО СИНТАКСИСА**

Аннотация. Предложение является одним из основных средств передачи информации о картине мира. Для того чтобы выполнять эту функцию, предложение должно обладать потенцией отсылки непосредственно к самой картине мира (дениотативной области) и в то же время допускать возможность своей интерпретации. Интерпретационная структура предложения (сигнификат или пропозиция) – это результат объединения двух бинарных категорий, актуализирующих денотативную область как динамическую или статическую и направленную или не направленную. При этом денотативная область и пропозиция рассматриваются как неизоморфные структуры, что предполагает наличие механизма их соотнесения, отвечающего за вариативность формы и семантики предложения. Этот механизм отвечает за сигнификативное представление денотативной области и предполагает

гает выбор ракурса отражения денотативной области, т. е. наиболее значимого для говорящего компонента картины мира, определение способа пропозиционального отражения, т. е. выбор одного из каждой пары бинарных сигнификативных категориальных признаков, а также определение исходной точки отражения денотативной области посредством пропозициональной структуры. Полученная в результате данных операций семантическая конфигурация предложения актуализируется далее в виде предложения, оформленного согласно морфологическим и синтаксическим правилам, а также нормам лексического употребления, принятым в том или ином языке.

Abstract. A sentence is considered as a means to transfer information about certain state of things. To perform this function a sentence should refer to a state of things (denotational field) and be interpretable. Interpretational structure (signification) is a result of connecting two binary interpreting categories representing denotation as dynamic / static and directed / undirected. Denotation and signification are not identical. This presupposes existence of a mechanism for their coordination, which is responsible for formal and meaningful variability of sentences. This mechanism gives the denotational components and their relations signification functions. It includes: choosing a viewpoint of the denotational field, defining the signification categories and connecting them into a proposition, selecting a component of the situation to be most important, and finally giving signification functions to other denotational components, selected for presentation. The meaning of a sentence received as a result is subjected to morphological and syntactic rules and rules of lexical use.

Ключевые слова: денотативная область, сигнификативная структура (пропозиция), центр эмпатии, фокус интереса говорящего, семантическая конфигурация предложения, вариативность предложения.

Key words: denotational field, signification (proposition), center of empathy, the focus of speaker's interest, semantic configuration, variability of the sentence.

Communication may be considered as the central activity in the human life because its aim is to organize all other activities. In the process of communication the communicants present to each other their visions of actual situations they are involved in. Language being the main means of communication should provide certain mechanism that permits us to produce necessary stimuli or units that can transfer the information we want. This mechanism helps to create different units each having their own function. As it was shown by the stratification grammar (Lamb 1966) the function of the unit which we call a sentence is to give the speaker's partner information about a certain state of things.

A sentence performs its function by representing the structure of some state of things or in other words situation. Usually the sentence meaning is thought to be a replica of a situation (Fillmore 1968). But there are some logical and communicative difficulties that do not allow us to accept such interpretation of a sentence meaning.

Logically, this interpretation means that there should be as many sentence structures as there are types of situations. But actually sentence struc-

tures are not so numerous and if we take all formal and meaningful differences their number does not exceed a dozen in any language. This number is far less than necessary to reflect all possible structures of state of things.

From the communicative point of view the problem lies in the fact that such interpretation does not permit us to represent new types of states of things which mankind may encounter (Bogushevich 1997). For understanding each other the communicants must have common structures but a new type of state of things yet does not have a structure for itself. A structure for it should be invented by speaker. But how the listener may interpret it since the listener does not possess the appropriate structure?

Thus we cannot accept the idea that the structure of a sentence meaning is the replica of the structure of the state of things. At the same time it means that we have to solve another problem, the problem of creation of the sentence meaning. As a sentence is used in communication to pass our knowledge of the universe to others its meaning should be a result of correlation of at least two structures. One of them is the structure of our knowledge about the state of things (denotational field) and the other is a structure of our logics (signification). These two structures have different origins and functions. The former structure is the result of our interaction with the environment and its function is to arrange in a certain order the impacts of the world. The latter is our evolutionary heritage and its function is to organize our knowledge so that it could be prepared to be transferred to others.

Before describing the mechanisms of creating the sentence meaning, or in other words regulations of coordinating the structures mentioned above, it is necessary to sketch the structures themselves and procedures of their modeling for analysis and further synthesis.

The simplest and easiest procedure for our analysis is introspection. But this method may be questioned as not objective enough. It is especially important for the sentence meaning analysis because the rules of correlating the state of things and the logical structures differ from language to language. This fact makes the use of introspection inadequate for research in human communication.

On the other hand we can employ the results of research in the field of meaning done by linguists for centuries. First of all these are different sorts of dictionaries. They comprise generalized representation that speakers of the language worked out in their culture. The dictionaries might be used as a touchstone to verify our conclusions about the structures of the states of things.

Secondly, it is possible to use grammars of the language we analyze. These grammars usually comprise a number of tests that may be employed to verify our ideas about the structures of our logics. These methods permit us to describe the structures that are employed in creating the sentence meaning.

The structure of the denotational field is the result of our ordering the signals from the environment including the interaction with others. It may be treated as a generalized and abstract picture of the world. This picture is not stable but movable. We may change it and sometimes radically. We may substitute its elements, establish new relations within it. We may present this picture from different points of view as it is necessary for our needs in communication. All these processes should be analyzed and described by psychotherapy and psycholinguistics.

Our linguistic aim is to find what in the structure of language gives speakers the possibility to present a state of things in different ways. We also should find out how the language system operates to meet the needs of speakers. Describing the structure of a state of things through analysis of sentences and verifying it with the help of dictionaries we fix elements of the moving picture of the world and present them as idealized entities for further investigation.

Denotational field is the ontological contents that should be somehow ordered to be presented linguistically by a sentence. This logical-cognitive implementation for the needs of communication is performed by the significational sphere. This significational sphere (or just signification for simplicity) contains a number of logical cognitive categories employed to arrange the relations existing in the denotational field for presenting the latter in the sentence structure, so that it could be understood by the receiver. Receiver can understand the sender only if both of them possess common properties in their interpretational systems. These common properties might be treated as universals, shared by all the representatives of mankind and regarded as their evolutionary heritage. Existence of these universals enables the human beings to use a specific system of interaction – language and makes it possible for any human being to acquire the native language and learn any number of foreign languages and use them to organize cooperation with other human beings. These universals are – dynamics/statics, directiveness/nondirectiveness. They could be organized into two categories based on two basic oppositions: category of “process” which is established on the opposition dynamics/statics and category of “relation” established on the opposition directiveness/nondirectiveness.

The significational sphere of a sentence comprises elements and relations between them. The elements might be equal or unequal in the relation binding them. It is reflected in the ability of elements to exchange their places in a sentence or not. In case they cannot exchange their position the relation is ordered (directed). If the elements may exchange their positions and the meaning is not altered the relation is unordered (nondirected). This parameter can easily be tested by an attempt to exchange elements in the sentence, e.g.: 1) *John resembles Mike* is the same as *Mike resembles John*;

2) *John takes the book* is not the same as *The book takes John*. In the sentence (1) the relation is nondirected, while in sentence (2) it is directed.

Change of the position of a word in a string is characteristic of English and other languages that have no noun case. In languages that possess cases (e.g. Russian or German) it is necessary to exchange the cases, e.g. Accusative instead of Nominative and visa versa.

The other parameter of the significational sphere describes the property of the relation itself. The relations presented in the sentences may be either static, i.e. not developing with time, or dynamic, i.e. changing with time. The grammatical tests to identify the features of this parameter vary with languages. In English we can use three tests. First we should try is to use the question of the type – What happens? If the sentence can be used as an answer to this question we may say that it describes some process and the relation in it might be considered as dynamic, e.g.: What happens? – *John eats an apple*. Then we may try to use the predicate verb in the form of Continuous, e.g.: *John eats an apple*. – *John is eating an apple*. And finally we may insert an adverbial indicating the degree of force or velocity, e.g.: *John eats an apple*. – *John quickly eats an apple*. In case none of the tests gives positive results the sentence should be considered as representing the static relations, e.g.: *John has a book*. This sentence cannot be used in none of the contexts listed above.

In other languages the number of tests might be different because not many of them have forms comparable with the English grammatical form of Continuous.

In order to be understood the speaker has to qualify every state of things that is subjected to representation in the sentence as possessing a characteristic feature of both parameters, i.e. a sentence should show either dynamic or static relation and at the same time it should be either ordered or unordered, e.g.: a) non-directed and static – *John resembles Mary*; b) non-directed and dynamic – *John meets Mary*; c) directed and static – *John has a house*; d) directed and dynamic – *John eats an apple*.

Having defined the structure of the denotational field and the parameters of the signification we can now discuss the problems of their coordination.

Before structuring a sentence the speaker has at his disposal the structure of the state of things, in other words information about the reality that he wants to pass to his / her partner in communication. The speaker also has two binary parameters which are to be employed to form this information so that it could be presented linguistically in the sentence. It should be noted yet that a sentence is built not just to be built. Any sentence is produced so that it may help the speaker to achieve his/her aim in communication. Foreseeing possible effects that his/her sentence may make, the speaker chooses from the scope of all elements and relations that exist in the state of things

those that comply with his/her communicative aims. At the same time the speaker selects the logical parameters to reflect this state of things in a sentence. Here it is worth to mention that the speaker seems to be free to choose a combination of logical parameters to present the state of things. For example, the state of things concerning certain features of my car might be presented either dynamically, e.g.: *My car runs quickly* or in the static manner, e.g.: *My car is quick*.

The state of things concerning resemblance of people may be presented either as unordered relation, e.g.: *John resembled Mary. – Mary resembled John* or as ordered, in case we have a certain ontological and cultural hierarchy of elements in the state of things, e.g.: *John resembled his mother*, but it is hardly possible to say *John's mother resembled him*.

The examples given above show that variability of presenting a state of things might be done by altering logical parameters of a sentence.

At the same time in case the logical parameters are the same, variability might be achieved by employing different lexical units. For example, the state of things concerning informing somebody about some other state of things, say, somebody's arrival, can be the background of two different sentences organized on the same logical principle (dynamic plus ordered), but different in wording, e.g.: *John told Mary that Mike arrived. John informed Mary about Mike's arrival*. These reasons of variability are quite evident. In this or that way they were analyzed and described by a great number of scholars and some of them are even included into textbooks in language teaching for natives and foreigners.

The problem is how to explain the variability of the sentences with identical wording. The answer to this question might be found if we analyze the manner of the situation and the proposition coordination. The compositional syntax (Bogushevich 1997) assumes that there are two mechanisms of performing this coordination. One makes it possible to refer a certain proposition to the situation to be represented. It is done by filling in the places in the proposition by the components of the situation. The other mechanism is responsible for coordination of the relationships within proposition and situation. This coordination is done by placing a certain component of the situation in the first argument position in the selected propositional structure (center of empathy). This operation is responsible for the manner of reflecting the situation by the propositional structure, and thus the variability of the sentence, e.g.: *John cut the bread with the knife into slices*. – the centre of empathy in this sentence is on the Doer (*John*), if the centre of empathy is placed on the Tool (*knife*) the sentence has the following form – *John's knife cut the bread into slices*. It's also possible to place the centre of empathy on the Object (*bread*) and receive a sentence – *The bread cuts into slices easily*. But it is impossible to place the centre of empathy on the Result (*slices*) without

radical change of grammatical and/or lexical properties of the sentence, e.g. *The slices are cut off the bread.*

Nevertheless, the problem of variability of the sentence structure is not as simple as it may seem from the first sight. We may find sentences which reflect one and the same state of things, one and the same logical parameters, the same center of empathy and the same wording, but still different syntactic properties. The very fact of their coexistence proves that there should be some meaningful difference between them, because language does not permit existence of absolute synonyms. And still they exist and are quite numerous, e.g.: 1) *John gave Mary a book before the exam. – John gave a book to Mary before the exam;* 2) *John sent Mary a present on the occasion of her birthday. – John sent a present for Mary on the occasion of her birthday.*

Let's take for a detailed analysis the first pair of the sentences. Both sentences refer to the same state of things concerning transference of objects from one person to another. Both sentences are organized according to the same logical parameters (dynamic and ordered). In both sentences we observe identical wording. In both sentences the position of comment is occupied by the adverbial modifier of time. But still these sentences have different formal presentation. The difference is in the fact which of the elements of the state of things structure occupies the position immediately after the predicate – *a book* or *Mary*.

Our analysis of a number of English sentences has shown that in the structures of this type only this position is variable. Thus we may conclude that variation in this very position is the source of the semantic difference of the sentences. The choice of a denotational element to be presented in this position totally depends upon the speaker and his/her interest, namely upon his/her evaluation of the elements of the denotational field, i.e. what the speaker thinks to be the most important. Thus this element may be considered as presenting “the focus of speaker’s interest”.

The focus of speaker’s interest is one of the most important instruments used by the speaker to produce variants of presentation of a certain state of things in a sentence. For example, variants of presenting the denotational field of verbal informing in the sentences like *John talked to Mary*, *John and Mary talked*, *John and Mary talked to each other* are caused by difference in elements that the focus of speaker’s interest is placed on. The first sentence reflects the process of verbal informing so that the focus of speaker’s interest is laid upon one of the participants. In the second sentence the focus of speaker’s interest rests upon the very fact of the process. And in the third sentence the bilateral character of the process of verbal informing is in the focus of speaker’s interest. Selection of different elements for the focus of speaker’s interest may also determine formal differences of sentences

presenting a certain denotational field. For example, difference between the sentences like *John told Mary something* and *John said something to Mary*, namely appearance of the preposition “to” before the addressee when the verb “to say” is used and absence of the preposition when the verb “to tell” is employed is caused by different semantic configurations underlying these sentences. The difference between the semantic configurations of the sentences above is caused by selection of different elements for the focus of speaker’s interest and thus different ways of significational embodiment of one and the same denotational field. In the first sentence with the verb “to tell” the focus of speaker’s interest is placed on the addressee while in the sentence with the verb “to say” it is on the object.

Generally, variability is the instrument of the speaker with the help of which he/she shows a specific way of his/her attitude to what he/she represents. From that follows that the most variable position is reserved for such elements of the state of things structure which the speaker views as the most important. We have to stress that the element in this position is the most important namely for the speaker and its choice is made neither on the communicative reasons because for that there is a comment, final position the sentence, nor on the grammatical reasons because the syntactic function of this position does not change.

Finally we may conclude that sentence meaning is based on the principle of coordination of two spheres: the sphere that reflects our knowledge of reality, i.e. state of things structures, and the sphere of logical processing the state of things structures. The mechanism of creating the sentence meaning consists in the following: 1) the speaker chooses from a certain state of things structure elements and relations among them which he wants to represent in a sentence; 2) among these elements the speaker selects an element which he/she considers to be most relevant and important; 3) the speaker selects the adequate logical parameters and organizes the state of things elements according to these parameters so that the most important element may occupy the position immediately after the predicate in the formal representation of the sentence.

As a result, the system of creating the sentence semantics can be represented in the following way. The speaker while perceiving and categorizing a fragment of reality forms a model of it, i.e. a denotational field. This model includes most abstract ideas about the objects of the reflected fragment of reality and possible relations binding them. In the process of creating a sentence for transferring knowledge of the reflected fragment of reality to the partners in communication the speaker selects minimal number denotational elements that are relevant for the present communicative conditions and establishes relations among them, i.e. creates a definite point of view upon the denotational field. In order to present a denotational field in a linguistic form

the speaker has to qualify the relation existing among the components of the denotational field by means of significational entities which all human beings possess, i.e. to qualify them as dynamic or static and directed or nondirected. Then employing operations of positioning the focus of speaker's interest and the center of empathy he / she performs logical arrangement of the nominal components of the situation.

The first stage of this arrangement presupposes selection of the denotational component which is most significant for the speaker, i.e. the focus of his/her interest and presenting it as an adjacent right-hand element to the predicate. On the second stage the speaker in accordance with the selected focus of interest and possible restrictions imposed by the language he/she speaks chooses the element of the denotational field which he / she considers initial for the situational relation and presents it as the left-hand element adjacent to the predicate. As a result of these two stages, the speaker receives a semantic configuration of a sentence.

The semantic configuration being a necessary stage in the process of creating a sentence inherits a set of properties from its predecessors – the situation and proposition. It is ontological because the situation that it incorporates presents a part of a denotational field which is the reflection of the world surrounding us. It is cognitive since it is based on a denotational field which is the result of cognitive processing of the information we receive from the universe. It is partially natured as it comprises the logical categories that are our evolutionary heritage. It is logically structured because the components of it are arranged according to the connection of logical categories the speaker selected for this presentation of the situation. And thus it is partially subjective since namely the speaker selects and joins together the logical categories and applies them to the situation so that to present it as he wishes. But as we have already said the speaker is not completely free in selection of this or that combination of logical categories for organizing some situations, he is sometimes restricted by the language the speaker uses. So we may say that the semantic configuration is language dependent. And finally, it is also communicatively dependent as the speaker selects that very angle of view upon the denotational field, i.e. situation, and the manner of possible logical arrangement of this situation which is adequate to his/her communicative aims.

Semantic configuration may be regarded as a frame for sentence content. This frame is further filled in with lexical items with the aim to make reference to a certain state of affairs.

References

Bogushevich D.G. Outline of Compositional Syntax / D.G. Bogushevich // Proceedings of the 16th International Congress of Linguists: Philosophy of Linguistics. – Oxford: Pergamum, 1997.

Fillmore Ch.J. The case for case / Ch.J. Fillmore // Universals in linguistic theory / ed.: E. Bach, R.T. Harms. – New York, 1968.

Lamb S.M. Outline of Stratificational Grammar / S.M. Lamb. – Washington, DC: Georgetown University Press, 1966.

**Кожевникова Л.П.
Kozhevnikova L.P.**

*Санкт-Петербургский государственный университет
Saint Petersburg State University*

**КУРС ПО ГРАММАТИКЕ НА ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ
(ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПРОДВИНУТОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ)
FUNCTIONAL SEMANTIC BASED COURSE OF RUSSIAN
GRAMMAR FOR ADVANCED LEVEL FOREIGN STUDENTS**

Аннотация. В статье рассматривается возможность функционально-семантического подхода к созданию грамматического пособия, предназначенного для иностранных студентов продвинутого уровня. Такой подход включает в себя как отбор языковых категорий, которые должны быть изучены (например, локативность, атрибутивность, персональность, залог и другие), так и отбор языковых единиц, представляющих эти категории в речи.

Abstract. The article covers the possibility of the functional semantic approach to creating grammar study guides for advanced level foreign students. Such an approach includes the selection of semantic language categories which should be studied (such as locativity, attribution, personality, voice and other) as well as the selection of language units which present these categories in speech.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, семантическая категория, способы выражения, отбор языковых единиц.

Key words: Russian as a foreign language, semantic category, expressing modes, language units selection.

Функционально-семантический подход к изучению русской грамматики студентами-иностранными является одним из важнейших современных методов создания учебных пособий. Категории времени, пространства, субъектности, объектности, обусловленности и другие присутствуют практически во всех мировых языках в том или ином выражении.

Языковые средства, как основные, так и периферийные, достаточно полно описаны российскими грамматистами. Это диктует возможность создания обобщающих учебных пособий, включающих максимум категориальной семантики. Даже учебники, созданные по сугубо системно-структурному принципу, включают элементы функционального подхода, обычно это касается категорий пространства и времени. Уже достаточно давно появились учебные пособия обобщающего характе-

ра, построенные с учетом направления вектора от смысла к выражению этого смысла. Авторы в предисловии подчеркивают, что «принцип построения пособия – ономасиологический» (Русский язык 1999, с. 3). Издаются также пособия, рассматривающие средства выражения какой-либо одной семантической категории русского языка, например, времени, имеющие целью «расширение средств и способов обозначения времени, их сопоставление и разграничение, обобщение и систематизацию» (Хавронина 2004, с. 5).

Главная задача авторов пособий, ориентированных на функционально-семантический подход, заключается в том, чтобы отобрать средства выражения той или иной семантической категории, которые будут находиться в соответствии с уровнем понимания языка иностранными студентами и стажерами. Отобраны могут быть не только ядерные средства презентации, но и периферийные, однако коммуникативно значимые. Заметим, что такой отбор имеет субъективный характер: преподаватель все же полагается на свой речевой опыт.

В Санкт-Петербургском государственном университете на факультете свободных искусств и наук создается учебное пособие обобщающего характера, включающее выбранный авторами ряд семантических категорий русского языка. Определенные семантические сферы не попали в рабочие материалы в связи с тем, что они обычно представлены на начальных этапах изучения языка, например, некоторые аспектуальные значения (имеются в виду обычно описываемые значения вида: процессуальность, результативность), типы посессивности (местоимения *мой*, *твой* и др.).

Представим материалы для описания некоторых семантических категорий, которые включены в курс по грамматике для студентов продвинутого уровня.

Общеизвестно, что пространство можно характеризовать с разных сторон, и языковые пространственные модели весьма разнообразны и трудно поддаются строгой, четкой классификации. Кроме общеизвестной локативной семантической триады *где?* / *куда?* / *откуда?* представлены высказывания с различными условно включаемыми в данный раздел значениями: 1) «обозначение источника получения информации или предмета» с предлогами *от*, *у*, *из*; 2) «место контакта» (с предлогом *о* и формой винительного падежа существительного, подкрепленного глаголами негативного, окказионального воздействия: *удариться*, *стукнуться*, *шлепнуться* и др.). В сфере локативности всегда рассматриваются глаголы движения, местоположения (*лежать*, *стоять*, *висеть* и под.), список которых необходимо дополнить следующими: *помещать* / *поместить*, *спускаться* / *спуститься*, *направляться* / *направиться*, *вынимать* / *вынуть*, *вытаскивать* / *вытащить* и др.

Из многообразной сферы выражения временных отношений выбраны следующие аспекты:

1) предшествование и следование по отношению к событию. Здесь особую трудность для студентов вызывает предложно-падежное словосочетание с предлогом *под* и формой винительного падежа. Приходится признать, что такие сочетания лексикализованы или вообще идиоматичны, так как практически во всех учебных пособиях называются несколько слов: *утро, вечер, праздник, Рождество, Пасха*. К окказиональным стоит отнести: *под занавес, под выборы*;

2) временные границы;

3) обозначение срока, куда относятся предложно-падежные сочетания с предлогами *на* с формой винительного падежа, *к* с формой дательного, *за* с винительным, *в* с формой винительного падежа, последнее представлено как быстрое осуществление действия;

4) обозначение периода времени, в течение которого что-то происходит. Период может быть представлен как более точный – *В 17 веке*, так и более абстрактный – *В штурм не стоит ходить в море; Стариком он купил новый дом*;

5) обозначение повторяемости, как регулярной, так и нерегулярной. Очень трудно поддается объяснению повторяемость, выраженная формой творительного падежа: *вечерами, днями*. Возможно представить последние как идею повторяющегося процесса, однако слова *неделями, месяцами* трактуются по-иному: «очень долго».

В этом разделе также приводится список наречий времени, состоящий из 24 единиц, обозначающий как локализованные во времени: *завтра, сегодня, позавчера*, так и нелокализованные: *однажды, раньше, тогда*.

В сфере сложных конструкций, помимо общеизвестного списка, студентам продвинутого уровня владения русским языком предлагаются некоторые грамматически фразеологизированные предложения: *Не успел он зайти за угол, как его догнала подруга; Не прошло и года, как отец вновь женился; Стоило ей начать заниматься, как зазвонил телефон* и некоторые другие.

Сфера определенности / неопределенности отличается тем, что в русском языке нет четко сформированных показателей данной оппозиции. Следовательно, в учебное пособие включены только неопределенные местоимения и наречия. Особый раздел представляют редко отмечающиеся в учебниках *некто, нечто, некий*, а также некоторые лексически обусловленные неопределенные местоимения и наречия: *кое-как, кое-где, как-то, как-нибудь* – которые не просто свидетельствуют о неопределенности действия, места, характеристики предмета, а часто носят некую коннотацию неудачности, негатива.

Сфера залоговости в учебном пособии несколько сужена до представления студентам пассивных конструкций, форм причастия и глагольного пассива с постфиксом *-ся*. Необходимость изучения последнего связана с тем, что учебное пособие предназначено для студентов продвинутого уровня, а, следовательно, учащиеся должны овладевать навыками академического письма. В эту часть пособия включен небольшой раздел, посвященный отглагольным прилагательным с суффиксами *-ем-*, *-им-*, *-т-*, *-ен-*: *немыслимый человек, неприемлемый вариант, вареные желетки, молотый кофе, моченые яблоки*. Необходимо было презентовать различие страдательных причастий и прилагательных.

Раздел, посвященный посессивности, очень сложен для студентов. Для запоминания существует ограниченный список притяжательных прилагательных: *манин, папин, отцов, заячий, волчий* – и некоторые другие. В эту главу включен список глаголов обладания и принадлежности: *иметь, быть (есть), иметься, владеть, обладать, располагать*. Предлагается небольшое семантическое объяснение.

Сфера обусловленности выражена большим комплексом семантики, а именно: полями причины, следствия, условия, цели и уступительности. Конструкции причины, цели и уступительности представлены как предложно-падежными сочетаниями, так и сложными высказываниями. Типичные для многих учебных пособий вышеуказанные предложения дополнены следующими элементами: 1) конструкции следствия –высказываниями с коннотацией интенсификации и структурами с отрицанием и словами *достаточно, чересчур, довольно, слишком*: *Она с такой силой скжала его руку, что рука посинела; Язык этого писателя не настолько ярок, чтобы удивить читателя*; 2) условные – предложениями с ирреальной коннотацией: *Приди я пораньше, я бы успел на этот поезд*; 3) уступительные – разговорными формами: *Плачь не плачь, а делать что-то надо; Молодая-то молодая, а уже доктор наук; Солнце солнцем, но на улице холодно*.

Отметим, что каждый раздел учебного пособия снабжен текстом для самостоятельной работы, а также таблицами-списками изучаемых конструкций.

Итак, учебное пособие включает большую часть категориальной семантики с ориентацией на лексико-грамматический подход.

Литература

Русский язык. Синтаксис. Учебное пособие для иностранцев. – 2-е изд., стереотип. / И.С. Иванова, Л.М. Каравышева, Т.Ф. Куприянова, М.Г. Миронникова. – М.: Рус. яз. Курсы. 1999. – 152 с.

Хавронина С.А. Всему свое время: Средства и способы выражения времени в русском языке / С.А. Хавронина, И.В. Казнышкина. – М.: Русский язык. Курсы. 2004. – 237 с.

**Козюра Т.Н.
Kozyura T.N.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**АНАЛИЗ СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНОГО УСТРОЙСТВА
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НОМИНАТИВНОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ВОЗВРАТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ)**

**ANALYSIS OF SEMANTIC-STRUCTURAL ORGANIZATION OF THE
SIMPLE SENTENCE IN NOMINATIVE ASPECT (ON THE MATERIAL
OF FRENCH SENTENCES WITH REFLEXIVE VERBS)**

Аннотация. В данной статье на материале французского языка рассматривается возможность анализа глагольных конструкций с возвратными глаголами в романских языках в свете номинативного аспекта структурно-семантического устройства простого предложения.

Abstract. The analysis of this article focuses on nominative aspect of the semantic structure of French constructions with reflexive verbs in terms of the grammatical category of voice.

Ключевые слова: номинативный аспект, семантико-функциональный синтаксис, возвратный глагол, актант, субъект, объект, французский язык.

Key words: nominative aspect, semantic-functional syntax, reflexive verb, actant, subject, object, French.

Многие современные исследования простого предложения обращаются к анализу грамматических категорий посредством интерпретации различных аспектов: структурного, синтаксического, предикативного, коммуникативного, целевого, логического и др. Особую актуальность в последнее время приобрели работы, уделяющие внимание роли номинативного аспекта в структурно-семантическом устройстве простого предложения (Гак 1998; Копров 1999; 2016; Попова 2009), позволяющие применять методы анализа функциональной семантики средств выражения универсальных языковых категорий в разноструктурных языках.

Так, в работе «Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским» В.Ю. Копровым проводится сопоставительный анализ в номинативном аспекте простых предложений русского, английского и венгерского языков. Материал, основанный на сопоставлении данных неблизкородственных языков, представлен в свете двух аспектов – ситуативно-структурного и релятивно-структурного. Ситуативно-структурный аспект рассматривает структуру предложения как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации. Рассматриваемые в данном аспекте предложения дифференцируются по количеству компонентов их семанти-

ческой структуры и по принадлежности признакового компонента к той или иной части речи, далее – по принадлежности его и актантов к тому или иному лексико-грамматическому разряду слов внутри частей речи. Что касается анализа в релятивно-структурном аспекте, то он посвящен исследованию вариативности категориально-грамматической семантики ролей, исполняемых актантами в предложении того или иного типа. Параметры актантов, рассматриваемые в свете релятивно-структурного аспекта, варьируются в зависимости от интерпретации ситуации говорящим, который характеризует их через категории личности / безличности, залоговости, определенности / неопределенности (обобщенности) (Копров 2010).

В связи с универсальным характером вышеописанных методов исследования простого предложения в номинативном аспекте, представляется актуальным провести описание простого предложения применительно к романским языкам, в частности, к французскому.

Как упоминалось выше, интерпретация ситуации может рассматриваться через ряд грамматических характеристик релятивно-структурного подаспекта устройства предложения, в число которых входит залоговость. Данная грамматическая категория представляет собой **семантико-функциональное поле**; ядро поля составляет оппозиция актива / пассива, периферию – конструкции с возвратными глаголами.

В русском языке последние составляют определенный пласт в грамматической системе. С точки зрения пассивности / активности семантических актантов (субъекта и объекта) В.Ю. Копров выделяет предложения следующих типов.

1. Конструкции с активным семантическим субъектом:

- предложения, в которых глагол инкорпорирует в свое значение определенный ситуацией неодушевленный объект (*Он зажмурился*);
- предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого субъекта (*Она переоделась*);
- предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта (*Они обнялись*);
- предложения с глаголами в абсолютивном употреблении (качественно-возвратные, активно-безобъектные) (*Собака кусается*);
- предложения с косвенно-возвратными глаголами, обозначающими действия, которые совершаются субъектом в своих интересах (*Они запаслись на зиму топливом*).

2. Конструкции с активным семантическим объектом:

- предложения с пассивно-возвратными глаголами (зрительного и слухового восприятия, умственного действия) (*слышались звуки*);

- предложения с пассивно-возвратным глаголом обладания и локализации (*У них имеется трехэтажный дом*);
- предложения с так называемыми пассивно-каузативными глаголами (*Он подстригся*);
- пассивно-бессубъектные предложения (*Стекло бьется*) (Копров 2010, с. 147–151).

Данная модель исследования может быть применена к анализу французских простых предложений с возвратными глаголами. Рассмотрим типы французских предложений, где возвратные глаголы употребляются с разным распределением семантико-синтаксической роли субъекта и объекта действия. Здесь можно выделить значения следующих типов.

1. Конструкции с активным субъектом:

- предложения, в которых глагол инкорпорирует в свое значение определенный ситуацией неодушевленный объект: *Je crois encore voir son grand œil noir me regarder fixement; puis il devint trouble et se ferma* (P. Mérimée); *Grâce à l'intervention de monsieur Ibrahim, le monde des adultes s'était fissuré, il n'offrait pas le même mur uniforme contre lequel je me cognais, une main se tendait à travers une fente* (E.-E. Schmitt);

- предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого субъекта: *Évidemment, je savais déjà mais je la laissais dire, pour qu'elle se sente plus à l'aise, et puis j'aimais bien sa voix, un peu boudeuse, un peu chagrinée* (E.-E. Schmitt); *Les policiers, au début, se méfiaient parce qu'il avait vraiment l'air d'un Arabe, mais je me suis remis à hurler et ils ont accepté ce que proposait monsieur Ibrahim* (E.-E. Schmitt);

- предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта: *Un moment de stupeur suivait l'énoncé de cette énormité, ils se regardaient, stupéfaits* (A. Camus); *On pourrait... pour le soir où on se revoit on pourrait essayer de se dire des choses gentilles, tu ne crois pas ?* (M. Houellebecq);

- активно-возвратное значение (в русском языке аналогичные конструкции представлены предложениями с невозвратными глаголами):

(...) et, avec un peu d'imagination, il n'est pas difficile de se représenter Diane et ses nymphes au bain, sans avoir à craindre le sort d'Actéon (P. Mérimée); *Vous ne pouvez vous figurer ce qu'un homme de cœur éprouve en pareille occasion* (P. Mérimée);

- предложения с глаголами на -ся в абсолютном употреблении (качественно-возвратные, активно-бесобъектные): *Il ne serait plus chez lui, il aurait encore mieux aimé un homme qu'une femme, car les femmes se moquent davantage* (E. Zola).

2. Конструкции с активным семантическим объектом:

- предложения с возвратными глаголами, обозначающими проявление признака – конструкции с активным объектом, производящим действие; субъект восприятия не выражен грамматически, т. е. выступает как неопределенный (обобщенный):

1) предложения, в которых объект приобретает способность быть воспринятым (увиденным, услышанным, замеченным) субъектом, так называемое пассивно-возвратное бессубъектное значение:

Dans le paysage bourguignon qui court à votre rencontre se dessinait la gare des Laumes-Alésia avec son depot de vieilles locomotives (M. Butor); *Justement il a cru entendre des pas ; les pas se rapprochent, puis s'éloignent* (M. Proust);

2) предложения, обозначающие вступление семантического объекта в зрительный процесс:

Elle se présenta chez un boulanger et demanda la demeure de Nicolas Ravolati (Maupassant); *D'ailleurs, c'était la première fois qu'elle se montrait à moi avec la réserve d'une honnête femme, et j'étais assez simple pour croire qu'elle s'était véritablement corrigée de ses façons d'autrefois* (P. Mérimée);

- предложения с пассивно-возвратными глаголами (ЛСГ зрительно-го и слухового восприятия, умственного действия): *Mais j'avais revu tantôt l'une, tantôt l'autre, des chambres que j'avais habitées dans ma vie, et je finissais par me les rappeler toutes dans les longues rêveries qui suivaient mon réveil* (M. Proust);

- предложения с пассивно-возвратным глаголом ЛСГ обладания и локализации: *Mon corps, trop engourdi pour remuer, cherchait, d'après la forme de sa fatigue, à repérer la position de ses membres pour en induire la direction du mur, la place des meubles, pour reconstruire et pour nommer la demeure où il se trouvait* (M. Proust).

Представленная выше попытка анализа функциональной семантики средств выражения субъектно-объектных отношений во французских возвратных конструкциях не исчерпывает всей их специфики и заслуживает более подробного изучения. Тем не менее, сопоставление французских типов предложений с моделями, выделенными В.Ю. Копровым в русском языке, позволяет сделать вывод о совпадении большинства исследуемых конструкций, что свидетельствует о сходстве организации периферийной области семантико-функционального поля залоговости в двух неблизкородственных языках.

Литература

Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

Копров В.Ю. Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1999. – 347 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в соотношении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

Ильина Т.В., Кольцова Л.М., Сидорова Е.В., Швецова О.А.

Il'ina T.V., Koltsova L.M., Sidorova E.V., Shvetsova O.A.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ

ПРОТИВОРЕЧИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE MEANS

OF EXPRESSING CONTRADICTION IN RUSSIAN

Аннотация. В данной статье в рамках нормативно-прагматической парадигмы рассматриваются синтаксические конструкции, выражающие отношения противоречия, которые реализуются в трех содержательных вариантах: противоречия-ограничения, противоречия-возмещения, противоречия-уступки. Характеризуются структурные и семантические особенности рассматриваемых конструкций, их частотность, лексические показатели отношений противоречий. Обосновывается необходимость изучения реализации отношений противоречия как значимого фрагмента языковой действительности в практике преподавания русского языка как иностранного.

Abstract. The article discusses syntactic constructions expressing three semantic types of contradiction: contradiction-restriction, contradiction-compensation, contradiction-concession, within a standard-pragmatic paradigm. Structural and semantic features of these constructions, their frequency, lexical indicators of the contradiction semantics are characterized. The need to study the realization of meaning of contradiction as a significant aspect of language usage in teaching Russian as a foreign language is proved.

Ключевые слова: номинативно-прагматическая парадигма, предложение, отношение противоречия, противоречие-ограничение, противоречие-возмещение и противоречие-уступка, сложное предложение.

Key words: standard-pragmatic paradigm, contradiction-restriction, contradiction-compensation, contradiction-concession, complex sentence.

Развитие лингвистики в настоящее время осуществляется в рамках номинативно-прагматической парадигмы, ориентированной на изуче-

ние внешних связей языка – с действительностью, которую он отражает, и с человеком, которому он служит.

Согласно номинативно-прагматической концепции предложение понимается как «языковой феномен, который, с одной стороны, именует тот или иной коммуникативно-значимый фрагмент действительности (номинативный аспект), а с другой – обеспечивает коммуникативное сотрудничество говорящего и слушающего за счет сообщаемых первым сведений о своих оценках и речевых установках (прагматический аспект)» (Ломов 1994, с.18).

Знание и применение теории номинативно-прагматической парадигмы является особенно важным в практике преподавания РКИ, целью которого является формирование речевых умений, т. е. умения строить и понимать множество фраз путем тренировки, репродукции и проработки исходных текстов (Акишина 2002, с. 12).

Приоритетным в обучении РКИ является содержательно ориентированный подход, предполагающий полное описание форм, выражающих то или иное содержание. Такой подход неизбежно сталкивает преподавателя с проблемой вариативности различных синтаксических конструкций одного синхронного среза, сохраняющих семантический инвариант.

Нам бы хотелось остановиться на изучении выражения отношений противоречия в русском языке, представляющих для иностранцев наиболее сложный и интересный фрагмент языковой действительности.

Различают два вида противоречия: онтологическое и гносеологическое. Онтологическое противоречие существует в реальной действительности и закономерно присуще всем природным, общественным и познавательным процессам. Оно осуществляется «между взаимоисключающими, но при этом взаимообусловливающими друг друга противопоставлениями внутри единого объекта» путем преобразования взаимодействующих сторон и является источником развития (Кондаков 1975, с. 487).

Гносеологическое противоречие есть результат ошибочных выводов человеческого ума, познающего действительность. Поэтому логика, являясь наукой «о законах и формах отражения в мышлении развития объективного мира, о закономерностях познания истины» (Философский словарь 1987, с. 123), не может не считаться с противоречиями, существующими в действительности, но и не может не констатировать логические ошибки, связанные с нарушением закона противоречия и означающие, что «в рассуждении (умозаключении) допускаются в качестве истинных две отрицающие, исключающие друг друга мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении» (Кондаков 1975, с. 318).

Лингвистика изучает оба вида противоречия и интерпретирует их согласно двум существующим точкам зрения на язык – нормативной и объективной (Пешковский 1959, с. 50–62). Нормативное понимание языка А.М. Пешковский называет обычным житейско-интеллигентским пониманием, в силу которого мы над каждым языковым фактом творим или стремимся творить «скорый» и зачастую «ненсправедливый» суд. Судья здесь руководствуется прежде всего собственными привычками, а только потом – «смутными воспоминаниями о каких-то усвоенных на школьной скамье законах-«правилах». Но, во всяком случае, он убежден, что для каждого языкового случая такие правила существуют, и хранятся они в специальных списках и справочниках (Пешковский 1959, с. 53). Объективной же точкой зрения следует считать такую точку зрения, при которой «эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – **познавательное**» (Там же, с. 50). Первый признак объективного рассмотрения предмета – это отсутствие оценки.

Итак, в соответствии с первой точкой зрения языковед, оставаясь в рамках такой дисциплины, как культура речи (или, может быть, риторика, если последнюю понимать широко), действует в союзе с логикой и квалифицирует все противоречивые конструкции и заключения говорящего / пишущего о каких-либо явлениях действительности как не соответствующие **речевой** норме. Вторая точка зрения заставляет его усваивать онтологический взгляд на мир и концентрировать внимание на том, как **язык** со своими категориями и формами в опосредованном виде отражает существующие в действительности противоречивые отношения между отдельными элементами бытия. Именно эта объективная точка зрения на противоречие и принимается в предлагаемой работе.

Отношения противоречия, являющиеся всего лишь одним из вариантов синтаксических отношений в целом, выражаются на самых разных уровнях – на уровне простого предложения: *Несмотря на поздний час, гости дожидались; Генеральный директор, вопреки ожиданиям, от беседы не отказался*), на уровне сложного предложения (*На улице было скользко, но она все равно надела сапоги на высоких каблуках; Стол уже давно был накрыт к приходу гостей, а их все еще не было; Несмотря на то, что у меня оставалось мало времени, я все-таки зашла к ней на чашку чая; Хотя они и прожили в одном доме много лет, знали они друг о друге очень мало; Сколько я ни старался, у меня ничего не получалось; Ивану Васильевичу было уже семьдесят лет, однако он регулярно совершал утренние пробежки на стадионе*) и, наконец, на уровне текста (*В последнее время пенсионеры уже выиграли ряд гражданских дел о пересчете своих и так достаточно небольших пенсий. Решения районных судов использовать в качестве коэффициента 0,7*

были утверждены Президиумом областного суда. Между тем, существует негласная установка всячески «притормаживать» рассмотрение подобных категорий гражданских дел (из газет).

Языковой материал позволяет сделать вывод, что отношения противоречия в сложных предложениях представлены тремя вариантами: противоречием-ограничением, противоречием-возмещением и противоречием-уступкой. Эти варианты находят выражение в сложносочиненных предложениях, сложноподчиненных предложениях, выражающие уступительные отношения, и в бессоюзных сложных предложениях.

При анализе противоречивых фактов в рассматриваемых предложениях необходимо принимать во внимание характер содер жательных отношений, в них выражаемый, а не значение союзов (в составе бессоюзных предложений, в соответствии с их природой, союзы не используются вообще).

Указанные выше отношения противоречия (противоречие-ограничение, противоречие-возмещение и противоречие-уступка) характерны для сложносочиненных: *Я рвался, бил ногами, но они смеялись и не отпускали меня* (В. Астафьев) и бессоюзных сложных предложений: *Я их [лимоны – авт.] пытался спасти – поливал водой, мыл с мылом, опрыскивал какой-то раз рекламированной вонючей фигней – без толку* (С. Пашаев). В рамках сложносочиненных предложений с придаточной уступительной частью реализуются два варианта – очевидное противоречие-уступка и неявное противоречие-ограничение, с которым мы сталкиваемся тогда, когда в придаточной части употребляются противительные союзы *но, а, да*, а также выполняющие ограничительную функцию коннекторы *все-таки, все же, все равно, однако*. В таких конструкциях перед нами резкое несоответствие формальной и содер жательной структуры. В формальном отношении здесь представлены два звена, в содер жательном отношении перед нами трехчленная структура с подчинительной и сочинительной связью.

Первые два варианта выражения отношений противоречия объединены значением противоречивости двух ситуаций в целом. Так, в сложных конструкциях со значением противоречия-ограничения речь идет о таких двух явлениях, из которых второе является ограничением возможности осуществления результата или полноты проявления первого: *Пощелкал стопором, нашел север и юг, покрутил, пытаясь обмануть стрелку, но ничего у него не вышло* (А. Приставкин).

В предложениях со значением противоречия-возмещения предмет или ситуация характеризуется с противоположных сторон, благодаря чему явление, о котором сообщается во второй части, возмещает то, о чем говорится в первой части: *Предвыборная кампания влетела в копеечку, но результат того стоил* (Б. Руденко).

В конструкциях со значением противоречия-уступки в противоречие, с одной стороны, вступают неожидаемое следствие и названное условие, а с другой стороны, два следствия – ожидаемое и неожидаемое. Поэтому сложные предложения со значением противоречия-уступки являются, как мы уже говорили, трехчленными структурами, в которых второй компонент лексически не эксплицирован, а выявляется как результат несоответствия между обозначенным условием и реальным следствием: *Он был умным человеком и опытным следователем, грамотным, добросовестным, но Настя его почему-то недолюбливала* (А. Маринина). (Ср.: *Он был умным человеком и опытным следователем, грамотным, добросовестным, следовательно, есть все основания, чтобы Настя его любила, но она его почему-то недолюбливала*).

Специфика каждого из трех перечисленных видов отношения противоречия определяется характером союзов (для союзных предложений), лексическими и грамматическими показателями, модальными и таксисными отношениями частей, а также взаиморасположением частей (для союзного типа).

Основным формальным средством оформления частей сложных предложений союзного типа являются союзы: *но, а, и, да* (в сложносочиненных предложениях), *хотя (хоть), несмотря на то что – (не-смотря на то) что, невзирая на то что – (невзирая на то) что, пусть (пусть), вопреки тому что, даром что* (в сложноподчиненных уступительных предложениях).

Союзы в сложных предложениях, а также части бессоюзных сложных предложений, могут сопровождаться дополнительными сигнализаторами противоречивости – специальными лексическими и грамматическими показателями. Лексические показатели делятся на два типа: 1) коннекторы, употребляемые в тесной взаимосвязи с союзами или во второй части бессоюзных предложений; 2) коннекторы, используемые в инициальной позиции.

К первому типу относятся:

а) усилительные частицы *все-таки, все равно*, а также используемые в бессоюзном предложении коннекторы *впрочем, только*, употребляемые для выражения отношений противоречия-ограничения: *Почему-то у меня возникло нехорошее предчувствие, очень не хотелось снимать трубку, но я все-таки это сделала* (М. Гладкова); *Точного названия улицы я не помнил, впрочем, это было и не важно* (из газет); коннекторы *зато, правда*, характерные для оформления отношений противоречия-возмещения: *Нет свободных падений с высот, но зато – Есть свобода раскрыть парашют* (В. Высоцкий); частицы *все равно, все-таки, все же, тем не менее, однако*, участвующие при оформлении отношений противоречия-уступки: *Выворачивало Ваську*

до пота, до сотрясения кишок, и все-таки успевал он поглядеть с жалостью на то, что приходилось отдавать, а почти было твоим (А. Приставкин);

б) эмоционально-экспрессивные частицы *тут, ведь, даже*, встречающиеся при оформлении отношений противоречия-ограничения и противоречия-уступки: *Николай выговаривал слова отдельно, как выдавливая, но его даже хватило на улыбку* (В. Высоцкий);

в) вводные слова и предложения, употребляемые в предложениях со значением противоречия-уступки: *Находимся мы в пригороде Москвы, но, как вы успели заметить, здесь ходят электрички* (А. Приставкин).

Ко второму типу лексических показателей относятся:

а) сочетания местоименных слов *кто, что, как, сколько, где* и др. с частицей *ни*, оформляющие отношения противоречия-уступки: *Как это ни трудно, но необходимо существенно реорганизовать предприятия, которые в своем нынешнем виде не имеют будущего...* (из газет);

б) усиительная частица *пусть*, встречающаяся в предложениях со значением противоречия-ограничения и противоречия-уступки: *Пусть я тебе только что признался в том, что шел к своей цели напролом, но я никогда не выходил за рамки* (А. Данилова);

в) вводные слова *правда* и *конечно*, оформляющие, соответственно, отношения противоречия-возмещения и противоречия-уступки: *Регина, конечно, поразительно легкомысленная особа, но на убийство она не способна* (Е. Топильская).

Грамматические показатели противоречивости используются во второй части сложноподчиненных предложений с придаточной уступительной частью. К ним относятся союзы *но, а, да*. Они одинаковы по функциям и выражаемым отношениям, и их поведение в данном типе конструкций значительно сходно: *Хоть ничего не говорит, но Васька шкурой чувствует, что солдат воспрял духом...* (А. Приставкин).

В сложносочиненных предложениях, сложноподчиненных уступительных и бессоюзных сложных предложениях со значением противоречия обыкновенно реализуется объективная модальность, констатирующая наличие или отсутствие каких-либо фактов в прошлом, настоящем или будущем «наличной» действительности. Сказуемые в обеих частях таких предложений употребляются в изъявительном наклонении настоящего или прошедшего времени.

Гипотетическая модальность характерна для сложносочиненных предложений с отношениями противоречия-ограничения, в первой части которых сообщается о различного рода нереальных действиях, а во второй – о препятствиях, возникающих на пути их реализации. В сложноподчиненных уступительных предложениях гипотетическая

модальность встречается редко и возможна только в придаточной части, когда та указывает на возможность или необходимость уступки. В бессоюзных сложных предложениях с аналогичным видом отношений противоречия гипотетическая модальность характерна для предложений, в которых на первый план выступает указание предельной степени признака или действия, его интенсивности.

Специфика всех сложных предложений, выражающих отношения противоречия, состоит в том, что в них дейктическая ориентация совмещается с таксисной, причем первая манифестируется глагольными формами времени, а вторая – союзовыми средствами (иногда при поддержке категории вида и контекстуальных элементов). В случае с бессоюзными сложными предложениями и дейктическая, и таксисная ориентация представлены только глагольными формами времени.

Общие закономерности видо-временных форм в каждом из указанных типов предложений, выражающих отношения противоречия, сводятся к двум ситуациям: однократной и многократной, в рамках которых обыкновенно реализуются отношения следования, предшествования (за исключением сложноподчиненных предложений с придаточной уступительной частью) и одновременности.

Порядок взаиморасположения частей в сложносочиненных предложениях, независимо от характера выраженного в них отношения противоречия, всегда остается стандартным: часть, вводимая любым показателем отношения противоречия, всегда занимает постпозитивное место.

В сложноподчиненных уступительных предложениях, наоборот, придаточная часть, содержащая в своем составе показатель противоречивости, может находиться как в препозиции, так и в постпозиции, допустимым является также интерпозитивное положение.

В тех случаях, когда придаточное уступительное предложение находится в препозиции, оно обыкновенно называет уступку как таковую: *Несмотря на то, что в основу романа легли события, имевшие место в действительности, автор предупреждает, что возможное сходство персонажей с реальными лицами является абсолютно случайным* (Б. Руденко). Если же придаточная часть занимает постпозитивное положение, то ее значение в общем плане высказывания может заметно ослабляться, она начинает развивать присоединительное значение и воспринимается как добавочное сообщение по отношению к тому, что достаточно полно и определенно выражается главной частью: *Я в эту версию поверила, несмотря на то, что Регинины свекор со свекровью кричали на всех углах, что невесткой был нанят киллер, а она специально уехала на это время, чтобы создать себе алиби* (Е. Топильская). В постпозиции связь между главной и придаточной частью может ослабевать настолько, что последняя начинает выполнять функ-

цию вставного элемента: ...с подобными явлениями мы уже сталкивались и за ее [уступительности – авт.] пределами, например, при анализе условных отношений (хотя там реализация этих явлений находилась в прямой зависимости от разных видов условия – реального и гипотетического) (Р. Гусман Тирадо).

В интерпозитивном положении придаточная часть содержит добавочную информацию по поводу основного сообщения в главной части: *Да и Витька, друг его, Хоть бывал он болен, Кончил четверть ничего, – Даже дед доволен* (В. Высоцкий).

Таким образом, центр конструктивно-синтаксического поля противоречивости в рамках сложного предложения образуют сложносочиненные противительные предложения, сложноподчиненные предложения с придаточной уступительной частью и бессоюзные сложные предложения, выражающие противоречивые отношения. Периферию поля составляют «входящие» сложносочиненные предложения с соединительными союзами и «выходящие» ограничительно-противительные и вместительно-противительные предложения, а также сложноподчиненные уступительные предложения, в которых постпозитивная придаточная часть выражает либо пересечение двух повествовательных планов, либо поправку говорящего к своему первоначально высказанному мнению.

Как видим, потребность изучения синтаксических отношений, где отражается в опосредованном виде взаимосвязь различных ситуаций реальной действительности, играет существенную роль в методике преподавания РКИ.

Литература

Акишина А.А. Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного / А.А. Акишина, О.Е. Каган. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Русский язык. Курсы, 2002. – 255 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 278 с.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А.М. Пешковский // Избранные труды. – М., 1959. – С. 50–62.

Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 590 с.

Корнева В.В.

Korneva V.V.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СУБСТАНТИВНО-АДВЕРБИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ
STRUCTURAL-SEMANTIC PROPERTIES OF NOMINATIVE-ADVERBIAL CONSTRUCTIONS IN SPANISH

Аннотация. В статье рассматриваются испанские конструкции с наречиями места и времени, выявляются их семантические свойства и лексические ограничения, делаются выводы о влиянии когнитивных факторов на использование предложных или беспредложных синтаксических структур.

Abstract. The article deals with Spanish constructions with adverbs of space and time, reveals its semantic and lexical features. The author comes to conclusion that some cognitive factors influence the usage of prepositional or nonprepositionl syntactic structures.

Ключевые слова: испанский язык, субстантивно-адвербальная конструкция, атрибутивная семантика, наречие места, наречие времени.

Key-words: Spanish, nominative-adverbial construction, attributive semantics, adverbial modifier of place, adverbial modifier of time.

Изучая синтаксические связи слов в испанском предложении, учёные обратили внимание на структурно-семантические особенности субстантивно-адвербальной конструкции и указали на целый ряд ее отличительных признаков. Во-первых, к существительному примыкают наречия только двух разрядов – наречия места и наречия времени; во-вторых, с формальной точки зрения их объединяет жесткая фиксированная позиция после главного слова – существительного; в-третьих, с семантической точки зрения наречия выражают атрибутивно-обстоятельственную характеристику предмета, обозначенного существительным (Рылов 1985; Корнева 2006).

Несмотря на то, что в рассматриваемой конструкции используются только наречия места и времени, их состав достаточно репрезентативен. Ср.: *La vida aquí / allá / arriba / abajo / hoy / ahora / antes / entonces / así no es como en la Francia* ‘Жизнь здесь / там / наверху / внизу / сегодня / сейчас / тогда / не такая, как во Франции’.

Сочетания же с другими наречиями, согласно опросу информантов, представляются маловероятными: ??*La vida adelante /*delante me parece preciosa* ‘Жизнь впереди мне кажется прекрасной’; ??*La vida atrás / detrás es algo horroroso* ‘Прошлая жизнь (жизнь сзади) – это что-то ужасное’.

Иключение, вероятно, составляют дистантные наречия *cerca* ‘близко’ и *lejos* ‘далеко’: **La vida cerca / lejos me parece preciosa* ‘Жизнь

близко / далеко мне кажется прекрасной' при нормативном использовании как в испанском, так и в русском языках: *La vida de / desde cerca te parece preciosa* 'Жизнь вблизи мне кажется прекрасной'.

Факты такого рода позволяют говорить о том, что в составе рассматриваемой конструкции наблюдаются некоторые лексические ограничения на употребление наречий места и времени. В то же время следует отметить, что постпозитивные наречия обладают общей семантической функцией, которая заключается в том, чтобы локализовать номинируемый существительным объект во времени или пространстве. Сравните с предложениями локализации и с предложениями других семантических типов, распространенными локативами, в русском и английском языках (Копров 2016, с. 92–93, 240–247).

Анализ возможностей семантического варьирования существительных в конструкциях рассматриваемого типа показал, что существительное может иметь самые разные лексико-грамматические характеристики: оно может относиться как к одушевленной, так и к неодушевленной лексике, событийной и не событийной, конкретной или абстрактной, исчисляемой и неисчисляемой различной тематической принадлежности. Ср.:

El hombre aquí no es como en la Francia.

La gente aquí no es como en la Francia.

La vida aquí no es como en la Francia.

La casa aquí no es como en la Francia.

El bosque aquí no es como en la Francia.

La ideología aquí no es como en la Francia.

La amistad aquí no es como en la Francia.

La nieve aquí no es como en la Francia – 'Человек / люди / жизнь / дом / лес / идеология / дружба / снег здесь не такая / не такая, как во Франции'.

Существительное в составе данной конструкции полностью реализует свои основные морфолого-синтаксические свойства. Оно может менять морфологический показатель числа (*Las casas / ideas / bosques / personas aquí no son como en la Francia* – 'Дома / идеи / леса / люди здесь не такие, как во Франции'); может определяться артиклем или местоимением (*Mi vida aquí no es como en la Francia* – 'Моя жизнь здесь не такая, как во Франции').

Кроме того, существительное может иметь при себе другие детерминанты, выраженные прилагательным или атрибутивной конструкцией (*Mi nueva vida aquí no es como en la Francia* – 'Моя новая жизнь здесь не такая, как во Франции'; *La vida de mi padre aquí no es como en la Francia* – 'Жизнь моего отца здесь не такая, как во Франции'). Наконец, существительное может занимать разную синтаксическую позицию в структуре предложения (см., например, позицию субъекта *La vida aquí no es como en la Francia* – 'Жизнь здесь не такая, как во

Франции' и позицию объекта: *Ultimamente pienso mucho en la vida aquí – 'В последнее время я много думаю о жизни здесь'*).

Приведенные данные позволяют утверждать, что в испанском языке фактически нет ни семантических, ни лексико-грамматических запретов на употребление существительных в составе исследуемых конструкций.

Следует однако иметь в виду, что в испанском языке в приименной позиции наречие может функционировать не только в рассмотренной выше беспредложной конструкции *Sustantivo + Adverbio*, но и в предложной конструкции *Sustantivo + Preposición + Adverbio*.

Определенное формальное сходство анализируемых конструкций проявляется в препозиции существительного и в постпозиции наречия и оборачивается общностью семантической функции – выражение пространственного или временного значения. Поскольку в субстантивно-адвербиальных конструкциях наречие выступает в качестве квалификатора имени, то семантическим инвариантом рассматриваемых структур можно считать значение пространственной или временной квалификации объекта относительно точки отсчета в абсолютной или относительной системе координат; ср.:

vecino de arriba ‘сосед сверху [с верхнего этажа]’;

barrio de abajo ‘нижний квартал города, нижний город’; *puerta de delante* ‘передняя дверь’;

puerta de detrás ‘задняя дверь’;

la vida aquí ‘жизнь здесь’;

la vida arriba ‘жизнь наверху’;

la vida arriba ‘жизнь наверху’.

Анализируемые конструкции могут занимать разную позицию в составе предложения-высказывания – позицию субъекта или объекта действия, однако это не влечет за собой изменения значения самой конструкции, ср.:

Ayer mi vecino de arriba no me reconoció ‘Вчера сосед сверху [с верхнего этажа] меня не узнал’ и *Ayer vi a mi vecino de arriba* ‘Вчера я видел соседа сверху [с верхнего этажа]’;

El barrio de abajo es muy bonito ‘Нижний город очень красивый’ и *Está pintando el barrio de abajo* ‘Он сейчас рисует нижний город’;

La vida ahora es muy difícil ‘Нынешняя жизнь / жизнь сегодня очень трудная’ и *Habla de la vida ahora* ‘Он говорит о нынешней жизни / о жизни сегодня’.

Следовательно, несмотря на формальные различия, предложные и беспредложные конструкции реализуют одну и ту же семантическую функцию и предстают как однопорядковые явления – как способ / средство пространственной или временной квалификации предмета. Тот факт, что пространственную квалификацию получает субъект или

объект действия, но не само действие – ситуация (событие) и что пространственная или временная детерминированность предмета служит лишь одним из способов выделения / конкретизации предмета из числа подобных, позволяет нам сделать вывод о том, что конструкции такого рода относятся к числу средств дополнительной пространственной / временной локализации, поскольку они выступают как одно из возможных средств объективации признака предмета. Ср.:

Mi vecino de arriba trabaja en la Universidad ‘Мой сосед сверху работает в университете’ и *Mi nuevo vecino trabaja en la Universidad* ‘Мой новый сосед работает в университете’.

Согласно нашим данным, принципиальное различие между такими конструкциями заключается, прежде всего, в том, что в предложной структуре используются конкретные существительные, тогда как в беспредложных конструкциях, как было показано выше, могут употребляться существительные самых разных лексико-грамматических категорий: одушевленные и неодушевленные, событийные и несобытийные, конкретные и абстрактные, исчисляемые и неисчисляемые различной тематической принадлежности.

Следовательно, в одних структурах (предложных) пространственную квалификацию могут получать только конкретные физические предметы, в других структурах (беспреложных) подобные ограничения снимаются и любой предмет, как физический, так и умозрительный, может стать пространственно детерминированным.

Таким образом, на основании данных языковых фактов можно сделать вывод о том, что концептуализация и категоризация разных типов предметов имеет существенное значение для их возможной пространственной или временной квалификации, поскольку от этого зависит использование той или иной синтаксической структуры.

Заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на выявленные лексические ограничения, предложная конструкция атрибутивной семантики необычайно частотна в испанском языке. Главная причина этого заключается в том, что в испанском языке далеко не все параметры пространства и времени получают адъективную объективацию. В частности, отсутствуют или являются малоупотребительными параметрические прилагательные с семантикой «верхний», «нижний», «передний», «задний» и некоторые другие. Нет в испанском языке и однословных аналогов русских прилагательных темпоральной семантики типа «нынешний», «сегодняшний», «вчерашний» и т.п. Факты такого рода вновь подтверждают такую особенность испанского языка, как аналитизм и экономия языковых средств (Matte Bon 2003).

Важно отметить, что данную конструкцию можно также анализировать с иных позиций – как готовую языковую структуру для презентации

ции пространственных представлений. В этом ракурсе рассмотрения субстантивно-адверbialная конструкция характеризуется тем, что с ее помощью предмет (будь то субъект или объект действия) локализуется в пространстве или во времени, то есть становится детерминированным.

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Корнева В.В. Синтаксические средства объективации пространственной картины мира / В.В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, № 2. – С. 35–41.

Корнева В.В. Время в обличии пространства / В.В. Корнева // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы Международной научной конференции (г. Белгород, 11–13 апреля 2006 г.): В 2 ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Вып. 9. – Ч. П. – С. 61–65.

Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении / Ю.А. Рылов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 187 с.

Matte Bon, F. Gramática Comunicativa del Español / Matte Bon F. En 2 tomos. Tomo II. De la idea a la lengua. Nueva edición revisada. – Madrid EDELSA Grupo Didascalia, S.A., 2003. – 369 p.

Лапынина Н.Н.

Lapynina N.N.

Воронежский государственный технический университет

Voronezh State Technical University

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ С КОМПОНЕНТОМ *ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О..., ТО...*
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**SPECIAL FEATURES OF FUNCTIONING OF SYNTAX STRUCTURES
WITH THE COMPONENT *ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О..., ТО...*
IN MODERN RUSSIAN**

Аннотация. В статье описываются двухкомпонентные имплицитные и трехкомпонентные эксплицитные синтаксические построения, включающие стандартизированную единицу *если говорить о..., то...*. Освещается история изучения предложений с несобственно-условным значением. Детально анализируется модусная семантика в эксплицитных конструкциях, условия их компрессии.

Abstract. The article describes double-component implicit and triple-component explicit syntax structures including standardized unit *если говорить о..., то...*. The history of study of sentences with non-direct conditional meaning is given. Modus semantic in explicit structures and conditions of their compression are analyzed in details.

Ключевые слова: стандартизованный компонент, имплицитный, эксплицитный, диктум, модус, компрессия.

Key words: standardized component, implicit, explicit, dictum, modus, compression.

В современном русском языке довольно широкое распространение получили синтаксические построения, включающие в свой состав стандартизованный компонент *если говорить о..., то...*, например: *Если говорить о политических условиях, то* в последнее время обстановка на границах улучшается («АиФ»); *Если говорить о концептуальной стороне этого вопроса, то* она связана с общей тенденцией к усилению антропоцентризма в лингвистике, а более конкретно – с концепцией высказывания М.М. Бахтина... (Т.В. Шмелева). Определение лингвистического статуса данных построений относится к спорным вопросам синтаксиса.

В русистике стало уже традиционным противопоставление собствено-условных гипотактических структур сложноподчиненным предложениям с несобственно-условным значением, которые напоминают условные своими средствами связи, и прежде всего компонентом *если* (Рогожникова 1957; Ильенко 1962; Кубик 1967; Русская грамматика 1980, т. 2, с. 562–576 и др.). Многими учеными зафиксирована тенденция превращения интерпозитивных и препозитивных придаточных с условными союзами в вводные и вставные конструкции (Рогожникова 1957, с. 44; Кубик 1967, с. 195–199; Слепцова 1979, с. 84–85; Глущенко 1986, с. 27–31; Костычева 1989). Именно к условно-вводным относит построения, оформленные по схеме *если говорить о + N₆*, Т.А. Глущенко (Глущенко 1986, с. 115), не выделяя их из числа других условно-вводных предложений, но акцентируя внимание на том, что «обусловленность в условно-вводных конструкциях не «сведена к нулю», а оказывается «внешне не выраженной, скрытой» (Указ. соч., с. 29). Л.М. Костычева, объясняя специфику языкового статуса предложений, включающих вводные единицы с *если*, их отнесенностью к переходным явлениям в области простого и сложного предложений, утверждает, что данные единицы с *если*, хотя и обладают «всеми признаками вводных предложений», «представляют собой не самостоятельную предикативную единицу, включающуюся в базовое предложение, а часть сложной конструкции, имитирующей схему построения условных сложноподчиненных предложений» (Костычева 1989, с. 7).

Некоторые исследователи, оговаривая близость оборота к вводным конструкциям, все-таки находят основания для того, чтобы вывести его за рамки данных конструкций. Так, А.М. Слепцова пишет о том, что оборот *если говорить о... то*, синонимичный другому фразеологическому обороту *что касается... то*, «выполняет функцию именительного темы» (Слепцова 1979, с. 86). Такой трактовке близка позиция ав-

торов «Русской грамматики», которые, также обращая внимание на аналогичность функций этих двух единиц, считают, что предложения, построенные по схеме *если говорить о ... то*, функционально близки предложениям, в которых «союз *если*, утрачивая или ослабляя условное значение, выполняет роль выделителя предмета для последующего оценочно-комментирующего сообщения» (Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 575). Т.А. Колосова рассматривает построения, включающие компонент *если говорить о...*, в числе асимметричных предложений с соотношением 2:3, построенных по модели *Если A, то C*, где в скрытом виде присутствует невербализованный предикативный компонент модусной семантики *B* (Колосова 1980, с. 61–63; 2008, с. 50–58). Акцентируется внимание на том, что «русская условно-вводная предикативная единица *если говорить о...* воспринимается уже не как вводная, а скорее как грамматикализованное средство акцентного выделения, выполняющее одновременно функцию межфразовой скрепы» (Колосова 2008, с.162).

Дискуссионным является и вопрос о частеречной принадлежности лексемы *если*. Так, ряд исследователей квалифицируют ее как союз, присоединяющий либо условно-вводное придаточное, либо так называемое присочиненное предложение в составе сложной конструкции. А.К. Федоров относит слово *если* к особому классу «условно-присоединительных союзов» (Федоров 1972, с. 920–921). С.Г. Ильенко обращает внимание на то, что *если* в вводных предложениях выступает уже не в роли союза, а выполняет функцию, близкую модально-ограничительной частице (Ильенко 1962, с. 51; 2003, с. 275). По мнению М. Кубика, лексема *если* в вводных конструкциях «имеет характер вводно-союзного слова». В тех же случаях, когда *если* включается в состав «разного рода устойчивых оборотов, привычных формул или других структур, так или иначе приближающихся к фразеологизмам», «вопрос о грамматической функции снимается» (Кубик 1967, с. 197). Показательно, что авторы «Русской грамматики» применительно к компоненту *если говорить о... то* говорят уже не о служебной функции отдельной лексемы *если*, а о служебной роли фразеологизма в целом, об «устойчивом речении», образующем «союзное соединение, являющееся носителем квалифицирующих субъектно-оценочных значений» (Русская грамматика 1980, т. 1, с. 718). Р.П. Рогожникова именно на том основании, что все многокомпонентное сочетание *если говорить о... и в плане единства значения, и в плане устойчивости и воспроизведимости в речи равнозначно слову, включает эту единицу в Словарь эквивалентов слова* (Рогожникова 1991, с. 235).

Как известно, условный союз *если... (то)* в сложноподчиненном предложении эксплицирует условно-следственные отношения между

его частями, например: *Если вы согласны поскучать в обществе старой женщины..., то приходите ко мне обедать* (А. Крон). В таких предложениях соотносятся два события, из которых одно поставлено в зависимость от другого и служит достаточным основанием для его реализации. Кроме того, в условных предложениях всегда содержится альтернатива, возможность двоякой интерпретации, сравните: *Если вы согласны поскучать в обществе старой женщины..., то приходите ко мне обедать. – Если вы не согласны поскучать в обществе старой женщины..., то не приходите ко мне обедать.*

Однако не трудно заметить, что в случаях типа *Если говорить о каких-то принципиальных решениях и концепциях, то они, в общем, так и остаются невыработанными* (Лит. газета) между главной частью и придаточной, включающей лексему *если*, прямых отношений обусловленности нет, следствием чего является утрата альтернативного эквивалента, его очевидная бессмысленность: *Если и не говорить о принципиальных решениях и концепциях, то они все равно останутся невыработанными*. Алогичным представляется также и традиционный для логико-грамматического синтаксиса вопрос: «При каком условии принципиальные решения и концепции остаются невыработанными?» Не спасает положения и присутствие союза *если*, который, как любой семантический союз, должен не только оформлять связь, но и выражать определенные смысловые отношения между явлениями, названными в компонентах сложной конструкции. Несмотря на наличие союза *если*, являющегося основным средством выражения условно-следственных отношений, их маркером, условное значение в поверхностной структуре предложения не реализуется. Если обозначить первую и вторую предикативные единицы латинскими буквами *A* и *C*, то отсутствие условно-следственной связи между ними можно выразить следующим образом: *A* не является условием *C*, *C* не следует из *A*. Такая утрата прямых отношений обусловленности между частями конструкции объясняется тем, что в семантическом устройстве этого синтаксического построения есть компонент смысла, не находящий вербального выражения с помощью формальных языковых средств, но который в структурном плане в случае вербализации может быть представлен предикативной единицей (обозначим ее латинской буквой *B*). Семантическим вариантом данного имплицитного двухкомпонентного предложения, построенного по модели *Если A, то C*, можно считать трехкомпонентное сложное предложение, соответствующее модели *Если A, то B, что C: Если говорить о каких-то принципиальных решениях и концепциях, то следует признать (учесть, иметь в виду), что они, в общем, так и остаются невыработанными*. Как видим, имплицитное звено *B* имеет типизированную модальную семантику, точнее,

содержит модальную интерпретацию основного сообщения, то есть является модусом. Как известно, в семантике высказывания содержится не только объективная информация о каких-либо фактах, событиях, положениях дел (диктум), но и субъективная интерпретация этих диктумных событий и фактов (модус).

В поверхностной структуре предложения модус может быть выражен различными средствами: вводно-модальными словами и модальными частицами, разного рода вспомогательными глаголами, выступающими в качестве связки в составном сказуемом, формами наклонения, когда уже говорят о внедрении модуса в диктум. Но в наиболее развернутом виде он принимает форму главного предложения, тогда как диктум – придаточного изъяснительного. Главная часть таких построений не представляет собой отдельного высказывания, а служит только средством модального оформления придаточной части, выражая лексическим значением то или иное отношение говорящего к сожержанию, раскрываемому в придаточной части.

Нас будет в первую очередь интересовать модусное звено, получившее линейное выражение в виде предикативной единицы, которая сигнализирует о неэлементарности семантической структуры предложения. Мы считаем, что эта модусная предикативная единица представляет смысловой отрезок, который тоже представляет собой событие; хотя и качественно отличающееся от диктумного, но все-таки определенное событие, пусть в некоторых случаях и недостаточно полное. Это модусное событие отражает рефлексию говорящего / письщего по поводу диктумного события.

Сопоставляя диктумное и модусное события в составе сложноподчиненного предложения, необходимо подчеркнуть, что отличительным признаком модуса является его смысловая незавершенность, внутренняя неполнота. Это объясняется наличием в модусной предикативной единице сильно управляющего предиката, валентность которого, направленная на диктум, не может замещаться в рамках одного модусного построения. Сравните: *Примечательно, что...;* *Интересно, что...;* *Хочу сказать, что...;* *Думаю, что... и т. п.* Именно семантическая незавершенность модусного события и отличает синтаксические построения с модусом и диктумом от построений, выражающих разного рода отношения между разнообразными событиями диктумного уровня, в том числе и от причинно-следственных.

Вернемся к приведенному выше примеру: *Если говорить о каких-то принципиальных решениях и концепциях, то следует признать (учесть, иметь в виду), что они, в общем, так и остаются невыработанными.* Как видим, «восстанавливаемое» невербализованное звено модусной семантики является главной частью сложноподчиненного

предложения изъяснительного типа. Условно-следственные отношения наличествуют здесь не между компонентами *A* и *C*, а между компонентом *A*, с одной стороны, и целым блоком *B*, что *C*, с другой. Компонент *B* в этом блоке является модусом, а компонент *C* – диктумом. Этот диктумный компонент занимает синтаксическую позицию объекта, обычно появляющегося при глаголах изъяснительной семантики. Поэтому вполне закономерным является предположение о том, что невербализованное звено *B* при развертывании высказывания должно быть эксплицировано в предикативную единицу, содержащую именно глагол изъяснительного типа. Иными словами, здесь с точки зрения теории валентности имеет место нереализованная (пассивная) валентность предикативной единицы *C*, то есть семантика предиката блока *B* задается обратной валентностью (зависимостью) следующей предикативной единицы *C*. Наличие имплицитного модусного смысла в двухкомпонентных сложных предложениях, соответствующих модели *если A, то C*, подтверждается не только возможностями языковой системы, но и узусом, существованием в текстах семантически адекватных трехкомпонентных высказываний, построенных по модели *Если A, то B, что C* с эксплицитным модусным сегментом, например: *Если говорить о далеком прошлом, то надо сказать, что на протяжении последних миллиона с лишним лет в Северном полушарии несколько раз сменялись ледниковые и межледниковые периоды* («Лит. газета»). Как видим, в эксплицитном трехкомпонентном предложении предикативная единица *C* отвечает на валентные потребности словесной формы *сказать* модусной предикативной единицы *B*.

Эксплицитная модусная предикативная единица имеет две основные модели своей организации: 1) чаще всего она представляет собой инфинитивное предложение, построенное по схеме: «модально-предикативное слово (могно, надо, необходимо, нужно, нельзя) или модальный глагол (следует, стоит) + изъяснительный глагол»; 2) реже она формируется как финитное предложение, где функцию сказуемого выполняют все те же глаголы изъяснительного типа, например: а) *Если говорить о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, то следует признать, что знаки «грамматические»... должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными...* (Н. Валгина); б) *Если говорить о статусе таких войск, то я считаю, что они обязательно должны находиться в подчинении Центра* (Лит. газета).

Общим для семантики предикатов модусного звена является наличие у них информационной семьи. Что касается дифференциации лексического значения изъяснительных глаголов, то данные нашей картотеки говорят о том, что чаще всего это значения 1) мыслительной и по-

зывательной деятельности (думать, полагать, считать, признавать, иметь в виду, учитывать, предполагать, делать вывод и т. п.); 2) речи (сказать); 3) обнаружения, акцентирования (обнаружить, подчеркнуть, отметить, заметить, упомянуть и некоторые др.).

Сравните: 1) *Если говорить о политическом плорализме, то полагаю, что он будет утверждаться в нашем государстве не один год* (АиФ); 2) *Если говорить о культурном сотрудничестве, то можно с уверенностью сказать, что оно между нашими странами функционирует прекрасно* (Известия); 3) *Если говорить о современной церкви, то надо... подчеркнуть: мы стоим за полное, действительное отделение церкви от государства* (Д. Лихачев).

Анализ модусных звеньев в трехкомпонентных сложных предложениях позволяет сделать вывод о том, что наибольшей частотностью употребления отличаются модусы ментальной и акцентно-выделительной семантики. Модусы с предикатом говорения встречаются реже, вероятно, в связи с некоторыми стилистическими неудобствами, возникающими при употреблении супплетивной видовой формы *сказать*.

В редких случаях в трехкомпонентных предложениях можно встретить бессоюзную форму подчинения компонента *C* компоненту *B*, когда позицию диктумного изъяснительного придаточного занимает часть бессоюзного сложного предложения, например: *Если говорить о том, что понудило Толстого покинуть дом, места, где он родился, то надо сказать: сила нового убеждения, сила видения противоречий в жизни не только своей, а всей империи вывела Толстого из маленького, неуютного дома в Ясной поляне...* (В. Шкловский). См. также предыдущий пример.

В единичных случаях компрессия трехкомпонентного высказывания происходит не только за счет элиминации главной части сложно-подчиненного предложения (блок *B*), но и за счет трансформации всего блока *B*, что *C* в простое предложение, когда позицию диктумной предикативной единицы занимает именной оборот, который может быть развернут в изъяснительное придаточное предложение. При этом семантическое наполнение построения не изменяется, сравним:

Если говорить о соотношении синтаксического и логико-грамматического уровней анализа, то, по-видимому, нужно признать не только различие между ними и возможность несовпадения синтаксического и актуального членения, но и... зависимость синтаксического членения от логико-грамматического (Г. Золотова). – ...надо признать, что между ними есть не только различие и возможность несовпадения синтаксического и актуального членения, но существует и зависимость синтаксического членения от логико-грамматического.

Компрессия трехкомпонентного высказывания в двухкомпонентное может происходить и за счет преобразования модусной предикативной единицы, выраженной главной частью сложноподчиненного предложения изъяснительного типа, в вводное предложение, например: ...*Если говорить о привязанностях, то, сознаюсь, отдаю их детективам* (Лит. газета). Сравните развернутое трехкомпонентное построение, где модусное звено выражено предикативной единицей: *Если говорить о привязанностях, то я сознаюсь, что отдаю их детективам*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что членами одного вариативного ряда оказываются двухкомпонентное построение с имплицитным модусным звеном и трехкомпонентное, где модус эксплицирован и где условно-следственные отношения становятся очевидными. Относительно частотности употребления тех и других конструкций, по материалам нашей выборки, мы можем констатировать, что предложения с эксплицированным модусом составляют 18%, а двухкомпонентные 82%.

За счет элиминации модуса происходит синтаксическая компрессия предложения, то есть сокращение синтагматической цепи высказывания, при котором сохраняется объем информации компрессируемой единицы и, следовательно, увеличивается количество информации на одну единицу плана выражения. Двухкомпонентный вариант в смысловом отношении остается вполне автосемантичным, то есть понятным без обращения к контексту или ситуации, благодаря общей речевой практике и жизненному опыту. Слушающий / читающий может восстановить невербализованное звено.

Учитывая этимологию и возможность восстановления модусного звена, двухкомпонентные конструкции можно было бы квалифицировать как асимметричные предложения с соотношением 2:3, где две предикативные единицы репрезентируют три события. Однако компрессия трехкомпонентного сложного построения ведет к определенным изменениям в семантическом устройстве двухкомпонентного предложения и преобразованию сегмента *если говорить о + N₆*. Семантический разрыв между событиями, находящими выражение в вербализованных предикативных единицах с помощью языковых средств, в поверхностной структуре предложения проявляется как отсутствие условно-следственных отношений между составляющими его предикативными единицами. Смысловой разрыв главным образом и предопределяет утрату предикативной единицей *если говорить о + N₆* событийной семантики. Этому способствуют также структурная организация данной предикативной единицы, определенная степень десемантизации составляющих ее постоянных элементов, высокая степень фразеологизации. Оставаясь полипредикативным с точки зрения структурно-

го (формального) устройства, в семантическом отношении двухкомпонентное сложное предложение является монособытийным и может быть охарактеризовано как асимметричное предложение с соотношением 2:1, где двум предикативным единицам соответствует фактически одно диктумное событие. Утрачивая пропозитивную семантику, стандартизованная единица *если говорить о... , то...* начинает выполнять служебные функции (Лапынина 2006).

Литература

Глушенко Т.А. Стилевая дифференциация сложноподчиненных предложений условного типа в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Глушенко. – Орел, 1986. – 212 с.

Ильенко С.Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному союзом *если*, в современном русском языке / С.Г. Ильенко // Учен. Зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Ленинград, 1963. – Т. 225. – С. 29–54.

Ильенко С.Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединяемыми к главному союзом *если* // С.Г. Ильенко. Русистика: Избр. тр. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – С. 255–280.

Колосова Т.А. Русские предложения асимметричной структуры. – Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1980. – 164 с.

Колосова Т.А. Русские предложения асимметричной структуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2008. – 212 с.

Костычева Л.М. Вводные единицы с формантом *если* и их функциональные эквиваленты в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Костычева. – Л., 1989. – 18 с.

Кубик М. Условные конструкции и система сложного предложения / М. Кубик. – Praha: Universita Karlova, 1967. – 229 с.

Лапынина Н.Н. О полифункциональности некоторых служебных единиц и их роли в тексте / Н.Н. Лапынина // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения проф. А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – С. 190–196.

Рогожникова Р.П. Предложения с союзом *если и если бы* в современном русском языке / Р.П. Рогожникова // РЯШ. – 1957. – № 4. – С. 41–46.

Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: Наречные, служебные, модальные единства / Р.П. Рогожникова. – М.: Рус. яз., 1991. – 254 с.

Русская грамматика: В 2-х т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 717 с.

Слепцова А.М. Фразеологизированные конструкции с условным союзом «если» в современном русском языке / А.М. Слепцова // Русский синтаксис: Изв. Воронеж гос. пед. ин-та. – Воронеж, 1979. – Т. 203. – С. 74–86.

Ларина Т.В., Скребова Е.Г.

Larina T.V., Skrebova E.G.

ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВОЕННЫХ ВУЗАХ
MODERN SCIENTIFIC TRENDS IN TEACHING FOREIGN
PROFESSIONAL COMMUNICATION AT MILITARY HIGHER
EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции обучения иноязычной профессиональной коммуникации в военных вузах, определяемые новыми требованиями к подготовке офицерских кадров. Отмечается, что эвристически наиболее многообещающим, полностью согласующимся с современными тенденциями в развитии теоретической и практически ориентированной лингводидактики, представляется семантико-функциональный подход к предложению как главной языковой единице, а также методика его многоаспектного (поаспектного) анализа.

Abstract. The article considers scientific trends in teaching foreign professional communication at military higher educational institutions that are determined by new requirements to training officers. It is reported that semantic-functional approach to the sentence as the main linguistic unit as well as methods of its multiple aspect (by aspect) analysis is heuristically the most promising and completely corresponding to modern trends in development of theoretically and practically oriented language education.

Ключевые слова: военные образовательные организации высшего образования, офицерские кадры, иноязычная профессиональная коммуникация, семантико-функциональное направление, предложение-высказывание, методика многоаспектного анализа.

Key words: military higher educational institutions, officers, foreign professional communication, semantic-functional area, sentence-statement, methods of multiple aspect analysis

Реформирование военных образовательных организаций высшего образования, проводимое с опорой на государственную политику в сфере обороны и образования, направлено на создание антропоцентрически детерминированной парадигмы подготовки офицерских кадров, готовых к самоактуализации в своей профессиональной деятельности, саморазвитию, личностному самоопределению.

В соответствии с новыми требованиями к подготовке офицеров возрастает значение дисциплины гуманитарного цикла «Иностранный язык». Современные условия прохождения службы, сложившиеся в результате возникновения интенсивно развивающейся поликультурной среды деятельности, предполагают, что офицер с необходимостью будет использовать иностранный язык, самостоятельно получать требуемую иноязычную информацию, пользоваться ею, решать проблемы дальнейшего развития языковой компетенции.

С учетом сказанного меняется понимание конечного результата обучения иностранным языкам в военном вузе. Ключевой целью обучения иностранным языкам становится формирование успешной и результативной билингвальной и бикультурной личности будущего офицера.

Актуальность данной цели обучения определяется следующими факторами:

1. **Увеличением международных контактов.** Приоритетным направлением для российской армии является организация и развитие партнерских отношений и стратегических взаимодействий с армиями нового типа других стран путем общения. Строительство отношений и связей между армиями стран союзников и потенциальных противников требует от военных специалистов готовности и способности вести профессиональную коммуникацию с представителями других культур в качестве полноценных членов данного полилингвального и поликультурного профессионального объединения.

2. **Лингвоинформационной средой**, интерпретируемой как новый тип технологического, психофизического и социокультурного бытия полилингвальной и поликультурной личности (Безукладников 2013, с. 29). Процесс значительных изменений в доктрине военной безопасности, постоянного роста инвестиций в армии, стремительного обновления вооружения стран союзников и потенциальных противников делает актуальным в процессе подготовки военного специалиста в рамках дисциплины «Иностранный язык» вопрос о формировании его готовности и способности самостоятельно получать иноязычную информацию о характеристиках нового военного оборудования, методиках тренировок и других важных факторах из лингвоинформационной среды.

Таким образом, иноязычная подготовка офицерских кадров в современных условиях представляется одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на готовность выпускника военного вуза выдержать конкуренцию и занять достойное место не только в профессиональной среде, но и в международном сообществе.

В центре внимания практически ориентированного обучения иноязычной профессиональной коммуникации в военных образовательных организациях высшего образования находится синтаксис, поскольку именно знание синтаксический системы изучаемого языка обеспечивает коммуникативно-приемлемое и грамматически корректное оформление устной и письменной речи.

Эвристически наиболее многообещающим, полностью согласующимся с современными тенденциями в развитии теоретической и практической ориентированной лингводидактики, нам представляется **семантико-функциональный подход** к предложению как главной языковой единице.

Специфика данного направления заключается в том, что предложение рассматривается с точки зрения особенностей его содержательной организации, закономерностей функционирования, а также связей с ситуацией профессионального общения. Таким образом, лингводидактический анализ имеет общую направленность от «значения к форме», причем главная задача состоит в двусторонней корректировке данных и о значении, и о форме (Степанов 1981, с. 4; Бондарко 2011, с. 64–65; Копров 2010, с. 61–62).

Разработка семантико-функционального синтаксиса предполагает в первую очередь создание типологии собственного (внутреннего) строения предложения, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в синтаксической системе изучаемого языка. Ориентация на коммуникацию обуславливает необходимость моделирования условий выбора соответствующей единицы из имеющегося в данном языке вариативного ряда, включающего в себя выявление и описание существующих между конструкциями отношений (вариантности, синонимии, дополнительности). Направленность на непосредственный выход в коммуникацию предопределяет ведущую роль синтаксиса как системы, которая интегрирует остальные уровни и единицы языка, в связи с чем в пределах этой концепции оказываются востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики (Копров 2010, с. 221–222).

В центре внимания семантико-функциональной лингводидактики находится информативно минимальное предложение, которое наиболее экономно выражает типовое значение в единстве морфологических и семантических признаков, без дополнительных смысловых приращений (Золотова 2004, с. 197). Результаты анализа такого предложения на начальном этапе преподавания дают необходимый материал, на основе которого в дальнейшем у курсантов складывается представление о специфике всей синтаксической системы изучаемого языка.

В процессе реальной речевой деятельности говорящий часто включает в высказывания разного рода распространители минимального состава. Такие информативно не минимальные синтаксические конструкции представляют собой простые распространенные предложения (с атрибутивными и обстоятельственными компонентами), предложения, осложненные неличными (причастными, деепричастными, инфинитивными) оборотами и т. д., например:

1) *И вдруг на рассвете после тяжелой темной ночи* раздался залп фашистской артиллерии (А. Серафимович); *Почти у самых окопов «взяли в вилку»* (К. Симонов); *(Несчастье случилось в шесть ноль-ноль.* Оно было записано в вахтенном журнале эскадренного миноносца с исчерпывающей жестокой точностью: *«6.00. «Стремительный» подо-*

рвался на минной банке на траверзе маяка Лонгрунд».) **По донесению командира**, держится на плаву (Б. Лавренев); *Die USA konzentrieren sich militärisch auf die Pazifik-Region* (Die militärische Struktur der NATO); *Die Armee mit ihren Teilstreitkräften bildet eines der sicherheitspolitischen Instrumente zur Umsetzung dieser Strategie* (Luftwaffe. Basisdoktrin);

2) Карандаш катался по карте, **разбитой на квадраты** (В. Катаев); **Рассекая черный воздух**, ахнула первая бомба (В. Кожевников); **Немцам некуда было ни сворачивать, ни уходить**: с обеих сторон дороги поднималась снежная стена (А. Толстой); *Hierdurch soll unter anderem ein dem jeweiligen Schadeneignis beziehungsweise der jeweiligen Gefahrenlage entsprechender kontinuierlicher Aufbau der Führungsorganisation ermöglicht werden; beginnend beim alltäglichen Einsatz einer Gruppe bis hin zum Großeinsatz bei weiträumigen Schadenslagen* (Фührung und Leitung im Einsatz); *Die Lag Pursuit Roll, oder alternativ das High Yoyo geben uns die Gelegenheit, auf die hohe Sechs der Hurricane zu kommen* (Relative Leistung im Luftkampf).

Предложения типа (1) фиксируют не одну, а две или даже несколько предметных ситуаций. В них основная (по мнению говорящего) предметная ситуация репрезентирована в развернутом виде и характеризуется компонентами всех предикативных категорий. Атрибутивные и обстоятельственные ситуации представлены в свернутом виде формами имен существительных, имен прилагательных, наречий как лишенные собственной предикативности.

В осложненных предложениях типа (2) вторичная ситуация, представленная неличными оборотами, распространяет основную ситуацию и формирует «полугорапредикативные» высказывания, в главной части которых предикация представлена в полном объеме, в неличном обороте – частично. Кроме того, в таких высказываниях может обнаруживаться совпадение / несовпадение субъектов обеих частей и корреляция компонентов их предикативных категорий, что создает следующие комплексы: моносубъектность – полисубъектность; монотемпоральность – политемпоральность; мономодальность – полимодальность (Золотова 2004, с. 220; Бондарко 2011, с. 31-33).

Еще больше осложняет структуру высказывания включение в его состав двух признаковых компонентов, связанных одной предикацией:

«**Стремительный**» **вышел из дыма и весь стоял** с небольшим дифферентом на нос (Б. Лавренев); **Дозор выпал беспокойный** (Л. Соболев); *Die Führungsorganisation legt die Aufgabenbereiche der Führungs Kräfte fest und gibt die Art und Anzahl der Führungsebenen vor* (Фührung und Leitung im Einsatz); *Festgeschriebene und publizierte Doktrin macht das Denken der Armee und der Teilstreitkräfte transparent* (Luftwaffe. Basisdoktrin).

По наблюдениям Е.А. Алексеевой, наряду с конституирующими эти предложения матричным (иначе – первым, обязательным) сказуемым в их состав вводится второе (факультативное) сказуемое, ориентированное на тот же самый субъект и тот же самый предикативный компонент (Алексеева 2011, с. 47–48). Такие осложненные по семантике и структуре предложения находятся в переходной зоне между простыми и сложными.

Другой разновидностью высказываний переходного типа являются локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом:

У вас / вам есть с кого брать пример; Du hast hier nichts zu befürchten.

Особенность синтаксических конструкций, подобных приведенным выше, заключается в том, что соответственно речевой интенции говорящего в качестве основной ситуации здесь выступает локативно-посессивная ситуация, объектом которой является частично свернутая вторая ситуация, представленная инфинитивным оборотом с прономинализованным компонентом (Копров 2016, с. 20).

Наконец, реализуя свою коммуникативную интенцию, говорящий в составе одного высказывания может реализовывать две (и более) соотнесенные между собой развернутые ситуации, каждая из которых выражает и собственную предикацию. Такие предложения традиционно относят к сложным:

Bis 1918 sprach man von Bundesheer oder Kontingentsheer, und nach 1918 verwendete man die wenig aussagekräftige, aber sehr romantische Bezeichnung «Alte Armee» oder «Altes Heer» (Auswahl und Ausbildung junger Offiziere. Zur sozialen Genese des deutschen Offizierkorps); Der Winkelkampf steht eigentlich untrennbar mit dem Energiekampf in Verbindung, da im Prinzip eigentlich fast jedes der nachfolgenden Mannöver auch den Energiefaktor berücksichtigt (RL 6. Winkelkampf); Der Korkenzieher muß möglichst senkrecht ausgeführt werden, damit wir das Maximum an Geschwindigkeit aus unserer Höhe machen können (Hinweise zu Luftkampfmanövern).

С семантико-функциональной точки зрения различия между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями заключаются в отношениях между двумя (или более) ситуациями, которые устанавливаются говорящим в процессе порождения сложного высказывания. Эти отношения могут быть представлены либо как равноправные, либо как неравноправные, с выделением одной из ситуаций в качестве основной, главной.

Сложносочиненное предложение трактуется как синтаксический комплекс, отличающийся информативным равноправием и относительной автономностью его конструктивных частей – простых предложений, каждое из которых содержит развернутую предметную ситу-

ацию и конституирующую структурное единство компонентов предикацию, например:

Er war in Berlin und sie fuhr nach Hamburg; Vertrauen ist gut, aber Kontrolle ist besser; Entweder Sie bezahlen die Zeche oder wir rufen die Polizei.

Сложноподчиненное предложение понимается как синтаксический комплекс, характеризующийся информативным неравноправием и зависимостью его конструктивных частей – простых предложений, каждое из которых содержит развернутую предметную ситуацию и конституирующую структурное единство компонентов предикацию, например:

Soldatinnen und Soldaten werden in ihren Rechten dadurch geschützt, dass Umfang und Grenzen der Befehlsbefugnis der Vorgesetzten und der Gehorsamspflicht der Untergebenen gesetzlich festgelegt sind (ZDv 10/1 Innere Führung); *Die Bundeswehr ist die erste deutsche Armee, die in einen bestehenden freiheitlichen demokratischen Rechtsstaat hinein geschaffen wurde* (ebenda); *So geriet der einfache Soldat in eine immer kritischer werdende Situation, nur weil niemand zu einer raschen, der Lage angemessenen Entscheidung fähig war* (Auswahl und Ausbildung junger Offiziere. Zur sozialen Genese des deutschen Offizierkorps).

При разработке практически ориентированной концепции обучения иноязычной профессиональной коммуникации мы исходим из признания неразрывности двух слагаемых предложения-высказывания: **собственно языкового**, единицы которого – предложения – составляют синтаксическую систему изучаемого языка, и **речевого**, которое охватывает сферу функционирования предложений в речи – высказываний. Отсюда, представляется целесообразным использовать методику многоаспектного (поаспектного) анализа, суть которой заключается в последовательном рассмотрении семантико-структурного устройства и функционирования предложения-высказывания.

Среди основных аспектов устройства предложения-высказывания разграничиваются:

1. **Целевой аспект.** Аспект целевой установки говорящего обуславливается его интенцией (иначе – коммуникативным намерением) по отношению к адресату и отражает основные разновидности речевого общения, а именно повествование, запрос информации, побуждение. Различия цели коммуникации фиксируются грамматически в определенных структурах. Основными компонентами здесь оказываются порядок слов, состав членов предложения, частично также наклонение, интонация.

Следует подчеркнуть, что именно цель высказывания задает многие его параметры.

2. **Номинативный аспект.** Этот аспект занимает центральное положение среди остальных аспектов устройства синтаксических кон-

структурой. По причине сложности внутренней организации номинативного аспекта представляется практически полезным различать в нем ситуативно-структурный и релятивно-структурный подаспекты.

В рамках **ситуативно-структурного подаспекта** строение предложения рассматривается как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации в информативно минимальном предложении или нескольких ситуаций в информативно не минимальном предложении.

В свете **релятивно-структурного подаспекта** анализируются категориально-грамматические характеристики актантов, которые они получают при заполнении информативно обязательных позиций в построениях того или иного конструктивного типа. Параметры актантов варьируются в предложении в зависимости от интерпретации говорящим репрезентируемой предметной ситуации по линии категорий определенности – неопределенности, личности – безличности, залога.

3. Релятивно-номинативный (осложняющий) аспект. Это основной аспект анализа всех типов информативно не минимальных предложений.

Используя арсенал синтаксических средств, говорящий эксплицирует воспринятые им отношения между главной, основной ситуацией и сопутствующими ей другими ситуациями (атрибутивные, временные, пространственные, условные, целевые и т. д.).

4. Предикативный аспект. В пределах названного аспекта рассматриваются компоненты, выражающие зафиксированное говорящим отношение кодируемой предметной ситуации (или нескольких ситуаций) к ситуации общения.

Основу предикативного аспекта составляют грамматические категории персональности, аспектуальности, темпоральности, таксиса, объективной модальности.

5. Актуализирующий аспект. Актуализация предложения, т. е. включение его в ситуацию общения (контекст), «превращает» предложение как единицу системы языка в конкретное речевое произведение – высказывание.

Оформление актуального членения предложения-высказывания определяется характером его взаимодействия с грамматическим членением и использует, по наблюдениям И.П. Распопова, преимущественно формальные средства языка, которые оказываются свободными от выражения грамматического членения, т. е. выражения реляционных понятий посредством значащего расположения конституентов предложения и дополнительных (аффиксальных, вспомогательных или служебных) элементов, обладающих свойством регулярной воспроизведимости в соответствии со структурными особенностями данного языка (Распопов 1961, с. 17). Такими компонентами являются порядок

слов в информативно минимальном предложении и взаиморасположение частей – в сложном предложении.

6. Стилистический аспект. При включении высказывания в речевой контекст учитываются и общие особенности коммуникации (устная – письменная речь, монологическая – диалогическая речь, разговорный – официально-деловой – научный стиль и т. д.). Таким образом, стилистическая специфика всего текста в известной степени обуславливает выбор говорящим той или иной синтаксической конструкции из имеющегося синонимического ряда.

7. Эмоционально-экспрессивный аспект. В конкретных высказываниях могут присутствовать компоненты, передающие эмоции говорящего или сообщающие высказыванию особую экспрессивность. К таким компонентам чаще всего относят частицы и междометия, образные выражения, фразеологизмы, эллипсис, специальные восклицательные конструкции, интонацию и др. (Копров 2010, с. 37–44).

Следует отметить, что при системном подходе к обучению иноязычной профессиональной коммуникации представляется целесообразным разграничивать два этапа: семантико-структурный, на котором устройство предложений различных конструктивных типов рассматривается последовательно от простого к сложному, и семантико-функциональный, на котором усваиваются особенности выражения одних и тех же семантических отношений различными синтаксическими конструкциями.

Применяемая методика многоаспектного (поаспектного) анализа способствует значительному расширению словарного запаса курсантов, развитию умений ситуативно уместно использовать синтаксические конструкции различных типов, улучшению навыков понимания иноязычной речи и т. д.

Данная методика позволяет интегрировать обучение синтаксису с различными коммуникативными заданиями, что дает возможность вводить грамматический материал в профессионально значимом контексте.

Литература

Алексеева Е.А. О предикативном потенциале прилагательного // Е.А. Алексеева // Грамматика разноструктурных языков: сборник научных статей к юбилею профессора Виктора Юрьевича Копрова. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – С. 42-50.

Безукладников К.Э. Лингвоинформационный подход к высшему иноязычному образованию: методика формирования лингводидактических компетенций / К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе. – М.: Lennex Corp, 2013. – 216 с.

Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 544 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в со-поставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Олейников, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и англий- ского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Распопов И.П. Актуальное членение предложения. На материале простого повествования преимущественно в монологической речи / И.П. Распопов. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1961. – 163 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грам- матика) / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

Лебедева А.Л.

Lebedeva A.L.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

**СИТУАЦИИ ТАКТИЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В КУРСЕ
ПО СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ СИНТАКСИСУ
ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТАЖЕРОВ**

**THE SITUATION OF TACTILE PERCEPTION IN THE COURSE
OF SEMANTIC-FUNCTIONAL SYNTAX FOR FOREIGN STUDENTS**

Аннотация. В центре современных лингвистических исследований стоит человек, одной из важнейших проблем является изучение процессов восприятия человеком окружающего мира, в том числе – тактильного (осознательного) восприятия. На уровне языка оно реализуется как разновидность субъектно-объектных отношений. При описании предложений применяется методика по-аспектной характеристики устройства предложения.

Abstract. A man is in the center of modern linguistic research, and one of the main problems here is the scientific study of the processes of human perception of the world, including tactile (haptic) perception. At the language level, it is imple- mented as a kind of subject-object relations. Description of sentences is done on the basis of multispect analysis techniques.

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, субъектно-объектные отношения, ситуации тактильного восприятия.

Key words: semantic-functional syntax, subject-object relations, the situation of tactile perception.

В последние десятилетия в соответствии с антропоцентрической парадигмой человек становится точкой отсчета в лингвистическом анализе тех или иных явлений.

Восприятие – универсальная категория человеческого сознания, оно является одним из основных способов познания действительности. Ре-

зультатом восприятия окружающего мира является сформированный в сознании индивида чувственный образ. Известны пять основных типов восприятия: слух, зрение, осязание, обоняние и вкус. Разные органы чувств играют в познании разную роль в зависимости от возрастной стадии развития человека. Для формирующегося человека – ребенка – важнейшим способом восприятия является осязание. Взрослый человек большую часть информации получает с помощью зрения и слуха.

Е.В. Урысон отмечает, что основные лексические единицы, обозначающие восприятие, – это *видеть, слышать, обонять, ощущать вкус и осязать*. Каждая из этих единиц описывает ситуацию с двумя участниками. Первый участник – субъект восприятия (тот, кто воспринимает), второй – объект восприятия (то, что воспринимается). Иногда субъект просто воспринимает какой-нибудь объект (пассивное восприятие); спр.: *Я вижу лису, Я слышу музыку*. А иногда он делает что-то специальное, для того чтобы воспринимать объект. Спр.: *Я смотрю на лису, Я слушаю музыку*. Такие специальные действия обозначаются своими глаголами, причем для каждого вида «пассивного восприятия» имеется парный глагол, обозначающий соответствующее активное действие. Спр.: *видеть – смотреть, слышать – слушать, обонять – нюхать, ощущать вкус – пробовать, осязать – щупать* (Урысон 1998).

Проанализировав семантику глаголов **тактильного восприятия**, мы можем предположить, что глагол *осязать* тяготеет к развитию отвлеченных значений, связанных с общим восприятием – осмыслением мира. Глагол же *щупать* называет наблюдаемое конкретное действие, осуществляющееся с конкретной, чаще всего узко практической целью – обследовать объект, выявить его признаки.

Активное осязание может быть непосредственным (ощупывание) и опосредованным (инструментальное, т. е. процесс ощупывания объекта производится при помощи какого-либо инструмента или орудия). В русском языке нет специального однословного выражения для той части тела, которая осязает. Это и подушечки пальцев, и, возможно, ладонь (точнее, кожа этих частей руки), но русский язык не выделяет их в качестве «органа осязания».

В повседневной жизни человека используется много инструментов, которые помогают ему «осязать мир», например, ножницы, плоскогубцы, чайная ложка, карандаш, ручка, молоток. Пальцы человека, его рука – тоже инструмент (неотчуждаемый) – часть тела. Но осязание может осуществляться и ногами, например, осязание рельефа почвы через подошвы обуви при ориентировке слепых, протезное осязание. В случае необходимости обследования особо мелких предметов при слепоте, а также маленькими детьми используется ротовое осязание (Осязание 1959, с. 15).

На продвинутом этапе обучения углубление знаний иностранных учащихся в области русской грамматики целесообразно проводить в виде лекционно-семинарских занятий по **семантико-функциональному синтаксису**. Один из разделов такого спецкурса по синтаксису составляет изучение средств выражения ситуации тактильного восприятия как разновидности субъектно-объектных отношений. В наших исследований используется термин «семантико-функциональный», так как мы идем от семантики грамматических форм к их функционированию.

Использование функционального подхода в синтаксисе требует разработки такой модели описания типологии предложения, которая давала бы знания о том, какие языковые комплексы обеспечивают тот или иной участок системы языка. Мы опираемся на методику поаспектной характеристики устройства предложения, предложенную В.Ю. Копровым. Выделяется семь аспектов устройства и функционирования предложения (целевой, номинативный, предикативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический). Основным аспектом организации устройства предложения является **номинативный аспект**, который подразделяется на два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный. В **сituативно-структурном подаспекте** разграничиваются три уровня семантического устройства предложений касания: 1) типовое значение; 2) инвариантная семантическая структура; 3) лексико-грамматический вариант инвариантной семантической структуры предложения (Копров 2010, с. 37–44).

В языке ситуации тактильного восприятия находят свое отражение в простых предложениях с типовым значением «субъектно-объектные отношения» и инвариантной семантической структурой «субъект – тактильное восприятие – объект».

Предложения входят в семантико-функциональное поле средств выражения ситуации тактильного восприятия. Как во всяком поле, здесь имеется ядро и периферия, см. об этом подробнее (Лебедева 2009, с. 56–73). К ядру поля относятся предложения с глаголами *касаться, трогать, щупать*. Например:

А пока не разбудят, любимую трогать / Так, как мне, не дано никому. / Как я трогал тебя! Даже губ моих медью / Трогал так, как трагедией трогают зал (Б. Пастернак); *Как велич простая учтивость, / Подошел ко мне, улыбнулся, / Полуласково, полуленово / Поцелуем руки коснулся* (А. Ахматова); *Руки роняют тетрадь, Щупают тонкую шею* (М. Цветаева); *Прохожих ощупывает колючим взглядом...* (Ю. Друнина).

В инвариантной семантической структуре предложений, выражающих ситуацию тактильного восприятия, выделяются обязательные (субъект и объект) и факультативные (инструмент, локализатор) имен-

ные актанты. В качестве факультативного компонента чаще всего выступает абстрактное понятие или инструмент, под которым понимается предмет, вовлеченный в действие и способствующий его осуществлению. Инструмент субкатегоризируют на неотчуждаемый и отчуждаемый:

Обрадованный слабостью моей, он детским пальцем щекотал мне ухо (Б. Ахмадулина); *Он снова тронул мои колени / Почти не дрогнувшей рукой* (А. Ахматова); *Средь суеты, в пленау успеха, вдруг, / Тебя безжалостно за горло схватит / Холодными ручищами испуг...* (Ю. Друнина).

В **релятивно-структурном подаспекте** предметом изучения являются категориально-грамматические характеристики признакового компонента и семантических актантов в синтаксических конструкциях разных типов, прежде всего – **залоговые**.

Залоговость в русском языке представляет собой обширное и сложно организованное поле. Формы страдательного залога образуются от глаголов действительного залога, но возможность этого преобразования имеет лексико-грамматические, лексические, контекстуальные и грамматические ограничения.

Лексико-грамматические и лексические ограничения связаны с переходностью / непереходностью глаголов. Так, часть переходных глаголов образует только формы страдательного залога; определенная группа переходных глаголов не образует пассива; некоторые непереходные глаголы употребляются только в форме действительного залога и являются однозалоговыми (или, по другой терминологии, вообще не имеют залога); непереходные глаголы, в свою очередь, подразделяются на возвратные и невозвратные (Современный русский язык 2001).

От переходных глаголов несовершенного вида страдательный залог образуется при помощи особой частицы (постфиксa) *-ся*. У переходных глаголов совершенного вида значение страдательного залога выражается краткими страдательными причастиями с глаголом *быть*, который в настоящем времени не употребляется: *Он ... возгорелся после того, как был обделован, обласкан и обгажен* (А. Азольский).

Глаголы тактильного восприятия не всегда могут использоваться в пассивных конструкциях. К примеру, пассивные конструкции не обра-зуются:

с глаголами **несовершенного** вида:

а) *липнуть, лынуть*, поскольку это глаголы однократного действия;

б) *браться, держаться, касаться, лизаться, обниматься, опираться, прижиматься, прикладываться, прислоняться, утыкаться, хвататься, целоваться, цепляться, чесаться, щипаться* – это соб-ственно возвратные глаголы или возвратные формы невозвратных гла-голов, совпадающие с пассивом; в отдельных случаях возможно обра-зование пассивной конструкции от невозвратных глаголов типа *троп-*

гать: *Если палочка, прикасающаяся к снимаемой, хотя чуть трогалась, игрок уступал очередь, а выигравшим считался тот, кто большие снял палочек* (А. Грин);

в) *приникать, льнуть, липнуть, присадать* – это непереходные глаголы;

с глаголами **совершенного** вида:

а) *погладить, прижать, прицепить, приложить, проткнуть, схватить, удержать, обнять, поцеловать, пощупать, ощупать* регулярно образуются пассивные паратипиальные конструкции: *Капитан был схвачен за уши и тоже поцелован* (Г. Полонский); *Тут маленький Лужин попался ему под ноги и был поглажен по голове* (В. Набоков); *Тот не успел поднять головы, как к его лицу был приложен платок, пропитанный эфиром* (А. Ростовский);

б) *прилипнуть, прильнуть, приникнуть, стиснуть, щипнуть* – это глаголы однократного действия; образование пассивной конструкции от глагола *tronуть* возможно, но только в предложении с переносным значением: *Миша был тронут до слез, но ни на что не реагировал* (В. Осеева).

Вышеприведенные примеры показывают, что ограничения в использовании глаголов тактильного восприятия в русских пассивных конструкциях связаны главным образом с категориями вида, переходности / непереходности и возвратности глагола.

Дальнейшее изучение ситуаций тактильного восприятия в русском и других языках представляет интерес для разработки семантико-функционального синтаксиса и применения его результатов в практике преподавания русского языка иностранным стажерам.

Литература

Лебедева А.Л. Семантика и функционирование предложений с глаголами касания (на материале русского и немецкого языков) / А.Л. Лебедева: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 165 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в со-поставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Осязание в процессах познания и труда / Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов; под ред. Б.Г. Ананьева. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1959. – 263 с.

Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.

Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В. Урысон // Вопросы языкоznания. 1998. – № 2. – С. 3–21.

Лутфуллина Г.Ф.
Lutfullina G.F.

Казанский государственный энергетический университет
Kazan State Power Engineering University

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ВОСПРИЯТИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**
SYNTAX STRUCTURES OF PERCEPTION IN FRENCH

Аннотация. Статья посвящена выявлению спектра синтаксических конструкций французского языка, задействованных в репрезентации категории перцептивности. Рассматриваются сложноподчиненные предложения и конструкции с формами причастий.

Abstract. The article is devoted to the identification of syntax structures of French language involved in representation of perception. Complex sentences and constructions with participial forms are considered.

Ключевые слова: перцептивность, синтаксические конструкции.

Keywords: perception category, syntax constructions.

Изучение категории эвиденциальности приобрело актуальность в последние десятилетия. Эвиденциальность является bipolarной категорией, так как различают косвенную эвиденциальность, или получение информации от третьих лиц, и «прямую» эвиденциальность как непосредственное восприятие ситуаций. В последнем случае предполагается синхронность ситуации восприятия и воспринимаемой ситуации как условие реализации категории восприятия.

Семантическая структура высказываний с реализацией категории перцептивности предполагает наличие **воспринимающей части** – ситуации восприятия, состоящей из:

- 1) предиката перцептивного действия, имеющего воплощенную в метаэпаголе «воспринимать» семантическую составляющую;
- 2) актанта субъектного типа – агента, перцептора, являющегося производителем / контролером физического и ментального действия.

Объектом восприятия является динамическая, глагольно выраженная ситуация. Она соответствует **воспринимаемой части** высказывания, в которой представлены:

- 1) предикат, выражающий действие субъекта воспринимаемой ситуации;
- 2) активный агент, на которого направлен процесс восприятия.

Отношения сложноподчиненного предложения и зависимого предложения в его составе определяются как реализация зависимой предикативности. Понятие зависимой предикативности используется главным образом в исследованиях, посвященных неиндоевропейским языкам. В отечественной и зарубежной лингвистике функциональная классификация придаточных основана на аналогии, функциональном

тождестве членов высказывания и придаточных предложений. Данная классификация основывается на наличии валентностных свойств предложения, при котором происходит замещение валентностей придаточными в двухчленных сложноподчиненных предложениях. При общем условии подчинения последние характеризуются наличием единицы свободной валентности, а придаточные предложения определяются наличием семантических и формальных свойств, необходимых для замещения валентностей (Левицкий 2005, с.198).

Ядро системы сложноподчиненного предложения образуют структуры, в которых придаточные являются подчиненными компонентами как на глубинном, так и на поверхностном уровне – придаточные **субстантивные**, за исключением придаточных в функции подлежащего, **адъективные** и **адвербильные** с разным характером инциденции. Дальше от ядра находятся сложноподчиненные предложения с причинно-следственной взаимообусловленностью компонентов, что говорит об их семантическом равноправии. Однако в плане глубинных отношений они являются подчиненным звеном. Периферию образуют, с одной стороны, осложненные предложения с вводно-вставочными структурами, а с другой – структуры, находящиеся на грани между подчинением и сочинением, где подчинительные связи ослаблены как в плане поверхностной структуры предложения, так и в плане его глубинной структуры (Костюшкина 1991, с.12).

При репрезентации категории перцептивности задействованы следующие виды сложноподчиненных предложений:

1. **Сложноподчиненные предложения с придаточным субстантивным**, введенным союзом *que*.

(1) Lorsque N. revient, *je vois qu'il est un peu contrarié*, il ne parle plus aussi volontiers, et puis, heureusement, il se laisse de nouveau emporter (Alexievitch, 2013, p. 16); Когда Н. возвращается, я вижу: он немного *расстроен* и говорит уже не так охотно, но потом, к счастью, снова увлекается (Алексиевич 2013, с.15).

2. **Сложноподчиненные предложения с придаточным адвербальным**, вводимым союзом *comment*.

(2) *Je vois bien comment ma vieille mère regarde le jardin le soir...* (Alexievitch, 2013, p. Я вижу, как смотрит моя старенькая мама вечером в сад... (Алексиевич 2013, с.4).

3. **Сложноподчиненные с придаточным адъективным**, введенным союзом *qui*.

(3) Quand je ferme les yeux, *je vois l'aryk qui coule*, le coton qui fleurit, des fleurs rose tendre, c'est comme un jardin... (Alexievitch, 2013, p. 13). Закрою глаза – вижу: *арык течет*, хлопок цветет, он цветет нежно-розово, как сад... (Алексиевич 2013, с.4).

4. Особое место занимают **вводные предложения** с глаголом восприятия

(4)...Il demanda à Marguerite: *À ce que je vois, vous êtes une personne d'une exceptionnelle bonté? D'une haute moralité?* (Boulgakov 1968, p. 23). ...Он спросил: — Вы, *судя по всему*, человек исключительной доброты? Высокоморальный человек? (Булгаков 1940, с. 24).

5. **Инфинитивное придаточное предложение** во французском языке – это конструкция, состоящая из неопределенной формы глаголы, которая является дополнением к сказуемому главного предложения. Инфинитивное придаточное предложение служит дополнением к сказуемому, выражающему чувственное восприятие *voir, entendre, écouter, sentir, regarder* или выраженному глаголами *laisser, envoyer*, а также словами *voici, voilà*. Данный вид предложения употребляется без союзов, а глагол стоит в неопределенной форме. Подлежащее инфинитива одновременно является дополнением сказуемого главного предложения. На русский язык придаточное инфинитивное предложение обычно переводится причастным оборотом или придаточным предложением.

(5) *Je vois passer les secrétaires qui se remettent du rimmel* (Beigbeder 2000, p.45). Повсюду секретарши-магдалины наводят торопливо красоту (Бегбедер 2002, с.47).

(6) *Je regarde, et je vois arriver au trot monsieur le chef d'escadron sur son voleur de Touchino* (Boulgakov 1968, p. 23). Гляжу, подъезжает, господин эскадронный командир рысью на Тушинском Воре (Булгаков 1940, с. 24).

7. Во французском языке имеются две формы причастия: причастие настоящего времени (Participe présent) и причастие прошедшего времени (Participe passé). Причастие прошедшего времени (Participe passé) французских переходных глаголов соответствует русскому причастию страдательного залога настоящего и прошедшего времени. Оно переводится в зависимости от контекста, например, *правила, изучаемые* или *изученные студентами* во фразе *Les règles étudiées pas les élèves*. В предложении Participe passé употребляется чаще всего в роли определения и ставится всегда после определяемого существительного.

Причастие настоящего времени соответствует русскому причастию действительного залога настоящего времени.

(7) *Je me retourne, et je vois derrière moi deux hommes éméchés* (Alexievitch, 2013, p. 96). Оборачиваюсь – за спиной у меня два подвыпивших мужика (Алексиевич 2013, с.15).

(8) *Danielle regardait des pêcheurs préparant leurs lignes et leurs filets.* Даниель разглядывал рыбаков, готовящих свои сети и удочки.

Причастие прошедшего времени в примере (7) выражает предшествовавшую ситуацию, тогда как наблюдаемой ситуацией подразумевается результирующая ситуация. В примере (8) ситуация восприятия синхронна воспринимаемой ситуации, представленной причастием настоящего времени.

В приведенных примерах рассматривается только базовая реализация категории перцептивности, наличие которой признается в случае глагольной репрезентаций воспринимаемой ситуации, включая нефинитные формы предикатии. Функционирование двух равнозначных предикатов для выражения категории перцептивности ограничено сложноподчиненными предложениями, в остальных случаях воспринимаемая ситуация представлена безличными формами глагола.

Литература

- Булгаков. М. А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Ч. 2. – 1940.
Костюшкина Г. М. Систематика сложноподчиненного предложения во французском языке: автореф. дис. ...докт. филол. наук / Г.М. Костюшкина. – Москва,1991. – 26 с.
Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – М.: Ком-Книга, 2005. – 356 с.
Алексиевич С. В. Время секонд хэнд / С.В. Алексиевич. – 2013.
Alexievitch S. V. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement / S. V. Alexievitch. – Sophie Benech, 2013.
Бегбедер Фр. 99 франков / Фр. Бегбедер (пер. И. Волевич). – 2002.
Beigbeder Fr. 99 francs / Fr. Beigbeder. – 2000.
Boulgakov M. Le Maître et Marguerite / M. Boulgakov. – Claude Ligny, 1968.

Матвеева О.И.

Matveeva O.I.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

**СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЕ
НУМЕРАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СМЕЖНЫЕ ПОЛЯ
THE SEMANTIC FUNCTIONAL FIELD OF NUMERICAL
SENTENCES AND THE ADJOINING FIELDS**

Аннотация. В данной статье рассмотрено семантико-функциональное поле предикативной количественности, которое представляет собой достаточно обширную и разветвленную подсистему. Ядро данного поля составляют нумеративные предложения, в которых признаковый компонент выражен числительным или его заместителем с количественным значением. Рассматриваемое поле соприкасается со смежными полями: измерительных отношений, качественности и локализации.

Abstract. The article deals with the semantic-functional field of predicative quantitativity. It is an extensive and ramified subsystem. Numerical sentences with indicative component expressed by a numeral or its substitute with the quantitative meaning form the main body of this field. The field of quantity is in contact with adjoining fields: of measuring relations, of quality and of localization.

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, поле количественности, нумеративное предложение, семантико-структурный тип, поле измерительных отношений, поле качественности, поле локализации.

Key words: the semantic-functional syntax, the field of quantity, numerical sentences, the semantic-structural type, the field of the measuring relations, the field of quality, the field of localization.

Различные стороны категории количества изучаются как естественными, так и гуманитарными науками. Понятие количества широко используется в математике, физике, химии, геологии, биологии. Важное место исследование категории количества занимает в философии. В языке отражаются различные стороны количественности, и, соответственно, в лингвистической литературе даются различные определения данного явления.

В коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» количественность определяется как «семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества и как базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле – группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе квантитативных функций». Семантика чистого, арифметического числа может рассматриваться как наиболее абстрагированная разновидность семантики количества. Языковым средством передачи семантики числа являются количественные числительные (ТФГ 1996, с. 161–169).

По мнению А. В. Бондарко, изучение функционально-семантического поля (ФСП) не сводится к описанию инвентаря средств выражения определенного круга смыслов, хотя такое описание и представляет собой необходимый этап исследования. Специфической особенностью анализа поля является специальное внимание к выявлению структуры поля, к иерархии его компонентов, к их взаимным связям (Бондарко 1983, с. 38).

В нашей работе используется термин «**семантико-функциональный**», так как он точнее отражает характер и общую направленность проводимого исследования – от семантики грамматических форм к их функционированию.

Описание семантико-функционального поля (СФП) **количественности** осуществляется «от центра к периферии»: от основных изосемицких средств выражения количественных отношений к периферийным, неизосемицким. В СФП количественности выделяются два центра, что обусловлено различными способами отражения действительности, языковым кодированием количественной предметной ситуации – предикацией и атрибуцией.

При отражении той или иной ситуации сознание выделяет и создает образ субстанции, которая является носителем признака. Затем формируется образ признака данной субстанции (или образ отношения между несколькими субстанциями). Соединение предметного и признакового образов, без соотнесения полученного комплекса с речевой ситуацией, составляет сущность атрибуции. Образовавшаяся при этом единица выражается в языке атрибутивными количественно-именными слово-сочетаниями (*два студента, второй звонок*).

Акт мышления, происходящий при соотнесении отраженной предметной ситуации с конкретной речевой ситуацией, составляет сущность предикации. При этом языковыми средствами передается как совокупность предметного и признакового образов (предметная ситуация), так и психологическая предикация (*Студентов было двое; Звонок оказался вторым*) (Копров 2016, с. 14–16).

Наша работа посвящена исследованию предикативного центра СФП количественности, в котором элементы количественной ситуации представлены предложением.

Семантическую структуру предложения составляет совокупность предметного актанта (или нескольких актантов) и признакового компонента. Таким образом, в рамках типового значения «субстанция и ее признак» выделяется структура «субъект – количественный признак», представленная конструкциями типа *Ребенок был второй; Выигрыши стал первым; Этот урок последний; Ключ был один; Стульев осталось пять; Времени было мало; Дел было несколько; Работы будет*

много-много; Людей пруд пруди; Мне исполнилось двадцать лет; Наталье было под тридцать; Дедушке уже за восемьдесят.

Обязательным именным компонентом структуры нумеративного предложения является семантический актант – субъект. Анализируемые конструкции относятся, таким образом, к **одноактантному** типу (Копров 2010, с. 84, 228).

Поскольку одно типовое значение может объединять несколько инвариантных семантических структур и выражающих их синтаксических конструкций, для более детальной семантико-структурной классификации предложений используется также критерий принадлежности признакового компонента предложения к той или иной номинативной части речи.

Анализируемые нами конструкции составляют **нумеративный** чистеречный тип, поскольку их признаковый компонент наиболее ярко выражен числительным или его «заместителем» с количественной семантикой.

В нашем исследовании мы придерживаемся семантического подхода к выделению числительных как номинативной части речи, объединяющей следующие лексико-грамматические разряды: количественные, собирательные, порядковые. Кроме того, мы рассматриваем так называемые «заместители» числительных: количественные слова (*много, мало, несколько* и так далее), существительные с количественным значением (*масса, тьма* и другие) и фразеологизированные сочетания (*в обрез, вагон и маленькая тележка* и другие).

В современном русском языке семантико-функциональное поле предикативной количественности представлено предложениями различных семантико-структурных типов (Шаповалова 2015). В его **центре** находятся личные и безличные конструкции.

1. Личная конструкция, в которой выражен признак «порядок предметов при счете» имеет два лексико-грамматических варианта, так как порядковые числительные могут употребляться как дублеты и в именительном, и в творительном падеже N 1 – (cop) Num ord 1 / 5: *Иван был второй* (Ю. Олеша); *Но по сумме этапов Володя все-таки был вторым* (Д. Ледовский).

2. Личное предложение, выражающее количество, встречается в единичных случаях, поскольку субъект имеет форму именительного падежа только в сочетании с количественным числительным один N 1 – (cop) Num: *Ключ от этой комнаты был один...* (А. Слаповский); *Выход был один* (Ю. Коваль).

3. При обозначении количества большего, чем один, используется нумеративная безличная конструкция с субъектом, выраженным родительным падежом N 2 – (cop) Num (N 2): *Нас двое* (Л. Улицкая);

...синих тюльпанов было около двадцати (Ю. Давыдов); *Сейчас нас уже пятеро* (Е. Орлова).

4. При обозначении возраста субъекта используется безличная конструкция, где субъект представлен формой дательного падежа N 3 – (соп) Num ord / card (N 1 / 2): *А Николаю Григорьевичу всего-то двадцать два года* (А. Геласимов); *Сегодня мне исполнилось сорок лет* (С. Спивакова); *Мне минуло только двадцать два* (И. Кио); *Ей недавно стукнуло двадцать девять* (Ю. Домбровский); *Сталину 71 год* («Комсомольская правда», 2007.12.18); *Ему шел восемьдесят второй год* (Д. Гранин).

В соответствии с полевым подходом все перечисленные выше конструкции также являются центральными компонентами предикативной подсистемы семантико-функционального поля количественности.

На **периферии** данного поля находятся:

а) предложения с фразеологизированной формой *не + инфинитив*, которой передается семантика большого количества:

Самообладания ей было не занимать (А. Маринина); *Упорства ему было не занимать* (М. Трауб); *Не занимать французу и осторожности* («Известия», 2002.10.27); *Международных призов и наград у нее тоже не счесть* (Д. Козырев); *А между тем таких музеев по Руси не счесть* (З. Короткова); *Развлечений не счесть* (Ю. Буйда).

б) предложения с глаголами, выражающими количество: *Дизайнеров, скажем, особняков и коттеджей хватает* (Х. Ганиев); *Тем не менее пересудов хватало* (И. Кио); *Таких случаев хватало* (Д. Гранин); *Сил моих не достает* (А. Кони); *Твердости сему имени не достает* (Б. Евсеев); *Разве что кибиток не достает* (С. Романов); *Мне всего достает* (В. Маканин).

Таким образом, семантико-функциональное поле предикативной количественности представляет собой достаточно обширную и разветвленную подсистему синтаксиса русского языка.

С понятием количества связаны представления, соотносимые с понятием измерений, поэтому семантико-функциональное поле количественности тесно граничит с **полем измерительных отношений**, компоненты которого выражают семантическую структуру «субъект – измерение – объект», например: *Книга стоит двести рублей*.

Измерительные отношения выражаются предложениями вербально-го частеречного типа со структурной схемой N 1 – V – Num + N 1 / 2:

Ее глубина составила 3720 метров («Знание-сила», 2012); *Его длина превышает 30 метров* («Знание – сила», 2011); *Их длина достигает 130 километров* («Знание – сила», 2006); *Его бомба весила 12 фунтов* (Р. Гуль); *Велосипед стоил рублей восемьсот старыми деньгами* (Ф. Искандер); *Сделка стоит около десяти тысяч евро* («Русский ре-

портер», 2014); Бутерброд стоил пять копеек («Сибирские огни», 2013); *Тигр стоит много тысяч валютой* (В. Запашный).

Поле количественности также тесно соприкасается с **полем качественности**. В предложениях с семантической структурой «субъект и его качественный признак» речь идет о качественно-количественном признаком температуры, скорости, длины, возраста и тому подобном. Синтаксическая структура таких предложений может быть представлена схемой N 1 – (соп) – Num + N 1 / 2, например:

Жара 30 градусов (Д. Карапис); *Температура воды плюс пять градусов* («Нева», 2003); *Жара была за тридцать градусов!* (А. Трушкин); *Мороз был около двадцати градусов* (В. Богомолов); *Скорость – 7 узлов* (В. Аксенов); *Скорость пять километров!* (С. Жемайтис); *Ее проектная высота – 185 метров, ширина – 2300 метров* («Знание – сила», 2006); *Его глубина – 375 метров* («Автопилот», 2002.04.15); *Ширина ступеней около двух метров* (А. Городницкий); *Ширина Оби сейчас пять километров* (С. Залыгин); *Я не трехлетняя* (Г. Марков); *Санька – восемнадцатилетняя* (Л. Славин).

Нумеративные предложения с количественно-именным сочетанием примыкают к **полю локализации**. Предложения локализации с инвертированными компонентами, в которых локализатор представлен имплицитно, отличаются от количественных формой выражения субъекта (N 1 и N 2 соответственно): *Рассказов будет два* (количественное предложение); *Рассказа будет два – В книге будет два рассказа* (предложения локализации), например:

Чаши было всего две (М. Трауб); *Тетрадки оказалось две* (А. Терехов); *Таких свойства оказалось три* (В. Успенский).

Эти факты служат еще одним подтверждением того, что семантико-функциональный синтаксис представляет собой систему, в которой отдельные поля, представляя собой переходные явления, тесно взаимодействуют друг с другом. Поэтому изучение любого семантико-функционального поля требует рассмотрения смежного языкового материала.

Литература

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Т.Г. Акимова, В.П. Берков, А.В. Бондарко [и др.]. – Ин-т лингвист. исследований РАН. – СПб.: Наука, 1996. – 263 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в соотвлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейникова, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 348 с.

Шаповалова О.И. Нумеративные предложения как объект исследования в типологии простого предложения / О.И. Шаповалова // Грамматические учения в XXI веке: традиции и перспективы. XXXIII Распоповские чтения, посвященные 90-летию со дня рождения проф. И. П. Распопова и 80-летию со дня рождения проф. А. М. Ломова. Материалы Международной конференции (Воронеж, 13–14 марта 2015 г.). – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. – 2015. – С. 183–187.

Милованова М.С.

Milovanova M.S.

Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

Pushkin State Russian Language Institute

**СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА СЛОВА *ПРОТИВ*
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**
**SEMANTICS AND GRAMMAR OF THE WORD *ПРОТИВ* (*AGAINST*)
IN MODERN SCIENTIFIC INTERPRETATION**

Аннотация. В статье речь идет о развитии противительной семантики в слове *против* и специфике его современного грамматического статуса.

Abstract. The article is devoted to the evolving of adversativity semantics in the word *против* (*against*) and its grammatical status specifics.

Ключевые слова: противительное значение, пространственное значение, грамматический статус, наречие-предлог.

Key words: adversative meaning, spatial meaning, grammatical status, adverb-preposition

В современном русском языке существует целая серия слов переходного типа от наречия к предлогу – слов, балансирующих между наречием и предлогом. В таких случаях слово не утрачивает яркости своего лексического значения, которое «не соответствует семантике русских предлогов» (Виноградов 2001, с. 327). Не теряя собственного лексического значения и управляемая зависимым словом со значением объекта, они получают способность быть посредником между словом, называющим **объект**, на который направлено действие, и словом, называющим **действие**.

Так, для выражения семантики противительности в русском языке отсутствуют непроизводные предлоги, однако она развивается в наречиях с пространственным значением, способных «нести на себе тяжесть управления» (В.В. Виноградов). Ср. наречное и предложное употребление слова *наперекор*:

Полушка напрягла свое бедное личико и ответила впервые в жизни наперекор... (Л. Улицкая); *Это великие истории людей, которые защищали других людей, не боялись идти наперекор обстоятельствам* (М. Кантор).

В современных значениях противительных слов отражается результат трансформации **объективного** значения в **субъективное**: например, основное значение наречия-предлога *вопреки* – ‘препятствие воле субъекта’ – в сознании говорящих уже не соотносится с материальным препятствием (первичное значение). Указание на имеющееся впереди препятствие в общем субъективно-модальном противительном значении слов сохраняется в его внутренней форме: *Все было не благодаря, а вопреки...* (А. Сокуров).

Е.Т. Черкасова пишет о *против* еще как о старом производном предлоге, который «используется преимущественно для выражения пространственных отношений» (Черкасова 1967, с. 253). По-видимому, изменения в семантической структуре *против* происходили именно в последние 30–40 лет, наиболее активные – в последнее десятилетие. Если словари 30–60-х гг. отражали истинное положение дел (ТСУ; ССРЛЯ), то современные словарные издания и переиздания, возможно, *грешат против истины*, скорее по традиции указывая первым значением слова *против* его пространственное значение (Словарь наречий 2005; Толковый словарь 2008). Противительные оттенки в различных вариантах употребления (включая несвободное) предлога *против* превосходят количество оттенков пространственного значения: 8 по отношению к 3 соответственно (Словарь структурных слов 1997, с. 286–287).

По замечанию А.М. Пешковского, в этом слове «переносные значения либо приобретают дополнительный оттенок враждебности (*воевать против турок*), либо являются чистой метафорой (*он щенок против меня*)» (Пешковский 2001, с. 290). Слово *против* в одном из переносных – сравнительном значении – было заменено предложным сочетанием *по сравнению*, которое более точно и однозначно, благодаря яркой внутренней форме, передает мысль о сравнении. Академический словарь уже сопровождает сравнительное значение *против* пометой «устаревшее» (ССРЛЯ, XI, с. 1148).

В иерархии значений многозначного слова возможно движение: «Семантическая структура слова не остается неизменной. С исчезновением некоторых значений, появлением новых – изменяется соотношение между значением слова, “первичные” значения ряда слов вытесняются “переносными”...» (Шмелев 1973, с. 214). Так случилось и со словом *против*: в его новейшей истории прямое пространственное значение отодвинулось на второй план. Например, в результате эксперимента выяснилось, что у современных молодых носителей русского языка предлог *против* устойчиво ассоциируется со значением *противодействия*, а пространственное значение закрепилось за предлогом *напротив*: *Он все делает **напротив** (совр.: *иначе, наперекор, наоборот*); *Остановиться **против** дома – «это как будто драться с домом»

(совр.: *напротив*). Информанты – студенты (не лингвисты) до 22 лет, 20 чел. (Березина 2008, с. 149).

Таким образом, в результате семантического перераспределения в структуре лексического значения слова *против* на первый план выходит значение противительное. Формирование нового актуального значения сопровождается «архивизацией» других значений – пространственного и сравнительного. Однако в современном языке сохраняют свои позиции все синкетичные **пространственно-противительные** значения предлога *против*. Например, *против ветра / воды / течения* и т. д.: значение ‘навстречу движению’ составляют две практически равноправные семы – сема направления и сема сопротивления (= ‘двигаться, преодолевая *встречное сопротивление*’): *Песок в глазах, в одежде и в зубах – / Мы против ветра держим путь на тракте...* (В. Высоцкий); ...*Хорошо, если там подберут рыбаки, а то и не выгреешься против течения* (С. Лукьяненко).

Синкетичное значение предлога *против*, соединяющее пространственное значение (сема направления движения) с противительным (сема преодоления сопротивления), лежит также в основе сочетаний *против шерсти, ворса, волоса* = ‘в направлении, обратном наклону, росту’.

При изучении явлений переходности ряд исследователей приходят к выводу, что процесс перехода имеет односторонний характер – из знаменательных в служебные, но не наоборот: наречие трансформируется в предлог, но нет трансформации предлога в наречие (Мигирин 1971, с. 171; Ким 1978, с. 26; Баудер 1982, с. 30). Однако В.Н. Мигирин оставляет за отдельными словами право на нетрадиционный переход: «Понятия обратимости трансформации и ее необратимости приложимы только к классам слов, но не к отдельным единицам этих классов» (Мигирин 1971, с. 171).

В.М. Солнцев, исследовавший системные связи между знаменательными словами, знаменательными морфемами, служебными словами и служебными морфемами, подобным же образом рассматривал закономерности перехода и возможности исключения, не оставляя при этом без внимания переходные случаи, поскольку именно они дают представление о **системе**: «Общей закономерностью является развитие от знаменательных слов через знаменательные морфемы к служебным морфемам, либо развитие от знаменательных слов через служебные слова к служебным морфемам. Известны, однако, случаи, правда довольно редкие, когда служебная морфема как бы превращается в знаменательную морфему или даже знаменательное слово, т. е. спорадически наблюдается обратное движение» (Солнцев 1971, с. 260).

Если процесс **опредложивания** характеризуется утратой категориального значения знаменательного слова и развитием в них категори-

ального значения связующих слов – значения релятивности, то о слове *против* можно сказать, что оно подвергается процессу, обратному процессу определоживания. Это процесс преодоления синкетизма лексико-грамматического значения наречия-предлога и формирование полноценного лексического значения отвлеченного характера – процесс «распределоживания». С развитием же лексического значения слово приобретает категориальное значение знаменательной части речи.

Ориентируясь в первую очередь именно на семантику слова *против* в рассматриваемых конструкциях, авторы словарных изданий относят его к словам категории состояния (Система лексических минимумов 2003; Большой универсальный толковый словарь 2016), при этом важен сам факт признания *против* в противительном значении знаменательным словом. Слово *против* действительно сближается со словами категории состояния, но с тем принципиальным отличием, что последние, выступая в роли единственного главного члена безличного предложения, выражают состояние пассивное (*Мне жаль. Ему дурно* и т. д.). Слово обладает специфической семантикой – семантикой **активного состояния**. *Против* имеет непосредственное отношение к лицу, субъекту – носителю такого состояния, которое предполагает дальнейшее действие: сдержанная энергия, скрытая в семантике слова («предчувствие» действия), роднит *против* с классом глаголов. Эллиптическая форма предложения позволяет актуализировать уже не действие как таковое, не процесс, а мнение, позицию, причем позицию активную. Такое специфическое значение может реализоваться только в конструкциях, в которых в роли деятеля мыслится человек или его метонимическая замена (страна, государство, город и т. д.).

Переход из нетипичного предлога в знаменательное слово происходит на почве усиления предикативности. В конструкциях *Я против войны; Война. Я против и Я против*, если рассматривать их с точки зрения актуального членения, можно выделить тему высказывания (*Я*) и рему (*против войны* и *против*).

Следовательно, в этих синтаксических условиях слово занимает место и выполняет функцию предиката – в семантике *против* не простонейтрализуется релятивная сема, связывавшая слово с классом предлогов, но релятивные отношения трансформируются в отношения совсем другого рода – **отношение-состояние, отношение-позиция**. В пользу семантики в безобъектной конструкции *Я против* формально нарушается основной структурный принцип противопоставления – двухкомпонентность. Однако противопоставление существует, поскольку противопоставляемый объект присутствует имплицитно.

В отсутствие позиции зависимого слова, называющего объект, меняется соотношение между лексическим и грамматическим значениями

ми *против*: грамматическое значение как указание на отношения синтаксической зависимости имени существительного от других слов предложения трансформируется в лексическое значение *отношения* (*А Баба-Яга против...*). В безобъектном употреблении русского слова *против* с грамматической точки зрения можно провести определенную параллель с особым положением немецкого слова-понятия *Angst*, не требующего дополнения и обозначающего состояние субъекта («эмоциональное состояние»): «Акцент делается больше на том, что происходит с субъектом, нежели на мыслях субъекта, направленных к некоторой конкретной цели» (Вежбицкая 2001, с. 47).

В сочетании с глаголом-связкой *быть* слово *против* развивает предикативные свойства, подобно именам существительным в глагольно-именных сочетаниях, и вписывается в ряд слов, обозначающих самые разнообразные варианты семантики состояния субъекта в субъектно-предикатных конструкциях: *Звезда в шоке! И ты в шоколаде...; Я в ауте / в порядке / в норме / в замоте / в осадке / в отпаде / в контрах* и т. д. Ср: *Оставь меня, старушка, я в печали!* Морфологический статус подобных образований (большинство из которых принадлежат разговорной речи) можно было бы охарактеризовать как **категорию субъектного состояния**.

Таким образом, слово *против*, избавившись от пространственного значения и укрепив значение противительное, стало, по существу, «лицом» современной противительности. И дело даже не в простой частотности употребления, а в многочисленности самих синтаксических конструкций, семантическим и структурным центром которых становится слово *против*.

Литература

Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А.Я. Баудер. – Таллин: Валгус, 1982. – 184 с.

Березина Е.Н. Концептуализация пространства: предлоги *against*, *opposite* в современном английском и их русские соответствия: дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Березина. – М., 2008. – 177 с.

Большой универсальный толковый словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 718 с.

Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О.М. Ким. – Ташкент, 1978. – 227 с.

Мигириин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В.Н. Мигириин. – Бельцы, 1971. – 199 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.

Система лексических минимумов современного русского языка. 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 768 с.

Словарь наречий и служебных слов русского языка. Сост. В.В. Бурцева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 750 с.

Словарь структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева и др. / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997. – 420 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М.-Л., 1950–1965.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 292 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 тт. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

Толковый словарь современного русского языка. В.В.Лопатин, Л.Е. Лопатина. – М. : Эксмо, 2008 (Тверь). – 923 с.

Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 340 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Орехова Е.Е.
Orehova E.E.

Воронежский государственный университет
Voronezh State University

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ
БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СИТУАТИВНО-СТРУКТУРНОМ
АСПЕКТЕ**
**COMPARATIVE STUDY OF IMPERSONAL SENTENCES IN RUSSIAN
AND CHINESE (SITUATIONAL AND STRUCTURAL ASPECTS)**

Аннотация. В статье рассматривается поле безличных конструкций в русском и китайском языках, а также структурно-семантические трансформации, возникающие в процессе перевода. Результаты исследования могут иметь практическое применение в сфере преподавания русского как иностранного в китайской аудитории.

Abstract. The article deals with the field of impersonality in Russian and Chinese. It reveals some structural and semantic transformations emerging in case of translation. The study results can be used when teaching Russian to Chinese students.

Ключевые слова: безличные предложения, структурно-семантические трансформации, русский язык, китайский язык, русский как иностранный.

Key words: impersonal sentences, structural and semantic transformations, Russian language, Chinese language, teaching Russian as a foreign language.

Безличные конструкции русского языка привлекают особое внимание китайских исследователей в силу того, что представляют немалый лингвокультурологический, переводческий и методический интерес для носителей китайского языка, в котором категория безличности практически отсутствует.

Лингвокультурологический аспект особенно актуален в данном контексте, поскольку китайские русисты, вслед за некоторыми российскими и западными теоретиками во главе с А. Вежбицкой, усматривают в безличности синтаксико-грамматическое выражение важных черт русского национального характера.

Как пишет лингвист из КНР Суй Сюебэнь, ссылаясь на Н.Д. Арутюнову, «более всего национально-специфическим явлением русского языка на синтаксическом уровне считаются безличные предложения, выражающие категорию безличности и неопределенности» (Суй 2002). Как видно, категория безличности напрямую связывается с такой особенностью русского менталитета, как вера в судьбу, фатальность и неизбежность событий, происходящих в отстранении от деятеля. И хотя немало ученых-культурологов (в т. ч. Г.Ч. Гусейнов, М. Хаспельмат) и лингвистов (А.А. Градинарова, В.Ю. Копров, А. Siewierska и др.) из России и Европы придерживаются иной точки зрения (Зарецкий 2008, с. 404–411), именно «характерологический» подход взят за основу китайскими коллегами.

Веря в ментальную глубину безличных конструкций и их особую роль в системе русского синтаксиса, китайские ученые разрабатывают данную проблему и в рамках **переводоведения**. Собственно говоря, именно потребность в максимально адекватном – прежде всего художественном – переводе обусловила пристальное внимание русистов к вопросу, и лингвокультурологическое заблуждение послужило толчком к появлению разнообразных исследований. Одним из таких проектов стала разработка двуязычного словаря «Лексико-фразеологическая категория безличности», где содержатся варианты перевода типичных безличных конструкций, включая фразеологизмы, на китайский язык.

И все же, как показывает практика преподавания русского языка как иностранного, простого заучивания соответствующих друг другу единиц недостаточно для полноценного освоения русских безличных конструкций. Главным условием успеха является определенная гибкость мышления, а для этого надо учиться видеть в безличных предложениях не выражение неких постоянных черт национального характера, а семантику, обусловленную конкретной ситуацией (Копров 2005).

Трудность заключается в том, что действие без формально выраженного деятеля в китайском языке чаще всего представляется невозможным. Хотя бессубъектные предложения здесь и встречаются, они

представляют собой скорее исключение, чем правило. Это подтверждается, в частности, многообразием личных местоимений в китайском письменном языке – только местоимений со значением «я» насчитывается здесь до десятка. К.В. Бабаев объясняет данную особенность китайского отсутствием личного глагольного словоизменения (Бабаев 2007).

Впрочем, минимализм китайской грамматики имеет и другую сторону. В отсутствие морфологических показателей стираются границы между частями речи. Одно и то же китайское слово может быть одновременно эквивалентным в русском языке и существительному, и прилагательному, и глаголу, обозначая и предмет, и признак, и действие: 能 (*néng*) – мочь, можно; 高兴 (*gāoxìng*) – радость, рад, радоваться; 同意 (*tóngyì*) – согласие, согласный, согласиться (Ли 2003, с. 31). Различие функций (и то относительное) становится возможным лишь благодаря жесткому порядку слов, т. е. определенной синтаксической организации высказывания.

Логика восприятия родного языка распространяется китайцами и на русский, поэтому есть все основания говорить о предпочтительности семантико-функционального подхода к преподаванию русского языка в китайской аудитории. Эту точку зрения можно встретить и в работах китайских методистов¹, следовательно налицо потребность в системном сопоставлении ситуаций использования безличных конструкций в обоих языках и семантических эквивалентов русским безличным структурам в китайском языке.

Нам представляется целесообразным сначала очертить границы семантико-функционального поля безличности в родном языке обучающихся, чтобы получить представление о привычных для них ситуациях, в которых реализуется данная синтаксическая категория. Эту информацию и можно будет считать отправной точкой сопоставления.

Итак, рассмотрим типы китайских бессубъектных предложений и их семантику.

1. **Процессуальное состояние природы** выражается с помощью одноактантных глагольных безличных предложений: 下雪 (*Xià xuě*) – Идет снег; 刮风 (*Guā fēng*) – Дует ветер.

Несмотря на двусоставность этих предложений в русском переводе, в оригинале они являются бессубъектными, т.к. в китайском языке субъект всегда находится в препозиции к предикату, а именной компонент, стоящий в постпозиции, играет роль объекта. Учитывая то, что

¹ Эффективность усвоения семантики и структуры безличных предложений возрастет при систематизации и подаче их... по функционально-семантическому признаку (Суй 2004, с. 8).

корнесложение в этом языке является самым продуктивным способом словообразования, можно говорить о сращении двух компонентов по принципу объектной связи: как глагол 吸烟 *курить* образуется из сочетания 吸 *вдыхать* + 烟 *дым*, так и в словосочетании 下雨(*падать* + *дождь*) логично видеть процессуальный глагол, аналогичный русскому *дождит*.

2. Нередки в китайском языке и **предложения, выражающие одновременно две ситуации: наличия и действия**, например 别槽! *有人在睡觉* (*Bié cáo! Yǒurén zài shuìjiào*) – Не шуми! [Здесь] *спят* [люди]. Первая из них свернута или выражена обобщенным локализатором (здесь). В русском переводе второй части действует имплицитный объект-антропоним и используются личные предложения с неопределенным субъектом 3-го лица. В китайском же применяется конструкция 有人 (*yǒu rén*): *有人给你打电话* (*Yǒurén gěi nǐ dǎ diànhuà*) – Тебе звонили; *有人找你* (*Yǒu rén zhǎo nǐ*) – Тебя ищут.

Строго говоря, на русский язык такие предложения можно перевести, избегая бессубъектности и используя пассивный залог: *Имеется*有 *человек* 人, [который] *ищет* 找 *тебя* 你. Конечно, в речевой практике подобное выражение выглядело бы, мягко говоря, странно, но грамматически и синтаксически оно вполне корректно. Это и есть одна из моделей, по которым создаются так называемые «китаизмы», столь распространенные в русскоязычной речи китайцев.

3. **Локативные безличные предложения** с суффиксом 着 (*zhe*): 牌子上写着 "请不要吸烟" (*Páizi shàng xiězhe "qǐng bùyào xīyān"*) – На табличке написано: «Просим не курить». Характерно, что отрицательные предложения в этой же ситуации строятся с использованием 没有 (*méi yǒu*, где 没 – отрицательная частица), структурно превращая данную конструкцию в негативный инвариант предыдущей.

Далее обратимся к наиболее частотным безличным конструкциям русского языка и рассмотрим способы их перевода на китайский. Все примеры взяты методом сплошной выборки из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в оригинале и в переводе, причем сначала были отобраны безличные предложения из текста на русском языке, чтобы затем пронаблюдать за семантико-структурной соотнесенностью оригинальных конструкций с их переводом. Применяемая нами модель сопоставительного анализа и классификационный принцип восходят к работам В.Ю. Копрова (Копров 2005; 2016).

1. Предложения, в которых описывается **окружающая среда и ее состояние**, могут переводиться на китайский язык одним из нескольких способов.

В переводе предложение принимает вид адъективного, а субъектом становится обобщенное обозначение среды. Как правило, в позиции подлежащего оказываются слова:

天 – день: *В 5 часов утра еще было совсем темно* 早晨五点钟, 天还很黑 (букв.: ...небо еще [было] очень темное); *Ему показалось, что было светлей* 他似乎觉得天更亮了 (букв.: ...небо посветлело);

天气 – погода: *Было совершенно светло* 天气十分晴朗 (букв.: погода [была] очень светлая); *Наверху прояснило* 山上天气晴朗 (букв.: на горах погода [была] очень светлая);

地方 – место: *Там тихо, счастливо...* 那地方恬静而祥和。。。 (букв.: то место тихое и спокойное);

Когда субъект не восстанавливается из контекста, но в предложении есть локативный компонент, именно локализатор, сопровождаемый послелогом, ставится в препозицию и организует предложение по номинативному типу: *В комнате было полутемно* 房间里半明半暗 (букв.: В комнате полусвет / полумрак).

Интересный вариант локализатора представляет собой фразеологическое сочетание 四下里一片 (употребл. в значении «вокруг» / «посовсюду»): *Было холодно и темно* 四下里一片漆黑; *Было тихо, и с той горы изредка долетали звуки рожков и криков неприятеля.* 四下里一片寂静, 有时候从那山上传来敌军的号角声和呐喊声。 Примечательно, что этот локализатор возникает при переводе, не будучи вербализован в оригинале.

Усилильное междометие *как*, напротив, бережно переносится из оригинала в перевод. Более того, в этом случае имеет место полная структурно-семантическая идентичность предложений: *Как тихо, спокойно и торжественно..., — подумал князь Андрей* 多么寂静, 多么雄, 安德烈公爵想了想。。。

2. Безличные предложения с **семантикой запаха** в переводе:

- приобретают субъект – источник / носитель запаха: *Как будто через растворенное окно вдруг пахнуло свежим полевым воздухом в душную комнату* 正如一股田野的清新空气忽然被吹进令人窒闷的房间一样 (букв.: ... свежий полевой воздух подул...); *Хорошо пахло куреньем и цветами* 神香和花朵散发着沁人的幽香 (букв.: Благовония и цветы испускали опьяняющий аромат);

- передаются с помощью локативных безличных конструкций с суффиксом *着*: *Пахло табаком и мужчинами* 房里发散着烟草和男人的气息 (букв.: В комнате расхождение запаха табака и мужчин).

3. Предложения, передающие **состояние / ощущения человека**, также имеют варианты перевода.

Наиболее употребительны в этой ситуации вербальные предложения с субъектом переживания в роли подлежащего и неполнозначными глаголами 感(到) / 觉得 (чувствовать, ощущать, испытывать) в глагольно-именных сочетаниях: *Каждому солдату приятно становилось на душе* 每个士兵心里都觉得高兴 (букв.: Каждый солдат чувствовал радость / чувствовал [себя] радостно); *Теперь мне хорошо*, — приговаривала она... “现在我觉得挺好”，她说。。。 (букв.: Теперь я чувствую [себя] прекрасно); Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, *мне старику больно будет*.., а коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, *мне будет... стыдно!* 有一点你要牢牢记在心，如果你被敌人打死，我这个老头子会感到非常悲痛的 (букв.: Я могу почувствовать [себя] очень горюющим — служебное слово 的 свидетельствует об адъективном характере 悲痛 (горе) в данном контексте)... 如果我知道你的行为不像尼古拉·博尔孔斯基的儿子，我就会.....感到汗颜！ (букв.: Я могу испытать позор).

Вариант предыдущего способа перевода — адъективное предложение без неполнозначного глагола. Буквальный перевод таких конструкций на русский язык звучит неестественно, но использование наречий 很, 十分, 非常 (очень, весьма, крайне) в позиции между подлежащим и сказуемым не позволяет усомниться в адъективности последнего: *Ему стало жалко и ее и себя* 他很怜悯她和他自己 (букв.: Он [был] очень жалостлив к ней и к себе); Ему было стыдно 他十分羞愧 (букв.: Он [был] очень стыдящимся).

Имеют место и такие варианты перевода, в которых наблюдается предикация состояния, когда оно предстает как выраженный глаголом процесс переживания субъектом некоторого чувства: *Ему [Бонапарту] плохо придется теперь* 波拿巴转眼就要遭殃了 (букв.: Бонапарт будет страдать).

4. Утвердительные безличные предложения с **возвратными глаголами**, как правило, переводятся с простой заменой глагола на невозвратный: *Ему думалось об атаке.* 他想到进攻 (букв.: Он подумал об атаке). Но **отрицательные** предложения такого типа переводятся субъектными конструкциями с инфиксацией глагола, которые, являясь специфическими для ситуаций данного типа, выражают внесубъектную обусловленность невозможности совершения результативного действия: *На меня смотрите!* — закричал Денисов, которому *не стоялось на месте*. 您望着我吗！”杰尼索夫高声喊道，他在那个地方站不下去 (букв.: ...он не мог устоять на месте); *Ростову уже не хотелось спать.* 罗斯托夫已经睡不着了 (букв.: Ростов не мог заснуть).

5. Безличные предложения с пассивным залогом, выраженным страдательным причастием, в переводе тоже имеют субъектную организацию – подлежащим становится объект пассивной конструкции, при этом форма страдательного залога сохраняется: *О нем было доложено* **государю** 有关鲍里斯的情形已禀告国王 (букв.: *Обстоятельства дела Бориса уже были сообщены государю*); *В личном свидании ...было отказано* 私下会面的建议已遭到拒绝 (букв.: *Просьба о личном свидании была отвергнута*).

6. В конструкциях типа «(агенс-каузатор) – физическое воздействие – пациент» при имплицитности агensa-каузатора пациент становится на место подлежащего: *Два залпа были сделаны неверно, и картечью всю перенесло* 两梭子霰弹射击得不准, 霰弹都飞过去了 (букв.: ...картечью пролетела мимо); *Ему жгло голову* 他的头部感到一阵灼痛 (букв.: *его голова почувствовала прилив жгучей боли*).

Как следует из проведенного сопоставления, разноструктурные языки, какими являются русский и китайский, чаще всего используют различные средства для выражения сходных значений.

Несимметричность семантико-функциональных полей безличности довольно легко преодолевается при переводе в силу гибкости китайской частеречной системы и наличия определенного набора конструкций, подходящих для той или иной ситуации говорения. Однако практически полное отсутствие калькируемых вариантов перевода вызывает немало затруднений у китайцев, изучающих русский язык. С этим связано довольно большое количество ошибок и так называемых «китайзмов» в их русскоязычной речи. Таким образом, сопоставительный анализ в семантико-структурном аспекте позволяет выявить те ситуации, в которых несоответствие синтаксических структур двух языков наиболее чревато коммуникативной неудачей.

Литература

Бабаев К.В. О реконструкции двух серий показателей лица в ностратических языках / К.В. Бабаев [Электронный ресурс] URL: <http://language.babaev.net/2series.doc>

Задоенко Т.П. Некоторые грамматические особенности китайского языка / Т.П. Задоенко, Ш. Хуан // Основы китайского языка. Вводный курс. 2-е изд. – М.: Наука, 1993. – С. 10–13.

Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками): монография / Е. В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.actalinguistica.com/docs/site/monografija_zaretsky.pdf

Копров В.Ю. Личность / безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков / В.Ю. Копров // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. № 1. – С. 79–85.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского / Ли Сяндун // Вопросы филологии. – М., 2003. – № 2 (14). – С. 30–34.

Суй Сюебэнь. Категория безличности и безличные предложения в русской языковой картине мира: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Суй Сюебэнь: 10.02.01. – Уфа, 2004. – 25 с.

Суй Сюебэнь. Способы подачи русских безличных предложений в китайском языке / Суй Сюебэнь // Язык и культура в межкультурной коммуникации народов Евразии : материалы Международной научной конференции (30 сентября – 2 октября 2002 г.). – Уфа: Издательство БашГУ, 2002. – С. 165–167.

列夫·托尔斯泰。战争与和平 [Война и мир] [Электронный ресурс] URL: <http://www.newxue.com/mingzhu/zhanzhengyuheping/>

Правда Е.А.
Pravda E.A.

Воронежский государственный педагогический университет

Voronezh State Pedagogical University

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ:

ОПЫТ ПОЛЕВОГО АНАЛИЗА

COMPARISONS IN THE LANGUAGE OF POETRY:

AN ATTEMPT OF THE FIELD ANALYSIS

Аннотация. Статья посвящена вопросу о типологии сравнений, употребляемых в языке русской поэзии. В работе приводится перечень ядерных и периферийных средств выражения сравнений, выявляемых с позиций семантико-функционального синтаксиса.

Abstract. The article is devoted to the problem of typology of poetical comparisons in Russian poetry. From the position of semantic-functional linguistics the author describes nuclear and peripheral means for the linguistic representation of the comparisons.

Ключевые слова: способ языкового выражения, сравнительная конструкция, ядерные структуры, периферийные структуры.

Key words: means for the linguistic representation, poetical comparison, affirmative comparison, negative comparison, nuclear structures, peripheral structures.

Сравнения, используемые в художественной речи, по своей форме весьма разнородны; по-разному освещаются исследователями и набор средств их выражения.

Так, традиционно к сравнениям относят: 1) сравнительный оборот, вводимый союзами *как, как будто, словно, точно, ровно, как бы* и др.;

2) форму сравнительной степени прилагательного или наречия; 3) форму творительного падежа имени (так наз. «творительный сравнения»); 4) присоединительную конструкцию, «вводимую союзом *так* и обычно содержащую развернутое сравнение» (Одинцов 1979, с. 327). Некоторые исследователи к этому списку добавляют наречие с приставкой *по-* (*по-писаному* и под.) (Словарь литературоведческих терминов 2005). Отмечается и возможность выражения сравнения с помощью лексических средств – слов *подобный*, *похожий* и др. (Определение термина „Сравнение“). Указываются и другие способы.

Современные научные подходы дают возможность по-новому посмотреть на прием поэтического сравнения, учесть все реально существующее разнообразие компаративных конструкций, найти новые пути решения дискуссионных вопросов в области сравнений, в том числе и вопроса о классификации сравнений (Крылова 2013). К исследованию компаративных конструкций применяется и полевая методика, позволяющая в исследуемых группах элементов выделять наиболее типичные (ядерные) и менее типичные (периферийные) явления (Федосеева 1997; Берелехис 1998; Кравец 2003). Однако, как отмечают исследователи, существующие описания грамматико-лексических полей компаративности, которые включены в некоторые учебники, «не обнаруживают глубины теоретической разработки проблемы и не содержат всей номенклатуры и полного теоретического описания конституентов» (Федосеева 1997). Поэтому разработка данного вопроса остается актуальной.

Анализ обширного материала, полученного в результате наблюдения над языком стихотворных произведений русских поэтов XIX–XX вв., позволяет выделить ядерные и периферийные способы выражения сравнений.

К **ядру** поля сравнения могут быть отнесены конструкции, для которых значение сравнения является основным. По способу выражения значения сравнения исследуемые конструкции делятся на союзные и бессоюзные.

Союзные конструкции – конструкции с различными сравнительными союзами и союзовыми средствами – являются наиболее частотным способом выражения поэтических сравнений. По структуре они подразделяются на 2 типа: конструкции со сравнительными оборотами и конструкции со сравнительными придаточными предложениями.

Конструкции со **сравнительными оборотами** могут характеризовать производителя действия или носителя признака, а также иметь предметную семантику: *Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье* (В. Маяковский); *Еще, как шахта, я глубок* (В. Сикорский). Такие конструкции составляют подавляющее большинство всех сравнительных конструкций в поэтической речи.

Сравнительные придаточные предложения сообщают о ситуации, с которой сравнивается ситуация, обозначенная в главной части: *Лью лесть ей в предназначенный сонет, Как льют в фужер браженье виноградин* (И. Северянин); *А одежда тонка, будто вовсе и нет* – из тончайшей поэтовой неги она (В. Маяковский).

К **бессоюзным** способам выражения сравнений относятся следующие:

1) конструкции с **компаративами** – формами сравнительной степени прилагательных или наречий. Построенные на их основе сравнения указывают на степень проявления признака в предмете по отношению к корреляту: *Страшнее голода и холода воскресией совести укор* (В. Сикорский);

2) конструкции с «**творительным сравнением**»: *Телеграммой лети, строфа!* (В. Маяковский);

3) конструкции с **лексемами сравнительной семантики** – словами с корнями *-похож-*, *-схож-*, *-равн-*, *подоб-*, *-род-*, *родн-*, *-вид-*, глаголами *казаться, показаться, напоминать, напомнить, припомниться, вспомнить* и др.: *На лилии **похожи** все лебеди, И солнце **похоже** на музыку!* (И. Северянин); *Я радугу **сравню** с вратами рая, Куда при жизни я попал сейчас* (А. Дементьев); *И **казался** нам знаменем красным Распластавшийся в небе язык* (А. Блок); *Тот бар, продолговатый, как вагон, И шумное роение городское **Напоминали** питерский «Сайгон»* (А. Городницкий); *Это ты, о сын мой, Смотришь Иисусом!* (С. Есенин);

4) конструкции с **предложно-падежными сочетаниями**: *И Жираф – Важный граф **Вышино** с телеграф...* (К. Чуковский); *Стихи в ма-нере Пастернака* (Г. Семенов);

5) конструкции с **именем в родительном падеже**: *Я вас люблю любовью **брата**...* (А. Пушкин); *Ты рванулась движеньем **испуганной птицы**...* (А. Блок);

6) конструкции с **наречиями тоже и также, с местоименными сочетаниями** такой же и под.: *Воду **пьют** из кружек и стаканов, Из кувшинок **также** можно пить* (С. Есенин);

7) **микротексты с местоименными наречиями так (таков)**, которые обычно стоят в начале предложения, открывающего вторую часть сравнения; в таких сравнениях уподобляются друг другу целые картины, сюжеты: ...*Поэт Роняет молча пистолет, На грудь кладет тихонько руку И падает. Туманный взор Изображает смерть, не муку.* *Так медленно по скату гор, На солнцеискрами блестая, Спадает глыба снеговая* (А. Пушкин).

К **периферии** поля сравнения могут быть отнесены обороты и художественные приемы, которые основаны на логической операции сравнения и построены как сравнительные обороты или сравнительные придаточные предложения, однако в контексте выполняют другие функции.

Показателем их принадлежности к сравнениям служит сохранение многими из них семантики «предметности» и возможность замены включающих их конструкций на ядерные сравнительные конструкции.

Так, например, сравнения-эпитеты могут выражаться следующими средствами:

1) **компаративными оборотами**, в которых «признак предмета сравнивается с тем же его признаком по отношению к предшествующему или последующему состоянию» (Краткая русская грамматика 2002, с. 250): *Стук копыт участился, Пыль все выше* (Н. Гумилев);

2) **полными формами имен прилагательных**: *Глаза у него Бонапартии и цвета защитного френча* (В. Маяковский);

3) **краткими прилагательными на -о/-е**, обычно имеющими окказиональный характер: *И струнно плачут серафимы, Над миром расплескав крыла...* (А. Блок);

4) окказиональными **отсубстантивными глаголами и деепричастиями**, образуемыми от имен существительных: *Солнце лавит с неба* (И. Северянин);

5) отыменными **наречиями**, выступающими в роли обстоятельств образа действия: *Глагол не бывает угоден, где рабски пред властью молчат* (Г. Гладков);

6) **приложениями**: ...*И шуршала Нева – Неопрятная мутная Лета* (А. Городницкий. Горный институт); *Профессор, снимите очки-велосипед!* (В. Маяковский).

Как видим, применение полевой методики позволяет распределить разнообразные средства выражения поэтических сравнений на те, которые специализированы на выражении значения сравнения, и те, в которых это значение совмещается со значениями других стилистических средств. Это помогает лучше понять феномен сравнения в художественной речи.

Литература

Берелехис О.А. Некоторые проблемы описания функционально-семантического поля сравнения / О.А. Берелехис // Актуальные проблемы современного языкоznания: Мат-лы науч.-практич. конф. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1998. – С. 13–16.

Кравец О.В. Функционально-смысловое поле компаративности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Кравец. – Таганрог, 2003. – 150 с.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: РАН, 2002.– 726 с.

Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. Сентябрь 2013. № 9 [Электронный ресурс] URL: <http://human.snauka.ru/2013/09/3736>

Одинцов В.В. Сравнение / В.В. Одинцов // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

Определение термина “Сравнение” // TextoLogia.ru. Сайт о русском языке и литературе [электронный ресурс] URL: www.textologija.ru/slovare/lingvisticheskie-terminy/sravnenie/?q=486&n=1815.

Словарь литературоведческих терминов / Автор-составитель С.П. Белокурова, 2005 г. [Электронный ресурс] URL: www.gramma.ru/LIT/?id=3.0

Федосеева Н.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Федосеева. – Нижний Новгород, 1997. – 17 с. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/funktionalno-semanticeskoe-pole-sravneniya-v-sovremennom-nemetskom-yazyke#ixzz4KVZLmGqB>

Саввина С.Л.
Savvina S.L.

Воронежский государственный университет
Voronezh State University

**АКТУАЛИЗИРУЮЩИЙ АСПЕКТ УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛОКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)**

**THE COMMUNICATIVE ASPECT OF THE SENTENCE
(ILLUSTRATED BY THE LOCATIVE CONSTRUCTIONS
IN RUSSIAN AND ENGLISH)**

Аннотация: В настоящей статье на примере предложений локализации в русском и английском языках рассматривается актуализирующий аспект устройства предложения и уточняется статус рассматриваемых конструкций в лингвистике.

Abstract: The article deals with the communicative aspect of the simple sentence which is illustrated by the locative constructions in Russian and English languages. The status of the sentences under study is refined.

Ключевые слова: ситуативный подход, актуальное членение, простое предложение, категория локативности.

Key words: situational approach, communicative perspective, simple sentence, locative category.

До сих пор в научных трудах или учебных пособиях по русскому языку предлагаются отличающиеся друг от друга перечни семантических и структурных типов предложения, что является отражением различий в теоретических взорваниях их авторов. Это касается и семантико-структурного устройства предложений локализации типа *Книги на полу* / *The books are on the floor*; *На полу лежали книги* / *On the floor were books*, *There were books on the floor*; *On the floor there were books*.

Предложения данного семантико-структурного типа широко употребительны, особенно в рамках репродуктивно-описательного подтипа речи, в котором моделируется непосредственно воспринимаемая статическая, описательная картина событий. В трактовке подобных предложений нашло отражение многообразие подходов к описанию простого предложения в рамках разных научных систем. Это связано в большинстве случаев с проблемой определения глагольных предложений и их отличием от именных, наличием в языке полных и неполных предложений, или безглагольных, с определением статуса глагола «быть» (полнозначным глаголом или связкой), а также с общим принципом анализа материала – с опорой на предикативный или номинативный минимум предложения (Арутюнова 1983; Всеволодова 2000; Золотова 2004; Копров 2002; 2016; Саввина 2010; Попова 2009).

Мы исходим из положения, согласно которому исследуемые нами предложения в семантико-синтаксической системе русского и английского языков выражают одно из типовых значений – «отношение между двумя субстанциями» – и формируют двухактантный комплекс с инвариантной синтаксической структурой (ИСС), в которую входят субъект и локализатор, связанные отношением пространственной локализации: **«субъект – отношение локализации – локализатор»**. Локализатор с позиции информативного минимума предложения является необходимым компонентом структуры любого локативного предложения (Копров 2016, с. 240–247).

В разработанной В. Ю. Копровым типологии простого предложения (Указ. соч.), в рамках которой проводится наше исследование, развивается поаспектный подход к анализу устройства предложения, что позволяет неконфронтационно соотнести такие понятия, как язык – речь и предложение – высказывание, рассредоточив описание этих понятий по их важнейшим аспектам.

При разделяемом нами ситуативном подходе к анализу устройства предложения ситуация рассматривается как объективно заданная, которая формируется не зависящими от говорящего объективными условиями, и, отражаясь в его сознании, выражается в языке. Изменение фокуса говорящего такими субъективными средствами как интонация, порядок слов, фразовое ударение не меняет внешнюю, экстралингвистическую ситуацию.

Хотя работа всех механизмов речеобразования происходит согласованно, каждый из них обладает в то же время и определенной автономностью. Выбирая ту или другую конструкцию, говорящий руководствуется, следовательно, не только структурой реальной ситуации, но и стремлением адекватно передать свое коммуникативное намерение. Правильно назвав ситуацию, говорящий должен актуализировать но-

минацио́нью, включив ее в коммуникацию, выражая не только отношение сообщаемого к действительности, но и отношение самого говорящего к данной ситуации.

Обе эти задачи реализуются в синтагматическом строении высказывания. Синтагматическая деятельность, следовательно, подчинена двум целям – номинации события и выделению темы и сообщаемого.

Актуальное членение (в другой терминологии – коммуникативная перспектива) составляет особый аспект устройства предложения-высказывания, в рамках которого типологические характеристики синтаксических структур не изменяются. Как известно, в актуальном членении предложения с помощью порядка слов различаются **тема** высказывания («данное», которое сообщает известную информацию) и **рема** («новое», часть высказывания, сообщающая об этой теме новую информацию). К числу важнейших средств выражения актуального членения высказывания относится порядок слов.

Для русского языка как языка флексивного (синтетического) типа характерен относительно свободный порядок слов, который может самостоятельно выражать разные оттенки актуального членения, в том смысле, что ни один грамматический член предложения не имеет строго фиксированного места (Распопов 1981). Из-за почти полного отсутствия в английском (аналитическом) языке морфологических форм слов грамматические отношения между компонентами предложения в нем выражаются только словопорядком.

Основной порядок слов как в русском, так и английском языке – это «подлежащее – сказуемое – дополнение», однако функционирование в них категории порядка слов сильно отличается. Интенция мысли человека преимущественно потенциальная, т. е. направлена от действительного к потенциально желаемому или возможному. Поэтому обычный порядок слов полагает отнесение ремы в постпозицию.

Прямой порядок слов «подлежащее – сказуемое» встречается в английском языке в большинстве высказываний. Инверсия же, в отличие от русского языка, возможна только в особых, ограниченных условиях.

1. В обоих сопоставляемых языках наиболее распространены предложения с прямым порядком слов: «субъект – локализация – **локализатор**». Локализатор, находясь в постпозиции, по умолчанию выступает в качестве ремы высказывания.

Локализатор места в постпозиции, как правило, выступает как **определенный**: N – (V) – p N. См. аналогичные по устройству примеры в русском и английском языках:

Грузовик двое суток торчал в переулке (С. Довлатов); *Она весь вечер просидела одна на лестнице* (Д. Гранин); *Библиотека помещалась*

на главной улице города (К. Паустовский); *Агапов с семьею ютился в гостинице Бубликова* (В. Вересаев).

Some of her bags were still here (M. Spark); *Lamont remains at the library door* (M. Spark); *The mark of his butterfly knife was on it* (M. Spark).

Соответственно, при переводе в английском языке используется эквивалентная русской конструкция с локализатором в постпозиции:

Мелеховский двор – на самом краю хутора (М. Шолохов) – *The Melekhov farm was at the very end of the village*; *Кухня в Киевском корпусе помещалась в подвале* (К. Паустовский) – *The kitchen of the Kiev Cadet Corps was in the basement*.

Локализатор может быть не вербализован, т. е. представлен в предложении имплицитно как неопределенный: N – V – (p N). Коммуникативная перспектива высказываний с неопределенными локализаторами складывается таким образом, что в конечную рематическую позицию регулярно попадает глагол:

Маленькие букетики тоже бывают (К. Паустовский).

В английском языке русским предложениям с неопределенным локализатором обычно соответствуют конструкции с *there*: *There are also small bunches of flowers*.

2. В инвертированных предложениях с локализатором в препозиции локализатор выступает темой высказывания, а субъект – ремой. Структурная схема: p N – (V) – N:

В окне постоянно торчал Гена Сахно (С. Довлатов); *В местечке Прыгань располагался достаточно большой и боеспособный немецкий гарнизон* (С. Довлатов); *Около двери стояла лавка* (А. Солженицын); *За ларьком в 20 шагах от него виднелась колонка* (Ю. Домбровский).

В английском языке в таких случаях используются две конструкции:

а) эквивалентная русской конструкция с локализатором в препозиции: *At the other extreme was the market* (M. Spark); б) конструкция с компонентом *there*, в которой локализатор может находиться как в препозиции, так и в постпозиции: *There was a hole in the ground and some dirty paper lying around the hole* (H. Miller); *There's almost a hundred dollars in the bank* (M. Wilson); *There's a pile of telegrams and phone messages downstairs* (M. Spark); *Outside the house there is a back garden and a front garden with a lot of flowers* (G. Green).

См. примеры перевода предложений данного типа с русского языка на английский:

а) *В плетеной качалке – девушки* (М.Шолохов) – *A girl was sitting in a wicker rocking-chair, a dish of strawberries in her hand*;

б) *На песке были ракушки* (А. Куприн) – *There were seashells on the sand*;

в) *На перевернутом ящице стояла тарелка с печеными помидорами и черным хлебом, бутылка вишневой наливки и лежали грязные кон-*

феты – толстые, в розовую и белую полоску, сахарные палочки (К. Паустовский) – *A plate of baked tomatoes and brown bread, a bottle of cherry brandy and some grubby, thick striped sticks of rock had been set out on an upturned packing case* (пассивная конструкция); *В саду висели разноцветные фонарики* (Л. Кассиль) – *The garden was decorated with coloured lanterns* (пассивная конструкция);

г) *В углублениях этих скал стояли маленькие озера дождевой воды* (И. Ефремов) – *The rocks had warm pools of rain-water in their hollows* (посессивное предложение).

Как видно из примеров, русские предложения с субъектом в позиции ремы могут переводиться и предложениями других семантико-структурных типов, поскольку в английском языке, помимо порядка слов и интонации, существенную роль в оформлении актуального членения играют служебные слова (артикли) и залоговые преобразования.

Локализатор в препозиции также может быть не вербализован, т. е. представлен как **неопределенный**: (р N) – N – V (Саввина 2009), например:

Торчал прутник антенные (А. Толстой); *Стояло лишь несколько столиков, на стенах слабо горели красные фонарики* (Ю. Бондарев); *Валяется забытая кем-то большущая эмалированная фляга* (Л. Кассиль).

Ср.: *Остались* наиболее способные сотрудники (Б. Стругацкие) – *Only the high competent people remained*.

Но в основном русским предложениям с неопределенным (обобщенным) локализатором соответствуют английские предложения с определенным локализатором: Например:

Потянулись старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с неширокими окнами, с резными наличниками, с деревянными петушками на крышах (Б. Стругацкие) – *Ancient stout fences, mighty log houses with blackened timbers and narrowish windows, decorated with filigreed fronts and the regulation carved wooden cockerels on the roofs, stretched on both sides of the street.*

Русские предложения с неопределенным (обобщенным) локализатором могут переводиться предложениями других семантико-структурных типов. Ср. русское вербальное предложение локализации: *Осталась поваренная книга для Валькиной мамы...* (Б. Стругацкие) и английское одноактантное номинативное предложение с семантикой «предмет и его признак»: *The only remaining item was the cookbook...*

Чаще русские конструкции с неопределенным локализатором переводятся на русский язык конструкцией с *there is (are)*. Например:

Был ковер-самолет. Была скатерть-самобранка. Были: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, гусли-самогуды. Было чудо-зеркальце (Б. Стругацкие) – *There was a flying carpet; there was the magical tablecloth.*

*There was the invisibility hat, the seven-league boots, the playing harp.
There was the magic mirror.*

Предложения локализации с локализатором в постпозиции и препозиции в обоих языках представляют собой пространственные модели и в номинативном аспекте тождественны. Различия между ними сводятся лишь к порядку слов. Обе конструкции соответствуют нормативному расположению слов в высказывании данного семантического типа и широко используются как в письменной, так и устной речи. В реальном тексте обе схемы взаимодействуют между собой, создавая его связность.

Таким образом, поаспектная методика анализа семантико-структурного устройства предложения позволяет неконфронтационно соотнести разные стороны его синтаксического строя и функционирования в разноструктурных языках.

Литература

Арутюнова Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение / Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.

Золотова Г.А. Русский язык. От системы – к тексту. Учебник для 10-го класса гуманитарной специализации / Г.А. Золотова, Г.П. Дручинина, Н.К. Онипенко. – М., «Дрофа», 2002. – 320 с.

Копров В.Ю. Концепт «локализация предмета во времени и пространстве» в русском и английском языках / В.Ю. Копров // Композиционная семантика: Материалы третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18-20 сентября 2002. – Ч. 2. – Тамбов: ТГУ, 2002. – С. 131–133.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2009. – 209 с.

Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса / И.П. Распопов. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1981. – С. 99–106.

Саввина С.Л. Определенность / неопределенность локализатора (на материале предложений локализации русского и английского языков) / С.Л. Саввина // Вестник Воронежского Государственного университета. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2009. – № 1. – С. 90–93.

Саввина С.Л. К вопросу о семантико-структурных особенностях предложений локализации / С.Л. Саввина // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: материалы Международной конференции: в 2 ч. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – Ч. I. – С. 256–262.

**Скребова Е.Г.
Skrebova E.G.**

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

*MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»
(Voronezh)*

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВЕКТОРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**

**FUNCTIONING OF THE COMPOUND SENTENCES WITH VECTOR
DIRECTION COMPONENTS CORRELATION IN GERMAN
LITERARY TEXTS**

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования сложноподчиненных предложений векторной направленности в немецких художественных текстах. Системообразующая роль данного типа предложений рассматривается с учетом ключевых текстообразовательных параметров языка. Учитываются типы деривационной симметрии / асимметрии исследуемых предложений как базовых составляющих сценария текстообразования.

Abstract. The article deals with the analysis of ways of functioning of complex subordinate clauses with vector direction components correlation in German literary text. The system-forming activity of the given type of sentences is revealed according to key parameters of the language text formation mechanism. Author specifies the types of derivational symmetry / asymmetry of the examined sentences as the basic text-forming scenarios.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения векторной направленности, текстообразовательные механизмы языка, сценарии текстообразования, симметрия, асимметрия.

Key words: complex subordinate clauses with vector direction components correlation, the language text formation mechanisms, text-forming scenarios, symmetry, asymmetry

Интерпретация текста как материального объекта дает возможность для изучения структурного изоморфизма между его уровнями, что включает анализ взаимосвязи физического и синтаксического пространств текста с точки зрения дискретности / континуальности, симметрии / асимметрии, конституируемых общим объектом – предложением. При таком подходе структура текста предстает в виде конечной последовательности переходящих друг в друга синтаксических конструкций в заданном пространстве-времени. Эта последовательность неоднородна по ряду параметров, а именно: по размеру отдельных предложений, сочетающихся определенным образом друг с другом и одновременно со всем текстом; по типу синтаксических конструкций, моделирующих пространство текста; по закрепленности / незакрепленности тех или иных предложений за коммуникативными типами речи, а также по их

потенциальной реализации в системе текста. Под коммуникативным типом речи (иначе – коммуникативным регистром речи) мы, вслед за Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой, понимаем определенную модель отражения действительности, которая обусловливается точкой зрения говорящего / пишущего, его коммуникативными интенциями и выражается совокупностью языковых средств, предназначенных для реализации этой модели (Золотова 2004, с. 331).

Авторы предлагают различать три коммуникативных типа речи, или речевых регистра: репродуктивный, информативный и генеритивный.

В репродуктивном (изобразительном) регистре говорящий воспроизводит непосредственно наблюдаемое, в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь – в реальности или в воображении – в хронотопе происходящего. Информативный регистр предполагает сообщение о фактах, событиях, свойствах, отвлеченных от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленных к единому с перцептором хронотопу. В генеритивном регистре говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным опытом и поднимаясь на высшую ступень абстракции от событийного времени и места (Там же, с. 29–30).

При описании коммуникативно-текстовых функций сложноподчиненных предложений векторной направленности нами учитываются следующие параметры:

- 1) характеристика фиксируемой в сложном предложении предметной ситуации (Копров 2013);
- 2) определение пространственно-временной позиции адресанта и способа восприятия адресата данной речевой ситуации;
- 3) анализ коммуникативных намерений адресанта и возможной реакции адресата на данную речевую ситуацию;
- 4) характеристика позиционной детерминации процесса самоорганизации сложного предложения.

Сложноподчиненные предложения векторной направленности указывают на направление развития ситуации или начальный, конечный пункт движения:

«*Es war ja ziemlich bitter für uns, als er übertrat*», sagte meine Mutter, «*aber der Geist weht ja, wo er will*» (H. Böll); *Wo man hinsah, herrschte Hektik* (P. Süskind); *Sie sahen nicht in die Dinge hinein, bis dorthin, wo sie kompliziert und traurig werden* (Th. Mann).

Различия между названными типами локативных отношений основываются на принципе дифференциации статических и динамических состояний. Отсюда, способы глагольного действия с закрепленными за ними акциональными значениями оказывают существенное влияние на

репрезентацию интересующих нас отношений. Они указывают на полное / частичное вхождение пространств друг в друга, на их границы. Способы глагольного действия также оказываются тесно связанными с показателями пространственно-временной позиции адресанта.

1. Характеристика фиксируемой в сложном предложении предметной ситуации. При характеристике комплексной ситуации в сложноподчиненных предложениях векторной направленности следует учитывать ряд обстоятельств, оказывающих существенное влияние на нашу интерпретацию локативных отношений, а именно:

1) восприятие пространства обусловливается перспективой перемещения субъекта, которая определяется системой координат, задаваемой адресантом, с одной стороны, и местоположением адресанта – с другой;

2) категория направленности предполагает наличие по крайней мере одного ориентира, выступающего либо в функции исходной точки движения, либо в функции некоего предела, к которому оно стремится;

3) отношения векторной направленности могут представляться как сепаративное, директивное или линейное движение.

В сложноподчиненных предложениях, репрезентирующих отношения **сепаративного движения**, указывается на перемещение субъекта в направлении от какой-либо точки по горизонтали / вертикали. Описываемые синтаксические конструкции налагают жесткие ограничения на время существования соотносимых ситуаций: ситуация главной части возникает «на фоне» уже существующей ситуации придаточной части. Например:

Als der Annus von Tauroggen gekommen ist, damals, und hier geblieben ist, damals: es ist wegen der Arme, hat er gesagt, solche weißen Arme gab es nicht, da oben, wo er herkam... (J. Bobrowski); Kunzelmann kannte dieses Fläschchen und wußte, wie viele kleine unverwechselbare und völlig einmalige Katzenseelen mit seiner düsteren, aber sanften Kraft wieder dahin zurückbefördert worden waren, wo sie herkamen (E. Demski).

Для приведенных подчинительных комплексов типичной является комбинация глаголов предельных и непредельных способов действия, причем предельные глаголы получают результативное акциональное значение, а непредельные – делимитативное акциональное значение. Сочетание глаголов с названными акциональными значениями не только подчеркивает несовпадение начальных / конечных границ существования ситуаций сложной синтаксической конструкции, но и показывает направление с точки зрения горизонтали / вертикали. Кроме того, способы глагольного действия с закрепленными за ними акциональными значениями сигнализируют о полном или частичном вхождении пространств друг в друга:

Wo Mario Telatin herkommt, sind Einrichtungen dieser Größe noch verboten (B. Schrep); *Jetzt einen Ofen abstechen, dachte Holt, wo die Bomber anfliegen!* (D. Noll).

Сложноподчиненные предложения, выражающие отношения **директивного движения**, указывают на перемещение субъекта по направлению к какой-либо точке по горизонтали / вертикали. При этом перемещение здесь представляет собой целенаправленный процесс, т. е. такой, целью которого является достижение конкретного пространственного ориентира, куда стремится попасть субъект. С учетом сканного интерпретации локативных отношений в анализируемых синтаксических конструкциях обусловливается известными комбинациями способов глагольного действия.

Так, в сложных предложениях, совмещающих глаголы непредельных способов действия в главной и придаточной частях, определяется граница соотносимых пространств:

Ich war kein Kind mehr, und sie war eine Frau, ich blickte dorthin, wo sie den Bademantel zusammenhielt, ich blickte auf ihren Tisch am Fenster und war froh, daß kein Schulkram da herumlag: nur Nährzeug und ein Schnittmuster (H. Böll); *Wohin es (das Gedächtnis) sie jetzt treibt, dahin reichen die Worte nicht, das soll einer ihrer letzten klaren Gedanken sein* (Ch. Wolf).

В сложноподчиненных предложениях с комбинацией глаголов предельных – непредельных способов действия соотносимые пространства входят друг в друга частично:

Oder er ging dorthin, wo man seine Mutter geköpft hatte, zur Place de Grève, die wie eine große Zunge in den Fuß hineinleckte (P. Süskind); *Wie auch immer, die Vorteile der Trepanation liegen auf der Hand: Sollte der Schädel trotzdem einmal nach einer durchzechten Nacht brummen, kann der Trepanierte die Kopfschmerztablette besonders magenschonend direkt da einwerfen, wo es wehtut* (E. von Hirschhausen).

В описываемых построениях глаголы непредельных способов действия обычно относятся к лексико-семантической группе глаголов направленного движения, причем актуальной для их семантики оказывается направленность не с точки зрения внешней системы координат, а с точки зрения сферы субъекта. Отсюда, глаголы направленного движения обозначают как местоположение адресанта, так и его «видение» движения, т. е. перспективу восприятия адресантом перемещающегося субъекта (Шамне 2000, с. 85).

Сложноподчиненные предложения, передающие отношения сепаративного и директивного движения, реализуются в репродуктивном / изобразительном типе речи.

Специфика сложноподчиненных предложений, репрезентирующих отношения **линейного движения**, заключается в том, что соотносимые в них ситуации интерпретируются как многократные. Здесь следует обратить внимание на следующее обстоятельство: эффект кратности действий, событий, состояний в интересующих нас синтаксических конструкциях достигается целым комплексом средств, включающим в себя глаголы непредельных способов действия, а также лексико-синтаксическое и контекстное окружение.

Так, в образованиях типа *Wo man hinsah, waren überall die Pfoten drin* (D. Noll); *Wo das Röntgenauge eines Dichters durch das Aktuelle dringt, sieht es den ganzen Menschen, großartig und erschreckend...* (H. Böll) идея кратности, выраженная посредством глаголов, дополнительно усиливается употреблением в придаточной части неопределенного местоимения *man* и дополнения в родительном падеже с неопределенным артиклем. Как известно, местоимение *man* указывает на субъект, мыслимый как лишенный конкретности, как любой или не подлежащий более точному определению, а неопределенный артикль (кроме указания на род и падеж имени существительного) выполняет генерализующую функцию, обозначая лицо в единственном числе как обобщенного представителя данного рода занятий.

В предложении *Wo sie mit Luisa ging, saugten sich die Augen aller Männer an Luisa fest und sie, sie selbst, wieder in diesen gefürchteten Zustand des Nichtvorhandenseins verfallen mußte* (Ch. Wolf) значение кратности поддерживается контекстным окружением, содержащим темпоральный квалификатор *wieder*, который уточняет степень регулярности реализации главной и придаточной частей.

Пространства в описываемых сложноподчиненных предложениях входят друг в друга полностью.

Комплексы с отношением линейного движения функционируют в информативном типе речи.

2. Определение пространственно-временной позиции адресанта. Именно принадлежностью большей части сложноподчиненных предложений векторной направленности к репродуктивному / изобразительному типу речи объясняются ограничения, налагаемые на их использование во временных планах. Предложения, характеризующие пространство происходящим в нем действием, тесно связаны с хронотопом говорящего, иначе – с дейктической триадой «я» – «здесь» – «сейчас». При этом как адресант может не совпадать с перцептором (персонажем-наблюдателем) в 3-м лице, так место и время наблюдавшего события могут не совпадать с «наблюдательным пунктом» адресанта. Как показывает собранный языковой материал, описываемые

синтаксические конструкции употребляются в плане прошедшего или настоящего времени:

Bedenkt man, daß noch im Januar 45 Leute fast nach Schlesien evakuiert wurden, wo man sie direkt der Roten Armee entgegentransportierte (H. Böll);

Wohin wir uns wenden im Gewitter der Rosen, / ist die Nacht von Dornen erhellt, und der Donner / des Laubs, das so leise war in den Büschen, / folgt uns jetzt auf dem Fluß (I. Bachmann).

2.1. План прошедшего времени. Функционирование сложноподчиненных предложений векторной направленности в плане прошедшего времени обусловлено смещением позиции адресанта параллельно происходящему:

Unbeweglich stand die Frau bis zu den Knien im Meer, die Hand wie ein Indianer über die Augen gelegt, und schaute nach Norden, wo ein riesiger Tanker aus der Mündung kroch (J. Schoch).

Для этого и ему подобных построений релевантным является разграничение адресанта и действующего субъекта. С учетом сказанного позиция адресанта обнаруживается в конкретно-референтном элементе *die Frau*, который обозначает не только действующего субъекта, но и адресанта, выступающего в роли наблюдателя. Непосредственное наблюдение также поддерживается локативной словоформой *nach Norden*, посредством которой адресант, с одной стороны, отражает форму существования объективной действительности, с другой стороны, выстраивает свое, перцептуальное пространство, определяющее существование идеальной концепции произведения.

2.2. План настоящего времени. Сложноподчиненные предложения векторной направленности в плане настоящего времени реализуются, главным образом, в абсолютной системе отсчета:

Sie (Menschen, die Einsamkeit suchen) ziehen sich vorzugsweise in Wüsten zurück, wo sie von Heuschrecken und wildem Honig leben (P. Süskind).

Приведенная выше синтаксическая конструкция сообщает о том, каким видит адресант наблюдаемое пространство. При этом позиция адресанта в них дистанцирована от изображаемой ситуации. Показатели настоящего времени «здесь» и «сейчас» появляются постольку, поскольку выражается или подразумевается антитеза «здесь» – «не здесь», «сейчас» – «не сейчас». Пределы «здесь» и «сейчас» ограничиваются возможностями сенсорного восприятия адресанта.

В плане будущего времени сложноподчиненные предложения векторной направленности не функционируют. Это связано с особенностями локативных отношений. Известно, что пространство материально. Оно дано человеку в ощущениях и обладает протяженностью, трехмерностью, структурированностью, конкретностью. Отсюда, лю-

бая пространственная информация систематически соотносится с уже познанной когнитивной структурой (образцом): то, что воспринимающий в процессе перемещения в пространстве субъект только увидит, соотносится с тем, что он уже видит (Wunderlich 1985, с. 12).

3. Анализ коммуникативных намерений адресанта. При характеристике способов выражения коммуникативных намерений адресанта в сложноподчиненных предложениях векторной направленности необходимо отметить, что большая их часть содержит объективную модальность и репрезентирует значение реальности, которое передается глаголами изъявительного наклонения в известных временных планах абсолютной системы отсчета. Это обстоятельство объясняется, с одной стороны, спецификой локативных отношений, предполагающих ориентацию на адекватное отражение объективной действительности, с другой стороны, – их ролью в процессе текстообразования. С помощью сложноподчиненных предложений, фиксирующих возможные разновидности локативных отношений, адресант создает систему мест, в которых происходят события текста, определяет их взаимодействие, открывая новые области обитания персонажей. Исходя из сказанного, функционирование описываемых сложноподчиненных предложений в рамках объективной модальности является вполне ожидаемым и нормальным. Например:

Täglich fuhr sie hinaus, wo die Gefangenen vor der Dampfwalze arbeiteten (L. Feuchtwanger); (*Er (der Kater) trat die Reise in meiner Tasche an, aus der sein Fuchsschnäuzchen neugierig herausragte.*) *Nach fünf Minuten fand er diese Stellung zu einengend, und er kletterte auf meine Schulter, wo er sich als Oberaufseher fühlte* (S. Fenton).

Значение гипотетичности выражается посредством форм Konjunktiv'a II, например:

Und hätten nicht Wrangels Reiter im Vorjahr noch Bayern besucht, würde ihm Regensburg, wo er hingehöre, auf immer verschlossen bleiben (G. Grass).

На значение гипотетичности в приведенном выше предложении насливается значение обусловленности. Однако обусловленность здесь понимается более широко, а именно как имеющая место в сознании и зафиксированная в предложении противопоставленность реальному положению дел. Поэтому сами высказывания воспринимаются как гипотетические.

Опосредованная модальность возможности и необходимости в интересующих нас подчинительных комплексах выражается, как правило, с помощью модальных глаголов *sollen*, *müssen*, *dürfen*, *können*, *mögen* + *Infinitiv*, реализующихся в формах изъявительного наклонения. Например:

An den Peripherien der Großstädte, dort, wo die Laternen spärlicher werden und die Gendarmen zu zweien gehen, muß man in den Häusern emporsteigen, bis es nicht weiter geht, bis in schräge Dachkammern, wo junge, bleiche Genies, Verbrecher des Traumes, mit verschränkten Armen vor sich hin brüten, bis in billig und bedeutungsvoll geschmückte Ateliers, wo einsame, empörte und von innen verzehrte Künstler, hungrig und stolz, im Zigarettenqualm mit letzten Idealen ringen (Th. Mann);

Ich mußte mich in eine andere Ecke des Gartens begeben, um dorthin schauen zu können, wo seine Blicke klebten (I. Noll);

Und vielleicht kommt er noch rüber, von Köln oder wo er jetzt sein mag (H. Böll).

Рассматриваемые синтаксические конструкции констатируют наличие обусловливающей предпосылки, оказывающей определенное влияние на интерпретацию фиксируемой в них предметной ситуации. Так, в первом предложении глагол *müssen + Infinitiv* указывает на необходимость, обусловленную извне. Здесь мы имеем дело с регламентацией конкретных действий в конкретной ситуации. Глагол *können + Infinitiv* во втором предложении обозначает возможность изменения данного положения дел. И, наконец, в третьем предложении глагол *mögen + Infinitiv* представляет ментальную реакцию адресанта на поведение действующего субъекта. Следует отметить, что во всех проанализированных сложноподчиненных предложениях мысленная позиция адресанта в пространстве и времени дистанцирована от изображаемых событий.

Обычно сложноподчиненные предложения векторной направленности реализуются в репродуктивном / изобразительном типе речи. Исключение составляют текстовые фрагменты со значением гипотетичности, которые относятся к информативно-повествовательному типу речи (Абрамов 2001, с. 63–64; Dreyer 2009, с. 278).

4. Характеристика позиционной детерминации процесса самоорганизации сложноподчиненных предложений в тексте. В тексте сложноподчиненные предложения векторной направленности реализуются, как правило, в «гармоническом» центре – наиболее защищенной от лексических и грамматических потерь зоне, обеспечивающей структурно-информационную устойчивость текста. Например:

Aber sinnlose Verschwendung, das kann mich aufbringen, und was die Amerikaner da mit ihren Toten trieben, fiel für mich in die Kategorie >sinnlose Verschwendung< – welch ein Aufwand an Kosten, Personal, Material, um den Leichnam irgendeines Jimmy von – sagen wir Bernkastel aus, wo er 19 im Lazarett gestorben war – im Jahre 23 oder 22 nach Wisconsin zu befördern? (H. Böll); Aber sie küßte zurück, dort, wo gerade ihre Lippen waren (L. Frank).

Подчинительные комплексы, подобные приведенным выше, функционируют в качестве дуплексных элементов, которые образуют взаимосвязь с инициатором своей подструктуры и имеют одностороннюю входящую связь с инициатором другой подструктуры. При этом интересующие нас предложения оказывают существенное влияние на процесс текстообразования, поскольку являются организующим моментом сюжетной линии. В тексте принято различать два типа пространств, а именно: пространство наблюдателя (иначе – адресанта), с одной стороны, и пространство персонажей, с другой. Пространство наблюдателя / адресанта доминирует над пространством персонажей, поскольку подвижность точки зрения адресанта объединяет разные ракурсы описания и изображения. С учетом сказанного сложноподчиненные предложения, указывающие на начальный пункт перемещения субъекта предметной ситуации, создают перспективу расширяющегося пространства, мотивированного опытом персонажей, их познанием художественного мира, заданного адресантом:

Mir auch, sagte Ellen dann jedesmal und suchte sich wieder daran zu erinnern, wie ihr beinahe alles recht gewesen wäre, was sie aus der Stadt herausgebracht hätte, wo ihr beinahe nichts mehr recht war (Ch. Wolf).

Сложноподчиненные предложения, в которых указывается на конечный пункт перемещения субъекта предметной ситуации, создают перспективу сужающегося относительно персонажей пространства:

In diesem Dialog wird Rechenschaft gefordert, Rechenschaft nur für elf, elf Väter, Söhne, Brüder, elf von vielen Millionen – aber Beckmann bekommt keine Antwort, die Last bleibt auf ihm, und er wird in die Geschichte verwiesen, in den kühlen Raum der Gelassenheit, wo die Blumen, die die Toten nicht mehr sehen, das Brot, das sie nicht mehr essen, keine Bedeutung hat (H. Böll).

С помощью сложноподчиненных предложений, репрезентирующих отношения линейного движения, моделируются т. н. «открытые» пространства, не ограничивающиеся какими-либо пределами:

Wo man hinkam, waren keine Fuhren zu haben (J.P. Hebel); *Er beobachtete, wohin das Mädchen ging* (J. Schoch).

Проведенное исследование показывает, что учет таких параметров текстообразовательных механизмов языка, как характеристика фиксируемой в предложении предметной ситуации, определение пространственно-временной позиции адресанта, анализ коммуникативных намерений адресанта и характеристика позиционной детерминации процесса самоорганизации предложений, дает возможность установить степень значимости тех или иных синтаксических конструкций в тексте. Кроме того, он позволяет реконструировать парадигму их потенциальных комбинаций, уточнить типы взаимоотношений разноэле-

ментных компонентов текста, смоделировать пространственно-временную организацию текста, повысить точность и реалистичность сценариев текстообразования.

В процессе анализа закономерностей функционирования сложно-подчиненных предложений векторной направленности в художественных текстах было установлено, что данные подчинительные комплексы относятся к базовым структурам процесса текстообразования, посредством которых создается симметрия текста. Являясь аргументированными коннекторами основных направлений развития сюжетной линии, предложения данного типа обслуживают коммуникативное действие, и их появление в тексте оказывается эвристическим сигналом для адресата, который через характеристики рассмотренных синтаксических конструкций то возвращается к ожидаемому, то погружается в «новое».

Литература

Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. для студ. вузов / Б.А. Абрамов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 288 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 2004. – 544 с.

Копров В.Ю. О применении поаспектного подхода к семантико-функциональному описанию сложноподчиненных предложений / В.Ю. Копров, Е.Г. Скребова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2: Филологические науки. – С. 53–62.

Шамне Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н.Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 392 с.

Dreyer H. Lehr- und Übungsbuch der deutschen Grammatik aktuell / E. Schmitt. – 1. Aufl. Ismaning: Hueber Verlag, 2009. – 392 S.

Wunderlich D. Raum, Zeit und das Lexikon // D. Wunderlich // Sprache und Raum. Psychologische und linguistische Aspekte der Aneignung und Verarbeitung von Räumlichkeit: Ein Arbeitsbuch für Lehren und Forschung. – Stuttgart: Metzler, 1985. – S. 10–29.

**Сушкова И.М.
Sushkova I.M.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В НОМИНАТИВНОМ АСПЕКТЕ
SIMPLE SENTENCES WITH THE MEANING OF BELONGING
IN NOMINATIVE ASPECT**

Аннотация. В статье рассматривается номинативный аспект семантико-структурного устройства простого предложения. Проанализированы наиболее часто встречающиеся случаи использования предложений принадлежности и реализуемые ими значения на основе отнесенности их актантов к определенному лексико-грамматическому разряду.

Abstract. The article deals with nominative aspect of semantic-structural organization of a simple sentence. The paper analyzes the most common applications of sentences expressing relation of belonging and the meanings implemented by them on the basis of their actants attribution to a particular lexical-grammatical category.

Ключевые слова: семантико-структурное устройство предложения, номинативный аспект, принадлежность, посессор, объект посессивности, лексико-грамматические разряды частей речи.

Key words: semantic-structural organization of sentence, nominative aspect, belonging, possessor, object of possessive relation, lexical-grammatical categories of parts of speech.

В соответствии с предложенной В.Ю. Копровым методикой анализа семантико-структурного устройства предложения разграничиваются семь аспектов анализа: целевой, номинативный, предикативный, релятивно-номинативный, актуализирующий, эмоционально-экспрессивный и стилистический. Важнейшим среди них является номинативный аспект, в котором выделяются два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный (Копров 2010, с. 38–42).

В свете ситуативно-структурного аспекта предложение рассматривается как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации. Анализируемые предложения сначала дифференцируются по семантике и количеству предметных компонентов их семантической структуры, затем по принадлежности компонентов к той или иной части речи и, наконец, по принадлежности компонентов к тому или иному лексико-грамматическому разряду (ЛГР).

Анализ в пределах релятивно-структурного подаспекта предполагает исследование вариативности категориально-грамматической семантики актантов в предложении того или иного конструктивного типа. Эти параметры актантов варьируются в зависимости от интерпретации говорящим выражаемой предметной ситуации по линии категорий за-

лога, личности / безличности, определенности / неопределенности (обобщенности) актантов (Копров 2016, с. 25–32).

Для описания ситуативно-структурного подаспекта устройства синтаксических конструкций разграничиваются три уровня их семантической структуры: типовое значение предложения (ТЗ); инвариантная семантическая структура предложения (ИСС); лексико-грамматический вариант инвариантной семантической структуры предложения (ВСС). Семантическую структуру предложения составляет совокупность предметного актанта (или нескольких актантов) и признакового компонента. В типовых значениях предложений получает свою наиболее обобщенную языковую реализацию структура отраженных сознанием предметных ситуаций.

Рассмотрим предложения со значением принадлежности в рамках ситуативно-структурного подаспекта номинативного аспекта устройства предложения.

Основными ТЗ предложений принадлежности являются: «отношение между двумя предметами» и «предмет и его признак». Предложения принадлежности, составляющие ядро семантико-функционального поля (СФП) посессивности, относятся:

- 1) к двуактантному (трехкомпонентному типу): *Мебельный гарнитур принадлежит Клавдии*;
- 2) к одноактантному (двухкомпонентному типу): *Эта книга Васина*.

Именными (предметными) актантами инвариантной семантической структуры посессивных предложений (ИСС) являются субъект-посессор и объект. Субъект-посессор – это актант, который в отражаемой предметной ситуации и соответствующей ей ИСС предложения является носителем посессивного отношения. Объект – это второй актант – участник ситуации, который в составе ИСС предложения связан с субъектом посессивным отношением – принадлежностью.

Двуактантные предложения, выражающие принадлежность, имеют ИСС «объект – принадлежность – субъект». Данный тип конструкций обозначается структурной схемой N1 – Vact – N3. В предложениях рассматриваемого типа представлены все три элемента посессивной ситуации: посессор (N3), объект обладания (N1), а также предикат со значением посессивности (Vact). В глагольной позиции здесь употребляется только один глагол, в чистом виде передающий значение принадлежности – *принадлежать* (класс «отношение», ЛГР принадлежности). Предмет принадлежности выступает здесь как подлежащее синтаксической конструкции, а посессор – как дополнение: *Когда-то, в незапамятные времена, этот дворец принадлежал вельможе могущественному и богатому* (Е. Хаецкая).

В одноактантных предложениях с субъектно-признаковым значением в позиции подлежащего находится объект принадлежности, а его предикативный признак лексически выражает посессора. В позиции посессивного признака в конструкциях русского языка могут находиться: 1) притяжательные (личные и возвратные), а также неопределенные и отрицательные местоимения-прилагательные: *Впрочем, одеяло тоже было не мое* (А. Геласимов); «*Димка этот не мой, – быстро ответила Варвара, – по-моему, он все еще ничей*» (Т. Устинова); 2) притяжательные и относительные прилагательные: *Папина была идея-ка* (А. Геласимов); 3) существительные в родительном падеже: *Дом не твой, а Тимофея Ильича Кольцова* (Т. Устинова).

Как известно, лексическое наполнение структурных схем предложений, будучи объективным фактом языка, своей формальной стороной отражается в структурных схемах предложений, поэтому при изучении лексического наполнения структурных типов мы входим в русло проблемы тесного взаимодействия лексики и грамматики. В лексическом наполнении компонентных мест структурных схем предложений наблюдается определенная несвободность. Именно лексика является средством дифференциации значений полисемантических синтаксических конструкций. Таким образом, следует рассмотреть, какие лексико-грамматические разряды слов связаны в своем функционировании со структурными схемами, выражающими отношение принадлежности, а также установить тенденции и ограничения в лексическом наполнении данных структурных схем. Такой подход позволяет проследить связь особенностей лексического наполнения структурных схем предложений и типов посессивного отношения, выражаемого этими предложениями (Сушкова 2007).

При описании лексического наполнения компонентных позиций семантической структуры предложения мы опираемся на принципы распределения слов по лексико-грамматическим разрядам, предложенные В.Ю. Копровым (Копров 2016, с. 129–145).

Согласно этим принципам, в номинативном аспекте выделяются семь ЛГР имен существительных: ЛГР антропонимов; ЛГР неконкретных существительных; ЛГР зоонимов; ЛГР существительных, обозначающих природные явления, такие явления, как взрыв, удар, и «самодвижущиеся» технические средства и предметы вооружения; ЛГР существительных, обозначающих предметы, способные под воздействием внешних сил оказывать воздействие на другие предметы; ЛГР «части тела» (рука, голова); ЛГР конкретных неодушевленных существительных.

При реализации основного значения, передаваемого данными конструкциями – собственно принадлежности – посессор, как правило, относится к ЛГР антропонимов, тогда как объект посессивности выражен

именем конкретно-предметной семантики (ЛГР конкретных неодушевленных существительных):

Дача, где Пушкин и Наталия Гончарова провели первое совместное лето, принадлежала домовладелице Китаевой (Ю. Кантор); *Прогрессивка – моя, премия – моя, а все прошлые дела в архив* (Е. Попов).

Однако анализ предложений со значением принадлежности показывает, что передаваемое ими содержание далеко не исчерпывается семантикой собственно принадлежности. Так, если в качестве посессора выступает имя деятеля (автора), а в качестве объекта принадлежности – результаты его деятельности, обозначаемые конкретными существительными, то рассматриваемая конструкция реализует значение «продукт деятельности – деятель»: *Поэма принадлежала Эдгару Аллану По и называлась «Ворон»* (Н. Воронель).

Приведем другие примеры частотных комбинаций актантов в предложениях принадлежности.

Посессор – антропоним, объект принадлежности относится к ЛГР неконкретных существительных: *Постановка «Трубадура», в которой мне предстояло участвовать, принадлежала одному из крупнейших итальянских режиссеров Лукино Висконти* (И. Архипова); *Голос принадлежал продавцу бульварной прессы* (А. Лошак); *Я еще не понимала всех последствий своего озарения, но уже знала, что тайна теперь моя* (В. Пелевин); *Он чувствовал, что этот вечер принадлежит ему* (В. Аксенов). В подобных случаях обычно реализуется значение неотторжимой принадлежности.

Посессор и объект принадлежности являются антропонимами: *Но совсем непростительно то, что при такой декларируемой самостоятельности я ни секунды не сомневался, что мать принадлежит всецело мне одному* (И. Кио). Такие предложения передают родственные, профессиональные отношения, а также отношение моральной зависимости одного человека от другого.

Посессор – антропоним, объект принадлежности относится к ЛГР «части тела»: *Бритоголовый пытался прощупать, принадлежит ли головка и ручка одному ребенку или двум* (Л. Улицкая); *Да, девушка перерезала вены, а кровь на ноже не только ее, все это требует детальной проработки* (Т. Полякова). В предложениях такого рода выражается отношение между человеком и его «физическими составляющими» (частями тела и внутренними органами).

В предложениях с посессором-зоонимом в позиции объекта принадлежности нередко выступают как существительные ЛГР конкретных, так и неконкретных, при этом реализуются те же отношения, что и в предложениях с посессором-антропонимом: *В дальнейшем можно по образцу икры выяснить, какой самке принадлежит икра* (Н. Мар-

кина); *Тоненький непрезентабельный серый мех*, большие всего смахивающий на кроличий, при жизни принадлежал *шиншилле* (Д. Донцова); *Императорскому пингвину* принадлежит и рекорд самого долгого голодания (Ю. Фролов).

Посессор – неконкретное существительное, объект принадлежности – антропоним: *Идейно эта поклонница и исследовательница Герцена во многом, безусловно, принадлежала освободительной идеологии и абстрактному либерализму* (Ю. Сычева). Здесь дается характеристика объекта принадлежности.

Посессор – неконкретное существительное, объект принадлежности относится к ЛГР конкретных неодушевленных: *Фраза эта интересна тем, что вся принадлежит тому времени* (Д. Гранин). Подобная комбинация приводит к реализации локативно-посессивного отношения.

Посессор и объект принадлежности относятся к ЛГР неконкретных существительных: *С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее* (Ю.М. Лотман). Здесь, как при некоторых других комбинациях актантов, реализуется партитивное отношение.

Итак, рассмотренные одноактантные и двуактантные конструкции принадлежности представляют собой структуры с относительно свободным составом лексики при выраженной тенденции к заполнению актантных позиций лексикой определенных ЛГР. В зависимости от лексико-грамматических разрядов имен, занимающих позиции субъектного и объектного компонентов, данные конструкции способны реализовывать различные типы посессивных значений, которые определяют оттенки номинативного аспекта их содержания.

Выявление лексико-семантических вариантов инвариантных семантических структур и анализ их функционирования позволяют полнее представить языковую картину мира носителей языка, так как синтаксические типы конструкций отражают особенности связей, существующих как во внеязыковой действительности, так и в отражающем ее мышлении.

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в со-поставлении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алеников, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Сушкова И.М. Принадлежность в семантико-функциональном поле посессивности (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / И.М. Сушкова. – Воронеж, 2007. – 185 с.

Фарха Е.Н., Козюра Т.Н.

Farha E.N., Kozyura T.N.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ СУБЪЕКТА
В СВЕТЕ РЕЛЯТИВНО-СТРУКТУРНОГО ПОДАСПЕКТА
НОМИНАТИВНОГО АСПЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО,
ИСПАНСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**
**SENTENCES EXPRESSING PROCESSUAL STATE OF THE SUBJECT
IN THE FRAME OF RELATIVE-STRUCTURAL SUBASPECT
OF THE NOMINATIVE ASPECT (IN RUSSIAN, SPANISH AND FRENCH)**

Аннотация. В нашей работе анализируется семантика и функционирование предложений процессуального состояния субъекта в свете релятивно-структурного подаспекта номинативного аспекта устройства предложения. В данной статье с использованием основных положений методики поаспектной характеристики семантико-структурного устройства предложения рассматриваются синонимические русские конструкции типа *Я (не) сплю – Я (не) могу спать – Мне (не) спится* и их соответствия в испанском и французском языках.

Abstract. The article presents the analysis of the semantics and function of the sentences with the meaning of processual state of the subject in the frame of relative-structural subaspect of the nominative aspect. Russian synonymous sentences *Я (не) сплю – Я (не) могу спать – Мне (не) спится* which are analyzed by means of multi-aspect methods of semantic-functional approach are compared to their counterparts in Spanish and French.

Ключевые слова: процессуальное состояние субъекта, семантико-функциональный сопоставительный синтаксис, безличные предложения, личные предложения с глаголом *мочь*.

Key words: processual state of the subject, semantic-functional comparative syntax, impersonal sentences, sentences with the modal verb *can*.

В данной статье при сопоставительном анализе средств выражения процессуального состояния субъекта применяется методика поаспектной характеристики семантико-структурного устройства предложения, разработанная В.Ю. Копровым. Номинативный аспект является основным среди всех семантико-структурных аспектов устройства простого предложения. В рамках данного аспекта выделяются два подаспекта: ситуативно-структурный и релятивно-структурный. В пределах релятивно-структурного подаспекта рассматривается категориально-грамматическая семантика актантов в предложениях того или иного конструктивного типа. Эти параметры актантов варьируются в зависимости от интерпретации говорящим выражаемой предметной ситуации по линии категорий залога, личности / безличности и определенности / неопределенности (обобщенности) актантов (Копров 1999, с. 16–19; 2016, с. 26).

В русском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Я сплю, Я (не) могу спать*) и безличными воз-

вратными конструкциями (*Mне (не) спится*). Данные конструкции, в соответствии с разделяемой нами типологией предложения В.Ю. Копрова, относятся к одноактантным вербальным предложениям с типовым значением «предмет и его признак» и имеют инвариантную семантическую структуру «субъект и его состояние».

В русском языке грамматическая категория личности / безличности выступает как компонент, во многом определяющий своеобразие релятивно-структурного аспекта предложения.

В испанском языке процессуальное состояние субъекта выражается глагольными личными (*Duermo, (No) puedo dormir*) и безличными возвратными конструкциями (*(No) se duerme*). В безличной конструкции позиция носителя признака отсутствует, а указание на лицо – носителя состояния – имеется в контексте. Безличная форма образуется при помощи местоимения *se* (показатель безличности, указывающий на неопределенное лицо) и глагола 3 л. ед. числа.

Однако лишь небольшое количество испанских глаголов в безличном значении могут приобретать соответствующее русским безличным глаголам значение процессуального состояния субъекта и являться их прямыми эквивалентами (*dormir, respirar, comer, nadar*):

En el campo se respira mejor que en la ciudad – В деревне дышится свободнее, чем в городе; En esta ciudad se vive muy bien – В этом городе хорошо живется; Esa noche se duerme mal, la selección de las canciones es dura, el trago más amargo del proceso de grabación – Этой ночью плохо спится, песни для записи выбираются с трудом.

В испанском языке, как правило, такие конструкции функционируют с факультативными (обстоятельственными) компонентами образа действия, причины, условия, места, времени, что и отличает их от личных предложений: *Se vive bien. – Хорошо живется.*

В остальных случаях для передачи подобных значений часто используются личные предложения с модальными глаголами (*poder – мочь*). Ср.:

Только мне не плачеться, на душе светло (В. Аксенов) – *Solamente yo no puedo llorar, mi alma está despejada.*

Вот как-то пришел заветный час – ночь, выюга воет, в окошки-то словно медведи лезут, трубы поют, все беси сорвались с цепей, лежим мы с дедушкой – не спится, я и скажи: «Плохо бедному в этакую ночь, а еще хуже тому, у кого сердце неспокойно!» (М. Горький) – Y por fin llegó la hora decisiva, que fue una noche; rugía la tormenta de nieve; los osos, como suele decirse, se acercaban a las ventanas; aullaban las chimeneas; en una palabra, todos los diablos se habían desencadenado. Tu abuelo, y yo estábamos en la cama sin poder conciliar el sueño; yo dije: «En noches como ésta, mal lo pasan los pobres, y peor aún los que no tienen el corazón tranquilo».

Что касается выражения процессуального состояния во французском языке, то здесь можно выделить следующие виды конструкций с непереходными глаголами: 1) личные невозвратные – *je dors*; 2) личные возвратные – *je m'endors*; 3) личные модальные – *je peux dormir*; 4) неопределенноподличные невозвратные – *on dort*; 5) неопределенноподличные возвратные – *on s'endort*. Безличных синтаксических конструкций, которые могли бы соответствовать русскому выражению *Мне не спится* или испанскому (*No se duerme*, во французском языке нет).

При переводе русских безличных структур типа *Мне не спится* на французский язык возможны следующие варианты:

а) личные невозвратные конструкции: *Мне всегда как-то лучше работает за городом, в особенности весной* (М. Булгаков) – *Pour moi, je travaille toujours mieux à la campagne, particulièrement au printemps*;

б) синтаксические трансформации (например, замена безличного предложения личной каузативной конструкцией):

Один уже подносил стичку Бегемоту, вынувшему из кармана окурок и всунувшему его в рот, другой подлетел, звяня зеленым стеклом и выставляя у приборов рюмки, лафтники и тонкостенные бокалы, из которых так хорошо пьется нарезан под тентом... (М. Булгаков) – *Déjà, l'un d'eux présentait une allumette à Béhémoth qui avait tiré de sa poche un mégot et se l'était planté dans la bouche, un autre accourait dans un tintement de cristal vert et plaçait devant chaque assiette un petit verre à alcool, un verre à bordeaux et un de ces grands verres ballons à paroi fine où il fait si bon boire de l'eau minérale pétillante sous la tente de toile...*;

в) лексические трансформации:

Всякий посетитель, если он, конечно, был не вовсе тушицей, попав в Грибоедова, сразу же соображал, насколько хорошо живется счастливцам – членам МАССОЛИТА, и черная зависть начинала немедленно терзать его (М. Булгаков) – *Tout visiteur de Gribouïedov – à moins, bien sûr, d'être complètement abruti – se rendait immédiatement compte de la belle vie réservée aux heureux membres du Massolit; Пересел француз на стул у окна, да только не сидится французу на этом стуле, потому что в окно как-то дует* (Д. Хармс) – *Le Français passe sur la chaise près de la fenêtre, seulement il ne tient pas sur cette chaise parce qu'il y a un petit courant d'air.*

Следующим компонентом в релятивно-структурном подаспекте номинативного аспекта устройства предложения является категория **определенности / неопределенности (обобщенности) актантов**.

Грамматическая составляющая данной категории проявляется в асимметрии количества компонентов семантической и синтаксической структур предложения. Функциональная сущность категории заключа-

ется в возможности эксплицитного или имплицитного представления семантических актантов в синтаксической структуре предложения.

Актант, эксплицитно представленный в синтаксической структуре словоформой, одновременно с лексическим именованием как известного или неизвестного говорящему получает грамматическую характеристику по линии категорий числа, рода и персональности: единственное / множественное число; мужской / женский / средний род; 1-е лицо (говорящий), 2-е лицо (собеседник), 3-е лицо (не участник ситуации общения).

См. примеры с грамматически **определенным** агенсом:

а) в русских личных конструкциях: *Боже мой, как быстро седеет Людмила* (В. Гроссман);

б) в русских безличных конструкциях: *Ему что-то нездоровилось: дыхание было горячее и тяжкое, ослабели ноги, тянуло к питью* (А. Чехов).

См. пример испанских личных предложений с грамматически определенным агенсом: *Letona palidece primero, enrojece después y monta, finalmente, en cólera* (J. Cacho Cortés).

В русском языке в силу закона экономии речевых усилий избыточная местоименная форма выражения персональности регулярно опускается, образуя особый подтип личных активных предложений – **определенно-личные**. Определенно-личное значение выражается глаголом в форме 1-го и 2-го лица изъявительного наклонения: *Теорема такая: радуюсь (пусть даже обману) – значит, хорошую, а недостатки, как побитые собаки, заползают туда, где им и место*» (Г. Щербакова).

См. пример испанского определенно-личного предложения: *Vivo tu y solo en esta casa, sin la compañía de mamá. Le voy a proponer que nos casemos en seguida; mi apellido seguirá existiendo* (M. Lebron).

На релятивно-структурном уровне любой актант может быть представлен синтаксическим нулем, который замещает в конструкции синтаксическую позицию актанта, не выражая никаких его категориально-грамматических признаков. В этом и заключается **грамматическая неопределенность** актанта.

Отличительной чертой такой конструкции в русском языке является фиксированная форма глагола или связочно-именного комплекса – 3-е лицо множественного числа: *Все шуточки у них. Ни горя, ни печали. С утра до ночи веселятся* (С. Довлатов).

Вслед за В.Ю. Копровым, мы не выделяем обобщенно-субъектные предложения в отдельные семантико-структурные типы и относим обобщенное значение актанта к сфере неопределенности. См. примеры с неопределенным (обобщенным) актантом:

а) личные конструкции: *Еще год прошел, а что толку? Надо грустить, что стареешь* (В. Крупин);

б) безличные конструкции: *После горячего чая, под теплым одея-*

лом, не как в амбаре, не страшен шум дождя, наоборот; под него лучше засыпается, крепче спится (В.А. Солоухин).

См. примеры предложений с неопределенным (обобщенным) актантом в испанском языке:

а) личные конструкции: *Por la vía de la remoción, cabría apuntar que la conciencia es lo que se pierde cuando uno se duerme, se desmaya o es anestesiado; es decir, lo que desaparece cuando se pierde «el sentido», y vuelve con él, cuando lo recobramos* (J.L. Pinillos);

б) в испанских безличных предложениях состояние обозначается без указания лица – носителя этого состояния: *Día Mundial del Medio Ambiente: en Cienfuegos se respira mejor* (Energía y tú Revista científico popular, № 23, 07-09/2003).

Во французском языке, как было отмечено выше, отсутствует категория безличности; значение неопределенности / обобщенности актантов передается при помощи:

1) форм с неопределенно-личными местоимениями (*on, chacun, nul, certain, quiconque* и др.), например:

...A вом, еще через день, в облачном небе такие яркие прогалины, и на коре деревьев такой мокрый блеск, и так каплет с крыши над окном, что не нарадуешься, не наглядишься... (И. Бунин) – ...Et le jour suivant, il ya de telles éclaircies dans le ciel nuageux, un tel éclat humide sur l'écorce des arbres, tant de gouttes tombant du toit au-dessus de la fenêtre, qu'on ne se lasse pas de regarder et de se réjouir...;

2) наречий, выполняющих функцию неопределенных местоимений (*beaucoup, bien, peu* и др.) (Grevisse, 2007, p. 944–947), например:

Bien des idées me passèrent dans la tête: les jardins du Palais-Royal, l'Observatoire, la tour Saint-Jacques, Notre-Dame, mais il me semblait toujours que cela n'avait pas de sens (A. Nothomb); *Tant qu'à me donner le nom d'un sophiste, je n'aurais rien eu contre Gorgias, Protagoras ou Zénon, dont les intelligences n'ont pas fini d'intriguer* (A. Nothomb);

3) окказиональных конструкций, где роль определения / обобщения выполняют существительные (вопросительные местоимения, синтагматические группы), утратившие первичное значение:

Et foi de quoi, je pouvais conclure que ce bouquin ne manquait pas de qualité (A. Nothomb); <...> *la plupart comme des fleurs de fraisiers qu'on aurait tuées au coucher du soleil et qui auraient gardé le safran des rayons déclinants, étaient dorées comme une dentelle ancienne, un peu fripée, presque rousse, avec tout l'habillé, tout l'ajouté de leurs étamines ajourées* (M. Proust).

Таким образом, грамматическая категория личности / безличности более широко представлена в синтаксисе русского языка по сравнению с испанским и французским. При этом в русском языке определенно-личные конструкции частотнее, чем в испанском и французском языках.

Кроме того, в русском языке существуют одноактантные безличные возвратные конструкции со значением процессуального состояния как с определенным, так и с неопределенным субъектом. В испанском языке безличные конструкции функционируют только с неопределенным субъектом и не являются прямым эквивалентом русским безличным предложениям; во французском языке категория безличности, не имея формального синтаксического воплощения, передается личными, неопределенно-личными и модальными конструкциями.

Литература

Дурова Е.Н. Выражение процессуального состояния субъекта (на материале русского и испанского языков): дис. канд. филол. наук / Е.Н. Дурова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2012. – 184 с.

Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – 160 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Greville M. Le bon usage: Grammaire française / M. Greville, A. Goosse. – De Boeck & Larcier s.a., 2007. – 1600 p.

**Федоров В.А.
Fedorov V.A.**

*Воронежский государственный технический университет
Voronezh State Technical University*

**РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ПЕРЕВОДИМЫЕ
ФРАНЦУЗСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ *IL SEMBLE, IL PARAÎT*
RUSSIAN LANGUAGE MEANS TRANSLATED WITH THE HELP
OF THE FRENCH CONSTRUCTIONS *IL SEMBLE, IL PARAÎT***

Аннотация: В статье рассматривается ряд лексических единиц русского и французского языков, анализ семантики которых позволяет определить, что они служат для обслуживания синтаксического концепта «модус конкретной субъективной оценки».

Abstract: The article considers a series of Russian and French lexical units, the semantic content of which shows that they are used to express the syntactic concept «the modus of the concrete subjective appreciation».

Ключевые слова: синтаксический концепт, конструкция, лексические единицы, структурная схема, типовая пропозиция, модус, диктум.

Key words: syntactic concept, construction, lexical units, structural scheme, typical proposition, modus, dictum.

В своей работе мы опираемся на семантико-синтаксические когнитивные исследования Воронежской лингвистической школы, в частности, на фундаментальный труд ее руководителя З.Д. Поповой: «Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов» (Попова 2009), в которой оспариваемый некоторыми исследователями термин «синтаксический концепт» занял подобающее ему место в системе русского синтаксиса.

В нашем понимании, синтаксический концепт – это смысл, закрепленный конкретной синтаксической конструкцией (структурной схемой) и конкретизирующий в структурированном виде знания о мире и языке (Федоров 2013, с. 8). Другими словами, смысл конструкции представляет собой типовую пропозицию.

В случае с исследуемыми русскими структурами типовая пропозиция чаще всего передается с помощью самых разных модальных значений, поэтому мы обращаемся к теории модуса и диктума в интерпретации, предложенной в свое время Ш. Балли (Балли 1955). Согласно ученому, эксплицитное предложение состоит из двух частей. Одна из них будет коррелятом процесса, явления, состояния, ее он называет диктумом (от лат. *dictum* – «сказанное»). «Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно, выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим лицом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом – модальный субъект; оба образуют модус (от лат. *modus* – «образ, способ»), дополняющий диктум» (Указ. соч., с. 44). Как мы полагаем, модус представляет собой субъективную оценку реализуемой в речи пропозиции (продуманное отношение говорящего к сказанному, результат мыслительной операции).

Цель статьи – выявить, какой французский синтаксический концепт является решающим при выборе русских языковых средств, переводимых конструкциями *il semble*, *il paraît*.

Прежде всего, *il semble* используются для перевода слов с семой «кажется»:

В деревне, *кажется*, стали жалеть Мари, по крайней мере, детей уже не останавливали и не бралили, как прежде (Достоевский, с. 71) – *Il semble qu'au village on avait fini par prendre Marie en pitié; tout au moins ne défendait-on plus aux enfants de la voir* (Dostoïevski. Т. 1, р. 112);

Казалось, ему очень хотелось добраться до дома и остаться поско-ре одному; но ему этого не дали (Достоевский, с. 463) – *Il semblait qu'il désirait beaucoup rentrer chez lui et rester au plus vite seul; mais on ne le lui en laissa pas le loisir* (Dostoïevski. Т. 2, р. 570).

Русские глагольные формы *казалось*, *кажется* могут также переда-

ваться этой французской конструкцией с инверсией *semblait-il*, *semble-t-il*:

Князь заметил, что все эти три дня они вступали иногда друг с другом в длинные разговоры, нередко кричали и спорили, даже, *кажется*, об ученых предметах, что, по-видимому, доставляло удовольствие Лебедеву (Достоевский, с. 228) – *Le prince avait remarqué que durant ces trois derniers jours, ils engageaient quelquefois de longues conversations, souvent bruyantes, même, semblait-il, sur des sujets savants, ce qui paraissait faire plaisir à Lebedev* (Dostoïevski. Т. 1, р. 386).

Следующей особенностью при переводе является вставка в оборот *il semble*, *semble-t-il* слов, отсутствующих в русском оригинальном тексте. Например, в перевод добавляются слова, отсутствующие в русском, вставляется слово *bien* (*хорошо*):

Кажется, к тому только и подводит Лебедев (Достоевский, с. 195) – *Il semble bien que c'était à cela que voulait l'emmener Lebedev* (Dostoïevski. Т. 1, р. 329).

С другой стороны, находим случаи пропуска русских слов *все*, *вот все, постоянно* при переводе на французский язык (в русском – присутствуют):

– *Мне все кажется*, – осторожно заметил князь, – что Настасья Филипповна умна (Достоевский, с. 119) – *Il me semble, observa prudemment le prince, que Nastassia Philippovna est intelligente* (Dostoïevski. Т. 1, р. 197);

Князь, позвольте вас спросить, как вы думаете, *мне вот все кажется*, что на свете гораздо больше воров, чем не воров, и что нет даже такого самого честного, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл (Достоевский, с. 141) – *Prince, permettez-moi de vous demander si vous êtes de mon avis; il me semble que de par le monde il y a beaucoup plus de voleurs que de non-voleurs, que peut-être même il n'existe pas un seul homme qui, sa vie durant, n'ait jamais rien volé.* (Т. 1, р. 236).

Как показывают примеры, во французский текст также вводятся местоимение *me* (*мне*), реже *lui* (*ему*), что усиливает отнесенность высказывания к конкретному лицу:

А Ганя не знает? Ганя многое еще, *кажется*, не знает, – вырвалось у задумавшегося князя (Достоевский, с. 130) – *Ah, Gania l'ignore? Il me semble que Gania ignore encore beaucoup de choses, laissa échapper, malgré lui, le prince, perdu dans ses pensées* (Dostoïevski. Т. 1, р. 218).

При необходимости, *il semble* употребляется также и при ссылке на конкретные лица:

...*князю тотчас же показалось*, что Ганя в высшей степени убежден, что в эту самую минуту настала пора разбить между ними лед на всех пунктах (Достоевский, с. 294) – *Il sembla à Eugène Pavlovitch qu'un accord complet ne s'était pas encore rétabli entre lui et Adélaïde...* (Dostoïevski. Т. 2, р. 495).

Надо отметить, что в некоторых случаях оборот *il semble* служит опорной конструкцией, к которой присоединяется придаточное предложение, передающее смысл сказанного:

...Но только, что же вы, князь, про Аглую ничего не сказали? Аглая ждет, и я жду. – Я ничего не могу сейчас сказать; я скажу потом. – Почему? *Кажется*, заметна? (Достоевский, с. 75) – ...Mais pourquoi n'avez-vous rien dit d'Aglaé, prince? Aglaé attends et moi aussi. – Je ne peux rien dire pour le moment; je dirai plus tard. – Pourquoi cela? *Il me semble* qu'on la remarque assez? (Dostoïevski. Т. 1, р. 124);

– Я о вас слышала. О вас и в газетах печатали, *кажется*? – Нет, это о другом толкователе, о другом-с, и тот помер, я за него остался, – вне себя от радости проговорил Лебедев (Достоевский, с. 234) – J'ai entendu parler de vous. *Il me semble* qu'il avait même été question de vous dans les journaux? – Non, il s'agissait d'un autre commentateur-s, un autre qui est mort; et je suis resté à sa place, balbutia Lebedev qui не se tenait plus de joie (Dostoïevski. Т. 1, р. 397).

В вышеупомянутых примерах можно поставить оборот в конце предложения, что никак не изменит смысла сказанного. Однако наличие оборота в начале указывает на определенную функцию, которую он призван выполнять в данном случае: выразить идею о *предположительности, вероятности* или какой-либо другой *модальный оттенок*:

Знаете, *мне кажется*, что даже должны любить меня. Для меня вы то же, что и для него: светлый дух, ангел не может ненавидеть, не может и любить (Достоевский, с. 437) – Savez-vous, *il me semble* même que vous m'aimez. Vous êtes, pour moi, ce que vous êtes pour lui: un clair esprit; un ange ne peut pas haïr, il ne peut pas non plus ne pas aimer (Dostoïevski. Т. 2, р. 223).

Иногда используется глагол в инфинитиве или причастие после оборота *il semble* для перевода слов с модальностью неуверенности *как будто, как бы, точно, как-то*:

Князь заметил мельком, что Александре Ивановне, кажется, очень не нравится, что Евгений Павлович говорит слишком весело, говорит на серьезную тему и *как будто* горячится, а в то же время как будто и шутит (Достоевский, с. 321) – Le prince crut remarquer en passant qu'Alexandra Ivanovna trouvait déplaisante la manière un peu trop gaie dont Eugène Pavlovitch parlait d'un sujet sérieux et *qu'il semblait prendre à cœur sans cesser pour cela de plaisanter* (Dostoïevski. Т. 2, р. 18).

Г.А. Золотова связывает частицу *будто* с модальностью *достоверности* недостоверного высказывания (Золотова 1973, с. 150).

Вводные слова оригинала могут интерпретироваться по-разному с помощью *il semble*:

Я не улыбаюсь, но, *по-моему*, вы действительно несколько неправы, – неохотно отозвался князь (Достоевский, с. 189) – Je ne souris pas, mais en effet *il me semble* que vous avez tort dans une certaine mesure, répondit le prince à contre-cœur (Dostoïevski. Т. 1, р. 318).

Иногда *il semble* употребляется для вводной структуры *стало быть*, передавая модальность *вероятности*:

– Пуля попала так низко, что, верно, Дантец целил куда-нибудь выше, в грудь или голову; а так как она попала, никто не целил, *стало быть*, скорее всего, пуля попала в Пушкина случайно, уже с промаха (Достоевский, с. 342) – La balle a touché tellement bas que Dantès devait certainement viser plus haut, la poitrine ou la tête, personne ne vise jamais à l'endroit où il a touché, *il semble donc* que ce soit par une balle manquée et par hasard que Pouchkine a été tué (Dostoïevski. Т. 2, р. 55).

В следующих примерах *il semble* несет сему *предположительности*:

Но он в удивлении смотрел на Аглую; *странный было ему признать*, что этот ребенок давно уже женщина (Достоевский, с. 419) – Mais il contemplait Aglaé avec étonnement; *il lui semblait étrange de devoir reconnaître* que cette enfant était longtemps une femme (Dostoïevski. Т. 2, р. 191). Досл.: ...*ему показалось странным долженствовать признать*... ;

– Виноват, господа, виноват, – торопливо повинился князь, – пожалуйста, извините. Это потому, что *мне подумалось*, что не лучше ли нам быть совершенно откровенными друг с другом; но ваша воля, как хотите (Достоевский, с. 261) – Désolé, messieurs, désolé, acquiesça hâtivement le prince, je vous prie de m'excuser: c'est qu'il m'avait semblé qu'il serait préférable que nous fussions absolument francs, les uns avec les autres, mais vous êtes libres, il en sera comme vous voudriez (Dostoïevski. Т. 1, р. 441).

Таким образом, конструкция *il semble* используется в следующих случаях:

а) в основном, для передачи глаголов *кажется* (*покажется*), *казалось* (*показалось*) и некоторых других их производных в различных формах и сочетаниях с другими словами. Общее, что их объединяет, – это сема *не уверенности* в реальности того, что высказано в диктуме;

б) для интерпретации слов с семой *предположительности*: *по-моему*, *стало быть*, *подумалось*, *думаю*;

в) для перевода значений русских *как будто*, *точно*, *как-то* и подобных им, содержащих сему *предположительности*.

Семантика структуры *il semble* передает смысл русских модальных и вводных слов, что свидетельствует об отсутствии в русском языке структурной схемы простого предложения для модуса *не уверенности*, и, наоборот, о наличии синтаксического концепта *модус конкретной субъективной оценки* во французском языке. Это дает возможность использовать одну и ту же структурную схему в различных комбинациях: мо-

гут использоваться инверсии оборота, употребление оборота с инфинитивом, пропуск слов или добавление в текст слов, отсутствующих в оригинале, изменение времени и наклонения глагола и т. п.

То, что словарь не дает всех возможностей и оттенков перевода, подтверждает, что переводчик исходит из определенного синтаксического концепта, используя его структурную схему, заполняя ее соответствующей лексикой. В нашем случае – это структура *il semble*.

Конструкция *il paraît*, передающая значения схем *кому кажется / предстаетъется что, кому является / предстаетъется что*, выражает значение *неуверенность*. Чаще всего, *il paraît* используется для передачи русских глаголов *кажется, оказывается*, например:

Таких людей на свете чрезвычайно много и даже гораздо более, чем *кажется*, они разделяются, как и все люди, на два главные разряда: одни ограниченнее, другие «гораздо умнее» (Достоевский, с. 445) – *Cette espèce de gens est très répandue de par le monde et même en bien plus grand nombre qu'il ne paraît; elle se répartit, ainsi qu'il en est de toute l'humanité, en deux catégories principales: les uns bornés, les autres «bien plus intelligents»* (Dostoïevski. Т. 2, р. 236);

Он сделал справки: «*действительно что-то такое оказывается – хотя, впрочем, надо еще проверить*» (Достоевский, с. 180) – Il s'informa: «*Effectivement il paraît y avoir quelque chose dans ce genre, bien qu'il faille encore le vérifier*» (Dostoïevski. Т. 1, р. 180).

Наряду с вышерассмотренными примерами, где в значении глагола актуализирована сема *неуверенности, неожиданности*, нами выявлены следующие, в которых заключена сема *необходимости*.

Случай интерпретации, например, русского *требуется* через *paraît-il*:
– ...У нас, видите ли, князь, здесь теперь все секреты! Все секреты!
Tak требуется, этикет какой-то, глупо... (Достоевский, с. 79) –
...Voyez-vous, prince, nous n'avons plus ici que des secrets, rien que des secrets! C'est *paraît-il* indispensable, une sorte d'étiquette stupide... (Dostoïevski. Т. 1, р. 79). Досл.: *это кажется необходимым*. Актуализирована сема *необходимости*.

Иногда дается интерпретация текста: употребляется оборот *il paraît* и соответствующее французское прилагательное. Так, например, при переводе наречий *любопытно, странно* при пропуске лексемы показалось:

Князь удвоил свое внимание. *Любопытно было ему*, что она никогда не заговаривала с ним о Рогожине (Достоевский, с. 566) – Le prince redoubla de vigilance. *Il lui paraissait curieux qu'elle ne lui parlât jamais de Rogojine* (Dostoïevski. Т. 2, р. 456);

... этот хладнокровный бесенок так вдруг и объявляет с усмешкой, что эта «помешанная» (так она выразилась, *и мне странно*, что она в одно слово с тобой...) (Достоевский, с. 346) – ... Eh bien, ce petit démon

plein de sang-froid nous déclare tout de go avec un sourire que cette «démente» (c'était son expression, *il me paraît étrange* que vous ayez dit exactement le même mot...) (Dostoïevski. T. 2, p.62).

Актуализирована сема *неуверенности*.

Нереальность сообщаемого (в русском тексте эквивалент отсутствует) может передаваться конструкцией *paraît-il*:

И вдобавок *дитя совершенное*, с ним можно еще в жмурки играть (Достоевский, с. 51) – Par surcroît, c'est, *paraît-il*, un véritable enfant: on pouvait jouer avec lui à colin-maillard (Dostoïevski. T. 1, p. 83). Имеется в виду, что не на самом деле *дитя*.

При переводе *будто бы* через *il paraît, paraît-il* реализуется сема *нереальности*:

Выходит, что им *будто бы* бесчестье. Какое же тут бесчестье. Какое же тут бесчестье, позвольте спросить? (Достоевский, с. 30) – C'était, *paraît-il*, à cause de déshonneur qui les menaçait. Je voudrais bien savoir quel déshonneur il y a dans tout cela? (Dostoïevski. T. 1, p. 47);

Когда Ганя входил к князю, то был в настроении враждебном и почти отчаянном и князем было сказано *будто бы* несколько каких-то слов, после чего Ганя просидел у князя два часа и все время рыдал прегорько (Достоевский, с. 175) – Au moment d'entrer chez le prince Gania se trouvait dans un état d'esprit hostile et furieux. Mais *il paraît* qu'entre le prince et lui furent échangées certaines paroles, après lesquelles Gania demeura chez le prince deux heures durant et ne cessa de sangloter amèrement (Dostoïevski. T. 1, p. 295).

В некоторых случаях *il paraît, paraît-il* используются для перевода русского *говорят*:

Кстати, *говорят*, вы сами читали ей всю эту галиматию вслух (Достоевский, с. 500) – A propos, *il paraît*, que vous lui avez vous-même lu ce galimatias à haute voix (Dostoïevski. T. 1, p. 336);

И добро бы ты с голоду умирал, а ты ведь жалование, *говорят*, хорошее получаешь!.. (Достоевский, с. 157) – Si encore tu mourais de faim, mais *il paraît* que tu touches de beaux appoiments!.. (Dostoïevski. T. 1, p. 264);

На эшафот ведет лесенка; тут он перед лесенкой заплакал, а это был сильный и мужественный человек, большой злодей, *говорят*, был (Достоевский, с. 63) – Mais voici l'échelle qui conduit à l'échafaud et devant cette échelle il se met tout à coup à pleurer, et c'était pourtant un homme viril et fort, et un terrible bandit, *paraît-il* (Dostoïevski. T. 1, p. 103).

Исследуемый материал позволяет говорить о том, что при передаче русских модальных слов на французский язык нужно исходить из наличия или отсутствия их соответствия во французском языке. Синтаксический концепт *модус конкретной субъективной оценки* является решающим фактором при выборе *il semble* для передачи модальной семантики,

так как эта конструкция служит для выражения субъективной оценки говорящим конкретной ситуации. Наряду с *il semble* используется синонимичная синтаксическая структура *il paraît* и ее производные.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 209 с.

Федоров В.А. Национальная специфика синтаксических концептов / В.А. Федоров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2013. – 36 с.

Достоевский Ф.М. Идиот: роман в 4 ч. / Ф.М. Достоевский. – М.: Сов. Россия, 1981 – 592 с.

Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et. G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris: Librairie Générale Française, 1972 – T. 1. – 528 p. – Le livre de poche.

Dostoïevski F. L'idiot / F. Dostoïevski; traduction par G. et. G. Arout; commentaires de L. Martinez. – Paris: Librairie Générale Française, 1972 – T. 2. – 535 p. – Le livre de poche.

Филатова В.Б.

Filatova V.B.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЛОКАТИВНО-ПОСЕССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МЕСТОИМЕННО-ИНФИНИТИВНЫМ ОБОРОТОМ SEMANTICAL-FUNCTIONAL APPROACH TO LOCATIVE- POSSESSIVE SENTENCES WITH PRONOMINAL-INFINITIVE CLAUSE

Аннотация. В данной статье речь идет о локативно-посессивных предложениях с местоименно-инффинитивным оборотом типа «У нас / нам есть о чем подумать». В фокусе внимания находится семантико-структурное устройство и трудности изучения данных конструкций в иностранной аудитории продвинутого этапа обучения, обусловленные осложненностью их номинативной семантики.

Abstract. In this article we are talking about the sentences like "У нас / нам есть о чем подумать," which we call the locative-possessive sentences with pronominal-infinitive clause. Our attention is focused on semantics, structure and difficulties of studying these sentences associated with their nominative semantic complications in a foreign advanced audience.

Ключевые слова: семантико-функциональный синтаксис, локализатор-посессор, прономинализация, инфинитивный оборот.

Keywords: semantic-functional syntax, localizer-possessor, objective situation, pronominalization, infinitive clause.

Грамматика как один из уровней языка может носить описательный или функциональный характер. В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы к коммуникативно-прагматической, в которой центральное место занимают функциональные модели языка.

Очевидно, что изучение русского языка как иностранного невозможно без использования достижений в области теоретической лингвистики, прежде всего в области семантико-функциональной грамматики. Как отмечает В.Ю. Копров, потребности обучения иностранным языкам выдвинули на передний план синтаксических исследований выявление «механизмов», которые обеспечивают оформление языковыми средствами отраженных сознанием предметных ситуаций (Копров 2016, с. 10).

Анализ семантики и функционирования локативно-посессивных предложений с местоименно-инфinitивным оборотом типа «*У нас / нам есть о чем подумать*» был выполнен нами в рамках практически ориентированного семантико-функционального синтаксиса, в центре внимания которого находится информативно минимальное простое предложение.

В информативно минимальном простом предложении представлена одна отраженная сознанием предметная ситуация и одна предикация. Простые распространенные предложения выражают уже не одну, а две или несколько предметных ситуаций, при этом «вторичные» ситуации предстают в свернутом виде как лишенные собственной предикативности. Говорящий в составе одного высказывания может реализовать две (или более) соотнесенные между собой развернутые ситуации, каждая из которых обладает собственной предикативностью. Организованные таким образом комплексы традиционно относят к сложным предложениям.

Но между простыми и сложными предложениями можно обнаружить переходную зону, в которой находятся **осложненные** предложения. В таких предложениях одна ситуация выражается в развернутом виде и сопровождается набором из всех компонентов предикации; вторая (частично свернутая) ситуация передается неличными оборотами (причастными, деепричастными, инфинитивными) с присущими неличным формам неполными наборами компонентов предикации (Там же, с. 17–23).

Семантическая структура предложений типа «*У нас / нам есть о чем подумать*» представлена схемой: N2 / N3 – V – prep – N6 – inf.

В данном предложении находят свое воплощение две отраженные сознанием предметные ситуации.

Одна из них эксплицируется инфинитивной конструкцией в частично **свернутом** виде, то есть входящий в ее состав признак (отношение), выраженный инфинитивом, не получает полного предикативного оформления. Такому свертыванию может быть подвергнута любая предметная ситуация, получающая развернутую номинацию в виде изосемических предложений различных частеречных типов. Так, субъектно-объектная ситуация отражается в инвариантной семантической структуре «субъект – действие – объект», в развернутом виде реализуемой двуактантным глагольным предложением: *Мы подумаем о будущем детей*. В нашем случае эта ситуация сворачивается в инфинитивный оборот (инфinitiv с зависимыми словами): *нам подумать о будущем детей*.

Далее этот оборот включается в качестве осложняющего компонента в состав предложения, передающего вторую предметную ситуацию – локативно-посессивную (его инвариантная семантическая структура «локализатор-посессор – обладание – объект»): *У нас / нам есть что*. Именно эта ситуация выдвигается говорящим на передний план и передается в развернутом виде предикативной конструкцией – двуактантным вербальным предложением. При этом первую позицию в нем занимает субъектный актант – локализатор-посессор (*у нас / нам*).

В признаковой позиции (локализации или обладания) выступает глагол соответствующей лексико-семантической группы (*быть, иметься, хватать, оставаться* и т.д.). Во вторую актантную позицию порожденного предложения ставится местоимение (местоименное наречие) (*чем, о чем, кем, куда, кому, из-за чего* и т.д.), которое в результате прonomинализации заменяет наиболее важный для говорящего компонент свернутой ситуации, передаваемой инфинитивным оборотом.

В результате описанного речемыслительного процесса получается **локативно-посессивное предложение с местоименно-инфinitивным оборотом**:

У нас / нам (локализатор-посессор) *есть* (глагол обладания) *о чем* (прономинализованный объектный компонент свернутой ситуации – *о будущем детей*) *подумать*.

Как видим, в семантике исследуемых предложений отражены две ситуации, одна из которых выражена в развернутом виде глагольной конструкцией, а вторая – в свернутом виде местоименно-инфinitивным оборотом.

Основная часть предложения представлена локативно-посессивной конструкцией, обладающей семантической структурой «локализатор-посессор – обладание – объект». В качестве объекта обладания здесь

выступает прономинализованный компонент местоименно-инфinitивной осложняющей части.

Таким образом, локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом не являются простыми ни по структуре, ни по семантике и представляют собой полуторапредикативные построения, которые относятся к осложненным предложениям и находятся в переходной зоне между простым и сложным предложениями. С точки зрения грамматической категории личность / безличность рассматриваемые предложения являются **безличными** (Филатова 2015).

Локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом весьма частотны в русском языке. Свойственная таким предложениям осложненность номинативной семантики предполагает изучение данных конструкций на продвинутом этапе обучения при освоении наиболее трудных случаев (см. программу спецкурса «Трудные вопросы русского синтаксиса в семантико-функциональном освещении» (Программы учебных курсов 2010, с. 77–79)).

В подаче грамматического материала преподаватели продвинутого этапа обучения должны при реализации коммуникативно-деятельностного подхода ориентироваться на методическую установку движения «от системности к коммуникативности» и разграничение двух учебных модулей: семантико-структурного и функционального. Реализация лингвометодической основы второго модуля предполагает описание особенностей выражения одних и тех же семантических отношений разноуровневыми синтаксическими конструкциями, при этом предпочтительнее изучать функционирование конструкций в следующем порядке: сложное предложение – осложненное предложение – простое предложение.

Локативно-посессивные предложения с местоименно-инфinitивным оборотом синонимичны сложноподчиненным предложениям с придаточным определительным и простым предложениям, сп.: *У меня есть платье, которое я могу надеть на концерт – У меня есть что надеть на концерт – У меня есть концертное платье*.

В этой связи после изучения особенностей выражения определенных отношений можно предложить учащимся заменить сложно-подчиненное предложение с союзным словом *который* местоименно-инфinitивным оборотом, при условии, что главное предложение является локативно-посессивным.

При замене придаточного определительного местоименно-инфinitивным оборотом необходимо учитывать вариантное функционирование в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфinitивным оборотом формы локализатора-посессора (*У меня /*

(Мне), которое представляет собой дополнительную трудность при освоении данных конструкций.

Использование вариантов форм зависит от взаимодействия ряда факторов: 1) совпадения / несовпадения локализатора-посессора с субъектным актантом местоименно-инфinitивного оборота; 2) категории утверждения / отрицания; 3) типа прономинализованного актанта; 4) лексического наполнения признакового компонента основной части.

При совпадении номинативного содержания субъектных актантов локативно-посессивной ситуации и местоименно-инфinitивного оборота формы *у + Род. п. / Дат. п.* выступают как синонимичные; в случае несовпадения – локализатор-посессор может быть выражен только формой *у + Род. п.*

В отрицательных предложениях преимущественно используется форма Дат. п. В утвердительных предложениях выбор формы зависит от типа прономинализованного актанта и лексического наполнения признакового компонента. Формы используются как варианты при прономинализации объекта, адресата и локализатора. При прономинализации субъекта возможна только форма *у + Род. п.* Форма Дат. п. употребляется при прономинализации обстоятельственных компонентов предложения, таких как цель, причина, время.

Обе формы используются как варианты с ядерным глаголом *быть*, а также с глаголом *находиться*. Форма *у + Род. п.* преимущественно употребляется с глаголами *иметься, появляться*; форма Дат. п. – с глаголами *становиться, хватать*.

Алгоритм замены придаточного определительного местоименно-инфinitивным оборотом может быть следующим:

- 1) союзное слово опускается;
- 2) на место объекта главного предложения ставится прономинализованный компонент;
- 3) модальный глагол опускается, остается только инфинитив;
- 4) субъект придаточного предложения опускается только в том случае, если он совпадает с субъектом главного предложения;
- 5) субъект главного предложения ставится в Р. п. / Д. п., если он совпадает с субъектом придаточного предложения, если не совпадает – только в Р. п.

При совпадении субъектных актантов предпочтение отдается Д. п., если предложение является отрицательным (*Мне было некуда пойти*); с такими местоименными наречиями как *почему, зачем, когда* (*Мне есть зачем жить*), а также в случае, если признаковый компонент выражен глаголами *становиться, хватать*.

Приведем примеры:

У нас в Санкт-Петербурге есть квартира, в которой вы могли бы остановиться – У нас в Санкт-Петербурге есть где вам остановиться; У меня есть человек, с которым я мог бы посоветоваться – Мне есть с кем посоветоваться; У меня появился друг, с которым я могу общаться – Мне стало с кем общаться.

На основе изложенных лингвометодических принципов нами разрабатывается система упражнений, направленных на активизацию в речи учащихся локативно-посессивных предложений с местоименно-инфinitивным оборотом.

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Программы учебных курсов по дисциплине «Русский язык» для иностранных студентов, аспирантов и стажеров / под ред. В.Ю. Копрова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. – 180 с.

Филатова В.Б. Семантика и функционирование локативно-посессивных предложений с местоименно-инфinitивным оборотом: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Б. Филатова. – Воронеж, 2015. – 20 с.

**Фирсова Р.А.
Firsova R.A.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

СИНОНИМИЯ ФОРМ ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ SYNONYMY OF FORMS OF PERSON IN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В статье рассматривается употребление личных форм глагола одного лица в значении форм другого лица. Цель статьи – подытожить опыт работы со студентами 1 курса и рассмотреть часто встречающиеся случаи данной синонимии.

Abstract. The article deals with use of finite verb forms of one person in the meaning of the form of another person. The purpose of the article is to pool the results of experience in teaching Russian in groups of first-year students, and give consideration to frequent occurrence of the synonymy.

Ключевые слова: действие говорящего лица, собеседник, обобщенное лицо, скромность, совместимость, намеренное устранение субъекта.

Key words: action of speaker, interlocutor, generalized person, modesty, compatibility, implication of the subject.

Для иностранных учащихся представляется не только непонятным, но и странным употребление личных форм глагола одного лица в значении формы другого лица, поэтому мы посчитали необходимым

подытожить опыт работы со студентами 1 курса и рассмотреть в этой статье часто встречающиеся случаи данной синонимии.

Формы лица глагола в русском языке выражают отношение действия, обозначенного глаголом к говорящему лицу. Форма первого лица единственного числа обозначает действие говорящего: *читаю, танцую, сообщу*. Форма первого лица множественного лица обозначает действие группы лиц, в которую входит и говорящий: *читаем, танцуем, сообщаем*. Форма второго лица единственного лица обозначает действие собеседника: *читаешь, танцуешь, сообщаешь*. Форма второго лица множественного лица обозначает действие группы лиц, в которую входит и собеседник: *читаете, танцуете, сообщаете*. Формы третьего лица единственного и множественного числа обозначают действие того или тех, кто не участвует в диалоге, т. е. не является говорящим или собеседником: *читает, танцует, сообщает, читают, танцуют, сообщают*.

Однако в реальной речевой практике такое категориальное использование данных форм наблюдается далеко не всегда (см. об этом, например (Розенталь 1974; 1985; Копров 2016, с. 182–184, 297–298). Рассмотрим некоторые случаи синонимичного употребления форм категории лица.

1. **Первое лицо множественного числа** употребляется вместо 1-го лица единственного лица (*мы* вместо *я*):

а) в значении обобщенного лица. Действие может быть отнесено к любому субъекту, включая говорящего. Значение времени обобщенное, т.е. не относится к моменту речи: *Следовательно, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдем такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство* (М. Лермонтов). Это же значение обобщенности подразумевается и в некоторых пословицах и поговорках, например: *Что имеем, не храним, потерявши – плачем; Поживем – увидим*;

б) в «формуле скромности» («авторское мы»). В научных и публицистических текстах 1 лицо множественного числа употребляется вместо первого лица единственного числа и может обозначать автора: *Этот вопрос мы подробнее рассмотрим в следующей статье*.

Такой же оттенок присущ «редакторскому мы»: *Мы предлагаем внести в рукопись некоторые изменения* (редактор говорит не от имени издательства, а от своего имени).

Нормативным считается использование местоимения *мы* в значении *я* в научных и научно-популярных текстах, чтобы показать вовлеченность читателя в описываемое действие, приглашение его принять уча-

стие в рассуждениях автора: *Сегодня в нашей рубрике мы рассмотрим комплекс проблем, связанных с ...;*

в) в значении «участливой совместности». Форма 1 лица множественного числа употребляется вместо 2 лица единственного или множественного числа (*мы* вместо *ты* или *вы*) для указания на действие адресата (или адресатов), в котором говорящий не принимает участия, а выражает оттенки снисхождения, сочувствия или иронии. Например, «докторское *мы*»: *Как мы себя чувствуем сегодня?* (при обращении врача к пациенту); *Слыхали мы о ваших похождениях* (при обращении к одному лицу).

При употреблении «*мы*» по отношению к собеседнику вместо *ты* или *вы* возникает особая доверительная интонация и общение приобретает непринужденный характер. Такое употребление местоимения допустимо исключительно в разговорном стиле речи, при неофициальных, дружеских отношениях между общающимися: *Посмотрим, как мы подготовились сегодня к зачету*;

г) для смягчения побуждения в формах совместного действия в повелительном наклонении. Формы совместного действия могут быть синтетическими и аналитическими. У глаголов совершенного вида и глаголов одностороннего движения несовершенного вида (типа *идти, лететь*) форма совместного действия синтетическая. Она совпадает с формой 1 лица множественного числа изъявительного наклонения (*Споем! Идем!*) и относится к совместному действию говорящего и адресата: *Коля, идем на стадион!* Если адресатов несколько, к этой форме присоединяется постфикс *-те*: *Споемте; Идемте.* Эта форма может относиться также к одному адресату как форма категории вежливости.

У глаголов несовершенного вида (кроме глаголов одностороннего движения) форма совместного действия аналитическая: *давай* + частица *-те* в сочетании с неопределенной формой глагола: *Коля, давай играть; Ребята, давайте петь.* Эта форма может сочетаться и с глаголами совершенного вида: *Давай споем; Давайте поиграем.* В этом случае она требует использования не инфинитива, а формы 1 лица множественного числа (сравните с синтетической формой совместного действия тех же глаголов).

Синтетические формы без *-те* могут употребляться и при обращении к нескольким лицам: *Ребята, бежим! Девочки, зайдем в магазин!* Данное смягченное побуждение обычно относится не к будущему действию, а к действию, которое уже происходит и ход которого говорящий хочет скорректировать: *Побыстрее выходим из вагона, поезд стоит только 2 минуты.*

2. **Второе лицо единственного числа** употребляется вместо 1 лица того же числа в значении обобщенного лица. Действие может быть от-

несено к любому субъекту, включая говорящего: *Нам придется здесь ночевать, в такой дождь по этой дороге не проедешь.*

Второе лицо вместо первого может также указывать на повторяющееся действие говорящего, обобщение его собственного опыта: *Помню, бывало, летом встаешь рано, сразу же принимаешься за дело и все успеваешь сделать вовремя. Иногда вспоминаешь свою жизнь и понимаешь только сейчас, почему ты поступил тогда именно так.*

Иногда 2-е лицо единственного числа употребляется вместо 2-го лица множественного числа (*ты* вместо *вы*) для усиленного выражения приказания или команды, обращенных к группе лиц: *Ну, ребята, покажи свою работу!*

3. Второе лицо множественного числа.

Форма множественного числа относится к одному лицу и используется при вежливом обращении (в том числе в отсутствие подлежащего *Вы: Мария Ивановна, все в порядке, можете ехать*).

Данная форма имеет также значение обобщенного субъекта в следующем предложении: *И в одну долю секунды вы почувствуете радость от встречи с настоящим искусством…*

4. **Третье лицо единственного числа** вместо 1-го лица того же числа (*он* вместо *ты*) употребляется при обращении к собеседнику, который как бы исключается из беседы, чтобы придать высказыванию пренебрежительный оттенок: *Ты способен вывести из терпения кого угодно: целый час повторяю одно и то же, а он никакого внимания не уделяет моим словам.*

Третье лицо множественного числа вместо 1 лица единственного числа (*они* вместо *я*) употребляется для намеренного устранения субъекта и создания впечатления, что говорящий высказывает не от своего имени, а от имени многих лиц: *Тебе говорят русским языком, что так поступать нельзя.*

Третье лицо множественного числа в неопределенном-личном значении. Действие представлено как совершающееся «неопределенным субъектом». Речь идет о конкретном действии, которое может совершаться неопределенным количеством лиц (*За стеной разговаривают*) или одним лицом (*Ждите, вам позвонят*).

Как показывают приведенные выше примеры, синонимическое использование форм категории лица является эффективным стилистическим средством, применение которого позволяет говорящему внести в высказывание добавочные смысловые оттенки, оживить речь, усилить ее выразительность.

Знание данных функциональных особенностей русского языка позволяет иностранным студентам уже на 1 курсе не только правильно

понимать русскую речь, но и самим активно использовать синонимичные конструкции в своей повседневной коммуникации.

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Розенталь Д.Е. Практическая стилистика русского языка. Учебное пособие для вузов / Д.Е. Розенталь. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.

Розенталь Д.Е. Стилистическое использование личных местоимений. Синонимия форм времени глагола // Словарь-справочник терминов / Д.Е. Розенталь, М.А. Теленкова. – М., 1985 – 239 с.

Шкунников В.А.
Shkunnikov V.A.

Воронежский государственный университет
Voronezh State University

ТИПОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАНТИТАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА

TYPICAL PECULIARITIES OF THE QUANTITATIVE ACTION OF THE RUSSIAN VERB

Аннотация. В статье анализируются некоторые функциональные типы глагольной множественности в русском языке. Особое внимание уделяется описанию акциональных модификаторов глагола, образующих периферию функционально-семантической категории аспектуальности.

Abstract. The article treats some functional types of verbal plurality in the Russian language. Special attention is paid to the description of actional modifiers of verbs, forming periphery of semantic category of aspect.

Ключевые слова: семантическая категория, поле, количественный контекст, акциональный модификатор, функциональный тип, инвариантное значение.

Key words: semantic category, field, actional modicator, functional type, invariant meaning.

Изучение глагольной множественности в русском языке не имеет сколько-нибудь длительной традиции и к настоящему моменту не обладает ни устоявшейся классификацией, ни более или менее определенной терминологией.

Так, термин «глагольная множественность» применяется и для обозначения действий, которые состоят из однородных фрагментов (ср.: *клевать, толкать, кашлять*), и для указания на действия повторяющегося характера (ср.: *хаживать, нашивать, едать*). Иногда этот термин прилагают вообще ко всем явлениям глагольной количественности, как

это имеет место в одном из томов «Теории функциональной грамматики» под редакцией А.В. Бондарко (Теория 1996, с. 161–162).

В нашем исследовании этот термин употребляется в значении, которое предполагает указание на количественную семантику, передаваемую глаголами так называемых интенсивно-результативных способов действия. Среди такого рода глагольной лексики выделяются сативные (сатуративные) глаголы, образованные с помощью приставки *на-*: *натосковаться, насидеться, набахваливаться, напоститься, накричаться*; тотальные (иначе – экспессивно-кратные) с приставкой *из-* (*изо-, ис-*): *изомлеть, изнервничаться, издергаться, изболтаться*; экспаустативные с приставкой *у-*: *уездиться, упрыгаться, уработаться, умучиться, умаяться, ужариться, упариться*; финально-следственные с приставкой *до-*: *дозвониться, достучаться, допрыгаться, добудиться, дозваться, догуляться*; интенсивно-длительные с приставкой *за-*: *заглядеться, залюбоваться, заслушаться, засидеться, заговориться* и т.д.

Функциональное сходство интенсивно-результативных глаголов замечено уже давно. В частности, отмечается, что все они, работая по одной и той же модели, фиксируют, что соответствующее действие длилось так долго и повторялось так много раз, пока не дали о себе знать определенные результаты, причем эти результаты так или иначе связаны с накоплением не суммы предметов, а меры самого действия. По своей сути они являются «итоговыми глаголами: в них подводится результат некоторым длительным или многократным действиям, которые либо пришли в соответствие с определенной внутренней нормой либо превысили ее» (Маслов 2004, с. 65–72).

Различие между ними заключается лишь в том, как интерпретируются последствия длительного или многократного действия. Например, глаголы типа *нагуляться, надышаться, настяпаться, наплеваться* фиксируют то, что действие достигло некоторой усредненной нормы или превысило ее. Глаголы типа *исстрадаться, измаяться, изголодаться, иззябнуть* обозначают, что соответствующее действие охватило полностью объект или субъект и привело к определенному изменению его первоначальных свойств.

Существенное различие обнаруживается между другими глаголами, фиксирующими интенсивно-результативную количественность. Так, глаголы типа *убегаться, умаяться, уработаться, умучиться* указывают на то, что действие, охватившее полностью субъект, достигло своего максимума. Напротив, глаголы типа *достучаться, дозвониться, достукаться, добудиться, дозваться* и т. д. акцентируют внимание на том, что длительные или многократно повторяемые действия имели своим следствием достижение желательного (или, напротив, нежелательного) результата.

Интенсивно-результативные приставки, вступая в словообразовательный контакт с производящей основой, существенным образом трансформируют ее семантическую структуру. Так, если глагол *бегать* обозначает «быстро двигаться (преимущественно в разных направлениях), усиленно и ускоренно ходить» (БАС 1948), то соответствующие производные *набегаться, убегаться, избегаться, забегаться, добегаться* имеют значение «вдоволь, много побегать» (БАС 1958), «утомиться от бега, от беготни» (БАС 1964), «устать, измучиться от бегания» (БАС 1956), «утомиться, устать, много бегая» (БАС 1955), «частым, настойчивым беганием повредить себе, другим или вообще вызвать какие-либо последствия» (БАС 1954).

Аналогичным образом осуществляется трансформация и других глаголов данного типа: сущностные семантические свойства префиксированного глагола задаются приставкой, а его частные особенности определяются производящей основой, которая фиксирует, как именно осуществляется названное глаголом действие: (ср.: *наработаться, уработаться, заработаться, доработаться и намаяться, умаяться, замаяться*). При этом следует подчеркнуть, что процесс взаимодействия специализированной приставки и базисной основы не носит в данном случае модификационный характер, когда к понятийной характеристике добавляется дополнительный элемент акциональной семантики, а является мутационным, когда предполагается существенное преобразование семантического ядра производящего глагола (Бондарко 2003, 91–93). Иными словами, здесь обнаруживаются два уровня семантического взаимодействия производящего глагола и специализированной приставки, которым соответствуют два способа деривации: модификационный и мутационный. В первом случае, как уже отмечалось, присоединение приставки не затрагивает денотативную ситуацию исходного глагола, а лишь уточняет аспектуальные характеристики действия: *бегал по двору – пробегал по двору весь день*. Во втором случае имеет место другая модель номинации, при которой базисное действие существенно усложняется, меняется его «результативно-целевая перспектива» и пропозиционная структура. Вся ситуация расширяется по сравнению с ситуацией мотивирующего глагола настолько, что можно говорить о новой ситуации.

Разряды интенсивно-результативных глаголов, обнаруживая известное тождество в семантическом отношении (все они фиксируют сему «создание множества»), вместе с тем существенным образом различаются с точки зрения своих видовых свойств и с точки зрения базисных основ, от которых они образуются. Тем не менее, здесь отчетливо просматривается тенденция, в соответствии с которой рас-

сматриваемые глаголы употребляются преимущественно в совершенном виде и реализуют обычные для него частновидовые значения.

Так, например, проспективные глаголы с приставкой *из-* (*изо-, ис-*) в своем подавляющем большинстве употребляются в совершенном виде. Явление видовой соотносительности наблюдается здесь очень редко: *износить / изнашивать, иззубрить / иззубривать, изгрызть / изгрызать, измотаться / изматываться, избить / избивать*.

Совершенный вид допускает реализацию всех основных частных видовых значений, кроме суммарного, т. е. конкретно-фактического, перфектного (результативного), наглядно-примерного и потенциально-го (Шкунников 2016, с. 77).

Несовершенный вид в основном разрешает только одно частновидовое значение – кратное. Надо, впрочем, считаться с тем, что отмечаемая тенденция действует не всегда прямолинейно, в том смысле, что конкретные приставочные глаголы могут так или иначе отклоняться от общих закономерностей и употребляться по преимуществу либо только в совершенном виде, либо в обеих видовых формах (Копров 2016, с. 38–39).

Независимо от того, на что ориентируется интенсивно-результативное действие, представленное глаголами с приставкой *из-* (*изо-, ис-*), реализация соответствующей количественной семантики осуществляется двояким образом.

В первом случае достижение количественного результата предполагает освоение кратным действием всех без исключения коммуникативно значимых параметров объекта или субъекта, одинаково представленных в виде единичной предметной данности: *изжалить лицо, истрапать книгу, изорвать одежду; спина изболела, изгородь изветшила, душа истомилась* и т. д. В другом случае такого рода результат достигается на основе охвата или освоения кратным действием (по одному или нескольким параметрам) некоторого множества объектов или субъектов: *пассажиры измучились, занавески издырявились, подростки изболтались без дела; искусать детей, изрешетить мишени* и т. д.

Сама возможность ориентации интенсивно-результативного действия как на объект, так и на субъект, имеет своим следствием формальную неоднородность соответствующих глаголов. Эта неоднородность проявляется в том, что интенсивно-результативные глаголы, действия которых распространяются на субъект (или субъекты), могут быть и возвратными, и невозвратными. Что же касается интенсивно-результативных глаголов, действия которых ориентированы на объект, они могут быть исключительно невозвратными.

Базисные основы, от которых образуются глаголы с интенсивно-результативной семантикой, в значительной степени не совпадают. В

одних случаях они носят строго индивидуальный характер, в том смысле, что допускают образование какого-либо одного разряда интенсивно-результативной лексики. Другие, напротив, оказываются универсальными: на их базе возникают производные глаголы самых разных интенсивно-результативных разрядов. Так, в частности, словообразовательные связи интенсивно-результативных глаголов с приставкой *из-* (*изо-, ис-*) распространяются как на непредельную, так и на предельно-результативную глагольную лексику. При этом в качестве базисных выступают глагольные основы следующих структурно-семантических групп:

а) квалификативные глаголы, передающие значение преобразования наличной или приобретения какой-либо дополнительной качественной характеристики: *грязнить*—*изгрязнить всю обувь*, *пачкать* — *испачкать все белье*, *зубрить* — *иззубрить весь режущий инструмент* и т. д.;

б) деструктивные глаголы: *гнить* — *изгнить*, *колоть* — *исколоть все ступни*, *резать* — *изрезать все руки*, *рвать* — *изорвать всю одежду* и т. д.;

в) глаголы со значением сообщения предмету какой-либо отличительной характеристики: *мазать* — *измазать*, *марать* — *измарать* и т. д.;

г) глаголы насильтственного физического воздействия: *хлестать* — *исхлестать все лицо*, *стегать* — *исстегать всю спину*, *бить* — *избить подростка* и т. д.;

д) глаголы речевого воздействия: *бранить* — *избранить*, *хвалить* — *исхвалить*, *ругать* — *изругать* и т. д.;

е) глаголы со значением отделения объекта от чего-либо: *драть* — *изодрать*, *дергать* — *издергаться* и т. д.

В зависимости от субъектной или, наоборот, объектной ориентации действия появляются соотносительные глагольные формы: *измазать* — *измазаться*, *износить* — *износиться*, *издержать* — *издержаться* и т. п.

Значение множественности, обусловленное созиданием количественной семантики, представляет собой продуктивное явление, активно используемое в русской речи. Однако степень этой продуктивности неодинакова: одни из глаголов с интенсивно-результативной семантикой употребляются очень широко, другие, напротив, используются крайне редко и лишь в ограниченных стилистических условиях.

Изучение указанных особенностей семантики и функционирования глаголов на занятиях по спецкурсу «Русский глагол» в иностранной аудитории продвинутого этапа обучения (Шкунников 2016), как показала многолетняя практика, способствует повышению речевой компетенции учащихся.

Литература

- Большой Академический словарь русского языка. – Москва, 1948–1965.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Москва: УРСС, 2003. – 206 с.
- Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков. / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.
- Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 839 с.
- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.
- Шкунников В.А. Русский глагол: Учебные материалы по спецкурсу для иностранных учащихся: вопросы теории и практики / В.А. Шкунников. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – 200 с.

Щербакова А.В.
Shcherbakova A.V.

Воронежский государственный педагогический университет
Voronezh State Pedagogical University

**КОРРЕЛЯЦИЯ СВОЙСТВ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ПОДЛЕЖАЩЕГО
И ВЕЩЕСТВЕННОГО КОМПОНЕНТА СКАЗУЕМОГО
ПАССИВНО-ПРОЦЕССНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО
ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

**CORRELATION OF PROPERTIES OF REPREZENTANTS OF THE
SUBJECT AND THE SUBSTANTIVE COMPONENT OF PREDICATE
OF PASSIVE-PROCESS SENTENCES IN FRENCH**

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические свойства вещественного компонента пассивно-процессного сказуемого во французском языке на основе семантико-функционального подхода, учитывающего содержательный аспект при интерпретации синтаксических единиц. Описывается корреляция свойств репрезентантов подлежащего и вещественного компонента пассивно-процессного сказуемого.

Abstract. The article discusses lexical-semantic properties of the substantive component of the passive-process predicate in French. The research is based on the functional approach which takes semantic properties of a sentence into account. Correlation of properties of reprezentants of the subject and the substantive component of predicate of the passive-process sentence in French is described.

Ключевые слова: пассивно-процессное предложение, механизм пассивно-процессной квалификации, пассивно-процессный признак, предмет-носитель пассивно-процессного признака, бытийный компонент, пассивно-процессное сказуемое, источник пассивно-процессного признака.

Key words: passive-process sentence, mechanism of passive-process classification, passive-process feature, passive-process feature-carrying object, existential component, passive-process predicate, source of passive-process feature.

Активно развивающаяся в современной русистике семантико-функциональная грамматика является чрезвычайно продуктивной не только для осмыслиения функционирования и устройства русского языка, но и для понимания языковых явлений в других языках, в частности, во французском языке.

Цель данной статьи заключается в исследовании взаимодействия между конституентами пассивно-процессного предложения, что является важным как для понимания и восприятия содержания произведения, так и для адекватного перевода предложения исследуемого типа на русский язык (Алексеева 2001, с. 7–8).

В рамках семантико-функционального направления пассивно-процессное предложение трактуется как предложение, в котором процесс мыслится как нечто задаваемое предмету со стороны, но, тем не менее, вступающее с ним в отношение «определенное – определяющее». Например: *Madame, je suis autorisé par le tuteur de Jeanne à voir sa pupille tous les jours* (A. France). Предмет-подлежащее представляется здесь как «носитель процесса, источником которого является какой-то другой – названный или неназванный – предмет» (Ломов 1994, с. 195). Сказуемое пассивно-процессных предложений рассматривается как бинарное явление. Оно состоит из вещественного компонента, номинирующего приписываемый предмету-подлежащему пассивно-процессный признак, и бытийного (экзистенционального) компонента, указывающего на наличие или отсутствие связи между составляющими грамматического ядра. Вещественный компонент представлен причастием прошедшего времени (*participe passé*), а бытийный компонент выражен такими бытийными глаголами, как *être, paraître, sembler, devenir, rester, demeurer*.

Возможности взаимодействия между пассивно-процессным признаком, заключенным в вещественном компоненте сказуемого, и предметом-носителем этого признака, занимающим позицию подлежащего, изучались нами на основе учета таких параметров, как лексико-семантический характер пассивно-процессного признака, предметносителя этого признака и источника воздействия, приведшего к появлению данного признака.

В ходе анализа были обнаружены следующие разновидности источника воздействия на предмет-подлежащее в изучаемом типе предложений: номинированный, псевдономинированный и неноминированный (Алексеева 2002, с. 45; Алексеева 2004, с. 98; Алексеева, Щербакова 2014, с. 51).

Номинированный источник пассивно-процессного признака назван, обозначен в предложении, он является полноправным участником ситуации: – *Madame, ... je suis autorisé par le tuteur de Jeanne à voir sa pupille tous les jours* (France).

Псевдономинированный источник воздействия обозначает средство, орудие совершения действия, произведенного активным одушевленным деятелем. Предмет / лицо, являющийся каузатором пассивно-процессного признака, здесь указан опосредованно, конструкция формально скрывает реального производителя действия за орудием действия, тем самым затушевывает его активный характер: *Isfendiar, qui ne peut être blessé par aucune épée, doit mourir d'une épine qui l'atteindra dans l'oeil* (France).

Неноминированный источник воздействия не обозначен в рамках конкретного высказывания, но существует в реальной действительности и восстанавливается путем анализа ситуации: *Et, sur les murs, on voyait des traces plus claires qui prouvaient que des meubles avaient été enlevés* (Simenon) = **Les propriétaires actuels de la maison ont enlevé les meubles**. Отсутствие указания на источник появления пассивно-процессного признака в рамках предложения восполняется введением дополнительной информации в виде более детального позиционирования пассивно-процессного признака в контексте всей пропозиции, которое осуществляется по следующим аспектам: место реализации признака: *Le missel de la comtesse a soudain disparu et a été retrouvé sous le surplis de l'enfant de cœur* (Simenon); время реализации признака: *Désormais l'établissement de Mademoiselle Préfère me serait ouvert tous les jours de midi à quatre heures* (France); характер и способ реализации признака: *Il fut célébré avec pompe à l'église Sainte-Marguerite, avenue d'Alésia* (Triolet); причина реализации признака: *Cette extension à l'international a été permise grâce à un budget exceptionnel* (Label France); цель реализации признака: *D'ailleurs, pas moins de 180 millions d'euros sont engagés pour la rénovation des bâtiments* (Label France); назначение: *C'était tout un travail de monter l'escalier à rampe de fer, dont les hauts degrés n'avaient point été faits pour mes petites jambes* (France); условие реализации признака: ... *si tu aimes les histoires, tu seras servi* (Simenon).

Проведенный анализ показал, что вещественный компонент пассивно-процессного сказуемого репрезентируется причастиями прошедшего времени, принадлежащими к трем лексико-семантическим группам: «Результат деятельности / действия», «Состояние, качество» и «Отношение». В рамках каждой из указанных групп были выделены несколько подгрупп причастий прошедшего времени, при рассмотрении которых были проанализированы возможности взаимодействия пассивно-процессного признака с носителем этого признака и источником воздействия.

К лексико-семантической группе «Результат деятельности / действия» были отнесены причастия прошедшего времени, обозначающие

признак, являющийся результатом: физической деятельности / действия, трудовой / производственной и социальной деятельности, абстрактно-аналитической деятельности, речевой деятельности. Пассивно-процессный признак, выраженный причастиями прошедшего времени со значением «результат физической деятельности / действия», коррелирует с носителями этого признака, которые обозначают лицо: *Souba fut tiré du lit par Katabolonga, mais il ne posa aucune question* (Gaudé), представителей животного мира: *Moussa devient inquiet, et ordonne que deux vaches soient amenées, de bien lointains pays, jusqu'au Hoggar, pour sauver le marabout* (Bazin), объекты предметной и природной среды обитания человека: *Comment, par qui fut porté ce billet, écrit sur un petit carré de papier?* (Bazin); *Les arbres fruitiers avaient été coupés et brûlés* (Gaudé). Его возникновение обусловлено деятельность / действием источника воздействия, обозначающего лицо (реально существующее или вымышленное): *Une jeune fille, belle et riche, Suzanne de Sirmont, avait été enlevée par un sous-officier de hussards du régiment que commandait son père* (Maupassant); *Le soleil qui tue ses femmes et qui est tué par un dragon et par un mousquetaire!* (France), представителей животного мира: *Cette maison bourgeoise paraît digne et honnête: elle est rongée par les insectes* (Bernanos), различные объекты предметной среды: *Un serveur d'un restaurant indien de Franconville a été grièvement blessé par balle* (Le Monde), природные явления: *Un de ces arbres fut fendu du haut en bas par la foudre* (France).

Пассивно-процессный признак, представленный причастиями, которые имеют значение «результат трудовой / производственной деятельности и социальной деятельности», взаимодействует с носителями, именующими объекты искусственной и предметной среды обитания человека: *L'affiche du film est conçue par Jean Cocteau* (Le Monde); *Le camping Zmar a été construit de façon à s'intégrer au mieux à la nature alentours* (Le journal de l'Ecotourisme), действия, события: *Le concert a été retransmis dans le monde* (Le Monde) и является результатом деятельности источника воздействия, который обозначает лицо: *Vous avez bon goût pour vos chaussures, fit-il. Celles-ci n'ont sûrement pas été fabriquées par un savetier de village* (Buchan).

Пассивно-процессный признак, представленный причастиями прошедшего времени со значением «результат абстрактно-аналитической деятельности», соотносится с носителями, которые обозначают лицо: *Il ne voyait personne qui pût lui être comparé pour le charme et pour l'élegance* (Troyat), объекты искусственной, предметной и природной среды: *Aucun monument de l'antiquité ne fut plus curieusement étudié que ce grafitto du Palatin* (France); *Mais le gui a été oublié par les immortels* (France), действия, события, явления: *Ce mouvement avait été vu par les*

promeneurs (Gréville); *L'affaire serait examinée par qui de droit* (Aymé), свойства, состояния: *La gravité de cette maladie fut devinée promptement par les amis de l'ermite* (Bazin); *Cette vérité est sue depuis longtemps* (Nothomb) и возникает в результате воздействия источника, называющего лицо: *Le mot frappe, différent dans chaque langue, était compris de tous* (Flaubert).

Пассивно-процессный признак, выраженный причастиями прошедшего времени, обозначающими «результат речевой деятельности», приписывается носителям, репрезентирующим лицо: *Mlle de Clavelin était appelée auprès de madame sa mère* (France), действие, событие, явление: *Je rapporte à cette époque une anecdote qui fut racontée et l'est encore tout de travers* (Bazin), а его каузатором является человек: *Malheureusement, la belle, Dutilleul en fut informé par Gen Paul, était mariée à un homme brutal et jaloux* (Aymé).

В рамках лексико-семантической группы «Состояние, качество» были выявлены две подгруппы: «Приведение в эмоциональное состояние» и «Изменение состояния и качества признака». Было замечено, что пассивно-процессный признак, выраженный причастиями прошедшего времени со значением «приведение в эмоциональное состояние», взаимодействует с носителями, называющими лицо: *Amadis était ennuié de ce contretemps* (Vian), свойства, состояния человека: ... *mon attention fut de nouveau excitée par des trépignements étranges* (Mérimeée), а в роли источника воздействия выступают действия, события: *Je fus choqué d'un tel propos* (France); *Eramble fut littéralement fasciné par ce qu'il vit* (Boileau-Narcejac), свойства, состояния: *Etienne Eramble fut très impressionné par la dignité de la veuve* (Boileau-Narcejac); *Ils étaient émerveillés aussi de la joie qu'ils avaient devinée chez cet homme...* (Bazin).

Пассивно-процессный признак, репрезентированный причастиями, которые обозначают «изменение состояния и качества признака», коррелирует с носителями, именующими лицо: *Sans compter que ces hommes étaient épuisés par des mois ininterrompus de luttes* (Gaudé), искусственную и предметную среду: *Le jardin est à jamais, dans ma mémoire, transformé par la présence de celui qui bouleversa toute notre adolescence* (Alain-Fournier); *La reliure, en cuir vert, avait été brunie par la main des aïeux* (Bazin), действия, события: *Tout don fait par un individu à une organisation reconnue sera doublé par le gouvernement* (Linguere), свойства, состояния: *Mais en quoi notre morale a-t-elle été changée par de si prodigieuses découvertes?* (France); *La furie était peut-être augmentée par le désespoir d'être privé de toute autre tendresse, de l'affection d'une famille* (Genet), а источником его возникновения является лицо: ...*quelques jours après elle était dégoûtée de sa confidente de*

la veille (Proust), действия, события: *Notre état à tous les deux va être changé par cette démarche capitale* (Stendhal), свойства, состояния: *La princesse est extrêmement affaiblie par une anémie très sérieuse* (Delly).

В лексико-семантическую группу «Отношение» были включены причастия прошедшего времени двух подгрупп: «Замена и обладание» и «Социальные и эмоционально-оценочные отношения». Носителями пассивно-процессного признака, выраженного причастиями прошедшего времени со значением «замена и обладание», являются лицо: *Mais les plus grands pécheurs ne sont jamais entièrement abandonnés de Dieu* (Aymé); *Le protégé du général fut remplacé par Barricini* (Mérimeée), объекты искусственной и предметной среды: *Ce terrain avait été cédé par lui à la commune* (Mérimeée); *En 2007, tous les fusils des nomades ont été rachetés par les autorités ou confisqués* (Le Monde), действия, события, явления: *Une seule permission lui a été accordée: celle d'essayer de vivre, hors de la Trappe, d'une vie toute caché* (Bazin), а каузатором этого признака является лицо: *Une marine du photographe du XIXe siècle Gustave Le Gray a été achetée au prix record de 917 000 euros par un collectionneur américain* (Le Monde).

Пассивно-процессный признак, репрезентируемый причастиями прошедшего времени, которые называют «социальные и эмоционально-оценочные отношения», атрибутируется лицу: *M. Charron était respecté de tous ses élèves* (France), объектам среды обитания человека: *Ainsi un même objet est apprécié différemment par les hommes qui sont incertains dans leurs jugements et sujets à l'erreur* (France), действиям, событиям: *La conduite de Thaïs était sévèrement jugée* (France), а источником его появления являются лицо или группа лиц (социальный институт, организация и т. д.): *Régine était dominée par madame Moissy* (Gréville); *Baudelaire a été condamné par la société la plus moralisatrice* (Le Figaro).

Итак, корреляция свойств репрезентантов подлежащего и вещественного компонента отражает взаимодействие между, соответственно, характером носителя пассивно-процессного признака (подлежащее) и характером самого пассивно-процессного признака (вещественный компонент), на который оказывает влияние характер источника воздействия.

Литература

Алексеева Е.А. Допереводческий анализ текста как способ формирования навыков понимания / Е.А. Алексеева // Перевод: язык и культура: материалы Международной научной конференции. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 7–8.

Алексеева Е.А. Пассивно-процессное сказуемое во французском языке / Е.А. Алексеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 44–48.

Алексеева Е.А. Второе сказуемое, выраженное неличными формами глагола, во французском языке: монография / Е.А. Алексеева. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 152 с.

Алексеева Е.А. Механизм пассивно-процессной квалификации как основа функционирования пассивно-процессного предложения во французском языке / Е.А. Алексеева, А.В. Щербакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 1. – С. 49–53.

Ломов А.М. Типология простого предложения / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.

**Ясai L.
Jászay L.**

*Будапештский университет им. Лоранда Этвеша
Eötvös Loránd University Budapest*

**О ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛАХ
(СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)
ON THE BIASPECTUAL VERBS
(SEMANTIC AND FUNCTIONAL APPROACH)**

Аннотация. Часть двувидовых глаголов имеет свои деривационные возможности, однозначно определяющие видовое значение глагола: а) префиксальную перфектификацию (*прооперировать*, *проиллюстрировать*) или б) суффиксальную имперфектификацию (*организовывать*, *атаковать*). Вследствие наличия таких дериватов возникает необходимость выбора между производящим и производным глаголами и тем самым необходимость их функционального анализа.

Abstract. One part of biaspectual verbs has derivation abilities which clearly define the aspectual meaning of the verb: a) prefixed perfectivization (*prooperirovat'*, *proillustrirovat'*) or b) suffixed imperfectivization (*organizovyat'*, *atakovyat'*). Due to the presence of such derivatives there is a need to choose between original and derivative verbs, and thus the need for their functional analysis exists.

Ключевые слова: двувидовость, префиксация, суффиксация, конкуренция.

Key words: biaspectual verbs, prefixation, suffixation, competition.

1. Вводные замечания. Явлению глагольной двувидовости, как и другим разделам аспектологии, посвящена обширная литература (Исаченко 1960, с. 143–146; Мучник 1966; Авилова 1968; Шелякин 1979; Зализняк–Шмелев 1997, с. 62–66; Черткова 1998). Наиболее полное описание двувидовых глаголов, как нам представляется, принадлежит Е.А. Горобец. Из ряда ее статей здесь упоминаются (Горобец 2007; 2009; 2012). Данное явление привлекло внимание и некоторых зарубежных лингвистов (Ясай 1999; Janda 2007; Zinova–Filip 2015).

При учете методического компонента научных исследований обращает на себя внимание тот факт, что в разных лингвистических пособиях, предназначенных для иностранных студентов-филологов, двувидовые глаголы (интернациональный термин – биаспективы), в сущности, не затрагиваются, или же этому явлению отводится в них весьма скромное место. Нетрудно констатировать, что даже в практических грамматиках, специально посвященных употреблению глагольного вида, тема, раскрывающая особенности двувидовых глаголов, полностью отсутствует (Караванов 2004; Гуревич 2008). Кажется очевидным, что причины игнорирования биаспективов в учебной практике сводятся к тому предположению, что здесь, как считают многие, какие-либо «видовые ошибки» не прогнозируются, поскольку данные глаголы могут употребляться как в контекстах совершенного вида (СВ), так и в контекстах несовершенного вида (НСВ). Главная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать: такое обобщенное утверждение является упрощенным, и, следовательно, сделанные на этом основании методические выводы не всегда находятся в соответствии с реальными фактами употребления биаспективов, анализируемых ниже. В статье в связи с изложенным сформулированы и некоторые методические рекомендации.

2. Трудности при изучении двувидовых глаголов. Разумеется, что круг действительно ясных случаев явления двувидовости следует исключить из дальнейшего рассмотрения: это те случаи, когда имеет место **полная двувидовость** (двувидовость во всех формах глагола в смысле суженной его парадигмы – без учета деепричастий и причастий), как, например, у глаголов *ликвидировать*, *кодифицировать*, *реформировать*, *использовать*, *исследовать*, *обследовать*, *завещать* или у глагола *бежать* в значении «совершать / совершил побег». Простыми названные здесь глаголы можно считать потому, что они в самом деле совмещают значения противоположных видов во всех своих грамматических позициях, и при этом новые дериваты как соотносительные перфективы от них не образуются. Однако в ряде случаев, как увидим ниже, функционирование двувидовых глаголов оказывается сложнее.

Трудности возникают, во-первых, если глагол обладает лишь ограниченной, **неполной двувидовостью** (такими глаголами являются, в частности, *организовать*, *образовать* и *преобразовать*), и, во-вторых, если двувидовой глагол допускает морфологическую, и тем самым аспектуально значимую, деривацию (см., напр., образования с разной, ноопределенной видовой характеристикой: *пообещать* – СВ и *организовывать* – НСВ). Как мы видим, деривация может быть связана с перфективацией (с прибавлением к двувидовому глаголу приставки) и с имперфективацией (с расширением основы при помощи имперфективирующего суффикса *-ыва-*). Остановимся подробнее на вопросе о том,

каким может быть отношение данной морфологической деривации к явлению двувидовости.

2.1. Префиксация при полной двувидовости. Полная двувидовость, как уже указывалось выше, имеет место, если глагол во всех своих грамматических формах может употребляться в обоих видах. В нашем случае – при возможности префиксации – это значит, что многочисленные исходные глаголы с заимствованной основой и суффиксом *-ирова-*, как, например, *оперировать*, *анкетировать*, *иллюстрировать*, *информировать*, *минировать*, *блокировать*, могут употребляться не только в значении НСВ, но и в значении СВ. Традиционно мы исходим из того, что указанные глаголы (и, конечно, еще много других глаголов такого типа) по данным толковых словарей являются двувидовыми. Число таких глаголов с суффиксом *-ирова-*, которые могут perfectivizоваться с помощью приставки, сравнительно велико. С учетом возможности префиксальной перфективации и функциональной характеристики среди исконно русских (славянских) двувидовых глаголов к единицам такого типа можно отнести и биаспектив *обещать*.

При наличии приставочного коррелята СВ целесообразно анализировать поведение двувидового глагола в разных перфективных контекстах. Комплексный функциональный анализ показывает, что «в сильной позиции» перфективного употребления (когда данное значение должно выражаться в более подчеркнутой форме) приставочный дериват практически вытесняет свой производящий (собственно двувидовой) глагол, который в таких контекстах часто представляется непривычным, сомнительным. Приведем несколько примеров:

Сегодня *прооперировали* всех раненых (очевидно лучше, чем *?оперировали*); Наши сотрудники за две недели *проанкетировали* весь курс (очевидно лучше, чем *?анкетировали*); Партизаны успели *заминировать* всю лесную дорогу (также лучше, чем *минировать*); Художник за несколько дней *проиллюстрировал* этот сборник стихов и переслал его в издательство (приставочная форма также лучше, чем форма *?иллюстрировал*).

В русском языке времененная последовательность является безусловно сильной позицией перфективного значения, она обязательно требует форм СВ при выражении единичных (не повторяющихся) действий. Анализируя двувидовой характер глагола *обещать*, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев даже не считают в этой позиции допустимым бесприставочный двувидовой глагол: *Он оделся, *обещал* [надо сказать: *пообещал*] матери, что скоро вернется и вышел на улицу (Зализняк 2015, с. 84).

Так как тенденция утраты значения СВ и тем самым перехода двувидового глагола в глагол НСВ на основе представленных примеров достаточно очевидна, в практике обучения русскому языку как

иностранным, вступая в некоторое противоречие с лексикографической традицией, мы предлагаем объединить исходный глагол (расцениваемый как двувидовой) и соответствующее приставочное образование в видовую пару. Ср. также глаголы *анализировать*, *реставрировать*, *ретушировать* и др., которые в словаре Ожегова зафиксированы как двувидовые (Ожегов 1998), правда, при каждом таком биаспективе дается и приставочный глагол СВ. Аргументом в пользу признания таких глагольных соотношений в качестве видовых пар может служить и тот факт, что у глагольных заимствований из компьютерной лексики имеются и бесспорные приставочные пары, у которых исходный глагол выражает только значение НСВ (напр., *принтить* – *отпринтить*), с другой стороны, тенденция к устраниению двувидовости вследствие появления приставочного деривата может реализоваться и быстрее, чем обычно (ср. *просканировать* и *отсканировать* при *сканировать*, а также сленговое образование *проапгрейдить* при *апгрейдить*) (Janurik 2016).

2.2. Суффиксация при полной двувидовости. В качестве примера хотелось бы проанализировать *атаковать* НСВ в функциональном сравнении с его дериватом *атаковывать*. Ввиду того что при двувидовом глаголе *атаковать* существует и дериват *атаковывать*, обладающий однозначной имперфективной семантикой, следует показать, что несмотря на наличие этого имперфективного варианта, сам двувидовой глагол также естественным образом выступает в типичных («сильных») позициях НСВ. В следующих предложениях данный глагол будет представлен в позициях настоящего репортажа (в актуально-длительном значении), в сочетании с фазовым глаголом и в составе сложного будущего времени:

Атакуют наши форварды, прижимают с первой минуты матча (Из репортажа о футбольном матче); *Когда мы стали атаковать – получился спектакль. Болельщики стали поддерживать игроков* (sykt24.ru); *Боевики продолжают атаковать мариупольское направление, действуют диверсионно-разведывательные группы* (hronika.info); *Тerrorисты продолжают атаковать* (Там же); *Если хотя бы один NPC вас будет атаковать <...>, то начнут атаковать все другие* (<http://other-games.ru/publ/s/skyrim/26-1-0-862>).

С помощью приведенных и аналогичных им примеров однозначно доказывается, что глагол *атаковать* является двувидовым в своем полном измерении (наличие значения СВ в биаспективе *атаковать* не оспаривается). Следовательно, в этом случае выражение имперфективного значения не нуждается в суффиксальной имперфективации. Тем не менее образуется и форма *атаковывать*, которая, как показывают ниже следующие контексты, иногда заменяет (может заменять) производящий глагол в значении НСВ. Надо сказать, что в целом этот гла-

гольный вариант встречается, без сомнения, реже, чем исходный глагол, но для иллюстрации того, что употребление глагола *атаковывать* является не исключительной редкостью (как бы потенциальным дериватом), мы приведем ниже больше примеров, чем с общеупотребительным глаголом *атаковать*:

Потом откуда-то взялись мелкие черные муравьи. Должно быть, из города завезли. Стали атаковывать розетки с вареньем, сахарницу, банки с медом и из-под него (А. Олшанский. Что делать с муравьями?); *Они стали атаковывать бомбардировщика без всяких предосторожностей* (А. Калиниченко. В небе Балтики); *Хакеры продолжают атаковывать ЕР* (finam.info); *Группы самолетов Ил-2 непрерывно атаковывали вражескую артиллерию, танки, скопления живой силы, расчищая путь наступавшим войскам* (С. А. Красовский. Жизнь в авиации); *Отдельные эшелоны атаковывали внезапно, как правило, на нормальном фронте* (М. Эйке. Русская кампания: тактика и вооружение); *Финны в 1941-1944 не только бомбили Дорогу Жизни, но и атаковывали ее с воды...* (В. Коклюшкин. Приехали!); *Войска Гудериана несколько раз атаковывали позиции дивизии, но всегда их атаки отбивались с большими потерями для них* (В. Зайцев. Бои местного значения).

По сопоставлению глагола *атаковать* в значении НСВ и его деривата *атаковывать* сделаем следующие выводы:

1) Поскольку глагол *атаковать* в любой позиции СВ и НСВ оказывается уместным, в практике преподавания иностранцам дериват *атаковывать* (который встречается реже) можно оставить без внимания.

2) Надо полагать, что предпочтение глагола *атаковывать* иногда мотивируется тем, что он (в большей мере, чем *атаковать* в значении НСВ) подчеркивает длительность, длительную повторяемость действия – это следует из наличия имперфективирующего суффикса. Кроме того, употребление данного варианта поддерживается и использованием некоторых наречий (см.: *непрерывно атаковывали*).

3) Нельзя согласиться со столь категорическим утверждением, что в современном языке глагол *атаковывать* уже не употребляется; ср. это с замечанием соавторов М. Ю. Чертковой и П.-Ч. Чанг в статье (Черткова 1998, с. 32), в которой указывается именно на эту особенность данного имперфектива.

2.3. Имперфективация при неполной двувидовости. Самым сложным случаем с точки зрения иностранных учащихся следует считать ту ситуацию, когда при употреблении глагола имеет место неполная, частичная двувидовость, и от такого глагола образуется имперфективный дериват. Следует отметить, что возможность имперфективации двувидового глагола зависит от места его ударения: у глаголов на *-овать* ударным является последний слог, и это, как правило, позволяет расширение

основы суффиксом *-ыва-*. Наиболее употребительными глаголами данной группы являются *организовать*, *образовать(ся)* и *преобразовать(ся)*. Этими глаголами двувидовость выражается лишь ограниченно, значит, только их спрягаемыми (личными) формами. Форма же инфинитива и формы прошедшего времени передают значение СВ. Из сказанного следует, что в этих позициях значения НСВ могут выражаться только имперфективными дериватами, образованными от соответствующих биаспективов: *организовывать*, *образовывать(ся)*, *преобразовывать(ся)*.

Данное явление можно проиллюстрировать простыми типовыми примерами. Первые два предложения цитируются из (Апресян 1997, с. 13):

Человек постоянно преобразует среду обитания (здесь глагол употреблен в НСВ, значит, *преобразует* ≈ *преобразовывает*).

Человек преобразовал среду своего обитания (здесь выражается только значение СВ). Видимо, в прошлом времени в значении НСВ форма *преобразовал* не подходит, необходима имперфективация:

Человек постоянно преобразовывал среду своего обитания.

Кто организовал эту встречу? (В этой позиции выражается только СВ.)

Наша кафедра регулярно организовывала конференции (ср. невозможность в этом контексте **организовала*).

Школа перестала организовывать летние лагеря (ср. невозможность в этом контексте **организовать*).

Такие экскурсии не стоит организовывать (здесь также невозможно: **организовать*).

На основе рассмотренных глаголов с неполной двувидовостью можно сделать вывод о том, что в двух позициях производящий и производный глаголы следует рассматривать в качестве видовой пары – а) в инфинитиве: *преобразовать* (СВ) и *преобразовывать* (НСВ) и б) в формах прошедшего времени: *преобразовал* (СВ) и *преобразовывал* (НСВ). Поскольку двувидовые глаголы на *-овать* с конечным ударением в большинстве случаев допускают имперфективацию, число корреляций типа «двувидовой глагол и его имперфективный дериват» весьма велико (имеются в виду такие дериваты, как *реализовывать*, *конфисковывать*, *нейтрализовывать*, *локализовывать*, *мобилизовывать* и др.).

Однако, несмотря на одинаковый способ образования, в данных отношениях могут проявляться разные функциональные особенности (ср., в частности, выявленное выше различие между соотношениями *атаковать* – *атаковывать* и *организовать* – *организовывать*). Поэтому представляется важным получить информацию с помощью подобного функционального анализа по следующим двум вопросам: 1) В какой степени является употребительным вторичный имперфектив (который в конкретной позиции может быть обязательным, факультативным или про-

сто потенциальной грамматической формой, отсутствующей в узусе)?
2) Каким образом влияет наличие имперфективного деривата на сохранение значения НСВ в двуидовом глаголе (могут ли реализоваться все позиции имперфективной семантики, как в случае *атаковать*, или характер двуидовости в той или иной мере ограничивается)?

3. Итоговые замечания. На основе изложенного выше, можно прийти к следующему заключению.

1. Существование двуидовых глаголов при заимствовании из неславянских языков можно считать закономерным явлением. «Аномальными» они оказываются в том смысле, что в большинстве случаев наблюдается тенденция к устранению двуидовости. Об этом свидетельствует частотное появление приставочного деривата (подлинного коррелята СВ) и деривата с суффиксом *-ыва-* (подлинного коррелята НСВ).

2. Было показано, что с точки зрения возможности реализации того или иного аспектуального значения двуидовые глаголы ведут себя неодинаково. Это относится как к глаголам на *-ировать*, допускающим во многих случаях префиксацию, так и к глаголам на *-овать*, допускающим суффиксальную имперфективацию.

3. Существенно с функциональной точки зрения разграничение полной двуидовости (напр., у глагола *атаковать*) и неполной двуидовости (напр., у глагола *организовать*). В соответствии с этим устанавливаются и «неполные», частичные видовые пары (напр., *организовать – организовывать*). С учетом этого фактора в дальнейшем следует проанализировать большое количество биаспективов с заимствованной основой.

4. Неразличение и недостаточный или непоследовательный учет представленных фактов может привести к нарушению грамматической нормы. Думается, что проблема двуидовости заслуживает внимания в первую очередь на высшем уровне изучения русского языка как иностранного, а именно в разных формах подготовки студентов-русистов в системе высшего образования.

Литература

Авила Н.С. Двуидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени / Н.С. Авила // Вопросы языкоznания. – 1968. – № 5. – С. 66–78.

Апресян Ю.Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи / Ю.Д. Апресян // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – Т. 2, отв. ред.: М. Ю. Черткова. – Москва, 1997. – С. 7–20.

Горобец Е.А. Статус двуидовых глаголов в современном русском языке / Е.А. Горобец // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Кн. 2, т. 149. – Казань, 2007. – С. 263–271.

Горобец Е.А. Двувидовые глаголы: количественный состав / Е.А. Горобец // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2 (21), Ч. 2. – С. 37–40.

Горобец Е.А. Биаспективы в современном русском языке: спорные единицы / Е.А. Горобец. – Тамбов: Грамота 2012, № 12 (67): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 40–43.

Гуревич В.В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление. Учебное пособие. Для иностранцев, изучающих русский язык / В.В. Гуревич. – М.: Флинта. Наука, 2008. – 225 с.

Зализняк Анна А. Лекции по русской аспектологии. / Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. – Slavistische Beiträge 353, Studienhilfen Band 7. Verlag Otto Sagner, München 1997. – 150 с.

Зализняк Анна А. Русская аспектология: в защиту видовой пары / Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 392 с.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология. Ч. II / А.В. Исаченко. – Изд-во Словацкой АН, Братислава 1960. – 570 с.

Караванов А.А. Виды русского глагола: значение и употребление. Практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык / А.А. Караванов. – М.: Русский язык. Курсы, 2004. – 175 с.

Мучник И.П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке / И.П. Мучник // Вопросы языкоznания. – 1966. – № 1. – С. 61–75.

Черткова М.Ю. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке / М.Ю. Черткова, П.-Ч. Чанг // Russian Linguistics (22). – 1998. – С. 13–34.

Шелякин М.А. О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке / М.А. Шелякин // Вопросы русской аспектологии IV. – Тарту, 1979. – С. 3–17.

Ясаи Л. Видовые корреляты при двувидовых глаголах / Л. Ясаи // Studia Russica XVII. – Budapest, 1999. – С. 169–177.

Janda L. What makes Russian bi-aspectual verbs special? / L. Janda // Cognitive Linguistics Research. Cognitive Paths into the Slavic Domain. Dagmar Divjak, Agata Kochańska (Editors), Mouton de Gruyter, Berlin–New York, 2007. – С. 83–109.

Janurik Sz. Az angol kölcsönszavakból alkotott igék alaktani beilleszkedésének sajátossá gaiamai oroszszámítástechnikai nyelvben [Особенности морфологической адаптации глаголов-англицизмов в современной русской компьютерной лексике] / Sz. Janurik // Omnisamorincipit ab aspectu. Köszöntőkönyv Jászay László 65. születésnapjára. – Budapest, 2016. – С. 117–124.

Zinova Y. Biaspectual Verbs: A Marginal Category? / Y. Zinova, H. Filip // Logic, Language, and Computation. Eds.: Aher, M. Hole, D. Jeřábek, K. Kupke, C. «Springer», 2015. – С. 310–333.

ЧАСТЬ III. ЕДИНИЦЫ СЕМАНТИКО- ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВ

**Бабушкин А.П.
Babushkin A.P.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НОМИНАТИВНОГО ТИПА КАК ВАРИАНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

SYNTACTIC STRUCTURES OF NOMINATIVE TYPE ACTING AS A CASE OF LANGUAGE PLAY

Аннотация. Статья представляет русские синтаксические структуры номинативного типа в роли псевдодефиниций – толкований слов с аллюзией к фразеологизмам, пословицам и поговоркам.

Abstract. The article presents Russian nominative type structures in the role of pseudo-definitions, i.e. words interpretations with allusion to phraseological units, proverbs and sayings.

Ключевые слова: синтаксические структуры номинативного типа, псевдотолкования, языковая игра.

Key words: nominative type syntactic structures, pseudo-definitions, language play.

Семантико-функциональный подход к описанию грамматики русского (и не только русского) языка, представляющий собой одно из направлений функциональной лингвистики, получает в последние годы новые импульсы для дальнейшего развития, оказываясь полезным не только для ученых-синтаксистов, но и для преподавателей-практиков.

Такой подход интересен и для предлагаемого ниже нетривиального случая реализации нового направления в синтаксисе, который, тем не менее, не изменяет постулату, сформулированному В.Ю. Копровым – ученым, стоящим у истоков семантико-функциональной грамматики: «Ориентация на коммуникацию обусловила ведущую роль синтаксиса в семантико-функциональной грамматике как системы, интегрирующей все другие уровни и единицы языка, поэтому в данной модели востребованы идеи о взаимодействии синтаксиса и морфологии, грамматики и лексики» (Копров 2016, с. 10–11).

По типологии В.Ю. Копрова, существует набор моделей, иллюстрирующих сущность семантико-функционального синтаксиса.

Исходя из устройства и функционирования повествовательных предложений, в настоящей статье ограничимся анализом объединяемых по частеречному принципу, номинативных по своему характеру структур.

Эти структуры образуются по формуле: N – (cop) N, где первый элемент данной формулы – субъект высказывания, выраженный суще-

ствительным, второй – его опредмеченный признак, также представленный существительным, тогда как copula (cop) – часто опускаемый глагол бытия, связывающий в простое предложение левое и правое существительные (Копров 2016, с. 201).

На наш взгляд, представляется возможным реорганизовать любое словарное толкование, в определяемой и определяющей части которого стоят существительные, в синтаксическую конструкцию, построенную по указанной модели, если разделить дефисом в лексикографической статье слово и его дефиницию.

Однако предметом нижеследующего рассмотрения являются предложения в формате так называемых псевдотолкований, поскольку второй компонент формулы N – (cop) N определяет первый не напрямую – он апеллирует к образным средствам языка – идиоматическим выражениям, пословицам и поговоркам, заставляя взглянуть на субъект высказывания с новых, неожиданных позиций.

Для удобства анализа сведем подобранные нами примеры под определенные рубрики в виде трехступенчатого комплекса: сначала будет дана словарная статья, раскрывающая истинное значение той или иной словарной единицы; затем последует вариант его шутливого псевдотолкования, реализуемого моделью N – (cop) N, и, наконец, найдут свою вербальную объективаацию имплицируемые фразеологизмы, пословицы и поговорки. Именно последний пункт позволяет оценить своеобразную шифровку подразумеваемого выражения на втором этапе выстраиваемой нами триады.

Перейдем к практической части нашей работы.

Природные явления

1. Утро – часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня.
2. **Утро – мудрое время суток.**
3. «Утро вечера мудренее» (послов.).

Соматизмы

1. Рука – одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев.
 2. **Рука – атрибут любви в комплекте с сердцем.**
 3. «Предложить руку и сердце» – просить избранницу о вступлении в брак.
-
1. Пазуха – пространство между грудью и прилегающей одеждой.
 2. **Пазуха – укромное место для предательского камня.**
 3. «Держать камень за пазухой» – таить злобу против кого-то.

Галантерейные аксессуары

1. Бантик – лента, завязанная в виде нескольких, перегнутых посередине петель.

2. Бантик – украшение сбоку черти-чего.

3. «Черти-что и сбоку бантик» – так говорят о чем-то нелепом, странном, не оправданном здравым смыслом.

1. Ремень – длинная полоска кожи, плотного материала, употребляемая в качестве пояса.

2. Ремень – предмет поддерживания на должной высоте авторитета родителей.

3. «Держаться на должной высоте» – находиться на уровне соответствующих требований; обладать должным положению превосходством.

Гастрономические изделия

1. Сыр – пищевой продукт, твердая или полутвердая масса, получаемая путем обработки молока.

2. Сыр – любитель кататься в масле.

3. «Кататься как сыр в масле» – жить вдовольстве, полном достатке и удовольствии.

1. Каша – кушанье из сваренной или заваренной крупы.

2. Каша – фирменное блюдо сороки-воровки.

3. «Сорока-воровка кашу варила, деток кормила» – детская байка в виде игры.

1. Блин – тонкая лепешка из жидкого кислого теста, испеченная на сковороде, на жару.

2. Блин – успешный дубликат неудачного претендента на получение знака качества.

3. «Первый блин комом» (послов.) – о том, что начало работы может быть и неудачным.

Вместилища

1. Решето – предмет обихода – натянутая на широкий обруч сетка для просеивания чего-нибудь

2. Решето – тара незадачливого водоносца.

3. «Носить воду решетом» – заниматься бесполезным делом.

1. Ларчик – искусно сделанный украшенный ящичек для хранения драгоценностей.

2. Ларчик – старинный предмет домашнего обихода для забавы детей и внуков.

3. «А ларчик просто открывался» – о том, что представлялось совершенно сложным, а на деле оказалось простым (по басне И.А. Крылова).

Орудия труда. Конструктивные детали машин и приспособлений

1. Топор – насаженное на рукоятку металлическое орудие для рубки, с лезвием и обухом.

2. **Топор – прибор для измерения загрязнения атмосферы.**

3. «Хоть топор вешай» – о спретом воздухе, духоте в помещении.

1. Веник – связка веток, прутьев, сухих длинных стеблей.

2. **Веник – изделие без логотипа фирмы.**

3. «Фирма веников не вяжет» – кто-либо не занимается пустяками, делает что-то солидное.

1. Колесо – диск или обод со спицами, вращающийся на оси или укрепленный на вращающемся валике и служащий для приведения в движения повозки, механизма.

2. **Колесо – перегнутая в форму баранки палка.**

3. «Перегнуть палку» – впасть в крайность в чем-либо, прилагать чрезмерные усилия к чему-либо, излишние старания в чем-либо, часто приводящие к нежелательным последствиям, неблагоприятному исходу.

Механические устройства

1. Карусель – вращающаяся установка для катания по кругу с сиденьями, сделанными в виде кресел, лошадок, лодок.

2. **Карусель – изобретение с целью вскружить кому-то голову.**

3. «Вскружить голову» – сильно увлечь, лишив способности здраво рассуждать.

1. Флюгер – прибор для измерения направления скорости ветра с вращающейся на вертикальном стержне пластинкой или флагжком.

2. **Флюгер – прибор для ориентации движения ветра.**

3. «Знать, откуда (куда) ветер дует» – иметь исключительное чутье на изменения обстановки, обстоятельств и быстро (часто угодливо и лицемерно) приспосабливаться.

Культура. Печатные тексты

1. Учебник – книга для обучения какому-нибудь отдельному предмету.

2. **Учебник – самоучитель по открытию Америки.**

3. «Открыть Америку» – изобрести что-либо или выдать за открытие нечто всем давно известное, простое до банальности.

1. Басня – краткое иносказательное поучительное стихотворение, рассказ.

2. **Басня – плохой корм для соловья.**

3. «Соловья баснями не кормят» – кормить рассказами, разговорами того, кто хочет есть.

Животный мир

1. Цыпленок – птенец курицы.
 2. **Цыпленок – единица счета по осени.**
 3. «Цыплят по осени считают» (послов.) – о том, что лишь конец дела покажет, можно ли было, начиная, рассчитывать на удачу.
1. Индюк – самец индейки, индейский петух.
 2. **Индюк – птица в супнице в наказание за свои думы.**
 3. «Индюк думал, думал, да в суп попал» (поговор.) – о тугодуме, чрезмерная медлительность которого приводит к нежелательному результату.
1. Конь – крупное непарнокопытное животное.
 2. **Конь – непарнокопытное животное в пальто.**
 3. «Конь в пальто» – ответ на вопрос «Кто?» (Пришел и стоит за закрытой дверью тот, кого вы не ожидали или не узнали).

Принадлежности для упряжки животного для езды

1. Седло – часть сбруи, род сиденья, укрепляемого на спине животного.
2. **Седло – обновка для модницы-коровы.**
3. «Как корове седло» (об одежде) – выглядеть нелепо, быть одетым неподобающим образом в то, что совсем не гармонирует с внешним видом человека.

Изученный нами материал позволяет прийти к следующим выводам.

Рассмотренные по центру каждой триады предложения по своей типовой характеристике являются номинативными. Каждое из них выражает семантическую структуру «субъект и его опредмеченный признак» и включает в свой состав распространяющие его компоненты – атрибутивные или обстоятельственные. Анализ лексического наполнения такого предложения показывает, что оно используется неизосемиически, поскольку содержит в себе аллюзию к вторичной номинации – известному фразеологизму, пословице или поговорке.

Приведенные в статье предложения обычно производят юмористический эффект, так как они представляют собой вариант языковой игры.

Следует также отметить особые трудности при усвоении предложений данного типа студентами-иностранными. Случай таких псевдотолкований требуют специальных дополнительных комментариев со стороны преподавателя, поскольку у неносителей русского языка запас предтекстовой информации ограничен.

Литература

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. Мокиенко В.М. / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Аст-рель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Веселый календарь, 2016 / под ред. Козлякова Н.Е. – Кострома: «Кострома», РИО. – 2016. – 367 с.

Виндгольц А. К слову сказать... (Словарь афоризмов, литературных, публицистических и фольклорных контекстов) / А. Виндгольц. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2004. – 688 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1996. – 907 с.

**Багана Ж., Ширлина Е.Н.
Baghana G., Shirlina E.N.**

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УСТОЙЧИВЫХ
ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
SYNTACTIC FUNCTIONS OF FIXED
NOUN-PREPOSITION COLLOCATIONS IN GERMAN**

Аннотация. Данная статья посвящена синтаксическим функциям устойчивых предложно-именных сочетаний в современном немецком языке. Устойчивые предложно-именные сочетания могут выполнять функции обстоятельств и модальных обстоятельств, компонентов именной фразы или аналитической глагольно-именной конструкции или коннекторов. Некоторые сочетания эквивалентны предложению и выполняют функции коммуникативных формул. Устойчивые предложно-именные сочетания несут на себе логическое ударение в препозиции или в том случае, когда выносятся за рамки предложения.

Abstract. The following article deals with the syntactic functions of fixed noun-preposition collocations in modern German. Fixed noun-preposition collocations can function as adverbial modifiers or as modal modifiers, as a component of a noun phrase or analytic verb-noun construction or as connectors. Some collocations are equivalent to sentences and function as conversational formulas. Fixed noun-preposition collocations can be made prominent by logical stress in preposition or outside the structure of the sentence.

Ключевые слова: устойчивые предложно-именные сочетания, обстоятельство, модальное обстоятельства, обязательный актант, факультативный актант, аналитическая глагольно-именная конструкция, вторичный предикат, препозиция, постпозиция

Key words: fixed noun-preposition collocations, adverbial modifier, modal modifier, argument, adjunct, analytic verb-noun construction, secondary predicate, preposition, postposition.

Устойчивые предложно-именные сочетания, такие как *auf Seiten*, *mit Handschlag*, *mit Bezug auf*, *nach Art* и др., представляют собой особую группу языковых единиц, функционирующих в немецком языке, которые отличаются различной степенью семантической и формальной устойчивости и способны выполнять различные функции в предложении.

Для того чтобы предложно-именное сочетание стало устойчивым, оно должно выполнять в предложении функцию обстоятельства. В отличие от дополнений, обстоятельства не зависят от валентности глагола. Их связь с глаголом имеет не грамматический, а лексический характер, т. е. они могут сочетаться с глаголом и с другими распространителями, и их основная задача состоит в том, что они модифицируют высказывание.

Анализ синтаксических функций устойчивых предложно-именных сочетаний в тексте показал, что они в целом совпадают с функциями свободных сочетаний:

1) самостоятельный член предложения:

Mit der KBA-Hybrid-Technik sparen Sie an allen Ecken und Enden: 20% weniger Platz und 20% weniger Kosten als eine vergleichbare Doppel-lack-Maschine, kürzeste Rüst- und Durchlaufzeiten und weniger Makulatur (www.linguee.de);

2) компонент именной группы:

Dank Siegen in der letzten Runde konnten sie sich an der Spitze der Tabelle behaupten (COSMAS II);

3) часть синтаксического единства (компонент именного предиката):

Einen Augenblick lang blieb er liegen, denn nun war er doch ein wenig außer Atem (Ende 1979, с. 149).

Устойчивые предложно-именные сочетания могут также выступать в роли модальных обстоятельств, относящихся ко всему предложению (1) и модальных обстоятельств, выполняющих соединительную функцию (2):

1) *Und in der Tat: nirgendwo sonst in Europa gibt es, gemessen an der Einwohnerzahl, so viele Verkehrstote* (COSMAS II);

2) *Auf der anderen Seite stehen jene, die in der gegenwärtigen Wirtschaftskrise eher einen Rückschlag für die Gleichstellung feststellen und das Büro gerade jetzt - kurz nach Inkrafttreten des Gleichstellungsgesetzes - als dringend notwendig erachten* (COSMAS II).

Обстоятельства первого типа находятся за пределами глагольных и именных групп. Они не называют обстоятельства, сопутствующие происходящему, а передают личное отношение говорящего к происхо-

дящему. Такие обстоятельства могут занимать различные позиции в предложении, а не только позицию перед глаголом в изменяемой форме и могут соединять части текста любой длины, выполняя текстообразующую функцию.

Устойчивые предложно-именные сочетания способны выражать как отношения между словами и сочетаниями, что позволяет ряду исследователей отнести их к комплексным предлогам и наречиям, так и между частями сложного предложения, что сближает их с союзами. Одно и то же сочетание, например, *im Zusammenhang*, может выполнять функцию обстоятельства образа действия (1) или предлога (2):

1) *Was man vorher im Laufe der Jahre einzeln kennenernte, bietet sich hier aufs schönste im Zusammenhang dar* (COSMAS II);

2) *Was versteht die SPD unter „Elternrecht“ im Zusammenhang mit der Wehrpflicht?* (COSMAS II).

В подобных случаях различные синтаксические функции одинаковых по форме предложно-именных сочетаний являются маркерами семантических различий:

1) *Archäologie ist im Grunde kontrollierte Zerstörung* (COSMAS II). – Модальное обстоятельство, «по сути»;

2) *Im Kern kommt einem der Alkoholismus wie die Anhäufung von Dutzenden solcher Verbindungen vor, von Dutzenden von Erfahrungen und Erinnerungen, die sich im Grunde der Seele sammeln und über vielen, vielen, vielen Drinks zu einer einzigen flüssigen Lösung zusammenfließen* (COSMAS II). – «в глубине (души)».

Функции предложно-именного сочетания в предложении меняются в зависимости от того, является ли оно обязательным или факультативным актантом. Во втором случае оно служит для распространения предложения.

Kleine Menschen brauchen sich so nicht mehr auf die Zehenspitzen zu stellen, große können ihren Rücken schonen (COSMAS II). – Свободное сочетание, обязательный актант (дополнение).

Trotzdem läuft er nicht verschämt auf Zehenspitzen herum (COSMAS II). – Устойчивое сочетание, необязательный актант (обстоятельство).

ПриС в роли обязательных актантов связаны не с грамматической валентностью других членов предложения, а с содержанием предложения:

Bei der Anfrage von Markus Fisch habe ich aus dem Bauch heraus entschieden (COSMAS II).

Как показал количественный анализ примеров, чаще всего ПриС выполняют в предложении функцию обстоятельства.

Взяв за основу классификацию У. Энгеля (Engel 1996), мы можем разделить обстоятельства, выраженные устойчивыми предложно-именными сочетаниями, на следующие семантические группы.

1. Модифицирующие (обстоятельства образа действия): *Steve saß am Rand der Landstraße in sicherer Entfernung vom brennenden Wagen und lachte aus vollem Hals.*

2. Ситуативные:

1) темпоральные: *Da stritten fremde Menschen darüber, ob er sich tatsächlich vor Jahren mit seinem Bruder entzweit habe;*

2) локальные: *Gestern in ihrer Bank hatte die Schalterfrau gelacht: Solche Währungen führe man nicht, sie solle es vor Ort versuchen;*

3) каузальные, обозначающие причину: *Der Theologin Katharina Hoby ist es verwehrt, sich von Amts wegen um die Seelen der Gemeinde des Zürcher Großmünsters zu sorgen und daselbst zu predigen;*

4) кондициональные, обозначающие условие: *Ein deutscher Polizist zum Beispiel kann es unter Umständen als Beleidigung auffassen, wenn er geduzt wird;*

5) концессивные, обозначающие уступку: *Wider Willen war er beeindruckt: Schlechthin perfekt war es, wohlgeformt, glatt und elegant;*

6) финальные, обозначающие цель: *Der Altgesell zog sein Klappmesser aus der Tasche. „Zum Andenken“;*

7) инструментальные (*Sprüharme, Mischbehälter und weitere für diesen Einsatz unabdingbare Utensilien sind per Achse unterwegs gen Norden*);

8) рестриктивные, обозначающие ограничение: *In dieser Hinsicht kann er nicht klagen.*

3. Оценочные (в широком смысле):

1) негативные: *Er wird sich auf keinen Fall entschuldigen;*

2) каутивные (обобщдающие): *Im Allgemeinen kann man es nicht behaupten; in gewisser Weise;*

3) селективные: *Vor allem muss man fleißig arbeiten;*

4) ординативные (устанавливающие определенный порядок аргументов): *Er möchte zum Beispiel ins Ausland fahren; auf der einen (anderen) Seite, in erster Linie, im Übrigen;*

5) юдикативные (оценочные в узком смысле): *Er ist zum Glück wieder gesund;*

6) верификативные (оценка с точки зрения истинности / ложности, уверенности / неуверенности): *Er kommt heute ohne Zweifel; im Grunde, mit Sicherheit, ohne Frage*) (Engel 1996, S. 153–159).

Наряду с предложно-именными сочетаниями, выполняющими функцию различных членов предложения, существуют сочетания, эквивалентные предложению:

Ab nach Kassel! Ab durch die Mitte! Aus den Augen, aus dem Sinn. – Пословица, основанная на параллелизме. Wurst wider Wurst. = Wie du

mir, so ich dir. Auge um Auge, Zahn um Zahn. – Библейская цитата, основанная на параллелизме.

Некоторые устойчивые предложно-именные сочетания имеют ярко выраженную коммуникативную функцию, что позволяет отнести их к речевым актам, или коммуникативным формулам. У. Энгель выделяет две группы речевых актов: ориентированные на собеседника (*partner-orientierte Sprechakte*) и ориентированные на говорящего (*sprecherorientierte Sprechakte*) (Engel 2009, S. 36). К первой группе относятся речевые акты, передающие знания (сообщение, согласие, несогласие, усиление, обобщение, комментарий, ограничение, парадигма, сигналы поддержания речевого контакта со стороны слушающего), компенсирующие (*ausgleichende*) речевые акты (благодарность, извинение, ответ на благодарность, одобрение, поздравление, соболезнования), речевые акты, которые регулируют поведение одного или обоих участников коммуникации (обещание, уведомление, требование, наделение полномочиями, совет, упрек, оскорбление, предупреждение, вопрос, предложение, угроза, приветствие, обращение, представление, желание, предложение). К речевым актам, ориентированным на говорящего, относятся ругательства, речевые реакции, выражающие удивление, отчаяние, облегчение (Там же). Особенно широко устойчивые предложно-именные сочетания представлены в последней группе речевых актов, но они могут служить и для выражения других речевых актов, например, комментирования (*zum Lachen*), усиления (*Das war zum Brüllen komisch, mit Abstand*), парадигмирования (*mit anderen Worten*), установления контакта (*mit freundlichen Grüßen, zum Gruß*) и т. д.

Некоторые эквиваленты предложений также можно рассматривать как коммуникативные формулы:

Auf Wiedersehen (Wiederschauen)! – нейтральная коммуникативная формула прощания; *Auf Nimmerwiedersehen!* – коммуникативная формула прощания, эмоциональная, с негативной коннотацией; *Mit freundlichen / herzlichen / vielen Grüßen* – коммуникативная формула прощания, использующаяся в письменной речи; *Zu Befehl!* – контактная функция в речи военных; *Bei Fuß!* – особая коммуникативная формула, общение с животными; *Beim Himmel!* – клятвенная формула; *Um Himmels willen!* – коммуникативная формула, выражающая испуг, отрицательное отношение к чему-либо, замешательство и др.

Коммуникативные функции ПрИС *zum Teufel* различаются в зависимости от его синтаксических функций:

1. *Zum Teufel (nochmal)!* – выражение сильного удивления, несогласия, нетерпения, досады;
2. *Was / wer / wo ... zum Teufel ...?* – усилительная функция;
3. *Zum Teufel mit ...!* – выражение недовольства кем-либо или чем-либо.

Увеличение числа предложно-именных сочетаний в результате действия тенденций к номинализации и к экономии языковых средств связано с их способностью выступать в функции вторичных предикатов. «Вторичные предикаты рассматриваются как носители свернутой пропозиции, «второго» сообщения в простом, с точки зрения традиционной грамматики, предложении. Объектом такого анализа являются монопредикативные полипропозитивные предложения, в которых при элиминации имени действия или состояния функцию носителя пропозитивного значения принимает на себя конкретное имя существительное. <...> Предложно-падежная форма в данном предложении является обозначением конкретного факта, ситуации, носителем «второго» сообщения» (Кравченко 2001, с. 213–214). Предложно-именные сочетания данного типа могут обозначать:

- 1) причину: *In Ermangelung einer Marienerscheinung auf dem Pilgerweg werde ich jetzt zur Sensation erkoren* (Kerkeling 2006, S. 169);
- 2) условие: *Im Rückblick finde ich beachtlich, dass meine Eltern bereit waren, mich Fünfzehnjährigen eine Woche lang alleine zu Hause zu lassen* (Schlink 1997: 58);
- 3) сопутствующее действие: *Im Rückwärtsgang tastet er sich Richtung Fernseher und schaltet das Gerät aus* (Siemes 2003, S. 77);
- 4) время: *Das schillernde Bild ergibt sich nicht zuletzt deshalb, weil Herberger selbst zu Lebzeiten die Berichterstattung über sich zu steuern versuchte* (Siemes 2003, S. 295) и др.

Имплицитная модель способна являться целостным отображением ситуации, при котором принципиально существенными становятся семантика и функция предлога (Кравченко 2001, с. 235). Преимущества имплицитных моделей заключаются в том, что они помогают избежать смысловой избыточности, способны совмещать несколько значений, придают речи большую компрессию, способны выражать вторичную предикацию. В имплицитных моделях проявляется расширение семантических возможностей непроизводных предлогов (Там же). Так, предлог *auf* приобретает способность указывать на источник действия, чье-то чужое волеизъявление, которое побуждает субъект совершать определенные действия:

Da meine Wanderschuhe noch klitschnass sind, bleibt mir nichts anderes übrig, als in meinen Badelatschen loszulaufen, die ich mir auf Anraten meiner sehr deutschen Touristenlektüre ursprünglich gekauft habe (Kerkeling 2006, S. 33).

Порядок слов в предложении определяется делением на тему и ре-му, важностью информации, близостью членов предложения к глаголу, их длиной, а также намерением говорящего (Engel 2009, S. 166). Элемен-ты, относящиеся к ре-му, обычно стоят в конце предложения, а от-носящиеся к теме – в начале. Однако если в начале предложения стоит

нетипичный для данной позиции элемент, он может обозначать рему: *Lehrerin ist sie geworden* (логическое ударение). А, например, в следующем предложении: *Lehrerin hätte sie nie werden dürfen* – в начале стоит тема (ядерный элемент темы перемещается на первое место в предложении), а ремой является ударный элемент „*nie*“ (Engel 2009, S. 244).

Сфера действия обстоятельств, как правило, распространяется на все элементы справа от них (Указ. соч., с. 175). Перемещение в препозицию может сопровождаться логическим ударением. В постпозицию обычно перемещают безударные элементы, менее важные с точки зрения смысла предложения (Указ. соч., с. 176–177). Однако это не распространяется на предложные сочетания: их перемещение в позицию после глагола в спрягаемой форме как раз сопровождается логическим ударением: *Ich hätte mich nicht verlassen sollen auf diesen Kollegen* (там же).

Для устойчивых предложно-именных сочетаний положение в препозиции является маркированным, а в постпозиции – нейтральным:

Zum Großanlass vom 28. Mai in der Mehrzweckhalle Au sind alle jetzt schon aufgerufen, sich das Datum zu reservieren. Auf Besuch kommt Adalbert Durrer, als Bundesratskandidat zur Zeit in aller Munde (COSMAS II).

Auge in Auge mit dem Wahlvolk lässt sich nicht so leicht schwindeln (COSMAS II).

Вынесение ПрИС за рамки предложения так же, как и в случае свободных сочетаний, служит для особого выделения предложно-именной конструкции:

1) *Ich hab's miterlebt, Stück für Stück* (Schulze 1998, S. 222); 2) *Er hat Ernst runtergeputzt, nach Strich und Faden, vor allen* (Schulze 1998, S. 223); 3) *Paeffgen und Co. gehen <...> als Instrumentalisten zu Fuß – selbst an musikalischen Wurzeln, aus denen nicht der Jazz hervorgesprossen ist, auch auf Abwege des Groove* (COSMAS II); 4) *Und nun sollen diese Anstrengungen Schnee von gestern gewesen sein, alles für die Katz sozusagen?* (COSMAS II).

Тот же эффект достигается, когда устойчивое предложно-именное сочетание выступает в роли вставки: *Mein Vater hackte sich bei mir ein, und wir betraten, Schritt für Schritt, das Café* (Schulze 1998, S. 103); *Das war es, diese Falte, tief und in Form eines Häckchens, der Ursprung alles Bösen* (Schulze 1995, S. 114); *Nach einem kurzen Halt auf der Großen Scheidegg, Auge in Auge mit den Bergriesen des Berner Oberlandes, nahm man den gefährlichsten Abschnitt der Reise unter die Räder* (COSMAS II).

Литература

Кравченко Н.П. Семантико- и текстообразующие функции русских предложений: На материале языка художественной литературы и СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.01.10 / Н.П. Кравченко. – Краснодар, 2001. – 273 с.

Engel, U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache. 4. Auflage / U. Engel. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. – 312 S.

Ende M., Die unendliche Geschichte / M. Ende. – Stuttgart: K. Thienemanns Verlag, 1979. – 428 S.

Kerckling H. Ich bin dann mal weg. Meine Reise auf dem Jakobsweg / H. Kerckling. – Piper Verlag GmbH, München 2006. – 352 S.

Schulze, I. Simple Storys. Ein Roman aus der ostdeutschen Provinz / I. Schulze. – Berlin: Berlin Verlag, 1998. – 304 S.

Siemes, C. Das Wunder von Bern / C. Siemes. – Köln: KiWi, 2003. – 320 S.

COSMAS II. Электронный корпус Института немецкого языка [электронный ресурс] URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app/>

Linguee. Wörterbuch Englisch – Deutsch [электронный ресурс] URL: <http://www.linguee.de>.

Белякова Г.В.
Belyakova G.V.

Астраханский государственный университет
Astrakhan State University

О ПОТЕНЦIAЛЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ ABOUT THE POTENTIAL OF A WORD-FORMATION CATEGORY

Аннотация. В статье рассматривается явление кодеривации как одно из направлений реализации потенциала словаобразовательной категории.

Abstract. The coderivation phenomenon as one of the directions of realization of word-formation category's potential is considered in the article.

Ключевые слова: словообразовательная категория, словообразовательный потенциал, деривационные ареалы компонентов морфемария.

Key words: word-formation category, word-formation potential, derivational areas of morfemariya's components.

Изучение словообразовательной категории (СК) суффиксальных локативных существительных (Белякова 2007) привело к пониманию того, что потенциал СК является важнейшей составляющей характеристики данной деривационной единицы.

Нами были установлены следующие пути развития потенциала СК суффиксальных локативных существительных (годные, очевидно, и для большинства СК): пополнение состава производящих основ, пополнение морфемария, пополнение состава семантических субкатегорий (появление новых частных словообразовательных значений обобщенного локативного значения).

Дальнейшее наблюдение за суффиксальными *nomina loci* позволило выявить еще один путь реализации потенциала СК – образование синонимичных словообразовательных вариантов. Заметим, что явление

кодеривации (в том числе образование производных, тождественных по лексическому и словообразовательному значениям) описано нами при анализе антисинонимичных ограничений. Однако нежесткость этих, а также антиомонимичных ограничений привела к ситуации, которая и будет рассмотрена в данной статье.

Два компонента морфемария анализируемой СК *-ник* и *-ниц(a)* имеют пересекающиеся деривационные ареалы. В частности, оба суффикса относятся к семантической субкатегории «там, где находится то, что названо производящей основой» (*глошица, конфетница, соусник, соусница, салатник, салатница, тортоворница* и др.), при этом регулярность первого аффикса почти в два раза меньше, чем второго. По нашим наблюдениям, именно суффикс *-ниц(a)* в последние десятилетия стал «специализироваться» на производстве дериватов с указанным частным словообразовательным значением, например: *визитница* «небольшая папка с отделениями для визиток» (Кожаная коробка для украшений, 24000 руб., Smythson. Эта марка славится своими визитницами. Мои визитные карточки – драгоценности! (Vogue, 2011, январь)), *таблетница* «вместилище (коробочка или пластинка с ячейками) для хранения таблеток» (И я каждое воскресенье вечером выкладываю себе на неделю таблетки. Потом каждый день я открываю эту коробочку, кладу в маленькую таблетницу, которая у меня в специальном мешочеке (Шаги, 2005, № 6)), *купюрница* «коробочка для бумажных денег» (Купюрница «Ретро» – это самостоятельный подарок или же упаковка для утонченного презента (Лиза, 2013, № 41)) и др.).

Иными словами, возникла «закономерная связь с тем, что язык уже создал, что в нем выявилось как жизнеспособное и способное быть основой и исходным пунктом для нового» (Dokulil 1962, с. 194). Однако совпадение сочетаемостных свойств *-ник* и *-ниц(a)*, наличие в языке некоторого количества кодериватов с тождественными лексическими значениями, неуверенность говорящих в существовании нужного деривата и конструирование его (при необходимости) по знакомой «дублетной» модели – все это приводит к возникновению новых синонимичных словообразовательных вариантов. Рассмотрим некоторые подобные случаи.

1. *Икорник, икорница*. В словаре В.И. Даля находим оба этих производных: *икорникъ, -ница* «торгующий икрою; любитель, охотникъ до икры» (Даль, II, 41). Первый дериват имеет значение «лицо», второй – «женскость». БАС фиксирует только производное на *-ниц(a)*, но уже с локативным значением: «сосуд для икры» (БАС, 5, 279). В нашей картотеке есть *nonina loci* той же структуры: *икорница* «предмет столового сервиза – посуда для икры» (Икорница из хрустяля и серебра, костяная ложка для икры, все Faberge (Vogue, 2002, декабрь). Ее называют королевой деликатесов и подают охлажденной в особой стеклянной вазочке

– икорнице (Лиза, 2010, № 50)). Однако Интернет дает единичные случаи употребления с локативным значением кодеривата на *-ник*, как правило, в текстах разговорного стиля (форумы и под.).

2. *Молочник, молочница*. Локативное значение фиксируется различными лексикографическими источниками у первого деривата, например: *молочникъ* «молочный горшокъ, кринка // Сливочникъ, въ которомъ молоко подается къ столу, къ чаю» (Даль, II, 334), «небольшой сосуд, кувшинчик для молока, сливок» (БАС, 6, 1203) (также отмечен и омоним со значением «лицо»). Существительное *молочница* последовательно приводится в словарях с иными значениями («женскость», «болезнь» и др.). В нашей картотеке есть соответствующая единица на *-ник*: *молочник* «предмет столового или чайного сервиса – посуда для молока, сливок» (*С явным неудовольствием перед ним поставили молочник, плетенку с хрустящими теплыми булочками, несколько пластинок масла в золотистой упаковке, джем, сахар, сахарин в пакетиках – европейский завтрак, входивший в стоимость номера* (Г. Бакланов)). Однако интернет-источники содержат немало случаев употребления *nomina loci* на *-ница*, причем значительное количество словоупотреблений относится к профессиональной сфере. При запросе «фарфоровая молочница» поисковая система Google выдает более 23 000 результатов (в ряде случаев приводятся конструкции типа *сахарница* и *молочница*, *фарфор*, однако и здесь, безусловно, имеется в виду *nomina loci*). Очевидно, можно говорить о том, что параллельно с достаточно давно существующим и весьма активно использующимся локативом *молочник* начал свою жизнь в языке кодериват с тождественным лексическим значением – *молочница*.

3. *Ключник, ключница*. Данные дериваты со значениями соответственно «лицо» и «женскость» находим, например, у Даля: *ключникъ, -ница* «кто ходит въ ключахъ, служитель, завѣдующій съѣстными припасами въ домѣ, погребомъ, а иногда и питьями» (Даль, II, 123). Приводят их и современные толковые словари, в некоторых случаях с пометой «устар.». Историзмы, называющие лиц, «уступили» место в языке дериватам с локативным значением (возможно, сняв антиомонимичные ограничения), не имеющим пока, по нашим наблюдениям, лексикографической фиксации. Тем не менее, их активно используют в речи, например: Всевозможные брелоки, обложки для документов, ключницы, перчатки – хорошо одетого мужчину отличают прежде всего такие вот мелочи, стильные и дорогие (Комсомольская правда, 2007, № 34-т/10). Кстати, опрос преподавателей и студентов университета показал, что им достаточно хорошо известны оба варианта.

Таким образом, следует признать, что одним из направлений (пусть и не очень желательным) развития потенциала СК является создание синонимичных словообразовательных вариантов.

Литература

Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: монография / Г.В. Белякова. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. – 70 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Терра, 1995.

Dokulil M. *Tvoření slov v češtině* / M. Dokulil. – Praha, 1962. – 264 p.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР. – М.-Л.: Академия наук СССР. Институт русского языка: Изд-во Академии наук СССР, 1948–1965.

Буянова Л.Ю.
Buyanova L.Y.

Кубанский государственный университет
Kuban State University

ТЕКСТ КАК РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЕ ЕДИНСТВО СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ

THE TEXT AS A REPRESENTATIONAL UNITY OF SEMANTIC AND FUNCTIONAL PARAMETERS

Аннотация. В статье рассматривается текст как особая репрезентативная единица, характеризующаяся спецификой семантико-структурной и функциональной организации; исследуется когнитивный аспект структуриации и восприятия заложенной в тексте информации. Резюмируется, что смысловые, семантические и функциональные параметры художественного текста определяются многими факторами, главными из которых являются когниция и языковое сознание автора текста, сформированное системой национального языка.

Abstract. The article deals with the text as a special representational unit that is characterized by the specificity of semantic, structural and functional body. The article also studies the cognitive aspect of the structuration and perception of the information contained in a text. The author summarizes that notional, semantic and functional parameters of a literary text are defined by many factors, the main of which are cognition and linguistic consciousness of an author of a text. The linguistic consciousness is formed by the national language.

Ключевые слова: текст, семантика, прагматика, функциональность, языковое сознание, когниция, репрезентативное единство.

Key words: text, semantics, pragmatics, functionality, linguistic consciousness, cognition, representational unity.

При исследовании текста как репрезентативного единства семантико-функциональных параметров важное методологическое значение имеет концепция В.Ю. Копрова, в рамках которой постулируется весьма актуальный принцип нового подхода к сопоставительной типологии предложения: по мысли ученого, необходимо разграничивать взаимосвязанные аспекты описания **семантико-структурного устройства и функционирования** предложения (Копров 2010).

Особенно плодотворен такой подход при анализе художественного текста, когда особенности семантико-структурного устройства и функционирования предложения отражают специфику языковой личности – автора текста, выступающего одновременно носителем языковой культуры родного языка. В отечественной текстологии, в отличие от зарубежной, на лексикографическом уровне признается, что текст, прежде всего, представляет собой «последовательность вербальных (словесных) знаков» (ЛЭС 1990, с. 507); что правильность его построения обуславливается текстуальностью, под которой подразумевается целый ряд аспектов: это и внутренняя осмысленность, возможность адекватного восприятия, реализация соответствующих условий коммуникации и др.

Таким образом, перед читателем (реципиентом) стоит достаточно сложная проблема – необходимо найти свойства лица или предмета, взятого в некоторой ситуации, то есть реализовать процесс когнитивного осмысления. Г.И. Богин определяет этот процесс как процесс когнитивного понимания, как переход от «сырых» исходных данных к их осмысленному представлению (Богин 2001), которое не существует вне коммуникации. Когнитивное понимание, или когниция, обычно обозначает «познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственным-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком... Когниция есть проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира...» (Кубрякова 1997, с. 81). Смысл и семантико- pragmaticальные аспекты текста при его восприятии реципиентом формируются в опоре на языковые, энциклопедические и иллокутивные знания, на знания о номинативном факторе структуры предложения, что позволяет без труда определять семантические и функциональные доминанты фразы.

Важными вопросами теории текста и сегодня являются следующие: текст представляет собой самодостаточную сущность или нет; что такое энергетика текста; как соотносятся между собой номинативные и функциональные аспекты текстовой организации; что такое **структура, форма и тело** текста; какова роль творца текста в формировании когнитивного пространства реципиента; каковы главные когнитивные процессы, влияющие на механизмы текстопостроения, и т.п.

Так, Г.Г. Москальчук считает, что форму текста следует определять как универсалию, существующую в виде **метроритмической** аспектности текстовой организации. Она до продуцирования текста сливаются с первоначально смутным замыслом и предошущением цепного, а затем оказывается вписанной в готовый текст. Ритмическая матрица текста выполняет функцию настройки читателя, гармонизирует ритмы читателя и автора. С этой точки зрения структура текста является неосознаваемой **психосемиотической** реальностью, при этом можно обнаружить статистические параметры формы как бессознательно предпочитаемые способы структурной самоорганизации текста. Функционально- pragmaticальные особенности самого текста детерминированы небольшим набором определенных психофизиологических и физических возможностей человека. Г.Г. Москальчук определяет текст как открытую неравновесную систему, упорядоченность которой возникает и поддерживается благодаря постоянному притоку энергии извне, от человека. Ученый уточняет, что форма текста является результатом взаимодействия смыслопорождающей активности человека и презентативной функции языка: форма возникает на пересечении системы и среды как результат интегративного процесса (Москальчук 1998; 1999).

Для современного этапа развития когнитивной лингвистики очень актуальна позиция В.Ю. Копрова, определяющего предложение как **продукт когнитивной деятельности** (Копров 2010; 2016), наблюдения ученого о том, что «в экстралингвистической основе предложения лежит отраженная сознанием предметная ситуация и отображающая ситуацию общения психологическая предикация. При отражении той или иной **предметной ситуации** сознание, прежде всего, выделяет и создает образ **субстанции** (или образы нескольких субстанций – в зависимости от состава ситуации), которая является носителем какого-либо признака. Затем формируется образ **признака** данной субстанции или образ **отношения** между несколькими субстанциями» (Копров 2010, с. 27).

Безусловно, смысловые, семантические и функциональные параметры художественного текста зависят от многих факторов, главными из которых являются когниция и языковое сознание автора текста,

сформированное многоуровневой системой национального языка (см. Буянова 1999; 2003; 2010 и др.).

Именно человеческий фактор выступает одним из важнейших факторов художественной номинации, поскольку языковая техника призвана обеспечивать реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека. Художественный текст, таким образом, представляет собой уникальный репрезентативный образец и вариант особого **семантико-функционального единства**, так как его творец посредством языка выражает и отражает актуальные именно – и только – для него феномены и процессы собственной жизни. Воздействующая сила художественного текста в том и заключается, что он одновременно является собой картину жизни и другого человека, других людей в силу антропоцентрической субстанциональности языка.

В художественном тексте существенным когнитивным потенциалом отличаются все части речи, языковые репрезентанты которых активируют те или иные когнитивные структуры и осуществляют вербализацию авторского смысла и замысла. Имя существительное как особая когнитивно-сintаксическая единица занимает ключевую позицию в пространстве любого предложения, что обусловлено его функционально-прагматическими свойствами. Имя можно интерпретировать не только как прагматический знак, но и как знак языковой личности, которая также является и функциональной системой, а языковое сознание несет в себе отражение всех этапов ее онтогенетического формирования и развития, отраженного в слове. В этом плане исследование идиостиля любого писателя или поэта невозможно без обращения к проблеме номинации, так как именно выбор автором того или иного слова или типа фразовой номинации отражает специфику уникального мировидения творца текста и определяет эксклюзивность его идиостиля. В узком употреблении номинация понимается как обозначение предметов, лиц, явлений и т. п. с помощью отдельных слов и словосочетаний, выполняющих в предложении конкретную синтаксическую функцию.

Уникальная авторская картина мира формируется посредством всего многообразия типов предложений, частеречных структур и форм в процессе номинативной деятельности, причем каждая языковая единица является результатом тщательного отбора. Это обусловлено тем, что в тексте посредством вербальных знаков репрезентируются установки, мотивы, причины, интенции (побуждения) и опыт автора, его ассоциативно-смысловое пространство.

Есть все основания присоединиться к выводу В.Ю. Копрова о том, что «функциональная лингвистика объединяет несколько направле-

ний, каждое из которых располагает собственной теоретической базой, понятийным аппаратом, методикой анализа и практическими реализациями, охватывающими большой языковой материал. Прагматический характер функционализма создает своеобразный переход от теоретического изучения языка к его практическому использованию, поэтому это направление получает новое осмысление и развитие в рамках теории речевого общения, когнитивной лингвистики, типологии языков, лингвопрагматики, лингвистики текста, социолингвистики, психолингвистики, теории перевода» (Копров 2010, с. 2).

Литература

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику / Г.И. Богин. – Тверь, 2001. – 126 с.

Буянова Л.Ю. Языковая личность как текст: жизнь языка и язык жизни / Л.Ю. Буянова // Языковая личность: восприятие и воздействие языка и речи. – Краснодар: КубГУ, 1999. – С. 47–73.

Буянова Л.Ю. Художественный текст как пространство концептуализации мира: когнитивно-интерпретационный аспект / Л.Ю. Буянова // Русский язык и межкультурная коммуникация. – Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – С. 21–35.

Буянова Л.Ю. Художественный текст как индивидуально-авторское семиотическое пространство (на материале языка прозы А.И. Солженицына) / Л.Ю. Буянова // Язык. Личность. Культура: сб. науч. тр. – Краснодар: КубГУ, 2010. – С. 76–80.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в соотвлении с английским и венгерским: монография / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейникова, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1997. – 126 с.

Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста: монография / Г.Г. Москальчук. – Барнаул, 1998. – 156 с.

Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.Г. Москальчук. – Барнаул, 1999. – 32 с.

А.П. Василенко

A.P. Vassilenko

Брянский государственный университет

Bryansk State University

СОПОСТАВЛЕНИЕ РАЗНОЯЗЫКОВЫХ ФРАЗЕОСИСТЕМ:

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ АСПЕКТ

(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

COMPARISON OF MULTI-LANGUAGE PHRASEOSYSTEMS: A

RANGE CASE (BASED ON FRENCH AND ENGLISH)

Аннотация. Наблюдения за теорией и практикой сопоставления фразеологических систем разных языков позволяют сделать несколько субъективных выводов относительно общего характера организации самого сопоставления, а также отобразить, в частности, степень схожести в обозначении одного и того же явления фразеологизмами во французском и английском языках.

Abstract. Having observed the theory and the practice of idiomatic systems in comparison based on different languages we can allocate some of the subjective cases concerning the general organization of the comparison itself and make out, in particular, the degree of similarity for the same phenomena given by French and English idioms.

Ключевые слова: фразеологизм, тождество, эквивалент, соответствие, межъязыковой фразеологический параллелизм.

Key words: idiom, identity, equivalent, concordance, cross-linguistic phraseological parallelism.

Как показывают многочисленные разыскания, лингвистическое исследование будет неполным, если оно не выводится на уровень сопоставления рассматриваемых объектов за пределами родной языковой системы (см. об этом, например: (Капышева 2012; Копров 2016) и др.).

Как и среди других единиц языка, сопоставительный анализ во фразеологии имеет свои особенности, вытекающие из структурной вторичности (производности) самих фразеологических единиц. Необходимость учета данных первичных систем (систем-мотиваторов, явившихся стартовой площадкой для формирования внешнего / внутреннего оформления оборота, например: лексическая система, грамматическая, стилистическая и т.п.) придает сопоставлению многоступенчатый, усложненный характер.

В ходе сопоставления обычно прибегают к разным наименованиям того, что способно передавать идентичность явления искомого языка в языке сравниваемом. Среди наиболее распространенных формулировок можно назвать тождество, эквивалент и соответствие.

Тождество. При строгом подходе к этому термину говорят о совпадении, равенстве (тождестве) применимо к сопоставляемым фразеологическим фактам разных языков. Тем не менее, следует сказать следующее. Фразеологизм зарождается, живет и умирает в национально-культурном пространстве конкретного языкового сообщества и не может

не впитывать (а позднее – отражать) особенности жизненного уклада того народа, который этот фразеологизм порождает и использует в повседневном общении. Скорее всего, речь может идти не о тождестве (равенстве) как таковом, а об **относительном** тождестве, касающемся основных функциональных и семантических характеристик фразеологизмов в целом, а также их составляющих информационных блоков. Отсюда – некоторая приблизительность самого анализа и результатов оценки обработа с позиции его эмоционально-оценочной, мотивационной составляющей, нежели денотативного содержания. Но, опять-таки, тождество – это совпадающий (абсолютный) показатель при наложении друг на друга разноструктурных объектов. Сопоставление языков путем механического «наложения» фактов одного языка на факты другого кажется не совсем корректным в свете самобытного устройства каждого языка.

Эквивалент. Еще один термин из разряда ‘равнозначность’. В большей степени термин «эквивалент» связывается с субSTITУцией (подменой) интересуемого параметра в одном языке параметрами другого языка. Но, как и в предыдущей трактовке, нарушается целостность языкового и культурного единения отдельно взятых языков: одно понятие из одного языка механически подменяется другим понятием из другого языка как некоторое восполнение того, что должно каким-то образом быть восполнено. Скорее всего, речь идет не столько о факте наличия в языке, сколько о факте подходящего замещения одной языковой единицы другой единицей (или восполнения лакуны) при возникновении определенной речевой ситуации. Степень эквивалентности бывает разная.

Соответствие. Гармонический статус языковых объектов, согласование по каким-либо показателям. Соответствия определяются различной степенью наличия признаков, позволяющих сближать или удалять объекты.

Известен и такой термин – **межъязыковой фразеологический параллелизм** (Солодухо 2008, с. 34). Это не существование и соизмерение отдельно взятых единиц (это есть в языке 1, а есть ли такое в языке 2?), а возможность стороннего наблюдения за отдельно протекающими языковыми процессами без нарушения их личного пространства (это есть в языке 1, это есть в языке 2), взгляд со стороны, невмешательство.

Нельзя говорить о достоинствах либо недостатках формулирования одного термина в сравнении с другим, необходимо определить, прежде всего, характер научного разыскания с тем, чтобы правильно подобрать соответствующую понятийную базу. В любом случае следует безоговорочно принять мысль А.Д. Райхштейна о том, что взаимное соотнесение, сопоставление и противопоставление (или иное обозначение процесса – А.В.) единиц, форм, категорий и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого

из них, условие установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их систем и подсистем (Райхштейн 1980, с. 20).

В нашей статье мы ограничиваемся примерами сопоставления фразеологических единиц французского и английского языков с целью выявления степени сходства (тождества, совпадения) оборотов. Мы не будем специально делать выбор определенного термина – тождество, эквивалент, соответствие, параллель. Все эти термины достойны быть упомянутыми (потому мы используем их все сразу), а их беглое рассмотрение (а также умеренные критические соображения) выше можно лишь назвать методическим обзором известной теории межъязыкового сравнения, который, вероятно, не пройдет мимо взора пытливого исследователя.

Итак, тождество (эквивалентность) единиц сопоставляемых фразеологических систем устанавливается путем анализа их **аспектной соотнесенности**, т. е. соотнесенности компонентного состава и грамматической организации, и **функционально-смысловой соотнесенности**, т.е. соотнесенности семантического состава и дополнительных коннотаций в совокупном содержании сопоставляемых оборотов.

При сопоставлении необходимо учитывать также и количественный аспект – число эквивалентов у конкретных фразеологизмов, их сравнительную употребительность, удельный вес эквивалентов различного типа в составах сопоставляемых фразеологических микросистем (Райхштейн 1980, с. 24–25).

Э.М. Солодухо выделяет неэквивалентные и эквивалентные фразеологические соответствия. Эквивалентные фразеологические соответствия, в свою очередь, подразделяются на тождественные эквиваленты, характеризующиеся высокой степенью формального, семантического и стилистического сходства, прямые эквиваленты с полным или частичным семантико-стилистическим совпадением и синонимические эквиваленты, которым присуща логико-семантическая и стилистическая общность (Солодухо 2008, с. 21).

С количественной точки зрения между фразеологическими эквивалентами могут существовать соотношения:

- а) однозначного соответствия (когда фразеологизму одного языка соответствует один определенный фразеологизм другого языка), это моноэквиваленты (Кунин 1970, с. 67);
- б) неоднозначного соответствия (когда даже при наличии полного структурно-семантического эквивалента в одном или обоих языках существуют параллельные эквиваленты других типов (Райхштейн 1980, с. 33).

В исследуемый практический материал попадает около 3000 фразеологизмов французского и английского языков, при этом общий удельный вес фразеологических эквивалентов равен 18%. В ходе сопоставления были обнаружены два основных типа фразеологических соответствий: прямые эквиваленты и синонимические эквиваленты.

Прямые эквиваленты характеризуются сходством структурной организации, общностью значений и функций, например: англ. *the thread of Ariadne* (букв.: нить Ариадны) – франц. *le fil d'Ariadne* (букв.: нить Ариадны); англ. *pious fraud* (букв.: благочестивый обман – франц. *pieux mensonge* (букв.: набожная ложь); в русском языке – *святая ложь*; англ. *the corn of plenty* (букв.: рог изобилия) – франц. *la corne d'abondance* (букв.: рог изобилия).

Синонимические эквиваленты характеризуются содержательно-функциональным равенством, но не обладают структурно-типологическим сходством: англ. *the Lady of Babylon* (букв.: дама Вавилона) – франц. *la nacelle de Saint-Pierre* (букв.: лодка святого Пьера); так говорят о римско-католической церкви; англ. *private war* (букв.: частная война) – франц. *vengeance sanglante* (букв.: месть кровавая); англ. *God's Acre* (букв.: божий акр) – франц. *le champ des morts* (букв.: поле мертвых); так называют кладбище.

Можно говорить об определенном преобладании синонимических (функционально-смысловых) эквивалентов, ибо их удельный вес составляет около 56%.

Более детальный анализ соотнесенности обнаруженных фразеологизмов в сопоставляемых языках на основе метода, предложенного А.Д. Райхштейном, позволил выделить такие группы фразеологических эквивалентов, как:

а) полные структурно-семантические эквиваленты (удельный вес 21% от общего числа эквивалентов): англ. *the article of Faith* (букв.: статья веры) – франц. *l'article de foi* (букв.: статья веры); в русском языке – символ веры, догмат; англ. *the bird of Jove* (букв.: птица Юпитера) – франц. *l'oiseau de Jupiter* (букв.: птица Юпитера); так поэтически обозначают орла; англ. *the old Adam* (букв.: старый Адам) – франц. *le vieil Adam* (букв.: старый Адам) – о греховности человеческой натуры;

б) структурно-семантические эквиваленты с неполным структурно-синтаксическим тождеством (удельный вес 15%): англ. *the Judass Kiss* (букв.: Иуды поцелуй) – франц. *le baiser de Judas* (букв.: поцелуй Иуды); англ. *the Gordian Knot* (букв.: Гордиев узел) – франц. *le noeud gordien* (букв.: узел гордиев); англ. *black comedy* (букв.: черная комедия) – франц. *comédie noire* (букв.: комедия черная);

в) структурно-семантические эквиваленты с неполным лексическим тождеством (удельный вес 7%): англ. *a little god* (букв.: маленький бог)

– франц. *un bon dieu* (букв.: хороший бог); так говорят о кумире; англ. *tender age* (букв.: нежный возраст) – франц. *bel age* (букв.: хороший возраст); англ. *master of the situation* (букв.: хозяин положения) – франц. *homme de la situation* (букв.: хозяин положения).

Было отмечено несколько случаев идеографической синонимии эквивалентов, когда на фоне полного аспектного тождества обнаруживается различие в функционально-смысовых характеристиках фразеологизмов: англ. *old boy* (букв.: старый мальчик) – старый школьный товарищ, франц. *vieux garçon* (букв.: старый мальчик) – старый холостяк; англ. *bad blood* (букв.: плохая кровь) – вражда, рознь; франц. *mauvais sang* (плохая кровь) – негодяй; англ. *beau ideal* (образец совершенства) – идеал, совершенство; франц. *beau idéal* (красивый идеал) – совершенная красота.

Обширный пласт фразеологизмов французского языка имеет однозначные соответствия в английском языке (удельный вес подобных оборотов составляет 43%): англ. *the lion's mouth* (букв.: львиный рот) – франц. *gueule de loup* (букв.: глотка волка) – о неминуемой погибели, опасном месте; англ. *useless mouth* (букв.: бесполезный рот) – франц. *bouche inutile* (рот бесполезный); в русском языке – *лишний рот*.

Не менее значительна и группа фразеологизмов, имеющих параллельные соответствия (эквиваленты) разных типов (неполные структурно-семантические и особенно функционально-смысовые):

золотая середина	
английский язык	французский язык
<i>the golden mean</i> (букв.: золотое значение)	
<i>the happy mean</i> (букв.: счастливое значение)	<i>le juste milieu</i>
<i>the happy medium</i> (букв.: счастливая середина)	(букв.: правильная середина)
<i>a middle ground</i> (букв.: средняя земля)	
<i>a half-way house</i> (букв.: полпути дом)	

особа легкого поведения	
английский язык	французский язык
	<i>femme galante</i> (букв.: женщина любезная)
	<i>femme aux talons ronds</i> (букв.: женщина на каблуках круглых)
<i>a lady of easy virtue</i> (букв.: дама легкой добродетели)	<i>femme facile</i> (букв.: женщина легкая)
	<i>femme de petite vertu</i> (букв.: женщина маленькой добродетели)
	<i>femme de composition facile</i> (женщина состава легкого)

<i>тертый калач, стреляный воробей</i>	
английский язык	французский язык
<i>up to snuff</i> (букв.: наверх к нюхательному табаку)	<i>un vieux routier</i> (букв.: старый воин)
<i>a deep file</i> (букв.: глубокий ручей)	<i>un vieux lapin</i> (букв.: старый кролик)
<i>an old fox</i> (букв.: старый лис)	<i>un vieux loup</i> (букв.: старый волк)
<i>an old haud</i> (букв.: старая могила)	<i>un fin matois</i> (букв.: старый хитрец)
<i>an old campaigner</i> (букв.: старый служака)	<i>un vieux reotre</i> (букв.: старый солдатфон)

В сопоставлении фразеологических систем разных языков немалая роль может отводиться номенклатурной стороне дела: как корабль назовешь, так он и поплывет. Именно архитектоника наименования исследования в немалой степени определяет само научное разыскание: выбор того или иного термина, его сочетаемость и уместность, характер синтаксического следования компонентов наименования, наконец, соответствие заголовочного текста и содержания самой работы.

В ходе сопоставления фразеологических систем французского и английского языков можно говорить о том, что степень материального тождества систем невелика: это подтверждается невысоким удельным весом межъязыковых французско-английских фразеологических соответствий (17%).

Национальная специфика сопоставляемых фразеологических систем находит свое отражение и в несомненном преобладании частичных фразеологических эквивалентов над полными. Низкий процент полных структурно-семантических фразеологических эквивалентов, преобладание структурно-семантических эквивалентов с неполным тождеством лексического и структурно-синтаксического аспекта дает основание утверждать, что для фразеологических систем французского и английского языков структурно-типологическое сходство нетипично.

Вместе с тем определенная степень общности социальных отношений, исторического развития в целом, характерная для носителей всех европейских языков, проявляется в существовании в обоих языках довольно значительной группы синонимических (функционально-смысловых) фразеологических эквивалентов.

Литература

Капышева Г.К. Структурно-типологический подход в исследовании фразеологии: монография / Г.К. Капышева. – Усть-Каменогорск, 2012. – 149 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Кунин А.В. Английская фразеология: теоретический курс / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. – 142 с.

Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения / Э.М. Солодухо. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 304 с.

Гаврилкина Т.Ю.
Gavrilkina T.Yu.

Астраханский государственный университет
Astrakhan State University

**ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ: ВЫБОР ГОВОРЯЩЕГО
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ**

ЖИТЕЛЕЙ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

TOPONYMIC DERIVATES: THE SPEAKER'S CHOICE

(ON THE MATERIAL OF RESIDENTS' NAMES

OF THE ASTRAKHAN REGION)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образования и употребления названий жителей Астраханской области. Материалом для исследования патронимов послужил «Электронный словарь названий жителей Астраханской области», размещенный на Научно-образовательном портале русского языка «Ярус».

Abstract. Features of formation and using of residents' names of the Astrakhan region are considered in the article. The Electronic dictionary of residents' names of the Astrakhan region placed on The Scientific and Educational Portal of Russian «Yarus» was used as a material for the research of patronymics.

Ключевые слова: дериват, патронимы, топонимы, ойконимы, варианты патронимов, омонимия патронимов.

Keywords: derivate, pathronyms, toponyms, oiconyms, variants of pathronyms, homonymy of pathronyms.

Для номинации места рождения и / или проживания человека в русском языке имеется несколько способов (Городецкая 2003): описательные конструкции (*Я из Астрахани; Они волгоградские жители*), субстантивированные прилагательные (*Мы из саратовских*), оттопонимические субстантивные дериваты (*Он ставрополец*). Что касается выбора каждого из этих способов в процессе коммуникации, то он «<...> обусловлен ситуацией, языковым стилем. Каждый из этих способов правомерен на своем месте» (Указ. соч., с. 3). Наибольший интерес представляет именно последний из вышеперечисленных способов, поскольку он связан с наиболее сложными процессами «отсобственного» словообразования.

Оттопонимические дериваты – прилагательные либо существительные – составили словарь многих лексикографических произведений. Авторским коллективом Астраханского государственного университета впервые был создан словарь патронимов, образованных от ойкони-

мов Астраханской области (регион имеет около 500 населенных пунктов). Источниками Электронного словаря названий жителей (<http://yarus.asu.edu.ru/?id=437>), размещенного на Научно-образовательном портале русского языка «Ярус» (<http://yarus.asu.edu.ru/>), послужили опросы сельских жителей, а также районные и городские газеты, электронные СМИ. Анализ материалов словаря позволил нам выявить несколько особенностей производства патронимов Астраханской области.

1. По употребительности родо-числовую парадигму форм патронимов можно представить следующим образом: «множественное число > единственное число мужского рода > единственное число женского рода»¹. По наблюдениям многих дериватологов, формы множественного числа патронимов в значительной мере преобладают над формами единственного числа. Как указывает И.С. Моисеева, «такие различия связаны с тем, что формы множественного числа информативно достаточны для идентифицирующего обозначения соответствующих групп людей. <...> Формы единственного числа высокой идентифицирующей достаточностью не обладают и поэтому используются обычно в синтаксических позициях сказуемого, приложения <...>, то есть в широком смысле – в роли предикативов (характеризующих лицо), а не идентифицирующих обозначений» (Моисеева 2011, с. 201).

В отличие от многих других словарей, в словарях названий жителей форма множественного числа, как правило, дается как начальная, исходная. Подобное доминирование наблюдается и в анализируемом словаре. Так, нами зафиксированы формы только множественного числа от названий населенных пунктов *Ушаковка (ушаковцы)*, *Солодники (солодниковцы)*, *Грачи (грачовцы)*, *Покровка (покровчане)*, *Басы (басинцы)*, *Хожстаевка (хожстаевцы)* и многих других. В печатных источниках формы множественного числа также более частотны, чем формы единственного (мужского и / или женского рода): *Первое место заняли ребята из Ступино, на втором – юные биологи из Вязовки, третье поделили каменоярцы и зубовицы* (Черноярский вестник «Волжанка». – № 28. – 09.04.2004). *В подовской зоне вне конкуренции были соленозаймищенцы* (Черноярский вестник «Волжанка». – № 36. – 10.05.2006). Как представляется, говорящие, предпочитая использование в речи формы множественного числа того или иного патронима, тем самым демонстрируют первостепенность номинации жителей как единой группы, проживающей на определенной территории.

2. Формы единственного числа мужского рода по сравнению с формами множественного характеризуются меньшей частотностью об-

¹ Для характеристики преобладания данных форм в речи мы воспользовались математическим знаком > «больше».

разования. По нашим наблюдениям, производящими для подобных дериватов, как правило, служат однословные ойконимы: *Знаменск – знаменец*, *Султаново – султановец*, *Кировский – кировчанин*, *Камардан – камарданец* и т. д. Употребительность таких форм также невысока: *Среди них и Кусанов Айткали – наши земляк, султановец* (Заря Каспия. – № 32. – 22.04.2005). Когда в колхозе «*Красный чулпановец*» решили сворачивать животноводческую отрасль, *Борис Семенович купил в этом хозяйстве пару коров, положив тогда начало собственной миниферме* (Астраханские известия. – № 28. – 13.07.2006).

Формы единственного числа женского рода патронимов являются наименее используемыми, что, по замечанию авторов словаря-справочника «Русские названия жителей», является «парадоксом современного оттопонимического словоизводства» (Городецкая 2003, с. 9). Причинами единичного образования феминативов, как видится, являются морфонологические явления, которые могут привести к неблагозвучности (*Черемуха – черемухинец – *черемухинка*, *Сероглазово – сероглазовчанин – *сероглазовчанка*, *Маячное – маячненец – *маячненка*), омонимия потенциальных дериватов с географическими названиями (*Старокучергановка – старокучергановец – *старокучергановка*, *Трехизбинка – трехизбинец – *трехизбинка*), а также «разговорный характер» феминативов. В речи употребление форм единственного числа женского рода патронимов единичны: *Евдокии Трофимовне Поповой 86 лет, она харабалинка, жила одна в своем домике, содержать который в зимнее время ей не под силу* (Харабалинские вести. – № 2. – 06.01.2001).

3. Наиболее продуктивными суффиксами в образовании патронимов Астраханской области выступают *-ец* (*Алгаза – алгазинец*, *Блиново – блиновец*, *Промысловка – промысловец*) и *-анин / -янин* (*Тамбовка – тамбовчанин*, *Бирюковка – бирюковчанин*). Немногочисленны случаи образования оттопонимических дериватов при помощи нулевого суффикса¹, (*Хошеутово – (хошеут)* – *хошеуты*, *Камызяк – (камызяк)* – *камызяки*), суффикса *-ач-* (*Тишково – тишкач*, *Сергиеvка – сергач*). Патронимические феминативы в преобладающем большинстве случаев создаются при помощи суффикса *-к(а)*, кореллирующего с суффиксом *-ец*: *Бахтемир – бахтемирец – бахтемирка*, *Алтынжар – алтынжарец – алтынжарка*. Если ойконим включает в себя более одного слова, то патронимы, как правило, образуются сложносуффиксальным способом²: *Капустин Яр – капустиноярец*, *Осыпной Бугор – осыпнобугорец*, *Кривой Бузан – кривобузанец*.

¹ Формы единственного числа мужского рода нами не зафиксированы.

² Иногда дериват образуется только от части двусловного ойконима, например: *Татарская Башмаковка – башмаковцы*.

4. Нами выявлены случаи вариантности патронимов: *Бирючья Коса* – *биркосинцы, бирючекосинцы, бирючекосинцы; Золотуха* – *золотухинцы, золотушинцы; Николо-Комаровка* – *николокомаровцы, николокомаровцы; Трудфронт* – *трудфронтовцы, трудфронтцы, трудфронтненцы* и др. Печатные источники свидетельствуют о том, что из существующих вариантов чаще всего выбирается наиболее простой в написании и произношении (берется в расчет длина слова, его благозвучность и пр.): *Крупная победа трудфронтовцев* (заголовок) (Северо-Каспийская правда. – № 71. – 13.09.2005).

5. Совпадение производящих основ приводит к появлению омонимичных патронимов, например: *алексеевцы¹* (*Алексеевка* – Камызякский район) и *алексеевцы²* (*Алексеевка* – Володарский район); *барановцы¹* (*Барановка* – Черноярский район), *барановцы²* (*Барановка* – Наримановский район), *барановцы³* (*Барановка* – Красноярский район) и *барановцы⁴* (*Барановка* – Володарский район); *грачовцы¹* (*Грачи* – Енотаевский район) и *грачовцы²* (*Грачи* – Ахтубинский район).

В данной статье рассматривались вариативность оттопонимических дериватов – названий жителей Астраханской области, продуктивность / непродуктивность моделей образования патронимов, степень употребительности форм рода и числа подобных дериватов, явление омонимии патронимов. Мы определили, что на выбор говорящего влияют следующие факторы: стиль общения, употребительность / неупотребительность той или иной формы в населенном пункте, благозвучность патронимов и др.

Случай необразования патронимов от ойконимов, возможные причины такого «нулевого» оттопонимического словоизводства, деривационный потенциал данной субкатегории лица – эти и другие аспекты представляют перспективы дальнейшего исследования производства патронимов от ойконимов Астраханской области.

Литература

Городецкая И.Л. Русские названия жителей: Словарь-справочник: Более 14 000 назв. / И.Л. Городецкая, Е.А. Левашов; Под. ред. Е.А. Левашова. – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 363 с.

Моисеева И.С. Патронимический потенциал ойконимов (на материале Пензенской области) / И.С. Моисеева // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 199–202.

Гришаева Л.И.
Grishaeva L.I.

Воронежский государственный университет
Voronezh State University

**НАСКОЛЬКО ОРГАНИЗОВАН ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТОК В
МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ?**
**HOW IS THE INFORMATION FLOW IN THE MEDIA LANDSCAPE
ORGANIZED?**

Аннотация. В статье обсуждаются доводы в пользу того, что в актуальном медиапространстве информационный поток организован в семантическом и синтаксическом отношениях. Эта интерпретация позволяет предположить наличие новых коммуникативных образований, более сложных, чем текст. Эти образования являются обозначениями медиасобытий и обладают разнородными характеристиками, выявляемыми по когнитивным, коммуникативным, структурно-языковым, функциональным основаниям.

Abstract. The paper offers a rationale for the idea that modern media landscape is semantically and syntactically structured. This approach allows for arguing that there exist new communicative phenomena, which are more complex than texts. These phenomena designate media events and possess various features. The description of these features can be done according to cognitive, communicative, linguistic and functional principles.

Ключевые слова: организация текста, обозначение медиасобытия, принципы членения информационного потока.

Key words: text organization, designation of media event, principles of segmentation of the information flow.

В данной статье в фокусе обсуждения находятся соображения относительно макросемантической и макросинтаксической организации информационного потока в медиапространстве. Выражаясь иначе, высказанное положение целесообразно сформулировать как гипотезу о существовании / формировании в дискурсе коммуникативных образований, более сложно организованных в семантическом и синтаксическом отношении, чем текст или гипертекст.

В этой связи необходимо в качестве заметки на полях подчеркнуть, что в обозначенном контексте приходится отказаться от детального анализа различных точек зрения на предмет обсуждения. По той же причине за скобки сознательно выносится разбор эмпирического материала, поскольку соответствующее описание языковых средств, функционирующих в медиапространстве, имеется в других работах. Результаты этого комплексного многоаспектного анализа положены в основу сформулированной выше гипотезы. Поэтому делаются сноски на публикации, в которых присутствует как анализ теоретических положений, относящийся к сфере ответственности теории текста, так и описание эмпирического материала. С этой точки зрения рассуждения в этой

статье можно интерпретировать как продолжение размышлений, подробно изложенных в публикациях (Гришаева 2013; 2014; 2015; 2016).

Предложенный ракурс дискуссии обусловлен, во-первых, совокупностью разнородных фактов, имеющих место в актуальном медиадискурсе как в отдельных лингвокультурных пространствах, так и в медиадискурсе в целом, который можно было бы охарактеризовать как глобальное медиапространство. Примеры сказанному даже не надо приводить, так как они на слуху, достаточно напомнить о массиве публикаций о так называемой российской угрозе, об агрессии русских, о российском президенте, которому приписываются просто сверхчеловеческие способности и навыки. В этой связи важно упомянуть очевидное тематическое единство публикаций в самых разных медиаресурсах, многочисленные – нередко дословные – повторы (тематические, лексико-семантические, синтаксические, синонимичные и др.), идентичность концептуальных метафор в разных лингвокультурных пространствах, тождество перспективизации при осмыслиении сообщаемых в публикациях сведений, структурирование сообщаемых сведений и расстановку акцентов в медийной повестке дня и т. д.

Во-вторых, комплексное междисциплинарное исследование совокупности тематически связанных текстов об инокультурной реальности позволило выявить новое коммуникативное образование – совокупность текстов, существующую в дискурсе довольно длительное время как тематическое, функциональное, интенциональное единство, – и, доказав правомерность этой трактовки, описать прежде всего лингвистическими приемами и методами принципы организации этой совокупности (см. подробнее в (Гришаева 2014; 2015; 2016)).

В-третьих, многочисленные труды по проблемам теории текста, широко известные лингвистической аудитории, свидетельствуют о высокой объяснительной силе текстограмматических приемов анализа разнородных закономерностей, лежащих в основе порождения, восприятия и бытования в культуре текстов разных типов (см., например, обобщения и ссылки на специальную литературу в (Гришаева 2013; 2014; 2015)).

Упомянутые выше соображения весьма значимы, поскольку в современных грамматических – и иных лингвистических – исследований в фокусе анализа находится текст, закономерно организованный по разным основаниям: семантическим / содержательным, функциональным, синтаксическим, тематическим, интенциональным. Изучение принципов организации текста позволило получить дифференцированное знание не только о грамматически значимых свойствах текста как коммуникативного образования, в основе порождения которого лежат существенные для носителей языка и культуры закономерности разной

этиологии, но и о принципах организации взаимодействия между коммуникантами в тех или иных коммуникативных условиях.

Сформулированная выше гипотеза, естественно, нуждается в верификации, однако, опираясь на уже названные и давно выявленные разными исследователями закономерности организации текста, много-кратно описанные на разнообразном в структурном и лингвокультурном отношении эмпирическом материале, можно охарактеризовать основные направления верификации высказанной гипотезы, исчисляемые прежде всего дедуктивно:

единицей анализа глобального медиапространства следует признать совокупность культурно специфических совокупностей тематически связанных медиатекстов, бытующих в отдельных языковых культурах;

объект анализа – принципы организации (тематической, макро- и микросемантической, макро- и микросинтаксической, функциональной) подобных текстовых совокупностей;

предмет анализа – причины тождества в организации информационного потока в глобальном медиапространстве;

способы анализа – текстолингвистические и дискурсивные приемы и методы / методики, которые могут быть по-разному аранжированы в зависимости от фокуса исследования.

Рассуждая о способах и приемах верификации сформулированной выше гипотезы при постулировании нового коммуникативного образования в медиапространстве, необходимо принимать во внимание и такие параметры анализа, как (1) особенности медиатекстов как таковых, (2) процессы, в результате которых формируются множества / комплексы медиатекстов разной текстотипологической принадлежности с разной степенью семиотической гетерогенности / гомогенности, а также (3) различия между предполагаемыми совокупностями совокупностей и традиционными для виртуального пространства гипертекстами.

Необходимо также заметить, что для гипертекстов в ставшем традиционным смысле характерны связи, которые правомерно назвать единичными, если не случайными, поскольку такие связи обусловлены когнитивными и коммуникативными потребностями конкретного субъекта коммуникации в конкретных коммуникативных условиях. Другими словами, семантическая и синтаксическая структура гипертекста индивидуальна и привязана к коммуникации здесь и сейчас, несмотря на множественность выбора коммуникантами из потенциально возможных связей между отдельными блоками и / или текстами, уже имеющимися в виртуальном пространстве, т. е. заданными другими субъектами.

Постулируемые на данном этапе исследования структуры информационного потока новые коммуникативные образования как совокупности медиатекстов основываются на иных основаниях, хотя в вирту-

альном пространстве существуют многочисленные гиперссылки, позволяющие порождать разные гипертексты в традиционном смысле.

Для совокупности медиатекстов, тематически связанных между собой, свойственны регулярность связей, диалектика коллективного и индивидуального при порождении этих текстов, особая роль коллективного знания, в особенности знания, содержащегося в стереотипах. Поэтому особую значимость при анализе такого рода совокупностей текстов имеют когнитивные и содержательные основания (см. подробнее в (Гришаева 2014)).

Думается, что самыми главными характеристиками в обсуждаемом контексте следует назвать межтекстовые связи. Необходимо подчеркнуть при этом, что термин «межтекстовые связи» нельзя признать синонимичным термину «интэртекстуальные связи». Такое решение обусловлено тем, что за последним термином в специальной литературе закрепилось специфическое понимание, согласно чему имеются в виду содержательные связи между порождаемым в новых условиях текстом и уже бытовавшим / бытующим в языковой культуре текстом, независимо от того, какими способами осуществляется интэртекстуальная связь. Эти связи активизируются самыми разными способами, но они базируются главным образом на содержательной основе (см. более подробную аргументацию соответствующего разграничения в (Указ. соч., 2014)).

Несколько иначе дело обстоит с внутри- и межтекстовыми связями.

Контактные и дистантные внутритекстовые связи устанавливаются между текстами, сверхфразовыми единствами, отдельными лексемами разной морфологической (словообразовательной) структуры, морфологическими формами, синтаксическими структурами, стилистическими фигурами, компонентами словообразовательных структур и т.д. в пределах одного текста как семантического, синтаксического, функционального, интенционального единства. Основаниями для установления внутритекстовых связей могут быть характер тематической прогрессии, идентичность референта, морфологическая семантика, синтаксическая семантика, словообразовательная семантика, лексическая семантика, логическая семантика, реализация / нереализация валентных свойств, сочетательные потенции единиц, структурные связи (управление, примыкание, согласование), функции отдельных стилистических фигур, знание о мире, выводное знание и др. Плотность и конфигурация внутритекстовых связей свойственна каждому конкретному тексту, однако эти характеристики не влияют, очевидно, на конституирование совокупности текстов как таковой. Они помогают однако вычленять текст из совокупности.

Контактные и дистантные межтекстовые связи устанавливаются между отдельными текстами, образующими некоторую совокупность.

Межтекстовые связи в текстовом множестве прослеживаются по самым разным основаниям, например, по сугубо грамматическим (см. анализ конкретного материала в (Гришаева 2015)). Однако более значимы межтекстовые связи, выявляемые по тематическим, логическим, композиционным, сюжетным, а также понятийным и иным связям из разных концептуальных сфер. Несомненно, особую роль играют при этом когнитивная структура медиасобытия, именуемого совокупностью медиатекстов, а также выводное знание и в целом знание о мире.

Для анализа межтекстовых связей необходимо учитывать ряд весьма важных параметров, в частности их сферу бытования, способы порождения гипертекстов, характер межтекстовых связей и др. Сферой бытования межтекстовых связей следует признать медиапространство, охватываемое тематически связанными медиатекстами. По своему характеру эти связи являются дистантными, и в отличие от гипертекстов, для возникновения которых катафорические связи наиболее значимы, в совокупности текстов выявляются как катафорические, так и анафорические связи. Степень их значимости для конституирования совокупности необходимо выявлять через изучение разнородного эмпирического материала. Результат реализации межтекстовых связей – совокупность / комплекс текстов, связанных друг с другом с большей или меньшей степенью очевидности для реципиента и / или исследователя.

Конфигурация межтекстовых связей существенно зависит от когнитивной структуры события, обозначаемого совокупностью разнообразных текстов в одной или в нескольких языковых культурах. Например, событие «выборы» обязательно будет содержать такие компоненты, как *кандидат* (*фаворит, аутсайдеры*), *программа* кандидатов, *акции* кандидатов, характеристики и реакции *избирателя* (*сторонники, противники, неопределившиеся*). (См. подробный анализ в (Гришаева 2014)). Поэтому в совокупности медиатекстов имеет место сложное и, по всей вероятности, уникальное переплетение номинативных, коннотативных, акциональных цепочек через наличие общих звеньев в этих цепочках, поскольку объекты номинации в текстах, входящих в совокупность, одинаковы по типу, хотя основания и статус звеньев упомянутых цепочек могут быть абсолютно различными.

Постулирование нового для лингвистического описания синтаксического коммуникативного образования вполне вписывается в грамматическую логику. Согласно последней, грамматика описывает в семантическом, синтаксическом, формально-структурном, функциональном отношениях такие коммуникативные образования, как элементарное предложение, сложное предложение, сверхфразовое единство, текст определенного типа. Предлагается также вычленять макрокомпонент (Гришаева 2013); причем сверхфразовое единство определяется через

один тип тема-рематической прогрессии как совокупность текстом (т. е. предложений, привязанных содержательно и структурно к конкретным текстовым условиям), а в макрокомпоненте реализуется несколько типов тема-рематической прогрессии, и он представляет собой совокупность сверхфразовых единств. С этой точки зрения текст – это совокупность макрокомпонентов. В таком контексте предлагаемая синтаксическая (коммуникативная) единица является иерархически более высокой по отношению к другим, и ее членение дает коммуникативную единицу менее сложную, хотя и обладающую, как и все другие коммуникативные единицы, такими свойствами, как функциональное, коммуникативное, содержательное, интенциональное, структурное единство.

Для характеристики постулируемых совокупностей текстов чрезвычайно интересно описать разные типы внутри- и межтекстовых связей. Их типологию можно строить по содержательному или структурному (точнее, по макросинтаксическому), а также функциональному основанию. Важен также характер связей, причем для описания совокупности текстов необходимо учитывать, что в пределах совокупности межтекстовые связи предсказуемы (поскольку все тексты именуют один и тот же объект номинации, например, одно событие), в силу этого довольно регулярны, мотивированы, поскольку связаны с сущностью обозначаемого феномена, а также обусловлены типом идентичности субъекта познания и коммуникации, порождающего и воспринимающего соответствующие тексты.

Механизмы активизации межтекстовых связей в медиапространстве также заслуживают внимания в обсуждаемом контексте, причем эти механизмы исчисляемы. Представляется, что наиболее значимы аллюзия, апелляция к прецедентным феноменам, перефразирование, концептуальная метафора, активизация содержания прямых и переносных авто- и гетеростереотипов, инвариант типа текста. Это обусловлено тем, что соответствующие механизмы активизируют знание, разделяемое всеми носителями языка и культуры.

Для организации совокупности / множества текстов особую роль играет структура объекта номинации, прежде всего медиасобытия, поскольку именно она структурирует и политическую, и медийную агенту. Именно межтекстовые связи организуют / структурируют совокупность текстов как таковую, по ним коммуниканты (а также исследователь) могут реконструировать, как отдельные фазы события сочленяются в единое целое. Естественно, что межтекстовые связи тесно переплетаются с внутритекстовыми. Следует учитывать, что сущность внутри- и межтекстовых связей генетически идентична, так как они конституируют текстуальность. По этой причине не удивительно, что типология внутри- и межтекстовых связей может строиться на частич-

но идентичных основаниях. Для разных коммуникативных пространств конфигурация внутри- и межтекстовых связей, вне всякого сомнения, различна, несмотря на тождество факторов, внешних и / или внутренних по отношению к тексту или множеству текстов, как при порождении, так и при рецепции соответствующих текстов.

Таким образом, в качестве вывода из приведенных рассуждений можно сформулировать ряд обобщений, верификация которых через анализ разнородного эмпирического материала позволит расширить сферу приложения теории текста и повысить объяснительную силу этой теории.

Предлагается описывать в качестве нового средства обозначения для объекта номинации «событие (в его развитии)» совокупность медиатекстов, т. к. совокупность текстов последовательно именует отдельные фазы одного события, хотя и с разной степенью детализации обозначаемых сведений о мире и с разной перспективой при концептуализации и категоризации этих сведений в тех или иных коммуникативных условиях.

Эта совокупность текстов порождается в разных медиаресурсах (газета, радио, телевидение, интернет и др.) и бытует либо в одной языковой культуре, либо в нескольких культурах, либо в глобальном медиапространстве в целом. Поэтому коммуниканты, обращающиеся к тем или иным медиаресурсам, чтобы получить сведения о том или ином медиасобытии, имеют в конечном счете нетождественные сведения о событии уже в силу различий отдельных способов членения информационного потока, имманентного конкретному медиаресурсу.

Когнитивным стержнем для вычленения постулируемого коммуникативного образования из медиапространства и / или информационного потока в целом является структура события того или иного типа.

Это позволяет постулировать новую для лингвистического описания коммуникативную (синтаксическую) единицу с определенными лингвистически верифицируемыми принципами содержательной, формальной, функциональной организации – совокупность / множество текстов.

Совокупность медиатекстов как обозначение медиасобытия может бытовать как в одной языковой культуре, так и в разных языковых культурах. Совокупность медиатекстов складывается из текстов разного типа (интервью, сообщение, комментарий, фельетон, репортаж и т. д.), которые порождаются разными субъектами с различной личностной идентичностью, с разными целями и в коммуникативных ситуациях, характеризующихся разным соотношением внутритекстовых и внетсяковых условий. Длительность бытования совокупности текстов, а также степень детализации при обозначении отдельных фаз номинируемого события обусловлены степенью значимости медиасобы-

тия как в конкретной языковой культуре, так и в глобальном медиапространстве, а также местом этого события в актуальной медийной, публичной, политической агенде для глобального и / или конкретного лингвокультурного пространства.

Определение маркеров, позволяющих выявить совокупность / множество текстов как «вербализаторов» события, тесно связано с дифференциацией сферы функционирования текстограмматических механизмов вербализации.

Способы организации совокупности медиатекстов позволяют выявить важные и интересные закономерности, в частности структуру медиасобытия, способы вербализации этого события в разных культурах и / или субкультурах, когнитивную основу для структурирования медийной аганды в конкретной языковой культуре и в известных условиях. Возможно также изучать способы структурирования медиасобытия в медиадискурсе, принципы членения информационного потока, исчислить признаки коллективной идентичности коллективного субъекта познания и коммуникации при использовании коммуникантами того или иного языка, выявить конфигурацию признаков, входящих в структуру коллективной идентичности, принципы структурирования информационного потока в целом и т. д.

Возможность получения нового, лингвистически значимого, знания основывается на том, что тексты, образующие совокупность в медиапространстве, апеллируют к носителям коллективной идентичности, к коллективному субъекту с опорой на знания, разделяемые всеми носителями конкретной языковой культуры, как при порождении, так и при рецепции медиатекстов.

Литература

Гришаева Л.И. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов : учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten / Л.И. Гришаева. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 2-е изд., исп. и доп. – 400 с.

Гришаева Л.И. Парадоксы медиалингвистики / Л.И. Гришаева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.

Гришаева Л.И. Внутри- и межтекстовые связи как средство конструирования аксиологического фона в медиасреде / Л.И. Гришаева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 13. – Орел, 2015. – С. 27–63.

Гришаева Л.И. Комплекс медиатекстов как особое текстосинтаксическое образование? / Л.И. Гришаева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Мат-лы докладов 8 международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» 25–26 февраля 2016 года. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – С. 48–55.

Ипполитов О.О.

Ippolitov O.O.

Автомобильно-транспортный институт (Воронеж)

Automobile transport Institute (Voronezh)

**ЧАСТНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРУКТУРЕ И ТРАНСЛЯЦИИ
КОГНИТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «РАСПОРЯЖЕНИЕ» КАК
ЭЛЕМЕНТЕ «ЖИЗНЕННОГО ПУТИ-ДОРОГИ» И ЕГО АНАЛИЗЕ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**
**SOME OBSERVATIONS ABOUT STRUCTURE AND TRANSLATION
OF COGNITIVE OBJECT "DISPOSITION" AND ITS ANALYSIS
ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Аннотация. В данной статье приводятся некоторые наблюдения об особенностях структуры и трансляции когнитивного образования «Распоряжение». Оно является важным элементом концепта «Жизненный путь-дорога». В работе приводятся примеры использования этого образования на уроках русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения. Даются некоторые примеры оптимального поведения начальников и подчиненных в неоднозначных ситуациях. Материал статьи адресован педагогам и научным работникам.

Abstract. This article presents some observations about the peculiarities of the structure and translation of the cognitive element "Disposition". It is an important element of the concept "The life's way". The article gives examples of the use of this item on the lessons of Russian as a foreign language at an advanced stage of training. Some examples of optimal behavior of superiors and subordinates in ambiguous situations are given. The text is addressed to teachers and researchers.

Ключевые слова: когнитология, когнитивная лингвистика, семантико-функциональная грамматика, концепты, концептосфера, жизненный путь-дорога.

Keywords: cognitology, cognitive linguistics, semantic-functional grammar, concepts, conceptual sphere, life's way.

*Власть — это ответственность за дело,
которое ты выполняешь. И за людей,
которые отданы в твоё подчинение.*

Г. Дойников. Возвращение «Варяга»

Всю свою сознательную жизнь человек взаимодействует со множеством различных событий, явлений и объектов, которые в определенных случаях могут группироваться в его сознании особым образом, формируя, в свою очередь, новые представления. И если для носителя сознания такие группировки или продуцируемые ими представления отражают сложные, неоднозначные положения дел, разрешаемые только путем отдачи наиболее целесообразного на представляемый момент распоряжения начальника, то сложившаяся подобным образом обстановка активизирует в его сознании когнитивные образования командно-административного плана, в том числе и индивидуально обусловленные.

ленные партиции концепта «распоряжение» – как в варианте формирования подобной ситуации (отдачи распоряжения) самим носителем сознания, так и в варианте восприятия ее (получения распоряжения) от внешних объектов.

Анализом представлений тех или иных объектов в человеческом сознании занимаются многие науки, среди которых одно из важнейших мест занимают семантико-функциональная грамматика и когнитивная лингвистика (см., напр., (Копров 2010; 2016; Попова 2007; Ипполитов 2003; 2008; 2012) и др.). В ее рамках на языковом материале исследуются категории, концепты, их партиции и другие когнитивные образования, представляющие собой элементы индивидуальных, групповых и национальных концептосфер.

Концепт «распоряжение» занимает важное место в человеческом сознании, и его положение в нем зависит от ряда факторов личностно-обусловленного и социально-обусловленного характера.

В человеческом сознании отношение к распоряжениям дуалистично – носитель сознания (достигший возраста социальной зрелости) в повседневной практике постоянно оказывается в ситуации как получения распоряжений (объектная ситуация), так и их отдачи (субъектная ситуация). Также неоднозначно и его отношение к факту исполнения распоряжений – от разного рода вполне вероятных сомнений и негативных эмоций в объектной ситуации до требований неукоснительного и своевременного исполнения в субъектной.

Для решения общепедагогических задач образовательного процесса представляется целесообразным рассмотрение ситуаций отдачи и получения распоряжений подчиненными на занятиях по русскому языку (в том числе и с иностранными учащимися, для которых, вследствие неизбежных социокультурных и лингвокультурных различий, данный материал является особенно важным) на материале различного рода мемуарно-художественных произведений, написанных бывшими ответственными работниками. Для данной работы весьма продуктивным представляется, в частности, использование фрагментов популярного романа полковника, профессора Ильи Григорьевича Старинова «Мины ждут своего часа» (Старинов 1992), в котором живым и понятным языком на примере многочисленных эпизодов автобиографии описывается жизненный путь автора от простого солдата до военного специалиста высшей квалификации.

В целях анализа ситуации проявления командирской тактичности нами брался для рассмотрения короткий эпизод из начала пятой главы романа, где автор комплексно описывает ситуацию с поломкой вездехода, возникшую на полигоне в присутствии высокого (и весьма опытного) начальства. Основываясь на текстовом материале, представляется воз-

можным выделить в структуре репрезентируемого фрагментом концепта ряд когнитивных секторов, включающих в себя партиции, которые описывают некоторые особенности сложившейся ситуации и способы ее когнитивной трансляции читателям романа. Данные секторы и составляющие их партиции можно объективировать следующим образом:

Первый сектор: «Фактическая сторона ситуации».

1) Возникшая проблема: *«И надо же было случиться: у машины Д.М. Карбышева соскочила гусеница»*.

2) Причины возникновения проблемы: *«Стояла отвратительная погода... Танкодром размок. Участники испытаний передвигались на вездеходах»*.

3) Реакция непосредственно ответственного лица: *«Водитель занялся исправлением вездехода»*.

4) Реакция большинства: *«Командиры, сидевшие в кузове машины, покуривая, наблюдали за его работой»* и др.

Второй сектор: «Действия субъектов распоряжений» (каковыми в описываемой ситуации поочередно предстают воинские начальники в порядке иерархии).

1) Предложение препоручить решение проблемы (починку вездехода) только непосредственно ответственному лицу: *«Кто-то предложил оставить машину и пройти к месту испытаний пешком»*.

2) Предложение принять участие в решении проблемы всем присутствующим (одновременно являющимся в определенной степени и заинтересованными лицами): *«Поврежденную машину надо не бросать, а быстро исправлять, – твердо сказал он* (генерал Карбышев). – *По прошу сойти с вездехода!*» и др.

Третий сектор: «Действия объектов распоряжений» (каковыми в описываемой ситуации предстают все присутствующие, включая и самого старшего на данный момент командира, отдавшего последнее распоряжение).

1) Исполнение приказа подчиненными: *«Водителю помогали все. В том числе и майор, предлагавший нам несколько минут назад идти пешком»*.

2) Исполнение приказа самим отдавшим его: *«Не стоял сложа руки и сам Карбышев»* и др.

Четвертый сектор: «Способы когнитивной трансляции формируемого концепта» (в данном случае представляемые автором произведения – объектом рассматриваемой ситуации).

1) Разъяснение нецелесообразности предлагаемого решения: *«Поврежденную машину надо не бросать, а быстро исправлять»*.

2) Показ целесообразности и результативности данного распоряжения: *«Вскоре гусеницу надели, и машина тронулась»*.

3) Показ педагогической важности отданного распоряжения: «*Этот случай произвел большое впечатление не только на тех, кто ехал вместе с Д. М. Карбышевым*» и мн. др.

Достаточно перспективным представляется рассмотрение подобного концепта и особенностей его транслирования при проведении занятий по русскому языку с иностранными учащимися продвинутого этапа обучения (1–4 курсов), в частности, в рамках курса «Лингвострановедение». Практика сравнительно-контрастивного преподавания лингво-страноведческого материала показывает высокую продуктивность такого подхода и повышенную заинтересованность и активность обучаемых в ходе проведения занятия такого типа (Ипполитов 2008; 2012).

К наиболее результативным приемам таких занятий относится представление студентам некоего мемуарного текста (оптимального по объему, языковой сложности и характеру предлагаемого материала), представляющего собой описание тех или иных особенностей проявления тактичности в какой-либо ситуации. Учащиеся читают в классе представленный текст (или последовательность текстовых фрагментов) и записывают со слов преподавателя типы использованных автором приемов когнитивной трансляции. В процессе этого одновременно проводится обучение учащихся видам общетекстовых авторских выделений, таких, как прямая лексическая номинация, сравнительно большой объем используемого для описания отдельного явления текста, оценочные и эмоционально-оценочные эпитеты и т.п.

Нужно учитывать, что перед проведением такой работы необходимо обязательно объяснить учащимся, что, в отличие от грамматического разбора текста и его элементов (имеющего пусты и большой, но обязательно конечный объем сложносочиненных предложений, деепричастных оборотов и тому подобного), когнитивное исследование не имеет четких границ, и в процессе его проведения следует исходить не столько из объема и характера текста, сколько из заранее заданных критериев анализа (в свою очередь, тоже могущих не иметь строгих формальных ограничений).

После этого учащимся предоставляется уже другой текст с домашним заданием – самостоятельно провести его анализ и выделить использованные автором когнитивные единицы и приемы когнитивной трансляции (с примерами из текста), как уже записанные в тетради, так и самостоятельно выделенные и обозначенные. Применяемый в подобной ситуации индуктивно-дедуктивный подход на уроках русского языка как иностранного позволяет продуктивно использовать аппарат когнитивной лингвистики в общепедагогических и лингвострановедческих целях, давать комплексные знания о каком-либо многокомпонентном явлении или объекте в целостной форме и акцентировать

внимание учащихся на актуальных для воспитательного процесса моментах.

К сожалению, объем настоящей статьи не предоставляет возможности более детально проанализировать как структуру и ситуативные особенности транслирования взятого для рассмотрения концепта, так и практику рассмотрения данного явления на уроках русского языка как иностранного. В дальнейших наших работах предполагается продолжение углубленного рассмотрения представленного выше материала.

Литература

Ипполитов О.О. Концепт «Путь-дорога» в русской концептосфере / О.О. Ипполитов // Когнитивные исследования языка. – Вып. IX: Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2012 г.: Сб. материалов. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 269–271.

Ипполитов О.О. Рассмотрение свойства этапности как одной из особенностей когнитивной структуры концепта «Путь-дорога» / О.О. Ипполитов // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой презентации. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 332–339.

Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.О. Ипполитов. – Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2003 г. – 20 с.

Ипполитов О.О. Краткие замечания о структуре и трансляции когнитивного образования «тактичность» (на материале мемуарного романа И.Г. Старинова «Минь ждут своего часа») и некоторых особенностях его анализа на уроках русского языка как иностранного на продвинутом этапе в военном вузе / О.О. Ипполитов // Преподавание русского и иностранного языков в неязыковых учебных заведениях: Науч. сб. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 59–64.

Ипполитов О.О. Отдельные замечания о трансляции когнитивного образования «воспитание» (на материале мемуарных произведений) на уроках русского языка как иностранного продвинутого этапа в военном вузе / О.О. Ипполитов // Актуальные проблемы развития России на современном этапе: Науч. сб. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 124–126.

Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в соотношении с английским и венгерским / В.Ю. Копров. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 328 с.

Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.

Старинов И.Г. Минь ждут своего часа / И.Г. Старинов. – М.: Зенит, 1992. – 266 с.

**Кретов А.А.
Kretov A.A.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**ОБ «ОРФОГРАФИЧНОСТИ» МОСКОВСКОЙ
ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
ABOUT “ORPHOGRAPHY” OF MOSCOW
PHONOLOGICAL SCHOOL**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении теоретических деклараций и практических решений представителей Московской фонологической школы. Обнаруживается их неполное соответствие и указывается на фонематическую содержательность «математической формулы построения алфавита» Н.Ф. Яковлева.

Abstract. The paper deals with the question of correlation between some theoretical declarations and practical decisions of representatives of Moscow phonological school. Their partial correlation and phonematic principle of “mathematic formula of alphabet construction” of N.F. Yakovlev are revealed.

Ключевые слова: русский язык, алфавит, орфография, фонема, буква, вокализм, консонантизм, диезность.

Key words: Russian language, alphabet, orphographics, phoneme, character, vocalism, consonantism, sharp.

Основателями Московской фонологической школы (МФШ), в частности, Р.И. Аванесовым и В.Н. Сидоровым, не раз декларировалась прикладная ценность теории МФШ, состоящая в том, что на ее основе возможно эффективное создание письменности: алфавита и системы правописания (орфографии) (Аванесов 1930). Это утверждение, однако, нуждается в некоторых коррективах, что подтверждается анализом истории отечественной лингвистики и изучением научной литературы по соответствующей проблематике.

Начнем с того, что теория создания письменности была разработана и многократно (применительно к разным языкам) реализована на практике Н.Ф. Яковлевым (Яковлев 1928; 1970), о котором А.А. Реформатский писал: «...и общие положения фонологии, и отдельные соображения Н.Ф. Яковлева были понятны нам. Это позволило нам получить прекрасного союзника – его аспиранта А.М. Сухотина, одного из столпов Московской фонологической школы... и мне позволило работать с Николаем Феофановичем в 30-ые годы в ВЦК НА в полном контакте и полном взаимопонимании» (Реформатский 1970, с.19).

Посмотрим далее, в каком отношении находятся теория Н.Ф. Яковлева и практика Московской фонологической школы. Н.Ф. Яковлев стремится к минимизации числа букв. МФШ, если верить М.В. Панову (Панов 1967, с. 112), – к минимизации числа фонем.

Главная идея Н.Ф. Яковлева состоит в следующем: «...фонемы во все времена и у всех народов, применявших звуковую систему письма, ... клались в основу буквенного обозначения. Изобретатели их алфавитов интуитивно определяли количество фонем данного языка и каждую фонему обозначали особым знаком – буквой. В этом и заключалось донаучное решение проблемы практического алфавита» (Реформатский 1970, с. 129).

«Однако, – продолжает Н.Ф. Яковлев, – многие языки допускают дальнейшее упрощение алфавита, путем уменьшения количества букв в нем. <...> Количество букв в алфавите может быть уменьшено на следующую величину: (C' – Γ'), где C' – число парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетании с соответствующими парно-различаемыми гласными, а Γ' – число парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с вышеуказанными парно-различаемыми согласными» (Там же, с.131–132).

Выражаясь современным языком, Н.Ф. Яковлев предлагает выбрать наибольший коррелятивный ряд и за счет обобщения оппозитивных вариантов этого ряда в один инвариант получить выигрыш в буквах. Исследователь поясняет, как это делается в общем случае: «если под C' мы подставим имеющееся в языке количество парных согласных фонем, то под Γ' мы должны подставить количество появляющихся в связи с этим парных вариантов гласных фонем. Если же нам придется под Γ' подставить число наличных в данном языке парных гласных фонем, то под C' мы подставляем количество появляющихся в связи с ними парных вариантов согласных фонем» (Там же, с.132).

Теоретическое осмысление этого предложения пришло лишь в 1960-ые – 1970-ые годы, когда В.К. Журавлев создал теорию группофонем (сочетаний согласных с гласными) (Журавлев 1961), а В.Г. Руделев пришел к выводу о том, что «признак «диезность» принадлежит не консонантам в широком смысле этого слова и не гласным, ... он – характеристика слога» (Руделев 1982, с. 166). В последнее время, когда возобладала тенденция произносить не /с'в'эт/, а /с'вэт/, не /в'э-т'в'и/, а /в'э-тв'и/, требуется оговорка: признак «диезность» принадлежит не любому слогу, а лишь слогу, равному группофонеме (ср. (Кретов 1982)). На консонантную же финаль закрытого слога это утверждение никем никогда не распространялось.

Таким образом, из формулы Н.Ф. Яковлева автоматически следует нефонематичность признака «диезность» для согласных русского языка.

Интересно, как Н.Ф. Яковлев обозначает пары, входящие в Γ' : $^b\text{a-a}$, $^b\text{o-o}$, $^b\text{u-u}$, $^b\text{i-ы}$. Тут есть непоследовательность: первые три пары устроены одинаково: А смягчающий – А не-смягчающий, О смягчающий – О не-смягчающий, У смягчающий – У не-смягчающий. Последова-

тельным было бы обозначение *ы-ы*: Ы смягчающий – Ы не-смягчающий. Кроме того, Н.Ф. Яковлев не считает нужным вводить оппозицию *Э-Э* (Э смягчающий – Э не-смягчающий) ради двух с половиной оппозитивных пар, содержащих исконное и заимствованное слово: *мер-мэр, сер-сэр* (и *пэр* vs. *пер[стень]*). Весь смысл введения буквы Э в русский алфавит состоит в обслуживании и маркировании заимствований, в которых встречается Э не-смягчающий. Практика написания заимствованных слов с Э не-смягчающим через Е делает присутствие буквы Э в нашем алфавите неоправданным.

Н.Ф. Яковлев прекрасно сознает обратную зависимость между кодом и текстом, поэтому его цель – не минимум букв, а оптимальное соотношение между кодом и текстом: устранение разрастания кода, не ведущего к экономии текста, и недопущение экономии кода за счет разрастания текста. Так, последовательности «мягкое н+а», «мягкое л+а» он предлагает писать как *ня*, *ля*, а не как *ња*, *ља*: «Последний способ восполнения недостающих букв в алфавите должен быть признан, конечно, наименее выгодным, так как он влечет за собою наибольшую трату пространства и времени, а следовательно, и бумаги, и типографских расходов» (Реформатский 1970, с. 135).

Таким образом, Н.Ф. Яковлев предлагал удваивать 5-членный вокализм, а не 12-членный консонантизм и таким образом достигать экономии.

Московская фонологическая школа, провозглашая орфографическую применимость своей теории, удваивает консонантизм, расщепляя неслоговые фонемы на «диезные» и «недиезные» (Аванесов 1945, с. 55), и тем самым, вопреки утверждению М.В. Панова (Панов 1967, с. 112), следует неэкономной, невыигрышной, а следовательно, и неудобной модели описания.

Решение, предложенное Н.Ф. Яковлевым и претендовавшее всего лишь на оптимальный состав алфавита, на поверку оказывается фонематически содержательным: буквы А и Я, У и Ю, О и Ё, И и Й, Е и Э соотносятся с различными фонематическими сущностями.

Впрочем, эта тема требует отдельного и детального обсуждения.

Литература

Аванесов Р.И. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка / Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров // Русский язык в советской школе, 1930, № 1, С. 110–118. [Цит. по: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. – С. 149–156].

Аванесов Р.И. Очерк грамматики русского литературного языка / Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. – М.: Учпедгиз, 1945. – 236 с.

Журавлев В.К. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке / В.К. Журавлев // Вопросы языкоznания, 1961, № 4. – С. 33–45.

Кретов А.А. Слоговая природа русской фонемы / А.А. Кретов, З.Д. Попова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкоznания. Вып. 7. – Воронеж: Воронежский университет, 1996. – С. 98–118.

Панов М.В. Русская фонетика / М.В. Панов. – М.: Просвещение, 1967. – 440 с.

Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1970. – С. 9–120.

Руделев В.Г. Русские консонанты (предварительные замечания) / В.Г. Руделев, С.В. Пискунова // Фонология: Сб. лингв. ст. / Под ред. В.Г. Руделева. – Тамбов, 1982. – С. 166–170.

Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока, кн. I, М., 1928, С.41–64 [Цит. по: А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1970. – С. 123–148].

Яковлев Н.Ф. Принципы фонемологии (1928) / Н.Ф. Яковлев // Вопросы языкоznания. – М., 1983, № 6. – С. 128–134.

**Лапинская И.П.
Lapinskaya I.P.**

*Воронежский государственный технический университет
Voronezh State Technical University*

**В ПРОСТРАНСТВЕ СМЫСЛА
«КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»
IN THE SENSE SPHERE OF
“COMMUNICATIVE GRAMMAR OF RUSSIAN LANGUAGE”**

Аннотация. Аналитическое движение в смысловую сферу текста результативно при сочетании двух направлений научного описания функционально тождественных единиц: от элементарной единицы – синтаксемы – через композитивы к целому тексту и от жанрово определенного целого к элементарным единицам стиля, обнаруживающим смысловую составляющую семантики при distantном взаимодействии в параметрах смыслонесущих последовательностей.

Abstract. An analytical movement in the sense sphere of a text has its own result when two directions of scientific description of functionally equal units are matched: from an elementary unit – syntaxeme through composite to the whole text and from the whole genre defined text to the elementary units of style that reveal sense components of semantics with a distant interaction in the parameters of sense bearing sequence.

Ключевые слова: смысл текста, жанровая определенность текста, композитив, синтаксема, единица стиля, смыслонесущая последовательность единиц стиля.

Key words: sense of a text, genre definition of a text, composite, syntaxeme, units of style, sense bearing sequence of units of style.

«Коммуникативная грамматика русского языка» в качестве приоритетного для лингвистики XXI века обозначила исследование коммуникативно-смысловых параметров текста и предложила терминологиче-

ский аппарат, соответствующий целям и задачам аналитического движения «к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры» (Золотова 1998, с. 21). Основанием к выстраиванию ряда разнообъемных и разноструктурных семантико-грамматических единиц от **синтаксемы** до **композитива** выступило их функциональное тождество – участие в построении сложных единств, завершающееся созданием текста как целого.

Утверждая единство текстовой функции синтаксем и композитивов, авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» сосредоточивают внимание на семантических и конструктивных различиях этих единиц. Как функциональное тождество единиц текста расцвечивает семантику целого и проясняет путь к смыслу текста, так и сохранение их генетического родства с единицами разных уровней языковой системы обеспечивает деятельность механизма текстообразования в соответствии с законами русской речи. «На каждом уровне организации целого взаимодействие формы, значения и функции соответствующих единиц является условием порождения, синтеза, и осмысления, анализа, речи», – итожат свои наблюдения Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко и М.Ю. Сидорова.

Аналитический путь от системы языка к тексту как коммуникативно-смысловому единству, что постулируют авторы «Коммуникативной грамматики русского языка», может быть дополнен и исследовательским движением от целого текста к его составляющим, который предлагал В.В. Виноградов, обобщая опыт изучения стиля художественного произведения. Ученый обратил внимание на то, что «границы между отдельными частями литературного произведения не привносятся извне, а понимаются из самого единства целого». При этом особо остановился на том, что «эти части, а также границы и связи между ними определяются не только приемами непосредственных сцеплений, но также и **смысловыми пересечениями в разных плоскостях** [выделено мною – И.Л.]» (Виноградов 1980, с. 278), поскольку «слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к **другим словам и выражениям** [выделено мною – И.Л.], входящим в строй того же произведения» (Там же, с. 284).

Внимание к смысловым пересечениям в разных плоскостях и обращенности слов и выражений не только к действительности, но и к другим словам и выражениям (синтаксемам и композитивам) в строе того же произведения позволило нам выявить не только контактные, но и дистантные связи между единицами текста.

Складывающееся в тексте на пути к смыслу функциональное единство дистантно взаимодействующих структурно различных семантико-грамматических единиц мы назвали смыслонесущей последовательно-

стью и определили как подсистему в системе текста, что позволило трактовать целостный текст как систему подсистем, а характер взаимодействия единиц стиля (для исключения терминологических наложений мы единицы текста в их многообразии именуем единицами стиля) как вхождение элемента в систему через соответствующую подсистему: элемент – последовательность элементов – текст.

Такой вариант анализа смысловых параметров текста призван максимально снизить читательскую и исследовательскую сложность понимания текста, обусловленную тем, что смысл художественного произведения всегда остается «словесно не выраженным», «внутренним». Его и помогают прояснить как взаимодействие элементов в последовательности, так и внутритекстовое взаимодействие самих смыслонесущих последовательностей стилистических единиц. Следует добавить, что исходным параметром для определения всех ему подчиненных выступает жанр текстового целого, поскольку именно он «дает ключ» к пониманию смысла.

Анализ художественных текстов русской классической литературы XVIII-XX веков выявил системные свойства смыслонесущих последовательностей (Лапинская 2012). Назовем и проиллюстрируем некоторые из них. Текстовые примеры представляют рассказ И.А. Бунина «Темные аллеи».

1. На базе типологической множественности единиц стиля и на основе функционального тождества в пределах текста формируются их функциональные единства – смыслонесущие последовательности, в которых тождество смысла снимает различия структурно-смысловых вариантов его предъявления.

Так, в рассказе «Темные аллеи» тождество смысла «в пространстве, окружающем героя, преобладают признаки холодно+сыро+грязно» передают различные по структуре и семантике компоненты синтаксической конструкции: *в холодное осенне ненастье* (темпоратив) – *на одной из дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями* (локатив) – *закиданный грязью тарантас* (внешний признак) – *с подвязанными от слякоти хвостами* (объяснение причины появления внешнего признака).

В передаче смысла «смирение» дистантно взаимодействуют единицы стиля, соотносимые с разными единицами языка и собственно речевым построением, а именно синтаксемно обозначенные элементы одежды героини (*под красной кофточкой – под черной юбкой – в красных туфлях*) – синтаксемно обозначенная поза другого субъекта текста – героя (*взгляд на мелькающие подковы*) – третий фрагмент текста, эксплицирующий позицию автора (начинается словами *«Низкое солнце желто светило на пустые поля»*).

Кроме того, в тексте рассказа тождественными по смыслу «понимание законов поведения человека» выступают в последовательности различные по структурно-семантическим характеристикам предложения *определенного-личное – неопределенного-личное – сложное*. Представляя цитаты из прецедентных текстов, они актуализируют сочетание разнокультурных основ в русской личности начала XX века: «*Как о воде протекшей будешь вспоминать*» (Книга Иова) – «*Мертвых с постами не носят*» (пословица) – «*Кругом шиповник алы́й цвет, стояли темных лип аллеи*» (Н. Огарев «Обыкновенная повесть», в сюжете которой за коротким романом героев следует разрыв отношений).

Принцип формирования функциональных единств – смыслонесущих последовательностей, в которых тождество смысла снимает различия структурно-смысовых вариантов его предъявления, оказывается общим и для поэтических, и для прозаических произведений. Различия касаются того, какие типы единиц стиля организуются в текстах в последовательности. Так, в стиле поэтического текста такими единицами являются последовательности строк, строф. В то же время архитектонику и поэтических, и прозаических текстов формируют последовательности из вариантов предъявления смысла, соотносимых с единицами языка и собственно речевыми построениями.

2. Компоненты в последовательности объединяются на принципах равнозначности, дополнительности, дистантности и неизменности порядка следования, что является универсальным их свойством. Текстом обусловлено количество компонентов и их локализованность – в пределах более крупной единицы стиля или в целом тексте.

Единицы стиля при взаимодействии в последовательности выполняют экспликативную функцию по отношению к смыслу, и в этой функции они равнозначны. Принцип равнозначности существует с принципом дополнительности, поскольку только в смыслонесущей последовательности проявляется потенциально возможное смысловое прочтение каждого компонента.

Принцип дополнительности создает саму последовательность, не ограничивая ее протяженности, поэтому тексты различаются по количеству самых крупных единиц стиля – фрагментов. В рассказе «Темные аллеи» выделяется 3 фрагмента («В холодное осенне ненастье» – «К закату проглянуло бледное солнце» – «Низкое солнце желто светило на пустые поля»).

Дистантность единиц стиля, взаимодействующих в целях экспликации смысла текста, обусловлена поэтапностью формирования этого смысла – его конкретизацией и обобщением, что требует одновременной деятельности сенсорики и интеллекта у воспринимающего. Так, на путях формирования метафоры в указанном рассказе распределенные

по тексту единичные номинации проходят несколько этапов обобщения смысла: исходная номинация *вошла женщина* – идентификация / конкретизация *Надежда* – аксиологизация в двух вариантах: оценка субъекта – *Как хороша ты была!* – и оценка межличностных отношений – *Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни?* – собственно метафора – «*К закату проглянуло бледное солнце*».

Локализованность единиц стиля, т.е. членов последовательности, связана с функцией формируемого ими смысла. Так, последовательности, проявляющие смысл «прощение», локализованы в первом фрагменте рассказа «Темные аллеи» (начинается словами «В холодное осеннее ненастье...»); последовательности, объективирующие смысл «преображение», сосредоточены во втором фрагменте текста (начинается словами «К закату проглянуло бледное солнце»). При этом последовательности, формирующие текстовый смысл «смирение», определенным образом распределены по всем трем фрагментам.

3. Связь элементов последовательности – это их интегративное и нелинейное взаимодействие в передаче смысла.

Взаимодействие компонентов последовательности, проявляющееся в их равнозначности, предполагает не суммирование, а интеграцию смысловых составляющих. При этом сама последовательность компонентов в силу их удаленности друг от друга в тексте не образует связной речи.

Так, экспликация смысла пространственных характеристик в тексте рассказа «Темные аллеи» включает антитезу в смыслах пространств героя и героини. Если в начале текста пространство героя характеризует последовательность, реализующая смыслы «холодно+сыро+грязно», то последовательность в характеристиках пространства героини актуализует смыслы «тепло+сухо+чисто».

В этом же тексте поведение героя предстает обусловленным внешними факторами. Это передается последовательностью полипредикативных объединений.

Как видно из материала (см. таблицу), все синтаксические объединения двухчастны. Первая часть называет действия или состояния, вслед за которыми совершает действия герой. Синтаксически отношения между частями оформлены по-разному – как связи главного и придаточного временного в сложноподчиненном предложении (*Когда лошади стали, он выкинул ногу*), как сочинение равноправных частей (*Грубо крикнул кучер, и он вошел в сенцы*), как дистантная связь предложений, каждое из которых начинает абзац (*В горнице было тепло... Приезжий сбросил шинель*). Однако все конструкции манифестируют значение внешней причины изменений и действий. Смысл последовательности – «герой не проявляет личной потребности или заинтересованности, а подчиняется обстоятельствам».

1 предикация	2 предикация
<i>Лошади стали</i>	<i>он выкинул ногу</i>
<i>Кучер крикнул</i>	<i>он вошел в сенцы</i>
<i>В горнице тепло</i>	<i>он сбросил шинель</i>
<i>Сбросил шинель</i>	<i>он оказался еще стройнее</i>
<i>Снял перчатки и картуз</i>	<i>он провел рукой</i>
<i>В горнице никого не было</i>	<i>он неприязненно крикнул</i>

4. Последовательности включаются в текст на правах автономных подсистем в систему, где в целях формирования смысла текста образуют более сложные последовательности, которые, в свою очередь, могут включать в себя иные последовательности, а могут сами включаться в них.

Автономность последовательности как подсистемы проявляется в единстве формируемого смысла и взаимодействия элементов при варьировании протяженности последовательности. Так, в рассказе «Темные аллеи» последовательность однокоренных, но по-разному частично оформленных слов с корнем *чист-* включает четыре члена, последовательность компонентов, формирующих метафору «бледное солнце», состоит из десяти членов, последовательность текстовых фрагментов трехчлена.

Интегративный характер смысла целого обнаруживает иерархию последовательностей и отношения подчинения между ними. Следует отметить высокую степень вариативности процесса интеграции смысла целого. Как представляется, именно вариативность процесса интеграции смысла целого получает терминологическое оформление в слово-сочетании «индивидуально-авторские особенности стиля».

Так, в анализируемом рассказе последовательности, актуализирующие смыслы главных христианских добродетелей «любви» и «надежды», по отношению друг к другу выступают равнозначными, при этом они оказываются в отношениях подчинения к последовательности, эксплицирующей смысл «смирение».

Последовательность цитат, актуализирующая сочетание разнокультурных основ в русской личности начала XX века, о чем речь шла выше, с одной стороны, состоит из равнозначных членов, с другой – выступает в подчинении к названию произведения «Темные аллеи», представляющему неточную цитату из литературного фонда нации и утверждающему индивидуально-авторское осмысление этой цитаты.

5. Смысл отдельного элемента последовательности проявляется в составе целого, что позволяет эксплицировать ее вербально не выраженные элементы.

Как мы уже говорили, в рассказе «Темные аллеи» соответствующими последовательностями формируются смыслы главных христианских добродетелей «надежды» и «любви». Смыслы оказываются соотнесенными с субъектами текста – героем и героиней, при этом позиция автора остается не заполненной. Кроме того, остается открытой и позиция важнейшей христианской добродетели «веры». Эксплицировать указанные компоненты в соответствующих последовательностях помогает еще одна последовательность, обозначающая постоянное присутствие Христа в жизни человека: в закрытом пространстве горницы это *новый золотистый образ в левом углу*, в открытом пространстве дороги это *бледное или низкое солнце*, не обжигающее, а дающее свет и тепло.

В завершение анализа вернемся к исходному для системы текста параметру – жанру художественного произведения. Рассказ «Темные аллеи» формируют фрагменты, которые обладают признаками новеллы (новелла предельно обнажает ядро сюжета – центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус одного события), русской сказки (трехчастность текста как вариант обязательной в фольклоре тройственности героев и событий) и притчи («назидание» и «пророчество», представляющие в последовательности «прощение – преображение – смиление» христианское толкование законов жизни).

Итак, наша работа представляет вариант анализа в направлении предложенного авторами «Коммуникативной грамматики русского языка» коммуникативно-смыслового прочтения текста. Этот вектор не только открывает новые горизонты лингвистики, но и обещает новые результаты в постижении и объяснении законов языка и речи.

Литература

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Наука, 1998. – 528 с.

Лапинская И.П. Архитектоника стиля русского прозаического текста: монография / И.П. Лапинская. – Воронеж: ФГБОУ ВПО «Воронеж. гос. техн. ун-т», 2012. – 229 с.

Лапинская И.П., Денисова М.А.

Lapinskaya I.P., Denisova M.A.

Воронежский государственный технический университет

Voronezh State Technical University

**ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ БИЗНЕС-ОБЪЕКТОВ: СЕМАНТИКА
И ГРАММАТИКА КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ СТИЛЯ
РЕКЛАМЫ**

**PROPER NAMES OF BUSINESS OBJECTS: SEMANTICS AND
GRAMMAR OF COMMUNICATIVE UNITS OF ADVERTISING STYLE**

Аннотация. Коммуникативные единицы стиля рекламы, формирующиеся на основе принципа избирательности, обладают определенными номинативными и текстовыми свойствами, описание полного набора которых – перспектива лингвистики.

Abstract. Communicative units of advertising style, which are formed on the basis of selectivity principle, possess definite nominative and text characteristics. Complete collection of these characteristics is a linguistic principle.

Ключевые слова: имена собственные бизнес-объектов, номинация, предication, позиция заголовка, стиль рекламы, речевые формы стиля рекламы, грамматические свойства единиц стиля.

Key words: proper names of business objects, nomination, predication, position of a title, advertising style, speech forms of advertising style, units of style grammar characteristics.

Усложнение экономической жизни российского социума в XXI веке привело к обогащению стилевой системы русского языка. Развитие товарно-денежных отношений выступило стимулом для формирования стиля рекламы. В стиле рекламы коммуникация проявляет социальные роли партнеров по общению. Инициатором общения и автором речевого произведения выступает продавец, предметом разговора является товар, получатель информации – это адресат, целевая аудитория, потенциальный покупатель.

Общение в стиле рекламы – это речевое действие с планируемым эффектом, который выражается в обязательном следовании неречевых действий в сфере товарно-денежных отношений. Поэтому общение в стиле рекламы – это общение продавца с покупателем, при этом в коммуникативных единицах потребности продавца средствами языка преобразованы в потребности покупателя так, чтобы потребность приобрести товар покупатель ощутил как собственное желание, а не как повеление, продиктованное продавцом.

Механизм образования нового стиля описан лингвистами еще в первой половине прошлого века. Его квалифицируют в терминах «избирательность», «комбинации языковых (добавим – и речевых) средств», присутствующих в других, наличных стилях языка. При этом в ходе преобразования стилевой системы обнаруживаются, как писал

В.В. Виноградов, «скрытые и возможные» значения существующих манифестантов языка и речи. Кроме того, межстилевое движение единиц всегда сопровождается изменением их оценочных параметров.

Стиль рекламы обнаруживает скрытые возможности жанровых вариантов статьи, текстовой формы описание, характерных для поэтической речи рифмы, размера, стопности и т.д. В ряду речевых форм стиля рекламы выделяется имя собственное бизнес-объекта (ИСБО), которое называли номинацией на вывеске. Поясним термин.

Бизнес-объект – это обобщающий термин по отношению к предприятиям сферы торговли и услуг. Термин конкретизируется номинацией типа объекта: в торговле – это магазин, еще точнее – магазин товаров для детей, магазин женской одежды, гастроном и т. д.; в сфере услуг возникают салоны красоты, фирмы такси, охранные предприятия и т. д. Постоянный для бизнеса процесс дифференциации объектов выступает содержательной основой для развития стиля рекламы, ибо в каждом конкретном случае он завершается выбором имени собственного созданного предприятия. Лингвистическая квалификация ИСБО аккумулирует информацию, которая соотносится с разными концепциями и научными школами.

С точки зрения теории коммуникации ИСБО представляет собой речевое произведение – центральный компонент речевого акта, с участием которого происходит речевое общение продавца с покупателем. ИСБО выступает информативно и аксиологически достаточным для последующих неречевых действий покупателя.

Номинация на вывеске оказывается функционально и содержательно соотносимой с такой единицей текста, как заголовок. Если заголовок открывает текст читателю, то название на вывеске над входом буквально открывает предприятие потенциальному покупателю. Если заголовок на смысловом уровне раскрывается после прочтения текста, то ИСБО предопределяет имиджевые и содержательные ожидания покупателей – все то, что покрывается понятием контекста.

Позицию заголовка не случайно относят к числу сильных текстовых позиций – именно в ней с наибольшей полнотой реализуется номинативная функция единиц коммуникации, более того – эта функция обнаруживается и у свободных синтаксических форм и даже междометий: «Семь дней», «Будь здоров!», «У Дяди Кости», «О’Мен!».

На уровне предикативных единиц языковой системы ИСБО представляет собой номинативное (назывное) или повелительное предложение, правда, знак конца предложения ставится только в случаях повелительных структур. Напоминанием о прямой речи выступает употребление ИСБО в письменных текстах в кавычках, хотя собственно на вывесках кавычки отсутствуют, поскольку в них нет функциональной необходимости.

Номинативной, или денотативной, основой ИСБО в каждом конкретном случае выступает один компонент из триады обозначений товарно-денежных отношений: продавец / производитель – товар / услуга – покупатель / пользователь. При этом каждый из компонентов характеризуется свойственными ему признаками. Для производителя, в частности, важна авторитетность имени, для товара – разнообразие, исключительность, для покупателя – тот положительный эффект, который он получит от использования приобретенного товара.

Отношения между номинацией типа предприятия и ИСБО – это отношения общего и частного, или отношения «род – вид». С точки зрения частеречного выражения, ИСБО могут включать в свой состав единичные имена – как нарицательные «Бантик», так и собственные «Лейла», «Прага», сочетания числительного и существительного «Четыре комнаты», прилагательного и существительного «Здоровый Город», существительных на правах однородных членов «Чистота и Порядок», существительных в именительном и родительном падежах «Мир Вкуса». Другими словами, позиция над входом актуализирует многоуровневые свойства ИСБО – коммуникативные, текстовые, предикативные, номинативные, что открывает для разноструктурных единиц языка широкие возможности быть задействованными.

ИСБО – класс номинаций, постоянно пополняющийся. Выделяют три варианта способов словообразования единиц класса.

1. Переосмысление семантики слов, существующих в иных стилях в течение долгих веков. Переосмысление – это развитие переносных значений, сопровождающееся переходом номинаций из одного разряда имен в другие: из нарицательных в собственные именно этого разряда (ларец – как вместилище и «Ларец» как название магазина сувениров и подарков), из имен собственных естественных реалий – топонимов (город Москва – ресторан «Москва»), антропонимов (восточное женское имя Лейла – ресторан «Лейла») и др. в имена собственные артефактов, а именно бизнес-объектов.

«Избирательность» номинативных единиц обусловлена их способностью вызывать у потенциальных покупателей положительные ассоциации и на их основе включать субъектов в товарно-денежные отношения. Эта способность базируется на множественности потенциальных вариантов развития новых значений у слова, т. е. многоаспектиности его внутренней формы.

Воздействующие возможности слова при развитии переносного значения, т. е. при образовании ИСБО, вызываемые им положительные эмоции уходят корнями в культурные коды нации, в ее историческую память, что невозможно приписать имени. Другими словами, синхронию питает диахрония языка.

2. Класс ИСБО пополняют заимствования. Язык-источник и выбор самого слова диктуется, если так можно выразиться, модой, развивающимися тенденциями, поскольку они отвечают интересам синхронии. Чаще всего заимствуются англицизмы («Випсилинг»), редко – слова японского языка («Тануки») и т. д. Они не вписаны в национальную историю, необходимых моменту ассоциаций не вызывают и быстро теряют привлекательность, что стимулирует их замену.

3. Новые слова, образованные морфологическим способом, их около 5-6 % среди неологизмов. Главная воздействующая сила – в их новизне и необычности, что само по себе вызывает интерес потенциальных покупателей, но не достаточно для совершения покупки. Новые слова остаются в пределах литературного языка; если предпринимаются попытки включить разговорные и жаргонные лексические единицы в состав манифестантов стиля рекламы в качестве ИСБО, то они, как и заимствования, достаточно быстро исчезают.

Как лексические единицы ИСБО должны быть охарактеризованы по их единствам внутри класса. Можно считать их единства функционально-семантическими группами в пределах имен одного типа объектов, например, ИСБО магазинов товаров для женщин: «Фиджи» – «Шпилька» – «Пышка» – «Царевна». Отдельные единства, например названия магазинов товаров для мужчин, близки к синонимическим рядам: «Цезарь» – «Консул» – «Георг» – «Статус».

Очевидно, что переносные значения объединяют слова, которые разнесены по разным классам и подклассам в денотатном отношении. Их новые языковые единства требуют дальнейшего изучения. Кроме того, можно говорить о двух этапах складывания системы имен собственных: первый этап – имена естественных реалий – топонимы, антропонимы; для их реализации достаточно большой буквы в начале номинации; второй этап переноса значения – имена артефактов, или ИСБО; их реализация в письменной речи предполагает не только большую букву в начале номинации, но и кавычки, что, как правило, отсутствует на вывеске.

С точки зрения морфологических свойств, следует сказать, что присущие имени категории падежа, рода и числа у ИСБО пока не сложились, поэтому соответствующие синтаксические значения передаются аналитически: я вижу магазин «Георг», подъедем к магазину «Георг» и т.д.

Новационные рекламные номинации по-особому относятся к графике языка. Они не только (во всех компонентах) пишутся с прописной буквы, но и в связной речи употребляются в кавычках. В них допустимы сочетания современного кириллического алфавита с латиницей и другими графическими системами.

То, о чем идет разговор в статье, – результат исследования лингвистов, работающих в ВГТУ. Научное описание – сбор материала и его

теоретическое осмысление – проводилось в течение 15 лет. Сотрудниками кафедры и студентами специальности «связи с общественностью и реклама» было опубликовано более 60 статей. Обобщение конкретики представлено в двух вышедших в этом году коллективных монографиях (Стиль рекламы 2016а; Что в имени? 2016б).

Литература

Стиль рекламы: речевые формы: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, О.В. Гостева и др.; под ред. И.П.Лапинской. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2016а. – 161 с.

Что в имени?: монография / И.П. Лапинская, М.А. Денисова, Д.А. Сорокина и др.; под ред. И.П. Лапинской. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2016б. – 219 с.

**Мартынычева А.С.
Martynycheva A.S.**

*Казанский Федеральный университет
Kazan Federal University*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ

NOUN FUNCTIONING IN THE REPRESENTATION OF GRAMMATICAL CATEGORY OF PERCEPTION

Аннотация. Данная статья посвящена анализу функционирования имен существительных в высказываниях эвиденциальной семантики на примере французского языка. В статье рассматриваются критерии и параметры, которым должно соответствовать существительное, чтобы выражать перцептора.

Abstract. This article is dedicated to analysis of nouns functioning in sentences of evidential semantics on the example of French language. The article considers criteria and parameters of nouns that the noun should match to express perceptor.

Ключевые слова: эвиденциальность, перцептор, имя существительное.

Key words: evidentiality, perceptor, noun.

Обязательными элементами ситуаций восприятия и информирования при их полноценной репрезентации являются субъект (перцептор / информант) и предикат. Вторичными элементами являются воспринимаемая / сообщаемая ситуация. Дополнительными конкретизаторами ситуации являются пространственный / темпоральный локализаторы, роль которых менее значима при ситуациях восприятия, так как сенсорные глаголы обладают ингерентным свойством импликации местоположения.

Репрезентантами **пространственного сегмента** (объема занимаемого ситуацией пространства) являются: 1) дискретные имена суще-

ствительные; 2) пространственные локализаторы, выражающие закрытый сегмент пространства (Лутфуллина 2011, с. 14). Пространственный сегмент **ситуации восприятия** образуют перцепторы и субъекты / объекты воспринимаемой ситуации, так как вследствие синхронности двух ситуаций происходит объединение их сегментов.

Существительное, функционирующее в качестве репрезентанта перцептора, должно обладать некоторыми характеристиками.

Одушевленность является главным свойством имен существительных, которые выражают перцепторов. Одушевленность приводит к увеличению динамического и результативного аспектов процесса и расширению событийного пространства (Абдрахманова 2015, с. 78). Одушевленность является показателем способности к восприятию окружающей среды для категории перцептивности. То есть, восприятие информации возможно только при условии одушевленного перцептора, неодушевленные субъекты не способны получать сведения об окружающем мире. Более того, данное свойство не зависит от способа восприятия и представленного модуса: перцептор должен обладать органами чувств.

Степень определенности перцептора во французском языке выражается артиклем. Определенный артикль типичен для ситуации перцепции ввиду ее конкретности: *le prince, la tante, le docteur*; см. примеры (1) – (3). Также конкретный перцептор может вербализоваться в предложении при помощи имени собственного. Для выражения анонимности перцептора используется неопределенный артикль: *un garçon, des filles* (4) – (5).

(1) Sans doute aussi il est encore contrarié d'une particularité que je n'ose vous dire: *le prince* ne voit à sa cour aucune femme qui puisse vous le disputer en beauté; (2) De plus, *la tante* avait, la veille de son départ, entendu Stolz dire à Olga de ne pas laisser Oblomov se rendormir, de le tracasser, de le tyranniser, de l'accabler même de commissions; (3) Quand *le docteur* a vu que nous n'avions pas d'argent, ils se sont détournés et ils sont partis;

(4) *Des filles* m'ont entendu parler du mannequinat avec ma manucure, et m'ont demandé de parler au club de mode de leur lycée; (5) *Un garçon* voit son père s'effondrer... et un autre soldat emménage dans la maison...

Во многих случаях в высказываниях перцептивной семантики воспринимающее лицо выражают **имена собственные**. При реализации категории перцептивности они выражают единичного перцептора – конкретное лицо: *Henriette* (1), *Porpora* (2), *Catherine* (3), *Consuelo* (4), *Christophe* (5), *Albert* (6). Имя собственное независимо от контекста подразумевает одушевленность лица, воспринимающего информацию.

(1) Comment *Henriette* ne voit-elle pas que ses beaux yeux marron contiennent tant d'affection que toute autre manifestation serait déplacée?

(2) Ah! Pourquoi mon maître *Porpora* ne peut-il entendre ce que vous dites sur l'art sacré, mon cher Albert! (3) *Catherine* n'avait jamais entendu personne — surtout parmi les jeunes gens — parler de cette manière-là; (4) *Consuelo* entendit rouler le géant, elle voulut courir vers son libérateur en l'appelant Albert; mais il avait disparu avant qu'elle eût eu la force de faire trois pas; (5) *Christophe*, qui s'éloignait, entendit la voix sèche d'Emmanuel répondre qu'il ne pouvait recevoir, qu'il était occupé; (6) *Albert* voit et entend ce qu'aucun autre ne peut voir ni entendre.

Категория падежа определяется ролью существительного в предложении: формы падежа выражают отношения к другим членам предложения (Левицкий 2004, с. 32–33). Как известно, категория падежа во французском языке не является выраженной: падежи отсутствуют, соответственно, все связи слов достигаются благодаря предлогам. Более того, прямой порядок слов дифференцирует субъект / объект, прямое / косвенное дополнение.

Во французской грамматике падежные формы выделяет Г. Гийом, который пишет, что существует синтетический падеж (это форма подлежащего, прямо-объектного дополнения и атрибутива) и предложный падеж (предлог + имя для формы косвенного дополнения и обстоятельства (Гийом 1992, с.143).

При переводе на русский язык лексема, выражающая перцептора, будет соответствовать форме именительного падежа. В примерах (1) – (2) субъект выражен собственным именем существительным, форма которого в переводе соответствует именительному падежу. В примерах (3) – (4) существительные *le loup* и *un chien* имеют разную степень определенности, однако их алломорфизм заключается в соответствии одной падежной форме – назывной. Наблюдаемый объект, как правило, выражается формой, соответствующей именительному или винительному падежам в русском языке.

(1) *Palachka* a ouï dire aussi à Maximitch qu'il vous voit souvent de loin dans les sorties, et que vous ne vous ménagez pas, sans penser à ceux qui prient Dieu pour vous avec des larmes; (2) *Passepartout* entendit la porte de la rue se fermer une première fois: c'était son nouveau maître qui sortait; puis une seconde fois: c'était son prédécesseur, James Forster, qui s'en allait à son tour; (3) *Le loup* géant renifle, savoure l'odeur du festin à venir; (4) Quand *un chien* sent un os, il creuse.

Дифференциация предметности и абстрактности имен существительных определяет возможностиreprезентации категории перцептивности. Категории предметности и абстрактности более свойственны воспринимаемому субъекту, чем перцептору. Реализация ситуации восприятия в прототипическом значении, исключающем ситуацию внутреннего самосозерцания или воспоминания, сновидений,

ограничена конкретными, предметными именами существительными. Абстрактные имена лишают процесс восприятия конкретности (Абдрахманова 2015, с. 79).

Репрезентация процесса восприятия детерминирована предметной конкретностью. В соответствии с анализом собранных высказываний перцептивной семантики, во французском языке в функции перцептора могут выступать только конкретные имена существительные, то есть перцептор обязательно должен быть материальным. Абстрактные существительные в данном контексте функционировать не могут. В примерах (1) – (2) субъект выражен именем собственным, что говорит о его материальности и конкретности; в примере (3) субъекту также свойственна предметность.

(1) *Brian a l'impression de mourir de l'intérieur*; (2) *Philippe m'aime bien car il subodore que j'ai conservé une certaine distance avec ce métier*; (3) *Je pensai que ce vautour - ou ce condor - voyait en ce moment même mon père et mon oncle en train de faire griller leurs côtelettes sur de la braise de romarin, car le soleil était au zénith*.

Таким образом, во французском языке одушевленность определяет реализацию категории эвиденциальности, т.е. способность перцептора к восприятию окружающей среды. Имена собственные во французском языке участвуют в репрезентации идентифицированного перцептора, уникальность которого исключает возможность его квантификации. Благодаря фиксированному порядку слов и аналитизму французского языка можно рассматривать четкое разграничение наблюдателя и наблюдаемого. Ввиду отсутствия категории падежей, главная роль принадлежит категории одушевленности. Также, следует отметить, что репрезентация категории перцептивности возможна только при конкретных предметных именах существительных, абстрактные существительные не могут функционировать как лексемы, обозначающие перцептора.

Литература

Абдрахманова А.А. Взаимодействие категорий эвиденциальности и квантификации как объект сопоставительного исследования: дис. ...канд. филол. наук / А.А. Абдрахманова. – Казань, 2015. – 230 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Под ред. Л.М. Скрелиной. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.

Левицкий Ю.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебное пособие / Ю.А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2004. – 156 с.

Лутфуллина Г.Ф. Сопоставительное исследование категории квантификационно-детерминированной полиситуативности в неродственных языках (на материале французского и татарского языков): дис. ... докт. филол. наук / Г.Ф. Лутфуллина. – Казань, 2011. – 531 с.

**Маслова А.В.
Maslova A.V.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**КОМПАРАТИВНЫЕ ОБОРОТЫ С ПРЕДЛОГОМ
В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XXI ВЕКОВ**
**COMPARATIVES WITH PREPOSITION *V PROTIVOPOLOZHNOST'*
IN RUSSIAN LITERATURE WORKS OF XIX-XXI CENTURIES**

Аннотация. В статье на материале художественных произведений русских писателей XIX–XXI веков рассматривается употребление предложно-падежных сочетаний с производным компаративным предлогом *v protivopolozhnost'*. Цель статьи – показать, что компаративы, появившиеся в деловом, научном и публицистическом стилях, постепенно проникают в тексты художественной литературы. В статье анализируются динамика и семантические особенности этих форм в XIX–XXI веках. Прослеживается частота их употребления в художественной прозе на протяжении этого времени.

Abstract. The article on the material of XIX–XX centuries Russian writers' works describes the use of the prepositional case forms with derived comparative preposition *v protivopolozhnost'*. The article aims to show that the comparatives that appeared in business, scientific and journalistic style gradually penetrate into fiction. The article traces the dynamics and semantic specificity of these forms in XIX–XX centuries. Frequency of their use in prose during that period is being observed.

Ключевые слова: предложно-падежные сочетания; компаративные производные предлоги; компаратив; динамика и семантические особенности компаративов; русская художественная литература.

Key words: prepositional case forms; comparative derived prepositions; comparative; dynamics and semantic comparative's specificity; Russian literature.

До появления новых производных предлогов функцию противопоставления выполняли предложно-падежные сочетания с использованием слов *противообразие* и *контраст*. В первой половине XVIII века в деловой письменности также употребляется предлог *v противность*. Однако в силу своей многозначности (он мог выражать значения противопоставления и отграничения) этот предлог постепенно практически полностью выходит из употребления (Черкасова 1967, с. 148–150). В современном русском языке его функции противопоставления одного объекта другому берет на себя новый предлог – *v противоположность*, который начинает формироваться во второй половине XIX века. Е.Т. Черкасова пишет, что этот предлог выполняет функции отсутствующего специального грамматического средства, которое могло бы различать этимологии противопоставления и выделения (Там же, с. 113). Эта позиция подтверждается и в нашем исследовании: в произведениях классической литературы конца XIX–XXI века часто употребляется предлог *v противоположность* в компаративном значении.

В научной литературе отмечается, что производные предлоги, в том числе и предлог *в противоположность*, в большинстве своем относятся к научному, официально-деловому и публицистическому стилям (Пруссакова 2002, с. 34). Действительно, в текстах художественной литературы XIX–XXI веков предлог *в противоположность* с компаративным значением встречается еще редко. Однако и такое небольшое количество примеров (всего 77) представляется интересным для анализа семантики производного данного предлога в составе предложно-падежных сочетаний с компаративным значением.

Наше исследование проводилось по данным Национального корпуса русского языка.

При анализе семантики предлога *в противоположность* в составе компаративных оборотов было обнаружено, что в большинстве высказываний есть семантика противопоставления одного человека другому по определенным критериям. Наибольшую группу составили компаративы, в которых люди противопоставляются по внешности.

Ребенок очень любил горбuna, а особенно его сестру, молоденькую девушку, в противоположность своему брату, стройную, высокую, с толстой русой косой, голубыми лучистыми глазами и с лицом снежной белизны, оттененным нежным румянцем (Н.Э. Гейнце. Коронованный рыцарь, 1898).

В противоположность этому портрету, он добросовестно описал Кнута Йенсена — огромного, широкоплечего детину с низким лбом, обрамленным жесткими светло-рыжими волосами, со впалыми щеками, почти всегда покрытыми неопрятной щетиной такого же рыжего цвета (Н.Н. Шпанов. Старая тетрадь, 1935–1950).

Шик в противоположность Кранцу был тучен и коротконог, к тому же он порядком обрюзг и отличался крайне нервной озабоченностью, не покидавшей его даже в доме баронессы (В. Кожевников. Щит и меч. Книга вторая, 1968).

Вая же, прозванная нами ефрейтором, была, *в противоположность* Жене, пышнотелой плотно сбитой девицей со всеми аксессуарами созревшей самки, не лишенной определенного шарма (Б. Левин. Блуждающие огни, 1995).

В текстах художественной литературы XIX–XXI веков люди активно противопоставляются по характеру.

По живости своего нрава, в противоположность флегматику Гоголю, охотно участвуя не только во всех играх, но и в школьнических проделках товарищей, Данилевский относился более критически к скрытым замыслам своего друга, нередко, как сказано, выходившим за пределы невинной шутки, и не раз уже выручал проказника-тихоню от заслуженного наказания (В.П. Авенариус. Гоголь-гимназист, 1897).

Здесь тоже, как и в жизни Алексея Михайловича, царила она, не он, она была ведущей жизненной силой, олицетворением двойной энергии, но, в **противоположность** Серафиме Павловне, она была силой **благой, разумной, теплой, живой, неисчерпаемой** в своей жаждости к людям и жизни, полной женственной мудрости и иронии (Н.Н. Берберова. Курсив мой, 1960–1966).

В противоположность Белому он был человеком тишины, понимавшим бури, и человеком внутреннего порядка, понимавшим внутренний беспорядок других (Н.Н. Берберова. Курсив мой, 1960–1966).

Небольшие группы сравнения составили компаративы с семантикой противопоставления людей, например:

– по уровню духовности: *Второй же, в противоположность* ему, был скончан на слова и до того скептичен, что советовал Сганарелю сомневаться даже в том, в чем никак не может сомневаться человек, у которого есть глаза (М.А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера, 1933);

– по испытываемым чувствам: *Если царица Наталья Кирилловна, не будучи в состоянии осилить себя, волновалась и страшилась в ожидании, чем кончится избрание, то царевна Софья Алексеевна, в противоположность ей, казалась спокойною и не поддавалась страху* (Е.П. Карнович. На высоте и на доле: Царевна Софья Алексеевна, 1879);

– по поведению, обусловленному психологическими особенностями людей: *Другой друг, тоже со студенческих лет, в противоположность М-ну, пришел прощаться* (В. Некрасов. Взгляд и Нечто, 1977);

– по чертам национального характера: *Напротив того, мать великого князя инокиня Марфа изъявила решимость остаться с народом в осаде, и за то приобрела общие похвалы от народа, который видел в ней русскую женщину в противоположность чужеземке* (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй: XV–XVI столетия, 1862–1875);

– люди противопоставляются по отношению к своей профессии: *В противоположность многим настоящим писателям, я не очень люблю, когда мне приносят рассказики* (В. Некрасов. Взгляд и Нечто, 1977).

Интересными представляются компаративные обороты, в которых противопоставляются артефакты и натурфакты. Их немного (всего 11 из 77 примеров), но все они построены по принципу антонимичных пар, например:

– «север – юг»: *В противоположность Антарктике, окружающей Южный полюс Земли и являющейся большим материком, Арктика представляет собой море* (В.А. Обручев. Земля Санникова, 1924);

– «высокий – низкий»: Узкие, как щели, проходы без дверей соединяли еще три подвала с высокими, в **противоположность** первому, потолками (И.А. Ефремов. Обсерватория Нур-и-Дешт, 1944);

— «мягкий — жесткий»: *На схеме изображены мягкие связи межколокольных языков — в противоположность* прежним связям, жестко державшим в одной общей связи несколько колоколов, сразу дававших один и тот же механически вызываемый аккорд (А.И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском, 1976);

— «туда — обратно»: *Сталактиты — натеки известняка, свисающие сверху как сосульки льда, в противоположность* сталагмитам, *нарастающим вверх от пола пещеры* (И.А. Ефремов. Туманность Андромеды, 1956) и т.п.

В ряде примеров антонимы прямо не названы, но раскрываются семантикой предлога и контекстом.

Все жили еще вразброс, как бы отдельными слободами и посадами, и в этом последнем отношении Петербург как нельзя более напоминал покинутую царем Москву, от которой, в противоположность новой столице, веяло стариною (Е.П. Карнович. Придворное кружево, 1884).

Но в Петрограде, в противоположность Москве, у Муры была над головой крыша — у бывшего генерал-лейтенанта А.А. Мосолова, впоследствии автора книги воспоминаний «При дворе императора» (Н.Н. Берберова. Железная женщина, 1978–1980).

Наше исследование показывает, что компаративы с предлогом *в противоположность* постепенно проникают в тексты художественного стиля. Они находятся на начальном этапе процесса грамматизации. Есть мнение, что частотность использования этих компаративов будет нарастать, так как эти компаративы исключают многозначность прежних форм и «уточняют форму в отличие от чего семой категорически против» (Попова 2014, с. 186). Однако остается очевидным, что для выражения противопоставления в произведениях писатели чаще используют другие средства.

Литература

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://search1.ruscorpora.ru/search.xml>.

Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции) / З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2014. – 232 с.

Пруссакова Е.М. Система производных предлогов современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.М. Пруссакова. – Бишкек, 2002. – 203 с.

Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е.Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.

**Михеева С.Л.
Mikheeva S.L.**

*Чувашский государственный педагогический университет
Chuvash State Pedagogical University*

**ПЕРИФЕРИЯ ПОЛЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ: ПРИЗНАКОВЫЕ
СЛОВА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ
PERIPHERY OF THE FIELD OF CONDITIONALITY:
ATTRIBUTIVE WORDS WHEN EXPRESSING CASUAL LINKS**

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются придаточные меры и степени в составе сложноподчиненного предложения с точки зрения их способности передавать такие дополнительные смысловые оттенки, как причина и следствие.

Abstract. The article focuses on subordinate clauses of degree (results) as a part of a complex sentence from the point of view of their ability to convey such additional semantic shadings as causation, effect or result.

Ключевые слова: обусловленность, причина, придаточное меры и степени.

Key words: conditionality, causation, a subordinate clause of degree (result).

Общим тезисом работ, связанных с исследованием функционирования языковых единиц, является утверждение о влиянии всех компонентов высказывания на выражение комплекса значений, включая и прагматическую составляющую. Взаимодействие лексической и грамматической семантики входящих в высказывание слов в сочетании с таким структурным компонентом, как порядок слов, порождает сложный смысловой комплекс, часть которого оказывается явно не обозначенной. Это те компоненты смысла, которые подразумеваются говорящим и хорошо осознаются адресатом. Подобный эффект обусловлен существованием «скрытой грамматики» – той части ее, с которой напрямую связан прагматический компонент.

Значение обусловленности, в частности, причинной, опирается на разветвленную систему средств выражения (Евтиохин 1996, с. 153). Обозначение каузальной связи между двумя явлениями, ситуациями, фактами может быть передано лексическими средствами (использование самого слова «причина», наречий со значением причины), лексико-грамматическими (именные группы с предлогами *из-за*, *от*, *благодаря*, *по причине* и т. п.), синтаксическими (сложноподчиненные предложения с семантическими союзами и союзовыми сочетаниями *потому что*, *так как*, *ибо*, *благодаря тому что*, *из-за того что*, *по причине того что*, *благо (что)*, *тем более что* и т. п.).

Названные средства передают значение причины явно, выводят его на поверхность. Кроме того, значение каузальности заложено в лексическом значении переходных глаголов, которые обозначают действие, производящее некую перемену в объекте, на который оно направлено:

строить, рисовать, делать и т. п., включая и их видовые пары. Подобные глаголы являются подтверждением существования «скрытой грамматики». В семантической структуре глагола-каузатива заложено представление и о субъекте – исполнителе действия, и об объекте, и о предопределенном результате, который подразумевается при нормальном положении дел: строить, чтобы появилось здание; кормить, чтобы насытить; читать, чтобы получить информацию.

В нашем случае речь идет об элементах «скрытой грамматики», которые проявляются при сочетании нескольких вполне определенных условий. Во-первых, для их реализации необходимо целостное высказывание (предложение). Во-вторых, в нем представлены, как минимум, две ситуации, поскольку речь идет об обусловленности одной ситуации другой. В-третьих, содержание высказывания соотносится с неким эталоном-стереотипом, который существует в языковом сознании говорящих и влияет на интерпретацию связи между ситуациями как причинной.

Перечисленные признаки вкупе позволяют выявить отношение причинной обусловленности применительно к предложениям, где нет явных обозначений этого аспекта смысла. Один из подобных случаев – препозитивное прилагательное, обозначающее такой признак, который влияет на способ поведения субъекта или объекта (Михеева 2015).

Рассмотрим способность наречий выражать значение причины в составе сложноподчиненных предложений с придаточными меры и степени.

Подробное описание структурно-семантических разновидностей этих предложений представлено в «Русской грамматике – 80». Авторы отмечают следующие характерные их особенности: 1) в качестве опорного компонента может выступать «слово с качественной семантикой или количественное именное сочетание» (Русская грамматика 2005, с. 494); 2) союзные средства – это *как, словно, будто* и т. п. (для предложений, в которых определительное значение выражается посредством сравнения (Там же, с. 493); *что, чтобы* (для предложений, «в которых определительное значение выражается через указание на следствие» (Там же, с. 501)); 3) в составе опорного компонента используются указательные местоимения и местоименные наречия, роль которых состоит в выделении и интенсификации значения опорного слова.

В предложениях, где в качестве опорного компонента выступает сопровождаемое указательным местоименным словом наречие или слово категории состояния, придаточная часть, как уже было отмечено, имеет ярко выраженный оттенок следствия. Приведем примеры:

Он [ком] так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел (К. Паустовский); *Трос натягивался так туго, что становился страшно: вдруг не выдержит и лопнет!* (Е. Коковин); *Сам он ел толь-*

*ко хлеб и **так мало**, что удивительно, как не потухала жизнь в тощеньком его костячке* (А. Грин).

На основе иллюстраций можно отметить следующие значимые моменты.

1. Слово с оценочным значением (в нашем случае это наречие) в силу своей лексической семантики предполагает наличие некой виртуальной шкалы измерений, с которой соотносится называемое качество. На этой шкале отмечена «нулевая зона» – она предполагает норму, усредненный вариант, точку равновесия. Это то, что называется «нормально» и не приводит к изменениям в положении дел. Именно по отношению к этой норме на разных полюсах, или сторонах, шкалы располагаются различные уровни проявления качества, лексически это выражается в явлении антонимии. В наших трех примерах отмеченные наречия встраиваются в следующие измерительные ряды: «ловко – нормально – неуклюже», «тую – нормально – слабо», «мало – нормально (достаточно) – много» (Арутюнова 1985).

2. Качество или свойство, обозначаемое в слове, само может проявляться в различной степени. Это находит выражение, с одной стороны, в наличии специальных форм степеней сравнения. С другой – и это наш случай, – средством подчеркивания степени интенсивности оказываются местоименные слова, а средством конкретизации самой степени интенсивности является придаточная часть: именно в ней точно определяется, до какой границы доходит проявление качества. Степень интенсификации качества в свою очередь определяет последствия. Иными словами, существует еще одна, скажем так, внутренняя шкала измерений, которая также предполагает зону равновесия, но уже по отношению к самому названному признаку. Любое отклонение от нее приводит к неизбежному последствию. То есть сам факт наличия или проявления какого-либо качества – это причина, причем причина достаточно весомая, проявления, образования, цепной реакции череды событий, по крайней мере, хотя бы одного. Причина «ловко прятался» приводит к следствию «никто не видел»; «тую натягивается» – «становится страшно»; «мел мало» – «удивительно, что жив». Неизбежность следствия и подчеркивается указательными словами.

3. При употреблении в главной части в качестве опорного слова местоименно-указательного наречия *так* придаточная часть не только конкретизирует его значение. Она сообщает о том следствии, которое стало возможным именно при подобном развитии событий: *К обычной замкнутости его прибавилась какая-то угрюмость, и он похудел **так**, что под глазами повисли мешки и одрябли темные щеки* (О. Кувшинов); *Лорх вздрогнул **так**, что зазвенели пружины матраца* (А. Грин). Вместе с тем придаточное меры и степени сообщает о следствии, свя-

занном с глагольным сказуемым в главной части, ведь именно оно является отправной точкой в цепи взаимообусловленных событий. Наречие же совместно с придаточным определяет степень интенсивности действия и последствия его проявления.

Подобное наблюдаем также в предложениях, где в качестве синонима слова *так* в главной части употреблено местоимение *до того* или местоименное наречие с количественным значением *настолько*:

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания (М. Пришвин); *Вскоре Малыш настолько привык к стрельбе, что не обращал внимания даже на станковый пулемет, установленный рядом и бьющий длинными и оглушительными очередями* (В. Коковин).

4. Существенным семантическим компонентом, не всегда явно выраженным в самом высказывании, оказывается точка зрения наблюдателя. Его оценочное отношение во многом (если не сказать всегда) определяет восприятие и передачу смысловых связей между изображаемыми явлениями, событиями.

В зависимости от позиции по отношению к изображаемым явлениям и событиям наблюдатель может быть внутренним или внешним – диегетическим и экзегетическим соответственно (Падучева 1996, с. 202–203, 262–265). Внутренний, или диегетический, наблюдатель – это либо говорящий (в канонической речевой ситуации, где система пространственно-временных и субъектно-объектных координат опирается на исходный дейктический комплекс «я – здесь – сейчас»); либо персонаж или действующее лицо в произведении, с чьей точки зрения представлено видение текущих событий (неканоническая речевая ситуация в повествовании от 3-го лица, где система семантических координат связана с условной точкой отсчета). Приведем примеры.

Диегетический наблюдатель – говорящий / рассказчик:

Качка так подействовала, что я не мог даже думать о еде (В. Коковин); *Маленькая дверца, такая маленькая, что даже мне, проходя в нее, приходилось нагибаться, вела в кочегарку* (В. Коковин).

Показателен второй пример: 1) оценка размера дверцы представлена с точки зрения ребенка, поэтому в высказывании особую значимость приобретает уточняющий оборот *такая маленькая*, к которому привязано придаточное меры и степени, также приобретающее дополнительный уточняющий оттенок; 2) от размера дверцы напрямую зависит способ поведения любого, включая ребенка, человека, который хотел бы пройти в кочегарку – *приходилось нагибаться*.

Диегетический наблюдатель – персонаж:

Временами он чувствовал, что тело его распухает, вытягивается и становится таким огромным, что было непонятно, как оно уме-

щается все в той же тесной палатке (О. Кубаев); Ведякин хотел было предложить зайти на обратном пути и перевезти их хотя бы к Туманному мысу, где есть все-таки пять яранг и живые люди. Или забрать их совсем. Но человек в шинели опомнился и с такой солдатской готовностью оглянулся кругом, так по-хозяйски пнул бревно плавника и запустил руку в бороду, что Ведякин передумал и ничего не сказал (О. Кубаев).

Во втором фрагменте выбор одного из персонажей – наблюдателя (*хотел было – передумал и ничего не сказал*) напрямую связан с оценкой поведения второго персонажа с точки зрения наблюдателя: *с такой солдатской готовностью, так по-хозяйски*.

Таким образом, значение обусловленности оказывается значимым компонентом общего смысла предложения и реализуется при помощи неспециализированных средств, к которым нужно отнести слова с признаковым значением (прилагательные и наречия), на основе взаимодействия многих собственно языковых и прагматических составляющих высказывания и фрагмента текста.

Литература

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – № 3. – 1985. – С. 3–19.

Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка / В.Б. Евтюхин // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – 229 с. – С. 138–174.

Михеева С.Л. Признак, обуславливающий действие: о роли прилагательного в высказывании при выражении причинных отношений / С.Л. Михеева // Научный диалог. – № 12 (48). – 2015. – С. 120–131.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

Русская грамматика: научные труды: в 2-х томах / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Е.А. Брызунова, К.В. Габучан и др. – Москва: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. – Том 2. – 712 с. (Репринтное издание).

**Начерная С.В.
Nachernaya S.V.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**ТОПОСЫ В СУДЕБНОЙ РЕЧИ:
ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ
TOPICS IN A DEFENSE SPEECH:
CAUSE-CONSEQUENCE POSITION**

Аннотация. В статье рассматривается топический причинно-следственный период в рамках логико-риторической модели на примере анализа текста из защитительной речи Я.С. Киселева «Речь в защиту Бердникова».

Abstract. The article deals with topical causal period in the framework of the logic-rhetorical model by analyzing the text of defense by Ya.S. Kiselev «Speech for defense of Berdnikov».

Ключевые слова: риторика, топика, логика, причинно-следственный период, обоснование, метод, смысловая модель, многоаспектность, защитительная речь.

Key words: rhetoric, topic, logic, causal period, justification, method, semantic model, multi-dimensionality, speech of defense.

Из всех терминов в риторике нет термина более неопределенного и противоречивого, чем термин «тотос». Считается, что терминологическая неясность идет оттого, что, начиная с античных времен, ученые не давали точных определений терминам, которые они использовали.

Термин «тотос» как способ «отыскания аргументов» впервые описал как основное понятие в риторике философ-софист Протагор (V в. до н.э.).

«Тотос» как метод предложил, описал и разработал Аристотель. Однако он не был последователен в своих определениях понятия «тот», так как придавал различные значения данному термину. У него он имеет несколько различных неоднозначных смысловых значений – это аксиома, позиция, взгляд, точка зрения, довод, аргумент, прием, уловка. Только совокупность тотосов он рассматривал как «способ исследования предмета речи» (Аристотель 1978, с 345–351).

Основатель неориторики Х. Перельман определил «тоты» как «...заголовки, под которыми могут быть классифицированы аргументы», выделив главную цель в аргументации: присоединение аудитории к положениям оратора на основе достижения согласия, где конкретный факт согласия основан на топе. В свою очередь тоты – это и «общие посылки, часто подразумеваемые, которые включаются в обоснование большей части предпочтений и выборов» (Perelman 1969, с. 83).

В своем анализе текстового отрывка из защитительной речи Я. С. Киселева «Речь в защиту Бердникова» мы будем придерживаться определения топа, которое дал А. А. Волков: «Топ – это общая идея, к

которой приводится обсуждаемое положение и на основе которой строится аргумент... Топ может быть выражен в различных формах, но в каждом таком произведении общий «тотос» превращается в частный. Так как обычно оказывается либо конкретным суждением, либо иносказанием, либо высказыванием с неопределенным смыслом» (Волков 1987, с. 44–45, 63).

Текст речи в защиту Бердникова внешне нейтрален, лишен эмоциональности, а точнее, она скрыта, и проявляется при сопоставительном анализе ключевых словосочетаний общеупотребительного и юридического характера.

Для данной защитительной речи характерны точность, логичность, тонкий анализ обстоятельств дела и доказательств, глубокий психологический анализ, лексические повторы и некоторая художественность языка с включением эпифоры и анафоры. Вся защита ведется в форме «рассуждения» с опорой на факты. Мы берем следующий текстовый отрывок.

Рассуждение четвертое.

...Наталья Федоровна, сообщив суду, что она правдива и очищена от злых чувств, перешла к изложению фактов. Она показала, что была принята на завод по рекомендации и настоянию Бердникова (топ причины)

Эти показания ее верны (топ следствия)

Она показывала, что Бердников, мастер, начальник смены, сам обучал ее токарному делу (топ причины)

И эти показания ее верны (топ следствия)

Она показала, что бывали случаи, когда Бердников, хотя небольшую, но часть работы за нее делал, чтобы она выполнила норму (топ причины)

И эти показания ее верны (топ следствия)

Итак, ее показания о том, что Бердников внимательно и заботливо относился к ней несколько первых месяцев ее работы на заводе, полностью соответствуют действительности (топ причины)

(топ следствия) Туркина старательно работала, следовательно, не было никаких деловых причин к тому, чтобы мастер изменил к худшему отношение к добросовестной работнице

А отношения изменились. Туркина показывала: Бердников придирично выискивал брак в ее работе (топ причины)

И это подтверждалось (топ следствия)

Туркина показывала: Бердников выжимал ее с завода (топ причины)

И это подтверждалось (топ следствия)

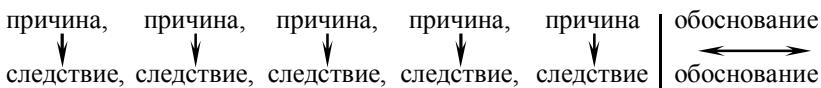
Начальник цеха, свидетель Свиридов, припомнил, что он пытался обраузумить Бердникова и убедить его быть справедливым к Туркиной, (топ причины)

Бердников раскрыл свой замысел: «Гнать ее нужно с завода, гнать!» (топ следствия)

Но почему «нужно гнать», не сказал (топ обоснования) (Киселев 1985, с. 68).

Весь текстовой отрывок можно рассматривать как причинно-следственный период, в котором выделяются две части, или смысловые многоуровневые ступени, включающие в себя топы «причина-следствие».

В одном предложении раскрывается причина (топ причины), в другом дается следствие (топ следствия). Топы используются для передачи причинной обусловленности и временной последовательности, кроме того, они всегда объективны, а это дает возможность адвокату расположить слушателей к пониманию и сочувствию. В доказательной части причинно-следственной модели Я. С. Киселев применяет лексические повторы или повторы – слова одной и той же грамматической формы. Слова, стоящие в анафорической позиции, придают речи стройность, усиливают значительность событий, заставляют прислушаться к тем деталям, которые подчеркивает защита. С точки зрения логического построения взаимоотношений, топ «причины» и топ «следствия» представлены в виде смысловой модели, состоящей из «цепочки» топов причины и топов следствия, а именно:

В данном случае «цепная» модель текста по форме представляет собой концептуальное строение и зрительно воспринимается целиком, так как графическая форма модели отражает функциональную пер-

спективу текста и обладает непрерывностью в доказательстве. Кроме того, модельный образ текста помогает восстановить его основную мысль, семантические связи и дает возможность проследить в развитии его текстовую информацию, для понимания которой необходима строгая пропорциональность между фактами и «общими местами», так как любое сообщение (письменное или устное) не может выглядеть только оригинальным речевым построением.

Топосы, т. е. «общие места» дают возможность создать текстовые рамки, где речевая ситуация играет основную роль, а автор речи наполняет соответствующую рамку необходимым содержанием: доброжелательный тон, нейтральные житейские оценки, повторы лексики, акцентирование темы морали – и пострадавшая становится жертвой собственной лжи.

Все это в оценке дальнейших характеристик позволило снизить стиль, тем самым подчеркнуть обыденность этих событий, когда люди должны разобраться самостоятельно по совести, а дело рассматривается в суде: *...лгать и оставаться неразоблаченной, обмануть доверие и быть признанной правдивой, надругаться над человеком и добиться, чтобы его признали виновным, что может быть страшнее!*

Зло, причиненное Бердникову, можно исправить только оправдательным приговором, который вернет веру Бердникова в то, что ложь рано или поздно, но обязательно разоблачается, а хитрость посрамляется.

Таким образом, «тотос» имеет причинно-следственную позицию и в рамках причинно-следственного периода является как методом, так и структурно-смысловой моделью, с помощью которой строится текст как речевое произведение с различным композиционным составом и лексической направленностью.

Топическая смысловая модель текста как самостоятельный объект и определенный образ защитительной речи дает возможность выявить структуру текста, функцию языковых средств его формирующих и композиционно-речевую форму.

Литература

Аристотель. Топика / Аристотель // Сочинения. – М.: Акад. Наук СССР, 1978. – Т. 2. – 533 с.

Волков А.А. Неориторика Брюссельской школы / А.А. Волков // Неориторика. Генезис. Проблемы. – М., 1987. – 169 с.

Киселев Я.С. Речь в защиту Бердникова / Я.С. Киселев // Речи известных русских юристов. – М., 1985. – 167 с.

Perelman Ch. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Notre Dame – London, 1969. – 107 p.

Немкова В.А.

Nemkova V.A.

Московский государственный университет

Moscow State University

**ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ЛИЦА В ОРИГИНАЛЕ
И АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ)**

А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»

И Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВРЕМЯ НОЧЬ»)

**CONNECTION BETWEEN THE CATEGORIES OF TENSE
AND PERSON IN ORIGINAL TEXTS AND THEIR ENGLISH
TRANSLATIONS (BASED ON “ROADSIDE PICNIC”**

**BY A. AND B. STRUGATSKY
AND “THE TIME: NIGHT” BY L. PETRUSHEVSKAYA)**

Аннотация. В данной статье мы рассмотрим категории времени и лица с точки зрения их функционирования в текстах современных русских писателей и их английских переводах. В ходе сравнительного анализа мы обнаружили, что употребление той или иной временной формы непосредственно связано с актуализацией категории лица в той же клаузе. Подобное взаимодействие и его отражение в переводе стали объектом исследования.

Abstract. In this article we will focus on the categories of tense and person in terms of their functioning in modern Russian prose and its English translations. Comparative analysis has revealed that the usage of this or that form of tense is connected with the actualization of the category of person in the same clause. Connection of this type and its reflection in translation have become the object of our research.

Ключевые слова: дейктические категории, pragmatic functions of grammatical forms, comparative semantic-syntactic analysis.

Key words: deictic categories, pragmatic functions of grammatical forms, comparative semantic-syntactic analysis.

Сопоставление художественных текстов и их переводов с точки зрения используемых в них языковых средств позволяет не только описывать грамматические категории, но и выявлять особенности их функционирования. В своем исследовании мы будем использовать метод сравнительного семантико-синтаксического анализа оригинального и переводного текстов, обоснованный в книге А.В. Уржи (Уржа 2009, с. 21, 27) и эффективно применяемый в статьях этого автора (Уржа 2014; 2015).

Наше исследование проводится на материале русской прозы конца XX века и ее английских переводов. С точки зрения функциональной нагрузки тех или иных грамматических форм выбранные для анализа повести А. и Б. Стругацких и Л. Петрушевской и их переводы представляются мало исследованными. Данные тексты объединяют как раз грамматическая особенность – использование повествования в настоя-

щем времени, которое само по себе представляет интересный феномен в современной прозе.

Помимо чисто дейктической функции, состоящей в соотнесении событий с точкой отсчета, категории времени и лица выполняют также текстовые, композиционные функции. В.В. Виноградов писал, что «время русского глагола психологично и субъективно», «не вполне грамматикализовано», «определяется больше психологически, чем грамматически» (Виноградов 1947, с. 441). Личные формы глаголов и местоимений выполняют «семантико-прагматические функции передачи точки зрения говорящего на соотношение обозначаемой ситуации и ситуации речи» (ТФГ 1991, с. 7).

В работе Д. А. Штelinga делаются выводы касательно связи времени и лица с речевым актом: «Предикативные категории лежат на оси говорящий – слушающий» (Штeling 1996, с. 224). Учёный противопоставляет презенс и претерит как субъективное и объективное. Пытаясь установить связь категорий времени и лица, автор пишет о том, что формы лица являются морфологическими показателями настоящего времени (Штeling 1996, с. 229).

Связь между категориями времени и лица заключается в субъективности повествования от первого лица в настоящем времени и в объективности третьесличного повествования в прошедшем, что находит подтверждение в примерах из исследуемых текстов.

Л. Петрушевская. Время ночь.	L. Petrushevskaya. The Time: Night. (Translated by Sally Laird)
Я-то веду себя как английская королева, ото всего отказываюсь , от чего ото всего: чай с сухариками и с сахаром! Я пью их чай только со своим принесенным хлебом, отщипываю из пакета невольно, ибо муки голода за чужим столом невыносимы, Тима же налег на сухарики и спрашивает , а можно с маслицем (на столе забыта масленка).	Of course I behave like the Queen of England say no thanks to everything, won't touch a thing – not even the sugar and crackers to go with my tea. I'll only drink their tea with the bread I've brought, keep tearing off little mouthfuls to stay the pangs, it's unbearable to sit starving at someone else's table! But Tima sets right to work on the crackers and then starts asking can't he have a bit of butter (the butter is still sitting there on the table).

В приведенном примере из повести Л. Петрушевской «Время ночь» и ее перевода на английский язык автор использует глаголы в настоящем времени, когда речь идет о рассказчице, и употребляет прошедшее время, когда фокус повествования смешается на Тиму – внука главной героини. Переключение по категории времени выступает как своего

рода сигнал переключения по лицу. Переводчик использует настоящее время на протяжении всего фрагмента, поэтому смыслы, связанные с противопоставлением по категории лица (рассказчик – второстепенный персонаж), в переводе остаются неактуализованными.

В следующем примере из повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и ее перевода видно, как использование настоящего времени в актуальном значении заставляет переводчика ввести дополнительные показатели 1-го и 2-го лица. Тем самым активнее задействуется читатель, к которому рассказчик обращается напрямую.

A. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине.	A. and B. Strugatsky. Roadside Picnic. (Translated by Antonina W. Bouis)
Асфальт ровный, на нем все виднее, и трещина там эта знакомая.	The asphalt is smooth and <i>you can see</i> what's on it, and <i>I know</i> that crack well.

Как видим, настоящее время в художественном тексте не только выступает как особый прием субъективации, но и оказывается тесно связанным с актуализацией граммем 1-го и 2-го лица, в то время как переключения в прошедшее время могут сигнализировать о смене субъекта с рассказчика на 3-е лицо.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. — М., 1947. — 784 с.

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — СПб.: Наука, 1991. — 369 с.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики / А.В. Уржа. — Москва: Издательство «Спутник+», 2009. — 293 с.

Уржа А. В. Перцептивизация как элемент переводческой тактики / А.В. Уржа // Гуманитарный вектор. Серия: филология, востоковедение. — № 4 (40), 2014. — С. 57-62.

Уржа А. В. Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов / А.В. Уржа // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — № 1, 2015. — С. 76-94.

Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке / Д.А. Штелинг. — М.: МГИМО, ЧеRo, 1996. — 254 с.

**Пономарева Ю.Л.
Ponomareva Yu.L.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

**РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ БОГОСЛУЖЕБНОГО ТЕКСТА В
ДАННЫХ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИТЧИ СОЛОМОНА)
SPEECH SYSTEM OF THE DIVINE SERVICE TEXT IN DATA OF
SEMANTICS (ON THE MATERIAL OF SOLOMON'S PARABLE)**

Аннотация. В данной статье рассмотрена речевая стилистическая системность ветхозаветного текста. В результате анализа выявляется характерная для жанра притчи смысловая модель текста, уровни, отношения и функции единиц речи.

Abstract. The speech stylistic system of the Old Testament text is considered in this article. As a result of the analysis the semantic model of the text, the levels, the relations and functions of the speech units which are typical for the parable genre are revealed.

Ключевые слова: текст, язык, речь, денотат, смысл, модель, системность.

Key words: text, language, speech, denotatum, sense, model, system.

Исследование факторов и принципов системообразования в речи и стиле как базового механизма перевода системы языка в систему речи канонических богослужебных текстов позволяет сделать выводы о том, какие речевые модели характерны для каждого жанра канонического текста, изменились ли эти модели с течением времени. Этим механизмом выступает нейтрализация языкового различительного означивания денотатов (которая в тексте представляется многочисленными сериями) сходным речевым означиванием денотатов и смыслов денотатов. Смысловые и семантико-структурные модели являются коммуникативными матрицами текста. В результате исследования речевой системности текстов выявляется жанровомаркирующий способ организации семантического пространства для каждого жанра (Припадчев 2006).

Исторически речевая системность проявляется в преемственности семантико-структурных механизмов текстообразования произведений разных эпох. Это важно для понимания древних текстов, их переводов на церковнославянский современный язык и сопоставительного анализа текстов разных временных периодов (Припадчев 2004).

Содержание Книги Притчей Соломоновых составляют притчи, т. е. в большинстве случаев отрывочные, афористически изложенные изречения, в которых предлагаются истины духовного содержания: о Боге, Его свойствах, о Божественной (ипостасной) Премудрости. Совокупность изречений, содержащихся в этой книге, составляет так называемую «мудрость» (евр. «хохма»). Эта мудрость есть самостоятельная и самодеятельная Сила. Все учение книги Притчей есть слово и закон Бога. Существенный характер мудрости, которой научает эта книга, слагается из двух основных черт: эта мудрость зиждется на религиозной основе и

есть истинное богоversedие и богочитание, и имеет также практический характер (Толковая Библия, с. 550–552). Отрывки из книги Пritchей читаются на вечернем богослужении в дни Великого Поста.

Бог премудростю основа землю, уготова же небеса разумом: В чувстве его бездны разверзошася, облаци же источиша росу. Сыне, да не преминеши, соблюди же мой совет и мысль: Да жива будет душа твоя, и благодать будет на твоей выи: [будет же исцеление плотем твоим, и уврачевание костем твоим]: Да ходиши надеяся в мире во всех путех твоих, нога же твоя не поткнется, Аще бо сядеши, безбоязnen будеши, аще же поспиши, сладостно поспиши: И неuboшиши страха нашедшаго, ниже устремления нечестивых находящаго. Господь бо будет на всех путех твоих, и утвердит ногу твою, да не пополненшися. Не отрецися благоворити требующему, егда имать рука твоя помогати. Не рцы: отишед возвратися, и заутра дам, сильнути сущу благоворити: не веси бо, что породит находящий день. Не соплетай на друга твоего зла, пришельца суща и уповающа на тя. Не враждуй на человека туне, да не что на тя содеет злое. Не стяжи злых мужей поношения, не возречнуй путем их. Нечист бо пред Господем всяк законопреступник, и с праведными не сочетавается. Клятва Господня в домех нечестивых: дворы же праведных благословляются. Господь гордым противится: смиренным же дает благодать (Триодь Постная, глава 3, с. 359).

Представленный тип (стиль) языка – церковнославянский канонический (в русской графике).

Речевая стилистическая системность текста в данных семантики Типология пространственных значений текста

Анализ семантики текста показывает, что пространство притчи теоцентрично и антропоцентрично (организовано семантикой лица), что выражается серией из существительных и местоимений со значением трансцендентного лица: (*Бог – пред Господем – Господь*) и реальных лиц: (*сыне*); фактоцентрично – на это указывают глаголы со значением факта действия: основа – уготова; темпоцентрично – на это указывают глаголы с вневременным значением предопределенного действия: будет – утвердит; противится – дает; аксиоцентрично – на это указывают глаголы со значением желательного действия: соблюди – да не преминеши – да будет – да ходиши – не отрецися – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи; логоцентрично – обозначается серией существительных и прилагательных, обозначающих перечисление отвлеченных предметов и действий: *землю – небеса – совет – мысль – исцеление – уврачевание – страха – устремления – ногу – рука – на друга – на тя – злое – злых мужей поношения – благодать – праведных.* В структурном аспекте пространство притчи не явно расчленено по степени удаленности

сти и местоположению объектов. Это выражается малым количеством указательных и личных местоимений со значением замещенного лица: модус «вблизи» (*оуповающа – на Тя – В. п.*), модус «вдали» (*в чувстве – ЕГО – Р. п.*), модус «сзади» (*ЕГО – Р. п.*), модус «впереди» (*соущу – ТИ – Д. п.*). В плане признаков пространство притчи обратно почти не направлено (обратное указание на лицо – дейксис, есть, но радиус достаточно мал: *в чувстве – Его, основа, уготова – кто? – Бог*). В функциональном аспекте пространство текста ментально (обозначается серией глаголов 2 лица, предполагающих местоимения «ты», т. е. лицо, о котором нужно помнить по предшествующему контексту: *соблюди – кто? ты – ты – сын, да ходииши – кто? ты – сыне*). В итоге речевые стилистические функции текстообразующих средств жанра притчи в данных категориях пространства: 1) выражение теоцентричности пространства; 2) выражение антропоцентричности пространства; 3) выражение фактоцентричности пространства; 4) выражение темпоцентричности пространства; 5) выражение аксиоцентричности пространства; 6) выражение логоцентричности пространства; 7) выражение частичной расчлененности пространства; 8) выражение прямонаправленности пространства (*Господь – будет*); 9) выражение ментальности пространства.

Партитура текстообразующих средств жанра притчи в данных категориях пространства:

- 1) серия существительных и местоимений со значением трансцендентного лица: *Бог – пред Господем – Господь;*
- 2) серия существительного со значением реального лица: *сыне;*
- 3) глаголы прошедшего времени: *основа – уготова;*
- 4) глаголы настоящего и будущего времени: *будет – утвердит; противится – дает;*
- 4) серия глаголов повелительного и желательного наклонения: *соблюди – да не преминеши – да будет – да ходииши – не отрецийся – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи;*
- 5) серия существительных и прилагательных конкретной семантики: *землю – небеса – совет – мысль – исцеление – уврачевание – страха – устремления – ногу – рука – на друга – на тя – злое – злых мужей поношения – праведных;*
- 6) серия местоимений: *на Тя – Его – Ти;*
- 7) серия глаголов повелительного и желательного наклонения + существительное звательного падежа: *соблюди, да ходииши, сыне;*
- 8) экспериментально восстанавливаемое личное местоимение: *(ты).*

Типология временных значений текста

Функционально-семантическая категория времени выражается в том, что времена не векторное. Это обозначается серией императивов и

других глаголов с семантикой настоящего и будущего времени (*будет – утвердит; противится – дает; соблюди – да не преминеши – да будет – да ходиши – не отрецился – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи*). Также время прерывно (последовательность блоков информации не очевидна); ментально (основано на блоках информации), протяженно (длительность каждого действия выходит за пределы суток) и обратимо (порядок слов может не соответствовать реальной последовательности действий).

Речевые стилистические функции в данных категориях времени также:

- 1) выражение невекторности времени; 2) выражение прерывности времени; 3) выражение ментальности времени; 4) выражение обратимости времени.

Партитура текстообразующих средств жанра притчи в данных категориях времени:

1) серия глаголов, отнесенных к настоящему и будущему времени: *будет – утвердит; противится – дает; соблюди – да не преминеши – да будет – да ходиши – не отрецился – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи;*

2) отсутствие серии кратких причастий действительного залога, кроме *отшедь, надеяся.*

Факторы речевой стилистической системности текста в данных семантики

Фактор центрации речевого семантического пространства (совместность денотатов) проявляется в центрации множества денотатов семантическими «фокусами» – значениями трансцендентного и реального лица, факта, времени и желательности действия, перечисления предметов.

Центрация семантикой лица обозначается серией существительных и местоимений со значением трансцендентного (*Бог – пред Господем – Господь*) и реального (*сыне*) лица. Центрация семантикой факта действия обозначается серией глаголов *основа – уготова.* Центрация семантикой времени обозначается серией глаголов *противится – дает.* Центрация семантикой имплицитной желательности и предопределенного действия обозначается серией глаголов со значением «сейчас и в будущем» *соблюди – да не преминеши – да будет – да ходиши – не отрецился – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи; будет – утвердит.* Центрация семантикой перечисления предметов обозначается серией существительных и прилагательных *землю – небеса – совет – мысль – исцеление – уврачевание – страха – устремления – ногу – рука – на друга – на тя – злое – злых мужей поношения – праведных.*

Фактор невекторности речевого времени проявляется в распределенности фаз обнаружений лица, факта, времени, предопределенности и перечисления предметов по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности «сначала» – «затем» – «потом», модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих» («сначала» – *соблюди, не преминеши*; «затем» – *да будет – да ходиши*; «потом» – *не отрецыся – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи*; «во-первых» – *Господь*, «во-вторых» – *пред Господем*; «в-третьих» – *сыне*).

Фактор формирования семантического «разреза» проявляется в том, что при вертикальном развертывании текста семантические «фокусы» многократно соотнесены с одними и теми же денотатами – (*Бог*) и человеком (*сыне*).

Обнаружением такого развертывания текста в плане речевого пространства является соотнесение с денотатом *Бог* семантических «разрезов»: теоцентрического (*Господь*), фактоцентрического (*основа, уготова*) и темпоцентрического (*будет – утвердит; противится – дает*); антропоцентрического (*сыне*), аксиоцентрического (*соблюди – да не преминеши – да будет – да ходиши – не отрецыся – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи*) и логоцентрического (*землю – небеса – совет – мысль – исцеление – уврачевание – страха – устремления – ногу – рука – на друга – на тя – злое – злых мужей поношения – праведных*).

Обнаружением вертикального развертывания текста в плане речевого времени являются: отношения обнаружений лица («сначала» *Бог* – «затем» *пред Господем* – «потом» *сыне*); отношения перечисления действий («сначала» – *соблюди, не преминеши*, «затем» – *да будет – да ходиши*; «потом» – *не отрецыся – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи*); отношения перечисления предметов («во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих») – *землю – небеса – совет – мысль – исцеление – уврачевание – страха – устремления – ногу – рука – на друга – на тя – злое – злых мужей поношения – благодать – праведных*.

Фактор тема-рематической модификации синтагмы проявляется в том, что семантические «разрезы» несимметрично распределены в соответствии с темой и ремой синтагм.

В теме синтагм концентрируются основные способы организации семантического пространства (семантические «фокусы»): теоцентрический (*Бог – основа, уготова*), антропоцентрический (*сыне – соблюди*).

В реме синтагм обнаруживаются семантические «разрезы»: теоцентрический (нечист – *пред Господем*; в чувстве – *Ego*), фактоцентрический (*Господь – основа; уготова*); темпоцентрический (*Господь – дает*), аксиоцентрический (*соблюди – совет и мысль*) и логоцентрический (*соблюди – совет и мысль, не враждуй – на человека*).

Фазы указанных семантических «разрезов» организуются в вертикали текста в соответствии с имплицитными модусами речевого времени – модусами последовательности «сначала – затем – потом», модусами перечисления «во-первых – «во-вторых» – «в-третьих», модусами уточнения «общее – частное».

Фактор сходного означивания проявляется в том, что на основе центрации речевого пространства, невекторности речевого времени, формирования семантических «разрезов», тема-рематической модификации синтагм в словесных рядах текста обнаруживаются речевые серии релятивов и полнозначных синтаксем со сходным означиванием.

Речевыми в тексте являются: серии полнозначных слов – *сыне* (сходное в означивании – семантика реального лица); *Бог – пред Господем – Господь* (сходное в означивании – семантика трансцендентного лица); серия полнозначных слов – *основа – уготова* (сходное в означивании – семантика факта действия); *будет – утвердит; противится – дает* (сходное в означивании – семантика вневременности и предопределенности), *соблюди – да не преминеши – да будет – да ходии – не отрецился – не рцы – не соплетай – не враждуй – не стяжи* (сходное в означивании – семантика имплицитной желательности, предопределенной активности, центробежной направленности и объектной версионности действия), серия полнозначных слов – *землю – небеса – совет – мысль – исцеление – уврачевание – страха – устремления – ногу – рука – на друга – на тя – злое – злых мужей поношения – благодать – праведных* (сходное в означивании – перечисление одушевленных и неодушевленных предметов).

Речевое в тексте связано с однородной системной вертикалью, языковое – с разнородной структурной горизонталью.

В итоге показатели текстообразования и стилеобразования как системаобразования в речи и стиле в данных семантики следующие:

1) доминантным значением в тексте выступает семантика трансцендентного лица;

2) семантические «разрезы» в тексте: теоцентрический, антропоцентрический, фактоСентрический, темпоцентрический, аксиоцентрический и логоцентрический;

3) семантика обнаружений лица, факта, предопределенных действий, времени и перечисления предметов распределяется в тексте по множеству векторов речевого времени, что говорит о его невекторности;

4) тема-рематическая модификация синтагмы на уровне семантики: теоцентрическая, антропоцентрическая модели в тексте приурочены к тематической зоне, теоцентрическая, фактоСентрическая, темпоцентрическая, аксиоцентрическая и логоцентрическая модели – к рематической и характеризуются абстрактностью и конкретностью.

Аксиоцентрическая модель является приоритетной по количеству словесных обнаружений. Выявляется полифункциональность слова – между сериями слов возникают отношения пересечения, объединения, дополнения.

К жанровым особенностям также относятся: коммуникативная ситуация, не локализованная в пространстве-времени, в которой участвуют три лица (Бог – сын – человек), активность трансцендентного и реальных лиц (Бога и человека) во времени, троичность участников диалога. Вместо предопределенности – неизбежность.

Литература

Припадчев А. А. Проблемы исторической лингвистики текста / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 600 с.

Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 112-117.

Толковая Библия, т. 3 / Под редакцией проф. А. П. Лопухина. – М.: Дарь, 2008. – 952 с.

Триодь Постная. Ч.1 – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.

**Попова З.Д.
Popova Z.D.**

*Воронежский государственный университет
Voronezh State University*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА THE SYNTACTIC PREFERENCES OF POETICAL TEXT

Аннотация. Поэты предпочитают те синтаксические варианты, существующие в системе русского языка, которые позволяют соблюдать требования стиха. Эти предпочтения наблюдаются в презентации членов простого предложения, в выборе его структурных схем, в расположении главных членов предложения и в порядке слов в составе словосочетания.

Abstract. Poets prefer syntactical variants from the system of Russian language, which allow to observe the requirements of poems. These preferences are observed in presentation of sentence parts, in choice of syntactic structures, in word-order of the subject and predicate in a sentence and in word-order in word-combinations.

Ключевые слова: стихотворный текст, синтаксис, предложение, высказывание, порядок слов, словосочетание.

Key words: poetical text, syntax, sentence, utterance, word-order, word-combination.

В.Ю. Копров основательно и всесторонне изучает особенности грамматики структурных схем простого предложения, анализирует синтаксические конструкции высказываний. Но и он признает, что в некоторых случаях, например, при переводе на другой язык «часто требуется выход на более высокий, чем отдельное высказывание, уровень – уровень связного текста» (Копров 2010, с. 107).

В исследованиях по общей теории текста и по синтаксису текста уже описывались некоторые типы и виды синтаксических структур, которые характерны для связного текста, причем они варьируются по текстам разных функциональных стилей (Синтаксис текста 1979; Солганик 2006; СЭСРЯ 2006; Попова 2016 и др.).

Но насколько известно автору этой статьи, синтаксические предпочтения стихотворных текстов предметом анализа в трудах лингвистов еще не становились. Высказывалось даже сомнение в соблюдении поэтами требований к целостности текста (Москвин 2015). А между тем, не говоря уже об интонационно-синтаксическом своеобразии художественного стиля в целом, речевое своеобразие стиха уже давно признано.

«Стих есть особый тип речи, своеобразная выразительная система, существенно отличающаяся и от обиходной речи, и от художественной прозы, и т. д.», – пишет автор известного учебного пособия по теории литературы Л.И. Тимофеев. «Задачи изучения языка стихотворного произведения, – считает Л.И. Тимофеев, – предполагают учет таких его особенностей, как ритмика, рифма, строфика, звуковые повторы и т. д.» (Тимофеев 1966, с. 260, с. 266).

С учетом этих особенностей в данной статье сделана попытка выявить некоторые синтаксические предпочтения стихотворной речи. Источником примеров послужила книга «Стихи о России», в которой представлены произведения поэтов за период от середины XVIII века до середины XX века, что позволяет увидеть некоторые общие синтаксические особенности стихотворных текстов, воспроизводимые на протяжении двух веков.

Предпочтения в презентации членов простого предложения.

В текстах стихов обычным является эллипсис сказуемого. Эллипсис является типичным средством экономии высказываний на синтаксическом уровне (Конопкина 2016, с. 107). Но в поэзии это еще и художественный прием. Благодаря пропуску бытийного (легко подразумеваемого) глагола картина, изображаемая поэтом, становится зритом, она стоит перед глазами читателя как вневременная, как постоянный признак названного объекта бытия.

На родине.

Опять пустынно и убого; Опять родимые места... Большая пыльная дорога Иолосатая верста! (Алексей Жемчужников, 1884).

В моей стране – покой осенний, Дни отлетевших журавлей (В. Брюсов, 1909).

Мои стихи – как дым алтарный! Как вызов яростный – мой крик! (В. Брюсов, 1911).

Край без истории... Все лес да лес, болота, Трясины, заводы в ольхе и тростниках, В столетних яворах... На дальних облаках – Заката летнего краса и позолота. Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень. Холодный сивый дым... (И. Бунин, 1916).

Но возможен эллипсис сказуемых-глаголов и из других лексико-семантических групп. Такие глаголы подсказываются зависящими от них второстепенными членами или контекстом.

Вот Федор Сологуб слагает гимны Родине: *Тебе, отчизна, стон и радость, И безнадежность, и покой.* (1903).

Александр Блок обращается к Родине: *Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?* (1910).

Опускаются компоненты служебных слов, либо уже бывшие в предыдущем тексте, либо подсказываемые им.

Где цвел подсолнечник – расступ кусты крапивы (Яков Полонский, 1855).

Писатель, если только он Волна, а океан – Россия, Не может быть не возмущен, Когда возмущена стихия (Яков Полонский, 1871).

Где танк гремел – там нынче мирный трактор. Где был пожар – благоухает сад... Где елей искалеченные руки Взвивали к мицению – зеленеет ель (Анна Ахматова. 1950).

Предпочтения в выборе структурных схем простого предложения.

В стихах активно реализуется возможность использовать номинативные предложения, в которых называется только объект бытия.

Эти бедные селенья, Эта скудная природа – Край родной долготерпенья, Край ты русского народа! (Федор Тютчев, 1855).

Поля изрытые, Колосья желтых нив, Простор степей, безмолвно величавый; Весеннею порой широких рек разлив, Таинственно шумящие дубравы (Алексей Плещеев, 1862).

Те же росы, откосы, туманы, Над бурьянами рдяный восход, Холодеющий шелест поляны, Голодающий бедный народ (Андрей Белый, 1908).

Предпочтения в расположении главных членов предложения.

Стихотворная строка, как известно, подчиняется требованиям ритмики, определяемым строго заданными чередованиями ударных и безударных слогов, имеющими пять основных вариантов, называемых размерами силлабо-тоники (Тимофеев 1966, с. 310). Стихотворная строка требует также, чтобы в ее конце стояли слово или словоформа, необходимые для создания рифмы в строфе. Достаточно свободный порядок слов в русском языке дает поэтам большие возможности соблюдать эти требования.

Обращает на себя внимание широко распространенная в стихах инверсия главных членов предложения: сказуемое – подлежащее.

Строфа нередко начинается с инверсии главных членов.

Шумят леса свободным шумом, Играют птицы... (Алексей Жемчужников, 1884); *Выхожжу я в путь, открытый взорам* (Александр Блок, 1905); *Понакаркали черные вороны Грозным бедам широкий простор. Крутит вихорь леса во все стороны, Машет саваном пена с озер* (Сергей Есенин, 1914); *Взвивается стяг победный... Что в том, Россия, тебе?* (Максимилиан Волошин, 1915).

Но такая инверсия может быть и внутри строфы.

Шагом с важностью спокойной Тянут тяжести волы (Петр Вяземский, 1849); *И во всех концах Света белого Про тебя идет Слава громкая* (Иван Никитин, 1851); *Под небом мертвенно-синевозым Угрюмо меркнет зимний день* (Иван Бунин, 1896); *Среди болот, в бес силы хилом, Цветком поникшим и унылым Восходит бледная краса* (Федор Сологуб, 1903); *Мелколесье. Степь и дали. Свет луны во все концы. Вот опять вдруг зарыдали Разливные бубенцы* (Сергей Есенин, 1925); *Не той, что из сказок, Не той, что с пеленок, Не той, что была по учебникам пройдена, А той, что пылала в глазах воспаленных, А той, что рыдала, – запомнил я Родину* (Константин Симонов, 1945).

Предпочтения в порядке слов в составе словосочетания.

В своем высоко информативном, не стандартном по тематике исследовании, посвященном выделению и осознанию говорящими словосочетаний в связной речи, К.Я. Сигал предложил отличать словосочетания **канонические** – подчинительные (Сигал 2013, с. 22–23) от прочих (предикативных, сочинительных, аппозитивных и некоторых других). Именно канонические словосочетания подвергаются в стихах разнообразным вариантам расположения их компонентов.

Привычным для естественной русской речи является атрибутивное словосочетание, в котором прилагательное стоит перед существительным. Но в поэтических произведениях по требованию размера и рифмы прилагательное часто ставится после существительного.

Уснул – и вижу я долины В наряде праздничном весны (Федор Глинка, 1825); *У тебя ли нет Поля чистого, Где б разгул нашла Воля смелая?* (Иван Никитин, 1851); *Роскошны вы, хлеба заповедные Родимых нив, Цветут, расстут колосья наливные, А я чуть жив!* (Николай Некрасов, 1855); *Опять, как в годы золотые, Три стертых треплются шлеи, И вязнут спицы ростисные В расхлябанные колеи...* (Александр Блок, 1908); *Дайте мне на Родине любимой, Все любя, спокойно умереть!* (Сергей Есенин, 1925).

Компоненты таких словосочетаний даже отрываются друг от друга.

И на перины пуховые В тяжелом завалиться сне... Да и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне (Александр Блок, 1914); *И теперь, когда вом новым светом И моей коснулась жизнь судьбы...* (Сергей Есенин, 1925).

В словосочетаниях, в которых существительное определяется другим существительным в родительном падеже, определение, как правило, помещается после определяемого. Но поэты, соблюдая размер стиха и требования рифмы, ставят определяемое после определения.

Степного неба свод желанной, Степного воздуха струи... (Евгений Баратынский, 1827); *Ветерок разносит из поляны сонной Скошенного сена запах благовонный. Все молчит, все дремлет – в утреннем покое, Только ржи мелькает поле золотое* (Алексей Апухтин, 1857); *Твоих равнин немые дали Полны томительной печали* (Федор Сологуб, 1903).

Отметим несколько редких примеров с разрывами других видов канонических словосочетаний.

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью мы любим Родину с тобой? (Афанасий Фет, 1856); *И как много в этих звуках Непонятного слилось!* (Алексей Апухтин, 1857); *И солнце уж светло из-за деревьев тех У храма купол золотило* (Алексей Апухтин, 1858); *Из дебрей туманы несмело родное закрыли село* (Афанасий Фет, 1886).

Как следует из рассмотренных выше примеров, некоторые синтаксические предпочтения являются общими для большинства поэтов, что определяется особенностями стихотворных текстов. Но изредка встречаются у разных поэтов синтаксические своеобразия, вызванные желанием соблюсти размер стиха или создать рифму (например, разрывы канонических словосочетаний). Это не всегда способствует безуказиценностии стихотворной строки и может вызывать затруднения в читательском восприятии строфы. От таких «своеобразий» надо отличать индивидуально-авторские неожиданные обрывы фразы, недосказанность мыслей, которые намекают на подтекст стиха, служат средством экспрессии, передают эмоциональное напряжение, волнение поэта. В качестве примера приведем фрагмент стихотворения Сергея Есенина «Русь бесприютная» 1924 года о бездомных детях-сиротах.

Я знаю будущее...	Не потомуль
Это их...	Мой горький буйный стих
Их календарь...	Для всех других –
И вся земная слава.	Как смертная отрава.

Литература

Конопкина Е.С. О некоторых способах реализации закона экономии на синтаксическом уровне / Е.С.Конопкина // Первые Щеулинские чтения. Часть I. – Липецк: ЛГПУ, 2016. – С. 106–110.

Копров В.Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков. Учебное пособие / В.Ю.Копров. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – 228 с.

Москвин В.П. Материалы интернет-конференции, проводимой с 19 по 30 марта 2015 г. кафедрой русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета [Электронный ресурс] URL: <http://www.vspu.ru>

Попова З.Д. От сложного предложения к тексту / З.Д.Попова // Первые Щеулинские чтения. Часть I. – Липецк: ЛГПУ, 2016. – С. 67–73.

Сигал К.Я. Глава I. Метаязыковое осознание словосочетаний во внеэкспериментальных условиях (в связной речи) // К.Я.Сигал, З.Н. Бакалова, Н.И.Пушкина, Н.М.Юрьева. Очерки по синтаксису связной речи. – М.: ИД «Ключ-С», 2013. – С. 11–49.

Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – 368 с.

Солганик Г.Я. Синтаксис текста / Г.Я.Солганик // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта. Наука, 2006. – С. 382–384.

СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта. Наука, 2006. – 696 с.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы / Л.И.Тимофеев. – М.: Просвещение, 1966. – 478 с.

Стихи о России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 224 с.

Припадчев А.А., Зяблицева Н.А.

Pripadchev A.A., Ziablitseva N.A.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

В АСПЕКТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА «ПРИТЧА»)

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TEXT IN THE ASPECT

OF HERMENEUTICS (ON THE BASE OF THE «PARABLE»

PIECE OF WRITING)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу текста жанра «притча» в аспекте типологии смыслов. В результате анализа выявляется характерная для данного текста смысловая модель.

Abstract. This article is devoted to the analysis of «parable» text in the aspect of sensing typology. As the result of this analysis a sensing model peculiar to this text has been determined.

Ключевые слова: текст, язык, речь, смысл, модель.

Key words: text, language, speech, sense, model.

Лингвистический подход в изучении текстов предполагает их комплексное изучение в аспекте языка, речи и стиля. Реализуется данный подход в конкретных стратегиях и тактиках анализа текста: герменевтика и типология смыслов текста, лингвистика и семантические модели текста, стилистика и средства оформления текста, прагматика текста и его целевая установка, восприятие текста и модели его понимания. В результате анализа выявляются речевые функции текстообразующих средств, партитура текстообразующих средств, смысловые и семантические модели текста и средства их выражения.

Исследование типологии смыслов Книги Притечей Соломоновых показывает, что разработка лингвистического подхода актуальна не только для изучения светских текстов, но и богослужебных.

В состав данной книги входят различные притчи, т. е. краткие высказывания, содержащие в себе духовные истины о Боге, мудрости, ее природе и реализации в жизни. Цель этой книги состоит в том, чтобы сообщить о добродетели, о которой говорится во всей Библии. Но притчи не являются прямыми заповедями Бога. Они передают знания в форме поучений, основанных на опыте человеческих переживаний.

1 Сын мой! наставления моего не забывай, и заповеди мои да хранят сердце твое; 2 ибо долготы дней, лет жизни и мира они приложат тебе. 3 Милость и истина да не оставляют тебя: обвязжи ими шею твою, натииши их на скрижали сердца твоего, 4 и обретешь милость и благоволение в очах Бога и людей. 5 Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой. 6 Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои. 7 Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла: 8 это будет здравием для тела твоего и питанием для костей твоих. 9 Чти Господа от имени твоего и от начатков всех прибытоков твоих, 10 и наполняться житницами твои до избытка, и точила твои будут переливаться новым вином. 11 Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его; 12 ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему. 13 Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, - 14 потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота: 15 она дороже драгоценных камней; и ничего из желаемого тобою не сравнится с нею. 16 Долгоденствие — в правой руке ее, а в левой у нее — богатство и слава; 17 пути ее — пути приятные, и все стези ее — мирные. 18 Она — древо жизни для тех, которые приобретают ее, — и блаженны, которые сохраняют ее!

19 Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом; 20 Его премудростью разверзлись бездыны, и облака кропят росою. 21 Сын мой! Не упускай их из глаз твоих; храни здравомыслие и

рассудительность, 22 и они будут жизнью для души твоей и украшением для шеи твоей. 23 Тогда безопасно пойдешь по пути твоему, и нога твоя не споткнется. 24 Когда ляжешь спать, – не будешь бояться; и когда уснеешь, – сон твой приятен будет. 25 Не убоишься внезапного страха и пагубы от нечестивых, когда она придет; 26 потому что Господь будет упованиею твоим и сохранит ногу твою от увлечения.

27 Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. 28 Не говори другу твоему «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе. 29 Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобою. 30 Не ссорься с человеком без причины, когда он не сделал зла тебе. 31 Не соревнуя человеку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного из путей его, 32 потому что мерзость перед Господом развратный, а с праведными у Него общение. 33 Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых Он благословляет. 34 Если над кощунниками Он посмеивается, то смиренным дает благодать. 35 Мудрые наследуют славу, а глупые – бесславие.

Типология смыслов текста

Энциклопедический смысл притчи: познание мудрости, т. е. Бога. Во многом косвенным маркером данного смысла является серия синтаксем (термин Г.А. Золотовой) и синтагм (термин Ф. Де Соссюра): *познавай – Еgo, надейся – на Господа, удаляйся – от зла*.

К профессиональному осмыслению материала: в анализе текста важно учитывать, что в состав серии энциклопедического и других смыслов входят синтаксемы, которые различаются по многим признакам:

1) по лексической семантике:

познавай — процесс изучения;

Его, т. е. Господа — имя Бога;

надейся — полагаться на кого-что-нибудь, быть уверенным в ком-чем-нибудь (С.И. Ожегов);

удаляйся — процесс движения;

от зла — нечто плохое, дурное.

2) по категориальному значению:

познавай — действие;

Его — указание на трансцендентное лицо;

надейся — действие;

на Господа — трансцендентное лицо;

удаляйся — действие;

от зла — предметность.

3) по синтаксемным признакам:

познавай — глагол повелительного наклонения, 2 лицо, ед. ч.;

Его — по происхождению указательное местоимение, м. р., ед. ч., В. п.;

надейся — глагол повелительного наклонения, 2 лицо, ед. ч.;
на Господа — существительное, 2 скл., м. р., ед. ч., В. п.;
удаляйся — глагол повелительного наклонения, 2 лицо, ед. ч.;
от зла — существительное, 2 скл., ср. р., ед. ч., Р. п.

4) по синтаксической функции:

познавай — сказуемое;
Его — дополнение;
надейся — сказуемое;
на Господа — дополнение;
удаляйся — сказуемое;
от зла — дополнение.

Под влиянием текста языковое различительное означивание денотатов нейтрализуется, то есть отводится на второй план. В результате синтаксемы получают речевую функцию сходного означивания доминантного смысла: познание мудрости, т. е. Бога (*познавай — Его*). В речевых сериях с другими смыслами доминантный смысл конкретизируется: тот, кто познает мудрость и Бога, приходит к пониманию мироустройства, согласно которому все происходит по Божьему промыслу. Все, что происходит с человеком, происходит во благо ему, поэтому он должен быть смиренно преданным Божьей воле и уповать на Его милость и благодать (*надейся на Господа*). Тот, кто познал мудрость, понял и принял ее законы, должен уметь применять их в своей жизни (*удаляйся от зла*). Таким образом, смысловая модель вертикального развертывания текста выглядит так: 1. познание (*познавай — Его*) 2. понимание (*надейся — на Господа*) 3. применение (*удаляйся — от зла*).

Контекстуальный смысл: изображение свойств мудрости в отношении к Богу и ближним: истинно мудрого человека отличает богообязнь и богопочитание; преданность выражается и в терпеливом отношении к наказанию; в отношении к ближнему каждый должен сохранять милосердие и благотворение, быть доброжелательным; Соломон предостерегает от зависти тем, кто пренебрегает заповедями и добивается лишь внешнего и временного успеха. Косвенные маркеры данного смысла — серия синтаксем и синтагм: 1. *бойся — Господа*, 2. *чи — Господа*, 3. *не отвергай — наказания*, 4. *не отказывай — нуждающемуся*, 5. *не замышляй — зла*, 6. *не ссорься — с человеком*, 7. *не соревнуй — человеку*.

К профессиональному осмыслинию материала: в анализе текста следует разграничивать 2 группы понятий.

1) «Словесный ряд» (В.В. Виноградов, А.И. Горшков), «текстообразующие единицы» (Е.Б. Артеменко и др.) и «речевая серия».

Понятия «словесный ряд» и «текстообразующие единицы» являются предварительными. В них не активизируется понимание текста как единства языка, речи и стиля. В понятии «речевая серия», напротив, в

качестве фонов принимаются и язык, и стиль текста, но акцент делается на речи вслед за лингвистикой речи Фердинанда де Соссюра.

2) Парадигма (античная грамматика), поле (Й. Трир, Г. Ипсен).

Это термин не теории речи или лингвистики речи о сходном означивании, а термин теории языка о различительном означивании денотатов. Например, по разным падежным значениям в парадигме склонения: И. п. – грамматическое значение действователя, Р. п. – принадлежности, Д. п. – адресата, В. п. – объекта, Т. п. – орудийности, П. п. – места; или по критерию частотности лексем в поле: ядро поля маркируют лексемы высокой частотности, периферию — низкой.

В отличие от смоделированных исследователями и лишь потенциально коммуникативных парадигм и полей речевая серия реальна как знаковая основа коммуникативной функции речи. Суть этой функции речи заключается в трансляции смысловой модели: 1. познание (*познавай — Его*) 2. понимание (*надейся — на Господа*) 3. применение (*уделяйся — от зла*).

Речевая серия синтаксем и синтагм выделима по теории множеств (Г. Кантор). Объем серии определяется по теории вероятности (А.М. Яглом).

Ситуативный смысл: обращение отца к сыну (*не забывай — наставления моего, хранит сердце — заповеди мои*). В ситуации (не реальной, локализованной в пространстве-времени, а коммуникативной) участвуют 3 лица: **отец** (Соломон) обращается к **сыну** (человеку): *мудрецом — человек — человек*, призывая его к мудрости (**Богу**): *Бога — мудрость*.

К профессиональному осмыслению материала: в анализе текста важно учитывать историческую последовательность в освоении носителями языка категорий пространства и времени. В этой связи важно учитывать пропорцию форм косвенных падежей и именительного падежа.

В притче доминируют формы косвенности со значением прямого и замещенного лица: *тебе — Д. п., тебя — В. п., Бога — Р. п., на Господа — В. п., Его — В. п., мудрецом — Т. п., Господа — Р. п., Господа — В. п., Его — Р. п., того — В. п., тому — Д. п., мудрость — В. п., ее — Р. п., от нее — Р. п., тобою — Т. п., с нею — Т. п., ее — Р. п., у нее — Р. п., ее — Р. п., ее — Р. п., теч — Р. п., ее — В. п., ее — В. п., нуждающемуся — Д. п., другу — Д. п., ближнего — Р. п., с тобою — Т. п., с человеком — Т. п., тебе — Д. п., человеку — Д. п., Господом — Т. п., с праведными — Т. п., у Него — Р. п., нечестивого — Р. п., благочестивых — Р. п., кощунниками — Т. п., смиренным — Т. п. Это падежи лица, пребывающего **в пространстве**.*

Однако в притче встречаются и номинативы лица, действующего **в времени**: *Господь — И. п., человек — И. п., человек — И. п., Господь — И. п., Господь — И. п., развратный — И. п., мудрые — И. п., глупые — И. п.*

Роль времени в текстообразовании притчи подчеркивается и частотностью по происхождению указательных, личных и относительных местоимений в И. п. с семантикой замещенного лица: *Он* — И. п., *который* — И. п., *который* — И. п., *она* — И. п., *она* — И. п., *которые* — И. п., *которые* — И. п., *ты* — И. п., *Он* — И. п., *Он* — И. п.

На активизацию роли времени указывает и союз *a*. В проекции на древнеиндийский и авестийский языки он имеет параллель *āt*, *aat* со значениями: сначала, затем, потом. В отличие от союза *и* пространственная семантика союза *a* не видна ни в индоевропейском, ни в древнерусском языках. В древнерусском языке не было указательного местоимения *a* со значением замещенного лица, тогда как указательное местоимение *i* было.

Об усилении роли времени в притче говорят и глаголы со значением настоящего вневременного: *хранит*, *не оставляют* и др. Они указывают на реализацию в притче не столько языкового трехвекторного времени с признаками: длительность, непрерывность, необратимость, сколько речевого многовекторного времени с признаками: протяженность, прерывность, обратимость.

Отраженность в тексте речевого времени отвела в сторону краткие причастия действительного залога. Однако в притче встречаем одно полное причастие действительного залога, соотнесенное по окончанию, восходящему к указательному местоимению, с пространством — *поступающему*.

Прагматический смысл: не нейтральный. Это наставление отца сыну почтить Господа, соблюдать законы мудрости в отношении к Нему и ближним. В тексте встречаем глаголы повелительного наклонения со значением имплицитной желательности: *не забывай — надейся — не полагайся — познавай* и др. Также находим различные формы оценки: *лучше — большие — дороже*.

К профессиональному осмыслению материала: в анализе текста следует разграничивать прагматику в широком и узком смыслах слова.

В широком смысле слова:

1) прагматична функция, т. е. языковая функция синтаксем прогнозирует различение денотатов. Речевая функция синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов. Стилистическая функция прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов, если они есть;

2) прагматичен жанр, т. е. жанр притчи прогнозирует религиозно-этическую проблематику;

3) прагматичен стиль (тип) языка (наджанровая величина): церковно-славянский тип языка прогнозирует особый порядок слов, т. е. некоторые предложения начинаются не с подлежащего, а с второстепен-

ного члена предложения, чаще всего — с прямого дополнения: *наставления — моего не забывай, заповеди — мои да хранят сердце твое, долготы дней, лет жизни и мира — они приложат тебе*. Слово, с которого начинается и которым заканчивается предложение, несет в себе главный смысловой акцент фразы. Характерна также постановка согласованного определения после определяемого слова: *наставления — моего, наказания — Господня*.

Вместе с тем следует обратить внимание на порядок подлежащего и сказуемого применительно к трансцендентному лицу (Бог) и реальному (человек). В тексте встречаем предложения, в которых трансцендентное лицо (Бог) и связанные с Ним понятия (мудрость, долгоденствие, пути, стези) находятся в тематической зоне синтагм: *Он — направит, Господь — наказывает и благоволит, Господь — основал, Господь — будет упование, она (мудрость) — дороже, долгоденствие — в правой руке, пути — приятные, стези — мирные*. Тема синтагм темпоральна и абстрактна. Реальное лицо (человек) находится в рематической зоне синтагм: *блажен — человек*. Рема синтагм локальна и конкретна. Таким образом, можно сделать вывод: Бог — это вечность во времени. Он пребывает не в пространстве, а во времени, которое уходит в бесконечность. Человек пребывает в пространстве.

В тексте встречается фонетический архаизм — слово с неполногласием: *древо*, а также лексические архаизмы: *убоишься, пагубы, от уловления, соревнуй*.

Прагматичен стиль речи (внутрижанровая величина), который идентифицируется по комплексу семантических моделей притчи: теоцентрическая (первое доминантное значение — семантика трансцендентного лица — *Господь*), антропоцентрическая (второе доминантное значение — семантика реального лица — *сын*), логоцентрическая (третье доминантное значение — семантика негации-отрицания — *не* — будь мудрецом, *не* — замышляй против ближнего, *не* — ссорься с человеком), аксиоцентрическая (четвертое доминантное значение — семантика имплицитной желательности — *надейся — познавай — удаляйся от зла*), темпоцентрическая (пятое доминантное значение — семантика «сейчас — всегда» — *хранит — любит — наказывает*).

Прагматичен индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте), на что указывает смысловая модель текста (*познание — понимание — применение*), а также обширный репертуар семантических моделей, транслирующих смыслы.

В узком смысле слова прагматика — это цель-оценка. В притчи она не нейтральна (это наставление).

Образные смыслы: не нейтральны. Встречаются тропы — аллегории: *обвязжи ими (милостью и истиной) шею твою* — семантическая

структурой тропа: конкретное значение (иметь платок на шее) + конкретное значение (иметь рассудительность) = конкретное второе название действия (сохранять данные качества — милость и истину); *напиши их (милость и истину) на скрижали сердца твоего* — семантическая структура тропа: конкретное значение (написать на скрижали) + конкретное значение (запомнить) = конкретное второе название действия (сохранять в памяти данные качества); *хранит сердце; милость истина не оставляют; бойся Господа и удаляйся от зла: это будет питанием для костей твоих; кого любит Господь — благоволит тому, как отец к сыну своему; она (мудрость) — древо жизни; они (здравомыслие и рассудительность) будут жизнью для души твоей; они (здравомыслие и рассудительность) будут — украшением для шеи твоей; Господь — сохранит ногу твою от уловления; рука твоя в силе сделать его (благодействие)*.

К профессиональному осмыслению материала: в анализе текста следует учитывать понятие «картина мира» (О.Н. Горшкова, З.Д. Попова, И.А. Стернин). В комплексном анализе текста затрагиваются многие картины мира. Для интерпретации выводного знания актуальны:

- 1) языковая картина мира, т. е. семантическое пространство языка и совокупность денотатов данного текста;
- 2) речевая картина мира, т. е. смысловое пространство речи и совокупность сигнификаторов данного текста;
- 3) художественная картина мира, т. е. совокупность образных смыслов текста;
- 4) когнитивная картина мира, т. е. ментальный образ действительности. Он запечатлен в тексте через нейтрализацию микросмыслов и отражается в смысловой модели: познание — понимание — применение. Это и есть концепт текста.

Таким образом, речевые функции (значимости) (термин Ф. Де Соссюра) текстообразующих средств жанра «притчи» в данных смыслов таковы:

- 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанра «притчи» в данных смыслов: 1) серия глаголов повелительного наклонения с семантикой имплицитной желательности: *познавай — надейся — удаляйся* в совокупности с существительными и указательными по происхождению местоимениями: *Его — на Господа — от зла*; 2) серия существительных и местоимений с семантикой единичного объекта в косвенных падежах: *тебе* (Д. п.) — *тебя* (В. п.) — *мудрецом* (Т. п.); 3) серия существительных и местоимений со значением лица в И. п.: *Он* (И. п.) —

Господь (И. п.) – она (И. п.); 4) серия тропов – аллегорий: обвязжи ими (милостью и истиной) шею твою – напиши их (милость и истину) на скрижали сердца твоего.

В результате анализ притчи показывает, что для текста данного жанра характерна коммуникативная ситуация, которая включает в себя трех участников: Бог, отец и сын. Конкретизация доминантного смысла «*познание*» мудрости (Бога) помогает выявить смысловую модель текста: познание (*познавай — Его*) — понимание (*надейся — на Господа*) — применение (*удаляйся — от зла*).

В притче текстообразующие возможности больше проявляют формы косвенных падежей лица, пребывающего в пространстве. Текстообразующий потенциал форм именительного падежа существительных лица, действующего во времени, снижен. Однако они не единичны, следовательно, время в притче также показывает заметные текстообразующие возможности.

Литература

Архимандрит Никифоров (Бажанов). Библейская энциклопедия / Архимандрит Никифоров [Электронный ресурс] URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/>

Бутромеев В.П. Притчи всех времен и народов / под ред. В.П. Бутромеева. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — С. 247—267.

Лопухин А.П. Толковая Библия / Под ред. А.П. Лопухина — М.: Дарь, 2008. — Т. 3.

Нюстрём Э. Библейский словарь Нюстрэма / Э. Нюстрэм [Электронный ресурс] URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-nustrema/>.

Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста / А.А. Припадчев. — Воронеж: ВГУ, 2004. — С. 17 — 56.

Припадчев А.А. История русского литературного языка: Учебное пособие / А.А. Припадчев. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. — 121 с.

Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «грамота») / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация — 2010. № 1 — С. 36 — 41.

Припадчев А.А. Речевая картина мира // А.А. Припадчев // Культура общества и ее формирование. — 2008. — Вып. 20. — С. 13 — 23.

Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «житие») / А.А. Припадчев // Текст — дискурс — картина мира — 2009. — Вып. 5. — С. 11 — 20.

Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанра «летопись»): Сборник научных статей / А.А. Припадчев. — Воронеж: ВГУ, 2009. — С. 37 — 46.

Припадчев А.А., Плещкова А.Г.

Pripadchev A.A., Pleshkova A.G.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

**ГЕРМЕНЕВТИКА КАК СТРАТЕГИЯ АНАЛИЗА ТЕКСТА
СОЛОМОНА «ЭККЛЕЗИАСТ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ»)
HERMENEUTICS AS A STRATEGY OF THE TEXT ANALYSIS
“ECCLESIASTES” BY SOLOMON (GENRE «LITERARY
TESTAMENT»)**

Аннотация. Статья посвящена тактикам анализа текста, т.е. смыслам текста. В результате анализа выявляется асимметрия семантической и смысловой организации текста, проявляющаяся в множественности семантических моделей текста и в единичности смысловых моделей текста.

Abstract. The article is devoted to different tactics of the text interpretation. The analysis shows the asymmetry of the semantic and notional text structure, which appears in multiplicity of the semantic text models and in singleness of notional text models.

Ключевые слова: текст, язык, речь, смысл, модель, герменевтика, анализ.

Key words: text, language, speech, meaning, model, hermeneutics, analysis.

В современной теории текста формируются следующие аспекты изучения текста (Припадчев 2014, с. 93): 1) герменевтика – изучение смыслов текста; 2) лингвистика текста – изучение семантики и структуры текста; 3) стилистика текста – изучение текста со стороны стиля языка (наджанровая величина), со стороны стиля речи (внутрижанровая величина), со стороны индивидуально-авторского стиля (уникальное в тексте); 4) прагматика текста – изучение целевой установки текста; 5) восприятие текста – изучение моделей понимания текста.

С учетом названных аспектов изучения текста, в теории текста необходимо акцентировать не его поэлементарный анализ, а сущность комплексного, триединого предмета лингвистики текста – языка, речи и стиля.

Аналогом термина «стиль языка» в проекции на древнерусские тексты остается сочетание «тип языка», введенное В.В. Виноградовым (Цит. по: Припадчев 2004, с. 53).

В системе типов литературного языка древнерусской, старорусской народности выделяются четыре типа литературного языка: книжно-славянский, народно-литературный, деловой и церковно-славянский (Припадчев 2005, с. 7).

Постепенно, особенно после сложения в национальный период развития русской литературной языковой нормы, типы языка трансформируются в языковые функциональные стили.

В современном литературном языке наряду с научным, публицистическим, деловым, художественным и обиходно-бытовым языковы-

ми стилями требует внимания и церковно-славянский тип (стиль) литературного языка. Он имеет свою сферу функционирования (сфера культа), свою систему жанров и свои языковые, речевые и стилистические особенности. В этой связи актуально обращение к книге Соломона «Экклезиаст», перевод которой относится к современному церковно-славянскому стилю литературного языка.

Акцентируя герменевтику как стратегию анализа названного текста, со- средоточим свое внимание на тактиках анализа текста, т.е. смыслах текста.

Слова Екклесиаста, сына Давида, царя в Иерусалиме.

Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует,— все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.

Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Все вещи — в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зренiem, не наполнится ухо слушанием.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме; и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа!

Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.

Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудrostи большие всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудrostи и знания.

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это — томление духа; потому что во многой мудrostи много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Библия 1991, с. 666).

Энциклопедический смысл (тема всего произведения): бессилие человека против непостижимого хода вещей в мире, направляемого Богом. Серия косвенных маркеров данного смысла: *суета* – все тщетное, пустое, не имеющее истинной ценности; *дал Бог* – дар Божий – духовное богатство, которое дается человеку в надежде на то, что оно будет использовано во благо своей души и для пользы других людей.

В анализе текста важно учитывать, что синтаксемы серии энциклопедического и других смыслов, во-первых, выступают как факты языка и выражают различительное означивание денотатов в плане лексической семантики, категориальных значений, синтаксемных признаков и синтаксических функций; во-вторых, входя в текст, синтаксемы в результате нейтрализации погашают роль средств языкового различения денотатов; в-третьих, на основе речевого отождествления микросмыслов денотатов синтаксемы получают роль сходного означивания доминантного смысла (Припадчев 2014, с. 94). Так, в состав серии энциклопедического смысла входят синтаксемы, отличающиеся по лексической семантике («внутренние ощущения, возникающие в процессе труда» – *суета*, «дарение» – *дал*, «творец и всеобщее мировое начало» – *Бог*), категориальным значениям («предметность» – *суета, Бог*; «действие» – *дал*), синтаксемным признакам (И. п. – *суета, Бог*; З л., ед. ч., прошедшее время, законченное действие – *дал*), синтаксическим функциям («подлежащее» – *суета, Бог*; «сказуемое» – *дал*). Под влиянием текста языковое различительное означивание синтаксем нейтрализуется. На основе речевого отождествления микросмыслов синтаксем они получают роль сходного означивания доминантного смысла: «Бог» – *дал Бог* – «мир» – *восходит солнце, и заходит солнце; идет ветер к югу, и переходит к северу; реки текут в море, но море не переполняется* – «люди» – *что пользы человеку от всех трудов его; не может человек пересказать всего; тяжелое занятие дал Бог сыnam человеческим* – «дух» – *все – суета и томление духа – «Бог» – дал Бог*.

Контекстуальный смысл (микротема отрывка): неотвратимость естественного хода вещей, бессилие человеческой воли изменить его направление, что делает счастье, доступное человеку, непрочным, не-постоянным, случайным, скоропреходящим (*проходит, кружится, возвращается на круги свои, было в веках, умножает скорбь*).

В анализе текста следует разграничивать две группы понятий. Первая группа – это «словесный ряд», «текстообразующие единицы» и «речевая серия синтаксем и синтагм». Понятия «словесный ряд» и «текстообразующие единицы» являются предварительными. В них не акцентируется понимание текста как диалектического единства языка, речи и стиля. В понятии «речевая серия», напротив, в качестве фонов учитывается язык, и стиль текста, но акцент делается на речи вслед за

лингвистикой речи Ф. де Сосюра. Вторая группа понятий – это «парадигма» и «поле». Это термины не теории речи (лингвистики речи) о сходном означивании, а термины теории языка о различительном означивании денотатов (по разным, например, падежным значениям в парадигме склонения – И. п. действователя, Р. п. принадлежности, Д. п. адресата, В. п. объекта, Т. п. орудийный, П. п. места; по критерию частотности лексем в поле – ядро поля маркируют лексемы высокой частотности, периферию – лексемы низкой частотности) (Припадчев 2014, с. 95). В отличие от смоделированных исследователями «парадигм» и «полей» «речевая серия» реальна как знак, в частности, смысловой модели текста: «Бог» – дал Бог – «мир» – восходит солнце, идет ветер, реки текут в море – «люди» – что пользы человеку, не может человек пересказать всего, тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим – «дух» – суeta и томление духа – «Бог» – дал Бог. Речевая серия синтаксем и синтагм выделима по теории множеств, объем серии определяется по теории вероятности.

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации): круговорот вселенной и человека. В эпизоде участвует Екклесиаст (слова ЕККЛЕСИАСТА – Р. п., ЕККЛЕСИАСТ – И. п., Я – И. п.), рассуждающий о человеке (что пользы ЧЕЛОВЕКУ – Д. п., ЧЕЛОВЕК – И. п., у ТЕХ – Р. п., СЫНАМ человеческим – Д. п., ОНИ – И. п.), роде (РОД – И. п.), земле (ЗЕМЛЯ – И. п.), о природных явлениях – солнце (СОЛНЦЕ – И. п., ОНО – И. п.), ветре (ВЕТЕР – И. п.), реках (все РЕКИ – И. п., ОНИ – И. п.), о море (все МОРЕ – В. п., МОРЕ – И. п.), о вещах (все ВЕЩИ – И. п.), о некоторых явлениях – нечто (НЕЧТО – И. п., ЭТО – И. п.), обо всем, что делается под небом (ВСЕ – И. п., тяжелое ЗАНЯТИЕ – В. п., все ДЕЛА – В. п.), и говорит, что это дал Бог (БОГ – И. п.); о своей мудрости (испытать МУДРОСТЬЮ – Т. п., приобрел МУДРОСТИ – В. п., много МУДРОСТИ – Р. п., познать МУДРОСТЬ – В. п., во многой МУДРОСТИ – П. п.), о своем сердце (предал СЕРДЦЕ – В. п., говорил с СЕРДЦЕМ – Т. п., СЕРДЦЕ мое – И. п.) и приходит к выводу, что все это – суета (СУЕТА – И. п.) и томление духа (ТОМЛЕНИЕ – И. п.).

В анализе текста важно принимать во внимание историческую последовательность освоения категорий пространства и времени и, соответственно, пропорцию форм косвенных и именительного падежей (Там же, с. 95). В литературном завещании, как и в летописи, есть формы косвенности: *человеку* – Д. п., *занятие* – В. п., *мудрость* – В. п. Это падежи лица в пространстве. Но в литературном завещании больше номинативного лица, действующего во времени: *Екклесиаст* – *человек* – *род* – *солнце* – *Бог*. Следовательно, категория времени играет более активную роль в текстообразовании данного фрагмента.

Прагматический смысл (цель письменного речевого высказывания): нейтральный. Автор не высказывает своего отношения к ситуации и ее участникам. В силу этого форм оценок разной частеречной принадлежности в тексте не обнаруживаем. Автор констатирует факт (*Суета сует, – все суета!*) того, что все в мире подчинено неизменным и, в то же время, однообразным законам и вследствие этого находится в постоянном круговращении, не дающем ничего нового.

Лишь один раз для усиления выразительности автор употребляет риторический вопрос (*Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?*) и дважды – восклицания (*Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!; Видел я все дела, которые делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа!*!).

В анализе текста необходимо разграничивать прагматику в широком и узком смыслах слова (Там же, с. 96). В широком смысле слова прагматика – это:

а) функция, то есть языковая функция синтаксем прогнозирует различие денотатов, речевая функция синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов, стилистическая функция синтаксем прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов, светских и сакральных, если это есть;

б) жанр, то есть жанр литературного завещания прогнозирует сакральную тематику; в) стиль (тип) языка (наджанровая величина), то есть церковно-славянский тип языка прогнозирует языковые средства, имеющие архаически-возвышенную окраску – прежде всего церковно-славянизмы: *око*; старославянские приставки и суффиксы: *пребывает, восходит, возвращается, предал, возвеличился*; морфологические старославянские средства: *сынам*; индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте), то есть текст литературного завещания прогнозирует отстраненность автора от ситуации и ее участников, однако по смысловой модели «Бог» – «мир» – «плоды» – «дух» – «Бог», эксплицитным сакральным (*во многой мудрости много печали – не будь мудрым, познавай премудрость Бога; кто умножает познания, умножает скорбь – скорбь может умножаться от познания вещного, но не духовного*) оценкам автор не обезличен. В узком смысле слова прагматика – это цель-оценка. В целом в литературном завещании она нейтральна, но не вполне.

Образные смыслы: не нейтральные. Несмотря на то, что автор не индивидуализирует «персонажей»-действователей, он подчеркивает, что все вокруг находится в постоянном круговороте, не зависящем от воли человека, при помощи инверсии (обратного порядка слов) (*восходит солнце, идет ветер, не насытится око, не наполнится ухо, дал Бог, сынам человеческим*). Речь автора также строится посредством инверсии, что показывает его включенность в круговорот (*предал я, видел я*), и лишь дважды он

выделяет себя из естественного хода событий, выстраивая свою речь при помощи прямого порядка слов (*я был царем, я возвеличился*).

В анализе текста важно учитывать то, что стилеобразующие средства в теории известны давно, с XI века, благодаря переводу греческих трактатов. Однако русский язык как один из индоевропейских не копировал греческий. В презентации личностного начала в порождении текста русская речь проходила свой путь. В творческой практике только XVIII века стилеобразующие средства в узнаваемых версиях стали рельефными. Но через смысловые модели, эксплицитные светские и сакральные оценки автор текста узнаваемым был всегда (Там же, с. 97). Так, в данном литературном завещании благодаря смысловой модели «Бог» – «мир» – «люди» – «дух» – «Бог», эксплицитным сакральным (*во многой мудрости много печали; кто умножает познания, умножает скорбь*) смыслам, а также особому построению речи путем инверсии (*предал я, видел я*) перед читателем предстает образ автора, включенного в круговорот как Вечность, и лишь дважды выделяющего себя из предначертанного хода событий путем построения речи при помощи прямого порядка слов (*я был царем, я возвеличился*).

Итак, речевые функции (значимости) текстообразующих средств жанра литературного завещания / поучения в данных смыслах: 1. выражение энциклопедического смысла; 2. выражение контекстуального смысла; 3. выражение ситуативного смысла; 4. выражение прагматического смысла; 5. выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанра литературного завещания / поучения в данных смыслах текста: 1. серия существительных и глагола с сакральной семантикой (*суета – Бог дал*); 2. серия глаголов со значением преходящего действия в единстве с существительными, выражающими крайнюю степень печали (*проходит – возвращается на круги свои – умножает скорбь*); 3. серия существительных и местоимений с семантикой единичного или совокупного субъекта в Именительном падеже (*я – И.п. – все – И.п.*); 4. серия существительных с семантикой единичного или совокупного субъекта в косвенных падежах (*Екклесиаста – Р.п. – дела – В.п.*).

Больший текстообразующий потенциал обнаруживает форма иминительного падежа (менее древняя), представляющего лицо активное, действующее во времени.

Меньшие текстообразующие возможности обнаруживают формы косвенных падежей (причем наиболее древних – Р. п. и В. п.), предъявляющих лицо не активное, не действующее, а пребывающее в пространстве. Следовательно, время в литературном завещании / поучении обнаруживает больший текстообразующий потенциал в сравнении с пространством.

В анализе текста необходимо принимать во внимание понятие «картина мира» (Попова 2007, с. 35–40). К комплексному анализу текста приложимы многие картины мира. Для интерпретации выводного знания актуальны языковая картина мира как семантическое пространство языка и совокупность денотатов данного текста, речевая картина мира как смысловое пространство речи и совокупность сигнификаторов данного текста, художественная картина мира как совокупность образных смыслов текста (если они есть) и когнитивная картина мира как ментальный образ действительности, запечатленный через нейтрализацию микросмыслов (когнитивных признаков) синтаксем и синтагм в смысловой модели «Бог» – «мир» – «люди» – «дух» – «Бог» как концепте текста.

Важно то, что текст первого поучения отражает этап осмысливания нового для того времени вероучения. Сущность этого осмысливания заключается в познании соотношения вещественного и духовного в окружении человека. В сюжете поучения как последовательности фактов и действий сделан акцент на вещественном окружении человека (*солнце, ветер, реки* и т.д.). Вещное окружение человека преходящее, суетно и скорбно. Будучи обнаружением пространства, оно преодолевается временем, на что указывают формы И. п. как падежа реалий, действующих во времени, а также глаголы настоящего времени со значением настоящего вневременного (*проходит, приходит, пребывает* и т. д.). Время, выступая четвертым измерением пространства, не только преодолевает его, но и ведет к бесконечности, вечности и Богу. Поэтому в фабуле поучения как последовательности смыслов акцентируется духовное окружение человека, о чем говорит смысловая модель текста: «Бог» – «мир» – «люди» – «дух» – «Бог». Следовательно, мотив круга как знака гармонии и вечности относится не к вещественному вокруг человека, а к духовному.

Литература

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1991. – 1371 с.

Попова З.Д. Картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Когнитивная лингвистика. – М.: Восток – Запад, 2007. – 315 с.

Припадчев А.А. История русского литературного языка / А.А. Припадчев. – Воронеж, 2005. – 121 с.

Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста / А.А. Припадчев. – Воронеж, 2004. – 600 с.

Припадчев А.А. Языковая, речевая и стилистическая системность текста жанра «летопись» / А.А. Припадчев // Культура общения и ее формирование: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 29 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2014. – 148 с.

Стернин И.А., Цофина Ю.А.

Sternin I.A. Tsolina, Yu.A.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Ярославский государственный университет

Yaroslavl State University

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ

THE PROBLEM OF SEMANTIC-FUNCTIONAL DESCRIPTION OF INTERJECTIONS

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема описания междометий с точки зрения их семантики и функционирования в речи. Недостаточность существующих описаний и разнородность классификаций интеръектиков заставляет искать новые пути решения проблемы. Предлагается описывать междометия методом семенного анализа. Список выявленных сем можно будет использовать в качестве метаязыка описания семантики междометий в словаре.

Abstract. In the present article the problem of the description of interjections from the point of view of semantics and functioning in speech is considered. Insufficiency of existing descriptions and heterogeneity of classifications of interjections forces to search for new ways of solution of the problem. It is offered to describe interjections by method of seme analysis. The list revealed can be used as a metalanguage for the description of semantics of interjections in the dictionary.

Ключевые слова: семантическая типология междометий, метод семенного анализа, текстовое функционирование междометий, лексические, синтаксические, интонационные маркеры, эксперимент, метаязык описания междометий.

Key words: semantic typology of interjections, method of seme analysis, text functioning of interjections, lexical, syntactic, phonetic markers, experiment, meta-language for the description of interjections.

Проблема описания семантики междометий остается весьма сложной. Функционально-семантический подход к их описанию представляется наиболее надежным и эффективным.

Междометия представляют значительную трудность в лексикографическом описании.

Трудности лексикографического описания междометий определяются, прежде всего, неясностью самой категории междометия, этой по выражению Л.В. Щербы, «неясной и туманной категории» (Щерба 1957, с. 67). Какие языковые единицы следует отнести к данному разряду слов, какой инструментарий и метаязык следует использовать для лексикографического представления междометия, как наиболее полно и адекватно представить значения междометий – эти и множество других вопросов встают перед исследователями.

Функция междометия часто, но не всегда сводится к выражению эмоций. Безусловно, имея эмоциональную природу, междометия не ли-

шаются этого компонента значения вовсе, но зачастую он не играет главную роль при употреблении междометия. Во многих случаях междометие выполняет иные функции – привлечение внимания к говорящему, призыв к совершению или прекращению какого-либо действия и т.д.

Одним из самых сложных вопросов представляется фиксация значений междометий в словарях: что именно и как следует описывать в семантике и употреблении междометия.

Лингвисты предлагают различные варианты решения данной проблемы: описание значения интеръективных единиц через функцию, которую они реализуют в высказывании; посредством семантических примитивов; с учетом эмоциональной составляющей и дейктических показателей, которые не зависят от контекста и условий употребления междометий; с учетом тройственной семиотической природы интеръективов: индексальности, символичности и иконичности (Борисова 2005, с. 119–127; Вежбицкая 1999, с. 615–616; Шаронов 2008, с. 271–272; Клебер 2006, с. 18–22; Святковска 2006, с. 50).

На наш взгляд, описание семантики междометий должно опираться на некий метаязык, который должен быть сформулирован исследователем на основании анализа контекстов междометных употреблений и верифицирован в эксперименте, то есть подтвержден реальным языковым сознанием носителей языка, которое отражает функционирование междометий в современном тексте.

Представляется очевидным, что семантика междометий разных семантических типов требует различных подходов к описанию. Семантическая типология междометий представляет большую трудность. Разные грамматические и лексикографические источники включают существенно различающийся набор междометий.

«Новый частотный словарь русского языка» приводит междометия, не дифференцируя их от служебных частей речи, общим списком:

104. ах	277. марш	403. тук-тук	486. хр
109. о	280. м-да	404. фи	488. брр
112. господи	287. э-э-э	405. хе	489. виват
116. ой	288. але	406. хлоп	492. гоп
124. увы	293. да-а	407. чмок	494. ды
132. ага	297. и-и	408. брысь	498. мяу
133. ох	300. бац	410. во-во	500. пи
142. эх	308. ку-ку	416. пам	502. пу
151. угу	309. н-да	418. чи	503. раз
154. эй	310. уф	420. ч-черт	505. сори
164. а	311. чур	421. ша	506. та-та-та
166. э	312. батюшки	422. щелк	507. тик-так
168. а-а	313. баах	423. эврика	509. топ

176. ура	315. о-о-о	424. а-а-а-а	510. ту-ту
184. мм	316. ау	425. бу-бу-бу	511. тьфу-тьфу-тьфу
186. ай	321. айда	428. ку	512. уа
188. э-э	322. ахти	429. мда	514. уй
189. тьфу	323. ба	432. ого-го	515. хо-хо-хо
192. блин	325. ну-у	433. ото	516. хрясь
196. ей-богу	332. у	434. пли	518. чу
199. алло	335. гы	435. р-раз	521. шу
203. здорово	336. да-да-да	439. цыц	523. апчхи
206. ух	338. здравствуй	440. чао	524. бабах
207. ха-ха-ха	340. м-м-м	442. э-эх	525. ба-бах
208. стоп	342. хе-хе	443. эээ	526. бляха-муха
212. ха	344. аа	444. ай-ай-ай	527. бом
214. поди	347. у-у-у	445. алле	528. бррр
217. ого	348. бис	446. атас	529. геть
221. ишь	349. бл..	447. вай	533. кис-кис
222. ну-ну	351. глядь	449. дудки	535. мдя
223. а-а-а	352. е-мое	451. кыш	541. ох-хо-хо
228. боже	357. баста	452. мля	542. пиф-паф
233. хм	358. бл..дь	459. стук	546. полундра
237. фу	362. у-у	460. та	548. пшел
238. ха-ха	370. елки-палки	463. тра-та-та	549. равняйсь
240. м-м	377. хи-хи	464. тсс	554. сю
243. о'кей	379. ааа	465. тю	556. та-та
248. гм	384. караул	466. хи-хи-хи	558. трах
250. браво	387. ттт	467. хо-хо	560. тук
256. здравствуйте	388. хи	468. эге	561. тук-тук-тук
258. хо	389. хны	469. ээ	563. ууу
259. м	391. ай-яй-яй	470. аф	565. хватъ
264. здрасте	393. вау	471. бум	566. хех
266. оп	395. да-а-а	476. о'кэй	567. цоб
270. о-о	397. ей-ей	480. супер	568. чик-чик
271. буль-буль	398. ммм	484. тьфу-тьфу	
273. пардон	400. ой-ой-ой	485. хе-хе-хе	

Частотный словарь художественной литературы

2. а	51. ах	2297. о	4546. увы
3. а-а	717. господи	2422. ой	4638. ура
12. ага	1015. ей-богу	2627. ох	4953. э
18. ай	2292. ну-ка	4514. тьфу	4954. эй
			4973. эх

Словарь значимой лексики художественной литературы

ах	эх	а
эй	ну-ка	иши
господи	ох	ха-ха-ха

Частотный словарь публицистики

92. ах	691. господи	2257. о	4518. увы
--------	--------------	---------	-----------

Частотный словарь другой нехудожественной литературы

2. а-а	693. господи	2409. ой	4988. э-э
25. ага	1914. мм	4503. увы	
118. ах	1915. м-м	4512. угу	
184. блин	2264. о	4921. э	

Частотный словарь другой значимой нехудожественной литературы

угу	э	мм	
-----	---	----	--

Частотный словарь живой устной речи

2. а	277. вая	2313. о	4566. фи
3. аа	688. господи	2393. ого	4606. фу
4. а-а	751. да-да-да	2423. ой	4610. ха
5. ааа	996. е-мое	2424. ой-ой-ой	4614. ха-ха
6. а-а-а	1246. здорово	2443. о-о	4615. ха-ха-ха
17. ага	1250. здравствуйте	2444. о-о-о	4621. хе
26. ай	1321. и-и	2445. оп	4624. хех
27. айда	1701. ку-ку	2611. ох	4625. хе-хе
39. алло	1833. м	2886. поди	4633. хм
69. ах	1955. мм	4100. стоп	4634. хо
102. бац	1956. м-м	4388. тыфу	4860. э
161. блин	1957. мmm	4496. ура	4861. эй
168. бл..	1958. м-м-м	4525. у-у	4890. эх
170. бл..дь	2308. ну-ка	4526. у-у-у	4891. ээ
177. боже	2309. ну-ну	4527. ух	4892. э-э
			4893. эээ
			4894. э-э-э

Словарь значимой лексики живой устной речи

угу	бл..	ха-ха-ха	бл..дь
ой	ха	фу	а
э	алло	ну-ка	хе
э-э	э-э-э	у-у	ну-ну
ага	ха-ха	у-у-у	ух

м-м	ммм	о	хе-хе
блин	хм	о-о-о	вау
и-и	м-м-м	е-мое	айда
да-да-да	о-о	ааа	фи
а-а-а	эээ	хех	оп
здраво	ой-ой-ой	та-та-та	супер
			а-а

Междометия в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой

1. а	42. крест	92. трах
2. ага	43. ку-ку	93. трюх-трюх
3. агу	44. киш, кыш	94. тс
4. ай, ай-яй-яй	45. марш	95. тук
5. алло	46. мать	96. тьфу
6. апчхи	47. небо	97. у
7. ату	48. нишкни	98. угу
8. ау	49. но	99. ура
9. ах	50. ну	100. уф
10. ахти	51. о	101. ух
11. ба	52. ого	102. фи
12. бай, бай	53. ой	103. фу
13. бах	54. о'кей	104. ха-ха
14. бац	55. ох	105. хе-хе
15. баю, бай	56. пли	106. хи-хи
16. бе	57. поди	107. хлоп
17. бис	58. пожалуйста	108. хм
18. бог	59. пока	109. хоп
19. боже	60. прах	110. хо-хо
20. брысь	61. привет	111. Христос
21. бряк	62. пропади пропадом	112. хы
22. бултых	63. пропасть	113. цап
23. бульк	64. простить	114. цыц
24. бум	65. прощайте, прощевайте	115. черт
25. бух	66. прыг	116. чик
26. вжик	67. чтоб вам пусто было	117. чик-чирик
27. виват	68. раз	118. чирк
28. вира	69. салют	119. чу
29. вона	70. сила	120. чур
30. гм	71. сказать	121. чур-чура
31. гоп	72. сказка	122. чхи

32. гули-гули	73. скок	123. ша
33. дерг	74. смерть	124. ш-ш
34. динь-динь	75. создатель	125. э
35. дьявол	76. спасибо	126. эва
36. ей-богу	77. стоп	127. эвон
37. ей-ей	78. стук	128. эврика
38. здравствуйте	79. тега-тега	129. эге
39. и	80. тик-так	130. эй
40. здорово	90. топ-топ	131. эх
41. кис-кис	91. тпру	132. эх-ма

В связи с большим разнообразием единиц, относимых в словарях к категории междометия, необходимо уточнить понятие междометия, из которого мы будем исходить.

Под междометием мы будем понимать лексико-грамматический класс неизменяемых слов, служащих для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность. (Энциклопедия, с. 230; Краткая русская грамматика, с. 341). Междометия не являются ни знаменательной, ни служебной частью речи: от знаменательных слов они отличаются тем, что выражают эмоцию и оценку, а не называют их; от служебных частей речи междометия отличаются отсутствием связующей функции.

Необходима семантическая классификация междометий и междометных значений знаменательных слов.

Н.Ю.Шведова разграничивает **однозначные** (типа *ай-ай-ай*, *бог с тобой*, *вот тебе на*, *браво*, *слава богу* и под.) и **диффузные** междометия, под последними она понимает такие, которые «с опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи» могут выражать, например, и одобрение, и порицание, и радость, и испуг, и восхищение, и презрение, и страх, и решимость и под. (Краткая русская грамматика, с. 342). С нашей точки зрения, точнее было бы назвать последний разряд не диффузными, а многозначными междометиями – у них могут быть разные значения, каждое из которых будет иметь свои лексические, синтаксические и интонационные маркеры актуализации.

Основными разрядами междометий, очевидно, будут являться:

1. эмоциональные междометия (непосредственно выражющие чисто эмоцию и эмоциональную оценку) – *ах*, *о*, *господи*, *ой*, *увы*, *а*, *э*, *ох*, *эх*, *ай*, *тыфу*, *блин*, *ух*, *ха*, *ого*, *иши*, *боже*, *фу*, *хо*, *м-да*, *и*, *н-да*, *уф*, *батюшки*, *ахти*, *ба*, *ну*, *у*, *е-мое*, *бл..дь*, *елки-палки*, *ай-яй-яй*, *вау*, *фи*, *черт*, *тию*, *уй*, *бляха-муха*, *ой-ей-ей*, *ну-ка*, *ахти*, *дьявол*, *чтоб вам пусть было*, *эва*, *эвон*, *эх ма*;

2. смысловые (эмоционально-смысловые) междометия (выражающие некоторые предметные признаки характеризуемого предмета речи наряду с некоторой эмоцией) – ага, угу, эге, эй, ура, алло, стоп, о'кей, браво, але, да, ау, айда, бис, баста, караул, брысь, во-во, ша, эврика, пли, цыц, чао, кыш, тсс, виват, чу, геть, полундра, пшел, равняйся, сю, пардон, супер, ату, баю-бай, прощайте, вира, салют, тпру, ш-ши, здравствуйте, здрасте, здравствуй, ей-богу, здорово, марш, чур, атас, дудки, пожалуйста, вжик, вона, спасибо, ей-ей ну-ну, поди, глядь, брр, оп, тега-тега, кис-кис, цып-цып-цып, уть-уть-уть и др.

Не включаем в класс собственно междометий звукоподражательные слова - апчхи, тик-так, топ-топ, бах, хлоп, щелк, раз, стук, трах, куку и под., междометные глаголы (глагольные междометия) - глядь, шасть, прыг, толк, шмыг и под.

Выделяются как собственно **междометия** (*ай, ох, угу* и др.), так и **междометные значения** знаменательных слов, например: б..дь, черт, дьявол, смерть, постой, погоди, страх, беда – междометное употребление знаменательных слов; замечательно, отлично, молодец, умница – в ирон. смысле.

Необходимо составить списки:

выражаемых междометиями в текстах эмоциональных сем (типа одобрение, неодобрение, восторг, восхищение, облегчение, ликование, презрение, насмешка, возмущение, отвращение, раздражение, испуг, опасение, горе, тоска, боль, угроза, укор, недоверие, страх, решимость, удивление, общая негативная оценка, общая негативная эмоция и др.);

экспрессивных сем (внезапность, интенсивность, быстрота, энергичность, неожиданность и др.);

сем волеизъявления – призыв к приближению или удалению – подзывание кошки, курицы, утки, гуся и др., побуждение удалиться (брысь, пшел и под.); призыв о помощи, требование внимания, тишины, согласия, побуждение к отклику, осуществлению действия, прекращению действия и др.;

сем согласия / несогласия (*да, ага, угу, нет, вот еще* и под.);

сем выражения этикетных отношений (благодарность, извинение, приветствие, прощание, пожелание, подтверждение слушания и др.).

Значение каждого междометия необходимо описать как совокупность тех или иных сем, при этом значений может быть несколько – в зависимости от называемых междометием особенностей предмета речи.

Представляется, что значения междометий могут быть относительно простыми – состоять из одной-двух (*кис-кис* – подзывание кошки) и сложными, из нескольких сем (*ай* – неожиданность, неприятность, неодобрение; *ай-ай-ай* – упрек, негативная эмоция, сожаление, невысокая

степень неодобрения; *тьфу* – недовольство, неприятие ситуации, раздражение, негативная эмоция и др.).

Необходима верификация выделенных исследователем междометных сем в эксперименте с носителями языка на конкретном языковом материале.

Верификация может быть проведена методом семной атрибуции: испытуемым предъявляется предложение с междометием (некоторый контекст употребления) и список семантических компонентов, которые могут в данном случае быть актуализованы, а испытуемые должны отметить те компоненты, которые, по их мнению, в данном предложении актуализируются.

Инструкция для проведения эксперимента

Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте.

Пожалуйста, прочитайте предложение, а потом список семантических признаков, которые может выражать в данном предложении выделенное слово. Слово может выражать один, два или несколько признаков одновременно. Выделите знаком + те признаки, которые, по вашему мнению, выражены в данном примере:

«<...> Верка <...> прилегла на лавку и, пока устраивалась поудобней, чуть не прозевала машину. А та, уже обхехав автобусную, начала сворачивать на шоссе: - **Ой! Ой! Ой!** – закричала Верка»

Семантические признаки

- страх
- сожаление
- неожиданность
- испуг
- недоумение
- удивление
- горе
- другое (напишите, какое)

Обработка полученных результатов позволит представить значение междометия как полевую структуру, в единстве ядра и периферии.

Междометия, как и другие типы слов, целесообразно описывать семным анализом.

При этом необходимо проанализировать текстовое функционирование междометий. Те или иные семы или их совокупности могут реализовываться в разных ситуациях и контекстах, при этом они требуют контекстуальных или интонационных маркеров, которые должны быть выявлены и описаны. Необходимо выявить лексические, синтаксические маркеры тех или иных значений междометий, а также интонационные маркеры (фиксированная интонация) – например, для ирониче-

ских для употреблений типа *здравствуйте, спасибо, здорово, пожалуйста, скажите пожалуйста!* и под.

Можно составить общий список сем, формирующих семантическое пространство междометия, который будет являться метаязыком описания семантики междометий в словаре.

Описание значения междометия в словаре должно обеспечить пользователю понимание того, как, в какой ситуации и кто может употребить то или иное междометие. Описания значений должны в словаре иллюстрироваться типовыми примерами. В настоящее время словарные статьи, описывающие междометия, не содержат необходимой и достаточной информации для иллюстрации значений междометий.

Таким образом, семантико-функциональный подход и методы семной семасиологии позволяют дать достаточно объективное и полное описание семантики и функционирования междометий в языковом сознании носителя языка и в тексте.

Литература

Борисова Е.Г. О метаязыке для описания эмотивного компонента значения // Е.Г. Борисова // Эмоции в языке и речи: сборник статей. – М.: Издат. центр РГГУ, 2005. – С. 119–127.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 774 с.

Германович А.И. Междометия русского языка / А.И. Германович // Пособие для учителя. – Киев: Изд-во «Радянська школа», 1966. – 169 с.

Краткая русская грамматика / Ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989. – 639 с.

Новый частотный словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.

Шаронов И.А. Междометия в словаре и речи / И.А. Шаронов. – М.: 2008. – 268 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Гос. уч.-пед. изд. Мин. просв. РСФСР, 1957. – 188 с.

Энциклопедия «Русский язык» / Ред. Ю.Н.Караулов. – Изд.2, перераб. и доп. – М.: Дрофа, 1997. – 704 с.

Kleber G. Sémiotique de l'interjection // G. Kleber // Langage № 161, 2006. – P. 10–23.

Swiatkovska M. Interjection: entre deixis et anaphore // M. Swiatkovska // Langage. – 2006. – № 161 – P. 47–54.

УржА А.В.
Urzha A.V.

Московский государственный университет
Moscow State University

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ
В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ:
СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**
**ITERATION MEANING IN ORIGINAL TEXTS AND THEIR
TRANSLATIONS: SEMANTIC AND FUNCTIONAL ASPECT**

Аннотация. Представления об итеративности как о функционально-семантической и композиционно-текстовой категории, сформированные в рамках современных функциональных лингвистических концепций, апробируются в исследовании на материале русских переводов англоязычных текстов. В фокусе анализа – изофункциональность разнотипных средств выражения итеративной семантики, конкурирующих при переводе, а также особенности интерпретации итеративных значений, выявляющие тесную связь таких аспектов текстового строения, как темпоральная организация, регистровая композиция, перспектива, первый план / фон.

Abstract. The research presented in the article focuses on language means denoting iteration and multiplicity in original English texts and their Russian translations. Contemporary functional linguistic theories consider iteration and multiplicity as a functional category, and this idea is proved by the results of our comparative analysis. Neither English nor Russian language possesses a universal grammatical way of denoting iteration, that's why translators employ various lexical, morphological and syntax means interpreting the same passage. Dealing with ambiguous fragments, a translator has to choose either iterative or non-iterative interpretation, and his choice affects narrative perspective, grounding and timespace.

Ключевые слова: итеративность, кратность, вид, функционально-семантическая категория, перевод, первый план, фон.

Key words: iteration, multiplicity, aspect, functional category, translation, semantics, grounding.

Сопоставительные лингвистические исследования, основанные на переводном материале, представляют сферу продуктивной апробации идей функциональной лингвистики. Концепции М.А.К. Хэллидея, П. Хоппера, С. Томсон, Т. Гивона (легли в основу ряда переводоведческих трудов М. Бейкер, Дж. Хауз, К. Чвани, Б. Хатима, Я. Мейсона и др.) и отечественные школы, развивающие идеи А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, М.В. Всеволодовой, В.Ю. Копрова и др., применяют эти идеи в анализе переводов (работы М.Ю. Сидоровой, А.В. Уржи, Е.В. Шлык, Р.А. Дерцакян, О.Н. Исаевой, А.Ю. Калиновской и мн. др.).

Сам материал подобных исследований, дающий возможность сопоставлять варианты языковой реализации значений разного типа в переводах одного текста, не позволяет ученому ограничиться исключительно формальным или семантическим ракурсом анализа.

Неудивительно, что понятие функции языкового средства в структуре целого появилось в работах переводоведов до формирования теории и научного метода функциональных грамматик, хотя и в очень общей трактовке. А.В. Федоров, впервые применивший в русской науке выражение «теория переводов» и разработавший методику лингвистического анализа переводческих проблем, писал в книге «Основы общей теории перевода»: «насущной задачей теории перевода является разграничение формы языкового явления, с одной стороны, и его смысловой и стилистической функции, с другой. Первая может быть настолько специфична для данного языка, что ее воссоздание вообще окажется невозможным при переводе (например, артикли романских и германских языков по отношению к русскому языку или наш глагольный вид по отношению к романским и германским языкам), но важна она не сама по себе, а только **как носитель определенной функции, последняя же как раз и составляет главное при переводе** и очень часто поддается воспроизведению с помощью формально отличных средств другого языка» (Федоров 1968, с. 28–29). Это утверждение давно принято за аксиому в переводоведческих исследованиях (С. Басснетт, Г. Тури, А.Д. Швейцер, Н.К. Гарбовский), однако современный лингвистический функционализм позволяет сформулировать и целый ряд новых задач сравнительного анализа оригинальных и переводных текстов. Такой материал дает возможность не только сопоставить языки с точки зрения реализации определенной роли языкового элемента в тексте, но и исследовать палитру изофункциональных средств языка перевода (а также тех случаев, когда формально и семантически далекие средства приобретают такую изофункциональность) в рамках естественных (не искусственно трансформированных) контекстов, с учетом pragmatики речевого акта, коммуникативных задач говорящего и фактора адресата (заданных в оригинале и интерпретированных в переводе).

Итеративность (или кратность¹), трактуемая рядом исследователей как специфическая функциональная категория (Теория функциональной грамматики 1987, с. 126; ср. Золотова 1998, с. 420) может стать показательным объектом для сопоставительного исследования на переводном материале.

Наша задача – не только апробировать трактовку итеративности как функциональной категории, но и соотнести явления, наблюдаемые при реализации (или при деформации) итеративной семантики в переводе,

¹ Термины «итеративность» и «кратность» чаще всего используются в качестве обобщающих для группы значений хабитуальности, собственно итеративности, мультипликативности и дистрибутивности (см. Храковский 1989, с. 5-53; Плунгян 2000, с. 295).

с другими современными концепциями функциональных грамматик, такими как теория коммуникативных регистров и теория первого плана и фона текста (Theory of Grounding).

Неоднородность средств выражения итеративной семантики

Особый интерес исследователей как русского, так и английского языка к семантике итеративности и способам ее реализации обусловлен, в частности, тем, что на уровне слова, предложения и текста (в обоих языках) подобные значения выражаются принципиально различными средствами. Инвентарь морфологических, словообразовательных, лексических, синтаксических средств реализации семантики итеративности в русском (Теория функциональной грамматики 1987, с. 126–131; Падучева 1996, с. 11; и др.) и в английском языке (Leech, Svartvik 1975; Givon 2001) свидетельствует о разнообразии и в то же время о нерегулярности оформления подобных значений, что становится причиной возникновения неоднозначных контекстов. На разных этапах своего развития грамматическая наука обнаруживала средства выражения итеративности то на морфологическом, то на синтаксическом, то на текстовом уровне, постепенно формируя их разнородный перечень.

Морфология. Еще в XIX веке русские грамматисты выделяли третий «многократный» вид на основе существования форм глаголов типа *говаривал, хаживал, давывал, двигивал*. (Среди них были И. Фатер, Н. И. Греч, А. Х. Востоков, К. С. Аксаков и другие, см. (Виноградов 1947, с. 477–492). Затем, вследствие перестройки взглядов на систему видов и исчезновения большинства подобных форм из литературного языка, было выделено значение многократности действия внутри несовершенного вида, которым оперирует современная аспектология (более подробно: ограниченно-кратное (итератив) и узуальное (хабитуальное) значение (Русская корпусная грамматика 2013) или итеративные способы действия (Теория функциональной грамматики 1987, с. 83–85)). Специфические средства (например, переносное употребление формы будущего времени в русском: *Выйду на улицу – мороз, зайду в дом – тоже холодно*) сообщают значение повторяемости предикатам с перфективной семантикой.

Синтаксис. В ситуации, когда глагольные словоформы оказываются немаркированными относительно длительности / многократности (*Он читал под навесом. He walked with a stick in his hand*), однократности / многократности (*Он брал мою ручку; He went to the castle*), значение итеративности нередко организуется и поддерживается при помощи кванторных слов, а также сирконстантов – показателей повторяемости (*often, usually, many times, часто, по субботам, каждый день и*

m.d.), которые В.С. Храковский делит на обстоятельства цикличности, интервала, узуальности и счетного комплекса (Теория функциональной грамматики 1987, с. 129), а также модификаторов предиката (*would*, *used to*, *ср. бывало*). Отметим, что трактовка действия как однократного или многократного зависит также от количества и характера актантов при предикате (*Он погладил кошку. – Он погладил кошек*). Итеративное значение на синтаксическом уровне могут воплощать повторы конструкций с событийной семантикой (*Что ни повернет – все блин да тирог, блин да тирог!*).

Лексика и словообразование. Обширная группа глаголов, в которых указание на многократность является одним из компонентов значения слова, описана в составе ФСП кратности (Теория функциональной грамматики 1987, с. 133–152), особое внимание ученые уделяют словообразовательным средствам, формирующими такие глаголы (например, *перезнакомиться*, *переписываться*, *попыскакивать*, *изломать*). Нам представляется, что существительные, реализующие семантику многократности в сочетании с событийными существительными (ряд *опытов*, *серия явлений*, *очередь залпов*), а также прилагательные (*неоднократный*, *регулярный* и т.п.) также могут быть рассмотрены в составе данного ФСП.

Текст. На уровне текста семантика итеративности может охватывать обширный фрагмент, вербализуясь (любым из вышеперечисленных способов) далеко не в каждом из его предложений: «*Он не раз заходил в кафе, пил какао. Читал утреннюю газету, внимательно осматривал из окна улицу...*» или «*Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать – не знаю, и перед народом совестно*» (М. Зощенко). В связи с этим интересным представляется замечание исследователей грамматики текста о том, что «справедливее видеть в итеративности и повторяемости не столько аспектологическую, сколько композиционно-текстовую категорию» (Золотова 1998, с. 420).

Каждый перевод может использовать свой набор и объем средств реализации значения итеративности. В качестве примера приведем два варианта интерпретации фрагмента сказки О.Уайльда “The Devoted Friend” («Преданный друг»):

Indeed, so devoted was the rich Miller to little Hans, that he would never go by his garden without leaning over the wall and plucking a large nosegay, or a handful of sweet herbs, or filling his pockets with plums and cherries if it was the fruit season.

Ср.: *И правда, богатый Мельник был так предан маленькому Гансу, что никогда не забывал, проходя мимо его сада, нагнуться через изгородь и нарвать букет цветов или захватить охапку душистой травки; а когда спевали фрукты, – наполнить свои карманы вишнями и сли-*

вами (аноним. пер.) // Да, богатый Мельник был так предан маленько-му Гансу, что, когда проходил мимо его сада, всегда, перегнувшись через забор, набирал целый букет цветов, или охапку душистых трав, или наполнял карманы сливами и вишнями, если наступала пора плодов (А. Соколова).

Если в оригинале итеративное «прочтение» всему фрагменту сообщает показатель *would* при глаголе *go*, усиленный сирконстантом *never* в сочетании *would never go without*, то в русских переводах оказывается задействован оборот *не забывал + инфинитив* с дополнительным сирконстантом *никогда* или личные формы глаголов прошедшего времени несовершенного вида с сирконстантом *всегда*.

Трактовка итеративности (кратности) как функциональной категории в рамках системно-лингвистического подхода Теории функциональной грамматики позволяет аккумулировать морфологические, лексические и синтаксические средства выражения данной семантики, тогда как подход к итеративности как к композиционно-текстовой категории в концепции Коммуникативной грамматики дает дополнительную возможность «подключить» к данному инвентарю явления, работающие «за пределами» одного предложения, сообщающие итеративную трактовку фрагменту текста или целому тексту.

Учет двух вышеописанных функциональных подходов позволяет исследовать частотные явления, сопряженные с интерпретацией итеративной семантики в русских переводах английских оригиналов (и наоборот). Дискретность итеративных показателей, организующих текст, а также неоднозначность грамматических форм в отношении семантики повторяемости оказывается серьезным испытанием для переводчиков (Уржа 2009, с. 126–132). Следствием этого являются многочисленные расхождения не только в интерпретации итеративных фрагментов, но и в структурно-смысловой организации перевода. Опираясь на неоднозначный языковой контекст, переводчик либо вербализует, либо устраняет итеративное значение из создаваемого текста, и его решение оказывается напрямую связано с другими характеристиками нарратива: его регистровым строением, перспективой, эмотивностью, формированием первого плана и фона повествования.

Реализация итеративной семантики при формировании первого плана / фона повествования в русском переводе

Современная теория первого плана и фона текста, оперирующая шкалой «выпуклости» грамматических и семантических характеристик каждой клаузы в нарративе, отмечает, что первый план, или «остов», повествовательного текста формируется при помощи указаний на динамические, завершенные, контролируемые единичные действия, тогда

как состояния, длительные или повторяющиеся действия или события чаще образуют «фон» нарратива (Hopper, Thomson 1980, с. 280; Chvany, 1990, с. 213–235). (Отметим, что данное утверждение предполагает целый ряд оговорок и комментариев: «выпуклость» каждой клаузы текста обусловлена внушительным списком семантических и грамматических критериев, и само деление на первый план и фон представляет собой не дихотомию, а шкалу с переходными зонами, подробнее см. (Уржа 2012)). Одной из грамматических характеристик, сопряженных в русском языке с формированием первого плана повествования, безусловно, является вид глагола, это описал еще В.В. Виноградов, впервые охарактеризовавший текстовые функции русских форм на -л в «Пиковой даме» А.С. Пушкина (совершенный вид формирует основной «чертеж» повествования, тогда как формы несовершенного вида достраивают его «фон», «намечая в свободных контурах широкий план прошлого» (Виноградов 1936, с 114; ср. Золотова 1998, с. 28)). При переводе с английского на русский язык выбор вида глагола также нередко оказывается сопряженным с предпочтением итеративной или неитеративной интерпретации события, и решение переводчика может привести к тому, что это событие в русском переводе станет более или менее выделенным.

Рассмотрим несколько примеров из переводов рассказа Э. По «Hop-Frog» («Прыг-Скок»), который переводился на русский язык семь раз. Это произведение с напряженной, увлекательной фабулой и страшным финалом: пленный шут-карлик жестоко расправляется с королем-тираном и министрами, мстя им за унижения.

Началом событийной цепочки становится сцена издевательства над карликом: король заставляет его пить вино, от которого у шута мутится разум: *But the king loved his practical jokes, and took pleasure in forcing Hop-Frog to drink and (as the king called it) "to be merry".* // Ср.: Но король любил шутки, и ему доставляло удовольствие заставлять Сакуна пить и видеть его, как выражался повелитель, «навеселе» (пер. в изд. Сытина) // Но король любил свои действенные шутки, и ему показалось очень приятным заставить Гоп-Фрога выпить и (как король изволил определить это) «развеселиться» (пер. К. Бальмонта).

Формы простого прошедшего, герундия и инфинитива в оригинале позволяют двоякую интерпретацию. Переводчик поневоле совершаet выбор и подчеркивает либо постоянство жестоких шуток короля, либо, напротив, особенную изощренность этой выходки, которая и была одной из последних капель, переполнивших чашу терпения шута. Важно отметить, что приведенные варианты переводов соотносятся как 4:3, то есть мнения переводчиков почти поровну разделились в толковании этого двусмысленного отрывка.

Переводческие разнотечения относительно итеративной или не-итеративной интерпретации предикатов могут касаться не только глагольных форм прошедшего времени. Ср.:

Your majesty cannot conceive the effect produced, at a masquerade, by eight chained orang-outangs, imagined to be real ones by most of the company; and rushing in with savage cries, among the crowd of delicately and gorgeously habited men and women. // Ваше величество может себе представить, какой эффект **произведет** появление на маскараде восьми орангутангов, которых публика **примет** за настоящих, когда они **бросятся** с диким визгом в толпу разряженных дам и кавалеров (пер. М. Энгельгардта). // Ваше величество не можете себе представить, какое впечатление **производит** во время маскарада появление восьми орангутангов в цепях, которых большинство **принимает** за настоящих животных и которые с дикими криками **бросаются** в толпу мужчин и женщин, кокетливо и роскошно одетых (изд. В. Маракуева).

Ситуация, описанная в этом отрывке из рассказа «Прыг-Скок», может быть интерпретирована либо как повторяющаяся (карлик рассказывает о забаве, распространенной у него на родине), либо как однократная (герой призывает короля представить, как все произойдет на будущем маскараде). В оригинале интересующие нас предикаты представлены причастиями II-ми (пассивными) и причастием I-м. Аналогичный русский перевод при помощи страдательных и действительного причастий создает громоздкую, неудобочитаемую конструкцию (ср. анонимный перевод в изд. «Вестника иностр. литературы»: *Vаше величество не можете себе представить эффекта, вызванного появлением во время маскарада восьми закованных в цепи орангутангов, принимаемых большинством присутствующих за настоящих зверей и с диким ревом кидающихся в толпу нарядных мужчин и женщин*). Используя личные формы глагола, переводчики, ориентируясь на ту или иную функцию предиката, выбирают либо настоящее время несовершенного вида (итеративная интерпретация), либо будущее время совершенного вида (однократная интерпретация предикатов), выделяя лишь одну подобную ситуацию.

Трактовка события как однократного или повторяющегося, безусловно, связана со степенью обобщения, абстрагированности говорящего от сообщаемого. Когда пламя уже погубило короля и министров, карлик восклицает:

I now see distinctly... what manner of people these maskers are. They are a great king and his seven privy counsellors, – a king, who does not scruple to strike the defenseless girl, and his seven counsellors who abet him in the outrage. // Ср.: Я теперь вижу ясно, что это за люди. Это король

*и его семь министров... король, который **позволяет** себе бить беззащитную девушку и семь его советников, которые ему **поддакивают** // Теперь я ясно вижу, кто эти маски, это могущественный король и семь его советников, – король, который **не постыдился ударить** беззащитную девушки; советники, которые **одобрили** оскорбление.*

Удивительно, что, несмотря на однозначность итеративных предикатов, реализованных формами настоящего времени в оригинале, больше половины переводчиков (4:3) сознательно отклонилось от авторской тактики и интерпретировало действия как однократные (формы совершенного вида прошедшего времени). Такая интерпретация дополнительно выделяет кульминационные события сюжета, в то время как автор (и переводчики, оформившие итеративное значение при помощи глаголов настоящего времени) поднимаются на ступень определенного обобщения, характеристики героев в конце рассказа. Эту обобщенность подчеркивает и неопределенный артикль, поставленный перед словом «король» в оригинале, несмотря на то, что король давно известен читателю.

Итеративность и регистровая композиция текста

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что интерпретация события как повторяющегося или однократного напрямую связана с его регистровым оформлением (Золотова 1998, с. 29). Сообщая о многократности действия, говорящий суммирует и обобщает опыт наблюдения, представляет событие отстраненно, панорамно – это характерно для информативного регистра. Однократное действие (мгновенное или протяженное), может быть воплощено не только как известное (информационный регистр), но и как реально или гипотетически наблюдаемое (репродуктивный регистр).

Наибольшую сложность для перевода представляют те случаи, когда показатель повторяемости стоит в середине фрагмента текста, и это задает его двойное прочтение: вначале читатель воспринимает события как единичные, и лишь потом понимает, что они повторялись снова и снова. Яркий пример такого рода встречаем в притче Ричарда Баха “*Jonathan Livingston Seagull*” («Чайка по имени Джонатан Ливингстон»):

Climb to a thousand feet. Full power straight ahead first, then push over, flapping, to a vertical dive. Then, every time, his left wing stalled on an upstroke, he'd roll violently left, stall his right wing recovering, and flick like fire into a wild tumbling spin to the right.

Средства русского языка позволяют здесь выбрать различные варианты решения: Ср.:

Подъем на тысячу футов. Мощный рывок вперед, переход в пике, напряженные взмахи крыльев и отвесное падение вниз. А потом каждый раз его левое крыло вдруг замирало при взмахе вверх, он резко кренился влево, переставал махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое плечо входил в штопор (пер. Ю. Родман) // Ср.: *Подъем до тысячи футов. Вначале предельно разогнаться по прямой, потом, продолжая работать крыльями, нырнуть круто вниз. Затем, и это повторялось каждый раз, его левое крыло выгибалось на взмахе, и он начинал быстро вращаться влево. Чтобы выровняться, он выгибал правое крыло, и тут же начиналось неудержимое беспорядочное вращение вправо* (пер. М. Шишкина).

Английские конверсные глаголы-существительные позволяют интерпретировать начало этого отрывка и как серию наблюдаемых действий, и как предполагаемый план полета, даже как инструкцию. Во втором случае (поскольку план предполагает ряд реализаций) постпозитивное замечание ‘every time’ оказывается не таким неожиданным, тогда как в первом варианте перевода мы имеем дело с переключением регистров и точек зрения: воспроизведенный в деталях, эмоционально переживаемый героем (и читателем) неудачный полет оказывается лишь примером одной из многократных попыток, которые повествователь ретроспективно резюмирует. Результат выбора переводчиков – различная регистровая композиция текста, включающая или не включающая в начало фрагмента наблюдаемую «картинку».

Интерпретация итеративного значения в контексте выбора точки зрения на события и эмоциональной окраски нарратива

Темпоральная локализация точки зрения на события, описываемые в тексте, также может зависеть от итеративной / неитеративной интерпретации фрагмента. Наиболее распространены расхождения в русских переводах, вызванные различной трактовкой показателя *would*, модифицирующего предикат. Как известно, конструкция *would+инфинитив* может указывать на действие, повторявшееся в прошлом. С другой стороны – *would* формирует английское сослагательное наклонение (в том числе и с оптативным значением), обозначающее возможное (или желаемое) действие (безотносительно к его кратности). Если других указаний на повторяемость события во фрагменте нет, переводчики могут испытывать затруднения с его интерпретацией. Вот показательный пример из рассказа Р. Брэдбери «The Cistern» («Водосток»), где сумасшедшая героиня рассказывает о своем детстве:

Like when you were a child and played hide-and-seek and nobody found you, and there you were in their midst all the time, all sheltered and hidden and warm and excited. I'd like that. That's what it must be like to live in the

cistern // Ср.: *Как в детстве, когда мы играли в прятки: бывало, спрячешься, и никто тебя не может найти, а ты все время сидишь совсем рядом с ними в укромном уголке, в безопасности, и тебе тепло и весело. Мне это ужасно нравилось.* Должно быть, если живешь в водостоке, чувствуешь себя так же (пер. С. Анисимова) // Ср.: *Как в детстве, когда играешь в прятки, и никто тебя не может найти. А ты все время среди них и все видишь, знаешь все, что происходит. Вот и в трубе так же. Я бы хотела...* (аноним. пер.).

Многоточие в конце фразы героини (так же как и перестановка двух последних предложений) использованы вторым переводчиком не случайно: действие, модифицированное показателем *would*, относится к будущему героини, а не к ее прошлому, как в первом переводе. И если первый перевод подчеркивает инфантильность Анны, которая продолжает вспоминать о детстве, то во втором переводе речь идет о сокровенном желании героини пережить подобное еще раз в будущем, что формирует соответствующие читательские ожидания и прозрачно намекает на финал рассказа, в котором девочка «исчезнет» в водостоке. Отметим, что четыре русских переводчика разделились поровну (2:2) в выборе интерпретации.

Наконец, итеративное «прочтение» фрагмента может даже повысить его эмотивность (Шаховский 2009, с. 145) в том случае, если речь идет о кинемах, то есть эмоциональных жестах персонажа. Вот как в переводах того же рассказа Р. Брэдбери старшая сестра Анны реагирует на ее странные рассуждения:

(Anna): «*There's actually a city under a city. A dead city, right here, right under our feet*» – «*Juliet poked her needle in and out the white cloth*». // (Анна): «Ведь на самом деле здесь, под городом, еще один город. Мертвый город, прямо тут, у нас под ногами» – «Джулиет сделала стежок на белом полотне» (пер. С. Анисимова). // Ср. (Анна): «До меня только что дошло. Там же настоящий город под городом. Мертвый город там, прямо под нашими ногами». – «Джулия поджала губы и быстрее заработала иголкой» (аноним. пер.).

Сестра Анны не говорит ни слова, ее реакция на странный монолог собеседницы отражается в жестах. И если в первом переводе ее однократное действие никак эмоционально не окрашено (можно предположить, что она начинает шить и готова слушать сестру дальше), то во второй интерпретации Джюлия нервно реагирует на слова Анны (переводчик даже добавил от себя кинему «поджала губы»), подчеркивая, что она увлечена шитьем и не хочет слушать сестру, – и ее реакция привлекает внимание читателя к ненормальности происходящего. Интересно, что языковые средства для воплощения такого решения были найдены переводчиком на словообразовательном уровне (*заработала*),

что позволило сообщить итеративное значение глаголу совершенного вида в данном контексте.

Итак, сопоставление русских переводов английского текста позволяет обнаруживать и анализировать контексты, в которых:

а) используются различные, но изофункциональные средства выражения итеративной семантики при переводе на русский язык (ср. *постучала и несколько раз стукнула, поддакивают и всегда одобряют, слезы закапали и не одна слеза упала* и т.д.);

б) предикат позволяет двоякую интерпретацию, и переводчики выбирают итеративное или неитеративное «прочтение» соответствующего фрагмента, задействуя средства оформления первого плана и фона, коммуникативных регистров, локализации точки зрения на события, эмотивной насыщенности текста;

в) переводчики добавляют или устраниют итеративное значение, отступая от авторской тактики и внося изменения в содержание повествования (нередко с целью дополнительного выделения определенного события, которое представляется им значимым).

Анализ случаев всех трех типов контекстов подтверждает, что итеративность (кратность) реализуется при переводе именно как функционально-семантическая категория с обширным инвентарем разнотипных языковых средств, нередко «работающих» на уровне фрагмента текста, более крупного, чем предложение.

Интерпретация неоднозначных конструкций оригинала в плане итеративности оказывается тесно сопряженной с целостным представлением переводчика о композиционно-смысловой структуре произведения. Размещение информации в области первого плана или фона нарратива, акцентирование определенных действий и характеристик персонажа, локализация точки зрения на события, выбор регистра, управление компетенцией читателя – все эти сферы различия вариантов перевода иллюстрируют возможности реализации категории итеративности в художественном тексте и позволяют увидеть взаимосвязь разных аспектов текстового строения, выделяемых в рамках современных коммуникативно-функциональных исследований.

Литература

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // В.В. Виноградов // Временник Пушкинской комиссии. Ред. Ю.Г. Оксман. АН СССР. Ин-т литературы. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 74–147.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд. филол. ф-та МГУ, 1998. – 524 с.

- Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА. Наука, 2016. – 348 с.
- Падучева Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
- Плунгян В.А. Общая морфология / В.А. Плунгян. – М.: УРСС, 2000. – 384 с.
- Русская корпусная грамматика. Несовершенный вид. (Д.В. Сичинава) Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. – М. 2013.
- Теория функциональной грамматики. Под ред. А.В. Бондарко Т. 1 / Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 352 с.
- Уржа А. В. Применение 'Theory of Grounding' в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста // А.В. Уржа // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2012. – № 6. – С. 197–212.
- Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики: монография / А.В. Уржа. – М.: Спутник+, 2009. – 293 с.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). (1968). 5-е изд. / А.В. Федоров. – М.: ООО Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с.
- Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация / В.С. Храковский // Типология итеративных конструкций. Ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
- Chvany C.V. Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian / C.V. Chvany // Verbal Aspect in Discourse. Nils Thelin (ed.). – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1990. – P. 213–235.
- Givón T. Syntax: An Introduction. Vol.1 / T. Givón. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2001. – 500 p.
- Hopper P., Thomson S. A. Transitivity in grammar and discourse // P. Hopper, S.A. Thomson // Language. Vol. 56, No 2, 1980. – P. 251–299.
- Leech G., Svartvik J.A. Communicative grammar of English / G. Leech, J.A. Svartvik. – London: Longman, 1975. – 304 p.

**Харченко В.К.
Kharchenko V.K.**

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*
Belgorod National Research University

**«ПРЕТЕНЗИИ К ГРАММАТИКЕ»
В ЗЕРКАЛЕ РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА
'CLAIMS TO THE GRAMMAR' IN THE MIRROR
OF COLLOQUIAL DISCOURSE**

Аннотация. В статье рассматриваются преднамеренные отступления от грамматических норм в разговорной речи. Однако объясняется это не только феноменом языковой игры и грамматической экспрессией, но также «претензиями» к грамматике (числу, залогу), тягой к новизне, к пластике грамматических форм. Количественный анализ реплик с аграмматизмом по возрастным группам соотнесен с анализом словотворчества, выявлен творческий пик использования языка у 50-летних его носителей.

Abstract. The article deals with the analysis of impressiveness conveyed in grammatical units, i.e. deliberate grammar violations in modern colloquial speech. This is explained not by of phenomenon of language play and grammatical expression, but by the so-called "claims to the grammar" (number, voice), craving for novelty, plastic of grammatical forms. Quantitative analysis of remarks with agrammatism correlates with the analysis of occasional word-formation. Maximum use of such language is characteristic of people at the age of 50.

Ключевые слова: реплика, аграмматизм, экспрессия, языковой креатив, разговорный дискурс, число, залог, возраст информантов.

Key words: remark, agrammatism, colloquial discourse, expression, language creativity, number, voice, age of the informants.

Речь пойдет о феномене формотворчества в русскоязычной разговорной речи последнего десятилетия по материалам Антологии разговорной речи (Харченко 2016, с. 20–41) и последующих записей высказываний с фактами аграмматизма.

В век торжества отечественных исследований семантики и текста, словообразования и концептосферы, языковой личности и феномена языковой игры поисковый, исследовательский интерес к грамматике, что называется, дорогостоящий. «Грамматика мыслит нами», – подчеркивал М.Н. Эпштейн, посвящая свое исследование философии предлога *в*. Приведем полностью итоговое заключение из статьи авторитетного ученого. «Грамматика – это не то, что мы думаем, а чем мы думаем, когда говорим, или даже то, что думает нами. Это бессознательное нашего мышления. Поэтому философия – это прежде всего «грамматософия», а потом уже «лексикософия»; она больше всего заинтересована именно в тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзданы ему, образуют негласную,

неспыншими систему правил или проскальзывают в тех «незначительных» словечках, которые употребляются невольно, машинально, аксиоматически, автоматически» (Эпштейн 2003, с. 89–90).

В монографии «Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики» Г.А. Скоробогатова на материале художественных текстов изучила возможности нормативной грамматики в передаче тончайших поэтических смыслов, раскрыла, как, основываясь на грамматических канонах, на игре нормативных грамматических значений, поэты двух эпох, двух столетий творят замечательную экспрессию текста. Авторским кредо уважаемого лингвиста было оставаться в рамках грамматической нормы (Скоробогатова 2012). Такой установкой было доказано, что грамматическая норма сама по себе может быть весьма выразительной, а креативный потенциал морфологических (не исключено, что и синтаксических!) норм до сих пор не только мало изучен, но по существу и мало использовался в различных дискурсивных практиках.

Осознавая эстетические возможности грамматических норм, мы, тем не менее, фиксировали отступления, грамматические сбои, широко представленные в разговорной речи периода последнего десятилетия, особенно плотно – периода 2012–2015 гг. Феномен аграмматизма открывает исключительно красноречивый аспект исследования своеобразия разговорного дискурса, хотя он все еще продолжает исследоваться исключительно и только под флагом речевой экспрессии.

Формотворчество мы фиксировали в сопряжении с другими 58-ю характеристиками разговорного дискурса, что позволило выявить удельный вес и значимость грамматических отступлений от нормы. По трем годам «сплошных» наблюдений (2012–2015 гг.) аграмматизмы уступают метафорам, хезитативам, повторам, однако устойчиво сохраняют свою позицию в первой десятке ведущих признаков спонтанной разговорной речи. Такая «формальная» устойчивость позиции, а значит, востребованность говорящими непосредственного и активного вмешательства в грамматику родного языка требует лингвистического комментария и объяснения. По-видимому, исследовательской аппеляции к феномену языковой игры здесь недостаточно в принципе.

Следует оговорить, что сам по себе феномен языковой игры значительно шире грамматической его составляющей: это и цитаты, и метафоры, и гендиадис и далее со всеми остановками. Однако и феномен аграмматизма, как мы далее попытаемся показать, шире проявлений людической, по Г.Г. Слыскину, игровой функции. Заведомые, преднамеренные грамматические неправильности не сводятся к эффекту экспрессии и пополнению арсенала комического.

Не отрицая и не умаляя языковую игру, мы бы предложили три другие объяснительные проекции.

Это, во-первых, «**претензии к грамматике**», вытекающие из возможной логики развития языка и интуитивного сопоставления с грамматиками других языков. Модельный, полюбившийся носителям русского языка пример: *Вас тут не стояло!*

Мы проанализировали в общей сложности 275 примеров (спонтанных высказываний) с грамматически неверными, «игровыми» формами, чтобы выяснить приоритеты претензий рядовых и не рядовых носителей русского языка. К последним относятся «братья по разуму»: коллеги-преподаватели, доценты, профессоры. Тот факт, что нормативная грамматика недобирает своих возможностей, носителями языка по отношению к грамматическим категориям осознается неравномерно.

По именам существительным больше всего «претензий» к категории числа, а именно к «недодаче» семантик и форм множественного числа. Мы не берем сейчас сугубо профессиональную речь (*тюли, мелочи* в значении ‘тюль’, ‘мелочь’ – в речи продавцов). Во всех остальных случаях «неправильное» множественное число реализует целый букет смыслов:

а) острую необходимость в эмоциональной гиперbole: *Я вся в волнениях!*

б) полисубъектность: *Четвертье десятки нам идут! Начнутся недовольства!*

в) разнообразие предметов: *Комната отдыха преподавателей будет. С чаями, кофеями...*

г) негатив переживаний, особенно при именах собственных – топонимах: *Эти Ялты, Севастополи, эти Сочи – одна галька!*

д) сильные положительные эмоции при обращениях и в ситуациях терциарной речи: *Девочки мои миленькие! <...> Сидят, солнышки такие!* (Бабушка-инженер обращается к недавно родившейся внучке и говорит о ней же).

Использование формы единственного числа в значении множественного как экспрессивный прием используется говорящими значительно реже. Примеры здесь в основном из профессиональной речи: *А это в мешке огурец* (огурцы)? *Хороший курс. Меняем. Гривенку на обмен!*

Творческие операции по обогащению использования категорий рода и падежа, по нашим данным, осуществляются на порядок реже. Женщина обожглась, рассказывает о себе: *Бедный я, бедный!* Работница кулинарии о деревянных решетках: *А эти для красоты?*

Среди глагольных категорий грамматические претензии говорящих предъявляются, прежде всего, к залогу. Как оказалось, говорящие нередко «изобретают» будто бы недостающий им возвратный залог: *проплыусь, плачусь, она (люстра) гаснется, приходите поздравляться*. Интересно, что к залоговым искажениям в «системе» грамматической

экспрессии говорящий нередко прибегает при формулировке сентенций, чтобы закрепить мнемонический след от сказанного, то есть нарушением грамматики адресант речи пытается обеспечить... запоминание. *Человеку устается быть вторым; Но у нас все молчится...; Делать не будется вам. Не будет делаться.*

Обратный процесс: переделка возвратной формы в невозвратную при сохранении значения возвратности – встречается несколько реже: *договариваю* (вм. *договариваюсь*), как и форма страдательного залога: *Можно у вас прочитаться? Если я не буду будиться... Будет платиться зарплата.*

Что же касается речевых экспериментов с действительным залогом, то привычным приемом грамматической игры в разговорной речи является переквалификация непереходного глагола в переходный, каузальный глагол и соответственно приобретение глагольной формой значения действительного залога: *Нас отпросили* (с лекции); *Надо ее передремнуть* (о внучке); *Надо ноги загорать.*

Повелительное наклонение в разговорной речи также расширяет состав своих форм. [Вербное воскресенье. Реализатор – женщина лет 60 на рынке – бьет себя по животу ветками вербы:] *Ничего не боли! Не боли, не боли, не боли!*

Когда лингвист рассматривает одну-единственную реплику, то в сознании превалирует, ярко проступает феномен языковой игры, грамматической экспрессии, однако при систематизации реплик обнаруживает себя нечто более существенное, а именно типология грамматических претензий к родному языку.

Где-то вверху промелькнуло «во-первых». Во-вторых, интерпретировать преднамеренный грамматический сбой можно, на наш взгляд, и как обновление грамматики, как желание новизны в свете развивающейся сейчас такой отрасли знаний, как кайнэрастия (Сосланд 2006, с. 40–46). Наконец, в-третьих, это возвращение к детской пластике речи, напоминание об условности слова, в частности об условности «заскорузлой» грамматической его формы. Показательно, что при обилии фактов непреднамеренного формотворчества в онтогенезе речи, после чего наступает юношеский период апелляции к жаргону, затем не очень длительный «никакой» период грамматически правильной речи, в возрастном интервале 50-60-летних начинает вновь возобладать грамматический абсурд, но в виде уже заведомых, преднамеренных отступлений от грамматических канонов в использовании родного языка. Вот на этом возрастном аспекте остановимся несколько подробнее.

Классифицируя собранный материал сначала для статьи (Харченко 2013, с. 3–8), потом для «Антологии...», мы подробно выстраивали продемонстрированную только что типологию грамматических «иска-

жений»: ед. ч. вместо мн. ч., мн. ч. вместо ед. ч., действ. залог вместо возвратного и т.д. Но только теперь обратили внимание на возраст наших, почти случайных респондентов, проставленный в упомянутых работах вместе с датой прозвучавшей реплики.

Итак, о возрастном критерии. Не проводя исследований, можно уверенно заявлять, что в речи 17-20-летних имеет место максимум хэзитативов (*как бы, типа, короче*), жаргонизмов, неологизмов по сравнению с другими возрастными группами. В речи 30-40-летних немало интенсивов (*притерлась*), гипербол, сравнений, литот. Речь 50-60-летних насыщена интертекстемами, метафорами, фразеологизмами, перцептивами. Выработанных точек отслеживания, повторим, 58, что называется, хватит на всех.

Вместе с тем, чтобы количественные выводы по аграмматизму были убедительными, валидными, необходим логически адекватный альтернативный материал, который мы спрогнозировали в рубрике «Словотворчество».

Поначалу предполагалось, что как словотворчество, так и формотворчество (аграмматизм) по возрастным группам распределяются равномерно, однако элементарный подсчет (квантитативный анализ) продемонстрировал нечто иное. Представим это в табличном виде, после чего прокомментируем полученные данные.

Всего было просчитано 275 высказываний с фактами формотворчества и 421 высказывание с фактами словотворчества. За одно и то же время фиксации примеров словотворчества оказалось больше, чем формотворчества на 146 единиц, то есть на 35 %.

Возраст говорящих	Формотворчество	Словотворчество
От 16 до 19	3,6 %	4,3 %
От 20 до 29	6,2 %	5,7 %
От 30 до 39	12,0 %	8,55 %
От 40 до 49	22,26 %	21,37 %
От 50 до 59	37,6 %	34,6 %
От 60 до 69	11,0 %	18 %
От 70 до 79	7,6 %	6,2 %
От 80 и выше	0,36 %	0,7 %

Рамочные: первая и последняя строки в таблице нуждаются в пояснении. Не фиксировалась детская речь 10-летних и старше. Записывались реплики студентов, то есть от 17 до 19 лет включительно. Реплик таких немало, однако фактов как формотворчества, так и, что ожидалось, словотворчества в них оказалось немного.

Восьмидесятилетних респондентов у нас почти не было, так что главные сведения по возрастам лежат до 80-летнего порога.

Анализ табличных данных позволяет сделать два существенных вывода.

1. Не могут не вызывать удивления почти тождественные пропорции по возрастам. Конечно, это язык и абсолютного процентного тождества здесь быть не может, но в принципе установленное равенство свидетельствует, что процессы формо- и словотворчества имеют равнодействующие механизмы, и хотя чисто количественно формотворчество отстает на треть (35 %), возрастная приверженность у этих процессов тождественна.

2. Первоначальная гипотеза о будто бы равновозрастном присутствии фактов формо- и словотворчества не только не подтвердилась, но был выявлен пик креативного владения родным языком, активизации его пластики. Это возраст в 50 лет и выше. Известно из психологии, что пятидесятилетие характеризуется мощной творческой вспышкой, хотя эти сведения не афишируют в свете возрастной дискриминации, заигрывания с молодыми талантами, дабы последние не покидали родину, см. подробнее: (Бочаров 2008, с. 170–180). Лингвистический барометр состояния языковой личности выяснил, однако, креатив 40–50-летних носителей языка: 59,86 % (по формотворчеству) и 55,97 % (по словотворчеству). Почти 60 % и 56 % – всего объема собранного приходится на возраст 40–50-летних. Не исключено, что это и позитивные следы «того» образования, когда всерьез изучалась литература и язык и не было в помине ни тестовых проверок, ни ЕГЭ.

Исследователь детского художественного восприятия О.И. Колесникова установила пик творчества ребенка в интерпретации образного слова, наличие базового уровня художественно-языковой компетенции у детей 9–10 лет с пятью признаками этой компетенции: языковой наблюдательностью, ассоциативными связями, фоносимволикой, обнаружением имплицитных смыслов, образованием художественного концепта. Благодаря базовому уровню ребенок вполне осмысленно «ведет себя в поэтическом дискурсе даже с взрослым операционным языком» и имеет место «эпизодически точное нахождение сигналов у всех детей» (Колесникова 2006, с. 211, 366, 220). Автор установила взрыв использования прилагательных к 10–11 годам. Подчеркнем, что исследовались ответы далеко не только одаренных детей. Наиглавнейший результат теоретико-экспериментального исследования О.И. Колесниковой – открытие базового уровня художественной компетенции, явные признаки которой прослеживаются у 70 % 10–11-летних детей. Это чуть превышает пропорцию «золотого сечения» в ментальном устройстве социума, видимо, регулирующую и этот параметр бытия.

Перспективы дальнейшего развития теории языковой личности предполагают выявление и исследование подобных возрастных пиков

творческого использования языка его непосредственными носителями. Не исключено, что отечественной лингвистике необходимо более пристальное внимание обратить на язык 50-летних, или чуть шире: 40-50-летних как своего рода творческий пик взаимодействия с родным словом.

Выше мы весьма бегло сказали про профессиональные грамматические претензии. Это особая тема. В любом случае, претензии к грамматике лежат глубже индивидуальных языковых эвристик, распространяясь и охватывая едва ли не весь социум. Конечно, в живой речи ситуация с заведомыми грамматическими сбоями несколько сложнее. Здесь накладывается не только возрастная, но и профессиональная компонента. Некоторые «претензии к грамматике» профессионально обусловлены, очерчены профессиональным общением, когда приоритеты профессии диктуют то или иное грамматическое «нарушение».

Исследование заведомых отступлений от грамматических канонов со стороны «коллективного пользователя», то есть носителей языка, различающихся по возрасту, страте, гендеру, целесообразно, важно, необходимо как свидетельство грамматического (в нашем случае – морфологического!) потенциала языка, как свидетельство креатива использования языка особенно в 40-50-летней возрастной группе. Наконец, не исключено, исследование подобных отступлений от грамматических канонов важно и как прояснение тенденций пульсирующих или назревающих изменений в грамматическом строе русского языка. Обо всем этом и «говорит» (вспомним в начале статьи слова М.Н. Эпштейна!) наша грамматическая эвристика. Известен афоризм: правдивое не всегда смешно, тогда как смешное всегда правдиво. «Языковая игра» в грамматические каноны не только забавляет говорящего и адресата его речи, но и приоткрывает правду о языке и меньших потребностях его носителей.

Литература

Бочаров В. Молодость против старости? / В. Бочаров // Нева. 2008, № 1. – С. 170–180.

Колесникова О.И. Художественный модус языка и языковая компетенция ребенка: дис. ... д-ра филол. наук / О.И. Колесникова. – Киров, 2006. – 434 с.

Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени) / Е.А Скоробогатова. – Харьков: Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, 2012. – 480 с.

Сосланд А. Влечение к новизне / А. Сосланд // Знание – сила, 2006, № 8. – С. 40–46.

Харченко В.К. Антология разговорной речи: В 5 тт. Том 1. Аграмматизмы – Креация / В.К. Харченко. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 224 с.

Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний / В.К. Харченко. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2013. – 192 с.

Харченко В.К. Феномен аграмматизма в современном разговорном дискурсе / В.К. Харченко // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды. Харьков, 2013. – № 3-4 (50). – С. 3–8.

Эпштейн М.Н. «Предлог «в» как философема. Частотный словарь и основной вопрос философии / М.Н. Эпштейн // Вопросы философии, 2003 – № 6. – С. 86–95.

Штонда Ю.А.

Shtonda J.A.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПРОПОВЕДИ
THE FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE SERMON

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам функционирования прецедентных феноменов из Библии в тексте проповеди на примере одной функции: апелляция к ценностным ориентациям. Рассматривается, как данная функция реализуется в проповеди известного православного проповедника митрополита Антония Сурожского.

Abstract. The paper analyses the functions of precedent phenomena from the Bible in the sermon text in terms of one of the functions: appeal for the frame of reference. It focuses on sermons of a famous orthodox preacher Metropolitan Anthony of Sourozh.

Ключевые слова: прецедентный текст, интертекстуальность, библеизмы, проповедь.

Key words: precedent text, intertextuality, biblical words, sermon.

Коммуникативная культура характеризуется, с одной стороны, наличием огромного количества индивидуальных решений коммуникантов, а с другой стороны, очевидным присутствием того, что стало общим фондом для всех носителей языка и культуры. Названные характеристики присущи различным форматам дискурса и типам текста.

Человек в своей жизни, мыслительном процессе неизбежно обращается к историческому опыту прошлых поколений. Индивидуум в своей речи воспроизводит те идеи, которые уже были кем-либо высказаны. Это явление приобрело особую значимость в лингвистических исследованиях.

Впервые об этом заговорил М.М. Бахтин. Опираясь на его теорию чужого слова (Бахтин 1986, с. 385), ученые начали разрабатывать идеи о значении фигуры Автора и Читателя¹ при порождении и рецепции текста.

Общеизвестные в отдельной культуре, субстрате, социуме феномены принято называть прецедентными².

Библия является духовным, культурным историческим источником, переведенным на большинство языков мира, повлиявшим на формирование культуры всех европейских народов. Библию относят к прецедентно «сильным» текстам, т. е. к текстам, обладающим культурной значимостью для многих народов и носителей многих языков. Более того, Библия имеет особый статус в качестве одного из «первотекстов» (Орлова 2010, с. 3). Известно, что текст Библии является прецедентным для разных типов дискурса в разных культурах. Текст Нового и Ветхого заветов, несомненно, является прецедентным, в Библии содержатся многие притчи и описываютя ситуации, ставшие прецедентными: *молитва мытаря и фарисея; видеть соринку в глазу брата* и др.

Особое значение библейский текст имеет в церковной проповеди. Одна из целей проповеди – актуализировать текст Библии для слушателей. События, описанные в Библии, исторически произошли долгое время назад, но и на сегодняшний день примеры милосердия и жесто-

¹ Так, Ролан Барт говорил о том, что в литературе долгое время фигура Автора была ключевой, и для критиков расшифровать Автора означало одержать победу, понять смысл его произведений (Барт 1994, с. 385). Но в конечном счете источник и голос обретается не в письме, а в чтении. И если не рассматривать слово автора как исходную точку, а язык, как отмечает Р. Барт «неустанно ставит под сомнение всякое представление об исходной точке», то «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» (Там же, с. 391). Таким образом, множество явлений, о которых говорит конкретный человек, имеют основания не в его личности, но уже существуют в языке и в опыте прошлых поколений.

² Термин «прецедентный текст» впервые ввел Ю.Н. Каулов. Прецедентными текстами ученый обозначал «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» Ю.Н. Каулов выделяет три общих признака, которые отличают прецедентный текст от других известных типов текста. 1) Любой прецедентный текст имеет значение для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении. 2) Прецедентный текст носит сверхличностный характер, то есть его содержание известно широкому кругу носителей языка. 3) К прецедентному тексту неоднократно обращаются в рамках данного социума (Каулов 1987, с. 216). Затем Д.Б. Гудков и В.В. Красных выделили прецедентные ситуации и имена (Захаренко 1997, с. 82–103).

кости, сострадания и равнодушия, самоотверженности и себялюбия, описанные в евангельских сюжетах и притчах, не менее важны, чем раньше. И одна из задач проповедника – помочь слушателям извлечь уроки из этих примеров, сделать идеи, содержащиеся в Библии, актуально значимыми для современного человека. Очевидно, что текст проповеди основывается на прецедентах, поскольку содержательным стержнем проповеди, как правило, является Библия. Благодаря интертекстуальным связям с Библией в проповеди устанавливаются глубинные связи между весьма разными культурами разных типов. Эта связь в тексте проповеди реализуется через функционирование библеизмов, т.е. гетерогенных средств, с помощью которых называются и активизируются разнообразные связи с текстом Библии.

Строго говоря, все библеизмы являются прецедентами, особенно библеизмы в узком смысле, т. е. языковые средства с разными структурными характеристиками, берущие начало непосредственно из текстов Библии. Не все библеизмы распознаются в религиозных, художественных, публицистических, научных текстах как прецедентные, но практически все из них распознаются как библеизмы. Это связано с тем, что значимость и функциональный потенциал библеизмов в разных культурных сообществах отличается. Так, например, теологи распознают библеизмы как прецедентные феномены, в то время как в политическом или художественном дискурсе библеизмы часто употребляются в контекстах вне связи с текстом Библии. Некоторые библеизмы широко вошли в культуру, выполняют определенную функцию, другие значимы для конкретного адресата. Человек, который не знаком с текстом Библии, может не распознать библеизм как прецедентный феномен.

Таким образом, очевидно, что прецедентные феномены не могут не обладать богатейшим функциональным потенциалом в разных типах текста в абсолютно разных ситуациях. И принципы их описания должны учитывать, очевидно, их сущность, статус, сферу бытования, форму, а также формальные признаки. В этой связи интерес представляет матрица описания прецедентных феноменов, предложенная Л.И. Гришаевой и многократно апробированная при анализе разных текстов С.В. Семочки. В целом, богатый потенциал прецедентных феноменов исчислен (см. (Гришаева 1998; Орлова 2010; Семочки 2010; 2012) и др.). Однако реализуется этот потенциал по-разному и зависит как от интенции адресанта, так и от коммуникативно-прагматических факторов, а также от типа текста.

В этой связи интересно рассмотреть текст проповеди, т. к. проповедь – это особый формат общения и специфический тип текста со своими закономерностями, семантической, синтаксической организа-

цией. Необходимо описать, как реализуется потенциал прецедентных феноменов в проповеди.

В качестве примера целесообразно рассмотреть проповеди митрополита Антония Сурожского – известного христианского православного проповедника XX века. Его опыт совершенно уникален, потому что, с одной стороны, он жил в европейской культурной среде, с другой стороны, с детства впитал в себя русскую культуру и православную духовность. Он проповедовал в культурном пространстве, где православие совершенно не было распространено, и в то время, когда секулярные ценности, казалось бы, навсегда взяли верх над духовными. Но его проповедь имела успех и среди людей неверующих, и среди людей разных христианских конфессий. Его проповеди имеют чрезвычайное влияние как в Европе, так и в России.

Успех проповеднической деятельности зависит в том числе от умения проповедника организовать текст, и существенную роль при этом играют прецедентные феномены. Поэтому целесообразно обратиться к конкретным функциям прецедентных феноменов: маркировать кульминацию, структурировать содержание проповеди, быть смысловым стержнем проповеди, маркировать степень эмоционального накала в проповеди, акцентировать ценностные ориентации, указывать для паствы наиболее значимые в духовном отношении ориентиры, апеллировать к конкретному библейскому сюжету, маркировать интенции адресанта (Гришаева 2004, с. 36–38). Л.И. Гришаева в матрице описания прецедентных феноменов отмечает, что прецедентные феномены являются знаком апелляции к фундаментальным ценностным ориентациям (Там же).

Причинную связь прецедентных феноменов с ценностными ориентациями можно проследить на примере текста проповеди. Это свойство интуитивно и / или вполне осознанно используют проповедники. Ведь задача проповедника состоит в том, чтобы максимально быстро достучаться до сердца адресата, призвать его задуматься над вечными ценностями. Через апелляцию к прецедентам это можно сделать максимально успешно, потому что прецедентные феномены причинно связаны с конкретными ценностными ориентациями и сохраняют эту связь на протяжении многих поколений.

Специфические признаки проповеди митр. Антония выражаются в активном использовании библеизмов, интенсивной интерпретации, т. е. ахронологическом осмыслиении библейских сюжетов, перемещении их в современность, апелляции к актуальным для современного мира ценностям, апелляции к общечеловеческим началам.

Митр. Антоний, с одной стороны, использует в проповедях высокую и церковно-религиозную лексику, с другой стороны, адресат его

проповедей – современный человек, живущий в секулярном обществе, поэтому, говоря о евангельских притчах, митр. Антоний часто апеллирует к общечеловеческим ценностям посредством интерпретаций, риторических вопросов, использования бытовой лексики и разговорных клише, а также других формообразующих средств. Именно поэтому проповеди митр. Антония оказывают такое сильное впечатление на слушателей.

Рассмотрим в качестве примера проповедь митр. Антония «Исцеление гергесинских бесноватых» 1981 г. Эта проповедь произнесена после воскресного богослужения. Известный евангельский эпизод об исцелении Христом двух бесноватых (Мф 8:28-34) читался во время богослужения. Очевидно, что этот сюжет хорошо знаком слушателям, и поэтому митр. Антоний в начале проповеди не повторяет дословно и не пересказывает прочитанный отрывок, а неожиданно сразу обращает внимание на один эпизод:

“Уйди, уйди от нас, уйди из наших пределов!” – говорил народ, который предпочел то, что ему было дорого: богатство, стада, незволнованность жизни здравию, исцелению человека; уйди – Ты у нас отнимаешь то, что нам дороже человека...

Митр. Антоний интерпретирует окончание прочитанного евангельского отрывка, который заканчивается словами:

И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их (Мф 8:34).

Митр. Антоний в самом начале проповеди акцентирует внимание именно на этом стихе, т.е. в данном случае прецедентный феномен определенным образом структурирует текст проповеди. Митр. Антоний не рассказывает об исцелении бесноватых, об обстоятельствах, в которых это происходило, но сразу говорит о том, что в этом городе, где Христос совершил чудо, Его не принимают. Это определяет дальнейшее развитие проповеди:

Уйди от нас, – говорил Великий Инквизитор, – Ты нам мешаешь строить земное добро, мешаешь обеспечить счастьем безмолвное, безответственное стадо; уйди! Ты им открываешь пути, по которым им слишком трудно будет идти...

В этой части проповеди присутствует апелляция к другому прецеденту, из художественной литературы, а именно, к содержанию главы «Великий инквизитор» Ф.М. Достоевского. Такая апелляция к художественному произведению редко используется в проповедях.

Подобная структура текста проповеди позволяет проповеднику расставить важные смысловые акценты, делая паству соучастниками описываемого события, максимально облегчая для нее когнитивную задачу – постижение смысла: ценности духовных богатств перед матери-

альными, не превращая эту мысль в тривиальную, от которой хотелось бы по привычке отмахнуться. И этот эффект апелляции к прецедентному феномену становится возможным потому, что прецедентный феномен способен активизировать значительные пласти гетерогенной информации, каузально погруженной в однозначный аксиологический контекст, а также потому, что знание прецедентных феноменов является частью коллективной идентичности носителей культуры (Гришаева 1998, с. 16; 2004, с.18, 27). Поэтому прецедентные феномены и функционируют в качестве культурных скреп, поддерживая культурное единство разных поколений и разных слоев; ср. высказывание: «Незнание прецедентных текстов есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» (Караулов 1987, с. 216).

Интерес представляет также использование митр. Антонием прецедентов из других притч из Нового Завета:

Уйди от нас! – говорили вожди еврейского народа перед лицом Пилата – а раз Ты Сам не уходишь, пусть сила земная, грубая сила нас от Тебя избавит... И к Пилату обращались со словами: Распни, распни Его, – чтобы не звучала большие на наших улицах эта страшная проповедь о безусловной, крестной любви, это безумие о кротости и смирении, самоотречении, любви, отдающей все; потому что ничего нет более ценного, нежели человек...

Выражение *Распни, распни Его* является прецедентным высказыванием на Евангельский сюжет, описанный в разных текстах Евангелия (Мк 15:13, Лк 23:21, Ин 19:6).

Проповедник показывает пастве, что описанная в Евангельской притче ситуация многократно повторяется в истории, тем самым связывая напрямую разные этапы развития общества. Он прямо обращается к аудитории:

И через всю историю звучит этот крик: Уйди! Ты стоишь на нашем пути к благополучию, к беспечности, к забвению... Это говорит через всю историю человеческий род. А мы? Неужели мы единственны, с небольшой горсточкой учеников, этого страшного слова, прямо или косвенно, никогда не говорим и никогда не сказали?

Таким образом, в начале проповеди митр. Антоний умело выстраивает последовательность ситуаций, в которых описывается моральный выбор в сложных обстоятельствах. И эта последовательность однотипных ситуаций, к которым апеллируют разные прецедентные феномены, безусловно, касается сердца верующего человека, который вдруг ясно осознает, сколь трудным было служение Христа в разные периоды Его жизни. Перенося евангельские сюжеты в современность через апелляцию к прецедентным феноменам, митр. Антоний актуализирует христианские истины и делает обращение к Христу личностным выбором

каждого слушателя в конкретный момент времени. Поэтому не случайно, что в своей проповеди митр. Антоний обращается к еще одному известному евангельскому сюжету – притче об овцах и козлищах (Мф. 25:32-46):

Вспомним притчу Христову об овцах и козлищах: разве не приходил к нам человек в нужде, и разве мы не говорили ему «Уйди!»?...

Благодаря апелляции к этому прецеденту, митр. Антоний снижает накал, выводит слушателей на практическую деятельность, показывает путь, идя по которому, можно воплотить даже через обыденные дела высшие духовные установки: накормить голодного, напоить жаждущего, принять странника. Этот эффект соединения высших требований к христианину и показ образцов христианского смирения в обыденной жизни обычного человека завершается апелляцией к еще одному прецедентному высказыванию:

Вспомним слово Спасителя и опомнимся: Ищите прежде Царствия Божия – и все приложится; и именно приложится: не отнимется, но найдет свое место там, где небо на земле, и будет тогда полнота. Аминь.

В данном примере представлено еще одно прецедентное высказывание:

Мф 6:33 Ищите прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

Тем самым митр. Антоний отвечает на вызовы современного мира, в котором зачастую не остается места для человеческой личности, а отверженность и индивидуализм воспринимаются как нормальные явления. Поэтому его проповедь звучит как призыв преодолеть разъединенность людей в современном секулярном мире, в котором Евангелие является по-прежнему примером борьбы со злом, выступающим в обыденных одеждах.

Таким образом, очевидно, что даже в таком типе текста, как проповедь, апелляция к прецедентному тексту способна существенно обогатить содержание взаимодействия между коммуникантами, повысить эмоциональный накал, облегчить задачу проповеднику и помочь слушателям подняться над обыденными, привычными задачами и увидеть смысл в привычных текстах, которые мы больше не замечаем, поскольку они кажутся нам уже давно известными.

Литература

Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994 – С. 384–391.

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. – М.: 1986. – С. 381–393, 429–432.

Гришаева Л.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие (Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов): Учебное пособие / Л.И. Гришаева. – Воронеж, 1998. – 147 с.

Гришаева Л.И. Введение. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л.И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур: коллективная монография / под общ. ред.: Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – С. 15–46.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. ... дис. д-ра филол. наук / Н.М. Орлова. – Саратов, 2010. – 50 с.

Семочки С.В. Функции прецедентных феноменов в немецких медиатекстах / С.В. Семочки // Медиатекст: стратегии – функции – стиль. – Орел, 2010. – С. 139–152.

Семочки С.В. Способы адаптации прецедентных феноменов в художественном дискурсе (на материале немецкого и русского языков) / С.В. Семочки // Социокультурные проблемы перевода. Сборник научных трудов X Международной конференции. Отв. редактор Н. А. Фененко. – Воронеж, 2012. – С. 278–287.

Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация – М.: «Филология», 1997. Вып. 1. – С. 82–103.

Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 2005. – 1042 с.

Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Исцеление гергесинских бесноватых, проповедь 1981 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mitras.ru/inname/in_115.htm.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянова Наталья Анатольевна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Волгоградский государственный технический университет
Алексеева Елена Альбертовна	Доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой французской филологии, Воронежский государственный университет
Апостолиди Анна Андреевна	Старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО МИД России, Москва
Бабушкин Анатолий Павлович	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для гуманитарных факультетов, Воронежский государственный университет
Багана Жером	Доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института межкультурной коммуникации и международных отношений по научной работе и международной деятельности, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белякова Галина Владимировна	Доктор филологических наук, доцент, заведующая Научной лабораторией информационно-коммуникативных исследований, Астраханский государственный университет
Богушевич Дмитрий Георгиевич	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории и грамматики английского языка, Минский государственный лингвистический университет
Болдырев Николай Николаевич	Доктор филологических наук, профессор, проектор по научной работе Тамбовского государственного университета
Борискина Ольга Олеговна	Доктор филологических наук, доцент, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет
Буянова Людмила Юрьевна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, Кубанский государственный университет

Василенко Анатолий Петрович	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка, Брянский государственный университет
Васильев Лев Геннадьевич	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков, Калужский государственный университет
Величко Алла Васильевна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Московский государственный университет
Всеволодова Майя Владимировна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, Московский государственный университет
Гаврилкина Татьяна Юрьевна	Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научной лаборатории информационно-коммуникативных исследований, Астраханский государственный университет
Гавrilova Valentina Ivanovna	Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ВИНИТИ РАН
Гришаева Людмила Ивановна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета
Гусман Тирадо Рафаэль	Доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии, Гранадский университет, Испания
Дардыкова Надежда Викторовна	Аспирантка кафедры общего языкознания, Минский государственный лингвистический университет, Белоруссия
Дедова Ольга Михайловна	Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка, Воронежский государственный медицинский университет
Денисова Марина Александровна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода, Воронежский государственный технический университет
Зеленков Василий Вадимович	Преподаватель, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия
Зозуля Анастасия Владимировна	Магистрант, Университет Пари-Эст Марн-ля-Валле, Франция

Зяблицева Наталья Алексеевна	Студент-бакалавр, Воронежский государственный университет
Иванова-Мицевич Ирина Валерьевна	Кандидат филологических наук, доцент, Минский государственный лингвистический университет, Белоруссия
Ильина Татьяна Вячеславовна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Воронежский государственный университет
Ипполитов Олег Олегович	Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Автомобильно-транспортный институт, Воронеж
Казаков Владимир Павлович	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и документоведения, Санкт-Петербургский государственный университет
Казарина Валентина Ивановна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и документоведения, Елецкий государственный университет
Кожевникова Людмила Петровна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет
Козюра Татьяна Николаевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии, Воронежский государственный университет
Кольцова Людмила Михайловна	Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, Воронежский государственный университет
Копров Виктор Юрьевич	Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Корнева Валентина Владимировна	Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии, Воронежский государственный университет
Кретов Алексей Александрович	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет

Крючкова Людмила Сергеевна	Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка как иностранного и культуры речи, Московский государственный областной университет
Лапинская Ирина Петровна	Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и технологии перевода, Воронежский государственный технический университет
Лапынина Надежда Николаевна	Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет
Ларина Татьяна Владимировна	Доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Лебедева Александра Леонидовна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна	Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет
Мартынчева Анастасия Сергеевна	Ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Маслова Антонина Валерьевна	Воронежский государственный университет
Матвеева Оксана Ивановна	Преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Милованова Мария Станиславовна	Доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва
Михеева Светлана Львовна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, Чувашский государственный педагогический университет
Начерная Светлана Владимировна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся, Воронежский государственный университет

Немкова Вероника Антоновна	Аспирант, Московский государственный университет
Онипенко Надежда Константиновна	Кандидат филологических наук, доцент, Институт русского языка РАН, Москва
Орехова Екатерина Евгеньевна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Петров Андрей Васильевич	Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет
Пономарева Юлия Леонидовна	Аспирант-соискатель, учитель русского языка и литературы, Воронежская православная гимназия
Попова Елена Александровна	Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Липецкий государственный педагогический университет
Попова Зинаида Даниловна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и стилистики, Воронежский государственный университет
Правда Елена Александровна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы, Воронежский государственный педагогический университет
Плешкова Альбина Геннадьевна	Магистрант, Воронежский государственный университет
Припадчев Анатолий Александрович	Доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии, Воронежский государственный университет
Рогова Кира Анатольевна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет
Роговнева Юлия Васильевна	Кандидат филологических наук, ассистент, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва

Саввина Светлана Леонидовна	Старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Селеменева Ольга Александровна	Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкоznания и документоведения, Елецкий государственный университет
Сидорова Елена Владимировна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Воронежский государственный университет
Сигал Кирилл Яковлевич	Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкоznания РАН
Сидорова Марина Юрьевна	Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета
Скребова Екатерина Геннадьевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Стернин Иосиф Абрамович	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкоznания и стилистики, Воронежский государственный университет
Сушкова Ирина Михайловна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Тарасенко Елена Валентиновна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры и коррекции речи, Таганрогский институт имени А.П. Чехова
Теремова Римма Михайловна	Доктор филологических наук, профессор, профессор РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
Уржа Анастасия Викторовна	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Московский государственный университет

Фарха Елена Николаевна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Федоров Валерий Аркадьевич	Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и технологии перевода, Воронежский государственный технический университет
Филатова Вера Борисовна	Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Фирсова Раиса Андреевна	Старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Харченко Вера Константиновна	Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Цофина Юлия Александровна	Ассистент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Ярославский государственный университет
Червоный Александр Михайлович	Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, Таганрогский институт им. А.П. Чехова
Шарапдин Анатолий Леонидович	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Тамбовский государственный университет
Швецова Ольга Анатольевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Воронежский государственный университет
Шилихина Ксения Михайловна	Доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет
Шипицына Галина Михайловна	Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ширлина Елена Николаевна	Старший преподаватель кафедры второго иностранных языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Шкунников Вадим Аркадьевич	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов, Воронежский государственный университет
Штонда Юлия Александровна	Аспирант, Воронежский государственный университет
Щербакова Алла Вячеславовна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет
Ясаи Ласло	Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Будапештский университет, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Слово о юбиляре	4
<i>Копров В.Ю.</i> Семантико-функциональная грамматика в современной лингвистике и практике преподавания языков как иностранных	6
Часть I. Семантико-функциональная грамматика в контексте современной грамматической теории	
<i>Алексеева Е.А.</i> Зависимость лексико-семантических свойств языковых единиц от условий их синтаксического использования	16
<i>Богушевич Д.Г., Иванова-Мищевич И.В., Зеленков В.В.</i> Исторические особенности развития английских предложений, отражающих психическое и физическое состояние человека	25
<i>Болдырев Н.Н.</i> Интерпретирующая роль грамматики в презентации знаний о мире	32
<i>Борискина О.О., Шилихина К.М.</i> Корпусное исследование английских маркеров противительных отношений в свете теории семантико-функциональной грамматики	40
<i>Васильев Л.Г.</i> Падежные грамматики в американском языкознании	48
<i>Величко А.В.</i> Конверсные структуры и синтаксическая синонимия	56
<i>Всеволодова М.В.</i> Современный уровень русской грамматики и других славянских языков. Объективная грамматика и проблемы грамматикализации	64
<i>Казаков В.П.</i> Имплицитные компоненты смысла в конструкциях с деепричастными оборотами	73
<i>Казарина В.И.</i> Модальная оценка предположения в семантике русского предложения	80
<i>Крючкова Л.С.</i> Семантическое пространство русской падежной и предложно-падежной системы	88
<i>Онищенко Н.К.</i> От функционального синтаксиса – к коммуникативной грамматике	94
<i>Петров А.В.</i> К вопросу об определении безличного предложения в современном русском языке	102
<i>Попова Е.А.</i> Структурно-семантические особенности и нарративный потенциал сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными	110
	517

<i>Рогова К.А.</i> Пассив и актуальное членение предложения	118
<i>Роговнева Ю.В.</i> Новый взгляд на синтаксическое поле в русле коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой	123
<i>Селеменева О.А.</i> Предложения с семантикой «состояние природы, проявляемое изменением температуры» в русском языке..	127
<i>Сигал К.Я.</i> Редкое явление в синтаксисе сочинительных конструкций и его ортологическая интерпретация	133
<i>Сидорова М.Ю.</i> Грамматические правила и коммуникативно-функциональный подход	137
<i>Тарасенко Е.В.</i> Когнитивный аспект анализа структуры простого предложения	144
<i>Теремова Р. М.</i> Функциональная грамматика как теоретическая база обучения иностранных учащихся русскому языку.....	151
<i>Червоный А.М.</i> Семиотико-функциональный метод исследования категории языковой субъект.....	158
<i>Шарандин А.Л.</i> Теория лексической грамматики в аспекте семантико-функционального подхода	165
<i>Шипицына Г.М.</i> Взаимодействие лексики и грамматики в семантике слова и в системе языка	176
 Часть II. Семантико-функциональная грамматика и преподавание языков как иностранных	
<i>Аверьянова Н.А.</i> Семантико-функциональное поле длительности в русском языке.....	183
<i>Апостолиди А.А.</i> Описательные предикаты в иностранной аудитории	189
<i>Гаврилова В.И.</i> Энергетическое обеспечение изменений неодушевленных субстанций как основание залоговой классификации	195
<i>Гусман Тирадо Рафаэль</i> Еще раз о глагольном виде в испанском и русском языках.....	204
<i>Дардыкова Н.В.</i> Семантико-синтаксические особенности английских конструкций с аспектуальными глаголами.....	212
<i>Дедова О.М.</i> Субъектно-объектная конструкция обладания в текстах медицинского профиля	221
<i>Зозуля А.В.</i> Синтаксические условия реализации метафорических отношений (на примере французского отождествительно-предметного предложения)	227

<i>Иванова-Мицевич И.В.</i> Aspects of sentence meaning creation (integrative approach)	232
<i>Кожевникова Л.П.</i> Курс по грамматике на функционально-семантической основе (для студентов продвинутого этапа обучения)	241
<i>Козюра Т.Н.</i> Анализ семантико-структурного устройства простого предложения в номинативном аспекте (на материале французских предложений с возвратными глаголами)	245
<i>Ильина Т.В., Кольцова Л.М., Сидорова Е.В., Швецова О.А.</i> К вопросу об изучении выражения отношений противоречия в русском языке	249
<i>Корнева В.В.</i> Структурно-семантические свойства субстантивно-адвербальных конструкций в испанском языке	257
<i>Лапынина Н.Н.</i> Особенности функционирования синтаксических конструкций с компонентом <i>если говорить о..., то...</i> в современном русском языке	261
<i>Ларина Т.В., Скребова Е.Г.</i> Современные тенденции обучения иноязычной профессиональной коммуникации в военных вузах	270
<i>Лебедева А.Л.</i> Ситуации тактильного восприятия в курсе по семантико-функциональному синтаксису для иностранных стажеров	278
<i>Лутфуллина Г.Ф.</i> Синтаксические конструкции восприятия во французском языке	283
<i>Матвеева О.И.</i> Семантико-функциональное поле нумеративных предложений и смежные поля	287
<i>Милованова М.С.</i> Семантика и грамматика слова <i>против</i> в современной научной интерпретации	292
<i>Орехова Е.Е.</i> Сравнительный анализ русских и китайских безличных конструкций в ситуативно-структурном аспекте	297
<i>Правда Е.А.</i> Сравнительные конструкции в поэтической речи: опыт полевого анализа	304
<i>Саввина С.Л.</i> Актуализирующий аспект устройства предложения (на материале локативных конструкций в русском и английском языках)	308
<i>Скребова Е.Г.</i> Функционирование сложноподчиненных предложений векторной направленности в немецких художественных текстах	314
<i>Суикова И.М.</i> Простые предложения со значением принадлежности в номинативном аспекте	324

<i>Фарха Е.Н., Козюра Т.Н.</i> Предложения процессуального состояния субъекта в свете релятивно-структурного подаспекта номинативного аспекта (на материале русского, испанского и французского языков)	329
<i>Федоров В.А.</i> Русские языковые средства, переводимые французскими конструкциями <i>il semble, il paraît</i>	334
<i>Филатова В.Б.</i> Семантико-функциональный подход к изучению локативно-посессивных предложений с местоименно-инфinitивным оборотом	341
<i>Фирсова Р.А.</i> Синонимия форм лица в русском языке	346
<i>Шкунников В.А.</i> Типовые особенности квантитативного действия русского глагола	350
<i>Щербакова А.В.</i> Корреляция свойств репрезентантов подлежащего и вещественного компонента сказуемого пассивно-процессного предложения во французском языке	355
<i>Ясаи Л.</i> О двувидовых глаголах (семантико-функциональный аспект)	361
Часть III.	
Единицы семантико-функционального описания языков	
<i>Бабушкин А.П.</i> Синтаксические структуры номинативного типа как варианты языковой игры	369
<i>Багана Ж., Ширлина Е.Н.</i> Синтаксические функции устойчивых предложно-именных сочетаний в немецком языке	374
<i>Белякова Г.В.</i> О потенциале словообразовательной категории	381
<i>Буянова Л.Ю.</i> Текст как репрезентативное единство семантико-функциональных параметров	384
<i>Василенко А.П.</i> Сопоставление разноязыковых фразеосистем: номенклатурный аспект (на примере французского и английского языков)	389
<i>Гаврилкина Т.Ю.</i> Оттопонимические дериваты: выбор говорящего (на материале названий жителей Астраханской области)	395
<i>Гришаева Л.И.</i> Насколько организован информационный поток в медиапространстве?	399
<i>Ипполитов О.О.</i> Частные замечания о структуре и трансляции когнитивного образования «Распоряжение» как элементе «Жизненного пути-дороги» и его анализе на уроках русского языка как иностранного	407

<i>Кретов А.А.</i> Об «орфографичности» Московской фонологической школы	412
<i>Латинская И.П.</i> В пространстве смысла «Коммуникативной грамматики русского языка»	415
<i>Латинская И.П., Денисова М.А.</i> Имена собственные бизнес-объектов: семантика и грамматика коммуникативных единиц стиля рекламы.....	422
<i>Мартынычева А.С.</i> Функционирование имени существительного в презентации грамматической категории перцептивности.....	426
<i>Маслова А.В.</i> Компаративные обороты с предлогом <i>в противоположность</i> в русской художественной литературе XIX–XXI веков	430
<i>Михеева С.Л.</i> Периферия поля обусловленности: признаковые слова при выражении причинных отношений	434
<i>Начерная С.В.</i> Топосы в судебной речи: причинно-следственная позиция	439
<i>Немкова В.А.</i> Взаимосвязь категорий времени и лица в оригинале и английском переводе (на материале повестей А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и Л. Петрушевской «Время ночь»).....	443
<i>Пономарева Ю.Л.</i> Речевая системность богослужебного текста в данных семантики (на материале притчи Соломона).....	446
<i>Попова З.Д.</i> Синтаксические предпочтения стихотворного текста	452
<i>Принадчев А.А., Зяблицева Н.А.</i> Лингвистический анализ текста в аспекте герменевтики (на материале произведения жанра «притча»)	457
<i>Принадчев А.А., Плешкова А.Г.</i> Герменевтика как стратегия анализа текста Соломона «Экклезиаст» (на материале произведения жанровой формы «литературное завещание»).....	466
<i>Стернин И.А., Цофина Ю.А.</i> Проблемы семантико-функционального описания междометий	473
<i>Уржса А.В.</i> Реализация значения итеративности в оригинальном и переводном текстах: семантико-функциональный аспект.....	482
<i>Харченко В.К.</i> «Претензии к грамматике» в зеркале разговорного дискурса.....	494
<i>Штонда Ю.А.</i> Функции прецедентных феноменов в проповеди ...	501
Сведения об авторах	509

Научное издание

Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике

Сборник материалов Всероссийской научно-методической
конференции с международным участием,
посвященной 65-летнему юбилею Виктора Юрьевича Копрова

21–22 октября 2016

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86б, 2.
Отпечатано в типографии ИП Алейникова О.Ю.
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86б, 12.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 32,63. Тираж 200 экз.